André Kobzar

SELECTED TEXTS

in multiple languages,
predominantly in Russian

Continuously updated.

Version as of

2026-Oct-13

474 pages

Online version: https://kobzar.be/creos/A4.pdf

http://kobzar.be

These texts have once been published:

in my **blog**

▶ http://kobzar.be/blog

in my **Telegram channel**

▶ https://t.me/s/Andre_Kobzar

on **YouTube**

▶ https://www.youtube.com/playlist?list=PLraZy8GqqB3NGp6Fx4pXieTTGjlEFGNlA

There's nothing here worth publishing. I have something to say to certain people, but I have absolutely nothing to say to humanity.

Издавать тут нечего.
Мне есть что сказать отдельным людям, но мне решительно нечего сказать человечеству.

Il n'y a rien ici qui mérite d'être publié.
J'ai des choses à dire à certaines personnes, mais je n'ai absolument rien à dire à l'humanité.

Qui non c'è nulla da pubblicare.
Ho qualcosa da dire a certe persone, ma non ho assolutamente nulla da dire all'umanità.

Тут немає чого видавати.
Мені є що сказати окремим людям, але мені рішуче нічого сказати людству.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Всевышній благоволилъ столь обильно излить свое благословеніе на сіе скудоумное мое сочиненіе, что оное не токмо съ особеннымъ благоволеніемъ принято въ моемъ отечествѣ, но и во многихъ государствахъ; и потому оно было многократно печатано, и на многіе чужестранные языки переведено. Что самое и побудило меня при семъ послѣднемъ тисненіи со всевозможнымъ стараніемъ оное высмотрѣть, и исправить нѣкоторыя погрѣшности, какія нашлись въ первыхъ изданіяхъ, а особливо въ тѣхъ, надъ коими я не могъ имѣть смотрѣнія; не опустилъ я также и нѣчто дополнить; а потому и надѣюсь, что сіе изданіе будетъ еще съ большимъ благоволеніемъ принято.

© Charles Drelincourt (1595–1669)
“*Consolations de l'âme fidèle contre les frayeurs de la mort*”, 1651

Table of Contents

1. Poetry.....10

1.1 Poesia in italiano.....10

1.1.1 « La tua bellezza ».....10
1.1.2 « Sentinella ».....11
1.1.3 « Riscaldo ».....12
1.1.4 « Sogno di notte ».....15
1.1.5 « La giornata più lunga ».....16
1.1.6 « Fantasma ».....21

1.2 Poezja w języku polskim.....26

1.2.1 « Gwiazdeczka ».....26

1.3 Poésie en français.....28

1.3.1 « La pire des peines ».....28
1.3.2 « Colombine ».....29

1.4 Poetry in Armenian.....34

1.4.1 « Գեղեցիկ կին ».....34

1.5 Стихи на русском.....35

1.5.1 « Наш Париж ».....35
1.5.2 « С небес на землю ».....36

1.6 Poetry in Persian (Fārsi).....38

1.6.1 « « در دست چپ یا راست؟ ».....38

2. Texts.....39

2.1 Texts in English.....39

2.1.1 Who is that language for me.....39
2.1.2 Kobzar — origin of the name.....40
2.1.3 Price ⇒ Quality.....42
2.1.4 Lucky Generation X.....44
2.1.5 Her Majesty the Speed.....71
2.1.6 Email vs. Instant Messengers: the battle.....73

2.2 Textes en français.....76

2.2.1 J’étais, suis et resterai charlie.....76
2.2.2 Bonjour et bonjoure.....77
2.2.3 Qu’un sang impur.....80
2.2.4 Laissez les enfants tranquilles.....81

2.3 Тексти українською.....81

2.3.1 Схуднення.....81
2.3.2 Неважливий час.....82
2.3.3 Список південних країн.....82

2.3.4 Від яких ще інших?....83
2.3.5 Працюють усі радіостанції Радянського Союзу....84
2.3.6 Художня література....85
2.3.7 Гадання по недоїдках....85

2.4 Testi in italiano....85

2.4.1 Domani cacceranno té....85
2.4.2 Il lusso di essere libero....86
2.4.3 Che cosa c'è di sorprendente?....86

2.5 Тексты на русском....87

2.5.1 О смысле жизни....87
2.5.2 Об искусстве и любви....88
2.5.3 Здравствуйте и цацики....89
2.5.4 Трактористом у Мефистофеля....93
2.5.5 Отцу на работу....100
2.5.6 Скульптор и его Муза....109
2.5.7 Называя тебя папой....133
2.5.8 Песнь песней царя Соломона....136
2.5.9 Самсон и Далила....140
2.5.10 Формула любви....146
2.5.11 Полдня на Марсе....155
2.5.12 Почти Америка....181
2.5.13 Двадцать шлагбаумов до счастья....208
2.5.14 Разговор со стулом....235
2.5.15 Мистер Даутфайр....244
2.5.16 Моя Lietuva....254
2.5.17 Радистка Кэт....267
2.5.18 Ноль тринадцать....271
2.5.19 День расстрела Чиполлино....275
2.5.20 Я бессмертен....277
2.5.21 Письмо никого из ниоткуда....280
2.5.22 Кастинг....284
2.5.23 Техника....285
2.5.24 Чудесное просветление....287
2.5.25 Тренинги....288
2.5.26 Запретное слово....290
2.5.27 На самом деле....293
2.5.28 Морализаторы....294
2.5.29 Игры разума....298
2.5.30 О попытке изменить человека марксизмом....299
2.5.31 Давид и голиафы....304
2.5.32 Мои университеты....306
2.5.33 Розеттский камень....308
2.5.34 В сантиметре от....314
2.5.35 Запрещалкины....316
2.5.36 Возраст 50+ в глазах социума....322
2.5.37 Об обиде....323

2.5.38 О правде....324
2.5.39 О зависти....325
2.5.40 О людях искусства и науки....326
2.5.41 О сравнениях и аллегориях....327
2.5.42 О гордости....328
2.5.43 Улыбка на устах....329
2.5.44 Как югославский партизан....330
2.5.45 Польза от умственной неполноценности....335
2.5.46 Закрытая комната....336
2.5.47 Апофеоз красоты....339
2.5.48 Цирк....340
2.5.49 Рукопожатие выжившего....342
2.5.50 Еврейско-армянские ассоциации....345
2.5.51 Современный детектив....347
2.5.52 Каким я был в детстве....348
2.5.53 Собственное вероучение....350
2.5.54 Дефенестрация....351
2.5.55 Жеткиншек....351
2.5.56 Идеологемы: “всё-таки”....352
2.5.57 Лучшая из цитат....353
2.5.58 Свобода или сытость?....354
2.5.59 Мы — малыши....355
2.5.60 Упростите выражение....356
2.5.61 79 квинтиллионных....356
2.5.62 Наука vs. вера....357
2.5.63 Тело для науки....358
2.5.64 Барионы vs. Антибарионы....359
2.5.65 Бледно-голубая точка....360
2.5.66 8½ МДж — это много или мало?....360
2.5.67 О восприятии времени....361
2.5.68 Мои пароли....362
2.5.69 La Sinfonietta de Genève....364
2.5.70 Футы, дюймы и непонятки....364
2.5.71 Почему я не использую ИИ....366
2.5.72 Искусственный интеллект: шок....367
2.5.73 Расизм и сексизм....368
2.5.74 Домашняя страничка....369
2.5.75 Собственный выбор, а не “ленточный”....370
2.5.76 Защита privacy: поможет кайло....370
2.5.77 Тебе откроется!....370
2.5.78 Павлизм-шаулизм....372
2.5.79 Почему католицизм....378
2.5.80 Крещение Иисуса Иоанном Крестителем....380
2.5.81 О Святом Андрее....381
2.5.82 Михаил Креститель....382
2.5.83 О Тридентской мессе....386
2.5.84 Языки: многая языки — многая печаль....387

2.5.85 Моя методика в изучении языков....387
2.5.86 Языки одной группы....393
2.5.87 Латинские афоризмы....393
2.5.88 Языки мужские и женские....394
2.5.89 Языки: акценты....395
2.5.90 Языки: итальянский vs. французский....396
2.5.91 Языки: испанский....396
2.5.92 Родной язык в иноязычной среде....397
2.5.93 Языки: учить итальянский или испанский?....398
2.5.94 Языки: об артиклях....399
2.5.95 Языки: произношение в английском....400
2.5.96 Выгодные и "прощающие" языки....400
2.5.97 Latina — lingua universalis....401
2.5.98 Языки: латынь....402
2.5.99 О пользе коммуникации любыми средствами....403
2.5.100 Работа с текстами и шрифтами....404
2.5.101 О длинных текстах....405
2.5.102 Восприятие текста....405
2.5.103 Пиктограммы....406
2.5.104 Сначала лучшее или худшее?....406
2.5.105 О «Гамлете»....407
2.5.106 О "ненормальности"....408
2.5.107 Звук «R»....408
2.5.108 Женский журнал “Flair”....409
2.5.109 Сразу на Эверест....410
2.5.110 Одинаковые мужики....411
2.5.111 Перевирание моей фамилии....412
2.5.112 О популярности в сети....412
2.5.113 Измерительные приборы....413
2.5.114 Отношение к еде....414
2.5.115 Этанол: a+b = b+a....415
2.5.116 О футбольном чемпионате....416
2.5.117 Футбол: первая встреча....417
2.5.118 Политическое кредо: либертарианство....418
2.5.119 Герои-одиночки....420
2.5.120 Когда стало ясно, что мы будем жить....421
2.5.121 Зачем бояться того, чего нет и никогда не будет?....422
2.5.122 Сила свободной прессы....424
2.5.123 Генри Киссинджер....425
2.5.124 Музыка: Лучшая в мире песня....426
2.5.125 Музыка: Лучшая #2 в мире песня....426
2.5.126 Музыка: "Dicitencello vuje"....427
2.5.127 Играть, не зная нот....427
2.5.128 Классическая музыка: Бах....428
2.5.129 Классическая музыка: инструментально-хоральная....429
2.5.130 Классическая музыка: опера....430
2.5.131 Моя хореография....431

2.5.132 Сны....431
2.5.133 Внебрачные дети....432
2.5.134 Культурные открытия: день рождения....432
2.5.135 Прямая демократия в Швейцарии....433
2.5.136 О конкурсе "Евровидения"....434
2.5.137 Старая школа в Бургундии....435
2.5.138 Концерт иранской поп-звезды....436
2.5.139 О темноте в Женеве....437
2.5.140 Раскрутить аудиторию на раз....437
2.5.141 Часовые пояса....438
2.5.142 Дух Рождества....439
2.5.143 О библиотечных пунктах....440
2.5.144 "Эскалада" в Женеве....440
2.5.145 Карнавал....441
2.5.146 Безопасности не существует....442
2.5.147 Последний квадрант....443

3. Reminders of newsletters....444

3.1 Напоминания по-русски....444

3.1.1 "В. Шекспир". Отелло....444
3.1.2 "А.П. Чехов". Аналитик. Рассказ....454
3.1.3 Либретто к опере Ж. Бизе "Кармен"....463
3.1.4 "Б. Полевой". Повесть о настоящем человеке....468

3.2 Reminders in English....471

3.2.1 "Dan Brown". Angels and Demons. Penultimate Chapter....471

1. POETRY

1.1 Poesia in italiano

1.1.1 « La tua bellezza »

Dal tuo amor son stordito, distrutto.
Quando sorridi dimentico tutto.
Quando ti muovi con tanta finezza
Perdo la testa
    E impazzisco
        Per la tua bellezza.

Quando mi parli non capisco le parole,
Guardo il tuo viso, ma vedo il sole.
Son accecato dai sogni insani:
Vedo soltanto
    Le tue labbra
        E gli occhi castani.

Muoio vedendo questo corpo divino,
Brucio nel fuoco del tuo sguardo felino.
È una follia, una ebbrezza…
Son un ostaggio,
    Un prigioniero
        Della tua bellezza.

2024-Mar-11

🗣 *Sung as a song*
▶ *https://youtu.be/kJ5r4r8jVNo*

Перевод на русский

> **« Твоя красота »**
>
> Твоя любовь меня оглушила, уничтожила.
> Когда ты улыбаешься, я забываю обо всём на свете.
> А когда ты двигаешься с таким изяществом,
> Я теряю голову

> И схожу с ума
> От твоей красоты.
>
> Когда ты говоришь мне что-то, я не понимаю слов.
> Я смотрю на твоё лицо, но вижу я солнце.
> Я ослеплен безумными мечтами:
> Я вижу только
> Твои губы
> И твои карие глаза.
>
> Умираю, когда вижу это божественное тело,
> Сгораю в огне твоего кошачьего взгляда.
> Это сумасшествие, это опьянение:
> Я заложник,
> Я пленник
> Твоей красоты.

1.1.2 « Sentinella »

Quando dormi sono accanto a te,
Senza fiato ti ammiro
E ascolto la bella musica:
L'armonia del tuo respiro.

La tua mano poggia sul petto mio,
Soavemente mi abbracci.
Impietrito, non oso muovermi,
Sentinella della tua pace.

Dolcemente sfioro i capelli tuoi,
La tua pelle vellutata.
Mi delizio di ogni istante con
La mia Bella Addormentata.

Ninnananna si versa dal mio cor
Sottovoce, piano piano.
Io non dormo e veglierò ancor
Baciando la seta della tua mano.

2024-Mar-22

🗣️ *Sung as a song*
▶ *https://youtu.be/Wd0dGRWOVp0*

Перевод на русский

> **« Страж »**
>
> Когда ты спишь, я рядом с тобой.

> Затаив дыхание, я любуюсь тобой.
> И я слушаю прекрасную музыку:
> Гармонию твоего дыхания.
>
> Твоя рука лежит на моей груди,
> Ты нежно обнимаешь меня.
> Я замер, я не смею пошевелиться,
> Я охраняю твой сон, как страж.
>
> Нежно касаюсь твоих волос,
> Твоей бархатистой кожи.
> Я наслаждаюсь каждым мгновением
> С моей Спящей Красавицей.
>
> Шёпотом, тихо-тихо
> Льётся колыбельная из моего сердца.
> Я не сплю. И я не усну:
> Буду целовать шёлк твоей руки.

1.1.3 « Riscaldo »

Hai un problema che ti dà pena?
Risolvo.
Preoccupata dal peso sul cuore?
Ascolto.

Sei a terra? Giù di morale?
Sollievo.
Piangi di lacrime calde?
Le bevo.

Parli dei tuoi successi?
Gioisco!
Ti lagni dei fallimenti?
Capisco…

Basta lavare i piatti!
Lo faccio.
Non rovinarti le mani!
Le bacio.

Vedo che il filo è rotto —
Lo saldo.
Piedi ghiacciati? Mani gelate?
Riscaldo.

Vedo che tremi dal freddo —
Ti avvolgo.
Nella tua voce sommessa
Mi sciolgo.

Vuoi restar sola, tranquilla?
Sparisco.

Stanca della mia ciancia?
Zittisco.

Stai facendoti bella?
Osservo.
Vieni a tavola, cara!
Ti servo.

Sempre restar al tuo fianco —
Lo bramo.
Voglio inabissarmi in te.
Ti amo.

2024-Nov-09

🗣️ *Voice:*
▶ *in YouTube https://youtu.be/dlrY50i3ccs*
▶ *on my website: http://kobzar.be/creos/poem-it-05.mp3*

Перевод на русский

« Согрею »

Эпиграф: «Какая холодная ручка! Позволите мне согреть её?».
(опера “Богема” Джакомо Пуччини, ария Родольфо, I акт)

Тебя беспокоит проблема?
Решу её.
Тяжкий груз у тебя на душе?
Выслушаю.

Тебе плохо? Настроения нет?
Подниму его.
Плачешь горючими слезами?
Я *выпью* их.

Рассказываешь о своих успехах?
Радуюсь!
Жалуешься на неудачи?
Пойму...

Оставь грязную посуду!
Я помою.
Не порти свои ручки,
Дай я поцелую их.

Вижу, что провод сломался —
Починю.
Ножки ледяные? Ручки замёрзли?
Согрею.

Вижу, что вся дрожишь от холода —
Укутаю тебя.

В твоём тихом голосе
Я растворяюсь.

Хочешь спокойно побыть одна?
Исчезаю.
Устала от моей болтовни?
Умолкаю.

Ты прихорашиваешься,
А я смотрю на тебя.
Прошу к столу, дорогая,
Покормлю тебя.

Всегда быть рядом с тобой —
Я этого жажду.
Я хочу утонуть в тебе, как в бездне.
Я люблю тебя.

Translation into English

« I Shall Warm Them »

«What a frozen little hand! Will you let me warm it?».
(Giacomo Puccini's "La Bohème" opera, aria of Rodolfo, Act I)

Dost thou have a problem that troubleth thee?
I shall solve it.
Art thou burdened with a weight upon thy heart?
I listen unto thee.

Art thou downcast? Feeling low?
I shall bring thee relief.
Art thou weeping hot tears?
I shall drink them.

Thou speaking of thy triumphs?
I rejoice!
Thou lamenting thy failures?
I comprehend...

Stop washing the dishes!
I shall do it.
Damage not thy hands!
I shall kiss them.

I see that the wire is broken —
I shall weld it.
Cold feet? Frozen hands?
I shall warm them.

I see thee shivering from the cold —
I shall enfold thee.
In thy gentle voice
I am melting.

Thou desirest to be alone in peace?
I shall vanish.

> Weary of my chatter?
> I shall hold my tongue.
>
> Thou art making thyself ready —
> I behold thee.
> Come to the table, my dear!
> I shall serve thee.
>
> Staying ever by thy side —
> That is what I desire.
> I want to drown in thee, as in an abyss.
> I love thee.

1.1.4 « Sogno di notte »

Scese la sera, scende la notte, tutto si calma.
Resto da solo, sento soltanto il mio cardiopalmo.
Dormono i laghi, montagne, vulcani, foreste, oceani.
Penso a lei, l'innamorata con gli occhi castani.

Il ciel è alto, immenso e pieno di stelle,
La notte è bella e nera come i suoi capelli.
Pensa a me? Svegliata? La vedrò? Quando?
Spero che pensi. Mi addormento e sto sognando.

Com'è? Volete che la descriva in una parola?
Non è possibile farlo purtroppo in una poesiola.
Dolce, sincera, cordiale — oh Dio! — bellissima,
Vera, profonda, sensuale — oh, è carinissima!

È una donna, ma sembra a me una… perla.
Voglio toccarla, voglio sentirla, voglio vederla!
Penso a lei, la sogno — lei soltanto!
Scende la notte. Il cuore batte. La voglio tanto!

2024-Feb-28

Voice:
- *YouTube: https://youtu.be/05qKGm4UPRU*
- *Website: http://kobzar.be/creos/poem-it-01.mp3*

Перевод на русский

> **« Ночные мечты »**
>
> Опускается вечер, наступает ночь, всё затихает.
> Я один, я слышу только биение своего сердца.
> Уснули озёра, горы, вулканы, леса, океаны,
> А я думаю о ней — о моей кареглазой возлюбленной.

> Высокое необъятное небо полно звёзд,
> Ночь прекрасна и черна — как и её волосы.
> Думает ли она обо мне? Проснулась ли? Увижу ли я её? Когда??
> Надеюсь, что думает. Я засыпаю и предаюсь мечтаниям.
>
> Какая она? Вы хотите, чтобы я описал её одним словом?
> К сожалению, в одном стихотворении это невозможно.
> Нежная, искренняя, сердечная — о боже! — красивейшая,
> Настоящая, глубокая, чувственная — о... она чудеснейшая!
>
> Она женщина, но мне она кажется жемчужиной.
> Я хочу прикоснуться к ней, я хочу почувствовать её, я хочу видеть её!
> Я думаю о ней, я мечтаю о ней, о *ней* одной!
> Наступает ночь. Сердце колотится. Я так сильно её вожделею!

1.1.5 « La giornata più lunga »

Servivit ergo Jacob pro Rachel septem annis:
et videbantur illi pauci dies præ amoris magnitudine.

וַיַּעֲבֹד יַעֲקֹב בְּרָחֵל שֶׁבַע שָׁנִים וַיִּהְיוּ בְעֵינָיו כְּיָמִים אֲחָדִים בְּאַהֲבָתוֹ אֹתָהּ׃

(בראשית Genesis 29:20)

Oggi trascorri del tempo con qualche amica.
Stare lontano da te — che fatica!
“Vieni con noi?” — “No, ho tre cosette da fare”.
Ti do un bacio e incomincio a aspettare.

Sei partita. Chiudo la porta, guardo gli intorni,
Ho otto ore di tempo prima che torni.
Fumo, poltrisco, fo niente, leggo sul letto —
Ammazzo il tempo. Conto le ore e ti aspetto.

Una scoperta! Osservazione buffona:
Vedo che la teoria d’Einstein non funziona!
Il flusso del tempo si è completamente fermato
E l’orologio è morto, gelato, sospeso, bloccato.

Scrivi: “Ti annoi?” Rispondo: “Oh no, cara, anzi!
Passa del tempo con queste gentili ragazze!
Io sto bene, goditi, cara bellezza!”
Mando un smile, ma il cuore, ahimè, mi si spezza.

E nella mente son tanti sogni e tante brame!
L’ora di pranzo. Mangio qualcosa, ma non ho fame.
Senza di vino: senza di te niente si beve.
Aspetterò. Presto berrò con Biancaneve.

Starsene otto ore tra le quattro mura
Senza di te — è una tortura, pura e dura.
Senza di te mi consumo e sto morendo.
Vieni, oh bella, sbrigati, “torna a Sorrento”!

Apro l’armadio e ci aggiusto i tuoi vestiti
Scelti con gusto, belli, di classe, puliti.
Tocco la gonna, liscio la blusa e poi inalo
Questa fragranza celeste di quella che amo.

Sento il profumo di te e commuovo.
Penso al momento stasera in cui ti ritrovo.
Metto il naso nei tuoi cuscini bianchi…
Mi rendo conto, oh bella, di quanto mi manchi!!

Perché ti amo, oh cara, ti metto in cima,
Perché il mio cor ti desira, esalta, sublima.
Pazzo di te, del tuo sguardo, degli occhi divini,
Pronto a baciare la sabbia su cui cammini.

Vo al balcone, fa caldo, ci stendo il bucato.
Manualmente, con cura, avevo lavato
Il tuo bel abito pieno di fiori e stelle
Che si ricorda ancora della tua pelle.

Guardo lo schermo: oh no, per favore!
Santa Maria del Fiore! Ancora tre ore!
Cento ottanta minuti senza toccarti!
Perché è tanta lunga la tua girls’ party?!

No… sto scherzando. Questo distacco, l’accetto.
Non solo ti amo, ma per di più — ti rispetto.
Ti senti bene — allora son lieto anch’io:
Il tuo benessere è quello che tanto desio.

Penso a te, agli occhi magnifici tuoi,
Immaginandoti — come se fossi con voi.
E alle sette avrò una gioia immensa:
Il tuo sorriso sarà la mia ricompensa.

Soffro di questa attesa, ma non mi lagno.
Spiano il nostro letto. Preparo un bagno:
Ne uscirai spargendo una aura fresca,
Ne uscirai con una raffinatezza gattesca,

Ne uscirai lucente, dolce e viva —
La mia regina, dea, bellissima diva…
Ti offrirò la vestaglia con tanta carezza
Senza volere coprire la tua bellezza.

Rifiuterai — con un gesto vezzoso e mite
E resterai più smagliante di Afrodite…
Basta sognare! La mia pena è quasi scontata,
Ora piuttosto preparo la tua entrata:

Apro la porta. Sento… i tuoi passi leggeri di piuma!
Entri, graziosa, con l’andatura di puma.
“Salve Regina!!” — esclamo e ti abbraccio.
Tanto felice, oh cara, ti stringo e… taccio.

Siamo a due! E come potrei rilasciare
Quella che dà la gioia di amare e volare?!
Sei a casa! Con me. E così è finita
Questa giornata più lunga della mia vita.

2024-Sep-06

🗣️ *Голосом:*
▶ *In YouTube: https://youtu.be/goTeqKVP2-Y*
▶ *In my place: http://kobzar.be/creos/poem-it-04.mp3*

Перевод на русский

« Самый длинный день »

Эпиграф: «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил её». (Бытие 29:20)

Сегодняшний день ты проводишь с подругами. Разлучаться с тобой — как это тяжело! “Хочешь, пойдём с нами?” — “Нет-нет, мне тут надо сделать пару дел”. Я целую тебя и начинаю... ждать.

Ты ушла. Я закрываю дверь, оглядываюсь по сторонам. До твоего возвращения целых восемь часов. Я курю, валяюсь, ничего не делаю, читаю на кровати. Я убиваю время. Я считаю часы и жду тебя.

О! Научное открытие! Забавное наблюдение: я вижу, что теория Эйнштейна не работает. Течение времени полностью остановилось: часы замерли, зависли, застыли.

Пишешь мне: «Скучно тебе?» Я отвечаю: «О, нет, моя дорогая, что ты! Проводи спокойно время с твоими хорошими подругами! Я в порядке, а ты наслаждайся, моя дорогая красавица!» Я посылаю тебе смайлик, но сердце моё, увы, разрывается.

А в душе у меня столько мечтаний и столько страсти! Время обедать. Я что-то ем, но я совсем не голоден. Я обедаю без вина: без тебя ничто меня не пьянит. Я подожду. Я выпью вечером — с моей дорогой Белоснежкой.

Восемь часов в четырёх стенах без тебя — это пытка, чистая пытка. Без тебя я чахну, без тебя я умираю. Ну же, красавица моя, когда же? «Вернись в Сорренто[1]»!

Я открываю шкаф и расправляю в нём твою одежду. Она выбрана тобой со вкусом: такая красивая, стильная, свежайшая. Я касаюсь твоей юбки, разглаживаю твою блузку, я вдыхаю этот небесный аромат той, которую я так люблю.

Я вдыхаю твой запах, и я опьянён им. Думаю о сегодняшнем вечере, когда я воссоединюсь с тобой. Я зарываюсь носом в твои белоснежные подушки и понимаю, красавица моя, как сильно я скучаю по тебе!!

[1] “Вернись в Сорренто” (“Torna a Surriento” на неаполитанском, “Torna a Sorrento” в итальянском переводе) — известная неаполитанская песня начала XX века синьора Де Куртиса.

Потому что я люблю тебя, дорогая, я возношу тебя до небес, потому что сердце моё тебя вожделеет, воспевает и восхваляет. Я без ума от тебя: от твоего взгляда, от твоих божественных глаз. Я готов целовать песок, по которому ты ходишь.

Выхожу на балкон, жарко, развешиваю там стирку. Я своими руками заботливо постирал твоё чудесное платье, усыпанное цветами и звёздами, которое ещё помнит тепло твоего тела.

Я смотрю на часы: о нет, только не это! О, Святая Мадонна, ещё три часа! Ещё сто восемьдесят минут я не смогу прикоснуться к тебе! Почему ваш девичник такой долгий?!

Нет, нет, что ты, это я так... Я нормально воспринимаю эту разлуку, ведь я не только люблю тебя, но и *уважаю* тебя: если хорошо тебе — значит, хорошо и мне. Я ведь хочу только того, чтобы *ты* была довольна.

Думаю о тебе, о твоих волшебных глазах, представляя себе тебя так, как если бы я был сейчас вместе с вами. А в семь часов меня ждёт великая радость: твоя улыбка станет мне наградой за ожидание.

Я страдаю от разлуки с тобой, но я совсем не жалуюсь. Я расправляю нашу постель. Готовлю ванну. Ты выйдешь из неё, излучая свежайшую ауру, ты выйдешь из неё со своей элегантной пластичностью кошки,

Ты выйдешь из неё светящейся, сладкой и живой — моя королева, богиня, прекрасная моя дива. С нежностью я предложу тебе халатик, втайне надеясь, что ты не станешь скрывать им свою красоту.

И да! — ты отвергнешь его своим изящным и мягким жестом. И ты останешься... ослепительнее самой Афродиты! Так, хватит мечтать! Свой срок я уже почти отбыл. Приготовлюсь-ка я лучше к твоему приходу.

Я открываю дверь. И я слышу... твои лёгкие, как пушинки шаги! Ты входишь походкой пумы, такая грациозная! «Salve Regina!!»[2] — восклицаю я и обнимаю тебя. Как я счастлив, моя дорогая! Я прижимаю тебя к себе и просто молчу.

Мы, наконец, вдвоём! Как я могу выпустить из объятий ту, которая дарит мне счастье любви и полёта?! Ты — дома! Ты — со мной! И вот так, наконец, и закончился этот самый длинный день в моей жизни.

Nederlandse vertaling

«De langste dag»

Epigraaf: «Alzo diende Jakob om Rachel zeven jaren; en die waren in zijn ogen als enige dagen, omdat hij haar liefhad». (Genesis 29:20)

Je brengt de dag door met wat vriendinnen. Weg zijn van jou — wat vermoeiend is dat! “Ga je met ons mee?” — “Nee hoor, ik moet nog een paar dingetjes doen”. Ik geef je een kus en begin... te wachten.

Je bent weg. Ik sluit de deur, ik kijk om me heen. Ik heb acht uur voordat je terugkomt. Ik rook, ik loop leeg, ik doe niets, ik lees op het bed — ik verluier de tijd. Ik tel de uren en ik wacht op jou.

[2] “Salve Regina” (латинский) — “Славься, Царица”, название христианского гимна. Здесь: в буквальном значении “Здравствуй, королева!”

Een ontdekking! Een verrassende observatie: ik zie dat Einsteins theorie niet werkt. De tijdstroom is volledig gestopt.En de klok is dood, bevroren, geblokkeerd.

Je schrijft: “Verveel je je?” Ik antwoord: “Oh nee, schat, integendeel! Breng tijd door met je goede vriendinnen! Het gaat goed met mij, geniet ervan, mijn lieve schoonheid!” Ik stuur je een smile, maar mijn hart is verscheurt, helaas.

En in de geest zijn vele dromen en vele verlangens!

Lunchtijd. Ik eet ietskes, maar ik heb geen honger. Zonder wijn: zonder jou kan ik niet drinken. Ik wacht liever. Straks drink ik met mijn Sneeuwwitje.

Acht uur zonder jou binnen de vier muren blijven — het is een marteling, puur en hard. Zonder jou verwelk ik en ik sterf. Kom, oh schat, haast je, “torna a Surriento”!

Ik open de kleerkast en ik zet je kleren recht: zo smaakvol gekozen, zo mooi, stijlvol en schoon. Ik raak jouw rok aan, ik streel jouw blouse en ik adem de hemelse geur in, de geur van de vrouw van wie ik hou.

Ik ruik de geur van jou en ik word er gek van. Ik denk aan het moment vanavond dat ik je weer zie. Ik steek mijn neus in je witte kussens en ik besef, oh schoonheid, hoeveel ik je mis!!

Want ik van jou hou, oh lieve, ik zet een kroon op jou, want mijn hart naar je verlangt en je verheft. Ik ben gek op jou, op jouw blik, op je goddelijke ogen. Ik ben klaar om het zand te kussen waarop je loopt.

Ik ga naar het balkon, het is warm, daar hang ik de was uit. Met mijn handen, zuinig en zorgvuldig, had ik jouw mooie jurk gewassen, vol bloemen en sterren die nog steeds aan je huid herinnert.

Ik kijk naar het scherm: oh nee, alstublieft! Onze-Lieve-Vrouw! Nog drie uur! Honderdtachtig minuten zonder te kunnen je aan te raken! Waarom duurt je girls’ party zo lang?!

Nee, hoor, ik overdrijf: ik aanvaard deze scheiding. Niet alleen hou ik van jou, maar bovendien heb ik veel respect voor jou. Als je voelt je goed, dan ben ik ook blij: jouw welzijn is wat ik wil.

Ik denk aan jou, aan je prachtige ogen. Ik stel me jou voor, alsof ik met jullie was. En om zeven uur zal ik een enorme vreugde krijgen: jouw glimlach zal mijn beloning zijn.

Ik heb last van dit wachten, maar ik klaag niet. Ik zet ons bed recht. Ik maak de bad klaar. Gij zult eruit komen met een frisse uitstraling, gij zult eruit komen met een verfijning van de kat,

Gij zult eruit komen, stralend, lief en levend — mijn koningin, mijn godin, mijn mooie diva. Ik zal je de kamerjas zo strelend aanbieden zonder je schoonheid te willen bedekken.

Gij zult de kamerjas weigeren — met een gracieus en zacht gebaar. En gij zult oogverblindender blijven dan Aphrodite.

Genoeg dromen! Mijn celstraf is bijna voorbij, liever bereid ik nu jouw aankomst voor.

Ik open de deur. Ik hoor... je voetstappen, licht als een veertje! Je komt binnen, zo gracieus, met de tred van een poema. “Salve Regina!!” — roep ik uit, en ik arm je om. Zo gelukkig, oh schatje, ik knuffel je liefkozen, en ik zwijg.

> Gij en ik! Hoe kan ik nu vrijlaten de vrouw die me de vreugde geeft: de vreugde van liefde en vlucht?!
>
> Je bent thuis! Bij mij.
>
> En zo beëindigd deze langste dag van mijn leven.

1.1.6 « Fantasma »

«Et cum spiritu tuo»

Son uno spirito immateriale, una chimera.
Esco dal corpo mortale e — volo!
Libero, privo di peso… e sempre solo:
Son un fantasma dissolto nell'atmosfera.

Viaggio attraverso la Terra e vado lontano:
Salgo sui monti e tocco il fondo del mare,
Dagli abissi neri alle aurore chiare —
Sono maestro di questo viaggio insano.

Senza ostacoli, volo senza confini:
Grecia, Antartide, San Salvador o Formosa —
Vo dove voglio, eppure, per prima cosa
Sono attratto dal Regno in cui tu vivi.

Ti accompagno in tutto quello che fai:
Veglio sul tuo sonno, la "sentinella"[3],
Son diventato la tua amata cannella,
Son nella luce che tu stamattina vedrai.

Ovunque tu sia, sappi che sono vicino:
Sono nell'aria che graziosamente inali,
Son nella crema che stendi con gesti regali,
Sono nel burro che spalmi sul tuo panino.

Ovunque tu sia, sappi che sono accanto:
Son nella giacca che indossi con eleganza,
Impercettibile, solco la tua stanza —
Son abbagliato dal tuo divino incanto.

Suoni il pianoforte? Mi stendo sui tasti:
Son tra l'avorio e le tue belle dita,
Canto con te la tua aria preferita,
Son tra le note dell'opera che imparasti.

Che tu faccia sport, che cucini, che nuoti in piscina,
Il mio spirito ti affianca ovunque tu vada.
Resto con te, qualunque cosa accada.
Voglio sfiorar la tua anima dolce e fina.

Volo!.. sciogliendomi nel calore che tu emani.
Sarei felice di farmi carne in una forma:

[3] cf. § 1.1.2

Come la tua fragranza, la tua orma,
Come un ciglio finito negli occhi castani.

Ti assicuro, bella, non reco male:
Sono innocuo, non ti metterò a disagio!
Son un fantasma, un povero cane randagio,
Son intangibile, vuoto — io son irreale.

No, non temermi! Non porto dolor né offesa.
Non mi vedrai, non giungerai a toccarmi.
Non posso darti altro che questi carmi
Perché la fiamma in me è tuttora accesa.

Sì, vado pazzo per l'anima tua e l'apparenza.
Come sospeso, galleggio, il poverello.
Hai reso, cara, il nostro mondo più bello,
Hai adornato il pianeta con la tua presenza.

Come un tempo, voglio baciarti, ma non riesco:
Non ho né labbra né voce né viso né mani.
Noi fantasmi siam spiriti, non siam umani.
Sono grottesco nel mio amore pazzesco.

Non ero degno di te. Son riconoscente
Alla Sostanza divina: mi ha donato
Questa fortuna di amarti. Le sono grato
E pregherei per te… se solo fossi credente.

Sono già morto. Ma anche quando sentivo
Il tuo nettare d'oro — in quel momento
Io vivevo… allontanando il sentimento
D'esser evanescente e illusivo.

Anche se hai sentito per pochi giorni d'inverno
Una fiammella che ardeva per me nel tuo cuore —
Son già felice d'aver conosciuto il tuo amore,
"Di più non chiedo": pronto a tutto, persino all'inferno.

Sperar di rinascer, di risentir? Un errore.
"Lasciate ogne speranza", tutto è vano.
La nostra favola è un ricordo lontano:
Non riprenderò la fortezza del tuo bel cuore.

Tutto di me va a te, ma ti lascio in pace:
So che la porta del tuo giardino è chiusa.
Proseguirò quest'esistenza oscura, confusa,
Non cambierò le cose: non ne sono capace.

Son un miraggio: ecco il mio triste destino.
Prendere forma — lo voglio, ma come farlo??
Non faccio nulla, non muovo un passo, non parlo.
Cosa mi resta? Viaggi nell'aria, dolci ricordi e vino.

La nullità… Ne soffro molto, a volte piango:
Sono effimero, son un concetto astratto.

Son un fantasma. Punto. Così è fatto.
Lo son rimasto sempre. E lo rimango.

2026-Apr-08

Voice:
▶ *YouTube: https://www.youtube.com/watch?v=pRbRHekowkA&list=PLraZy8GqqB3NGp6Fx4pXieTTGjlEFGNlA*
▶ *Website: http://kobzar.be/creos/poem-it-06.mp3*

Перевод на русский

« Призрак »

«Et cum spiritu tuo» = «И со духом твоим»
— ответ паствы священнику по Ординарию латинской мессы

Я бестелесный призрак, я — химера. Покидаю своё бренное тело и — лечу! — невесомый, свободный и... всегда одинокий. Я — призрак, растворившийся в воздухе.

Брожу по Земле и забираюсь далеко: возношусь на горные вершины и достигаю дна морского, от чёрных бездн до ясных зорь — я сам себе хозяин в этом безумном путешествии.

Безо всяких препятствий я лечу сквозь любые границы: Греция, Антарктида, Сан Сальвадор или Тайвань — я лечу, куда мне захочется, но прежде всего меня тянет в Королевство, в котором живёшь Ты.

Стремлюсь к тебе, что бы ты ни делала: охраняю твой сон, как “страж“; я превращаюсь в твою любимую корицу; я — в том свете дня, который ты наутро увидишь.

Где бы ты ни была, знай, что я недалеко от тебя: я в воздухе, который ты так грациозно вдыхаешь; я в том креме, который ты наносишь королевским жестом; я в том масле, которое ты намазываешь на свой хлеб.

Где бы ты ни была, знай, что я рядом: я — в том жакете, который ты так элегантно надеваешь. Неосязаемый, я пролетаю сквозь твою комнату — я ослеплён твоей божественной пленительностью.

Играешь на фортепиано? Я стелюсь по клавишам: я — между слоновой костью клавиш и твоими красивыми пальцами. Я пою вместе с тобой твою любимую мелодию. Я — среди нот произведения, которое ты разучила.

Занимаешься ли ты спортом, готовишь ли, плаваешь ли в бассейне: мой дух идёт за тобой, куда бы ни шла ты. Я остаюсь рядом, что бы ни случилось. Я хочу прикоснуться к твоей чудесной и тонкой душе.

Лечу!.. купаясь в тепле, которое ты излучаешь. Я был бы счастлив воплотиться в какой-то форме: как твой аромат, как оставляемый тобою след, как ресничка, попавшая в твои карие глаза.

> Уверяю тебя, дорогая, я не несу никакой угрозы: я безвреден, я никогда не поставлю тебя в неловкое положение! Я — призрак, как жалкий бродячий пёс. Я неосязаем, я пуст — я нереален.
>
> Прошу, не бойся меня! Я не причиню ни боли, ни стеснения. Ты не увидишь меня и не сможешь случайно коснуться меня. Всё, что я могу дать тебе, это эти стихи, потому что пламя во мне так и горит.
>
> Да! я восхищён твоею душою и ликом твоим. Я, горемыка, парю, словно подвешенный в воздухе. Ты, милая, сделала наш мир красивее. Ты украсила планету тем, что ты на ней живёшь.
>
> Как и когда-то, я хочу снова целовать тебя, но я не могу: у меня нет ни губ, ни голоса, ни лица, ни рук. Мы ведь призраки, мы ведь духи, а не люди. Я вообще смешон в своей сумасшедшей любви к тебе.
>
> Я не был достоин тебя. Но тем не менее я признателен Небу, за то, что оно даровало мне это счастье любить тебя! Я благодарен Небу, и я молился бы за тебя, если бы только я был верующим.
>
> Я уже мёртв. Но даже тогда, когда я вкушал твой сладкий нектар — в тот момент я жил... прогоняя от себя ощущение собственной призрачности и иллюзорности.
>
> Даже если обращённый ко мне огонёк в твоём сердце горел всего несколько зимних дней, я уже счастлив от того, что мне довелось познать твою любовь. “Большего я не прошу”[4], и за это я готов отправиться хоть бы и в ад.
>
> Надеяться воскреснуть и вновь испытать испытанное — ошибка. “Оставь всякую надежду”[5] : всё тщетно. Наша с тобой сказка осталась в далёком прошлом: мне не взять ещё раз крепость твоего сердца.
>
> Всё во мне звучит тобой, но я оставляю тебя в мире: знаю, что дверь твоего сада закрыта. Я продолжу своё тёмное и смутное существование, я не смогу изменить положение вещей: я на это неспособен.
>
> Я — мираж: вот моя печальная судьба. Предстать во плоти — я хочу этого, но как это сделать?? Я не делаю ничего, ни шага, я даже не говорю ничего. Что остаётся мне? Эти путешествия по воздуху, сладкие воспоминания да вино.
>
> Небытие... Я страдаю от него, порой и плачу: я эфемерен, я — абстрактная субстанция.
>
> Я — призрак. Точка. Так тому и быть.
>
> Я всегда был призраком.
>
> И я остаюсь призраком.

Translation into English

«Et cum spiritu tuo»

> I am an immaterial spirit, a chimera. I leave my mortal body and — I fly! Weightless, free, and... always alone: I am a phantom dissolved in the air.

---

[4] строчка из арии Неморино «Una furtiva lagrima» оперы Гаэтано Доницетти «Любовный напиток» (1832), Акт II, Сцена 2, си-бемоль минор, в конце мажор.

[5] “Оставь надежду, всяк сюда входящий”: © Данте Алигьери, “Божественная комедия”, глава “Ад”, стих 3, строка 9.

I travel across the Earth and go afar: I climb the mountains and touch the floor of the seas, from the black abysses to the sunny dawns — I am master of this insane journey.

With no obstacles, I fly without borders: Greece, Antarctica, San Salvador or Taiwan — I go where I want, and yet, above all, I am drawn to the Kingdom in which you live.

I accompany you in everything you do: I watch over your sleep, the “sentry“; I have become your beloved cinnamon; I am in the light you will see this morning.

Wherever you are, know that I am near: I am in the air you gracefully inhale, I am in the cream you spread with your royal gestures, I am in the butter you spread on your bread.

Wherever you are, know that I am in the vicinity: I am in the jacket you wear with elegance. Imperceptible, I cross your room — I am driven mad by your divine enchantment.

You play the piano? I stretch upon the keys: I am between the ivory of the keys and your lovely fingers; I sing with you your favourite melody; I am among the notes of the music piece you learned.

Whether you do exercises, cook, or swim in the pool, my spirit stands beside you wherever you go. I remain with you, whatever may happen. I long to touch your gentle, delicate soul.

I fly!.. dissolving in the warmth you are emitting. I would be glad to take on flesh in some form: like your fragrance, like your trace, like a lash fallen into your dark-brown eyes.

I assure you, dear, I bring no damage: I am harmless, I shall not make you uneasy at any point! I am a ghost, a poor stray dog, I am intangible, empty — I am unreal.

Please, do not fear me! I bring neither pain nor offence. You shall not see me, nor will you touch me. I can give you nothing but these verses, because the flame within me is still burning.

Yes, I go mad for your soul and your look. As if suspended, I drift, a poor one. You, my dear, have made our world more beautiful, you have adorned the planet with your presence.

As once, I wish to kiss you, yet I cannot: I have neither lips nor voice nor face nor hands. We ghosts are spirits; we are not humans. I am ridiculous in my crazy love for you.

I was not worthy of you. I am grateful to the Divine Substance: it has granted me this fortune of loving you. I am thankful, and I would pray for you... if only I were a believer.

I am already dead. Yet even when I was feeling your sweet nectar — in that moment I lived... pushing aside the feeling of being evanescent and illusory.

Even if, for a few winter days, you felt a small flame that burned for me in your heart — I am already happy to have known your love. “I ask no more”[6]: now ready for everything, even for hell.

[6] “Di più non chiedo”: phrase of Nemorino from the aria «Una furtiva lagrima» of the opera of Gaetano Donizetti «L’elisir d’amore» (1832), Act II, Scene 2, B ♭ minor, then B ♭ major.

> To hope to be reborn, to feel again? It's a mistake! "Abandon all hope"[7], all is vain. Our tale is now a distant memory: I shall not reconquer the fortress of your beautiful heart.
>
> All of me goes to you, yet I leave you in peace: I know that the gate of your garden is closed. I shall go on with this dark, confused existence, I shall change nothing: I am not capable of it.
>
> I am a mirage: such is my sad fate. To take form — I wish it, but how to do so?? I do nothing, I take no step, I don't speak. What remains then? Travels in the air, sweet memories and wine.
>
> Nothingness... I suffer it deeply, at times I weep: I am ephemeral, I am an abstract notion.
>
> I am a ghost. Full stop. Such is the fact.
>
> I have always been a ghost.
>
> And I remain a ghost.

1.2 Poezja w języku polskim

1.2.1 « Gwiazdeczka »

Na czarnym pochmurnym niebie,
Na tej naszej Drodze Mlecznej
Nie szukaj księżyca w ciemni
Próżni bezkresnej, wiecznej.

Nie szukaj w niebie Algieby.
I Wega, i Sieć są skryte.
Żyję, jakbym był ślepy,
I nie wiem już, dokąd idę.

Popatrz, tam, gdzie Bliźnięta,
Widzisz, tam, nad chmureczką
Świeci nam gwiazda jedna,
I jesteś ty tą gwiazdeczką.

Oświetlasz mi szlak mój szary.
Myślę o tobie co dnia —
Źródło mych siły i wiary,
Gwiazda moja przewodnia.

A kiedy istnienie ponure
Więcej mi nie wystarcza,
Spoglądam wtedy w górę
I szukam u gwiazdy wsparcia.

[7] "Abandon all hope, ye who enter here": © Dante Alighieri, "Divine Comedy", Chapter "Inferno", 3:9.

I w mej tęsknocie serdecznej
Jesteś nadzieją bycia,
Gwiazdą na Drodze Mlecznej,
Blaskiem na drodze życia.

2024-May-18

My voice:
- *YouTube:* *https://youtu.be/EqcYOAqLx8M*
- *Website:* *http://kobzar.be/creos/poem-pl-01.m4a*

Перевод на русский

« Звёздочка »

На чёрном, затянутом тучами небе,
На нашем Млечном Пути
Не ищи луну во тьме,
В этой бесконечной, вечной пустоте.

Не ищи в небе Альгебу:
Ни Вегу, ни Сетку не видно.
Я живу, словно слепой
И не знаю, куда мне идти.

Но посмотри, там, где Близнецы,
Видишь, там, над облачком
Одна звезда светит нам,
И эта звёздочка — ты!

Ты освещаешь мой серый путь.
Я думаю о тебе каждый день —
Источнике моих сил и веры,
Моей путеводной звезде.

И когда моё унылое существование
Меня больше не устраивает,
Тогда я смотрю наверх
И обращаюсь к звезде за поддержкой.

И в моей сердечной тоске
Ты — моя надежда.
Звезда на Млечном Пути,
Сияющий свет на пути моей жизни.

1.3 Poésie en français

1.3.1 « La pire des peines »

Parmi les châtiments qui heurtent, qui détruisent et blessent,
Parmi les peines sévères et graves par excellence
Il y en a une, spéciale, qui brise le cœur en pièces:
La pire de toutes les peines est… le silence.

Un téléphone muet, une lettre sans réponse,
Sa dernière phrase qui reste pendue en l'air…
Le vide… Le rien… Son ordre qui annonce
L'obligation catégorique de se taire.

Punir par l'inaction — quelle peine sophistiquée!
Pire qu'une reproche, qu'un clash ou qu'une tromperie
Est ce silence qui pèse et cette parole coupée
Qui font la preuve du froid et du mépris.

Une vie… sans vie… malgré un cœur battant.
Une épreuve horrible sans guillemets.
Au bout du compte: cette peine, c'est pour combien de temps?
Un an? Ou deux? Ou douze? Je crains… à tout jamais.

2024-Sep-24

My voice:
- *YouTube:* https://youtu.be/J0i-lXs1i_o
- *On website:* http://kobzar.be/creos/poem-fr-01.mp3

Перевод на русский

« Худшее из наказаний »

Средь всех наказаний, что задевают, что разрушают и ранят, средь всех ужасных видов боли есть одно наказание — *особое*, которое рвёт сердце на части: самое худшее из наказаний — это молчание.

Безмолвный телефон. Письмо без ответа. Её последняя фраза, повисшая в воздухе. Пустота… Ничто… И её приказ, объявляющий категорическое обязательство замолкнуть.

Наказание не действием, а бездействием — это изощрённая пытка. Ведь хуже, чем претензии, ругань или даже обман — это эта давящая тишина, это оборванное слово, которые демонстрируют холод и безразличие.

Жизнь безжизненна, хоть сердце и бьётся. Это — ужасное испытание без всяких кавычек. В конечном итоге, это наказание — сколько оно будет длиться? Год? Два? Двенадцать лет? Я боюсь, что это навсегда…

Nederlandse vertaling

> **« De ergste straf »**
>
> Onder de straffen die pijn doen, die vernietigen en verwonden, onder de zware en ernstige, bij uitstek, straffen — bestaat er een speciale pijn die het hart in stukken breekt: de ergste straf is... de stilte.
>
> Een stil telefoontje. Een onbeantwoorde brief. Haar laatste woord die in de lucht blijft hangen. De leegte... Het niets... Haar bevel dat de categorische verplichting om te zwijgen aankondigt.
>
> Bestraffen door niets te doen — wat een geraffineerde straf! Erger dan een verwijt, een botsing of een bedrog is deze stilte die weegt, dit onderbroken woord die de kou en onverschilligheid tonen.
>
> Een leven... die is levenloos... ondanks een hart dat klopt. Zo'n verschrikkelijke beproeving zonder aanhalingstekens. Aan het eind van de dag: hoe lang zal deze pijn duren? Een jaar? Of twee? Of twaalf?
>
> Ik vrees... dit is voor altijd...

1.3.2 « Colombine »

Il est minuit. Lumière éteinte, je lis.
Je pense à notre dernière nuit et je m'en réjouis.
C'était si fou ! Si brut et imprévu —
L'idylle la plus rapide que j'aie jamais connue.

C'était un simple souper : « Bonsoir, ça va, merci »,
Une discussion sincère sans gêne ni souci.
« Encore une goutte ? » — « Mais non, j'en ai assez. »
Saurai-je briser la glace ? C'est inutile — elle est déjà brisée.

On parle de tout en toute simplicité,
On rit, on vit… Au bout d'une heure, je note avec gaieté
Qu'à chaque minute, à chaque mon compliment,
Il tombe un mur et une forteresse se rend.

Tu portes un simple jean. Rien ne laisserait entrevoir
Que tu pouvais imaginer une autre chose qu'avoir
Un simple repas, une pause-cocktail sereine
En compagnie d'un mec que tu connais à peine.

Tes yeux s'allument. Et ton regard, il change :
Il s'attendrit. J'éprouve un sentiment étrange
De te connaître depuis cent ans sans être aussi vieux.
Je vois une étincelle qui danse dans tes yeux.

Et moi ? Pareil ! Je ne veux pas te lâcher.
Je te dévore des yeux. Je ne saurais cacher
Cette affection qui naît. Et c'est avec finesse,
Que je ferais tout pour que je te connaisse.

Après le plat, s'impose une cigarette.
Il drache. Je t'enfile mon pull, je ferme sa tirette.
Tu me laisses faire sans cette fausse pudeur.
Mon pull réchauffe ton corps et me réchauffe le cœur.

« Pour le dessert : un flan ou un mille-feuille ? »
Tu me regardes, distraite, et tu me fais de l'œil.
Ton beau sourire est tendre et léger :
« N'importe. Choisis. Un seul à partager. »

Manger de la même assiette, c'est une belle manière !
J'avance tout près, je te nourris à la cuillère :
Elle goûte ton rouge à lèvres… et la chicorée.
Je sais déjà comment elle va finir, cette soirée.

* * *

Et le lendemain, tu pars. Sur le pas de ma porte,
L'espoir jaillit, l'excitation déborde :
« Tu viens ce soir ? » — « Non, j'ai une rép'… Qui y suis-je, devine ! »
«Iphigénie ? Médée ? Juliette ? » — « Non, Colombine ! »

« Tu es actrice ? » — « Une amatrice, une troupe sans nom. »
« Je peux venir aussi ? En guise de Pantalon ? »
Ton geste dit non. J'appuie : « Viens quand tu auras fini ! »
Tu touches ma main, souris et clarifies :

« La rép' sera très longue, jusqu'à minuit.
Je rentrerai chez moi, j'irai tout de suite au lit.
Ce soir, je serai à plat, sans forces, épuisée :
Je n'ai pas assez dormi cette nuit, comme tu le sais. »

* * *

Les traces de ton parfum voltigent encore dans l'air.
Je pense à notre lien, fou, extraordinaire !
J'essaie de lire la suite de mon petit bouquin,
Mais je n'y parviens pas — à cause de ton parfum.

C'est insensé… je suis bouleversé, j'avoue.
Demain, je t'appelle, on fixe un rendez-vous.
Mes souvenirs sont frais, je me dis : c'est irréel,
Ce coup de foudre, fort et mutuel !

J'ai un appel… Qui est-ce ? Mon Dieu, c'est toi !!
A cette heure-ci ?! J'entends ta belle voix :
« Tu veux que je vienne ? Maintenant. Et que je reste ? »
J'adore ta franchise, sans honte ni prétexte !

Chercher des mots, excuses et détours ?..
Tu veux venir — tu viens, c'est simple comme bonjour.
Tu veux me voir ? Mais sache que moi aussi !
Dans un instant, je lis : « Je suis dans le taxi. »

J'ouvre la portière et tu descends doucement
Dans ton costume de scène, une plume à la main !

Avec ton beau sourire et ton regard coquin.
« Ma Colombine ! C'est moi, ton Arlequin ! »

Sublime ! Une longue robe et de petits souliers,
Des bas de soie, un joli sac et un joli collier.
Ça caille. Tu trembles : tu n'as pas de manteau.
Dépêchons-nous : je vais t'emmener au chaud !

Tu viens comme un éclair, à l'improviste,
Tu colories ma vie crépusculaire et triste.
Tu es revenue ! Sans autre. Pour refaire
Ce qui nous rend vivants et fait tourner la Terre.

2025-Oct-13

My voice:
- *YouTube:* https://www.youtube.com/watch?v=cGuzsfEA1-8
- *On website:* https://kobzar.be/creos/poem-fr-02.mp3

Перевод на русский

« Коломбина »

Полночь... Погасил свет, читаю.

Я думаю о нашей сегодняшней ночи и радуюсь. Это же было безумие — дикое, спонтанное. Самая стремительная история в моей жизни.

Это был самый обычный ужин: “Привет, как дела?” — искренний и беззаботный разговор без стеснений и неловкостей.

— Ещё капельку?

— Нет-нет, у меня достаточно.

Сумею ли я растопить лёд? А зачем, когда он уже растоплен.

Мы говорим о том о сём, просто и непринуждённо. Мы смеёмся, мы... живём. Через час я с радостью замечаю, что с каждой минутой, с каждым моим комплиментом падает ещё одна стена, и сдаётся ещё одна крепость.

Ты пришла в повседневной одежде, в простых джинсах. И ничто не свидетельствует о том, что ты могла бы подумать о чём-то большем, чем просто буднично поужинать и пропустить бокальчик с мужчиной, которого едва знаешь.

Но глаза твои загораются, а твой взгляд меняется, он теплеет. У меня странное ощущение, будто бы я знаю тебя сто лет, хоть я и не настолько стар. А в твоих глазах пляшут искорки.

И у меня то же самое! Я не готов тебя отпускать, я пожираю тебя взглядом. Не могу скрыть эту охватывающую меня страсть. Со всей тонкостью я сделаю всё, дабы познать тебя.

После основного блюда сигаретка так и просится. Льёт как из ведра. Я надеваю на тебя свой свитер, застёгиваю молнию. Ты позволяешь мне это, без ложной застенчивости. Мой свитер греет твоё тело — и это греет моё сердце.

— На десерт — флан или “Наполеон”?

Ты смотришь на меня чуть рассеянно и стреляешь глазками. Твоя улыбка нежна и легка:

— Да всё равно. Выбери сам. Давай возьмём один на двоих.

Есть из одной тарелки — как это мило! Я подсаживаюсь вплотную к тебе. Кормлю тебя с ложечки, на которой я ощущаю вкус цикория и... твоей помады. И я уже знаю, чем закончится этот вечер.

* * *

Наутро ты уходишь. Стоишь на пороге моей двери. Во мне горит надежда, и волнение переполняет меня:

— Придёшь сегодня вечером?

— Нет, у меня репетиция... Угадай, кого я играю?

— Ифигению? Медею? Джульетту?

— Нет, Коломбину.

— Ты актриса?

— Любительница, в труппе без названия.

— Можно, я приду тоже? В роли синьора Панталоне?

Ты качаешь головой. Я не сдаюсь:

— Приезжай ко мне после репетиции!

Ты касаешься моей руки, улыбаешься и объясняешь:

— Репетиция будет долгой, до полуночи. Я из театра домой, сразу лягу спать. Я к вечеру буду никакая, уставшая и выжатая. Я мало спала этой ночью, как ты знаешь.

* * *

Аромат твоих духов всё ещё витает в воздухе. Я думаю о нашей истории — безумной, невероятной. Пытаюсь читать дальше свою книжку, но не получается — я отвлекаюсь на твой аромат.

Всё это невообразимо... Я в смятении, признаю это. Завтра я позвоню тебе, договоримся о новом свидании!

Воспоминания мои свежи. Я думаю, как такое могло произойти — такая сильная и взаимная вспышка.

Вдруг звонит телефон... Кого там нелёгкая?

Боже, это ты!! В столь поздний час?!

Я слышу твой красивый голос:

— Хочешь, я приеду прямо сейчас? И останусь?

Я восхищён твоей прямотой, без ложного стыда, без поиска предлога. Зачем искать слова, оправдания, обходные пути? Хочешь прийти — приходи, проще не бывает. Ты хочешь меня видеть? Так знай — **я тоже!** Через минуту приходит сообщение: “Я в такси”.

Я открываю дверцу машины, и ты элегантно выходишь в своём сценическом (!) костюме и с пёрышком в руке! О, эта улыбка, этот лукавый взгляд!

— Моя Коломбина! Это я, твой Арлекин!

Ты очаровательна: платье в пол, башмачки, шёлковые чулки, изящная сумочка и изящное ожерелье.

Холодно. Ты дрожишь — ты даже без пальто. Пойдём скорее, я отведу тебя в тепло!

Ты появилась, как молния, совершенно спонтанно. Ты наполнила красками мою тусклую, унылую жизнь. Ты снова пришла ко мне — без лишних слов, просто для того, чтобы мы вновь пережили то, что делает нас *живыми* и что заставляет Землю вертеться.

Translation in English

« Columbine »

It's midnight. The light is off, I am reading. I think of our last night, I am excited. It was so wild! So raw and unexpected — the fastest journey I have ever known.

It was just a simple dinner: "Hello, how are you?". An open conversation without any embarrassment. "Shall we order more wine?" — "No, I've still got some." Would I break the ice? No need — the ice is already broken.

We talk about everything, easily. We laugh, we live... After an hour, I note with joy that with every minute, with every my compliment a new wall falls, and a new fortress surrenders.

You are wearing simple jeans. Nothing hints that you might imagine anything beyond a simple meal, a serene cocktail break with a guy you barely know.

Your eyes light up, and your gaze changes: it softens. I have a strange feeling of having known you for a hundred years, though I am not that old.

I see a spark dancing in your eyes. And me? Same here! I don't want to let you go. I devour you with my eyes. I cannot hide this growing affection. And with all my care I will do everything to conquer you.

A cigarette is a must after the meal. It's raining cats and dogs. I put my sweater on you, I zip it up. You let me do, without this false modesty. My sweater warms your body and it warms my heart.

"For dessert: a custard tart or mille-feuille?". You look at me, distracted, and make me eyes. Your beautiful smile is tender and soft: "Doesn't matter. You choose. Just one piece to share."

Eating from the same plate — what a sweet way! I get close to you and I feed you with a spoon, which tastes your lipstick... and the chicory. I already know how this evening will end.

The next day, you leave. At my doorstep, hope surges, and excitement overflows: "Are you coming tonight?" — "No, I have a rehearsal... Guess whom I play?". — "Iphigenia? Medea? Juliet?" — "No, Columbine." — "You're an actress??" — "An amateur, in a nameless troupe." — "Can I come too? I can play Pantalone." You shake your head. I insist: "Come when you're done!". You kiss me, smile, and clarify: "The rehearsal will be long, until

> midnight. I'll go home and go straight to bed. Tonight, I'll be exhausted, out of energy: I didn't sleep enough last night, as you know."
>
> Your perfume still lingers in the air. I think of our story: so wild, so extraordinary! I try to read the rest of my book, but I can't — because of your scent.
>
> It's all crazy... I'm overwhelmed, I admit. Tomorrow, I'll call you to set a date. My memories are fresh; I think: it's so unreal — this mutual, intense spark at first sight!
>
> I get a call... Who is that? My God, it's you! At this hour?! I hear your beautiful voice: "Do you want me to come now? And to stay?".
>
> I admire your honesty, without shame or pretext! Searching for words, excuses, or detours?.. You want to come — you come, it's that simple. You want to see me? Know that **I do too!** In a moment, I read: "I'm in the taxi."
>
> I open the door, and you step out slowly, in your stage costume with a feather in your hand! With a beautiful smile and your teasing gaze. "My Columbine! It's me, your Harlequin!"
>
> You are sublime: a long dress and small shoes, silk stockings, a lovely bag, and a lovely necklace.
>
> It's cold. You shiver 'cos you wear no coat. Let's hurry up — I'll take you in my warm place!
>
> You come like a lightning, so unexpectedly. You are colouring my dim and gloomy life. You are back! Without tricks. You have returned to do again what makes us feel *alive* and keeps the planet turning.

1.4 Poetry in Armenian

1.4.1 « Գեղեցիկ կին »

Լավագույն կին, թագուհի դու ես.
Իմ սեր առաջին, ես սիրում եմ քեզ.
Գեղեցիկ ձայն, քո անուն ազիզ...
"Ով սիրուն, սիրուն",.. դու ես սիրելիս.

Գեղեցիկ ծնկներ, գեղեցիկ վիզ,
Էս ինչ լավ սև աչքեր ունիս!

2024-Aug-20

В виде песни на мою музыку: https://youtu.be/iqoF9SkZ7yY

Перевод на русский

> **« Прекрасная женщина »**

> Самая лучшая женщина,
> Ты — королева!
> Моя первая любовь.
> Я люблю тебя.
>
> Прекрасный голос,
> Твоё дорогое имя...
> "Ов сирун, сирун" ("О, красавица, красавица")[8] —
> Ты — моя любовь.
>
> Прекрасные колени,
> Прекрасная шея...
> Как же хороши
> Твои чёрные глаза!

1.5 Стихи на русском

1.5.1 « Наш Париж »

Время сотрёт и выжжет память о нашей весне,
Но вдруг, идя по Парижу, вспомнишь на миг обо мне?
Может быть, воды Сены в памяти воскресят
Ужин на нашей террасе и тот волшебный закат?

Может быть, у “Иголки” на Елисейских Полях
Вспомнишь о наших долгих сказочных вечерах?
Или увидев пару, и внутренне рассмеясь
Вспомнишь, как *мы* ходили, пальцами переплетясь?

Пусть не сейчас, а позже вспомнишь ты вдруг про нас,
Когда и тебе будет столько, сколько и мне сейчас.
Может быть, обернёшься на наш сумасшедший зигзаг,
А может быть, усмехнёшься и просто ускоришь шаг.

Париж — этот Город света, дивный и вечноживой,
Город, который связан только с тобой одной.
Город, который можно петь и боготворить,
И по которому больше нам с тобой не ходить.

Ты без меня рассмотришь Мане и Делакруа,
Кто-то другой расскажет то, что не досказал я.
Где-то у “Моны Лизы” на тёмно-синей стене
Вспомнишь о нашем Париже? Вспомнишь ли обо мне?

Неважно уже, где я буду — в небытии иль живой,
Я ж по-любому стёртый и вычеркнутый тобой.

[8] "Ов сирун, сирун", "О красавица, красавица" — самая известная армянская песня. Звучит в фильме "Мимино". А здесь я её спел сам: https://youtu.be/k1nrML0bxeI

Как от конфеты фантик, отблеск минувшего дня,
Неисправимый романтик, не заслуживший Тебя.

2024-Sep-28

🗣️ *Read aloud:*
▶ *YouTube:* https://youtu.be/R1BWyfY6HSs
▶ *Off-YouTube:* http://kobzar.be/creos/poem-ru-01.mp3

Traduction en français

« Notre Paris »

Le temps effacera et brûlera le souvenir de notre printemps. Mais peut-être, en te promenant dans Paris, penseras-tu un instant à moi. Les eaux de la Seine te rappelleront-elles le souper sur notre terrasse et notre coucher de soleil magique.

Peut-être qu'à côté de l'Obélisque, aux Champs-Élysées, tu te souviendras de nos longues soirées magnifiques. Ou peut-être, en apercevant un couple, te souviendras-tu avec un sourire malicieux de la façon dont nous marchions, main dans la main, les doigts entrelacés.

Même si ce n'est pas maintenant, mais plus tard, te souviendras-tu soudainement de nous quand tu auras le même âge que moi aujourd'hui. Peut-être penseras-tu à notre zigzag fou... Ou peut-être éclateras-tu simplement de rire au fond de toi-même et accéléreras-tu le pas.

Paris, cette Ville Lumière merveilleuse et éternelle. Une ville qui s'associe à toi, à toi seule. Une ville qu'on chante et qu'on vénère. Une ville que toi et moi ne parcourrons plus jamais ensemble.

Ce n'est pas avec moi que tu apprécieras Manet et Delacroix. C'est quelqu'un d'autre qui te racontera ce que je n'ai pas su raconter. Mais quelque part près de la Joconde, sur ce mur bleu foncé, te souviendras-tu de notre Paris. Te souviendras-tu de moi?

Peu importe où je serai à ce moment-là, dans l'éternité ou encore vivant. Je suis de toute façon effacé et barré par toi, comme un papier de bonbon, comme un souvenir d'une journée écoulée.

Un romantique incorrigible que je suis... et qui n'ai pas réussi à te mériter.

1.5.2 « С небес на землю »

Однажды попав на небо,
Ходить по земле — трудно.
Ждать вознесенья — нелепо.
Буднями жить — нудно.

Однажды взлетев на крыльях,
Познав полёта искусство,

Бесишься от бессилья,
Когда за спиной — пусто.

Вдали от земного шара
Поймёшь высоту планки:
Однажды вкусив нектара,
Не хочешь больше бурдянки.

И на земле живут люди —
Суетны, глухи, слепы,
Бо не мечтают о чуде,
Не зная, как там — в небе.

Я побывал — знаю!
Я испытал — верьте!
Видел! Теперь привыкаю
К серой земной тверди.

Всюду живут люди:
Коль не летать — ползать.
“Счастлив будь в каждой минуте”?
Сколько ещё? Бог знать.

Передвигаюсь наощупь.
Может, когда-то прозрею?
Надо бы быть проще,
Только я не умею.

Больно? Глотни “Риохи”.
Тягостно? Зубы стисни!
Я проплыву трохи
На корабле жизни.

Курс корабля — точен.
Сам себе кэп и механик.
Земной мой корабль — прочен,
Ведь имя ему: “Титаник”!

2025-Feb-08

Traduction en français

> **« Du ciel sur la terre »**
>
> Une fois qu’on a connu le ciel, il devient difficile de marcher sur la terre. Attendre une nouvelle ascension paraît absurde. Vivre au rythme de tous les jours devient ennuyeux.
>
> Une fois qu’on a pris son envol, qu’on a découvert l’art de voler, on devient fou d’impuissance lorsqu’on ne retrouve plus d’ailes dans son dos.
>
> C’est seulement loin de la Terre qu’on comprend ce que signifie placer la barre si haut : une fois qu’on a goûté au nectar, on ne veut plus boire de vinasse.

> Aussi sur terre vivent des gens — affairés, sourds, aveugles — car ils ne rêvent pas de miracle. Ils ne savent pas ce que c'est : le ciel là-haut.
>
> Moi, j'y suis allé, et maintenant je sais ! Je l'ai vécu, croyez-moi ! Je l'ai vu ! Désormais, je m'habitue à la dureté grise de la terre.
>
> Partout, les hommes vivent ainsi : si l'on ne peut pas voler, il faut ramper. "Sois heureux à chaque minute" ? Combien de temps encore ? Dieu seul le sait.
>
> J'avance à travers la vie à tâtons. Peut-être qu'un jour je verrai clair ? Il faudrait être plus basique, mais je ne sais pas l'être.
>
> Ça fait mal ? Avale une gorgée de Rioja. C'est pénible ? Serre les dents ! Je naviguerai encore un petit moment sur le bateau de la vie.
>
> Le cap du navire est bien fixé. Je suis moi-même son capitaine et mécanicien. Mon navire terrestre est solide, puisqu'il porte un nom : "Titanic" !

1.6 Poetry in Persian (Fārsi)

1.6.1 « در دست چپ یا راست؟ »

گل، گل، گل...

تو گل زیبایی هستی:

گل بهار، گل صدبرگ، گل صبحی

تن، تن، تن...

تنت را باز نکردی.

بگو، چرا مرگم می خواهی؟

جان، جان، جان...

جانت بسته است، حرام.

بگو گلم، کلید جانت کجاست؟

من، من، من

دنبال این کلید هستم.

کجا گذاشتی: در دست چپ یا راست؟

2023-Jan-02

Read aloud in a video:

https://youtu.be/0sf_rmUeXPQ?list=PLraZy8GqqB3NGp6Fx4pXieTTGjlEFGNlA

2. TEXTS

From ▶ http://kobzar.be/blog

2.1 TEXTS IN ENGLISH

2.1.1 Who is that language for me

Gaston Dorren, the author of the fantastic Lingo and other books on comparative linguistics, asked his readers to share their **associations** and connotations with different languages, how these languages are felt from outside?

Here's what I feel, **subjectively**, as Gaston asked.

Russian is the Pacific Ocean to me — no limits, no end in sight, an absolute immensity both in width (inherent expressive tools of the language) and in depth (inherent bottomless vocabulary). Russian is a modelling clay I can shape anything with — not only because it's my mother tongue, but mostly because of a total 3D freedom and flexibility a Slavic language can offer.

Yiddish (which calls itself 'màme-lošn' — 'Mom's language') and **Belarusian** both taste home, bread, warm milk and fireplace — so sweet and cozy.

Polish means elegance and politeness. **Ukrainian** is made to be sung and spoken to women. **Czech**, **Slovak** and **Slovene** are disappointed hopes — you think you will easily cope with this simple task, but no — reality is tougher than you thought.

I feel the Baltic family as my distant relatives, but **Lithuanian** is a woman, she lives in a countryside, she is a farmer and she loves to sing; and **Latvian** is certainly a man, he lives in a town, he is a school teacher and he loves to preach.

Flemish **Dutch** tastes comfort and tranquility. And easiness too — the only Germanic language (along with Yiddish, though) that you pronounce as if you were speaking Italian: no effort, no tension, just speak naturally as you breathe or swim (check it out here). Dutch of the Netherlands seems a parody of the clear Flemish Dutch (sorry, Gaston!) — why do you twist the word 'uitgegroeid' só that I can't recognise any single sound and must ask to write it down? Two musicians are reading from the same printed sheet of music score, but what a difference in interpretation between a VL-Dutch pianist and a NL-Dutch trombonist! (Gaston, sorry, don't kill me!)

Flemish accent in French and French accent in Dutch are associated with courtesy, education and good manners.

Luxembourgish may seem a joke, but it isn't (listen to it). **German** is the Wartburg castle — an impregnable citadel I never managed to seize, so German means desperation. **Persian (Fārsi)** is Italian written in Arabic script, but with a generous layer of sugar on the top. **Italian** itself is a non-stop aria. I think that Italian should

replace English as the official language of the planet because of its universality and intelligibility.

Binary **Hebrew** and **Arabic** are good soldiers: they march keeping step, they can only turn 90°. I can compare them to the Periodic Table of Elements with the same degree of sturdiness and absolutism. Turkic languages are associated with a Lego train — you take a locomotive first (the radical) and then endlessly add wagons to it.

Serbo-Croatian is a genuine time machine: I feel like travelling to the original proto-Slavic language 12 centuries back in time. And guys — you have won the Pan-Slavic competition of romanisation: your gajica is the most accurate variant. Another high five is also yours, it's for the full equivalency in both sides ⇆ between Latin and Cyrillic systems — bravo for having easily harmonised the two worlds.

Bulgarian/Macedonian means a paradox: you guys gave us an alphabet (even two!) and you stopped declining nouns and adjectives?.. It's a pity for this beautiful language. Having cases is great, bring them back, please!

Running into **Sorbian** languages in East Germany is like suddenly meeting an old classmate at the other end of the world — hey man, what a surprise, what are you doing here?!

Modern **Greek** feels like a mix of a medical encyclopaedia, history and extreme softness. **Hungarian** doesn't belong to our galaxy. Is it a language after all or is it just a chaotic sum of random sounds and characters?

European **Spanish** looks like the Prodigal Son of the Romance family (though second to Romanian). European **Portuguese** is so weird at first sight that you finish by falling in love with it.

What colour is **French**? It (mistakenly!) seems to me that French is the default language that everybody should speak — and if one surprisingly speaks a different language, it's just because (s)he wants to play. French is so habitual, so commonplace, so obvious and omnipresent that it became colourless for me. I forgot how French felt like when I didn't speak it.

English is Latin to me — the ultimate *lingua franca* (just in case somebody unexpectedly doesn't speak French). It's a utilitarian esperanto: a language of science, computer interface, business, Wikipedia, international communication, manuals and reference books (and this post too). By far the best choice if you want to be clear, precise and to the point. The best fit to communicate with an air controller; probably not a best fit to make a declaration of love. I really don't know how English is. It is as it is, it links us together, so thank you very much.

Also about "male" and "female" languages: §2.5.88

November 2018

2.1.2 Kobzar — origin of the name

"What does your ~~weird~~ family name mean? What is its origin?" I have been asked throughout my life. Explanation ↓

There is a musical instrument in Ukraine, Romania and Moldova, called *kobza* in Ukrainian and *cobză* in Romanian.

Kobza is nearly identical to the lute and similar to the mandolin. The original Ukrainian and Romanian kobza has 8 strings, but in Ukraine a spin-off of kobza has evolved into a large, complex, up to 56 strings instrument approaching the harp rather than the lute. This larger form of kobza+ is called 'bandura' in Ukrainian, but it is still considered a kobza. Bandura's sound is deeper and more voluminous than the original medieval kobza with 8 strings. Bandura is much harder to play (no frets, many strings). Both forms coexist in Ukraine.

A kobza player is called "**kobzar**" in Ukrainian and "**cobzar**" in Romanian ("á" is under stress in both languages).

Captain Obvious says that one of my ancestors was a kobza player.

Nice, but... this is just the beginning of the story.

In Romania and Bessarabia, cobzars performed as musicians, but in Ukraine the role of kobzars has taken on a much larger, symbolic, even existential meaning. The word 'kobzar' became *the* symbol of the Ukrainian culture. Here is why.

Kobza players, first kobzars, were itinerant (often wounded and blind) retired warriors of the Ukrainian Cossack army. It was a self-managed society based on the principle of direct democracy, ±Swiss-style. Ukrainian Cossacks were free men, with directly elected leaders, fighting day and night for freedom and independence against their powerful neighbours: the Polish Crown, the Russian Tsardom and the Crimean Tatars. Read Nikolai Gogol's "Taras Bulba" for a panoramic, nearly epic picture of their daily lives and customs.

With a kobza in hand, kobzars moved from regiment to regiment, from one Ukrainian village to another. They composed and sang Ukrainian songs and ballads, they wrote music by drawing inspiration from the authentic Ukrainian sources — they were literally building the Ukrainian culture when no written literary tradition existed. Today we'd say they were "Kulturträger", like the French troubadours or the German minnesingers — Ukrainian minstrels of the Pontic steppes in the Wild Fields...

Kulturträger, indeed... When in the 1830s the founder of modern Ukrainian poetry and codified language Taras Ševčenko was choosing a name for his first collection of verse in Ukrainian, he decided to name his book "Kobzar". Ševčenko didn't play kobza, but he considered himself a "kobzar" as a writer — a Kulturträger — the one who was spreading and developing the Ukrainian culture: not through music, but through poetry and literature.

> « Go for love, you dark-browed maidens,
> But not with Muscovites,
> For Muscovites are strangers,
> They bring you misfortune. »[9]

The title of the book became synonymous with the author: very soon Ševčenko himself became known as 'the Kobzar' with a capital 'K'. A nickname. He is often referred to as "the greatest kobzar of Ukraine" without playing this instrument. In most Ukrainian towns you will find statues of this Ukrainian poet, he is Number One for Ukraine. There exist Kobzar streets in Ukraine too.

Nowadays Ukrainian soldiers receive a compact copy of Ševčenko's "Kobzar" when they go to the trenches fighting for their freedom and independence, as their ancestors did centuries ago.

---

[9] Taras Ševčenko in 1840. Beginning of the poem "Kateryna". Source: "Kobzar", Kyiv, USSR, 'Radjansjka Škola Editions', 1987, p.17

It was a parenthesis for Ševčenko. Now back to kobzars the musicians. They remained active throughout the Ukrainian history. This “Kulturträgerheit” has become a cultural phenomenon called “kobzardom”: kobzars had their own guilds, brotherhoods, and music schools. In the Soviet times, kobzars were oppressed and persecuted because of their strong Ukrainian character and recurrent religious motifs in their texts — the Communists bashfully replaced the word ‘kobzar’ by ‘bandurist’, but Perestroika and Ukrainian independence quickly rehabilitated the kobzars.

So, **everything embodied in the word “kobzar”**: music + literature + culture + the Ukrainian language. This is why Kobzar is undoubtably the most symbolic Ukrainian name with the strongest association with Ukrainian identity. Its emblematic quality for Ukraine is similar to Shakespeare, Goethe, Dante or Cervantes in the respective cultures.

I personally earned nothing to receive this name, I was just born like this with no relation to the poet Ševčenko. But my ID card tells me that I carry the genes of my unknown ancestor, an ordinary Ukrainian minstrel kobzar: poet, singer, and musician.

2026-Apr-18

2.1.3 Price ⇒ Quality

Expensive means good, right? Don’t rely on common beliefs: test everything! I did test this when I lived in France many years ago.

Every autumn, French supermarkets turn into “wine fairs”: huge areas dedicated to wine, stacks of boxes, nice catalogues, special prices, and a *sommelier* opening bottles and giving advice. Wine is sold in boxes of 6 or separately by bottle[10].

At one of these wine fairs I bought 80 different bottles. Some landed in my shopping cart on sommelier's recommendation, but most of the bottles were chosen by me independently, at random, stupidly. All wine was French, all red, all dry, from different years and regions of France. Prices ranged from €2.50 to €60 per bottle. My car was full of wine.

I thought I should be expecting something like this:

I put those 80 bottles in my wine cellar at the right temperature, horizontally, *comme il faut*[11]. I moved the cashier’s cheque into a safe place without reading, I forgot about the cheque for a while, and the experiment began. *Lehaim!*

I am not a connoisseur at all: a name or a vintage on the label tells me nothing, I

[10] Illustration: https://kobzar.be/blog/wp-content/uploads/2026/09/wine_experiment-foire_aux_vins_carrefour.jpeg

[11] Illustration: https://kobzar.be/blog/wp-content/uploads/2026/09/wine_experiment-bottles.jpg

couldn't say if the wine being tested was expensive or cheap — this ignorance guaranteed the purity of my experiment.

My experiment lasted almost a year, not one night: I am not an alcoholic, I am an experimenter and a failed scientist (maybe in a next life). After finishing a bottle, without the cashier's cheque, on a separate sheet pinned to the wall, I was assigning my appreciation to every bottle without knowing its price: e.g., "Château Babique 2006 Côtes du Rhône = -1.2".

> Not stars! Stars are not numeric. A 1/5 star arithmetically gives you 20%, that's wrong. It's like a '2' mark in a Soviet school: one thinks 2/5 = 40%, but in reality it's 0.

My appreciation scale was mathematically correct with 5 meanings: "2: Excellent", "1: Good", "0: Fair", "-1: Not really", "-2: Shit". Decimals were allowed.

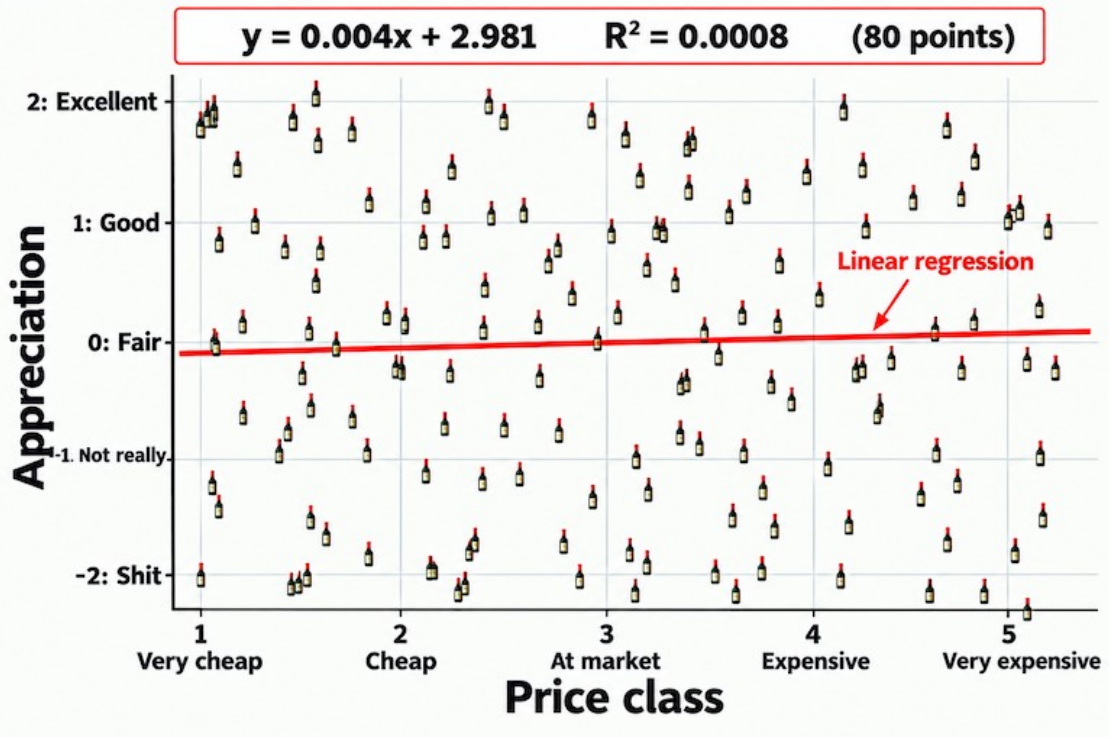
When I finished this multi-months alco-tour, I retrieved the old yellowish hardly readable cashier's cheque and made a spreadsheet putting together my appreciation and the price in EUR. I've got 80 observations. Easy enough, then: an XY-scatter plot, a linear regression (least-squares method), the correlation formula and the coefficient of determination R^2. Basic statistics I learnt at 16.

Hypothesis:

x (Price) is the independent variable; y (Quality or Appreciation) is the dependent variable, i.e.: $y = f(x)$

Then, $corr(x, y) = ?$ $R^2 = ?$

The result shocked me. It looked like this ↓



Conclusion: there was **no relation at all between the price and the quality.** A wine at €2.50 could be "Excellent", and a wine at €60 could be "Shit". And vice versa. No relation, no correlation.

Before I started the experiment, I had mixed feelings. Social pressure was pushing me to accept the common belief Expensive ⇒ Good. My deep intuition was quietly telling me that there was no link, that $x \not\Rightarrow y$, but the social pressure is strong, isn't it? Ideologemes, again... My blind experiment proved statistically and nearly scientifically: there was no relation between the price and the quality.

I was very happy to have proven my initial deep intuition.

> Unexpectedly, another correlation was accidentally detected: the further **south** the wine was from, the better it tasted. Languedoc beat Bourgogne in all observations.
> Conclusion: South > North.
>
> And another surprising finding: the **age** of the wine made no effect on my tongue.
> Conclusion: Old ≠ Good.

A good friend of mine, a scientist from CERN and a wine connoisseur, later criticised the methodological flaws in my pseudo-scientific analysis: too narrow sample, ageing of wine was not respected, the x price scale was not distributed equally, my non-double-blind experiment could be biased by the label, my subjective "taste detector" was not enough calibrated because of lack of oenological experience, etc. My friend's criticism is entirely justified, I fully accept it: it's not a science. But this correlation was zero, goddamn! Not 0.1, not 0.05, but **zero!**

It was an excellent experience anyway. It taught me a lot. Since then, I know for sure: go for the thing *you* like, whatever the price, whatever they say, whatever the rating, whatever the shit. Go for *your* preference and listen to *your* heart!

Thank you, Mother Mathematics, thank you Father Common Sense, I love you both!

2026-Sep-17

2.1.4 Lucky Generation X

> On the web with illustrations: https://kobzar.be/blog/gen-x/

Life is like a ~~box of chocolates~~ kaleidoscope. Throughout our lives we see changing patterns that emerge and vanish as epochs come and go. Sometimes the speed of rotation is faster, sometimes it's slower, sometimes the kaleidoscopes are not moving at all.

Imagine an average man, let's call him Hieronymus, who lived in, let's assume, the 14th century. He had a kaleidoscope too. What did he see during his lifetime? Always the same picture: same society, same values, same technology. What changed between his life under Henry VII and his life under Charles IV (provided the guy survived during the Plague)? Absolutely nothing. Hieronymus's kaleidoscope didn't move a single degree. Throughout his life he has been observing one primitive pattern, one endless monotony and boredom.

Some generations are luckier. My Generation X (born between ±1965-1975) is among the luckiest ones. Okay, we didn't enjoy the "Trente Glorieuses" and "Wirtschaftswunder" of the Baby Boomers, but we can't complain: we knew no Black Death, no World War I/II, no nuclear strike, no Ice Age, no slave trade, no witch trials, no hunger. Our lives are safe and extremely interesting because the speed of

rotation of our kaleidoscopes is faster than ever in human history. Our kaleidoscopes are fascinating.

Here's what I have seen so far in my personal kaleidoscope ↓

▶ Pattern #1: Classic Socialism (70s and early 80s)

I was born into a state that will take care of me entirely, from A to Z. There's little choice, but I don't have to choose. It's all included, the state regulates everything. My future is easily predictable and programmable, predictability is absolute. Two conditions: 1) be loyal, at least seemingly, and 2) work.

Fear of a nuclear war. Fear of being sent to Afghanistan and killed by a mojahed in the Salang Pass. Pre-military training is part of the school programme: I know how to wear a gas mask, what dose of radiation is lethal (800 rem, every schoolboy knows that) and what to do, second by second, if I see a mushroom cloud. At school we have a Kalashnikov (locked in a safe, disabled and without cartridges of course), we learn to assemble it in 40 seconds, as per the Army's norm. Our teacher of military training and civil defence is a retired captain of the 2nd rank (= frigate captain), he wears a black naval uniform at school. My class goes to a shooting range to shoot with a Kalashnikov, one magazine per schoolboy. A "contest of march and song" — paramilitary parades at school with self-made shoulder straps attached to the dark blue school uniform; this year we are marines, last year we were paratroopers. My commands 'Left! Left! One-two-three!' are synchronising the Prussian goose step of my 10-year-old classmates.

> When I'm 9 or so I write a letter to Zbigniew Brzeziński, in Russian, urging him to stop the arms race and to respect the SALT II agreements: my political awareness is very high, I read Soviet newspapers and I watch political programmes on TV where they speak about Pershing II, nuclear tests in Nevada, etc. All this is real and frightening.

The **Iron Curtain**. The Berlin Wall in all its beauty, seen from the Eastern side, but sterile without graffiti and not closer than ~200m. A Soviet diplomat in the USSR Embassy on East Berlin's Unter den Linden: "When out of the Embassy, immediately turn right, don't approach the Brandenburg Gate, you have no business there, you'd better not even look at the state border". And of course we do the opposite, we approach the Brandenburg Gate as close as we can.

> ▶ Mr Volkov[12], a young diplomat from the Soviet consulate in Leipzig, suddenly flees to West Berlin by trivially crossing a checkpoint with his green diplomatic passport — there's a big scandal in the Soviet consulate, a shock. It's amazing — I have seen Mr Volkov just a couple of days ago in the consulate, he was friendly as usual, but now it's certain — nobody (not even his family members) will *ever* see him again. His crossing to the West was of no return, like a flight to Alpha Centauri: emigration is an equivalent of death. Officially he is considered as traitor, but practically many people think deep inside: "Wow! So easy!".
>
> ▶ A day trip to the castle of Wartburg, the guide lets drop: "And by the way, those trees far on the horizon are West Germany". The guide continues speaking about Luther and Goethe, but nobody is listening to her any more because we are all staring at the crowns of Hessen-rooted trees; we can't see the watchtowers or the death strip, we see just plain trees in a forest far away, but that's the West, that's Mars.

[12] proper names may be modified across this post

> ▶ S-Bahn Friedrichstraße in East Berlin, it's not today's city centre, it's the end of the world: "Last stop, all change!", and here are the GDR border guards in grey uniform on the platform.

The Iron Curtain is present in everyday life too: in the fridge we have a heavy 3-litre jar of Ossetra caviar (not a big thing, its upper layer when dried up is given to the cat) and a bundle of smoked sturgeons directly delivered from the Caspian, but I have never seen a pizza or an artichoke. I have no idea at all of what "mozzarella" or "paella" could mean (flowers? female names?), I don't know these words even from the books. On the Eastern side of the Iron Curtain I can easily have a natural fur coat from Siberia, but I can't have a Levi's from America. I have never heard of McDonalds, KFC, white chocolate and Donald Duck. I intuitively think that cappuccino is a cheese, but I am not sure.

Two TV channels in Leningrad, four in Moscow. Bad news can only exist in the West: constant economic crises, unemployment, exploitation, hijacks, Ulster, ETA, Union Carbide — it's all orchestrated by the CIA, Carter, Reagan, Thatcher and especially Begin. In the Socialist world there are no bad news in principle: no crimes, no aircraft accidents, no natural disasters, no train derailments and no problems. There officially exist "isolated weaknesses", but they are minor and always addressed by the Party. As a result the level of stress in the society is very low. Printed press is 100% Soviet or foreign Communist[13]. But luckily there are "voices" on short waves: Voice of America, Voice of Israel, BBC, DW, Radio Liberty, Radio Free Europe, Radio Vatican — jammed in big cities, a bit better received elsewhere, they are the real source of information: I learn about Chernobyl from Radio Sweden, not from the Soviet TV. Western pop and rock music is more or less well known, but it comes from magnetic bands only, never from the Soviet official media. Everybody knows the tunes, but nobody knows how the guys from Ottawan or ABBA look like. Certain Western films are shown in theatres, but these are mostly comedies, thoroughly selected and always censored (*Il bisbetico domato, La grande vadrouille, Le coup du parapluie, Disco Dancer*,..).

Propaganda and brain-washing are strong and odious, but they are counterbalanced by **healthy cynicism** — there is a huge gap between what people do, say, and really think. Only a minor part of the population take the Communist ideology seriously. Ironic and even cruel jokes about Lenin, Brezhnev, iconic heroes of the revolution and their wives and girlfriends are widespread and easily told beyond the official circumstances. When they go to the May Day "rally", it's to tick the box of formal presence and to be left in peace for a while. Out of thousands of marchers in the Palace Square or Red Square, whó reads the slogan on the banner (s)he was given to carry? — nobody. Who *really* cares about "zionism", imperialism or solidarity with the Cuban peasants? — nobody. It's clear to everyone: **it's a show**, a must-play game. In summer pioneer camps politics is limited to hoisting the red flag every morning, but then the young pioneers are relatively free for 23½ hours for sport, beach and discos at night. When I speak to the North Korean students I realise that I am as endlessly free as the Statue of Liberty.

In the late 70s – early 80s there is almost no way to find non-official sources of information besides the jammed "voices", but, unlike today in 2019, many people (mostly in big cities) try to form their own opinion, **they seek alternative sources**, they apply earplugs to their ears and filters to their eyes. Maybe only the elderly blindly eat the pre-packaged propaganda, the others don't. The Soviet people are reluctant and critical, but not publicly. They say what they think only among close

[13] Humanité, Granma, Morning Star, Scînteia, Trybuna Ludu, Rabotničesko Delo, Borba, Der Veg, Neues Deutschland…

friends and family members, usually around the kitchen table after a meal: this is called “kitchen conversations”. Being part of a kitchen conversation means membership in the inner circle and a high degree of sympathy and trust.

Dual standards, **dual morality**. The proclaimed “proletarian internationalism” goes in parallel with antisemitism: the Soviet national sport is to “unveil the Jews” among colleagues, neighbours and celebrities; and the KGB is severely persecuting the underground teachers of Hebrew. The proclaimed superiority over the capitalist system is combined with the strong conviction of the masses that socialism sucks. The official goal of the socialist political system is communism (total equality of condition, common ownership of everything), but everybody clearly understands it’s a utopia. Marxism-Leninism is a quasi-religion, you must be formally in, but you may keep a low profile and they let you alone more or less.

Moving paper instead of **voting**. My grandfather “wins” a one-name Kobzar-only “election” with 99.8%, and my grandmother is sad, she can only accept 100.0% as a satisfactory result.

> Those 0.2% must be very courageous people. There’s only one name in the Soviet ballot, and you are expected to receive the ballot with only one name on it and to put this blank ballot in the box. All blank ballots found in the box are counted as ‘yea’ for the sole candidate. To vote ‘nay’ you have to strike the name off the ballot. It’s a suicide to do it openly. But there are a couple of voting booths, you can do it in the booth. But if you go to the booth in front of the “election commission” it’s obviously to vote ‘nay’, so 99.8% don’t go to the booth and don’t even take out a pen: they simply receive the ballot, walk 2 metres to the box with the unfolded ballot in hand and drop it in the box. That’s it. After the “vote” there’s a concert in the lobby and a sale of things that are usually in short supply: good books, cacao powder or sandwiches with Finnish salami.

We are the **“Latchkey Generation”** with a key on the necklace from the age of 7. All mothers work, I know no housewife — the socialist system offers *real* equality between men and women without artificial quotas and inclusive language: M=F equality just works, full stop. Families are small, we generally have no or just one sibling, no one has two. Many of us have divorced parents, and I know no Gen Xer who would be broken because of this — we cope with the difficulties by ourselves, there are no such professions as psychotherapists, ombudsmen or social advisers — at all. Mollycoddled children? — ha, not us! Our young parents Baby Boomers are focused on themselves, not on us. Their free-range parenting model is optimal for us, it gives us Gen Xers a great degree of freedom: the parents only know a small part of where we really spend time and what we *really* do.

> We get to the roofs and basements of the block buildings, we cut down the locks and explore the underground labyrinths where the heating pipes lie, we spend hours in remote wastelands, we make quests in the abandoned construction sites in darkness, we make chemical weapons with the toxic calcium carbide and rockets with gunpowder, potassium permanganate, match heads and lots of boldness and creativity. We swim in the ponds and rivers where swimming is strictly forbidden, we never wait for green at the pedestrian crossings (if we use those), we cross the immense city on the 8-lanes highways zigzagging among the smoky Euro-zero non-compliant lorries with a one-gear bike and no Gen Xer has ever heard of bike paths or helmets. Those whose bikes have no brakes (spare parts for bikes are in short supply) brake by putting their shoe on the tyre of the front wheel. We get under the railway platforms to flatten the coins on the rails — all this

> without lifeguard surveillance, airbags, safety belts and even insurance — we know that nobody is behind us to protect.

Life is unfair and often cruel, we know it and we deal with it. Scuffles, bruises — **we deal with it**, nobody complains, nobody reports. We are friends-centred, not parents-centred, we acquire social skills without parental guidance. We bear full responsibility and we solve our problems without involving the parents who, always on-the-go, can hardly remember our best friends' names.

Books! Imagination knows no iron curtains and departure visas. We have no comics, we have few films, we have just black printed letters and we make miracles with these letters imagining heroes, locations and historical epochs. I walk the streets of New York with Holden Caulfield and I go down the Mississippi River with Uncle Tom, I get to the roofs of Stockholm with Svante Svantesson, I reach the sea depths with Captain Nemo, I cross Africa with Umbopa and Allan Quatermain — reading is breathtaking.

High prestige of **science and knowledge**: lectures of physics and higher mathematics are broadcast on the Soviet TV every day. Superfluidity, squaring the circle, crossing of Lobachevsky's parallels etc. are current topics that are explained in TV programmes and short documentaries shown before a projection of a film in a cinema. Ignorance is shameful.

Dreaming is big: space, exploration of other planets and galaxies, struggle of political systems in an attempt to find the fairest one for the humanity. Are we alone in the Universe? Will the synchrophasotron tell us more about how everything came into being? What came first: matter or conscience? Is spacetime continual or discrete? These questions are ardently discussed in the living-rooms and kitchens among our parents' friends. Most thrilling news: yet another cosmonaut has been sent to the orbit, I know them all by name (Dzhanibekov, Chrétien, Savitskaya, Jähn, Méndez,..) and I follow their missions and scientific experiments.

Nation-wide **atheism** in the USSR: no Christmas, Passover or Ramadan, no nothing — Hieronymus would be very much surprised. I acquire some feeling and knowledge of the Western Christian tradition in Germany, but the Eastern Orthodox tradition remains a total blank spot, it doesn't exist in any form. Thanks to the Russian classic literature I know, purely theoretically, what ~~is~~ was Easter, but I have no idea when it is and how it is. And nobody around me does.

> Christmas was abolished in the 1920s, so even our grandparents have nothing to say about it. However all the attributes (excepting the crib) have remained: a decorated tree with a 5-pointed (not 6!!) star, a table set with champaign, gifts, wishes, decoration of houses, schools and streets, candles, TV shows, post cards, sweets, countdown to midnight — it's all present, but it's called New Year: the Eve occurs on 31 December, and the holiday is 100% secular. The key actor, visually identical to Santa, is called Grandfather Frost: this is an old Slavic personage from the forest, *not* Saint Nicholas.

I use words and expressions like "pearls before swine", "scapegoat", or "cast the first stone", but I don't know where they originally come from.

Only few religious buildings are "active" — most are transformed into workshops or warehouses.

> The former main cathedral of the Russian Empire (St. Isaac) is transformed into a museum with the world's biggest (really gigantic!) Foucault's pendulum hung under its dome aimed to visualise the Copernicus's theory

> of rotation of celestial bodies. The former Cathedral of Our Lady of Kazan is the Museum of Religion and Atheism. The Church of the Assumption of Mary on the Vasilyevsky Island is a covered skating rink with a garderobe in the former altar, then it is converted into public baths. The Christ the Saviour Cathedral doesn't exist (it was blown up in 1930s), a large heated open-air swimming pool is built on its remaining robust foundation, it's great to swim there in winter with friends looking at the Kremlin through the clouds of hot steam.

Nobody ever speaks about religion, god, rites or spirituality, nobody practices — not because it's prohibited (the Soviets do *a lot* of what is prohibited), but simply because in the Soviet Russia religion is seen as a clear sign of backwardness. The Serbs continue, like centuries ago, to venerate their saint patrons in the socialist Yugoslavia under Tito; the pious Poles, like centuries ago, live their lives between their home and their *kościół* (church) in the socialist Poland, but in the first state of workers and peasants I'm observing a total absence of *any* religious element: it's a tabula rasa, as if 1000 years of Christianity had never existed in these lands.

> The only (supposed) believer I've met by ~ 1984 is a 90-years old lady who lives in a remote village between a swamp and a prison labour camp: the wooden walls of her izba are decorated with icons, so she is presumably religious. That's somewhat understandable: who would not come to believe after having lived 90 years between a swamp and a prison labour camp?...

Relative **economic equality**: roughly all of 293 million are poor in 2019 terms. There are no homeless, no unemployed, no hungry, but there are no rich either. Today's story-tellers about their "deep pockets" under the socialism lie. No one (not even Brezhnev who lives in an apartment on the 4th floor) is rich in the international sense of the word suggesting private property, liquid assets in a convertible currency at a market price — it's impossible, the market simply doesn't exist. Money matters, but more important are positions and connections, they give access to social lifts and distribution channels.

No competition as the only employer in all sectors is the socialist state. Self-employment is not conceivable even in theory. Demotivation at work. No freedom of settlement: choosing a big city to live in is not possible, one has to be "assigned" by the state to a job in a specific place (connections help a lot), and assignments to Leningrad and Moscow are especially hard to obtain.

Socialism inescapably means bad quality of goods and very bad quality of services. Soviet toys are dreadful, Soviet vegetables are terrible, socialist cars (that cost an equivalent of several years of salary and require 8 years of staying on a waiting list) break down all the time and their spare parts can only be obtained through connections. Soviet cassettes act as sanders wearing out magnetic heads, ORWO is better, but nothing compares to TDK.

> Those who complain on TripAdvisor about "unfriendly staff" in modern hotels make me laugh. They (luckily) don't know what "unfriendly" is. I never complain about service, I've seen the absolute zero and even negative values.

I know that after 5 years of university I will be given a job provided by the state, but it will likely be a "job by distribution" — the state assigns the young graduate to a specific job in a specific location for at least 3 years, and only good connections can help avoid a mandatory mission to Transbaikalia. Salaries are guaranteed, they don't depend on the quality of work, you have to show up in the morning and in many cases it's ≈enough. Gaps among salary levels in different sectors are not large

(equality works), but they are weird: the best paid are miners, workers as a whole and army officers; the worst paid are doctors, professors, scientists, engineers and teachers.

Entrepreneurship is a criminal offence. Transactions with foreign currencies (e.g. buying/selling Finnish markkas or US dollars) are a criminal offence. Unauthorised departure from the Eastern Bloc is called "desertion", qualified as "treason" and is (surprise!) a criminal offence. 'Criminal' is not an empty phrase — in worst cases (when with aggravation and of a particularly large scale) the maximum punishment for each of the above (even for buying the dollars) is... death penalty — they execute at dawn, by one shot into the back of the head, everybody knows the horrible procedure in the country that invented Gulag. Career breaks of more than 4 months are a criminal offence: max. punishment is not shooting, thank goodness, but 5 years of hard labour, likely in Mordovia, as it was the case of the Nobel laureate Joseph Brodsky. For minor misdeeds, especially of moral nature (flagrant individualism, adultery, regular coming late to work, skipping public activities, drinking in public places), there are "courts of comrades": paralegal burlaw "courts" consisting of colleagues or neighbours who publicly review somebody's behaviour, get into every detail of the "misdeed" that can be quite delicate and make the defendant apologise and repent in front of the "comrades".

But all this is for the adults, for the preceding generations. For us Gen Xers of the school age the socialist **coercion** stops at "subbotniks" ("volunteer" manual work on a Saturday, 1-2 times a year), collecting paper and metal for recycling (every month), weekly mandatory smooth brain-washing sessions (so-called "*polit-infomatia*") held by the pupils themselves (I am responsible for the international news), and some after-school activities like mandatory "solidarity fairs" — selling your homemade shit and buying the homemade shit made by your classmates — all proceeds will go to the Sandinistas.

Grey **sombre scenery** in the USSR, slightly brighter in the GDR. Compared to the USSR, East Germany seems the El Dorado of the Eastern Bloc: better-dressed courteous people with less complexes, FKK, *DDR Fernsehballett*, no visible shortages, no queues, abundant offer of goods which are of better quality, higher purchasing power for the working and especially for the retired, larger flats, cafés and restaurants everywhere, higher overall living standards, existing motorways, existing schedule for trams, ideally clean trains and public spaces, mild climate, friendly staff — and all this amid European culture with its Christmas markets and pipe organ concerts in Bach's Thomaskirche.

> ▶ The GDR-USSR contrast is best seen when the "trains of friendship" arrive: groups of poorly and nearly identically dressed women (in dark green coats) and more rarely men (in dark grey coats) from the faraway Soviet province invade East German department stores buying everything they see. That's pitiful and understandable: their shops in small Siberian towns or Kirghiz kishlaks offer 5% of this, at best.
>
> ▶ There is a small grocery in Leipzig's Nordplatz in the Soviet school N°77 selling ordinary East German food to Soviet citizens only: at the entrance stands a Soviet soldier with an AK-74 on the shoulder, he easily discerns the East Germans and prevents them from entering the shop: "Nein, nein, nur Russisch. Zurück!".

Healthcare is 100% free, its cost is literally 0.00, but the quality of this free service is low. Connections and bakšiš help the situation. Education is 100% free from kindergarten to Ph.D. State-defined prices of pens, medicines, chairs and forks are

engraved/embossed on them at the factory, these prices don't change for decades: a fruity ice-cream is *always* 7 kopecks in *any* shop across the biggest country in the world, 'Quasi' is *always* 0,20 M. Shortages. Waiting lists. Half of what you need is sold out. Queues for things that you need, might need or don't need at all — it's wise to build up inventory in any case. You'd better get into the queue first and then ask what is on sale. Yeah, that's the *real* hard-core socialism, not a Mitterand-style dreamland. The theory of socialism is a beautiful rose, the practice is bloody thorns.

And before I turn the kaleidoscope — **thank you Socialism** for having filled us Gen Xers with common sense and healthy cynicism. For having taught me not to blindly follow the crowd, to always reassess the received postulates, to be critical, to activate my own brain, to form my own opinion and to seek truth. For valuing freedom because I *do* know what unfreedom is. For creativity and outside-the-box thinking (indeed, necessity is the mother of invention!). For having made me resilient in different situations and unpretentious in my tastes and habits: a truffle will always be just a mediocre mushroom with a questionable taste (there's much better), a Rolex is nothing else than an ordinary time measurement device with two hands (there's much better), and the snow of Gstaad / Verbier has the same chemical formula as anywhere else: H2O. (And I will always be confusing tapas and tacos — doesn't matter, both are just food, just calories).

But first of all thank you Socialism for having vaccinated us Gen Xers against all sorts of dogmatism, against indoctrination and brain-washing, against demagogy, against hypocrisy and manipulation, against all those marches in support of little sphinxes in Krakozhia, against the rose in the hand and the hand on the heart. My anti-bullshit vaccine is life-long, the Soviet-made antibody was of a *very* good quality.

▶ Pattern #2: Perestroika (1986-1991)

Just one tiny piece of glass is added to the kaleidoscope, but what a change! Mikhail Sergeyevich Gorbachev — I see him in person on the tribune of Lenin's mausoleum and I am greeting him very enthusiastically, can he hear me? I am a witness and actor of one of the brightest pages in human history that has just begun: dismantling of one of the most repressive regimes that the world has ever known. The start is slow, but then the avalanche is exponential.

The change starts with "Acceleration", but you can't accelerate a coffin. Gorbachev introduces "**Pluralism of opinions**" — it's unbelievable in 1986 (and in 2019 too). Quickly comes Glasnost with its revolutionary books, publications, films and television. A reading marathon: "Have you read this? Have you read that? Can you lend me this book overnight?". Sleepless nights with a borrowed book, 24 hours are not enough to read everything. I read the Bible at the age of 19: in the Roman Catholic version (in the USSR the Bibles are not printed *at all*) and I make tons of interesting discoveries, only now recognising the source of expressions, understanding allusions, unlocking art and culture. The democratic media like *The Moscow News* or *Ogonyok* are hard to get: fresh copies are sold out within minutes, and they queue up at kiosks 30 minutes before the newsstand opens. Libraries can't help: the most interesting issues are stolen.

Glasnost could have taken longer to start, but it is triggered by Chernobyl: the horrible truth is impossible to keep in dark. And Chernobyl is no joke even if you live far from the burning reactor.

> Soldiers are checking radioactivity of the lorries entering the city. At my request a soldier checks the radioactivity of my clothes and my bike, then

> he says with a bitter grin: “That’s fine, young man, you’re going to be around for a while”.

And then she comes — **Perestroika!** — a perpetual spring, a unique feeling of an upcoming radical change. Streets, metro stations and cities change their names, my hometown Leningrad is no more. First McDonald’s in the USSR: the first enthusiastic visitors are waiting for 2-4 hours in a queue to get inside, two months later I will spend only 45 minutes to get inside. First Pizza Hut that only sells for US dollars which are now legalised. Emigration is gradually legalised, Soviet “departure visas” are easy to obtain. The “voices” are not jammed any more, I listen to them every night learning languages and travelling the world on radio waves. State censorship is gradually dropped. Live “TV bridges” between Moscow and New York for the first time in history. First Soviet talk-shows are broadcast live with a direct phone line, and the watchers don’t believe it’s live, they call and try to verify if it’s live by asking questions about the exact time and the current weather.

But the most important news is that there will be no nuclear WWIII. Apocalypse is cancelled. Thank you very much Mikhail Sergeyevich!

Few are those who have a VHS at home, most of us go to the newly established “video halls” to watch an American movie dubbed by an unknown amateur with a clothes-peg on his nose aimed at making his voice unidentifiable: the KGB has just stopped persecuting such underground dubbers in its holy war against the Western VHS proliferation.

The Soviet Perestroikan television shows new incredible things: fall of the Berlin Wall, the Velvet Revolution, triumph of Solidarność, fall of Ceaușescu, struggle for independence in the Baltic republics (Sąjūdis, popular fronts, a 675 km long human chain from Vilnius to Tallinn) and elsewhere. Every day there’s something incredible happening in Hungary, Bulgaria, Albania. The Warsaw Treaty, Comecon and the whole circus is falling apart like a house of cards. Tricolors with a hole in the middle are the symbol of the moment. It’s super-great everywhere in Central and Eastern Europe, only Yugoslavia is quickly heating up and terribly explodes with Vukovar and Dubrovnik.

> I extrapolate the Yugoslav situation to the USSR, it’s very similar and very frightening: 26 million Russians (1/5 of the total Russian population in the Soviet Union) live in the secessionist republics, half of which are unfriendly if not openly hostile to their local Russians. If Gorbachev, the commander-in-chief of the 4½ million Soviet Army, decides to deploy the army to “protect” those Russians and to save the Union by force like Milošević, it will open the ~~box of Pandora~~ gate to hell: all 15 Soviet republics are stuffed with weapons and 4 of them have nuclear missiles — o-o-ps, bad idea.

Perestroika brings a new fashion: “revival” or “restoration” of the old pre-revolutionary realities. Very funny, because there is **absolutely nothing to “restore”**: the historical memory is completely erased by 70+ years of the socialist ideology, all traditions are broken and forgot, almost no survivor able to tell his/her pre-1917 experience is left. The Russians’ historical USB key had been formatted in 1917 and densely rewritten from then on: what is left on the key in 1990 is 100% Soviet. How do you want to “restore” a tradition that nobody knows about? As if today you were “coming back” to Saturnalias or the sacrifices of cattle in the Temple. Some people invent noble titles for themselves and design family coat of arms with badly aligned fleurs-de-lis and lions rampants looking like dying cats. Some Ivanovs proclaim themselves Ivanoffs and become arrogant towards the plebs without a coat of arms. Communists become monarchists, though there’s no monarch in sight. There emerge

“Cossacks” after decades of non-existence: they wear self-made sabres and decorate each other with self-made medals.

> It’s obvious that in the late 1980s there are only 3 addresses where the Tsarist characters can be found — museum, cemetery or Paris. But never mind: in every block you can now find a couple of earls, a Cossack general and maybe even a duke. Lenin is quickly replaced by Jesus / Moses / Muhammad depending on the ethnicity. Yesterday’s CPSU activists are asking priests to bless their messy mixture of pseudo-christianity, “scientific atheism”, paganism and fairy tales.

When I’m eligible to vote, it’s already a multiple choice among parties and 6 presidential candidates, it’s not about moving paper, it’s a real election. That same year I vote in a referendum “about the future of the Soviet Union”, I vote against the Soviet Union, my friends vote mostly for — we debate, but our contentions never put our friendship at risk. Whatever the vote, nothing can help the dying red monster: nationalist movements are on the rise in all republics of the Soviet Union prompting a rapid disintegration, riots and localised wars (Karabakh, Transnistria, Abkhazia,..).

Agony of the planned socialist economy, it’s completely exhausted. Ration coupons for the *right to buy* sugar and soap. When I turn 18 I am given additional ration coupons for cigarettes and vodka, that’s a clear sign of maturity. I’m indifferent, but most of the population are furious at the severe anti-alcohol campaign, it’s nearly Prohibition.

> My friend Leonid is a future chemist: he mixes up potatoes, sugar and yeast and hides the mash inside a huge empty matryoshka on the shelf. My friend Phil is luckier: his grandmother possesses a self-made distilling apparatus, she has gone through fire and water and she fears nothing, so Phil will likely taste some grandma-made moonshine in a couple of weeks, yum-yum.

Perestroika gets into trouble, it needs to be defended: during the coup d’état in August 1991 I’m in the centre of Moscow. In the Manège Square there are tanks with loudly running diesel generators atop the armour plate: the goal is to prevent soldiers to communicate with us. I try to shout to a young sergeant: “You won’t shoot on us, will you? Look at us, we are unarmed and peaceful, there are thousands of beautiful girls here among us, come on, join us if you are told to shoot. I see you are a good guy, not an executioner”, but the sergeant boosts his noisy generator and pretends he can’t hear me — that’s an alarming sign. We collect stuff around the Parliament and in the backyards nearby: we are erecting barricades. I am too late to see Yeltsin on the tank, they say he had finished his speech a minute ago. I am asked by an American journalist why I am here, I reply: “to defend my freedom and dignity”, it’s so obvious to me. We are unarmed and unorganised, but we are angry and determined to win. And we won.

> I am too late to witness the demolition of the statue of Dzerzhinsky in front of the KGB — when I get to the square the statue is already down and poured with red paint. I am observing the workers who are knocking down the “Communist Party of the Soviet Union” letters from the façade of the CPSU headquarters; I ask them to give me a letter as a souvenir or at least a screw, but they refuse.

I learn two important things: 1) “Yes we can” — when you are determined everything is possible, even dethroning the world’s second superpower in less than three days; and 2) liberty is priceless, it stands far above personal comfort, stability, money and social status. When I see the coffins of three young men who died on the barricades almost next to me I understand the literal meaning of the motto “Live free or die”.

Tunisia seems an ultimate Eden Garden to me in December 1991. From a balcony in Tunis I am following the final seconds of the Soviet Union on France's Antenne 2. Palms outside the balcony, muezzin calling to maghrib prayer from a nearby minaret, warm December air smelling sea, croissants and cezve-brewed coffee, the Soviet Union shutting down — I must be dreaming! Unlike Slobodan Milošević, Mikhail Sergeyevich Gorbachev nobly refuses to save the unsaveable, and the Soviet hammer-and-sickle banner in the Kremlin is peacefully (!) brought down two minutes after Gorbachev's speech and 74 years after Lenin's October coup d'état. Gorbachev's noble decision to step down and to turn off the lights prevents a massive civil war à la yougoslave and highly probably saves my life in a potential gigantic slaughter.

It's incredible: the Evil Empire is no more, [almost] without blood and without opposition: no one across 11 Soviet time zones wants to defend the bankrupt socialist idea. I am 1000% certain: socialism is buried for good, Big Brother will never resurrect. It's clear: the false Marxist concept didn't work, equality of condition is a delusion.

I look back at the long history of socialism from Saint-Simon to 25 December 1991 and I have no doubt: socialism was so sickening and disgusting, its ideology was so unnatural that none of its elements will ever be solicited by the humanity. And it's absolutely obvious to me: dogmatism and indoctrination have no place in the new world, it's done forever with unfreedom, with censorship, with ideologies, with '1984'.

Hm-m-m, okay...

Two weeks ago I flew to Tunis from the USSR, but the day of return flight I am returning to *another* country with a different name and a double-headed eagle on the coat of arms. Four hours of flight with a cigarette in hand (inflight smoking is allowed behind the 20th row). The touchdown is hard and my kaleidoscope shakes once again, this time very abruptly.

Pattern #3: Early Nineties in the Post-Soviet Russia

Forget what you've read so far. It's all over, *all* of it. Life begins from scratch — the old system of coordinates is of no use, old virtues become drawbacks, old connections become useless, new qualities are needed, but nobody knows which ones. I'm in the post-Soviet Nineties.

The human history has known a number of examples of socialist revolutions and coups d'état, but nobody knows how to go back. The state abandons regulation, planned economy dies overnight, prices are liberalised that same night — the free market is born. The liberal reformist government of the young Russian Federation calls it "shock therapy". As if with a wave of a magic wand, shops are filled with goods, and the ill-famed shortages of socialism vanish in a second: prices rise 10-20 times overnight, no more queues in Russia since 1/1/1992.

Very high inflation, daily price rises. Savings are exclusively in US dollars and German marks. Prices are displayed in "conventional units" (1 conventional unit = $1), otherwise it's too tiresome to update the rouble equivalent every week. You can pay directly in dollars, the sellers are happy. It's wise to immediately convert the rouble-denominated salary to USD or DEM, otherwise you lose 15-20% in purchasing power by the end of the month.

Airfields and stadiums are converted to huge open-air markets. I buy my first Casio watch on the stage of a former theatre. I know a number of people who have lost all

their savings (and sometimes borrowed money) in financial pyramids which are aggressively advertised on television. I make my first investment with the privatisation voucher, my personal share of the Russian economy. Russia is for sale in every sense.

Total social disparity. Street markets everywhere, they are endless, people sell their possessions (books, dishes, shoes, jigsaws etc.) or what the "shuttles" (former engineers, scientists, lecturers of Marxism-Leninism made redundant) bring for sale from Poland or Turkey: underwear, jeans, trainers, lipstick. Multiple beggars in the street.

> In a grocery an old man is kindly asking me to buy him some bread OR milk — he doesn't expect to have both.
>
> 10-years-old boys are quickly washing the windscreen of our corporate Volvo 740 at the traffic lights, they are very likely homeless.
>
> A lorry in downtown Moscow, its driver is loudly advertising the cubes of Sonja margarine: "Humanitarian aid! Directly from Germany! Low prices!"

Total freedom, absolute freedom, crazy freedom, nearly anarchy! Full freedom of the press, of mores, of associations, of speech, of movement, of everything. No limits at all, even sky is not the limit. Cultural and social disorientation. Manifestations of all kind, dozens of known and self-invented religions, prophets, charlatans and tricksters. Real democracy: 26 political parties are running for elections, 25 of them are populist.

Time of huge opportunities and time of huge risks: chances vary from -∞ to ∞. One may get fabulously rich in one month and lose everything, including freedom and life, a month later.

Rule of the jungle. Moral relativism. No more empathy, no solidarity, no social responsibility. The social tissue disappears. From then on, a massive vault-like door made of steel becomes the new symbol of the post-Soviet society — every man for himself now.

> Every day on my way to the university I see an old man begging in an underpass with a sign "Please give, I'm hungry" — and nobody gives. One day the man comes with a dog and changes the sign to "Please give, my dog is hungry" — and since then every time I walk by I see and hear people dropping coins into the bowl next to the dog. And I understand that something is fundamentally wrong with the mankind.

Crime and insecurity. Gang wars. One quiet summer night I can clearly hear machine gunfire in a public park in Moscow. Criminals' argot invades the everyday Russian language, one of the new words is *bespredél* — absence of any rules or limits, total outrage in the Pulp Fiction style. Life doesn't cost much: assassinations are priced around $2000 in Moscow (cheaper in the province), certain people seriously consider killing as a real option, among others, in solving their business and personal problems — it is called "to order somebody", like you order a coffee.

The best gift for a girlfriend is a pepper spray.

> I have heard that some of my secondary school alumni joined organised gangs with different outcomes: from long prison sentences to cemetery. Rows of fresh tombs in Russian cemeteries, terrible figures on the headstones: 1969-1992, 1972-1993 — all young Gen Xers. My ex-classmate Sasha is on the opposite side of the barricades: he graduates from the police academy and he is shot dead in the very first month of service.

The mini-Civil War in Moscow in 1993 is very close to me. I stay away from the riots, but at night I can clearly hear the tanks' tracks clanking on a highway nearby. I see the burnt Russian Parliament some days later, that's the place I was defending against the Communists two years earlier in 1991 — the picture is ominous and deeply symbolic.

Western goods invade the shops: Snickers, Kellogg's, Tide, Uncle Ben's, Amaretto. I'm still indifferent, but everybody knows that Royal™ 96% spirit from Holland is a Lego: 4:6 to water makes vodka, 2:8 to water + some concentrated sugared milk makes Bailey's.

Cops check my ID near my university because they think I'm Chechen — the First Chechen War has just begun. The war is shown on TV in every detail including throat-cutting (no 18+ disclaimers, sorry). Images and commentaries are contradictory — yes, freedom of the press is absolute.

> I strike a gentlemen's agreement with my university friend Zubaìr: if I'm drafted and sent to Chechnya, I will desert from the army and I will find his house lost in the mountains of Dagestan (he gives me the address), his family is aware, they will be sheltering me as long as the war continues. Reciprocally, I pledge to shelter Zubaìr in case of anti-Caucasian pogroms in Moscow. Just in case, because everything is possible in the early Nineties in Russia, including pogroms.

Bribery is total. Everything can be bought for money, the only exception is a nuclear head. Trivial daily problems can be solved for $10. A $100 bill is a panacea, President Franklin can open any door. They say that in Chechnya a Kalashnikov can be bought for as little as $100, but a tank (a tank!) is more expensive: $3000 – 5000[14].

Police is a "commercial" organisation: they will start investigating only if you pay (tariffs are publicly known), but even when paid, their action will stop where the interests of "serious people" are involved. Asked in a poll if it is good or bad to see a police squad approaching you in the middle of the night in a dark deserted street in a Russian town, 96% of the asked respond "very bad".

> A driving school in Moscow in 1993, the day of the final exam. In a group of 20 students I am the only one who can drive, 19 others can't. 19 others have paid a fixed price to the police officer who came to examine us, and many women in my group are receiving this driving licence as a "gift" from their husband or lover, many of them have never attended a driving lesson at all, they don't have a clue what the "third pedal" is for. Individual "contributions" are centrally collected by our driving instructor acting as intermediary: he has a list of names in one hand and an envelope in the other. Those who put money in the envelope will have their licence without passing the driving test and even without getting into the car. I refuse to pay: I *can* drive and I'll prove it, so my name is the only unchecked name on the list. We are two in the car: the fat major tells me to pull over and to get out of the car 60 seconds after my driving exam starts. Major says I ran a red light, though it was green, but... whom would they believe? This is major's revenge for the missing $100 bill in the envelope. I don't know why my second attempt worked a week later with another officer as I paid nothing, again. It must be an unexplainable miracle.

My student jobs include: loader, draughtsman, examiner of languages for a recruiting agency, market researcher, translator for a travel agency, tourist guide,

[14] https://meduza.io/feature/2014/12/15/lozhas-spat-lyudi-proschalis-drug-s-drugom

van agent (salesman) for Mars Inc., interpreter for a private investor and for the American Presbyterian Church.

> The latter is the most ungrateful job — the "parishioners" are old ladies with zero Christian background and no idea about the Bible (that's normal), they understand absolutely nothing of my translation of the sermon held in a cinema theatre, their only question is: "When will God punish Yeltsin?".

Being a student intern in the Moscow office of an American consulting company for 2 years is very different. It's about discovering the West economically and socially. Absolutely everything is revolutionary new: ~~Soviet~~ Russian students learn to structure and commercialise their ideas, they discover Lotus 1-2-3 on heavy thick laptops and collect empty Finland-made cans of Coke on their desks — it's a tangible symbol of success in 1992.

Thank you Early Nineties for having put my pain threshold very high. If I resisted and survived *this*, then I am immunised against the fear of change, against the fear of difficulties, against whining, burnouts and spleen. I am insensible to discourtesy and offences, it's hard to destabilise me. I have little fear overall. From then on, I know that absolutely nothing is set in stone, I take nothing for granted and I've learnt to enjoy life and to tell the difference between real problems and minor issues.

▶ Pattern #4: Free Europe (1995-2006)

Crossing the border to the West in Rome Fiumicino in the early Nineties: it's a revolution. I see, I live, I breathe the West. Western Europe is united, the young European Union is already born, but its bureaucracy has not yet grown to colossal forms, the Union of 15 is relatively light, balanced and manageable. It's the spirit of Maastricht, the EU is in its best form driven by the Four Freedoms and based on the common sense and diversity of its members. It's a *union*, not an empire yet. Schengen enters into force and removes internal borders even for foreigners — it's awesome.

> Entering the formerly forbidden FRG from the Belgian village of Eynatten on a secondary road N68: a mere sign "Bundesrepublik Deutschland", no watchtowers, no minefields, no barbed wire — thát simple?? I pull over at the border and I walk into and out of the former West Germany several times: in, out, in, out. Not a living soul in the area, the customs office is closed for good, nobody in the passing cars is interested in my "testing the border". Nobody can understand the importance of this moment.

Cologne, Bonn (still the capital), Bochum, Marx's Trier — these words used to be purely theoretical names for me, like seas and craters of the Moon, but it's for real, I am eating a quarkkuchen near the Aachener Dom — that's way better than watching the trees on the Hessen-Thuringia border from Pattern#1. First footprint in France takes place in the town of Maubeuge, it looks so Parisian!

Free, open-minded and open-hearted Belgian people. Little or no hierarchy in the relations, easy and pleasant communication. Rule of law. An excellent balance between order and freedom of spirit. Solidarity in action: the awful Dutroux affair prompts a strong indignation of the nation, it demonstrates the ideal of a civic society.

'Liberté, Égalité, Fraternité' — these great European principles work. Free people with equal rights living in a spirit of solidarity — isn't it the ideal recipe? Isn't it the **'City upon a Hill'**? It is! I would have never believed it if I had been told then that in

2019 the activists would fiercely attack this system of working and flourishing European values.

Universities (even Jesuit Catholic) predictably tend to the Left ideas, but there reigns a spirit of pluralism in the aulæ, debates are open and therefore interesting, diversity is in action. Zero propaganda of anything. Zero dogmatism of any sort. The student information boards are exclusively filled with studies-related materials and the walls are clean. [What's the point? Read further.]

Internet is a revolution!! Pinging from Belgium a researcher in Ireland with Telnet in 1995 typing: 'Are you reading this?', and he types back 'Yes' — from Ireland! — in real time! — it's an absolute miracle! Yahoo is a catalogue, not a search engine, you have to *submit* your website to them to be considered by humans for listing. Internet exists, but Google doesn't. No tracing, no contextual ads, no bots, no toxic cookies, no Big Data, no unreadable user agreements, almost no registration, almost no moderation — the young world-wide web is anonymised, it offers privacy to its early users. It's unbelievable in 2019, but freedom of the Internet is total! Web 1.0: content is generated by site owners, not users. E-mail is a revolution and a privilege for the academic and business communities.

E-mail is here, but **communication remains natural** through talking, phone calling and writing — I know voices, body language patterns, fragrance preferences and handwriting of people around me. Human interaction is 99% real (1% is e-mail): asking strangers for direction in a new country gives a great feeling of integration and human contact. Local people are not as accurate as Google Maps, but even if they give me a wrong direction it's an adventure, a living experience from living souls.

We live free and behave naturally. We have no fear of being filmed/photographed by the first stranger with a smartphone. People don't have a clue [yet!] they might involuntarily become world-known "youtube stars" when caught in a romantic affair outdoors or when dancing a funny dance for friends. Interesting things are watched by the eyes and *lived*, not filmed. Nothing is recorded, nothing is broadcast, **privacy is total**.

First "mobilophones", a new etiquette: those sitting in a restaurant who don't switch their phones off or even make their Motorola visible are seen as rude and badly educated. SMS cost money and are hard to type: think twice before you spam somebody with a series of worthless messages. As a result, electronic communication remains concise and meaningful, in no way it replaces physical interaction. At home the cell phone is always switched off: landlines are much better. Massive digitalisation is not there yet, Internet is one of the *tools* for the real life, not a virtual reality. And a holiday is still a holiday: no smartphone, no laptop, no 24/7 newsflow — total zen with just sea and sand.

We are not obsessed with security. There are no watchtowers with whistling lifeguards on every beach: we swim where we want and how we want. Wearing a belt in your own car is not an automatism. No chase for the eyedrops in the airports, even in the first post-9/11 years. No one warns us that the coffee is hot (it's obvious), and many Internet users have a 123 or azerty password, there is no harm.

We are not obsessed with anthropology: we don't care who has what length of the nose, what colour/shade/nuance of the skin and what shape of the eyes. We deal with *people*, not races. They are looking at me, not at my skin. In the first Emoji release we are all equally yellow, not yet segregated by the racist Fitzpatrick modifiers. No special attention is paid to any group on any metric, and there are no specifically tagged groups — the society is naturally diverse and balanced without

top-down political directives. I have no idea and no interest to know how many people of this or that anthropological build work in my organisation, and we are not counted, it's normal, because — ugh! — labelling people is disgusting. Minds are healthy: children of all origins in the multicultural Belgium hug and kiss Sinterklaas and Zwarte Piet who are naturally associated with joy, sweets, smiles and gifts, *never* with colonialism.

All rights of all categories of people are fully secured. There is no point in struggling for the human rights: everything is already done. If you hold a EU passport you can simply enjoy your rights, do what you want, be what you want — the Free World is all yours!

Nobody counts men and women in European companies. The term "politically correct" is new, strange and funny — nobody believes we might ever have something similar here in Europe — what for?! The word 'chairman' doesn't hurt anybody, 'chairpersons' are not yet invented. And there are no 'persons' yet, there are men and women happy to be what they think they are. There are 'fathers', 'mothers', 'mesdemoiselles' and 'Fräuleins', and everybody in the Free Europe is happy.

> Residents receive a letter starting with "Chers habitants, voisins et amis, nous recherchons un représentant pour le comité de l'école" and a mother enthusiastically replies and enrols. [What's the point, again?? Read further.]

Minds are open in the Free Europe, freedom of expression exists and flourishes. Nobody plays the victim.

> My Belgian boss is a charismatic leader, he loves his team and he likes jokes. He draws arrows to a photo of a flock of goats published in the Financial Times putting our names: this goat is "John", that goat is "Mary", the ugliest is me as usual (the arrow reads "Mr Vodka"), and the photo circulates among the "goats" who will read the FT after the boss. At a team meeting he says it's a pity that our pregnant colleague can't defend our team in the tennis tournament because she's "inflated again". Another colleague is introduced to a visitor as a "case of social reintegration". I am Mr Vodka for him for years, he re-writes my e-mail sent from a business trip in Cannes, adds an indignant comment "Do you find THIS acceptable???" and forwards the altered text to the team and to the management: "I'm so fine here on the beach, lots of free drinks and food, the sea is warm, the parties are crazy, the models are charming, thank you dear boss for having paid my holiday with company's money, I'm lifting a glass of vodka to you".
>
> My Belgian boss draws a beard on a photo of his direct report and pins this retouched photo to the wall with a comment: "Warning: Bin Laden" (the hunt has just begun). Times are different: nobody finds a slightest trace of insult in this. Times are really different: it's his way, it's absolutely fine for everybody, including the "inflated" and "Bin Laden" who is observing, without interest, his photo exposed for a week or two before it will be replaced by something else in the same style. Our society is still healthy: we tell the difference between what is ill-minded and what is not. (Spoiler: Nothing is ill-minded and has never been; I have never been a witness of a smallest offence, insult or harassment in the Free Europe world).
>
> … I wonder how long would such a boss stand in today's 2019 before (s)he is fired and likely suited: half a day or half an hour?

Minds are healthy. Nobody feels offended.

> A foreign professor in my university doesn't speak French well (he teaches in Dutch), he says to a female student: 'Problème? Viens alors après les

> cours dans ma chambre, on va régler ça' instead of 'venez'/'passez' and 'mon bureau' of course. She bursts out laughing, he gets it and begins to laugh too, nobody even *thinks* of a sign of harassment. And the word 'harassment' is strange, exotic, and definitely U.S.-flavoured.

The "**Y2K bug**" — will the missiles launch themselves? They don't — and an ocean of happy people is counting down to Millenium on the Champ de Mars in Paris. "Trois, deux, un, bonne année!" — and from now on I'll be writing/typing "19.." for my date of birth only. Some RER trains are delayed because of the restarted servers — that's the only occurrence of the Y2K "bug" I can notice.

The **euro**! On 4 January 1999 I am the first client in town who converts the bank account from BEF to EUR — the whole staff of the branch are there to see that idiot. During 3 years the prices are shown in two currencies, and my early adoption of the euro scale helps me a lot in Spanish supermarkets and German museums, I feel home everywhere.

> The 2001 Christmas gift of my employer is a plastic bag with euro coins minted in Belgium with Albert II on the obverse — I can't use the coins yet, it's an early preview before the official introduction. I take the coins with me to Holland when visiting friends, and Jeroen doesn't accept the proposed exchange of a coin or two: he thinks his NL-coins with the Queen are "more genuine" than mine with the King.
>
> Two weeks later the New Year 2002 is celebrated in the very heart of the united Europe in Jubelpark under the gigantic euro logo, countdown to 0, and at 1 a.m. I withdraw the first brand new €20 bill from the ATM. I have to wait for half an hour: people are queuing up in front of the street ATMs to touch the long-awaited European banknotes with Romanesque bridges and Gothic windows. Every day I check the coins I receive: in the first days of January they are Belgian only; then gradually French and German ones add up before a total dilution.

It's unbelievable: we are only 59 years away from the martial logic of distrust and suspicion of the Fort Ében-Émael and the Maginot Line (and only 23 years away from the Francoism), but today we all share the same currency for the single market! And I am observing Polish and Hungarian battalions marching on Brussels' Grand-Place in a military parade — Central Europe has recently joined the NATO. The probability of war in Western Europe is 0.0%, the EU has fully accomplished its initial mission. Hieronymus, I know you can't believe that, but it's true.

Dreaming is still big. Minds are agitated by incomprehensible but absolutely fascinating discoveries: decomposition of the human genome, the proofs of Fermat's theorem and acceleration of the expansion of the Universe. And of course Dolly the Sheep is the absolute #1 newsmaker.

Goods are of good quality. Most objects can be repaired when broken, by a service centre or even by myself. Natural tactile interface with assigned buttons always at the same place, no multi-level menus.

Smoking in a restaurant is perfectly fine, from McDonalds to the high-class *Maison du Cygne* on Brussels' Grand-Place. At the entrance the waiter asks 'Smoker or non-smoker?' and everybody is satisfied. Our corporate cafeteria is split in two parts by an airtight glass wall: for smokers and non-smokers; we are free to choose where to go and our free choice is fully respected. Cigarettes' brand names, logos and consumer information are on the pack, not inside the pack, and there are no photos of autopsies. Smoking is not a sin, non-smoking is not an exploit: enjoy your choice, enjoy your life.

A bank account abroad is not a sin either, it can be numbered if you wish, it's all fine. Cash is not a problem, paying with a 10000 BEF bill is OK, the payer is not treated as smuggler or trafficker, while electronic payments with Bancontact do *cost* money: 5 BEF per transaction. *Mrs. Doubtfire* and *Rabbi Jacob* are family comedies, not offences against anybody. Tintin and Disney are not censored. Common sense in most areas: driving without lights at midday is an evidence (and the motorcyclists are happy because they are much better discernible when only their lights are on). Trivial medicines may be bought without prescription: ***I*** decide what is good for me and what to take, not the State.

Massive recycling starts in most parts of Europe (even my unused Para 9mm cartridges can be recycled) — it's a responsible choice of responsible citizens, not a religion yet.

What else? Life is beautiful. The world is nearly perfect, the Free Europe pattern in my kaleidoscope is showing me a beautiful picture of a nearly ideal society. *This* Europe is the **'City upon a Hill'**, the Europe I was dreaming of on the grey Socialist side of the Iron Curtain. This Europe of 1995-2006 — free, democratic, open-minded, open to discussion, diverse, healthy, strong, self-assured and proud of itself — is indeed the **'beacon of hope'** I was imagining when I was heading my SW radio antenna to the West and when looking westwards through the barbed wire in Berlin. *This* Europe is for me the benchmark of a fair, pleasant and comfortable world you want to live in and to be part of. Europe is at its zenith.

Thank you Kaleidoscope for this chance to have enjoyed Europe in its best times. I live free in the very heart of the Free World and there is nothing to complain about: Western Europe offers security, prosperity, comfort, fun and — of course! — freedom.

For now...

▶ Pattern #5: '1984' in the Post-9/11 world

The Twin Towers change everything, they trigger a tectonic shift in the Western society. Shocked by 9/11 and driven exclusively by irrational fear the Western citizen quickly abandons the very essence that had been shaping the West for centuries: **freedom**.

It starts with the Patriot Act in the US which establishes total surveillance at the expense of personal freedoms. Very soon the whole set of freedoms falls like a domino chain. Capitulation of the Citizen to the State is immediate, unconditional and *voluntary*, with no regret about centuries of struggle for personal freedoms as if they never existed.

Unarmed and unprotected citizens paradoxically demand (and immediately obtain) tighter gun laws. The PRISM scandal is a non-event for 99%, even for the German chancellor who is being spied for years. Besides the Libertarian Party in the US (historically oscillating around 1% of popular votes) no political force raises the voice to repulse Big Brother. No such force *at all* in Europe. Only a mere handful of people resist, but Assange is imprisoned, Snowden is an eternal refugee, and no one else cares.

«Those who would give up essential Liberty, to purchase a little temporary Safety, deserve neither Liberty nor Safety» — Benjamin Franklin's saying of 1755 becomes a dismal prophecy from 2001 on. We have pre-paid safety with our liberty, but our purchase is still not delivered.

> I'm asking my local police how to protect my house against homejacking and a Belgian police officer advises me to… have my wallet and car keys ready right on the chest in front of the door: "So the homejackers grab it and go away, and THEN you can call us". Wow.

Privacy is dead. **"Telescreens"**: whatever I do, I am scanned, filmed and recorded. GPS tracking, QR codes, drones in the sky, radars on the road, face recognition on the street, voice recognition in banks' call centres, UV scanning in the airports: "that's for your security", they always say. Biometrics is fully operational. Deanonymisation is always running in the background.

> Even the plots of the Post-9/11 police series completely change: the Holmesian method is useless, Poirot and Maigret are losers, because the real winner in the battle is the one who had installed more cameras and who has access to Big Data. "Get the recordings from the lobby on June 15 at midnight. Zoom it in. Zoom in. Zoom in. Run face recognition. Oh, it's John Smith! Locate his cell phone. Arrest him. The end, directed by,.."

And then it comes, slowly but surely — **Dogmatism**, the new indoctrination of the XXI century. A "new ethics". A **new ideology without a name**.

From now on, things may be **binary "good" or "bad"** with no shades in between. Critical thinking breathed its last. Demonstrating independence of mind and freedom of judgement may be dangerous. Defending (and even having) one's own convictions becomes a challenge. Dissidents become outcasts, driven out by the new *bien-pensants*. Diversity is solemnly proclaimed, but the interpretation of this greatest word is one-way, like a diode: once your opinion differs from the narrow ideological mainstream, your diversity stops here. No interest in saving pandas (§2.2.4)makes you suspicious. Asking neutral and unbiased (!) questions about the climate puts you in a grey zone. No participation in struggling, again and again, for the rights that have *already* been fully secured years/decades ago puts you in a dark grey, almost black zone. Using words and concepts from the Free Europe era puts you in the black zone. Men behaving as men and women behaving as women put themselves in a deep black zone — femininity and masculinity are nearly outlawed.

Common sense is no more, it's quickly eliminated by the New Dogmatism. Unexplainable prohibitions.

> They confiscate my opened can of Fanta and my water-based hand sanitiser at the airport security. I may not wear my bike helmet in a supermarket and no security guard can tell me why it's forbidden. The French State takes ibuprofene and acetaminophen off the shelves in pharmacies: they think I can't read. The French State refuses me the right to buy a trivial nasal decongestion spray because I might "mishandle" it. The Swiss State refuses me the right to buy circuit breakers, to make my Garmin display the current speed limit, to own a radar detector, to..., … They "know better" what is good for us, so we are under a 360° "parental control" of the State.

Bank secrecy is dead. My foreign bank first sends the interest statement to my local taxman, and only then to me the client. Payment in cash is not welcome, €200 and €500 bills are massively refused. Dogmatism reigns on the road too: formal respect of theoretical speed limits (§2.1.5) becomes more important than watching out and keeping control. Animals are nearly equalised in rights with us humans: animals should be called 'he' and 'she', while we should not: we are now 'they'. Cigarette is the universal scapegoat, raising tobacco taxes is the universal answer of any government to any economic problem.

The Western population readily and joyfully adopts this **new Ideology Without an Idea**. We don't know whom we serve and why, we have no goal and no roadmap. We are facing a number of threats to our civilisation, but we resolutely refuse to use force whatever the circumstances. We citizens disarm ourselves by default, we think that the problems will be solved by a collective performance of "We Are the World, We Are the Children" in a circle hand in hand. We feel shy of our identity and success. Unlike the Soviets we don't put earplugs in our ears and filters on our eyes — no, we happily ingest everything. We are afraid of making a step away from the herd, afraid to enjoy our unique personality, afraid to make independent decisions, we are simply **afraid to be ourselves**. We want to be nice to everybody, we are frightened of making noise of all kind and we jump at your own shadow. We have completely lost the sense of humour. We readily follow the alarmists of all sorts and ages, we are seriously thinking of prohibiting paddling on the Geneva Lake because one Leftist said some birds might be unhappy to see us sailing. We fully commit ourselves to the new ideology without understanding what it is and even without knowing what is its name.

> Some people erroneously call the above "European values", but it is quite the opposite to what has always been known as European (and wider — Western) values including freedoms, individualism, competition, common sense, progress, pragmatism,.. What is it then? Metamodernism? Postmodernism? Post-Truth? Orwell's "Animal Farm"? Something else?

Docile, uncritical, naive, silent — we made ourselves ready for any sort of manipulation. Dictatorship will not come in a form of Robespierre, Mao or a coup d'état run by bad guys — no need! — the old kind *fear* will do the job. It all started with fear in 2001, remember? and **fear alone** will continue to drive our society. Just one spark — a new planet-wide virus, a new terrorist attack or even a planned false alarm — one spark is enough for the governments to finish the job of making of us a perfect bunch of sheep. We are ready. One spark — and we will readily finish undressing, we will docilely download governments' tracking apps (for "our own security", of course, as usual), we will be registering in public places and supplying all sorts of biometric and behavioural data the governments don't yet possess. We latently want to be governed.

Environmentalism becomes our new religion. Recycling (which is per se a trivial hygienic routine like toothbrushing) is its main rite, it quickly becomes an obsession. And Orwell's modernised **"doublethink"** is best seen on our recycling lots.

> Those very people who are proudly decomposing a used teabag into Paper (label), Metal (staple), Organic (tea leaves) and Non-Organic (nylon and cord) see no problem in taking a 777 to spend holidays on the opposite side of the globe because the place is trendy. I want to ask: "My friend, I admire your ~~show~~ move with the teabag, but why don't you start struggling for the planet by refusing to cut a natural tree every Christmas? And by stopping your over-consumption? Are you sure you need this 5.0 mastodon to drive in our small town with narrow parking lots and draconic speed limits of 20/30 kmh? — this kind of questions are useless to ask the (wo)man at the recycling lot, they will remain rhetorical in our doublethink world.
>
> However, the best doublethink example is the biker. He obeys no rules, he never gives priority to the pedestrian at a crossing, he is the uncrowned king of the road, and if there's a problem he will play the victim, always. This angel is not polluting the air, so ~~what?~~ we forgive him/her everything.

This new Dogmatism encourages **linear primitivism**: out of an infinite list of elements we pick up just one, and we stop there. When running for President, the

brilliant Barack Obama bears, as any other candidate, an ∞ of important and relevant qualities, but only the [absolutely irrelevant!] colour of his skin comes to the centre of public interest. Black, white, whatever — who cares, really?!! — I was *never* paying a *milligramme* of my attention to the shade of colour of somebody's skin, but now they inform me every day, by force, about racial and gender percentages in governments and organisations — hey, stop, I don't need your racial statistics[15]! I want to continue dealing with *people*, not with melanin. I still don't care about anthropology and will never do, but they insist again and again with their unsolicited pie charts that humiliate *all* groups they are so scrupulously counting.

Freedom of speech is abolished by **censorship**; and what is much more sad — by *self*-censorship; and what is even more sad — by self-censorship of good people *without any reason or any second thought*. No offence *never* takes place, *nothing* is wrong, but people get used to start every second phrase by a disclaimer like: "I'm not blaming anybody,.." or "I have nothing against [X/Y/Z],.." *whatever* they speak about: windy weather, high taxes or traffic jams. They do it just in case, as a precaution against a **"thoughtcrime"**, because in the binary 1/0 "good/bad" paradigm it's very easy to get your forehead stamped by an absurd and undeserved label even if you were speaking about short holidays. The genuine meaning of the Je Suis Charlie movement (cf. §2.2.1) is misunderstood by 95% of participants: days after the murder the false self-proclaimed charlies bring back the scotch tape to their own mouths and they resume shushing at the true charlies who left their mouths unscotched.

Freedom of expression is formally abolished by **"newspeak"**, which is called "politically correct".

> I always thought I grew bald, no — I just became "comb free". I thought I was an immigrant, no — I am a "newcomer". I was myopic, now I'm "visually challenged", I was a chairman of an association, now I'm just a "chair" ~~with four legs~~. "Newspeak" rules, students massively become "participants", professors become "formateurs", fathers and mothers are replaced by "Parent #1" and "Parent #2", and a newborn baby is "Madame". Hieronymus, please amend the 5th Commandment in your prayer book: "Honora parentum primum tuum et parentum secundum tuum".

People **feel offended** for absolutely no reason in 99.9(9)% if not 100% of "cases" invented out of thin air. Some people are offended by the word 'OK', some others by the word 'boy'. Apologies all the time, everybody apologises: actors, professors and princes of blood. Instead of presenting the fantastic Rosetta mission, the astrophysicist Dr Taylor apologises for his shirt he received from his girlfriend. Sacha 'Borat' Cohen is flooded by complaints and lawsuits. The new **Cancel Culture** is the full equivalent of Orwell's **"memory hole"**. The "cancel" punishment applies to those who still behave as if the freedom of expression existed, to those who accidentally cross the invisible red lines present in some overexcited minds. Philanthropy, leftism, £1mn for the Labour and even Harry Potter didn't save J.K. Rowling from "cancellation" after a tweet in support of a fired woman: no one tries to understand the complexity of things in the Dogmatist World, they just "cancel".

Here and there they massively apologise for said and unsaid words, supposed thoughtcrimes, untaken positions and unmeant meanings.

> ✉ Residents again receive a letter, this time reading: "Chers habitants, chères habitantes, chers amis, chères amies, che(è)r(e)s voisin-e-s! Nous,

[15] cf. §2.5.73 at page 368

> les femmes et les hommes de la commune, recherchons, en toute transparence, égalité et respect pour tous les groupes de la population sans exception, un.e nouvelle/nouveau acteur.ice.s de changement et citoyen.ne responsable, à savoir un-e représentant-e (f/h) pour le comité de l'école, un endroit où les filles et les garçons de notre commune [...]", and an offended mother is furious about the letter because it starts with the masculine form. She refuses to enroll in protest and the letter goes to the recycle bin.

Any IQ is now good to get to the tribune.

Politics is 'post-truth' politics. Citizens' opinion is of less and less interest. All of Central Europe vote in national referenda to enter the European Union, the "groom" largely says 'yes' (up to 94% in certain countries[16]), but nobody asks the "bride": the Old Europe's opinion is simply ignored. I would have voted 'yes' for 10 out of 12 new members, but I want to be asked! Sometimes they ask, but then they drop the idea: French, Irish and Dutch voters reject the EU Constitution, but the EU imposes the Lisbon Treaty without talking to us any more. The prosperous UK is unfortunately slamming the EU door, and in front of this door we see countries whose GDP per capita is 24 times lower than their future economic "peer" Luxembourg[17]. Protests materialise in the anti-establishment movement, which is ostracised, as usual.

While our liberties are rapidly losing ground, there is taking place an absolutely **fantastic digitalisation of the planet**. Internet quickly proliferates in width (number of users) and in depth (functionality) and revolutionises everything: communication, work, entertainment, shopping, banking, dating, reading, writing, travelling — literally everything. Information has never travelled as quickly and easily as today. Economy becomes Internet economy. Web 2.0: content is created by the users before being severely censored by the platforms. Artificial intelligence everywhere. Getting online help from the bots "Amanda" and "Simon", not humans. Smart homes. Digital "social credit" and perpetuity of electronic traces: what has been published on the web will remain for eternity in caches and screenshots. No more incautious sayings and spontaneous jokes — think twice before you type something or even better... don't publish anything, so you'll be better off. Hieronymus, you could "undo" your mistakes through penance, we can't.

Digitalisation brought comfort, and we paid this comfort with our freedom — with what remained from our freedom after 9/11.

Over millions years of evolution the human body was losing unnecessary parts: tail, supernumerary nipples, 8th teeth,.. Now for the first time the human body *receives* something. This extension is called **smartphone**. This unexpected acquisition changes the very nature of the human, the way we think and reason.

> No more need to compare facts and opposite viewpoints from multiple sources: the first line of a Google search tells it all. No need to learn languages: Google Translate is enough for most uses. No need to talk to people: a short texto is better. No need to develop social skills: a digital community is enough. No need to make homo sapiens' brain work to remember formulas, physical constants, names of the streets, dates, poems, names and numbers of the motorways — most of the brainwork is outsourced to the external piece of metal. How do I know where is the North, how to calculate the volume of a cone or how to recognise a constellation in the night sky — no clue, but there is an application for everything. Right, Siri?

[16] https://fr.wikipedia.org/wiki/Cinquième_élargissement_de_l%27Union_européenne

[17] https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_sovereign_states_in_Europe_by_GDP_(nominal)_per_capita

The **human brain went on holiday**. As a result, the average IQ of the world population started dropping by ≈ 0.2 points a year. (“Ignorance is strength”? © G. Orwell) The mankind has probably passed the peak of its intellect: the turning point appears to have occurred in the mid-90s[18]. That would amount to a seven-point difference between generations. Hieronymus, we are going back to you, see you soon.

Smartphone in hand at all times means **24/7 inclusion** (and intrusion) around the clock — obligation to react to instant messages within seconds, the worst behaviour is “has seen my message, but hasn’t replied yet”. Smartphone becomes clothes: it’s impossible to leave the house without the trousers and the smartphone.

Smartphones changed our **language**, they established a new epistolary etiquette for 7+ billion people. A text message using 26 characters without emoticons is regarded as cold and impolite.

> Hieronymus, have you heard of the Egyptian hieroglyphs, those eagles, owls, bulls and snakes? We have them in our WhatsApps. Though to eagles and owls we prefer cats with tears, eggplants and piles of poop.

Smartphones changed our writing style too — long reads (like this one) without action buttons and embedded funny videos with dancing dogs have no right to exist. Only short-lived news matter, only simple quickly scrollable information can be of interest.

At the same time the mankind is living a fantastic **progress in the offline**! Healthcare, machinery, pharma, automotive sectors are revolutionised. Steady growth of the world economy. Incredible rise of China from ashes to #2 in the world (Have you ever heard of China, Hieronymus? It’s a vassal of the Mongols). Social peace. Prosperity. Abundant offer. Large choice of goods and services, sizes, colours and shades from all over the world. Accessibility of travelling: with a low-coster I can cross Europe for €15, that’s less than the first euro bill I withdrew back in 2002. Internationalism and multiculturalism push aside the narrow-minded nationalism. Supranational self-consciousness is gaining more ground. Globalisation is economic and cultural: Apple Music’s Top-100s are nearly identical across 150 countries. Automation of processes that used to be operated by humans. Disappearing professions, emerging professions. Ageing population: even the 25-year-old are concerned about their pension. Quotas. Undemocratic affirmative action (aka positive discrimination) is the new normal that nobody dares to recognise publicly — it’s very dangerous to call a spade a spade in 2019. Solar panels on the roofs and gigantic windmills change the landscape of Europe. Religion declines dramatically.

> The Saint Clement church in my village remains empty and deserted two out of three Christmas Eves: the mass is celebrated in turn in one out of three Roman Catholic parishes — there are not enough people to fill three (even two) small churches at the same time. The former chapel is converted long ago into a social centre. Hieronymus, I know you can’t believe that, but I’m not lying.

Dreaming? Of course! But galaxies, science, genomes and life on Mars are of no interest. The most thrilling intrigue of the year is how the new iPhone will look like: with a vertical or a horizontal camera — *that* is the question.

As **parents** we Gen Xers are the opposite of our parents Baby Boomers: we micro-manage our children Gen Z-ers, we live their lives not ours, we wrap them in a cotton-wool, we give them 10× more time and involvement than we had received

[18] http://www.bbc.com/future/story/20190709-has-humanity-reached-peak-intelligence

from our parents Baby Boomers. We have convinced our kids that the world is a dangerous place, while we perfectly remember we were living in 100× harder times and we didn't think then it was dangerous at all.

Gen Z-ers naturally have their ideals and heroes, but goddamn, sometimes I feel they envy us Gen Xers our rooting into the real world, our real emotions. And of course we Gen Xers will blow up any Gen Z-ers' dance party with the first notes of our *One Way Ticket, Hafanana, Life is Life or Бу!-ра!-ти!-но!*

✸✺❇❇※❇❇✻❄❀✽✿❇❁❇✸

I must have under-rotated my kaleidoscope because my Post-9/11 pattern looks suspiciously like something I've seen in the very beginning of my observation. After so many radical changes in the kaleidoscope we in 2019's Europe are incredibly far from the gloomy socialism, but... what do I see in my 2019 kaleidoscope? Too many ☭-occurrences to be simple coincidences.

☭ 2019 Streets are renamed for political reasons — I recognise my Soviet childhood.

☭ 2019 The Soviet homemade shit from "solidarity fairs" is here again — now under the Greenpeace/WWF banner.

☭ 2019 Repeating every word in two grammatical genders is a literal flashback from the Lenin-Stalin times with the ubiquitous 'kolhozniki i kolhoznitsi', 'rabotniki i rabotnitsi' ("he-workers and she-workers") etc. in every address. Already under Khrushchev this redundancy looked useless and obsolete, but today the old kind 1930s style is surprisingly back again[19].

☭ 2019 The old kind "kitchen conversations" are back. About everything, openly, humorously, as free men, but only among close friends of trust and only live (the public sphere and Internet are severely censored — again!). My Geneva kitchen turns into a Leningrad kitchen: I didn't want it to, but it does.

☭ 2019 The old kind 1st of May is in 2019 identical to what I've seen in the USSR with the difference that the Soviets did it lazily to tick the employer's box, while today's marchers are *really* motivated by the socialist ideas: 'Bandiera rossa' sung on a Genevan street is a time machine taking me back to Leningrad, again.

☭ 2019 The old kind socialist holiday of the 8th of March, established by Clara Zetkin and glorified by the Soviets for 73 years (it was an official holiday), is celebrated in 2019 Switzerland loudly and fervently: with full coverage of the press, with mandatory lectures at schools, with rallies and women's strikes. For the Soviet people the Socialist roots of the 8th of March were completely forgotten: no politics, no fervour, it was just a good occasion to celebrate women, just a good reason to buy flowers.

☭ 2019 The old kind visual propaganda! I thought you died in the USSR by ±1988, buried by Perestroika… but… you resurrected from ashes in the Post 9/11 West. Information boards in universities and high schools are

[19] https://youtu.be/1tQ8_OCTbKA

filled with propagandist materials, and sometimes you can't see the colour of the walls: walls are densely covered with the posters affirming boring truisms (in case you forgot).

☭ 2019 Even the old kind ☭ *polit-informatia* at schools are back! With different topics, but with the same mandatory presence of pupils (teachers are noticing the absent) and with powerless ~~Soviet~~ parents having no right to spare their kids from the guest lecturers activists preaching to the minors (cf. Swiss Criminal Code, Art. 67a) — MINORS !! — the details of their sexual lives and experiences they undergo with their bodies.

☭ 2019 The old kind Soviet zeal for collecting recyclables is back, but it's more fervent now: the Soviets were recycling because of poverty, we recycle because of the principles.

☭ 2019 The fervour of the activists in 2019, in general, reminds me the revolutionary fervour of the first decades of the USSR. With a revolutional fervour we struggle [for the already acquired concepts]. With a revolutional euphoria we sincerely believe we are "saving the planet". With a revolutional merciless we aggressively label and cancel the independent minds.

☭ 2019 Obedience and muteness of the masses is highly recognisable and identical to the late Soviet times. "Take low profile and shut up, you'll be safer" is again the most wise advice to give and to follow.

☭ 2019 The Soviet rejection of alternative opinions is alive: new and old "uncomfortable" political parties across Europe are ostracised and put beyond the "cordon sanitaire"; it's a good taste and a mandatory rite in 2019 to spit upon the Trump family *whatever* they do or say

Today's militants and defenders of the already defended are way more ardent and uncompromising than those sluggish Communist "activists" from the 70-80s. If the Communists had hired today's defenders of the defended, the USSR would have never collapsed, that's for sure!

> Though... no, no chance... Today's Western militants would have refused the job: they prefer to safely defend the already defended in the sterile streets of Geneva or Oslo with a glass of hot wine after the march than to defend what really and dramatically needs to be defended in Moscow, Tehran, Riyadh, Ürümqi, Ashgabat and many other places, where a Western action would *really* make a change. Thís, for example (photo) is a real problem, not my plastic straw. But the militants focus on my straw that will never finish in the ocean from the landlocked Switzerland.

All kidding aside — having forgotten that equality of *rights* and *opportunity* has already been granted to everyone in the developed world, they want now the equality of *condition*: forced wage-levelling, base income for everyone, quotas, prohibitive taxes, etc. But... wait... sounds familiar... the "equality of condition" is what? — it is exactly, 100%, letter for letter, the very central point and the ultimate goal of the *Marxist Communist* model.

They say: 'We are struggling for a good cause!' Maybe, but any ideology struggles for a "good" cause, none has ever struggled for a "bad" one. They say: 'You can't

compare us to the Soviets! It's different!!' Different in what? In names, yes. In symbols. In details. Not in fundamentals. All closed-minded indoctrinations are fundamentally similar, even if they don't bear a name.

My vaccine from the Socialist Pattern #1 makes me extremely sensitive and watchful to this kind of things, I am ~~un~~fortunately in a good position to judge: a burnt child dreads the fire.

I'm observing the current Post-9/11 Pattern #5 and I see dogmatism on all levels, indoctrination, end of the freedom of expression, end of privacy, "cancel culture" meaning ostracism and social exclusion for the dissidents (and even for those who were *named* dissidents without being dissidents), fear to destroy one's career because of an innocent joke judged misplaced in someone's morbid imagination, an almighty state that wants to issue a directive for everything, total surveillance, docile citizens giving up their freedoms and voluntarily stripping to the skin in front of the state and each other, an army of genuinely motivated ardent defenders of a new Ideology Without Name — **which pattern is more Orwellian: Classic Socialism or Post 9/11?**

Was I completely wrong on Dec. 25, 1991 believing that in the new post-communist world it would be done for good with dogmatism and indoctrination? Was it that difficult to live free? Does history really go in circles?

Back in late 80s I had no doubts that 'Nineteen Eighty-Four' despite its British European setting was a parody of the Soviet society: telescreens, newspeak, doublethink, memory holes, thoughtcrimes — I found Orwell's text very funny then. I was mistaken: it's not funny and it's not about the Soviets. The European setting was not an accident. It's about here, it's about today, it's about us.

The circle is closed.

The splendid European 'City upon a Hill' I love so much is no more.

Only one though fundamental thing went wrong in the West: we ceased to be free. Who forced us? A conqueror? Genghis Khan? Martians? No. We did it ourselves. We have switched off the 'beacon of hope' for the soviet unions of today — who can be inspired by the Orwellian "Ingsoc" society like ours?.. In the former lighthouse we have opened a CO2-neutral auto-flagellation centre to purge the sins we have not committed.

Oh shit... how did we get there?..

▶ An overlapping Pattern #5.1: Living for the others

Erase — once again!! — from your memory what you've read so far, because the above was valid 1) for a *real* 3D protein-based life, and 2) for *our own* lives. Both concepts are outdated. Most of us have moved to the Fairyland of a planet-wide showcase of vanity and illusions — the social media are replacing the real world. All kaleidoscopes are now virtual.

Do you remember those [naive and absolutely ridiculous today] concerns about intrusion in private life in "Das Leben der Anderen"? Those concerns were next to nothing. The new paradigm is exactly the opposite — "Das Leben *für* die Anderen".

This time it's not Big Brother from the above Pattern #5 who shadows us from *outside* with cameras on the street poles. No, this time it's different. It's now a camera we have set up. Social media incite us this time to act *from inside*: billions of people voluntarily (!!) turn their home telescreens on and broadcast their lives urbi et orbi: what they eat, where they go and whom they meet. What was not yet leaked

to Big Brother is now *voluntarily* transmitted to Big Data as we say we "have nothing to hide".

The new currency of the humanity is the like. Real friends are replaced by virtual subscribers. Real helping action is replaced by adding a black ribbon to the avatar for a day. Demagogical equivocation: shadowing others' window-dressed lives is called communication with friends; posting and following informational garbage (a sunset, a kitten, a banal sight, a banal wisdom, a photoshopped selfie with a Madame Tussauds wax celebrity,..) is regarded as "having an active social life"; deep social isolation caused by spending 8 hours a day scrolling others' ideal stories is presented as inclusion and meaningfulness.

> In 2018, in the Louvre, I notice with horror that out of 150+ people in front of Mona Lisa only one (one!) lady is looking at the painting with her own eyes, all others are looking at their smartphones filming and taking photos of Mona Lisa. For whom, for themselves? Very unlikely: high-quality posters of all sizes are sold in the Louvre Shop downstairs. For whom then, for Instagram?.. *All* of them for Instagram?..

Social media spared us the necessity to reach a certain intellectual level to deserve the right to get to the tribune. 3-minutes registration and hop — you can start criticising Stephen Hawking. But... strictly in line with the policies: Facebook/Twitter policies in 2019 are comparable to the Soviet ones, and I am asking myself where could I express myself more freely: in the 80s in *The Cactus* school wallpaper or today on Facebook. I hate to say, but *The Cactus* was more democratic.

A covered camera and a scotched mic on Zuckerberg's personal laptop, a series of Facebook-WhatsApp scandals and rare feeble attempts to draw attention to the problem [Example One, Example Two] don't scare the uncaring users — whatever happens the world *must* see a trillionth crooked fuzzy photo of Mona Lisa.

... AND THEN?

Only 40+ years of conscious life and such a kaleidoscope!

	Classic Socialism (70s and early 80s)	Perestroika (1986-1991)	Post-Soviet Early Nineties	Free Europe (1995-2006)	Post-9/11
Personal freedom	Lowest	High	Highest	High	Low
Freedom of speech	Low	High	Highest	High	Lowest
Privacy	Lowest	Medium	High	Highest	Lowest
Safety	High	Medium	Lowest	High	Medium
Living standards	Low	Lowest	Low	High	High
Social comfort	Low	High	Lowest	Highest	Medium

Poor Hieronymus from the Holy Roman Empire! He has not seen a pro mille of what I have ⤴. Our successors the Millenials (Gen Y-ers) are enjoying the most part of the show with us, but Gen Y-ers have missed the unparalleled Socialism – Iron Curtain – Cold War tragicomedy, which was key to understanding the Post-9/11 world. Gen Y-ers have not been vaccinated against the dogmatism, which makes them an easier prey for manipulators than us Gen Xers.

Along with the Baby Boomers we Gen Xers are very lucky to be witnesses of such a diverse range of political and social systems, lifestyles and moral values, East and West, socialism and free market, crazy freedom and oppressive indoctrination, real world and an imaginary slideshow — all this through a series of social and technological revolutions. For us Gen Xers the needle of the compass has changed directions several times, and every pattern in my kaleidoscope was very [radically] different from the previous one.

The 2010s are counting their last hours, the bottle of champaign is ready in the fridge, it's an ideal moment to take a deep breath, look back and sum up.

The show has been absolutely **fantastic** that far.

My lucky Generation X is still powerful in today's world, but Generation Z is already entering the market. For natural reasons the Gen Z-ers have only seen the Post-9/11 and Living for the Others pictures — what understanding of good and evil will they have with only this experience under their belt?

And what comes next? The Matrix? Teleportation? Spare body parts made of plastic? Colonisation of Mars? Travelling through time? Or… rather a GPS biometric chip under the skin, an embedded beacon continuously transmitting to Big Brother my location, heartbeat, face expression and respiration rate — all this for "my security" of course?

I would prefer a plastic nose then.

2019-Dec-31

2.1.5 Her Majesty the Speed

> *Stopped by a policeman for exceeding the speed limit, Moshe Dayan says with a wry smile: "I have only one eye. What do you want me to watch: the speedometer or the road?"*
> *— A well-known joke*

I USED TO BE A GOOD DRIVER

A good driver is an attentive driver. A driver who is watching out, at all times. And I used to be one of those good drivers. My cornerstone principle was **360°×100%**: watch the road, monitor the situation around my car every second, anticipate bad surprises and leave enough room for correcting my own and others' mistakes. I was always adjusting my speed according to the real-time circumstances, not theoretical prescriptions invented by a bureaucrat in an office.

My first ±18 years of driving in the 360°×100% mode proved efficient and safe. I never looked at my speedometer during these 18 years, I was watching the road instead. I could be probably driving 32 km/h instead of the allowed 50 in a street of Namur if I deemed 32 the adequate speed. I could be probably driving 134 km/h instead of the allowed 120 when I was alone on the illuminated motorway in the middle of the Ardennes — maybe yes, maybe no, I don't know. I never ever diverted my attention away from the road. As a result, during these 18 years of road-focused driving I have never had any radar flash, any fine, any warning, any problem in any country on any type of road — it means that my speed was always adequate, just **naturally**.

And then came the speed limit religion

It all changed in the early 2010s when the ubiquitous radars seized hold of our roads and the speed limits seized hold of our minds. E.g., the Swiss law ("Via Secura") provides today for real prison sentences, up to 4 years, for *formal* excess of speed limits without any incident — speed *alone* is enough to put you in jail.

This draconian formalism naturally forces us modern drivers to comply. To do so we all do the same optical exercise: we permanently compare numbers on the round metal signs to the numbers on our dashboards even if it distracts us from the road and leaves us less time to react. I still want to pay *all* of my attention, 101% of my attention, to who is on the road in front of my car, but instead I'm obliged to wring my neck in a permanent formalistic exercise: road sign ⇄ dashboard ⇄ road sign ⇄ dashboard ⇄ road sign ⇄ dashboard ⇄ road sign ⇄ dashboard → ∞. Due to the effect of saccadic masking and constant change of focus I naturally lose visual control for milliseconds, and each of these milliseconds can be critical. I do this exercise, I comply with the speed limits, but I find this bureaucratic approach counterproductive and even detrimental for safety on the road. Why? Because driving under Via Secura and similar laws in EU countries is as follows.

> "50. 80. Radar. 60. 50. Radar. 60. 50. Radar. 40. Radar. 50. Radar. 60. Who set this limit here and why? No rational explanation. 50-60-50-60-50-60: the road conditions under 50 and under 60 are identical, but who would listen to you? Why do they alternate the limits every 100m without a reason? 50.
>
> An informative radar displays my speed of 38 with a green smiling emoticon: that's maybe the only useful thing. 80. 50. 80. 50: it's officially a "built-up area" in the Land Register of the canton, so we drive 50 even if there are no houses and not a living soul in this middle-of-nowhere. 80 again. And this is my all-times favourite: it's formally 80, but even if I drive 60 here I'm dead, because the turn is very steep. How do you know that? — No way: the limits mostly reflect the administrative status of the zone, and very rarely they provide information that's crucial for my security.
>
> Then again: 60. 80. 60. A pit? a cyclist that unexpectedly pops up? a car in front of me that suddenly brakes? a boy running to the road after his ball? — everything is possible, and I want to anticipate this, but my attention is focused on my dashboard: "dura lex sed lex". Motorway, so it's 120. Suddenly it's 100. Then 80 without a visible reason. 120 again without a visible reason. 80. 100. Radar. 120. 80. Radar. 100. Radar. 80. 120. Radar. 80. 100. Shit, I'm driving at 106, but was the limit of 100 cancelled or not? Or maybe… no! was that EIGHTY???!!! What was it: 120, 100 or 80? Shit, what was it? If it was 80, I've had it — I'll be heavily fined, deprived of my driving license for month(s) and put on the black list for 10 years, while I did nothing dangerous, I was just driving and focused on the road. I'm alone on this motorway, I'm not putting anybody at risk at 106, but who cares about the common sense? Goodness, if it was 80, it's curtains for me! What does my navigator indicate? Nothing: Garmin may not show the speed limit on the map when in Switzerland, only my real speed. And my speedometer? It shows 85. Is it OK or not? O-o-ps, I've missed my exit, it doesn't matter, what only matters nowadays is Her Majesty the Speed. 120. 100. 80. 100. Shit: the needle stands at approximately 101, no, approximately at 102.5, is it serious? Too late anyway. 120. 80. 100. O-o-ps, something has flashed, is it a radar? Or a reflection of a sunbeam? Or my imagination? The needle is at 98.5, is it OK? Or not? Have I missed a road sign, was it still 100? Is my speedometer well calibrated? And the radar, is it? Or was it a sunbeam? No, no, it should be OK because I'm checking my speedometer every 5 seconds instead of

> watching the road. Must be a sunbeam. Or not?.. What was it, goddamn? And in the meantime, what's the limit right now? 120? 100? 80??? Merde!!!!!!!!!"
>
> And they call THIS "secura".

You pedestrian, *you* my fellow driver, you biker are still my priority when I drive. I want my pair of eyes to be focused on what is the most important: on *you*. And *you* pedestrian, would you prefer to deal with a driver who is seeing *you* or a driver who is staring at his *speedometer*?

2020-Apr-30

2.1.6 Email vs. Instant Messengers: the battle

Email once united the world, now it is living difficult times under the pressure from instant messengers (IM).

Let's compare them.

0️⃣:0️⃣ Gong!

Speed

Both IMs and email are rapid, both are instant: IMs arrive in deciseconds, emails arrive in seconds, that's insignificant.

No winner here. Score unchanged: IMs 0️⃣ — Email 0️⃣

Importance, priority, urgency

Instant messaging was designed for urgency: and we intuitively expect IMs to beat emails on this metric. But IMs are **not** high-priority since the IM urgency channel is always choked up with shit: smiles, emoticons, OKs and XOXOs. We wake up at night — bling! — we throw ourselves on our smartphone's notification, but in most cases it will be a photo of a kitten, a year-old meme or another false alarm. As a result the high-priority role of the IMs channel is discredited.

Email has never had an ambition to become a medium of urgency or emergency.

No winner on this metric. Score: IMs 0️⃣ — Email 0️⃣

Pressure to reply

IMs assume that you will reply quickly or immediately. An unanswered message stressfully hangs over your shoulders as a sword of Damocles.

Email is zen, it gives you a total "social" freedom to reply when you want.

+1 to Email for its peacefulness. Score: IMs 0️⃣ — Email 1️⃣

Security

Stolen identities, lost phones, bad passwords, hacked accounts — shit happens both to IMs and badly configured email servers: ask Jeff Bezos about his hacked encrypted Whatsapp, ask the victims of the "super-protected" EncroChat IM, ask Hillary Clinton about her hacked email.

Score unchanged: IMs 0️⃣ — Email 1️⃣

Shadowing

It's impossible to hide behind an IM, it shows your activity to your correspondents if you want to see theirs (and you do). IM will always betray you.

> The clock sign. One tick mark: my message is undelivered. Strange, why undelivered? Is she offline? No, look, another tick mark — she's received the message, she must be reading, oh it's blue, she's read! Why isn't she replying after 2⅗ seconds? Was there something wrong in my message? Is she offended? Oh, she is typing! Nothing. She's typing again! Nothing. She must be erasing. Or she dropped writing. Why? What's going on??!!

The sender never knows if and when I read my emails. Full stop.

+1 to Email for its respect of privacy. Score: IMs 0️ — Email 2️

Customisation

IMs mean uniformity the way Mr Zuck/Durov understand it. Take it or leave it.

Email means total freedom through customisation of everything: templates, fonts, styles, signatures, colours,.. It's my unique style, not theirs.

+1 to Email for its customisation. Score: IMs 0️ — Email 3️

Automation

All messages in IMs have the same status: no way to prioritise among important ones, less important and trash. Work, leisure, family, friends, junk, ads — same status for everything. I can only block or mute.

I can fully automate my email so that only important messages arrive in my Incoming box, while the rest is dispatched to where I want it to belong. Folders, subfolders, tags, smart lists, rules, filters — no limits to automation.

+1 to Email for its programmability. Score: IMs 0️ — Email 4️

Aggregation or segregation?

IMs are selfish and jealous, each of them thinks it is central and unique.

> Steluţa is on Viber, Jacques is on WhatsApp, Esther created a group on iMessage, Misha is on Telegram, Grisha is on Snapchat, Dieter is on Skype, Tuberculina is on FB Messenger, and Xauzhen is on WeChat — how do I bring them all together??? Should I keep 8 applications running in push mode, times 2 for my computer, times 3 for my tablet devouring my traffic, battery and common sense? And even if I set up 24 synchronisations, how do I forward a message from Xauzhen to Steluţa? Should I really remember who is using what and where to search the message I need?

IMs segregate people and complicate our lives.

Email means **one** ([wʌn], uno, один, یک ,אַחַת) place for everything. **One** single standard. **One** protocol. **One** universal language, the old kind IMAP-SMTP tandem (letter 's' stands here for 'simple') is the Esperanto for all platforms without exception and discrimination. **One** single email agent combines personal, professional, X, Y,... ∞ accounts. All worlds, all facets of my life are brought to **one** place, to **one** single icon. Email aggregates everything and genuinely connects people.

+1 to Email for its integration role. Score: IMs 0 — Email 5

Smartphone needed?

Yes, IMs are 100% smartphone-centred. The phone number and the SIM-card are *the* access points. No smartphone = no communication for the most popular IMs (not all).

No, email is device-neutral. Smartphone is not needed. Email was born 30+ years before smartphones.

> I'm on vacation, sailing, my smartphone falls in the sea ⇒ I'm disconnected from IMs till I come back home, get a new SIM-card from my operator on a working day, then I have to buy and configure a new smartphone. And before I do, I have no instant messaging. And what about my emails while my smartphone is sunk? I can access my emails 3 minutes later from any of my friends' connected device. Http → webmail → password → and here I am online.

+1 to Email for its device-neutrality. Score: IMs 0 — Email 6

Besides the smartphone — what else can I use?

Not much with IMs. Some IMs offer PC-apps, but almost all of them will only work if you are sitting next to your smartphone. The apps must be up-to-date, downloaded from App Store or Google Play, your hardware must be new and compatible,..

Email is cross-platform. My personal hardware park includes: a number of Macs, an iPhone, a Blackberry, an old iPad, two Linux laptops (64-bit Ubuntu and 32-bit Mint) and a dinosaur: a Windows-powered PC made in 2001 with a 1996 version of Eudora on it. **All of them** perfectly work with my email accounts, **everything** is synchronised from multiple mail servers across all devices in real time. I can even use my TV-set to read and write emails. Unbeatable flexibility!

+1 to Email for its universality. Score: IMs 0 — Email 7

Reliability

I am writing these lines on 5 October 2021. Remember this day. Since yesterday all of 2'000'000'000 (two billion) Whatsapp users got disconnected in a second. Add to this FB IM and Instagram IM. Total collapse. It's "normal": every IM system is centralised like a sun with beams; when the sun is off, the beams can't connect to each other. No sun (IM's server) ⇒ no beams ⇒ all users suck.

Email can fail too, and it does. But the email world with myriads of servers is **decentralised**, there is no single "sun". Every problem is isolated, local glitches don't influence the whole network. If an email server shuts down for a while, 99.99% of the world won't even notice that.

No one gets a point. Score: IMs 0 — Email 7

Who's in control of my information?

IMs are controlled by private companies you have no control of. You sign up, you click "Agree" and here you are under the umbrella of Mr Zuck and Cambridge Analytica selling your data.

Email standard doesn't belong to anybody. *You* are in control, email is all *yours*. Forget other people's policies, establish your own.

+1 to Email for its unbeatable privacy. Score: IMs 0️ — Email 8️

Written record

Who still keeps a thread/message from 2012? No way: you should have deleted it 100 years ago.

You archive and move offline any message, any mailbox, any email account from any time period starting from 1990s if you wish. Email is life-long. Email messages and folders are simple files that can be archived, moved, extracted, (un)grouped, compressed, killed and resurrected the way you want it, entirely or partially, like a Lego.

+1 to Email for its perpetuity. Score: IMs 0️ — Email 9️

Writing style

IMs' style is light: no 'Dear Sir', no 'Best regards', no ending, no addressing, no signature. Wonderful!

Emails are still an old school legacy, they assume a more formal, sometimes heavy use. Sending an email without a 'hello' may be seen as rude by some fragile people. Of course, emails can (and should) be as light as IMs, but most people think they should be heavy. It's a pity :—(

+1 to IMs for their friendly informality.

Final score: IMs 1️ — Email 9️

Conclusion

Shame on you IMs. **Email is the clear winner.** Emails are perfect, but they are out of vogue and as a result they are on the verge of extinction together with many other perfect things like rear-driven cars, plastic cups and Lipton black tea with wild cherry flavour.

2021-Oct-05

2.2 Textes en français

2.2.1 J'étais, suis et resterai charlie

Suite aux attentats de Charlie Hebdo et la manifestation massive qui a suivi.

3'700'000 manifestants, la population d'un pays entier comme l'Uruguay — bravo les Français! Bravissimi!

Si l'on devient charlie, c'est parce qu'il y a une raison, à chacun la sienne: pour condamner la barbarie terroriste, pour défendre notre mode de vie, pour se sentir

solidaires, ou encore… pour être trendy et faire comme tout le monde avec une jolie pancarte noire sur Facebook. Quant à moi, j'étais *déjà* charlie bien *avant* le massacre chez Charlie Hebdo et je n'oublierai pas de rester charlie.

Ma raison d'être charlie c'est pour défendre la liberté d'expression illimitée et inconditionnelle quels que soient le sujet (religion ou autre), les moyens d'expression (dessin ou autre) et le public visé. Et ceci **en toutes circonstances**: que la blague du journaliste / politicien / blogeur plaise ou non, qu'elle blesse quelqu'un ou non, qu'elle fasse rire ou frémir de dégoût. Je suis convaincu que dans un monde libre on a le droit de se moquer de tout, absolument de *tout*. Et ceci à tout moment. Toujours, sans aucune exception. Les uns trouveront ça drôle, d'autres dégoûtant, mais n'importe: celui qui n'apprécie pas les blagues de certain genre ne doit simplement pas acheter le journal / assister au spectacle / regarder la chaîne télé qui le dérange — c'est pas plus compliqué que ça. Zappez, trouvez ce qui nous plaît, c'est simple comme bonjour, non?

Et puis, attention — être charlie est incompatible avec le "politically correct". Charlie est même l'opposé du politically correct. Si vous êtes charlie, ne dites pas demain que vous êtes blessé par une blague visant *votre* groupe. Sinon, vous n'êtes pas charlie du tout.

Le temps passera vite: n'oublions pas de *rester* charlies. Repensons aux gars de Charlie Hebdo chaque fois que quelqu'un, prompt à s'indigner, se plaint d'un dessin, d'une chanson, d'une publication ou d'une phrase. Blessé? Pas grave: change de chaîne et respecte le droit de chacun de s'exprimer sans multiplier les révérences envers tous les groupes existants ou imaginaires. Les journalistes de Charlie Hebdo sont morts pour ce droit fondamental: dire ce qu'ils voulaient dire.

Votre participation dans la rue était formidable. Merci, chers amis français!

Vive la liberté de l'expression,
vive la France et
vive la République!

22 Nivôse an 223 de la Révolution = janvier 2015 AD

2.2.2 Bonjour et bonjoure

Chers et chères lectrices et lecteurs curieuses et curieux, navigateurs et navigatrices du web et de la web, amatrices et amateurs des lettres et des lettres, bonjour et bonjoure à toutes et à tous.

Nul n'osera nier l'importance du langage inclusif et politiquement correct, c'est notre combat commun. Mourons pour ça! Mais le système actuel qui consiste à répéter deux fois le même mot ↑ est trop lourd. De doubles constructions illisibles et imprononçables étudiant-e-s genevois•e•s invité/e/s et enseignant(e)s convié·e·s sont une torture pour les yeux et pour la langue.

L'idée des doublets de genre n'est guère nouvelle. Il y a 100+ ans, les communistes en URSS ont déjà pratiqué cette forme d'adresse. Travailleurs et travailleuses, ouvriers et ouvrières — lisez ou écoutez le début de n'importe quel discours de Staline ou de Molotov (▶ ici, par exemple). Vers les années 1950 les communistes ont abandonné ce système des doublets jugé lourd et inutile, mais il a tout de même existé une bonne trentaine d'année.

Oui, notre système des doublets doit être allégé. D'où ma proposition de **supprimer les doublets** tout en restant moderne et **politiquement correct**. Je propose de procéder par deux étapes:

Étape 1. Remplacer le masculin par le féminin pour les noms génériques et le pluriel mixte.

Effectivement, pourquoi c'est toujours le masculin pour les génériques et le pluriel?

Chères clientes, toutes nos collaboratrices sont en ligne. — ce serait deux fois plus court et dix fois plus raisonnable que l'actuel Chères clientes, chers clients, toutes nos collaboratrices et tous nos collaborateurs…. Au début, ça va gêner pendant une semaine ou deux, mais on s'habituera vite à Les Bronzées et Les Épouses Arnolfini.

Et on va réécrire les textes obsolètes ↓

«Les Représentantes du peuple français […] considérant que l'ignorance, l'oubli ou le mépris des droits de ~~l'Homme~~ la Femme sont les seules causes des malheurs publics […], ont résolu d'exposer […] les droits naturels, inaliénables et sacrés de ~~l'Homme~~ la Femme, afin que cette Déclaration, constamment présente à toutes les Membres du corps social, leur rappelle sans cesse leurs droits et leurs devoirs; afin que les actes du pouvoir législatif, et ceux du pouvoir exécutif […] en soient plus respectés; afin que les réclamations des Citoyennes […] tournent toujours au maintien de la Constitution, et au bonheur de toutes.»

— Déclaration des Droits de ~~l'Homme~~ la Femme et ~~du Citoyen~~ de la Citoyenne.

Concrètement, j'ai déjà commencé à populariser ce langage centré autour du féminin et je peux vous dire ça marche très bien! Voici ce que ça donne avec un texte de tous les jours. C'est lisible et surtout c'est équitable.

C'est nettement meilleur que les doublets client-cliente éternels. La cliente. — point, et ça suffit pour les deux genres. Que les *hommes* s'adaptent maintenant! C'est notre tour de faire l'effort.

Doublets supprimés → moins d'encre pour imprimer → plus d'arbres! La planète nous dira merci.

Doublets supprimés → moins d'usure de claviers → moins de déchets! La planète sera contente.

Si tout le monde me suit, ce sera un énorme pas vers le

historien.ne.x.s

Famille et ami.e.x.s

Présentateur.rice.x.s
météo à la télévision

Mon/ma/mx médecin
traitant.e.x

Mon/ma/mx
leader.euse.x
religieux.euse.x

Figure 1: Exemple d'un texte que j'ai du mal à comprendre. Et complètement incapable de prononcer. Source: Université de Genève, 2022.

progrès! Mais… *tempora mutantur* et l'Étape 1 risque de ne pas suffire d'ici peu. D'où la nécessité d'être prévoyant et penser d'ores et déjà à l'Étape 2:

Étape 2. N'avoir qu'un seul genre

Les langues n'ayant pas de genre grammatical sont très progressistes. Par exemple, le persan (fārsi) ne connaît pas le genre grammatical, même les pronoms il ou elle n'existent pas: Il l'aime, mais elle ne l'aime pas se dit en persan comme Ceci aime ceci, mais ceci n'aime pas ceci. C'est très équitable et égalitaire. Non seulement le système persan est *gender*-neutre, mais aussi est-il non-binaire (!!) parce que sous ceci on peut entendre un nombre illimité des genres, pas que les hommes et les femmes — quel primitivisme!

C'est bien, mais à quoi ça sert réellement? Quel lien entre une langue politiquement correcte et la vie réelle? Une langue sans genre, répercute-elle dans le respect des droits de tous les genres qui parlent cette langue correcte? Mais oui! Le lien est direct. Il suffit de voir (et admirer) comment la langue persane politiquement correcte fait un pays correct, comment les droits de tous les genres sont respectés dans les pays persophones: Afghanistan, Iran et Tajikistan. Ça marche, mes amis!

Rien n'empêche au français de suivre cette voie démocratique et égalitaire. Supprimons un des deux genres, ben… le masculin bien sûr. Quelle facilité, surtout pour les étrangers! Tout sera en un seul genre: Ma père a mangée une gâteaue à la sucre, ceci avait faim. Inhabituel maintenant, j'avoue, mais tout naturel demain.

Et on lira, en toute neutralité:

> «Les Représentantes de la peuple française […] considérant que l'ignorance, l'oublie ou la méprise des droites de la Femme sont les seules causes des malheurs[20] publics […], ont résolu d'exposer […] les droites naturelles, inaliénables et sacrées de la Femme, afin que cette Déclaration, constamment présente à toutes les Membres de la corpse sociale, leur rappelle sans cesse leures droites et leures devoires; afin que les actes de la pouvoire législative, et celles de la pouvoire exécutive […] en soient plus respectées; afin que les réclamations des Citoyennes […] tournent toujours à la maintienne de la Constitution, et à la bonheure de toutes.»
>
> — Déclaration des Droites de la Femme et de la Citoyenne.

Pas évident, mais réalisable. Pénible au début, mais inévitable à terme. Soyons prêts: l'Étape 2 sera nettement plus difficile à mettre en œuvre que l'Étape 1. Nos livres, nos lettres, nos conversations de tous les jours, nos prières, même la Bible elle-même — tout devra être réécrit et redit au féminin. Mais onne va y arriver. N'ayons pas peure, ça vaut la coupe.

Aux armes citoyennes!

2021-Apr-13

[20] Malheur (m.) doit rester au masculin. Ce sera une exception.

2.2.3 Qu'un sang impur…

Lettre envoyée en septembre 2021 à l'Établissement français du sang et à Olivier Véran, Ministre français des Solidarités et de la Santé

« Madame, Monsieur,

Je donne mon sang depuis 20 ans dont 9 dernières années en France. L'EFS m'invite et je viens. Quand je peux, je viens. Je… venais. Parce que cette fois-ci je ne viendrai pas. Je suis en bonne santé, je peux donner, je veux donner, j'ai le temps, mais je ne me présenterai pas.

Je ne suis pas vacciné. Dans votre convocation, vous mettez noir sur blanc que "le pass sanitaire n'est pas nécessaire", mais justement cette précision est la raison pour laquelle je ne viendrai pas. Aujourd'hui, en France, je suis privé d'une bonne partie de mes droits: je ne peux pas boire un verre au café ou prendre un TGV; mes enfants ont été mis dehors de l'école de tennis sans remboursement, etc. etc… Le gouvernement m'exclut de tout. Sans le passe sanitaire, je suis un vrai homme de second rang et… je commence à m'habituer à ce rôle d'"intouchable" au XXI-ème siècle, en Europe.

Mais le jour où on a besoin de moi tout change: les barrières tombent miraculeusement et l'exigence du passe sanitaire mystérieusement disparaît pour trois quarts d'heure qui dure la prise de sang. Les non-vaccinés sont "les bienvenus" — donc du coup, je peux devenir "normal": on me laisserait entrer, on me traiterait d'égal, comme avant. J'aurais droit à 45 minutes de respect et de dignité.

Je ne comprends pas. Si la situation sanitaire est tellement dramatique, comment est-il possible d'intégrer un non-vacciné, le laisser venir à l'intérieur d'une salle? Prendre son sang? Est-ce responsable? Est-ce acceptable?

Mais si c'est acceptable, alors la situation sanitaire n'est probablement pas si dramatique que ça? Dans ce cas-là, pourquoi ce passe sanitaire discriminatoire, pourquoi ces mesures anti-démocratiques qui privent 20,5 millions des Français (qui ont tout simplement choisi de ne pas se faire vacciner) de leurs droits fondamentaux et naturels?

Donner son sang, c'est avant tout un acte de fraternité qui est une des grandes valeurs de la République. La fraternité, la solidarité, la compréhension, le respect doivent aller dans les deux sens, dans tous les sens. Pour tous, à tout moment, sans exception ni condition, sans parenthèses ni astérisques. Et pas du tout comme c'est fait aujourd'hui en France.

L'État a décidé que la place des non-vaccinés est dans la rue — eh ben, j'y reste alors. Mais le manque de 480 ml de sang aujourd'hui sera entièrement sur la conscience de ceux qui ont pris cette décision de diviser les gens en "purs" et "impurs", avec un bout de papier et sans. Le jour où l'État me restitue tous mes droits civils, je serai le premier à frapper à la porte du bus médical EFS pour recommencer à donner mon sang — en toute dignité, en homme libre, respectueux et respecté en même temps.

Mais pas en tant que paria.

Je vous souhaite un bon déroulement de la collecte,

Et, j'espère, à bientôt. »

septembre 2021

2.2.4 Laissez les enfants tranquilles

Si ça continue, je finirai par agir *contre* la planète:

à WWF Suisse
Avenue Dickens 6
1006 Lausanne

Genève, le 20 février 2017

Madame, Monsieur,

Vous avez pris la liberté d'adresser à ma fille mineure une carte de membre WWF et un bulletin de virement en faveur de votre organisation. Je vous prie de trouver ces objets ci-joints, je vous les rends dans leur état original, y compris les post-its en forme de panda.

Je vous demande de bien vouloir radier immédiatement ma fille de vos bases de données, ne la plus considérer comme membre de votre organisation, effacer notre adresse et ne plus rien lui envoyer.

Ma fille n'a jamais demandé de devenir membre de votre organisation. Je vois qu'elle ne manifeste aucun intérêt pour nourrir, "protéger", "sauver" ou "parrainer" des animaux quelconques. L'école et les média l'ont déjà suffisamment informée du mouvement écologiste. Elle fait déjà tout ce qu'elle peut à son âge pour devenir une citoyenne responsable sans pour autant avoir l'ambition d'arrêter l'extinction de l'Holocène.

Le jour où ma fille aura 18 ans, elle décidera elle-même, mais pour le moment je vous prie de l'épargner des appels aux actions qu'elle ne peut pas évaluer objectivement et des choix qui ne sont pas les siens.

— André Kobzar

2017-Feb-20

2.3 Тексти українською

2.3.1 Схуднення

Чимало друзів запитують мене: "Як ти, собако, схуд з 81 кг ↘ до 67 кг? Мінус 18% маси тіла — як?? Режим? Спорт? Якась методика? Що ти зробив у 2022-23 роках? Відкрий свій секрет!"

Чесна відповідь: я не знаю. Я нічого не робив навмисно: спортом не займався, жодних дієт і режимів ніколи не дотримувався, і до жодного схуднення я не прагнув, навіть не думав про це. Я сам здивувався, коли почав худнути.

Не знаю, друзі мої: до лікаря я не ходив і не цікавився, чому так. Напевно, просто тому, що став менше їсти? Їм тільки тоді, коли хочу. І стільки, скільки хочу — до ситості, але не більше. Вже не їм заради смаку, а їм тільки щоб втамувати голод. Їм усе, що бачу: здорове, нездорове, фаст-фуд, складне, просте. Не звертаю уваги на баланс білків, жирів, вуглеводів та цукру. Їм у будь-який час і вдень, і вночі, але — мало. Щойно наситився — стоп!

У моєму випадку це виходить так, але всі ми різні. Факторів багато.

Ще я зрозумів одну річ: в почутті голоду немає нічого поганого. Якщо зголоднів, але негайно не поїв, то почуття голоду мене не вб'є, не заволодіє свідомістю, не мучитиме. Через годину-півтори воно просто... мине. І навіть якщо сидиш голодний, то реально нічого страшного, треба просто трохи почекати, "і це також мине", як сказав цар Соломон.

http://kobzar.be/objects/wgt-2023.jpg

2024-Oct-23

2.3.2 Неважливий час

Ми так часто хочемо, щоб час йшов швидше. Щоб скоріше прийшла п’ятниця, щоб почалася відпустка, щоб настала весна. «Ось тоді-то й буде добре! — говоримо ми. — Зараз це все дурниця, це не життя, а напівжиття, ну а ось коли...». Ми хочемо “зжмакати” час, що залишається до якоїсь умовної межі, щоб він вже швидше минув. Галопом. На прискореному перемотуванні. Ми не насолоджуємося “неважливим” часом, не живемо в ньому, не смакуємо його.

А потім ми озираємося назад і журимося: «Ось вже рік, два, п’ять минули, а я й не відчув. Чому ж час так швидко летить?» — щиро дивуємося ми.

Так, може, він і тому так швидко летить, що ми його не цінуємо. Не цінуємо унікальні дні й хвилини, які вже ніколи не повторяться. Не цінуємо звичайний огидний осінній вечір, який вже ніколи не повернеться. Не цінуємо сірий похмурий ранок понеділка, якого вже не буде ніколи. Чуєте — ні–ко–ли.

2023-Nov-17

2.3.3 Список південних країн

Сьогодні я став “ліванцем”. У халяльній крамниці в прикордонній Франції, що належить алжирцям, де продається найкраще в регіоні м’ясо, їхній новий працівник сприйняв мене за ліванця. Його попередники вважали мене сирійцем.

— Чому саме ліванець? — запитав я м’ясника. — Тому що моя літературна арабська здається тобі левантійським діалектом?

Літературною арабською не розмовляє ніхто, крім дикторів ТБ, професорів за кафедрою, студентів-арабістів та мулл — це старий стандарт початку VII століття. Звичайні люди у звичайному житті розмовляють місцевими діалектами (єгипетський, левантійський, магрибінський). У м’ясній крамниці літературний стандарт звучить дико — приблизно так, як церковнослов’янська мова звучала б у лазні.

— Ні, хабібі, — відповів алжирець, — я глянув на тебе і подумав, що ти ліванець ще до того, як ти салям алейкум сказав. Був упевнений, що ти арабською заговориш, що ти “масіхі лубнані”, араб-християнин.

— Я ні араб, ні християнин, хабібі. Ти помилився двічі.

Опа... тепер ще й Ліван, це щось новеньке. Додаємо Ліван до “Списку південних країн”, “звідки” я, на думку більшості людей, які бачать мене вперше. У цьому Списку вже половина країн Середземномор’я плюс Кавказ — ким я тільки не був. Ну що ж, добре, буду в одній компанії з Майєю Діаб, Еліссою, ще й Файруз, раз мій новий друг м’ясник, який представився мені “братом”, так вважає.

Фінікія, Баал, Тір та Сидон, Карфаген, перший у світі алфавіт — це Ліван, дєтко... “Сверху кедры, снизу недры, между ними лагеря”...

(травень 2024)

2.3.4 Від яких ще інших?

Був я отут на виборах без вибору. 2 грудня 2007 року, 15:30, Москва, виборча дільниця №1895 Південного округу в середній школі №583. Людей мало, усе похмуре порівняно з попередніми волевиявленнями. Проголосував.

Підходжу до столу голови виборчої комісії, де сидить дідусь, і цікавлюся, чи присутні на нашій дільниці спостерігачі від політичних партій.

— Так он вони сидять, — каже дідусь і махає рукою на двох статистів, які щось читають у сторонці й ніяк не цікавляться тим, що відбувається.

— А скажіть мені, пане голово, від яких вони партій? — питаю я.

— Ну як це “від яких”, — роздратовано відповідає дідусь, — від “Єдиної Росії”. Що за дивні питання?

— Нічого дивного. А ці спостерігачі — вони обидва від “Єдиної Росії”?

— Та ні, другий від якоїсь іншої партії... від КПРФ, здається мені. Я не цікавився, — гордо заявляє голова.

— А від інших партій ще є спостерігачі? — продовжую свій настирний допит.

— Від яких ще інших???

— Та від будь-яких інших. Ну, наприклад, від “Яблука”. Або від СПС.

— Від СПС? А що їм тут робити? — щиро дивується дідусь так, ніби я запитав його про тевтонців або про “Аль-Каїду”.

— Як це “що робити”? — тепер моя черга дивуватися. — СПС отут у виборчому списку. Варто підняти очі на розвішані всюди плакати й переконатися в цьому. Для пана це дивно? Вам як голові виборчої комісії варто було б знати таку просту річ, як список партій, який можна порахувати на пальцях двох рук і однієї ноги.

— Тю, — каже дідусь, — це так, точно! СПС у списку. Отжеж компот! А як же вони туди потрапили? Хто їм дозволив? Чудеса в решеті! Але нічого, цю помилку ми наступного разу усунемо, не турбуйтеся. Наступного разу все буде чисто. Явлінський — той ще ладно, бог із ним, нехай буде, бо він нешкідливий. А от СПС — це останній раз на виборах, це я вам обіцяю. Чого удумали — на вибори їм! От до чого світ дійшов!

— Дозвольте, пане голово, — я намагаюся триматися в руках, — а з якого права ви виносите вироки й узагалі привселюдно висловлюєте думку щодо ваших особистих політичних пристрастей, які мене зовсім не цікавлять?

— Не провокуйте його! — втручається помічниця.

— Але ж дозвольте! — не витримую я. — Передвиборна агітація закінчилася. Будь-яка пропаганда в день виборів заборонена, тим більше безпосередньо на виборчій дільниці і *тим більше* з вуст самого голови виборчої комісії!

— Не буде більше СПС і всяких там, не буде! — бурчить дідусь далі. — Кому вони тепер потрібні? Скінчилася ваша влада! От де ви всі в нас будете! От вже я вам! — продовжував він стискати кулаки й лаятися вже з уявним опонентом.

грудень 2007

2.3.5 Працюють усі радіостанції Радянського Союзу

Запросили мене виступити на телебаченні на економічну тему на кабельному каналі. Прямий ефір. Костюми, краватки. Квіточки у вазочках, атмосфера симпозіуму. Три учасники і ведучий.

Загримували мене. Розсаджуємося. У студії великий стіл; за нього сідають ведучий у центрі і двоє гостей по краях. Третьому учасникові, тобто мені, приготували місце в студії удалині від інших: стіл і стілець. Від інших учасників цього супер-шоу я відділений якимись шафами та хламом і майже не бачу й не чую інших гостей. Переді мною великий темний екран і пара телекамер. Єдине пояснення, яке я одержав від операторів: “Сідай, милий друже, у цей затишний куточок і не кашляй. Дивись ось сюди — перед тобою увімкнеться екран, і ти бачитимеш і чутимеш себе та інших учасників передачі”. “Можеш, — кажуть, — полемізувати з ними крізь цей екран. Усе піде в прямий ефір.

Оператор вибігає зі студії, і більше я його не побачу. Я залишаюся один у цьому дивному місці.

Чекаю. Нічого не відбувається. Десь у глибині студії чую, як гості передачі починають тихо говорити про щось, але я сиджу і чекаю, поки увімкнеться мій екран. Нічого не відбувається. Вони продовжують щось говорити, потім пауза, потім знову “бу-бу-бу”. І тут я вслухаюся і чітко чую: «А що ви думаєте про цей феномен, пане Кобзарю?» Екран не працює.

Я думаю: напевно, це вони до мене звертаються. Що ж сидіти? Треба щось робити. Починаю відповідати на питання і говорю в повну темряву, зовсім не знаючи, чи слухає мене хто-небудь. Крізь шафи знову тихо чую інше питання. Я знову говорю в порожнечу, як недоумок, що сидить у сільській вбиральні й розмовляє сам із собою.

Після передачі подякували мені дуже мляво. Їм не сподобалося. Мені теж.

вересень 2006

2.3.6 Художня література

Властивість моєї пам'яті така, що сюжети художніх творів живуть у мене в голові максимум три роки, після чого майже цілком стираються. От читаю я книгу, і переживаєш, і обмірковуєш, і прокручуєш сюжети, а пройде 2–3 роки — і не залишається нічого. Зовсім НІЧОГО. У найкращому разі пам'ятатиму тільки те, сподобалося чи ні. З одного боку прикро, а з іншого — зручно, бо можна мати дуже компактну бібліотеку, читати по колу й щоразу заново переживати та захоплюватися. Ще й економно.

Отжеждивна вибірковість пам'яті: я все життя пам'ятаю ленінську цитату про «електрифікацію всієї країни» арабською мовою, «Пролетарі всіх країн, єднайтеся» туркменською і молдовською (з «Известий»), віршик про батьківщину каталонською, десяток литовських народних пісень. Напевно, завжди пам'ятатиму, як буде «баран» перською мовою, «бездоріжжя» угорською, а «дев'яносто дев'ять мінус тридцять один» фінською. Ці не дуже, м'яко кажучи, корисні відомості сидять у пам'яті й не стираються з роками. А художня література в моїй голові надовго не затримається.

грудень 2005

2.3.7 Гадання по недоїдках

У нашій їдальні підноси з брудним посудом ставлять на таку етажерку саме в тому місці, куди приходять нові голодні клієнти і де вони беруть собі серветки, хліб, качани, ножі й ложки.

Раніше мені здавалося, що дивитися на недоїдки неапетитно. Так, неапетитно. Але тепер я бачу в цьому щонайменше два позитивні моменти. По-перше, за недоїдками можна зрозуміти, що саме дають сьогодні на обід. А по-друге, за кількістю залишеного на тарілках можна здогадатися, що сьогодні несмачно.

Тепер я уважно вивчаю етажерку з недоїдками перед тим, як вибрати ту чи іншу страву: о! м'ясо, мабуть, надто тверде, а оселедець, певно, просто жахливий, бо ніхто його не їв.

березень 2007

2.4 Testi in italiano

2.4.1 Domani cacceranno té

La maggioranza degli americani pensa che Edward Snowden dovrebbe essere perseguito penalmente. È costui, che ha avuto il coraggio di dire che le loro e-mail, i contatti e i calendari privati vengono letti dal Grande Fratello senza alcun ordine fondato dalla procura.

Un mondo alla rovescia! La maggioranza crede che uno Stato possa perquisire la corrispondenza privata dei cittadini affinché le "persone per bene" siano al sicuro e non abbiano nulla da temere. *O sancta simplicitas!* Questa cieca benevolenza si paga cara. Anche gli operai dell'Unione Sovietica pensavano che il giusto fucile del terrore rosso fosse puntato solo contro i cattivi — in quel caso, i ricchi. Errore: in uno Stato senza controllo civile troppi operai finirono nel Gulag. L'origine non aiuta.

Troppa gente si illude che esistano categorie di "buoni" esonerate dai bracci di uno Stato incontrollato dai cittadini. Oggi leggono le lettere del tuo vicino, ma se non protesti, domani leggeranno le tue. Oggi cacciano Snowden per aver detto la verità, ma se stai zitto, **domani cacceranno té**.

giugno 2013

2.4.2 Il lusso di essere libero

Il mio istruttore di tennis, un trentenne francese, non ha uno smartphone. Per nulla. È una scelta intenzionale. Passa tutta la giornata al club di tennis e, si direbbe, dovrebbe averne uno per fissare un appuntamento su iCal, ricevere un messaggio su WhatsApp da un'allieva in ritardo, leggere qualche notizia a pranzo, scattare e condividere una foto, etc. E invece— no! Ha solo un cellulare semplice, buono per chiamate e SMS. A casa ha e-mail e internet, certo, ma fuori no: solo un telefono di base, un "telefono della nonna".

Non è presente, questo ragazzo, sui social, da nessuna parte! Vive la vita reale e sembra gustarsela tutta: parla davvero con le persone, prova emozioni autentiche e non si lamenta.

Si direbbe che, con un lavoro così centrato sulle relazioni, come il suo, sia naturale per lui essere sempre online. Ma no! Sta benissimo senza. È libero dai "like" e dalla pressione sociale. Ed è quasi rincuorante constatare che, nel 2017, essere giovani e vivere nel mondo reale sia ancora possibile.

2017

2.4.3 Che cosa c'è di sorprendente?

Reazione alle elezioni europee, 25 maggio 2014.

Il termine "terremoto", "shock", "scandalo" è stato ripetuto all'infinito per descrivere il voto europeo.

Ma davvero — che cosa c'è di sorprendente? Ogni idea, ogni progetto ha un punto di massima efficienza, un apogeo. Se non ci si ferma al momento giusto, inizia la decadenza. Troppo è troppo. Bisogna sapersi fermare.

Questo destino è toccato alla magnifica idea europea. L'apogeo del progetto è stato il 1 gennaio 1993, quando il Mercato unico ha veramente visto il giorno. L'Europa aveva realizzato qualcosa di fantastico mettendo in pratica le Quattro Libertà della circolazione: merci e servizi, persone, manodopera, capitali. Niente più dogane, niente controlli ai confini. Un piccolo paradiso: vivete e lavorate dove volete,

producete, comprate, vendete dappertutto — tutto è diventato possibile in questo mercato promettente e meraviglioso.

Bisognava fermarsi lì perché c'era proprio l'apogeo del progetto europeo. L'UE avrebbe dovuto restare un organismo di sorveglianza leggero e discreto, con il solo obiettivo di far funzionare il mercato unico e le sue Quattro libertà, magari proponendo qualche standard industriale e ambientale, armonizzando qualche normativa — e basta.

Invece l'Unione è diventata un colosso burocratico che pretende di dirci come vivere, una cassa di prelievi tratti dalle nostre tasche, una fabbrica di direttive inutili, un apparato ripiegato su una sola ossessione: espandersi ancora e ancora. L'Unione Europea è diventata un vero mostro che finanziamo noi.

È normale cha la gente non voglia più questo casino.

maggio 2014

2.5 Тексты на русском

2.5.1 О смысле жизни

Смысл жизни — есть ли более важный вопрос?

Много думал и додумался. Точнее, не я додумался, а задолго до меня додумались — Аристотель, Эпикур и другие эвдемонисты. Я лишь примыкаю к ним, как Шепилов.

Смысл жизни — не в служении созданному нашим воображением "богу", безразличным людям, преходящей идее, ханжеской морали, какой-то там "стране".

Смысл жизни — в стремлении к счастью.

А счастье каждый понимает по-своему. Для кого-то это спокойствие и предсказуемость, для кого-то это свобода, или деньги и standing, или женщины, или власть, или биорепликация (дети-внуки), или самореализация, или творчество, или "вес в обществе" и одобрение им, или прекрасный набор из песни "Felicità" — у всякого свой маяк.

Но стремиться к собственному идеалу счастья — это священное и легитимнейшее право каждого человека. Другого смысла нашего существования просто нет.

Просыпаешься утром и — радуешься ли ты этому дню и тому, что ты сегодня переживёшь? Приготовить ей на завтрак брускетту, написать годный текст, поиграть с похожими на тебя правнуками, сочинить лирическую мелодию, сделать приятный сюрприз дорогому твоему сердцу человеку — это зажигает тебя с утра или нет? **Радуешься ли рассвету нового дня?** Да или нет? Ответ на этот вопрос о рассвете и есть точное мерило твоего счастья. Это точнее осциллографа.

А иначе зачем жить, если не стремиться к счастью? До нас было Ничто и после нас будет Ничто. Но мы вот волею теории вероятностей и углеродной комбинаторики очутились здесь и сейчас, в этом ничтожном проблеске света, когда приоткрылись створки Небытия. И этот краткий миг чем заполнить? Можно заполнить фигнёй и чужими идеологемами. А нужно — максимизацией функции своего личного счастья! Светиться, стремиться, взлетать и наслаждаться Бытием. Иначе это будет просто тупая биология и перестановка молекул из органики в неорганику — безыдейно, бездарно и бессмысленно.

А я искал ответ про смысл.

И, похоже, нашёл.

июль 2025

2.5.2 Об искусстве и любви

Чем был бы наш мир без искусства и без любви? Обитаемой планетой, контролируемой разумными существами, не больше. Наука и познание тоже прекрасны, но даже они вторичны.

Что осталось бы у нас без искусства и любви? Что ещё-то важного?

❔ Воспроизводство человеческого рода? Это обычная биология, репликация, тут наш вид ничем не отличается от остальных млекопитающих: так же и волчица учит своих волчат уму-разуму, мы просто делаем это посложнее, но суть та же — природа.

❔ Деньги? Вещь, безусловно, хорошая, необходимая, но преходящая и техническая. Лишняя пара штанов счастливым не сделает, а затаривание барахлом сверх реальных потребностей — это совсем не то, ради чего стоит жить. В гробу карманов нет.

❔ Статус? Ха-ха.

❔ Вес в обществе? Ха-ха-ха.

❔ Власть? Ха-ха-ха-ха.

Искусство — это "единственный след нашего пребывания на Земле". Без Лувра, без Венеры Милосской, без "Отверженных" и "Неприкасаемых", без "Гамлета" и быков Ласко, без арии Царицы ночи и Моста вздохов — чем был бы наш мир? Муравейником, наполненным биомассой. Мне совсем неинтересно жить в мире, где нет Первого скрипичного концерта Паганини. Я отказался бы от такой унылой планеты, и я прошу внести это в протокол Страшного суда.

> 18-летний я однажды разнимал драку здоровых мужиков, своих коллег: архитектора и конструктора. Они били друг друга прямо на рабочем месте. Архитектор хотел "оставить след" и сделать красиво, а конструктор хотел "просто помещение". Мои симпатии были всецело на стороне вздорного архитектора, хотя подчинялся я добрейшему конструктору.

Ну а без **любви** — и в узком, и в широком смыслах — вообще ничего нет.

Электричества без любви нет. Это как построить Большой адронный коллайдер и не подключить его к энергосети — это будет просто пустой туннель в

кромешной тьме. Вроде, он есть — wow! — большой, дорогой и красивый. А зачем он, если без электричества, непонятно. Ну, построили, рассчитали, продумали. Ну, мерси. Но зачем коллайдер, если в нём не летают протоны и свет не горит? Смысл? 🤷

4 сентября 2024

2.5.3 Здравствуйте и цацики

Тащить по греческой жаре 24 литра минеральной воды меня утомило. Я присел на лавочку размять руки. На лавочке сидел какой-то мужик в рабочей спецовке и с кем-то разговаривал по телефону по-гречески. Он закончил разговор и, не переведя дыхания, обратился ко мне так же по-гречески, развивая свою начатую по телефону мысль.

Я развёл руками:

— Do you speak English?

Грек замахал на “English” руками, словно бы я показал ему химеру. Что-то сказал про инглиш и нарисовал в воздухе ноль.

— Deutsch? Français? Русский? — предложил я рабочие варианты. — Идиш?

— Моно эллиника! Моно! — грек был категоричен и патриотичен.

Ну моно так моно, раз стерео не получается. При таком раскладе с ним вообще на любом языке можно “говорить” с тем же успехом, хоть по-русски, хоть по-этрусски. Отчего же не поговорить, ну не сидеть же дундуком, в самом деле. Но как?

По-гречески я знал ровно два слова: “здравствуйте” и “цацики”. А, “спасибо” ещё. Ну, несколько корней общеизвестных: медицинских да научных. И значения личных имён. Всё!

— Эллиника zéro, сорри, — сказал я греку и тоже нарисовал в воздухе ноль. — Сорри, мужик, то есть андрос. Ономастика меа эллиника est — Андреас sum — а так эго аглоссия, лексикон zéro. Пента логос и баста, моно что графо альфабет эллиники, бо физика ин схола, химия, математика: “пи”, “ро”, “хи куадрат”. Библиотека!

Грек уважительно кивнул и показал большой палец.

Я понял, что он понимает родные корни и приободрился:

— Гут у вас тут. Парадизио мит гутн климат! Тавернес, фреш аэро, дендрос, гелиос... Зефир, эфир, температура мегала. Таласса мит Посейдон inside. Элизиум!

Грек что-то мне сказал, я предсказуемо не понял ничего вообще. Но мне понравилось, что убогая коммуникация может идти хотя бы в одну сторону, от меня к нему. И я продолжил, рассуждая о погоде на языке, на котором я не знаю даже “да” и “нет”:

— Ин Швейцария, пардон, ин Гельвеция — гелиос микрос, микроскопикус. Европа бореалис: криотерапия, бу-эээ! Крио ин Галлия est, розумієш? А вот тут ин Эллада гелиос ого-го, макрос! Фотоны экс гелиос. Космос!

Как ни странно, грек всё понял. И что-то мне ответил.

— Гельвеция... — я перешёл на культурологическую стезю. — Юлиус Кесар Genevam vidit et dixit: “О, майн гот! Только не это!” Eh bien voilà, андрос, так и живём ин Генева. Ничего не изменилось с хроноса Цезаря. Так-то, эллин.

Даже на эту славяно-латинскую околесицу грек что-то мне сказал. Может, даже согласился?

Я продолжил расхваливать его страну:

— История, понимаешь... Акрополис. Оракулы, философия, скепсис. Клеопатра ди эллиника, имела агапию мит Юлиус Кесар. Мега-Александр дер герой, никита Persorum, анабасис ин Персия ун Египет, танатос ин Вавилон est — трагедия. Зайн гинеко Роксана не эллиника, она экс Тоджикистон. Елена ди шейнэ, соматика гинекея м-м-м-м.., — я изобразил её формы, — тохтэр фун Зевс. Медуза Горгона, Прометеуш. Дедал ун Икар — аэронавтн. Голдэнэ руно, аргонавтн. Сирена такая, динозавра микра, плазма антропоморфа такая — хоп экс гидра: “Калиме-е-ера!”[21] — а Ясон ей *хрясь* по цефалу веслом — триумф! Аргонавтн: “Бу-га-га!” Сиренес: “Патология!” Орфей, лира ин хира, моно-оркестр: ля-ля-ля-си-ми-соль, ун сиренес капут, танатос. Ника!

Грек слушал мой варварский экскурс в свою богатейшую культуру раскрыв рот. Я продолжил, вернувшись к Троянской войне:

— О-ля-ля, Елена ди шейнэ! Парис дер гинекофил, ему Эрос ка-а-э-э-эк бац в кардию! Парис метаморфоза: Еленофил. Парис dixit Helenæ: “Агапо дих, Елена, агапо! Фило дих! Такси мит мир ин Троя! Эго принц, ты принцесса — агапия, эротика, физиология, апофеоз”. Парис — он не моно гинекофил, но и клептоман: клепто фун Менелай дер василевс зайн гинеко, ди “шейнсте гинеко ин ойкумена”, как dixit Афродита, гимна гинеко деесса экс Кипрос. Парис — о-о-о, ехидна трояника, василиск микрос, зоо антропоморфус! Но Спарта — хо-хо: дос из шо-то серьёз! Менелай анализ ун антипатия: “Эу! Ву из майн гинеко?” Ин библос “Илиада”, “Одиссея” ун “Энеида” графо Гомер ун Вергилий: нихта, таласса, баркас, стратос эллиникус мегалус. Гектор, он, конечно, аспид, но он герой — атлетика. Ун Ахиллес тоже герой олимпиадер, хотя проблема подология, педикюр трэба — я указал на свой правый кроссовок. — Псевдо иппос трояникус — иго-го! — орижиналь идея фун Одиссей.

Я почувствовал себя лектором по древнегреческой истории на древнегреческом языке:

— Пантеон афн Олимп, Зевс ун зайн шейнэ гимна гинеко Гера. Афина Паллада, Аристотель, Пифагор, septa музес гинекос. Персикос: “Э! Э! Ого-го! Анемия вам!”, — я сжал кулак, — но эллины протекция Эллады организация. Фермопилы мит Леонид ин цефал — стратегия! гемодинамика! Поэтесса Сапфо: агапия мит андрейи ун мит гинекос. Минотавр: “У-у-э-э-э!” — я изобразил рога и зарычал. — Микенцн, минойцн, дорийцн, спартанцн: о-о-о, теос меус: дос из не шо-то, дос из Эллада!!! Каждый петрос здесь история. Розумієш, андрос?

Грек перебил меня, начав с жаром что-то объяснять мне, возможно, про аргонавтов или, скорее всего, Елену. Как бы узнать, что?

— Парадокс, — заключил я, ничего не поняв.

Грек стал спорить. Чтобы снизить градус “дискуссии”, я вернулся к теме восхваления Греции:

---

[21] “Калиме́ра” = “здравствуйте”

— Демос ин Эллада — о! Гинекос — все Афродитес каллипига, офтальмос маврос, — я показал на свои глаза, — фантасмагория! А андрейи — все Аполлонес ун Гераклы. Цацики ун гирос — ням-ням!

Он снова зачастил на своём языке, достал телефон и стал мне показывать какие-то непонятные тексты. Прочитать-то можно — понять нельзя.

— О, эврика, телефон! — обрадовался я, так как это было единственное, что я мог прокомментировать. — “Телефон” — логос эллиникос, до речи. Механизмус электроникус?

Грек посмотрел на меня как на идиота. Что-то ответил, сам этому засмеялся. Наверное, что-то типа: “Не, блин, деревянникус”. Я не понял, но растянул губы в вежливой улыбке.

Зато грек меня понимал!

> Хотя с другой стороны, что тут может быть непонятного? Этот грек, но и негрек понял бы меня так же хорошо. Это же не чисто греческая местечковая тема, это же **общая база** всей нашей европейской цивилизации (наряду с иудео-христианским наследием и отчасти с римским). “Нет ни эллина, ни иудея”, как говорится (Колоссянам 3:11), в другом, правда, контексте говорится. Персей, Тесей, Герострат, Цербер, Пегас и миллион всего другого — для этого же не надо отдельно что-то изучать, это же не локальный эпос изолированного среди болот племени, а общий для всех нас культурный код, и он **повсюду!** Так что всё нормально, едем дальше.

Грек показал мне в телефоне фото какого-то мужика. Я не знал, кто это и честно признался ему в этом:

— Агностицизм.

Наш, с позволения сказать, разговор на секунду зашёл в тупик.

— Гидра, — я кивнул взглядом на свою воду, чтобы поддержать “беседу”. — Гидра зоя est. Оксиген ун гидроген-гидроген — синтез химика. Ин гидроген моно электрон unus, а ин оксиген — окто! Мистика! Агидрация ин Эллада — прямой дром к Аиду: Стикс ун Харон на баркасе. Танатос моменталус под таким-то гелиосом.

Меня вывозили только общая культура и древнегреческие корни в обычных словах. Но этих корней оказалось та́к неожиданно много в европейских языках, что хватило бы на десять таких “разговоров”.

Каждое моё высказывание провоцировало бурную реакцию моего собеседника. Он что-то стал с жаром мне объяснять на сильно изменённом языке Гомера. Я не понимал ничего вообще, да и Гомер не всё бы понял. Мой собеседник мог бы просто мычать — эффект (точнее, отсутствие такового) был бы таким же.

— Моментл, майн фрайнт эллин. Дай сказать хоть логос, лепту, — мне тоже хотелось высказаться, я вошёл во вкус. — Вот твоя Эллада. О-ля-ля! Интерессант ин Эллада est: музейес, палео полис, этика ун эстетика, аналитика, схоластика, экклесиес ортодокс, иконес, евхаристия, дьяконес, архидьяконес, епископес ун архиепископес, Пасха ун Антипасха. Альфа ун Омега. Стиль аутентик ин Эллада, экзотика анатолика. Ортодоксия — псих эллиники!

Грек очень обрадовался, стал что-то горячо объяснять мне, кивая в сторону церкви. Значит, он снова понял.

— Ну вот, а я за шо? — поддержал его я. — Конечно! Однако, проблема. Апогей — Схизма мегала. Период историкус проблематикус: Occident налево, Анатолий направо. Папа романус налево, василевсы мит патриархн направо. Полемика, анафема, хаос, истерика, кризис, апокалипсис, ксенофобия — архаика проблема экс история. Ой, вэй!

Наша беседа пошла по религиозному руслу. Грек разразился тирадой, в которой фигурировало слово “ортодоксия”. Наверное, хвалил свою веру.

Мне хотелось тоже высказать своё мнение, чем я хуже:

— Теос — моно гипотеза. Теос est, non est? Мистерия! Энигма. Скептицизм. Схоластикос ин Гео ун космонавтн ин космос: “Теос? Теос?” Нон видео теос. Атеизм...

Грек побагровел, залопотал, воздел руки сначала к церкви, а потом к небу, и я быстро ретировался со своей теологической дискуссией, которую не мог поддержать:

— Kyrie, eleison[22], — ответил я на это примирительно. — Аллилуйя.

Грек перекрестился. Довольный, достал портсигар с самокрутками, предложил мне.

— Самосад? — скептически спросил я.

— Marlboro, — обиделся грек.

Я побрезговал угощаться склеенными его языком козьими ножками, показал жестом, что не курю.

Мужик разжёг свою скрутку и продолжил свою пламенную речь. Видимо, он был огорчён Великим расколом XI века. С тем же успехом я мог бы слушать разговоры китов — я не понимал и близко, о чём говорит мой случайный знакомый. Я слушал его и соглашался со всем.

Мои руки наконец отдохнули.

— Ладно, андрос, пошёл я, — сказал я вставая. — Хронос тик-так. Зоя антропия — один сплошной марафон. А шо, андрос, не мы такие, зоя такая. Давай, бывай, дядя. Зай гезунт.

Я даже не знал, как по-гречески “до свидания”.

Он встал и приблизился, чтобы как-то побрататься что ли или похлопать меня по спине. Порыв был искренним и нормальным для Востока, но я отстранился — я не выношу мужской тактильности и амикошонства. Широко улыбающийся грек крепко пожал мне руку и снова что-то сказал на прощание. Я не понял ни полслова.

Из всего, что он мне говорил, я, по большому счёту, точно понял только “Marlboro”.

Вдруг вспомнил надпись на магните, националистический лозунг. Обернулся и прокричал ему:

— И Македония инэ эллиники! (“Македония — греческая!”)

Мужик чуть с ума не сошёл от счастья: по-ротфронтовски поднял кулак и что-то радостно кричал мне вслед.

---

[22]“ Kyrie, eleison” = “Господи, помилуй”: фраза из ординария мессы, идёт сразу после куплета “Misereatur”. И в “Реквиеме” это греческое включение тоже есть.

Завершая свой крестный путь с водой и проклиная её, я подумал, что всё не так-то плохо, если к вопросу коммуникации на неизвестном языке ты пытаешься подойти творчески и задействовать резервы кругозора и фантазию.

Мне понравилось! Теперь на латыни надо так попробовать. Может, остался где-то носитель? Надо поспрашивать в Помпеях.

2024-Oct-19

2.5.4 Трактористом у Мефистофеля

В аномально тучные нулевые, когда sky was the limit, а доллары сыпались с неба просто так, мы обедали с коллегами на летней террасе рядом с офисом. Допивали кофе, наслаждались прохладой и беседой о видах на бонусы.

— Эх, неохота обратно в офис, — сказал потягиваясь коллега Давид. — Так бы и сидел на этой террасе до пенсии. На свежем-то воздухе!

— Да, на свежем воздухе хорошо, — оживились Лара и Кристина. — Жаль только, что приходится выбирать: или воздух, или работа. Третьего не дано...

— Не офисом единым, — заметил я. — Ведь бывает и работа на воздухе.

— Дворник? — съязвила Кристина, и все засмеялись.

— Или земледелец, фермер, хлебороб. Вот подумайте про свой компенсационный пакет за этот год.

Мои собеседники удивились неожиданной просьбе и задумались.

Лара сказала:

— Если всё срастётся, если не кинут, то это будет шикарный год, побольше бы таких.

— Во-о-о-от! — продолжил я, — год действительно исключительный. И неудивительно: рынки на хайях, мы в правильном месте, в предвкушении пары звонких талеров в декабре. А теперь представьте себе, что кто-то предлагает нам такую сделку: **утроить** этот шикарный пакет и платить его, ежегодно индексируемый, каждый год аж до пенсии. Но взамен мы подписываем бумагу, что никогда больше не переступим порог никакого офиса, а работать мы сможем только сельхозрабочими и никем больше. И денег аж в три раза больше, чем сейчас, и с гарантией, и на свежем воздухе. Фиксируем сегодняшний успех, умножаем его на три и на много лет вперёд. Отказываемся от галстуков за деньги.

— Кто предлагает-то? — спросил Давид, — наш CEO? На него непохоже.

— Не, бери выше, — ответил я, подняв палец к небу. — Ну, не знаю: Фата Моргана, Медея, Исида, Малефисента, Аэндорская волшебница. Мсьё Мардук. Мефистофель, наконец! Только ему от тебя будет нужна не душа, а всего лишь резюме.

— А что делать-то? — заинтересовался Давид, словно это был реальный оффер.

— Ну, можно выбирать. Можно дояркой, можно пастухом, можно косарём. Прикинь, Дава, ты косарём восемь часов в день. Йех! Йех! Ого-го! Раззудись плечо, размахнись рука! И спортзал не нужен — зачем он косарю. Густой загар,

хорошее настроение, циркуляция крови. Богатый человек, атлет и любимец женщин. Сильные руки и кубики пресса.

Давид посмотрел на мои руки и ничего не сказал. Только спросил:

— А ты сам-то, друг мой Фауст, кем бы был? Дояром?

Дружный смех.

— Не, не дояром, я животных не люблю. Я механизатором попрошусь у Мефистофеля. Сидишь себе в комбайне, паришь над бескрайним полем, а деньжата, точнее, деньжищи, капают. Я на тракторе буду рассекать. Ну или косарём рядом с тобой, я ж тоже хочу кубики. А наши офисные чахлики в это время сколиозят в своём офисе, дрожат за свой трудовой договор, всматриваются слезящимися глазами в дисплей и мечтают умереть.

— Деньги и свежий воздух это, конечно, хорошо, но не хочу я на твою ферму, — сказала Кристина, — там воняет.

— Да, не “Givenchy”. Привыкнем. Натуральные запахи — сена, тела, свежескошенной травы, растёртых в ладонях колосков, самоё жизни! — они естественны, они глубинны, они идут из подсознания нас как вида. Я однозначно предпочитаю аромат сеновала выхлопу тонера из ксерокса.

— Складно лепишь, начальник, — сказал Дава, смакуя эспрессо. — Но заскорузнем мы в твоём колхозе. Будем деградировать и отупевать.

— А в офисе мы что, “заостряемся”? Одно и то же ведь, что и сельхозрутина. Ну вышел новый эмитент, ну побили мы benchmark, ну не побили. Вчера угадали движение рынка, сегодня нет, и объясняем мы свои действия всегда одними и теми же словами: всегда “неопределённость, разнонаправленность, диверсификация”. “День сурка”, не находите? Что-то “новое под солнцем” видел кто-то из вас за последние пять лет? Лес рук. Я — нет.

— Иногда вижу. Но всё меньше, — великодушно согласился Дава.

— И потом, — торжественно провозгласил я, — важнейший момент работы в колхозе — это интеллектуальная составляющая!

Дружный, долгий, здоровый смех.

— Зря смеётесь, ведь здесь мы тоже в выигрыше! В поле — плейер в уши, и восемь часов в день слушаешь симфонии, лекции, арии и аудиокниги. 240 книг в год только в рабочее время — это что-то или ничто? Наши мысли будет занимать не рутина оферты к погашению, а огромный, дивный мир культуры, науки и искусства. Он будет открываться перед нами каждый день, пока руки машинально косят, а ноги жмут на педали трактора.

— Твои слова да богу в уши, — усмехнулся Дава.

— “Г-громче з-зовите! Может б-быть, Он спит”.

— Не богохульствуй, — попросила Кристина.

— Что ты, Кристи, это не я говорю, это Артур из “Овода” перефразирует Илию, троллящего ваалофилов[23].

— Что ещё включено в сделку? — деловито спросил Дава, и я высоко оценил его внимание к своим мечтаниям.

— То же, что и сейчас у нас у всех, ровно те же блага. Только подарков на Рождество не будет. По понятным причинам.

[23] 3-я Книга Царств 18:27

— Всё это фигня, — заключила прагматичная Лара. — Ничего этого не будет. А если кто и пообещает такое, то кинет.

— О, нет, Этот не кинет! Вспомним, что Он сказал: «Was man verspricht, das sollst du rein genießen, dir wird davon nichts abgezwackt» = «Что обещаем мы, ты можешь получить сполна, ни в чём тебя мы не надуем». А если нас где и кинут, то как раз в офисе. А на контракте с Мефистофелем будет Его подпись, ещё и печать с пентаграммой и с “Самаэль унд Лилит”, всё честь по чести. А печать Бафомета, знаете, будет посильнее печати любого CEO в мире. А где Он, родимый, кстати? Кто-то видит уже чёрного пуделя? Давайте посмотрим под столом.

— Ты что?! Какого пуделя? — встревоженно спросила Лара. — Иди сюда, дай-ка я тебе лоб проверю. Are you OK?

— Yes I am. Мефистофель явился Фаусту в лесу в виде чёрного пуделя, — напомнил я. — Это если по Гёте. А так Он в любом обличье может предстать. Иной раз прямо перед собой Его видишь, говоришь с Ним, но не догадываешься, что он — это Он!

Девушки с ужасом посмотрели на меня — я как раз сидел напротив.

Дава расхохотался:

— А что, что-то определённо есть!

— Хромоты нет, — заметила наблюдательная Кристина.

— Ничего, упадёт с трактора, будет и хромота, — процедила острая на язык Лара.

Дава вдруг изрёк:

— «Тот дикий лес, дремучий и грозящий, // Чей давний ужас в памяти несу». Не оттуда, правда, но лес навеял.

— Зато тематика та же, — признали мы, приняв его параллель. — Данте, видимо, тоже была близка колхозная тема с элементами чертовщины.

Помолчали в задумчивости. Тишину нарушила обычно сдержанная Кристина:

— Да, согласна, смотреть всю жизнь в монитор неохота. Да, офис — тот ещё террариум, но люди в офисе всё-таки нормальные, а не лесная деревенщина.

— Люди разные попадаются: и в офисе, и на элеваторе, — ответил я. — Кузнец может быть золотым человеком, а офисный топ холёным подонком. И наоборот. И не мы выбираем, с кем работать, тебя ставят перед фактом. Везде люди. Всюду жизнь.

Заказали ещё кофе в стол. Уходить не хотелось. Утопическая мысль об избавлении от офисного рабства никого не отпускала: ни стремящегося, ни противящихся.

— Ну, то есть, я так понимаю, свежий воздух вас больше не прельщает? — спросил я.

— Не путай свежий воздух со своим безумством, — отрезала Лара. — Скажи мне лучше, где в твоей истории эстетика? Ты мне со своим Мефистофелем что предлагаешь, всю жизнь на коровье вымя любоваться?

— А здесь мы на что любуемся? — возразил я. — На Price/Earnings и на Since Inception? Та ещё эстетика: *a* делённое на *b*... Да и почему же “всю жизнь”? Закончился рабочий день в винограднике, фартук в сторону, надеваешь свои

бриллианты, садишься в свою “Феррари” и едешь, куда хочешь: в клуб, в рестор, к друзьям, в оперный театр. На “Фауста”, конечно.

Я набрал в лёгкие воздуха:

— “Et Satan conduit le bal, conduit le ba-a-al”.

[🔊 вот так примерно]

Люди в ресторе с интересом обернулись.

— Ария работодателя, — пояснил я. — Нет, Лара, всё останется, как и сейчас. Твоя жизнь не меняется, только денег в три раза больше. Deal, он же только про работу.

Лара с жалостью посмотрела на меня:

— Что у тебя в голове? Ты хоть когда-нибудь бываешь серьёзным? Дату ты, понятно, не скажешь, мы только год знаем, но просто очень интересно, кто ты по знаку Зодиака?

— Демон, — сквозь смех сказал Дава.

— Я смутно помню день тот хмурый, // Я почивал, едва явившись в мир, — сымпровизировал я экспромтом в Давином ритме “Божественной комедии”, — давно дело было, тридцать лет с хорошим гаком. Неважно. Лучше смотрите сюда: такой deal если, для желающих остаться в городе. Упятеряется наш пакет, а не утраивается. Йу-ху! Специальное предложение от Люцифера. По этому контракту, ты не сельхозрабочий, а человек-бутерброд. Один плакат спереди, один сзади, ходишь по городу и раздаёшь листовки, зазываешь. Пакет в пять — пять! — раз больше нынешнего. Где ещё столько заработаешь? И свежий воздух, и работа с людьми.

— Час от часу не легче! — возмутилась Лара. — Знаешь-ка, милый друг, иди-ка ты сам работай бутербродом! У тебя хорошо получится. Я бы ни за что не согласилась, сколько денег ни предлагай мне ты и твой друг с рогами.

— А я бы, Лара, согласился, — спокойно ответил я. — Я ведь, по сути, и сейчас человек-бутерброд, как любой наёмный работник в мире, только за в пять раз меньшие деньги. Бутерброд, только в галстуке. Я отдаю свои восемь часов, нет их у меня, в минусе они. А если они всё равно в минусе, то тогда надо максимизировать доходность этого проданного времени. Единственное моё развлечение в течение восьми проданных часов — болтовня с вами и другими весёлыми ребятами, приколы, подколы, кофе-машина да вписывание фамилий акционеров в график уборки туалета с выставленными им плохими оценками. Зайди в мужской туалет, посмотри, мой почерк ты узнаешь.

Дава в подтверждение кивнул. И примирительно сказал:

— Не, косарём за три конца лучше, чем бутербродом за пять. Но я бы тоже не согласился.

Дава по-прежнему с интересом относился к моим фантазиям. Ну а девушки-то с самого начала воспротивились свежему воздуху, идущему в дьявольской связке с нетривиальными условиями отказа от привычного образа жизни.

— Почему ты всё меряешь на деньги? — сказала прищурившись рассудительная Кристина. — Работа ведь не просто “бабло”, но и достижение результатов, командность, развитие, признание, улучшение себя, полезность для общества, в котором мы живём.

— Подписываюсь под каждым твоим словом, Кристи. Очень хорошая формула. И как раз на нашей ферме (ферме, а не фирме) ты найдёшь все эти слагаемые без исключения. В отличие от фирмы, где нет полезности от слова ни боже мой. Обществу не нужен мой офисный труд, в отличие от выращенного мною хлеба. Я, наша фирма, весь наш финансовый сектор исчезнут — никто и не заметит. Твоя формула прекрасна, а моя гораздо примитивнее.

И я нарисовал на салфетке:

$$\underset{\to\infty}{Satisfaction}_{Work} = \frac{\underset{\to\infty}{\$}}{\underset{\to 0}{Headache}} + \underset{\to\infty}{Freedom} + \underset{\to\infty}{Fun}$$

— Да-с, — скептически процедили мои коллеги, изучив уравнение, — без полёта...

— Летаю я в других местах, а не в проспектах эмиссии, поэтому многие из Кристининых слагаемых у меня вынесены из уравнения работы в другое уравнение, более общее. А именно на работе — пропитаться, не убившись при этом — вот и вся моя формула, и максимизируется она именно у Мефистофеля: числитель × 3, знаменатель (головняк) близок к нулю, а веселухи и свободы в колхозе выше крыши.

— Воображаю веселуху в колхозе! — засмеялись коллеги, обрадовавшись уходу от тяжёлых дум и философских максим.

— А кто мешает нам веселиться на ферме? — воодушевился я. — С огоньком, с шуткой-прибауткой, йоу! В обед мы будем собираться на полевом стане. Мы сидим, как сейчас, за большим грубо срубленным столом, едим простую крестьянскую еду, пьём компот, смеёмся, обсуждаем виды на урожай — красота!

— Прям' обхохочешься... — поддела меня Лара.

— Хотя нет! — я поправился. — Мы не виды на урожай будем обсуждать, а то, что узнали мы из плейера на покосе! Будем делиться впечатлениями от приобретённых на лугу знаний и полученных на пасеке эмоций. Будем цитировать Заратустру и сравнивать трансформизм Шопенгауэра с парадоксом Левинталя и стройным логарифмизмом "Х. т. клавира" Баха. О дорических колоннах будем говорить, о теории струн. Один из нас приходит на обед задумчивый: "Как, по-вашему, тёмная энергия — это константа по энергетической плотности или это всё-таки динамическое поле?". Остальные трое: "Хэ зэ. Мы только пшеничное поле знаем. Вот узнай и расскажи нам". Очень интересно!

— Хммм... — почесал подбородок Дава, — действительно, занятно.

— Корпоратив, конечно же, всегда 30 апреля? — подпустила шпильку Кристина.

— Нет, это без привязки. Это же не шабаш ведьм, а простой колхоз. В общем, весело у нас будет, мы будем держаться вместе как люди из бывшего пиджачно-жакетного мира, что не помешает нам дружить с оратаями и пейзанками. Как сказано в Талмуде: «Э́йзеҳу хаха́м? Ҳаломе́д мико́ль ада́м» = «Кто мудр? Тот, кто учится у любого человека»[24]. Найдём новых друзей. А вместо банального

[24] Мишна, "Авот" 4:1

корпоратива у нас будет художественная самодеятельность! Ты на губной гармошке играешь, ты на расчёске, ты пляшешь, я в буфете на раздаче, жонглирую бутылками с самогоном: “Esta noche fiesta grande”!

Я стал подмигивать поочерёдно то одним глазом, то другим, изображая огни дискотеки.

Дава засмеялся, девушки кисло усмехнулись.

— А почему в твоей незамысловатой формуле даже нет признания от твоей работы? — спросила Кристина.

— А зачем оно мне отдельной строкой? — удивился я. — Признание выражается в долларах, а доллар у меня в числителе.

— И только в долларах? Но вот вас с Давой недавно запромоутили, тебе присвоили грэйд директора.

— Почему-то хочется добавить “посмертно”...

— И что, ничего не шевельнулось?

— Шевельнулась радость от того, что фикс в числителе стал выше, то есть моя волшебная формула улучшилась. Этому я очень рад.

— А похвала? А оценка? А грэйд на новой визитке?

— Визитка, наверное, обрадовалась, а мне-то какая радость от нового буквосочетания на ней? Назови меня хоть генералиссимусом, хоть шутом гороховым, что это меняет? Мы же как раз об этом говорим в контексте колхоза и утроения. Ну стал я директором после вице-преза, и что я — лучше стал?

— Я бы не сказала, — заметила Лара.

И добавила:

— Вся эта дискуссия — какая-то дикая ересь. Так не бывает. И ты пургу несёшь, искушаешь нас несуществующими опциями, и ни к чему это не приведёт.

— И работодатель твой стрёмный, — заметила Кристина.

— Не стрёмнее других. Что Он сделал-то? Предложил натуристке яблоко? Задал Постящемуся три вопроса, ведя с Ним культурную беседу в форме интеллектуального баттла со счётом 3:3? Даже историю с Иовом Ему нельзя предъявить.

— Иова-то можно, — не согласился Дава.

— А что ты Ему инкриминируешь по существу? “Человек” (или Кто Он там) просто задавал вопросы, а дальше действовал по прямому поручению Всеблагого, старшего по званию, поэтому все моральные вопросы по чудовищному эксперименту над бедным Иовом — к Небесному Заказчику. Полуубитый на пустом месте Иов вопиет к Творцу: “За что ты уничтожаешь меня, Господи???”, а Тот ему в ответ что-то невнятное про рассвет и ястреба — и вешает трубку. У Всеблагого, кстати, на каждой второй странице текста состав уголовного с отягчающими, и кто тут из Них двоих опаснее и непредсказуемее — *очень* хороший вопрос, требующий независимой экспертизы юристов и психологов. Так что нормальный мужик наш Контрактант, не стремайтесь.

— А можно говорить о работе в поле *без* привязки к Люциферу? — поморщилась Лара. — Зачем их увязывать?

— А кто ещё, кроме Него предложит нам такой контракт? Он это делает, потому что Ему любопытно посмотреть, как мы отреагируем. Ему *мы* интересны. И

вообще, вся Его история — это же не про чёрную мессу с мифическими “жертвоприношениями” и средневековыми страшилками, а про свободу, независимость суждений, про знание и познание, широту взглядов, про развитие интеллекта и критический разум, про справедливость, про здоровый гедонизм и эпикурейство, наконец. Про Человека в центре всего! Что плохого? Вполне гуманистический подход.

— Так уж и гуманистический? — покачала головой Лара.

— Абсолютно гуманистический, никакой “крови младенцев” и объективно сформулированного “зла”. В иудаизме первые три из Десяти заповедей утверждают авторитет Бога, *безапелляционно* “закрепляют” за Ним Его власть, “обозначают Его территорию, демаркируют её”[25]. Это уже́ о многом говорит! В христианстве первыми из “смертных грехов” идут что — superbia, avaritia и luxuries[26]= гордыня, скупость и похоть. Первые два, на мой взгляд, не первостепенны, а похоть вообще имманентное свойство, смешно его и обсуждать, и так уже авраамические религии изуродовали человеческую природу донельзя, а теперь ещё и предъявляют нам за якобы “Им же данное” свойство. А у Люцифера главнейшим из грехов является… глупость. Почувствуйте разницу.

— А мораль в традиционных религиях? — спросила Кристина, словно оправдывая своё имя.

— Я честно искал мораль, но не нашёл. Всё больше истребление первенцев, Крестовые походы, “зачистка” Иерихона да корчащийся на костре Ян Гус.

— Это люди извратили, — парировала Кристина. — База-то и учение — хорошие.

— Учение? “Тринадцать принципов иудаизма” состоят из “Ани́ маами́н” = “Верю полной верой” — все 13 догматические, ни слова о нас с вами. В христианстве в “Символе веры” нет ни слова ни об одном моральном принципе, нас там тоже нет, одни только непроверяемые утверждения. А у Люцифера нет никакой душной и бездоказательной догматики, Его система взглядов даже не кодифицирована. “Живи сам и давай жить другим” — вот так, наверное, и можно резюмировать за Него. Что из трёх вам больше импонирует?

— Мсьё у нас адвокат дьявола? — хитро подмигнула Кристина.

— Не адвокат. Судья. И Этому, и Тому, и всем остальным пассажирам.

— Блин… — грустно сказала Лара, — с тобой поговоришь, потом всегда мозги набекрень. Думаешь потом, прокручиваешь, возвращаешься…. Вечно сбиваешь с пути истинного. Сам, как змей.

— Я просто анализирую известные тексты.

Снова помолчали в задумчивости.

— В общем, если тебя завтра утром в офисе нет, то ты в колхозе, — не то спросил меня, не то констатировал Дава.

— Да я хоть сейчас на трактор на таких условиях! А я правильно понимаю, что вы ни за какие деньги не согласились бы заменить работу в офисе на работу в поле? Мне там что, одному с пейзанками хороводиться? Соглашайтесь! Будет весело!

Лара посмотрела на часы.

---

[25] Исход, 20:2–14: https://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/9881

[26] https://la.wikipedia.org/wiki/Septem_peccata_mortalia

— Хорошо, — предпринял я последнюю попытку, — а если упятерить фермеру и удесятерить бутерброду — согласились бы? Я смогу договориться!

— Посчитайте нас, пожалуйста, — попросила официанта Лара. — Нам пора. Наш друг перегрелся.

Никто из моих коллег не захотел променять офис на свежий воздух за упятерённый пакет. Мефистофель не явился и контракт не принёс, хотя я уже приготовил ручку для подписи и приветственную речь.

Мы, конечно, вернулись на деск к “офисным чахликам”, снова стали ими сами и “засколиозили”, засев за мониторы. Я посмотрел в окно, ища пуделя, змея или чёрного дрозда, который явился Святому Бенедикту в Монте-Кассино. Никого из них не было. Подождал, посмотрел ещё — никого.

И до сих пор жду...

Несколько дней спустя, в момент сложного и рискованного трейда, недовольный Дава сидел, подперев голову. «Лучше бы действительно согласился стать трактористом, а не это вот всё» — тихо пробурчал он.

(2024-Jul-13)

2.5.5 Отцу на работу

В безжалостном к частной жизни человека Советском Союзе была такая кара для проштрафившихся школьников — “звонить отцу на работу”. В этой фразе было страшно всё: “звонить” — нечто канцелярское, с пронзительным звуком телефона и казённостью обстановки; “отцу” — не доброй матери, а злому отцу; “на работу” — в Святая святых советского человека: на Ра-бо-ту. И такой звонок на работу предполагал не разговор со злым отцом (его банально можно было вызвать в школу), а с ещё более злым начальником отца, а это в сто раз страшнее. Хуже такого звонка было только исключение из школы или четвертование. В общем, это был край.

— Ну всё, ребята, я пропала, — прямо с порога выдохнула моя коллега Клавдия Петровна, зайдя утром в отдел. — Что делать, не знаю.

Параллельно с вечерней учёбой в МИУ я работал в конструкторском отделе проектного института ГипроНИИ на улице Генерала Белова. На бумаге работал чертёжником (при полном неумении чертить что-либо, кроме прямой линии), а в реальности грузчиком, курьером, преподавателем английского для начинающих, первооткрывателем единственного на этаж компьютера, а также, благодаря умению держать язык за зубами, агентом по особым поручениям: личным и *очень* личным типа покупки и доставки цветов дамам сердца [отдельно об этом: §2.5.6]. Я был кем-то средним между Фигаро, Швейком и шахназаровским курьером Иваном. Работа в режимном институте приносила не только приличные деньги для студента, но и

регулярные продуктовые заказы, что в голодном социалистическом 1990-м было поважнее бумажных рублей-фантиков.

— Что случилось, Клавдия Петровна? — обступили мы коллегу.

— Петька опять набезобразничал в школе, — грустно сказала она. — Классная руководительница меня вчера вызывала. Сказала, что сегодня будет звонить на работу.

Клавдия Петровна была у нас старшим инженером и воспитывала сына одна. Её сыну Пете было лет шестнадцать, и он пошаливал в школе, как и полагается мальчику его возраста: то окно разобьёт, то из окна выпрыгнет, то покурит в туалете — в общем, наш человек. Нормальный мальчик.

В случае с Клавдией Петровной карательная формула превращалась в “звонить матери на работу”. Вернее, начальнику матери.

— А, может, она и позвонила уже, — с тоской сказала Клавдия Петровна.

— А вы ей дали правильный номер Новичихина? — спросил младший инженер Миша Зверев, весельчак и заводила. — Надо было одну цифру в номере изменить, чтобы она попала не туда, например, в лепрозорий или в Кащенко.

— Не давала я ей ничего, — отмахнулась мать мальчика, — у неё и так номер в журнале есть, наш городской. Она только ФИО Новичихина записала.

— Надо было “Олег Попов” сказать, — продолжил давать запоздалые советы Миша, — или “Полиграф Полиграфович”.

— Помолчи, Мишка, — шикнула на остряка Нина Калинина, молодая бойкая чертёжница, напоминающая характером комсомолку-активистку, ехавшую на БАМ. — Не видишь, у человека проблема. Не до смеха.

Проблема действительно была. От начальника Новичихина, руководившего нашим небольшим отделом из 36 человек, зависело многое: премия, продвижение по службе и сама служба, рабочая нагрузка, назначение на интересные проекты. Выставить себя в неприглядном свете Клавдии Петровне не хотелось. И пересуды коллег были бы неизбежны — секретарша Галя мгновенно разнесла бы эту новость по всем этажам. Да и вообще, беспардонное советское вторжение в личную жизнь человека всем было хорошо известно и привычно.

— То есть, получается, она будет звонить не Новичихину, а сюда, в нашу комнату? — спросил Миша.

— Какая разница? Ягодина-ябедина позвонит, а мы должны будем позвать сюда Новичихина или дать ей его прямой городской номер.

— Пусть звонит, — тихо сказал я.

— То есть?! — на меня посмотрело семь пар гневных и удивлённых глаз.

— “Новичихиным” буду я.

Миша засмеялся, остальные смерили меня скептическим взглядом, полным жалости.

— Помочь Клавдии Петровне надо? Надо! — обосновал я своё предложение. — И ещё надо дать отпор этой хамской практике звонить начальнику, что это за сталинщина? При чём тут начальник родителя школьника??

> Слова “privacy” никто в СССР не знал, и не все поняли бы его значение, даже если бы им разъяснили. Советские зарплатные ведомости

> писались и подписывались на общем листе, и все видели зарплату всех. На трамвайном кольце вокзала г. Тулы висела доска с фотографиями безбилетников, с их именами и местами работы. На любом листке нетрудоспособности открыто писался диагноз заболевшего советского гражданина — от геморроя до внематочной беременности — и этот диагноз видело начальство, бухгалтерия и отдел кадров — то есть, все. Администраторы гостиниц внимательно изучали паспорта клиентов на странице “Семейное положение” и не селили в один номер мужчину и женщину, если у них не было штампа о браке (а двух мужчин или двух женщин вместе селили, это было о’кей). Про плакат “Позор дебоширу и пьянице С.С.Горбункову” помнят все. На типичном советском родительском собрании открыто, при всех позорили и “пропесочивали” отстающих, двоечников, хулиганов и шалопаев типа Петьки.
>
> По всей стране работали профкомы, парткомы и месткомы, на которых вездесущий “коллектив” нагло совал свой нос в личную жизнь, кошелёк и спальню советского человека, не без удовольствия роясь в грязном белье. Да и вот такие публичные “процессы” не казались оставшимися в таком уж далёком прошлом даже в ставшем циничным и пофигистическим советском обществе в предпоследний год его существования.

Клавдия Петровна тяжело вздохнула.

В это время зазвонил телефон, и я решительно поднял трубку: “Алло”. Коллеги замерли. “Наташу Рысс можно к телефону?” — заботливый (или ревнивый?) муж Наташи Рысс позвонил узнать, как она доехала (или же проверял, на работу ли она с утра уехала или куда-то ещё). Больше ни о ком в отделе так не заботились.

— У тебя не получится, — с уверенностью в голосе сказал мне Гаяр Бетретдинов, солидный инженер, совесть и здравый смысл нашего отдела, — тебе не хватит зрелости вести такой разговор.

— Тебе самому восемнадцать, — кисло добавила мать мальчика. — Ненамного больше, чем Петьке.

— Восемнадцать с половиной, — я стал медленно разгибать пальцы, как делают малыши, отвечая на вопрос о возрасте, — и это не страшно, учительница же меня не видит, а только слышит.

Мой низкий голос часто в жизни оказывал мне хорошую услугу в разных ситуациях, и я был уверен в своих силах.

— Нет, нет, — покачал головой Гаяр, — это не вариант. Запнёшься, проколешься, потом Новичихин узнает и выгонит тебя.

— Не узнает, не беспоко...

В этот момент телефон зазвонил снова.

— Да что ж такое, сколько можно! — вспылила Наташа Рысс и раздражённо крикнула в трубку: “Аллё!” Ещё через мгновение она сделала страшные глаза и указала пальцем на Клавдию Петровну:

— Да, это “ГипроНИИ”, — растерянно сказала Наташа. — Да, на месте. Да, можно...

Я уверенно протянул руку, и Наташа неуверенно передала мне трубку.

— Алло, — строго сказал я.

— Товарищ Новичихин? — противным голосом спросили в трубке.

— Да. Кто говорит?

— Это вас беспокоят из школы 1234, я Ягодина Ирина Ильинична, классный руководитель Иванова Пети.

— Очень приятно, — сухо сказал я, хотя приятного было мало.

— Я хочу поговорить с вами о Пете.

— А кто это?

— Ну я ж говорю, Петя, сын Ивановой Клавдии Петровны. У вас ведь работает такая?

— Работает. Что с сыном случилось??

— Ничего не случилось. Точнее, да, ну то есть нет. Послушайте, Сергей Вениаминович, дело в том, что Петя очень плохо себя ведёт. Очень нас огорчает, мы прямо не знаем, что и делать. Отбился от рук! — скрипучий голос пасквилянтши был просто невыносимо отвратительным. — Мы говорили с Клавдией Петровной, просили принять меры, но она не может повлиять. Может, вы повлияете?

— На Клавдию Петровну или на сына? — не без издёвки спросил я.

Миша Зверев давился от смеха, и я отвернулся к стене, чтобы меня не сбивали.

— На Клавдию Петровну. И на сына. На обоих. На Клавдию Петровну сначала. Как-то сделайте ей замечание что ли, пристыдите её, пропесочьте. Лично или на общем собрании или на профкоме.

Ага, щаз... Может, ещё “товарищеский суд” ей скажешь устроить? А пропесочу я сейчас тебя, доносчицу огэпэушную.

— В чём сын провинился? — с притворной озабоченностью спросил я тревожным голосом.

— Ой, Сергей Вениаминович, вы знаете, он такой хулиган! — охотно защебетала учительница-кляузница. — И совершенно никого не слушает. Ему говоришь, а он только улыбается.

— Конкретнее, пожалуйста.

— Он разбил мячом стекло! Он пришёл в школу в джинсах! Он в комсомол не хочет вступать. Он подговорил товарищей вбросить одноклассника в женский туалет и запереть его там. Он постоянно опаздывает. Он плохо дежурит. Он принципиально не носит сменку, не сдаёт макулатуру: “Я, — говорит, — гозет дома-то не держу, ибо неграмотный”. И окает при этом.

Нормально, подумал я. Направление верное.

— Он бегает как оглашенный, орёт как резаный, на переменах организовывает игру в “конное сражение” и в футбол ластиком.

Вау, классный чувак этот Петя! Только это не “футбол” называется, а “сифак”, и не “сражение”, а “конный бой” — должны бы вообще-то знать, товарищ педагог, это база. И “сифак” с “конным боем” не трожьте, это мои любимые игры. Всего год назад я сам в них до одури играл, до хрипоты и конвульсий. Это вообще святое.

— Ещё что? — строго спросил я.

— Ещё он подбивает друзей, хороших учеников, на игру, когда они запрыгивают друг на друга и потом идут сцепившись, вот в такую ужасную игру...

— А, в “слона”! — радостно сорвалось у меня с языка, чем я чуть не выдал себя.

— А вы откуда знаете? — удивилась жалобщица.

— Сын поигрывает, — выкрутился я.

— А-а-а-а-а, видите, Сергей Вениаминович, значит, и вам как отцу близка эта проблема. И ещё Петя сделал монетки из фольги, нарисовал деньги с собственным портретом и предлагал товарищам обменять их по курсу один к ста. “Хороший курс, — говорит, — тебе по знакомству”.

Он ещё и художник! И бизнесмен.

— И ещё Петя курит! — скрипучим голосом продолжила жаловаться классная. — Мы его поймали с сигаретой, а он скосил глаза и сказал, что он не Петя, а Фридрих Энгельс. “Ich bin Friedrich Engels, guten Tag”, — так прямо и сказал.

Ещё и немецкий знает! С этого момента я зауважал Петю, которого никогда не видел. Талантливый мальчик.

— А буквально вчера он из конфеты “Холодок” сделал себе клыки и выл по-волчьи.

Я просто узнавал в Пете лайт-версию самого себя. Петя пока не дотягивал до моего уровня фантазии, безбашенности и нон-конформизма, но он ведь молодой, только учится, всё ещё впереди.

— А на той неделе, — продолжились жалобы, — он одел на голову детские колготки серого цвета и изображал, что он ослик. Мы его стыдим, а он в ответ: “И-а, и-а”.

— “**На**дел”.

Мне, у которого ещё школьная пыль на сапогах не обсохла, хотелось проучить эту кляузницу и отбить у неё охоту “звонить отцу на работу” — сейчас и впредь, Клавдии Петровне или кому бы то ни было.

— Что-что? — не поняла она.

— Колготки **на**девают. Вы какой предмет ведёте, Ирина Ильинична?

— Русский и литературу, — с плохо скрываемой злобой ответила учительница. — Но дело не в этом.

— Да уж, вы, пожалуйста, по существу.

— Ну вот, бегает, орёт на переменах, — набор Петиных прегрешений, похоже, исчерпался.

— Это я понял. Так, Ирина Ильинична, а скажите-ка мне, пожалуйста...

— Да, да, что? — с готовностью откликнулась жалобщица.

Ах ты ябеда-корябеда, солёный огурец...

— Скажите, — суровым тоном спросил я, — а на учёте в детской комнате милиции Пётр состоит? Законы нарушает?

— Какие законы?

— Наши советские законы: Уголовный или Административный кодекс РСФСР или...

— Да бог с вами, Сергей Вениаминович, что вы, что вы! — перебила меня учительница. — Нет, конечно! Что вы такое говорите, бог с вами!

— А малышей Пётр обижает? Слабых? Девочек? Издевается над кем-то? Доводит кого-то, бьёт?

— Да что вы такое говорите! Нет, конечно! Петя очень добрый. Его все любят.

Так а что ж ты, каналья, тогда сюда звонишь, раз он не состоит, да ещё и всеобщий любимец?! Вообще идеальный парень этот Петя!

— Может быть, это у лично у вас, Ирина Ильинична, сложилось такое мнение о Петре?

— Нет, что вы, не только у меня! Весь педсостав от него стонет. И, кстати, Сергей Вениаминович, — учительница сменила жалобный тон на загадочный, — вы знаете, откуда я вам сейчас звоню?

Из сумасшедшего дома что ли?

— Из кабинета директора! — торжествующе провозгласила Ирина.

— Это очень хорошо. Как зовут директора?

— Кобзева Анна Владиленовна, — гордо сообщила учительница, словно в этом была её заслуга.

О, её ж почти как меня зовут! Ой, то есть, нет, не меня — я ж Новичихин. Хм-м-м, а отчество-то у неё какое, прямо революционное, боевое. Непростая, должно быть, собеседница.

— Будьте добры, Ирина Ильинична, передайте трубочку директору.

Если бы я обернулся, то непременно увидел бы, что Клавдия Петровна схватилась за сердце.

— Здравствуйте, Сергей Вениаминович, — директорский голос оказался таким же противным, как и учительский.

— Здравствуйте, Анна Владиленовна.

— Не отвлекаем мы вас? — спросила директриса.

— Вот об этом, товарищ директор, я и хотел поговорить с вами. Секундочку, извините. Э-э-э-э... Галочка, сделайте мне чаю с лимоном. Рафинаду два куска, — сказал я в пустоту, чуть отведя в сторону трубку.

Чуть с языка не сорвалось “Верочка, вызовите мне ~~Новичихина~~ Новосельцева”. Ещё и фамилии похожи. Я ж сам Новичихин. Вот чёрт, не запутаться бы!

— Да, Сергей Вениаминович, — вдруг из-за моей спины подыграла мне находчивая и смелая Наташа Рысс. Её голос прозвучал издалека, что полностью соответствовало моей легенде.

Директриса должна была понять, с человеком *какого* масштаба ей посчастливилось говорить.

— И ещё, Галя, — металлическим голосом сказал я в сторону от трубки, — вы собрали руководителей на селектор? Чтоб в 9:30 все как штык.

Никакого селектора у нас отродясь не было.

— Конечно, Сергей Вениаминович, — блестяще доиграла свою роль моя сообщница Наташа.

Нина Калинина тихо прошмыгнула из комнаты за дверь. Как позже выяснилось, она побежала в кабинет настоящих Новичихина и Гали, чтобы под выдуманным предлогом задержать их, не позволить им ненароком нагрянуть к нам в разгар представления. Это было правильно рассчитано, ведь Новичихин всегда примет Нину, выслушает, никогда не отмахнётся. Если бы к Новичихину побежали,

скажем, Миша Зверев или Жалдош Кадырович, то и обратно они прибежали бы с той же, если не с большей скоростью. Но не Нина.

— Простите, Анна Владиленовна, — сказал я в трубку.

— Ничего, ничего, Сергей Вениаминович, конечно, я понимаю — рабочий процесс.

— Вот именно, Анна Владиленовна, рабочий процесс. Вы представляете себе, чем наш институт занимается?

— НИИ?

— Не просто НИИ. Наш институт выполняет важнейшую государственную задачу по проектированию объектов для связи, в том числе *правительственной*, — на слове “правительственной” я сделал особый акцент, который должен был произвести особый эффект на носительницу революционного отчества. — Здание наше представляете себе? 12 этажей, а сверху ещё профиль Ленина. И на всех этажах все эти люди с утра до вечера занимаются сложнейшей работой. В том числе и один из лучших наших сотрудников — наш старший инженер Клавдия Петровна Иванова, которая в этот самый момент занята сложными расчётами сейсмостойкости объекта, о котором я не имею права вам говорить. Она ведёт огромный проект, и я сейчас должен был бы проверять её чертежи, а вместо этого я слушаю, как не знакомый мне Петя сделал себе клыки.

Директриса молчала.

— Анна Владиленовна, — спокойно продолжил я, — мы с вами руководим огромными коллективами, и мы оба понимаем, как это сложно — работать с людьми.

— Не говорите, — вздохнула директриса, видимо, проникшаяся моим величием.

— Мне подчас непросто со своими подчинёнными, хотя это взрослые люди. А вам должно быть ох как непросто с вашими подопечными — и большими, и маленькими. Поэтому давайте попробуем решать стоящие перед нами как руководителями задачи самостоятельно, — я добавил в голос нотку недовольства. — Вашему педагогу сложно найти общий язык с учеником? Допускаю, понимаю, но скажите, при чём здесь работа его матери и при чём здесь я??!

— Извините, что побеспокоили вас, — пробурчала директриса. — Мы не знали.

— Просто помогите Ирине Ильиничне советом с высоты вашего педагогического опыта, — я вернулся к спокойному тону. — Скажите, Анна Владиленовна, а во вверенной вам школе есть театральный кружок?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Потому что Петя, судя по тому, что я сегодня услышал, неординарный, творческий и, возможно, одарённый мальчик. Откройте театральный кружок, и он найдёт в нём выход своей бурной энергии.

Я чуть было не сказал ей, как год назад в школьном спектакле я играл роль алкоголика, как все были уверены, что я взаправду был пьян и как театральная деятельность, в принципе, несильно помогла мне стать поприличнее. Но спохватился.

— Мы подумаем, — без особого энтузиазма процедила директриса.

— И школьный спортзал по вечерам открывайте для таких, как Петя, — я продолжил поучать директрису. — Моему младшему спорт очень помогает держать себя в рамках.

Я чуть было не брякнул, что в моей школе была отличная ОФП по вечерам, но вовремя сдержался.

— У вас двое? — Владиленовна заинтересовалась моей личной жизнью.

— Трое, — я тяжело вздохнул. — А у вас тысяча! Тысяча детей, за которых вы как директор несёте огромную ответственность. Плюс педагоги. И если кому сложно, то это, безусловно, вам. Я очень хорошо вас понимаю и очень уважаю ваш тяжёлый и такой нужный обществу труд.

— Ой, ну что вы, что вы, Сергей Вениаминович, — с угадываемой улыбкой и не без кокетства в голосе сказала директриса. — Не скрою, мне очень приятна ваша высокая оценка моего труда.

Знала бы директриса, *с кем* она говорит, *с кем* любезничает и откровенничает!! И *кто* на другом конце провода слышит эти нотки кокетства — такой же обормот с клыками и колготками на голове, что и её Петя. Вернее, гораздо хуже. Если бы Владиленовна рассказала бы обо мне директору моей школы и моей классной руководительнице, то от одной моей фамилии у бедных Раисы Петровны и Людмилы Юрьевны пропал бы аппетит и поднялось бы давление.

Здесь можно было бы ввернуть Владиленовне что-то лицемерно-фальшиво-слащавое советское, типа “Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени”, но:

Во-первых, меня всегда тошнило от этой лживой елейной пошлости.

Во-вторых, прогиб перед директрисой был бы подозрителен для “Новичихина”, который только что был суровым и раздражённым.

В-третьих, в прогибе уже не было никакой необходимости. Ведь почва была подготовлена, директрисова душа была растоплена, и теперь мне только оставалось изящным движением добить её, тёпленькую:

— А сейчас самое главное, Анна Владиленовна, — торжественно провозгласил я.

— Да, Сергей Вениаминович...

— Я прошу вас, Анна Владиленовна, — нравоучительным начальственным тоном сказал я, — и Ирину Ильиничну, и всех педагогов я прошу впредь связываться с Клавдией Петровной исключительно по её *домашнему* номеру, *никак* не привлекая нашу организацию ни устно, ни письменно — никак. У нас режимный объект. Не надо нам звонить, тем более писать — я не могу, не хочу и не буду этим заниматься. Не нагружайте нас этой работой. Все текущие вопросы решайте с Клавдией Петровной исключительно в *частном* порядке, *не в рабочее время*, не с нами. Пожалуйста, доведите мою просьбу до сведения Ирины Ильиничны и проследите за строгим её исполнением. Хотите, я сам её попрошу сейчас?

— Нет, что вы, я сама всех учителей проинструктирую, — заверила меня директриса.

— Спасибо, Анна Владиленовна. Давайте с вами договоримся, что мы в институте сконцентрируемся на своих задачах, а вы в школе — на своих, хорошо?

— Хорошо, Сергей Вениаминович, — уже гораздо более мягким, чем в начале голосом сказала директриса. — Договорились. Я помечу в журнале и всех учителей предупрежу дополнительно. Ещё раз простите, что потревожили. Спасибо, что уделили нам время, выслушали. Очень приятно было поговорить с вами, культурным интеллигентным человеком на такой высокой должности. Всего вам доброго, Сергей Вениаминович, успехов вам!

— И вам всего самого доброго, Анна Владиленовна. Мне тоже было очень приятно поговорить с вами — ответственным руководителем на не менее высокой должности, к тому же такой почётной. Будьте здоровы, товарищ директор, всех вам благ!

Я положил трубку, вышел из образа и обернулся на коллег.

У бледной Клавдии Петровны глаза были на мокром месте. Миша Зверев почему-то не смеялся. Наташа и другие свидетели разговора молчали и пристально смотрели на меня.

— Мощно, — нарушил тишину Гаяр. — Свои слова о незрелости беру обратно.

Секунду помолчали.

— “А как же вы теперь предъявите им настоящего Ипполита”? — вопрос Наташи прозвучал риторически и философски.

— “А настоящего Ипполита и не будет”, — уверенно заявил я. — Вопрос закрыт раз и навсегда, они к нам больше не сунутся. No pasarán.

— Спасибо, — тихо сказала мать весёлого мальчика.

— Не за что, Клавдия Петровна. Из уважения к вам, из уважения к человеческой личности, из солидарности со школьниками и их родителями.

Клавдия Петровна всхлипнула.

— А Пете, — добавил я, — привет от меня передавайте. Я сейчас только хорошее о нём услышал. Он, по-моему, классный парень.

После этих слов Клавдия Петровна расплакалась. Её стали утешать и обнимать, а утешив, разошлись по своим кульманам, зашуршали ватманами и кальками, завозили рейсфедерами.

Дзынь! Я аж взрогнул — Наташа Рысс неожиданно поставила на мой стол стакан чая с лимоном: “Пожалуйста, Сергей Вениаминович, как вы просили, два куска”. Дружный хохот окончательно разрядил накопившееся напряжение.

Когда через полчаса в нашу комнату зашёл Новичихин с чертежами “сейсмостойкого объекта” подмышкой, мы его встретили загадочными улыбками, пересмешками и переглядами, причину которых он, конечно, не понял. Если только не прочитал сейчас эти строки.

Ещё какое-то время меня в нашей комнате называли “наш Новичихин”, а Наташу — “наша Галя”. Но тихо, только среди своих, посвящённых в страшную тайну. Которой, наверное, уже вышел срок давности. Пете-то уже полтинник...

(2023-Apr-15)

2.5.6 Скульптор и его Муза

Деликатное дело

Меня послали занести Альтману чертежи. Он окликнул меня в дверях:

— Постой, пожалуйста. Сядь. Разговор есть.

Озадаченный, сел.

— Слушай, я давно за тобой наблюдаю, читал твою анкету, но главное — я наводил справки. Ты не трепло. Могу я,.. — он внимательно посмотрел на меня, — доверить тебе одно очень, очень деликатное дело?

— Можете, — твёрдо сказал я. — Постараюсь оправдать ваше доверие.

Я знал, о чём он попросит. Я уже пару раз выполнял поручения по покупке и доставке цветов с сопроводительными письмами дамам сердца некоторых начальствующих сотрудников в разные районы города. Я никогда не назвал бы ему имён предыдущих заказчиков и никогда не признал бы самого факта общения с заказчиками в этой плоскости, но Альтман, видимо, знал это от них самих, отсюда и его многозначительная фраза “наводил справки”. Если Иксенко и Игреков сами рассказали ему о своих деликатных поручениях, то это их право, я же не призна́ю своего участия даже в их присутствии.

Однако, дело оказалось сложнее, чем доставка цветов.

— Ты, вообще, мужик? — задал мне философский вопрос большой начальник.

— Да вроде, да, — растерялся я.

— И я тоже мужик, и именно поэтому я с тобой сейчас разговариваю. Не как большой начальник с грузчиком или кто ты там по трудовой, а как мужчина с мужчиной. На равных. Ни с кем не говорю, а с тобой говорю. Так могу я продолжать или ты предпочитаешь уйти и грузить свои чёртовы коробки?

— Предпочитаю остаться, — уверенно сказал я. — Можете говорить, Агапий Аморович. Помочь не обещаю, а постараться помочь — обещаю.

Мне Альтман был симпатичен: интеллигентный, культурный человек.

— Спасибо. Ты это... как бы тебе сказать? — Альтман смутился и даже отвернулся. — Ну, короче, ты знаешь Лауру Петра́ркову из Трёхсотого отдела? — выпалил он, едва ли не зажмурившись.

— Знаю, конечно, иногда с ней сталкиваюсь. Но она на другом этаже сидит, я плохо с ней знаком. Так, привет-привет, не больше. В пинг-понг с ней сыграл, на своей гидравлической тележке её прокатил, напевая “Едут новосёлы”, вот и всё.

— То есть, ты с ней на одной волне? — то ли обрадовался, то ли встревожился Альтман.

— Да бог с вами, Агапий Аморович, какой “волне”: ей лет 25, наверное, а мне, на минуточку, 18 только вчера исполнилось. Я для неё муравей.

— Ты, может, и муравей, — грустно заметил Альтман, глядя в окно, а не на меня, — а я вообще гренландский кит. Мне знаешь сколько? 53!

— Все там будем, — философски заметил я.

И, что характерно, не ошибся.

— Ну вот, — борясь со стеснением, продолжил Альтман, — понимаешь... нравится она мне! Очень!

— Немудрено, — согласился я, — красивая женщина.

> Как выглядела Лаура? Высокая? Невысокая? Смуглая южанка? Белокожая северянка? Классическая ли блондинка, как девушка из “Bella“? Умопомрачительная ли брюнетка ли из “Despacito“? Тёмная и томная ли шатенка из “Si No Vuelves“? Не могу намекнуть, дабы не выдать её личность. Скажу лишь, что уровень примерно сопоставимый со всеми этими героинями вместе взятыми. Губа у Альтмана была не дура, метил он очень высоко.

— Кто-то вьётся вокруг неё? — с тревогой в голосе спросил Альтман.

Я удивился его неосведомлённости:

— Да пол-института! Мужская его часть в подавляющем большинстве.

— Кто именно? — взъерошился Альтман. — Водородов? Кислородов? Псевдонимов? Кто?

— Да все почти. Возьмите в кадрах список сотрудников мужчин, и 90% окажутся в числе потенциально заинтересованных. Но, как поётся в известной песне, она “всё с каким-то презреньем глядит на парней”. Холод в её глазах вы, возможно, и сами заметили.

— Я сталкивался с ней мельком несколько раз, — сказал Альтман, — действительно, как ты говоришь. Выше всех, как будто.

Альтман помолчал, глядя в окно. Повернулся ко мне и продолжил не без труда:

— Ты понимаешь, я ищу подходы к ней и не нахожу. Никак не нахожу! Я никак с ней по работе не связан, поводов нет. Между нами пропасть и два начальника. В лоб — невозможно. Остаётся только действовать опосредованно.

— И поэтому вы пригласили меня? — закончил я его мысль.

— Да! — обрадовался моей примитивной проницательности Альтман. — Можешь мне помочь?

— С удовольствием. Но как?

— Придумаем! — воодушевился Альтман. — Я в долгу не останусь. У меня есть ящик коньяка армянского. Буду давать тебе бутылку за каждый кусочек информации о... Лауре.

Было видно, как Альтман волновался, произнося дорогое ему имя, и именно это тронуло меня больше всего.

Я отказался от “тридцати сребреников”:

— Не надо, спасибо, я не пью. Я помогу вам бескорыстно.

— Нет уж, друг мой, на такое уже я не согласен, — возразил Альтман. — Если ты помогаешь мне, то я должен помочь тебе. Я не хочу быть твоим должником! Или я тоже делаю что-то хорошее тебе, или мы заканчиваем этот разговор и забываем, что он состоялся.

Мне хотелось помочь Альтману. Иксенко и Игрекову я помогал бескорыстно, и Альтману помогу бескорыстно, а то, что он не хочет чувствовать себя должником, это вполне понятно.

— Прими, пожалуйста, и от меня что-нибудь. Что ты хочешь? Говори! Всё сделаю! — в этой решительности Альтмана звучала не приязнь ко мне, а искреннее чувство к Лауре, и это снова меня растрогало до невозможности. — Я ведь не последний человек в нашем институте...

— Конечно, не последний, потому что это место занято — последний я. Замыкающий, “расчёт окончен”. Но если вы так настаиваете на паритете, тогда я вас попрошу о гораздо более ценном — о свободе. Вы ведь большой начальник, вы смогли бы мне иногда выписывать отгулы? Мне они очень нужны. Я не выдерживаю полного рабочего дня в нашей организации. Я после работы учусь на вечернем, и мне катастрофически не хватает времени на самого себя и на свою жизнь.

— Да хоть каждый день! — большой начальник обрадовался, что “Арарат” останется при нём. — Только это будут не отгулы, а местные командировки, липовые. Говори, когда, и по первому твоему требованию! Могу “послать” тебя в Боровск на неделю, а сам делай тут, что хочешь. “Для меня невозможного мало”.

> Так и вышло: Альтман через разных начальников ловко закрывал липовыми “местными командировками” дни моего предполагаемого выезда в колхоз “на картошку”. Пока мои коллеги инженеры мокли на грядках, я жил полной жизнью в чистоте и городском комфорте. И в липовом “Боровске” я, по бумагам, провёл несколько дней, не подозревая, где этот город находится.

— Как конкретно вы хотите, чтобы я помог вам? — спросил я своего нового заказчика, подумав, что это снова будут цветы и письма.

— Для начала разведай обстановку. Почему она до сих пор не замужем? С кем она живёт, есть ли у неё кто?

— Так и спросить: “С кем ты живёшь?” — опешил я. — Она огреет меня тубусом.

— Не так, конечно, — отступил Альтман. — Деликатно, осторожно. Сблизься с ней, но до определённых пределов, конечно, сблизься.

Глаза Альтмана вспыхнули, и я понял что шутки с ним плохи, да и не собирался я шутить с ним. Ха, смешно даже! Скажет тоже!

Мне эта идея с доносительством резко не понравилась:

— Знаете, Агапий Аморович, вы можете меня уволить, но мне кажется, что это как-то нехорошо: выведывать, наушничать. Если она когда-то мне что-то личное и доверит (что маловероятно), то я никогда не смогу это передать **никому**. Это мой базовый принцип хранения чужих тайн, исключений никому не делаю. Подобные вещи вы должны будете узнать у неё сами из первых уст.

На слове “уст” Альтман заметно разволновался.

— Послушайте, Агапий Аморович, — продолжил я, — у меня есть идея получше и покорректнее. Я могу вам вот как помочь: я могу создать вам, как сейчас стали говорить, “рекламу”. Создать вам позитивный, как сейчас говорят, “имидж”.

Слова “image maker” ещё не знали ни Альтман, ни я.

— Как это? — не понял он.

— Ну, я могу упоминать ей вас, цитировать, как-то направить на вас прожектор, высветить им вас из восьмисот сотрудников нашего института, половина из которых мужчины. Вы человек видный, но надо сделать вас ещё и заметным.

Это, возможно, разожжёт в ней интерес к вам как к личности, а дальше уж вы сами.

— Ты знаешь, ты прав: моя первоначальная идея разведки была по меньшей мере некорректной. Твоя лучше. Значит, прожектор! Отличный план! Договорились! — Альтман выглядел воодушевлённым и счастливым.

Отчего же не помочь хорошему человеку? Мне несложно.

> О защите privacy своих героев я думал больше, чем о самом тексте.
>
> Я сделал **всё** для этого, с запасом, и теперь родная мама прочитает этот текст и не признает в герое / героине кровиночку.
>
> Канва этой истории бережно сохранена, но идентифицирующие детали изменены мною до полнейшей неузнаваемости. Зацепок я не оставил, пожертвованы ради privacy даже такие вещи, как манера речи и детали биографии. Я всё зачистил. Вычислить фигурантов **невозможно** даже людям, хорошо знавшим их обоих.
>
> Их реальных имён я, понятное дело, никогда и никому не назову. Даже если бы я, как Мартин Лютер, прибил бы этот текст к воротам ГипроНИИ, ни один человек не догадался бы о личности главных героев.
>
> Все совпадения с реальными людьми будут случайными, а все догадки — безосновательными, потому что догадаться нереально. Иначе я бы этого никогда не написал, из уважения к фигурантам и к собственным принципам.
>
> Некоторые имена второстепенных героев при этом реальны.
>
> Ну, и всё-таки **это художественное произведение, а не милицейский протокол**: никто не отменял обобщений, допущений, собирательности образов и пр.
>
> Кто-то из бывших коллег может сказать: “О, щас вычислю! Он член парткома института, она молодая инженер”. Да? Ну-ну. Какова у вычисляльщика математическая вероятность угадать (а не вычислить!) обоих? Ничтожная. В парткоме 20 человек мужчин его возраста, но кто вам сказал, что Альтман действительно был членом парткома? Скорее, да, но не факт же. Из 800 сотрудников института половина женщины, из них похожих по возрасту примерно 120. Получаем вероятность **угадать** $1/20 \times 1/120 = 1/2400 \approx \mathbf{0.0004}$. А вероятность **вычислить = 0**. Даже если вычисляльщик ткнёт пальцем в небо верно, то подкрепить свой случайный выбор ему будет решительно нечем. Может, это не A и B, а Σ и Ψ или Ω и Θ.
>
> Кто вам сказал, что я *вообще* не выдумал эту историю?
>
> Кто вам сказал, что я *вообще* работал в ГипроНИИ?
>
> Без шансов, короче.
>
> Я обо всём позаботился, и **совесть моя перед моими героями кристально чиста**.

Первый блин

В столовке скверно пахло, но голод гнал нас к калориям.

Лаура сидела за столом одна, ела почки под соусом — популярное блюдо в голодных советских НИИ. Странно, что к ней не успел подсесть какой-нибудь Водородов — обычно она никогда не сидела в одиночестве.

— Привет от старых штиблет, — сказал я ей. — Можно мне сесть за твой стол?

Лаура махнула рукой, я сел напротив и попытался завязать беседу:

— Как твои почки? Вкусны?

— Так же невкусны, как и твои сейчас будут, — ответила Лаура, кивнув на мою тарелку с аналогичным блюдом.

Я поднял стакан с компотом:

— Ну, как говорит Агапий Аморович, “вздрогнули”!

— Ты что, бухаешь с Альтманом? — удивилась Лаура, чокаясь со мной.

Не спугнуть бы её на первом же подходе!

— Нет, что ты! Я ему продуктовый заказ на известной тебе тележке привёз, он меня угостил тёплой “Пепси-колой” из личной коллекции. Поговорили, посмеялись.

— Он что, смеяться умеет?

— Ещё как! Анекдоты рассказывает.

— Ловко ты устроился, — съязвила Лаура, — без году неделя у нас и уже анекдоты с начальством травишь, “Пепси-колу” пьёшь в высоких кабинетах. Не то, что я — сижу за кульманом не разгибаясь.

— Знаешь, Лар, инженером быть гораздо лучше, чем грузчиком подай-принеси.

— Я младший инженер, — уточнила Лаура.

— А младшим быть ещё лучше! Как говорит Агапий Аморович, “пока молод, не страшен ни жар, ни холод”.

Ничего подобного он, конечно, не говорил.

— Прям мудрец, твой новый друг, — зевнула Лаура, не оценив красноречия моего протеже.

Это было единственное, что она сказала о моём клиенте. Но лиха беда начало.

Агитация

Визит политика Травкина в наш институт я тоже постарался обернуть в пользу Альтмана:

— Травкин приезжает. Он реформатор, либерал, его по телеку показывают. Придите к Лауре в отдел, соберите людей, расскажите о важности мероприятия — вы же член парткома института.

— Травкин вышел из КПСС, — буркнул Альтман.

Тем не менее Альтман послушал совета, посетил несколько отделов для отвода глаз, задержавшись в Лаурином.

— Ну что, как прошла ваша агитация? — спросил я его.

— Плохо. Вопросов она не задавала, на меня не смотрела, стояла в сторонке и всю дорогу болтала и хихикала с подружкой.

— Хорошо, что не с дружком, — утешил я незадачливого агитатора.

— Тоже верно, — вздохнул Альтман.

“Картошка” не плодоносит

Выезд “на картошку” был адом, я всего лишь раз не сумел от неё откосить, потому что Альтман был в командировке и не смог меня отмазать. Ползать в грязи, выколупывая овощи, без еды, без питья, без доброго слова... Наградой от колхоза было право забрать с собой столько овощей, сколько унесёшь, но сумки были запрещены. Мои коллеги стали рассовывать грязные овощи по карманам. Я снял с себя ветровку, завязал со всех сторон, набил её брюквой и свёклой, застегнул — получился “человек”, которого я взвалил на плечи. Колхозники скрипели зубами, но сделать ничего не могли — ветровка не сумка: dura lex sed lex.

На “картошку”? Нет, никогда больше!

В автобусе я сел рядом с Лаурой, которую тоже отрядили на “картошку” от её отдела. Она выглядела элегантной даже в своих колхозных обносках и грязных резиновых сапогах. Углеродов не успел занять место рядом с ней и с ненавистью смотрел на меня всю дорогу.

Я рассказал Лауре, как в школе меня выкинули в окно, (см. §2.5.54) как мы другу Мóтору разорвали школьную форму, как я играл алкоголика в школьном театре: отца невесты в “Свадьбе” Зощенко.

Я “по секрету” признался ей, что я троюродный брат Майкла Джексона и спросил её, попытавшись скосить глаза: “What is your name?”

По второму “секрету” я сообщил Лауре, что я заканчиваю докторскую диссертацию на тему “Орешник как архитектурная квинтэссенция брежневского рококо”.

Взял в руки свёклу и брюкву, изобразил их диалог и последующую драку.

“Сыграл” ей на воображаемой гитаре, потом на “флейте”, потом на “баяне” и “тромбоне”.

Из кривого огурца я сделал себе улыбку, а из репы нос.

Я думал, как бы ввернуть во всё это Альтмана, но не додумался. Лаура рассказала мне пару историй из своей недавней институтской жизни, про подруг Таню и Маню. За клоунадой, смехом и непринуждённой беседой до родимого Орешника мы доехали за секунду.

Шли месяцы

“Рекламу” Альтману я делал в меру сил, только его пассия ни малейшим образом ею не прониклась. Её больше заинтересовал мой рассказ в столовке, как я год назад публично лёг перед школой в лужу за три рубля.

Я стал часто захаживать к Альтману: рассказать о своих маркетинговых неуспехах на его сердечном фронте и просто поболтать. Мы начали общаться с Лауры, но сейчас она уже стала одной из многих тем, потому что мы говорили о самых разных вещах. Общаться с умным человеком было интересно, и эта

странная дружба “гренландского кита” с “муравьём” крепла с каждым разом. Мы сидели в его кабинете, гоняли чаи в рабочее время и говорили “за жизнь”.

— Ты осуждаешь меня? — неожиданно спросил Альтман.

— Господь с вами, Агапий Аморович, — опешил я. — За что? Вы прежде всего живой человек, мужчина, и лишь затем член партии и большой начальник.

— Но вот со стороны, скажи честно, только честно, я смешон? На кого я похож? На дона Паскуале? На дона Кихота?

— Нет, не на них. Я бы сказал, если позволите… скорее, на Пигмалиона. Ведь вы её совсем не знаете, она для вас недостижимый идеал, а не реальная женщина.

— Хм-м-м, — усмехнулся Альтман, — любопытное сравнение… Только вот Галатея об этом не знает.

— А Галатея и не должна знать, ~~“она же памятник”~~. Тут, как мы помним, должна вмешаться Афродита, но поскольку её не наблюдается, её роль, получается, выполняю я — Афродит.

Мой собеседник помолчал и вдруг резко выступил “адвокатом дьявола” по отношению к самому себе:

— У меня ведь взрослые дети, и я женат.

— Доктор Живаго тоже был женат. Нобелевская премия, между прочим, дана за эту историю. Живаго и миллиарды других — не вы первый, не вы последний. Это ваша жизнь и ваше право прожить её так, как вы сами решите. Не мне вас судить.

— Соображаешь, хоть и молодой, — погрузившись в свои мысли, задумчиво сказал Альтман.

Гладко было на бумаге…

— Слушайте, Агапий Аморович, у меня супер-идея! — вместо здрасте воскликнул я прямо с порога его кабинета. — Это может сработать!

— Выкладывай! — Альтман тут же отложил все дела.

— Точнее, идей не одна, а аж две. Вы же знаете, что нам в отдел привезли новенький IBM PC AT 386?

Альтман удовлетворённо кивнул, словно бы он сам изобрёл его.

— Во-о-т! Компьютер установили месяц назад в комнате у архитекторов и всем запретили к нему приближаться на три метра. Я вызвался освоить его, Новичихин разрешил, но с условием, что я научусь сам и научу других. Там AutoCAD — программа для проектирования. Я всего месяц, как впервые увидел компьютер, но кое-чему уже научился. Мне помогает Лернер из Сотого отдела, тот вообще уже все свои чертежи только на плоттере и печатает.

Альтман снова самодовольно кивнул, словно бы он сам обучил Лернера:

— И?

— Я провёл первое занятие для немногочисленных заинтересованных, но выявилась масса проблем: кто-то водит мышкой с нажимом, как утюгом, кто-то пытается разговаривать с компьютером, кто-то не может взять в толк, что такое файл, директория, расширение, не говоря уже за MS-DOS, кто-то вообще плюёт

и уходит. Но главная проблема в том, что люди не знают английского, а там только английский в документации и интерфейсе.

— Как это связано с нашим делом? — Альтман не понял ни хода моей мысли, ни слова “интерфейс”. Он называл компьютер “ЭВМ”.

— Напрямую связано! Новичихин дал мне второе поручение — обучить коллег английскому. Я буду вести два занятия — компьютер и English для всех отделов института, в том числе и Лауриного. Желающих мало, даже молодых, но вы можете своей властью обязать начальников откомандировать молодёжь на мои курсы, в том числе и Лауру. И вы тоже придёте — вроде как партийный контроль и жажда новых знаний, в ногу со временем — на дворе же 1990-й год! Сядете с Лаурой за одну парту и — вуаля, лучшего повода вам не найти! Фильм “Большая перемена” смотрели?

— Ловко ты придумал, Нестор Петрович! — рассмеялся Альтман. — Ладно, буду Леоновым.

Я набрался наглости и стал его инструктировать:

— Дайте разнарядку начальникам отделов. Проследите, чтобы Лаурин начальник Псевдонимов включил её в обе группы и приходите сами! Первое занятие в среду. Так, и ещё: возьмите прямо сейчас в нашей библиотеке справочник по английской грамматике, красненький такой, а то вас кто-то опередит.

— Проследить за списками не смогу, — огорчился Альтман. — Если я выкажу свой интерес к Лауриному участию, я же выдам себя с головой.

— Верно. Но Псевдонимов обязательно включит Лауру: она же молодая, перспективная, только два года после института. Я со своей стороны разрекламирую ей свои курсы, и она точно заинтересуется, она же умная и любознательная.

Альтман не спорил с моей оценкой его возлюбленной.

— А если я опозорюсь перед ней на занятии? — забеспокоился Альтман. — Я в школе французский учил.

— Pas de problème, Monsieur, я буду вам заранее давать тему занятия, вы с моей помощью подготовитесь и произведёте на Лауру прекрасное впечатление на уроке. Первой темой будет Present Indefinite, готовьтесь. Этот страшный секрет знаете только вы.

— Что это? — настороженно спросил Альтман.

— Какая разница? Самое главное: я своей властью учителя разобью класс на пары, и угадайте — кого я назначу в пару вам? А, Агапий Аморович, угадайте, кого? У вас одного будет список моих вопросов, и вы первый будете тянуть руку. Конечно, я спрошу именно вас. Вопросы и ответы отработаем с вами заранее.

— Ох, — вздохнул Альтман, — "занёс ты меня на эти галеры"!

— “Заметьте, не я это предложил”.

Мы рассмеялись, как старые приятели.

… ДА ЗАБЫЛИ ПРО ОВРАГИ

Я ехал утром с Лаурой в лифте и разрекламировал ей свои курсы.

— Ты что, в лекторы записался, мистер Кобзар? — подколола она меня. — В спецшколе что ли учился?

— “Спец” — ты имеешь в виду: в школе дураков? Нет, я учился в обычной ореховской районке, вон, за жёлтым универмагом триста метров. Это лучшая школа в мире и самое весёлое место за земле.

— Не скромничай. Не у каждого брат — носитель языка.

— ???

— Ну, Майкл. Джексон. Брат твой троюродный.

Надо же — помнит! Я сам забыл в тогдашнюю же секунду.

На мой второй урок информатики и на первый урок инглиша пришло немало народу, согнанного начальниками со всего института по приказу Альтмана. Моя демонстрация древовидной структуры файлов в MS-DOS’е мало кого впечатлила.

На инглиш пришёл и мой сообщник, он старательно выговаривал: “My name is Agapy Altman, I am fifty-three”.

Лаура не пришла. Она просила Псевдонимова откомандировать её на эти занятия, но тот, считая это привилегией для ветеранов отдела, отправил ко мне учиться пенсионеров Капитолину Евлампьевну и Геворга Саргисовича — заслуженных строителей СССР, при грамотах и благодарностях. Оба уснули сразу же.

— Как думаете, почему Псевдонимов не отправил Лауру? — спросил я позже Альтмана. — Она же самая перспективная, динамичная и молодая?

— Козёл потому что этот Псевдонимов, — процедил он. — Убью его когда-нибудь.

В тот же день на полке институтской библиотеки снова появился красненький английский справочник. На мои занятия Альтман больше не приходил.

Спасти самое дорогое

Я сидел за компьютером, и вдруг текст поплыл у меня перед глазами.

“Ну вот, доигрался”, — с ужасом подумал я.

В чьём-то стакане сама по себе звякнула ложка. Кто-то взвизгнул.

— Полундра! — заорал архитектор Радин. — Землетрясение! Спасайся кто может!

Архитекторы вскочили со своих мест и кинулись вон из комнаты. Кошмар Спитака был свеж в памяти у всех.

Лифта было не дождаться, и сотни сотрудников ломанулись вниз по лестнице. Паники не было: табун молча бежал спасаться от землетрясения, ощущавшегося на непрестижных высоких этажах, где сидели и я, и Лаура.

Все стремились вниз, а навстречу толпе бежал, вглядываясь в лица бегущих, один человек. Это был Альтман.

— Агапий Аморович, выход внизу! — крикнул я ему, не сбавляя шага.

— Угу, — буркнул Альтман, продолжая свой бег вверх по лестнице против потока.

Я понял, куда он бежал, точнее — *к кому*. И зауважал его за это.

799 человек спасали свою шкуру, и только один Альтман бежал навстречу амплитуде сейсмических колебаний, забыв о себе ради той, о которой он подумал. Болтать-то каждый горазд, но что сделаешь *ты* в момент смертельной, возможно, опасности? Кто же знал, что потрясёт совсем чуть-чуть, но на “Титанике” ведь тоже никто не воспринял айсберг всерьёз. В экстремальные моменты каждый показывает своё истинное лицо, а стальное в своей решимости лицо Альтмана на этой лестнице я помню до сих пор.

Весь институт вывалил на улицу. Подземные толчки прекратились едва начавшись. Опасность, похоже, миновала.

— Давайте отойдём подальше, — предложил я окружавшим меня случайным коллегам, — а то наша 12-этажная бандура щас ка-э-э-к опрокинется на нас, как спичечный коробок! Ещё и Ильичём прихлопнет: “Здравствуйте, товарищи инженеры!”

Крышу нашего НИИ венчала железная голова Ленина в профиль.

— Ты что, вообще принципов строительства не понимаешь? — с издевательской улыбочкой процедил ещё злящийся на меня за “картошку” Углеродов. — Здание при землетрясении складывается вниз, оседает. Вектор гравитации направлен к центру Земли, а не к тебе. Прочти хотя бы одну книгу по сопромату, тебе станет легче.

Я огляделся. Отделы перемешались, все живо обсуждали пережитое. Лаура стояла вдалеке в кругу подруг — видимо, она выбежала в числе первых.

Взмыленный Альтман вышел из здания в числе последних. Огляделся, словно ища кого-то, увидел Лауру, но подойти к ней, занятой беседой, не решился. Стоял один.

“Арарат” прорывает клапан в котле

В пятничный вечер народ стремительно рванул на дачи, институт опустел. Я прогулял свои вечерние занятия, засиделся допоздна за IBM-ЭВМ, играя с Лернером в F-19, выключил компьютер и решил зайти к Альтману, мало ли, вдруг он ещё не ушёл? Он был на месте в поздний час, расположился с документами и слушал радио. Домой он, видимо, совсем не торопился.

— Вы не на даче? — удивился я.

— Да нет, — махнул рукой Альтман, — не езжу я больше на дачу, не хочу. У тебя есть новости?

— Шо-то не очень. Знаете, эта стратегия рекламирования не работает, как я понял. Прожектору мешает туман неопределённости. Я ей про вас уже всё рассказал, придумал кучу ваших цитат, развил ваш образ, но воз и ныне там. Не скажу, что я умываю руки, но констатирую: вам нужно напрямую общаться с Лаурой, а не через меня.

— Я бы рад! Но как, как начать??

— Да хотя бы столовка! Это отличный вариант, спонтанность гарантирована. Вы с подносом, ищете место, куда бы притулиться, а тут она одна скучает, гоняет по тарелке щи. Простите: помешивает свой супчик. И вы подсаживаетесь к ней. Всё абсолютно чисто: коллеги разговаривают о работе. Обнаружите какие-то общие темы, зацепитесь за что-нибудь, вот вам и “великий почин”, как писал великий Ленин.

— Я обедаю в зале для руководства, — заметил Альтман.

— Поменяйте привычки, спуститесь с небес на землю, потому что на этой земле — она. И плюс ко всему коллектив оценит ваш демократизм. А вообще, самое лучшее — это дискотека. Легитимный повод пригласить её на медленный танец: “Midnight Lady”! “Lady in Red”! Обязательно должна быть “Still Loving You”, а “Dance Me to the End of Love” это вообще на разрыв аорты! Но, к сожалению, в нашем институте дискотек вы не устраиваете, а зря. Устройте, Агапий Аморович, что вам стоит? Я первый приду. У нас в школе дискотека была смыслом жизни, я ни одной не пропустил, ходил танцевать даже со сломанной шеей в железном ошейнике — считай, калекой.

— “И успешно”?

— “Бестактный вопрос”.

Мы рассмеялись, удачно воспроизведя знаменитый диалог.

— Я танцевать не умею, — сконфузился Альтман.

— А я умею? Тоже прости господи. Это же не конкурс аргентинского танго, и смысл не в хореографических выкрутасах. Все мы неловко топчемся под зеркальным шаром, но смысл в том, что её рука у вас на плече, а ваша — на её талии.

Альтман представил себе эту картину и зарделся. Я этим в очередной раз проникся.

— Пинг-понг! — осенило меня. — У нас на этаже стол, она часто приходит играть. Я могу вас предупредить, когда она выйдет играть, а вы как бы невзначай появитесь на нашем этаже, попроситесь поучаствовать. Спорт сближает.

Слова “teambuilding” ещё не знали ни Альтман, ни я.

— Ну, мне как-то не по статусу в игры играть, — промямлил Альтман.

Я обозлился:

— Мне не говорите, а ответьте сами себе, вам что важнее: статус или Она?

Альтман промолчал. Внутри него росло напряжение — я разбередил его мысли. Он достал из шкафа бутылку початого уже “Арарата”, предложил мне. Я настоял на максимум одном глотке на донышке pro forma, а он налил себе полный бокал и осушил его залпом, не поморщившись и не закусив.

“Ты что, бухаешь с Альтманом?” — я вспомнил Лаурины слова. Выходит, теперь технически да. Как в воду глядела.

— Закуски нет, — извинился Альтман.

Культурный человек!

Я продолжил непрошеную проповедь:

— Времена статусов прошли, Агапий Аморович. В СССР Перестройка, демократизация. Ближе к живому делу, к трудовым массам — таково веление времени, такова звонкая поступь эпохи! И вообще, Агапий Аморович, раз уж мы формально выпиваем, хотя бы и символически с моей стороны, вы позволите мне высказаться прямо? Я же и зашёл к вам, чтобы подвести промежуточные итоги моей деятельности. Сказать всё, что я реально думаю после моих усилий “рекламировать” вас и направлять на вас “прожектор”? Вы же сами сказали: “как мужчина с мужчиной”, нет? После этого можете уволить меня — работу грузчика я везде найду.

— Не уволю, не боись, — пообещал хмелеющий Альтман. — И спасибо тебе, что ты зашёл! Говори! Пожалуйста, прошу! Для меня это *очень* важно!

— Скажу тогда. Меняйтесь, Агапий Аморович! Не костенейте. Я предлагаю вам один за другим рабочие варианты, но вы все их отвергаете: это “не могу”, это “не умею”, это “не по статусу”. Простите мне мою прямоту, но с таким подходом путь у вас один — сидеть в вашем кабинете до пенсии. Получите очередную медаль от Госстроя и на этом всё, finita la commedia. Я глубоко уважаю вас и ваш статус, но никто не принесёт на руках Лауру к вам в кабинет, это сможете сделать только вы сами!

— Да, ты прав... Ты прав, чёрт тебя побери!

Он налил себе ещё коньяку. Чокнулись. Я отказался от добавки — у меня ещё была вторая половина глотка.

Альтман внимательно посмотрел на меня:

— А мне нравится твоя прямота. Ты знаешь... ты ведь единственный, кто в курсе, с кем я могу говорить о... Ней. А говорить я хочу только о ней.

— А ваши друзья?

— В институте никто не знает. А мои друзья не знают её, не смогут понять ~~“почему я весёлый такой”~~.

Не будешь же сидеть, как упырь, надо же как-то участвовать в разговоре. И я совершил большую ошибку, задав ему вопрос, чем плеснул масла в его огонь:

— А вы, Агапий Аморович, когда-нибудь экстраполировали, думали о том, что у вас с Лаурой будет дальше, сработай моя “реклама” и ваши последующие усилия? Напоминаю, что вы обещали не увольнять меня!

Ошибка была в том, что нельзя трезвому дискутировать с поддатым, тем более на такие тонкие темы! Любое поддержание дискуссии сработает в такой ситуации, как ящик Пандоры, но жизненного опыта у меня тогда было мало, и я вынужденно оказался вовлечённым в последующий страстный монолог своего визави.

Альтман воспламенился. Ему заметно польстило, что я поставил их с Лаурой в один ряд с местоимением “вас”.

Его смущение первого дня прошло бесследно. Пошла прямая откровенность:

— Ха! Что, ты думаешь, что я не думал об этом? Что, ты думаешь, что я влюблённый идиот? Думал я! Всё время только об этом и думаю! Предположим, я нахожу к ней подход, с твоей помощью или сам. Мы, предположим, сближаемся, и она, допустим, отвечает мне взаимностью. Я ведь захочу быть с ней всё время — скрыть её я не смогу и не захочу. Дома у меня скандал и невыносимость. Из нашего института меня, скорее всего, попросят по линии “морального облика”. Из партии могут исключить. Потом — развод, суд, слёзы, упрёки, ненависть ко мне и навязанное мне чувство вины за всё на свете. Мы разменяемся, я перееду в район типа этого твоего чёртового Орешника с бытом, как у Афони — и это в лучшем случае. Мои взрослые дети — они старше её — они перестанут общаться со мной, они не простят мне “предательства” по отношению к маме.

Мой “собутыльник” снова хряпнул в одно лицо и продолжил:

— У меня немало друзей, уже прошедших по этому кисло-сладкому пути, и я знаю, по их опыту, что за мной навсегда закрепятся несмываемые клейма “папа

ушёл” и “папа бросил маму”, хотя мы все взрослые люди с правом выбора. Таков у нас менталитет, мне от этого никогда не отмыться, даже в день моих похорон. Дети не примут мысли, что папа тоже человек, что он в жизни не только папа с коляской, а что он тоже живой, что он тоже имеет право быть счастливым, как и любой другой человек! Связь с детьми я потеряю, даже если их мама поведёт себя достойно и мудро. Я буду работать простым инженером за три копейки и сидеть в твоём чёртовом Орешнике на продавленном диване с моей проданной дачи. Вот, что меня ждёт!

— Да, Агапий Аморович, — выдавил я, ошарашенный этим потоком откровенности, — вы теряете очень многое. Но сидеть на нём вы будете не один.

Зачем я поддерживаю эту дискуссию? И зачем он обижает Орешник? Хороший наш район, звонкий.

У Альтмана, казалось, шёл дым из ноздрей. Он жадно отпил прямо из бутылки, зная, что я на неё не претендую. И закричал, стремительно хмелеющий:

— Многое? Да! Но, как ты говоришь — не один!! И пусть весь мир идёт к чёрту! Я всю жизнь что-то планировал, рассчитывал, соотносил, сверялся со всеми, жил в угоду другим и равнялся на них, а вот сейчас я просто хочу быть счастливым!

— Справедливо, — спокойно сказал я, трезвый и начинающий утомляться от накала дискуссии.

Альтману оставался глоток до донышка бутылки:

— Я отвечу тебе! — воскликнул Альтман, хотя я у него ничего не спрашивал. — Для моего счастья нужно только, чтобы Лаура полюбила меня в ответ.

Он больше не стеснялся произносить её имя. Это добрый знак, человек раскрепощается. Хотя, пожалуй, уже и раскрепостился донельзя.

— Разумеется, — согласился я.

Мне бы действительно хотелось, чтобы так сложилось. Вон, мужик как страдает. Ведь если она его не любит, то он прав — какой смысл во всей этой конструкции, когда электрическая цепь не замкнулась? Один любит, другой нет — это красивая история, но это история на месяц, много — два. А если любят оба, то это совсем другой коленкор и совсем другое измерение.

Альтман опрокинул остатки “Арарата” без закуси и тостов. Мощный мужик!

Он откупорил себе второй коньяк и пояснил:

— Ты рассуждаешь здраво, задуматься об эстрактопляции, экстрапколяции, тьфу! экс-тра-по-ля-ци-и нужно. Но послушай... Хоть ты и слушаешь, но ты не сможешь меня понять в силу твоего смешного возраста. Мне 53, тебе 18! Ты просто не в состоянии почувствовать то, что чувствует 53-летний! Пойми же ты, зелёный ты огурец, что всё в моей жизни уже было: учёба, карьера, самопожертвование ради других, стройки социализма, рождение и воспитание детей; и премии, и звания, и почести — всё это было и есть. Все мне твердят: “Надо! Давай! Надо! Давай!”, я и даю, как робот.

Он снова плеснул себе. Продолжил мысль:

— Я даю, мне все завидуют (“Какая жизнь! Как у Христа за пазухой!”), а я оборачиваюсь назад (это, кстати, очень страшно — оборачиваться назад, никогда так не делай!) и понимаю, что не было у меня в жизни главного! Не было у меня в жизни одного — любви! Любви у меня не было!! Ни от меня любви не было, ни ко мне! Никогда! Пустая жизнь за плечами у меня, выхолощенная!

Ритуалов было много, тостов, здравиц и годовщин свадьбы было много, а чувств — никаких! А я вот, понимаешь ли, хочу любить, и я хочу, чтобы любили меня — притом чтобы объект и субъект совпадали! Хочу! — понимаешь ты это, чёрт ты восемнадцатилетний?

Он хмелел на глазах, но не терял нити своей выстраданной и пронзительной мысли.

— То есть, вы понимаете последствия и вы реально готовы пройти описанный вами путь? — осторожно спросил я, сам себя втягивая вопросами в не нужную мне дискуссию.

— Готов! — твёрдо заявил пьянеющий Альтман. — Да, я женат. И что мне теперь — удавиться? Да, была у меня когда-то некая симпатия к однокурснице при царе Горохе, да. У кого не было симпатии в студенческие годы, скажи? Кто не увлекался той или этой, назови? Люди должны встречаться, расходиться, ошибаться, очаровываться и разочаровываться, искать должны, сравнивать. Я этого раннебрачного периода уже и не помню, а если вспоминаю про те далёкие хрущёвские времена, то вздрагиваю — неужели это был я, Агапий Альтман?! Но правила ж у нас такие, кондовые: проявил малейший интерес — женись, а то тётя из Житомира не одобрит ваших походов в кино без штампа из ЗАГСа.

Взволнованный Альтман снова налил себе.

— У вас там, вы говорили, целый ящик? — спросил я. — Вы бы поосторожнее.

— Да нет там уже почти ничего, — махнул рукой хозяин кабинета, — и кому нужна эта моя осторожность или неосторожность, кого я послушаю? Вот если бы Лаура сказала бы мне, то я прямо при ней раз и навсегда вылил бы весь этот “Арарат” в раковину и не притронулся бы никогда в жизни. А так — мне всё равно. Плеснуть тебе? Семизвёздочный!

— Нет, спасибо, у меня ещё плещется.

Альтман пьянел, но азимута не терял:

— Вот я и женился в юном возрасте, в тисках условностей и “правил”, не осознавая, что я делаю, под чем подписываюсь. Всё было “правильно”, как у людей, бог ты мой: “Горько!”, одолженный другом костюм не по размеру, нелепый короткий галстук на резинке, марш Мендельсона, похищение невесты, пьяный тамада и пьяные гости, застолье. По тем временам “богато” было: аж на такси из ЗАГСа поехали — пошлый шик для соседей, гордость для её родителей, “выдавших” дочь. Всем хорошо, всем радостно, а мне — никак! Пойми ты, молодой ты, не любил я её в своей жизни, не любил, даже в день свадьбы! Она очень хороший человек, я уважаю её и уважал, но — не любил!!

Уровень откровенности Альтмана превосходил все мыслимые пределы, я был в шоке. Зачем он это говорит? Видимо, совсем человеку не с кем поделиться. Пусть говорит, раз говорится.

Его потянуло на философию:

— Скажи, что важнее: быть успешным в глазах других или быть счастливым в своей собственной душе?

Я пожал плечами. В 18 лет у меня не было ответа на этот вопрос, я тогда об этом не задумывался. Начал утомляться и скучать. Помимо своей воли я оказался в роли психотерапевта: Альтману необходимо было выговориться, его просто взрывали заложенные в его душе глубинные бомбы.

— Счастливым! — ответил Альтман на свой собственный вопрос. — Больше ничего не имеет значения. Важно хотеть жить и знать, что есть Та, ради которой имеет смысл всё остальное. Нет Её — ничего нет, простая возня биомассы в биомассе — глупо и пошло.

Альтман открыл шкаф в поисках закуси, но ничего не нашёл, кроме дыроколов. Он вздохнул и продолжил свою исповедь, опершись на локоть:

— Так-то, молодой... Так я прожил жизнь. Потом дети пошли, тесть-тёща, шурин-шмурин, квартира-дача-машина. Я влюблялся в других: сходился втайне, расходился втайне, ссорился, мирился, ужасаясь надетым на себя по юности и по глупости веригам — всякое бывало, да! Ведь когда в “законном”, как они говорят, браке любви нет, ты её *ищешь*, ты н*е можешь не искать её*, покуда ты жив! Врал всю жизнь: то “выезд на объект”, то “авторский надзор”, то “партсобрание” — а как иначе, дети-то маленькие, я люблю их. Приспосабливался, изворачивался, лгал. Но вот только сейчас, на склоне лет, здесь у нас в ГипроНИИ — я не просто снова в очередной раз влюбился, а полюбил! Её! Как Бернес поёт: “Почему же ты мне встретилась лишь сейчас?” — любимая им самим песня: видимо, Бернесу это было тоже близко. Да, чёрт возьми, лишь сейчас. А теперь спроси меня, почему раньше не довелось мне никого полюбить — спроси!

А я знаю? Какое мне дело, почему Альтману не довелось никого полюбить, “почему Володька сбрил усы?” Я, было, подумал, что это фигура речи, но это был вопрос.

— Почему? — машинально спросил я, не интересуясь ответом.

— Потому что раньше судьба не знакомила меня с *такой* женщиной — были “разнообразные, не те”. Я только сейчас это понял! Считаешь, что это банальная “седина в бороду, бес в ребро”? Нет, молодой, нет! Просто по времени так вышло. *[Слова “тайминг” ещё не знали ни Альтман, ни я. — А.К.]* Просто раньше не сводила меня судьба с такой женщиной! И вот хотя бы сейчас я хочу пережить то, чего никогда в жизни не переживал. Вдохнуть хочу! Иначе, скажи мне, зачем я жил, если **главного** в моей жизни не было?? Иначе, скажи мне, зачем мне жить дальше? Ну, скажи!

Я не знал, что сказать. Шквал альтмановской откровенности обескуражил меня, но зато я, наконец, понял его *глубинную* мотивацию, весь background, как мы бы сегодня сказали. Раньше я видел просто влюблённого в Лауру Альтмана, а сейчас он открыл мне предысторию, и картинка получилась цельной и объёмной. Не вершина айсберга, а айсберг целиком. Я не стремился увидеть этот айсберг (зачем мне это?), но раз уж увидел, то шо ж мне теперь с этим делать? Человек сам выбрал, что говорить, а что не говорить.

Альтман невозмутимо продолжил заплетающимся языком:

— Да, я немолод. Да, я отягощён ЗАГСом. Да, я отстал от того, чем живёте вы, молодые. Но что мне теперь со всем этим — уже *сейчас* в гроб ложиться?? Ик! Finita, как ты говоришь, la commedia? Я полон сил, я — жить хочу!! Дышать полной грудью хочу! Я никогда ею не дышал! Если я не жил до сих пор, то что мне, никогда и не пожить, хоть мгновения не пожить? Я что, требую слишком многого?

В таких случаях мы в школе говорили: “тяжёлый случай”, но так ведь Альтману не скажешь. Мне было жаль его, я искренне сочувствовал ему. Конечно, я мог бы встать и уйти, сославшись на занятость и начавшиеся выходные, но я не мог так жестоко поступить по отношению к человеку, который так хотел

выговориться, поделиться, выпустить мучивший его эмоциональный пар. Такие моменты пронзительной откровенности не каждому доведётся наблюдать, тем более, что Альтман сам сказал, что больше говорить ему не с кем. Я был единственным клапаном в его перегретом котле. Я был просто обязан дослушать: по-человечески, по-мужски. И я не ушёл.

Мне, восемнадцатилетнему, было трудно осознать и прочувствовать сказанное им, а Альтман так и вовсе отказал мне в этой способности — справедливо отказал. Но я высоко оценил его запредельный уровень откровенности, хотя бы даже и подтолкнул его к ней “Арарат”. Я никогда и близко не слышал подобной пронзительности даже от лучших друзей.

Перегрузившись извергнутым на меня эмоциональным вулканом, я воспользовался своим преимуществом трезвого и свёл метафизику к прагматике:

— Раз вы рассуждаете именно так, тогда слушайте за настольный теннис. В редкие минуты отдыха мы играем в пинг-понг. Приходите, присоединяйтесь, но только не говорите “не умею”, я больше не желаю от вас этого слышать. Приходите и играйте! Точка.

— А принято у вас руку сопернику, то есть — ик! — сопернице пожимать после партии? — связная речь давалась Альтману с трудом. Без закуси же, бедный.

Я не помнил, но на всякий случай сказал: “Принято”.

Альтман допил очередной бокал, но связи с реальностью не терял:

— Как я — ик! — узнаю, что Лаура играет партию? — прищурился он.

— Я позвоню вам по внутреннему телефону.

— Позвонишь и скажешь: “Грузите апельсины бочками”? — пошутил будущий спортсмен, временно пьяный.

— Да, Агапий Аморович, именно так! Сигнальное слово у нас будет “апельсин”. Как услышите “апельсин”, немедленно бегите к нам на этаж, казённую ракетку вам выдадут. Белый верх, чёрный низ.

— ???

— Шучу. Пошёл я. Поймайте себе такси, не надо вам в метро в таком виде. Хороших вам выходных, Агапий Аморович! До понедельника!

Матч века

Пару дней спустя я увидел в лифтовом холле, что Лаура играла в настольный теннис с Колей Бутылиным. Матч подходил к концу, счёт был почти равным, Лаура раскраснелась, и в воздухе витало напряжение. Незаметно прошмыгнув мимо соревнующихся, я кинулся в свой отдел и позвонил Альтману: “Алё, гараж! За апельсинами когда поедем? Сколько можно ждать уже!”

— Что? Нам завезут апельсины?? — с надеждой в голосе спросил меня Миша Зверев.

— А я знаю? Непонятно у них, Миш! То завезут, то не завезут, то будь готов ехать на базу, то отбой! Достали! — я обратил свой гнев на воображаемый “гараж”. — Развал в стране полный! Ты вон чертишь себе в тепле, чаёк потягиваешь, а я по

овощебазам мотаюсь, гниль всякую перегружаю, “из ЗИЛа в ЗИЛ переходя”. Даже перчаток не выдают, гады.

> Ко мне в отделе относились очень хорошо и выписывали мне огромные премии, но недолюбливали за дьявольское везение в розыгрыше продуктовых “заказов”, подозревая меня в мухлеже — ну не может же человеку так постоянно везти!
>
> В отделе было 36 человек, а заказов было 5-6. Кому посчастливится? Мне везло всегда, неизменно. Когда я только пришёл, они разыгрывали по старинке: шапка, а в ней сложенные бумажки со словами “да” или “нет”. Когда в заказе была чёрная икра, то начальник Новичихин ставил на бумажки “да” круглую печать.
>
> Я предложил усовершенствовать систему: принёс из дома рулетку, как в казино, присвоил каждому сотруднику номер, и Новичихин торжественно кидал шарик, чтобы Фортуна определила счастливца. Мой номер 36 выпадал всегда, почти сразу. Инженер Гурин был уверен, что детская пластмассовая рулетка Made in GDR “намагничена” — он разобрал её и рассмотрел под лупой, но магнита не обнаружил. Измерил штангенциркулем глубину и ширину лунки 36 — она была идентична остальным. “Поменяемся номерами!” — потребовал Гурин, и я взял его номер 20. В следующем же розыгрыше выпало 20, а 36 перестало выпадать вообще. Перешли снова на старую добрую шапку, и снова бумажки “да” с печатями оказывались в моих руках. Больше так в жизни мне никогда не фартило — я полностью исчерпал свой лимит в 1990-м году.
>
> Мне уже некуда было девать свои пищевые выигрыши, и я часто уступал икру и “дефицит” Мише Звереву: он тянул на себе двоих маленьких детей, жену и тёщу, которую называл “фельдмаршал”.

Через несколько минут я вышел в коридор. Был слышен стук шарика. Играют! Ура! Пройду мимо, вроде, я сосредоточенный, по делу.

Я завернул за угол, увидел игроков и вспомнил, что играли всегда “на победка́” — в следующей партии оставался победитель предыдущей.

Лауры не было — очевидно, она проиграла и ушла. Злобный Альтман злобно играл с белым от страха Колей Бутылиным.

Вергилий путает все карты

Мне нужно было в актовый зал института — расчистить место для завтрашней выездной торговли. В пустом зале сидела Лаура и... плакала.

Я сел рядом:

— Что случилось?

— Всё нормально, — потупилась Лаура.

— Шо “нормально”?? Вот эти горючие слёзы на четвёртом году Перестройки — это “нормально”?

Она помедлила и призналась дрожащим голосом:

— С Псевдонимовым поругалась. Он отчитал меня за ошибку в чертеже, а это не я ошиблась, а смежники!

— Публично отчитал или наедине? — участливо спросил я.

— Наедине. Сказал: “Что, Лаура Одиберовна, вас в институте не учили оставлять зазор в сантиметр по СНИПу?” Мне дали неправильную спецификацию, а я всё сделала, отталкиваясь от неё, их, неправильной! Я в институте на красный диплом шла, совсем чуть-чуть не добрала!

И горько разрыдалась.

— Ну что ты, что ты, — я стал утешать её, — плачешь, как девочка из-за карандашовских линий на ватмане. Зазор, не зазор — шо за ерунда? Псевдонимовы приходят и уходят, а жить — тебе. Я дам тебе чехословацкий ластик, и ты нарисуешь аж два зазора, пусть твой Псевдонимов подавится. И ластик тебе подарю.

Лаура улыбнулась сквозь слёзы:

— Ластик оставь себе. Ты же, вроде, чертёжником у нас числишься?

— Да, чертёжником от слова “чёрт”, а так-то всё больше грузчиком. Грузчику ластик, как Псевдонимову пятая нога.

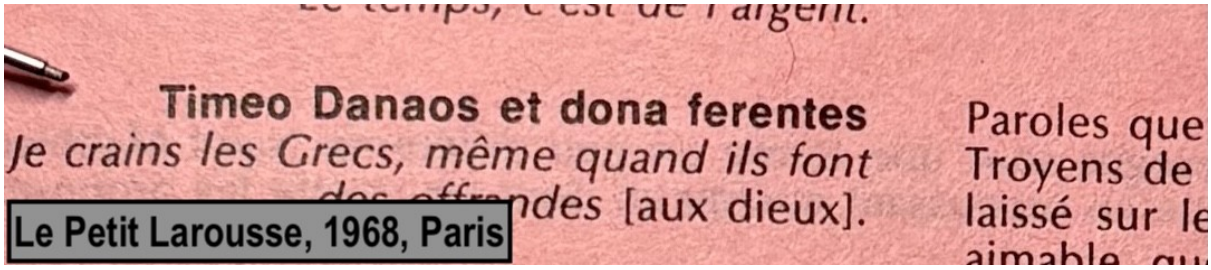
Эх, как бы предупредить Альтмана? Это был бы для него коронный выход! Улизнуть сейчас и предупредить его? Нет, было бы шито белыми нитками, слишком очевидная связь событий. Зашёл бы он сам, невзначай, так нет же ж — мы слишком большие начальники, чтобы по актовым залам ходить. Чёрт, такой шанс у мужика уходит!

— Слушай, Лар, так дело оставлять нельзя. Если ты в своём праве, то надо защищать себя! Хочешь, я поговорю с Иксенко, Игрековым или Альтманом? Или с самим директором института — я им всем регулярно заказы доставляю на твоей тележке, они мои клиенты: жадно расковыривают свои заказы, радуются дарам волхвов.

— “Боюсь данайцев и дары приносящих”, — совсем не к месту, но весьма остроумно заметила Лаура.

— “Timeo Danaos et dona ferentes”, — продублировал я её вергилиевским оригиналом.

Французская энциклопедия Larousse, где был список латинских изречений, была моей настольной книгой столько, сколько я себя на свете помню. Вот она, жива ещё ↓



Лаура внимательно посмотрела на меня, словно бы изучала меня, словно бы видела меня впервые в жизни. Посмотрела без привычной усмешки, посмотрела по-настоящему, по-серьёзному, по-взрослому.

После этой фразы про данайцев я тоже посмотрел на неё по-новому. Я понял, что умный Альтман влюбился в неё не только из-за её красоты, ведь для умного мужчины внешность женщины — это только первая половина путешествия: необходимая, фундаментальная, sine qua non половина, но не единственная часть путешествия.

Вергилий стал для Лауры маркером.

И для меня тоже.

Между тем, шахматная партия однозначно складывалась в пользу Альтмана — это был для него не повод, а супер-повод выйти из тени! Простая двухходовочка. Ща организуем, Агапий Аморыч, будь спок! За шахматным столом гроссмейстер Михаил Ботвинник!

Я пошёл ферзём:

— Лар, а давай я действительно с Альтманом поговорю? Серьёзно. Я почти каждый день его вижу по работе. Он поможет, защитит тебя! Он хороший мужик, справедливый. Все почему-то его боятся из-за высокого чина, а на самом деле он очень добрый. Как Ленин — самый человечный человек.

Лаура покачала головой, и слеза покатилась по её щеке, оставляя дорожку на тональной пудре.

Мне стало жаль её. Альтман не дурак — ей даже слёзы идут. Чёртов ты Альтман, иди же ты скорее сюда, это твой шанс! Где тебя черти носят?? Спустись уже с небес на землю! Жизнь — она здесь, а не в твоих высоких кабинетах за дерматиновыми дверями!

— Добрый не Альтман, — сказала Лаура. — Добрый — ты. Сидишь тут со мной, выслушиваешь, сочувствуешь. На что я тебе сдалась со своими зазорами? Кто я вообще такая?

И снова заплакала.

— Та шо ты несёшь такое? — возмутился я. — Шо за меньшевистская риторика и упаднические речи? Шо за самоедство? Ты думай сначала, а потом говори! Ты же большая девочка. На, держи, горе луковое, — я протянул Лауре свой носовой платок, — дай только я выверну его, а то я в грязь утром упал, утирался чертыхаясь. У тебя тушь потекла. Воды принести тебе?

Лаура взяла мой платок, вернула мне его со следами своих туши, пудры и легчайшего налёта парфюма. Снова улыбнулась и на секунду прикоснулась к моей руке:

— Нет, не надо воды и не надо никого подключать. Не говори никому, что ты видел меня здесь такую, в растрёпанных чувствах. И про эту историю с чертежом никому не говори, хорошо? Обещаешь?

Ясен пень. Я и без твоих слов никому не рассказал бы, и уж тем более Альтману. Он же, если узнает, вырвет Псевдонимову сердце. Что ж я, не понимаю, что можно говорить, а что нет? Неужели я так юно и дебильно выгляжу, что мне надо напоминать о таких прописных истинах?

— Не уходи, — тихо попросила Лаура, снова на мгновение дотронувшись до меня, — поговори со мной. Давай посидим минутку, и я пойду, приведу себя в порядок. Расскажи мне что-нибудь, я отвлекусь. Ты всё время какую-то дикую пургу несёшь, меня это забавляет.

— Тебя, может, и забавляет, а так-то все считают меня придурком.

— Я — не считаю, — на полном серьёзе сказала мне Лаура, глядя мне в глаза.

И снова на долю секунды дотронулась до меня. Меня прожгло огнём.

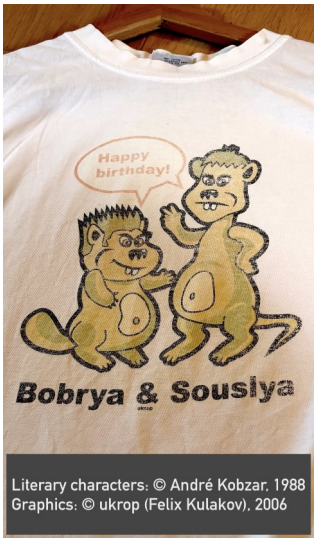
Я сидел рядом и старался, превозмогая себя, не смотреть на свою собеседницу, потому что не хотел смущать её, заплаканную и слабую. И не хотел смущаться самому. Во мне вскипели дикие, яростные эмоции, но разум напомнил мне о принципе неприкосновенности “девушки друга” — этот принцип священен и незыблем, какую бы благоприятную ситуацию судьба бы тебе ни подкинула.

Строго говоря, Альтман не был мне так уж другом, а ещё меньше Лаура была его девушкой. Точнее, совсем не была. Но в 18 лет я был не романтиком, а романтиком в квадрате. Принципиальным: верность, неприкосновенность...

— Расскажи же что-нибудь весёлое, — Лаура вывела меня из ступора. — Мне нравится твой оригинальный бред, он всегда мимо кассы. Я никогда такого ни от кого не слышала.

— Знаешь, Лар, что сказал бы Бобря по поводу твоей ситуации? — произнёс я загадочным голосом. — Он сказал бы: “Куэнг-куэнг, свинг-свинг, гамарджоба”.

— Кто это? Твой очередной брат?



— Нет, это герой моих “Былин” — серии из 36 рассказов о жизни лесных зверей. Для друзей писал, на облегчённом мною суржике. Там герои Косій Зайченя, Хромий Кочет, Руда Лисиця, Двинутий Филін, Сусля, Бобря, Клишоногий Ведмідь, Вовк-лікар з лізвієм и его сын Малий Вовчок. Там лошадь тоже есть, но она без слов, на подтанцовке. Герои попадают в разные переделки и выходят из них с переменным успехом. Цикл моих “Былин” описывает человеческую жизнь лучше Библии. Надо сесть на стул и поворачивать его на 10° после прочтения каждой былины. Когда сделаешь полный круг, ты познаешь мир.

— Хм-м-м, воображаю... В твоём стиле, — недоверчиво сказала Лаура. — Дай почитать! Хочу познать мир.

— У меня их нет, разошлись. Часть у Арама, часть у Аркана, кто-то ещё что-то утянул. Но я тебе новую былину напишу, если хочешь. Украинский понимаешь?

— В общих чертах.

— Ладно, сделаю тебе понятную версию. Называться будет “Як Руда Лисиця малювала лінію”. Начинаться будет так: “Єдин раз Руда Лисиця сіла спроєктувати нову хату. Двинутий Филін, гад-перегад, дав їй неправильні розміри, а злий Ведмідь Клишоногий ліжав в кустах та люто шипів”.

Лаура расхохоталась. Я понял, что мне удалось развеселить её, и я был рад вернуть человека к жизни.

— Стих вот послушай: “Что такое Новый год? // Новый год — новый ход // По что-то там, по лезвию”... Тьфу, чёрт, забыл!

— Твои? — без энтузиазма спросила Лаура.

— Нет, я не пишу стихов, я на уровне “палка-селёдка”. Это я прочитал в “Вестнике еврейской советской культуры”. И забыл! Там ещё строчка была.

Я продолжил one man show и спохватился: Альтмана же надо ввернуть!

— Слушай, меня тут Гаяр по наивности попросил нарисовать сетку для своего будущего чертежа, а я осевые кружки нарисовал не снизу, а сверху. Альтман зашёл, увидел, долго смеялся, сказал: “На этих воздушных шариках сейчас твой чертёж и улетит”. Юморист!

— Да уж, Жванецкий, — сказала Лаура, не оценив историю — реальную, но полностью приписанную мною Альтману: тот слишком высоко сидел, чтобы заглядывать в чертежи шестёрок вроде меня.

Для окончательного вывода Лауры из ямы печали я рассказал ей пару забавных, как мне казалось, историй из школьной жизни: как я заблудился с одноклассницами в ночном лесу, как упал на бо́шку с восьми метров (см. §2.5.16). Она улыбалась и смеялась. Я был рад тому, что своими нехитрыми историями мне удалось отвлечь её от её горюшка.

Последовавшего дальше я никак не мог ожидать.

— Хочешь, давай сходим куда-нибудь вместе? — неожиданно предложила Лаура.
— В музей или в театр?

Я не ослышался?? Это она предлагает мне, “муравью”? Я переспросил:

— Шо?

— В музей, — повторила она, — или в театр.

— Давай, — на автомате сказал я, всё понимая, но ничего не осознавая, — только я на вечернем учусь, я заполночь возвращаюсь. Разве в выходные? У меня проездной. У меня в квартире газ. Завтра в заказе будет кофё.

— Можно в Макдональдс сходить, — Лаура продолжила генерировать идеи, сделав вид, что не заметила моей неадекватности, — они только открылись, там всего лишь три часа в очереди стоять, Таня рассказывала.

— Давай в Макдональдс, — глухо сказал я, — шо ж не сходить, пошамаем диковинного. Я никогда не был и не знаю никого, кто был бы. Три часа — ничто в масштабах Альфы Центавра.

Я не знал, что я несу. Я не знал, пойдём ли мы в театр. Самое главное — я не знал, как мне теперь вести себя по отношению к Альтману! Я ничего не понимал, я находился в глубочайшей коме от свалившейся на меня новой реальности с новыми, неожиданными горизонтами. Видит бог, я к этому не стремился! Но бог также видит и то, что мне теперь надо с этим что-то делать.

Я уже ничему не удивился бы, но Лаура вдруг предложила:

— Слушай, сейчас есть хорошая выставка, резонансная. Маня ходила, до сих пор под впечатлением ходит, есть не может. Называется “Эротика в искусстве”. Там тоже часа три в очереди стоять, ажиотаж и давка. Я хотела пойти. Хочешь, давай вместе сходим?

Я всё ещё по инерции мыслил в категориях Альтмана. Я ответил Лауре самое нелепое, что могло быть (вот с таким примерно уровнем сообразительности):

— Ты кому предлагаешь сходить — мне?

— А что, в этом зале ещё кто-то есть? — поддела меня острая на язык Лаура и заглянула под кресло.

Сказала тихо и просто:

— Тебе.

С тех пор она говорила со мной только тихо и просто.

Я впал в анабиоз от свалившейся на меня реальности.

— Ща мебель с пацанами двигать будем, — сказал я, как под наркозом. — Вира, майна, куда прёшь, дубина. Пруд сделал из человека обезьяну.

Лаура снисходительно, но мягко посмотрела на меня взглядом взрослой женщины, рассмеялась, встала с кресла, помахала мне рукой: “Пока!” и пошла приводить себя в порядок, прежде чем вернуться в свой отдел, а я остался тупо сидеть в кресле актового зала, как болван. Прежде чем скрыться в дверях, она обернулась и снова помахала мне. Я тихо умирал в кресле, раздираемый дикими моральными противоречиями.

Моральное бревно

Об инциденте с Псевдонимовым я не рассказал Альтману ничего, ясен перец. Его неизбежная битва с обидчиком прямо противоречила бы интересам Лауры и моим принципам приватности.

Как-то доработал день, как-то отучился вечером. Ночью я много думал о сцене в актовом зале, о неожиданно открывшихся мне перспективах и о мужских принципах неприкосновенности: “тварь я дрожащая или право имею?”

Что означали Лаурины слова — культурное мероприятие или нечто большее? Её шаг навстречу мне — это действительно искренне или же это просто реакция кортизола с окситоцином в момент эмоционального смятения, а я ей просто под руку подвернулся? Если музей и театр — это ответ на Вергилия, то тогда при чём тут Макдональдс, никакого отношения к культуре не имеющий? А эта так разволновавшая Маню эротическая выставка? Что, вот так прямо сразу с Лаурой, из огня да в полымя, даже минуя фазу Макдональдса? Как всё это объяснить?? Что сказал бы на это Альтман, заваривший эту кашу? Без его каши я вряд ли бы так много общался с Лаурой, я бы не создал себе истории в её глазах, я бы остался на уровне “привет-привет”, как раньше, и сегодня в актовом зале вряд ли бы состоялся такой наш разговор. Во мне боролись моральные максимы с одной стороны и плотские влечения с другой.

Мне внезапно обрушился на голову снег, путь мне был открыт, но на этом пути лежало **моральное бревно по имени Альтман**. Хороший человек мне полностью доверился, открылся до полной невозможности, обнажил самый нерв своей души перед малознакомым грузчиком, годящимся ему в сыновья. Альтман сам поневоле вывел меня к этому перекрёстку с Лаурой, и что же — я ему “презлым заплачу за предобрейшее”? Можно, конечно, отправиться с Лаурой в музей и, скорее всего, дальше и ничего ему об этом путешествии не говорить, но кем я буду после такого путешествия? Я думал о мальчишеских “принципах пустыря”, ровно в середине которого, по иронии судьбы, и находился наш институт.

Я помнил Лаурины мимолётные прикосновения, от моего носового платка доносился едва уловимый отголосок её парфюма, и её слова звенели у меня в ушах. Пол-института побежало бы за ней в музей в надежде попасть потом в “музей”, но предложено было именно мне, одному из четырёхсот. Почему??

Я был несвободен в своём тяжёлом выборе, и это меня терзало.

Много думал. Ничего не решил. Не спал полночи.

Поезд дальше не идёт

На следующий день я старался избегать и Альтмана, и Лауру. После актового зала я вошёл в эту историю как внезапно заинтересованное лицо, и я не знал, как мне быть: разум и сердце не могли договориться между собой.

Мои муки длились один день. Внезапным разрешением ситуации явился долгожданный приказ деканата о переводе меня на дневное. Я сразу же подал заявление об увольнении из ГипроНИИ.

В оставшиеся по КЗоТу две недели я прощался с ребятами из дружественных отделов, шутил и балагурил на разных этажах, а в своём родном отделе я накрыл поляну из гигантского заказа в ползарплаты, который я в очередной раз выиграл. Мне желали успеха и прочили блестящее будущее (ну, ошиблись люди с прогнозами, бывает).

В Лаурин отдел я зашёл попрощаться за час до ухода, тянул до последнего. Она была совсем другой — простой и тёплой, а от её привычной язвительности не осталось и следа.

— Ты заходи, — с грустью в голосе сказала мне Лаура, выйдя со мной напоследок в коридор. — Я тут. Знаешь, как меня найти.

Она смотрела на меня совершенно другим взглядом, чем в начале нашего общения. Наверное, таким же другим, *новым* взглядом смотрел на неё и я. Я плохо соображал и плыл по теме.

Битва рационального и эмоционального полушарий достигла во мне пика, но в конечном итоге я заставил себя последовать неписаным правилам мужской солидарности. Правильно ли? Неправильно ли? Герой ли? Дурак ли? Бог весть — сегодня уже немножко поздно анализировать события весны 1991-го года.

Больше я никогда не видел Лауру и ничего не слышал о ней.

С Альтманом я прощался, уже сдав обходной лист. Он проводил меня до проходной:

— Спасибо тебе! — он крепко пожал мне руку.

— Не за что, Агапий Аморович. Я сделал, что мог. Жаль, что ни одна придумка не сработала.

— Я вижу, что ты старался, что был до конца честен со мной.

— Как иначе? — вздохнул я, думая совсем о другом, точнее, о другой. — Успехов вам, Агапий Аморович! Искренне, от души желаю. Я убедился в подлинности и глубине вашего чувства — не каждой такое адресуется. Лаура стоит того, чтобы бороться за неё. Я ухожу, но вы остаётесь рядом с ней, и я надеюсь, что у вас всё получится. Помните о моих советах. Не сдавайтесь!

Мы с Альтманом обнялись, неловко, по-мужицки похлопывая друг друга по спине. Охранник с отвисшей челюстью недоумевал, наблюдая сцену трогательного прощания одного из бонз научного института и шестёрки-грузчика.

— Очень благодарен тебе, всегда буду помнить тебя, — сказал мне Альтман. — Слушай, я никогда не спрашивал у тебя о твоей личной жизни, а то мы же всё обо мне да обо мне. Всё хорошо у тебя?

— Вашими молитвами, Агапий Аморович. Всё прекрасно.

Я вышел за ворота ГипроНИИ и больше никогда туда не возвращался.

Не эпилог, а эпитафия

Я не знаю, помогла ли судьба Пигмалиону оживить свою Галатею. Я не знаю, как сложились судьбы Скульптора и его Музы.

Несколько лет тому назад я узнал через третьи руки, что Альтман умер. Его (и поневоле мой) секрет 1990-го года ушёл под землю или сгорел в огне.

Я долго сомневался, имею ли я право рассказать об этом, сделанном мною неидентифицируемым, персонаже. Решил, что таки имею — покой Альтмана в ином мире этим текстом я не потревожу. Может быть, ему было бы даже отрадно видеть, что о нём помнят и пишут спустя 36 лет — это всяко лучше, чем впасть в вечное забвение через месяц после похорон.

История его совсем не уникальна. Подобное можно наблюдать на каждом шагу, только далеко не каждый подаст вид и признается себе и тем более другим. Сидит себе человек, “примус починяет”, а что внутри него происходит — никому невдомёк. Может, у него прямая линия на кардиограмме, а может, и перегретый котёл, готовый взорваться, как Четвёртый энергоблок.

Таки да — я считаю, что я сейчас вправе вспомнить об этом человеке и о его светлом мужском чувстве. Вспомнить о человеке, который к солидному возрасту сохранил биение сердца. Который так тяжело страдал от своей неразделённой и даже *неоткрытой* любви, который — горел! И в эти минуты горения — он жил за десятерых!

Мужская природа жива до тех пор, пока вертится Земля. И обратное утверждение так же верно.

Спи спокойно, Агапий Аморович.

И пусть тебе снится твоя Муза.

> … Когда-то в 1990-м я сидел в кабинете своего начальника Новичихина и перепечатывал на “Ятрани” секретарши Гали отчёт начальства в министерство, поправляя грамматические и стилистические ошибки инженеров-технарей. Кириллическую раскладку я хорошо знал — мама писала диссертацию, и её машинкой “Erika” я пользовался больше её самой: печатал на ней воззвания для своего панк-движения, пранк-розыгрыши для друзей и всякую дурь.
>
> Мимо проходил зам Новичихина Антонов, юморист не хуже Жванецкого, никогда не бывавший серьёзным — классный дядька, моя волна. Антонов тогда только что переделал свою жизнь и всегда был в прекрасном настроении. Сказал мне на ходу: “Что печатаешь? Мемуары? «Как я работал в ГипроНИИ»?”
>
> Выходит, что так, Дмитрий Александрович. Мемуары «Как я работал в ГипроНИИ», 36 лет спустя — припозднился я. Про навсегда ушедшее время и некоторых навсегда ушедших людей. Надеюсь, что Вы живы и здоровы. Живите до 120, я иногда вспоминаю Вас. Но даже Вам, находившемуся в центре описанной здесь среды, никогда не вычислить Альтмана и Лауру. Просто поверьте мне на слово.

2026-Mar-15

2.5.7 Называя тебя папой

На безлюдной парковке в израильской Кейсарии, прямо на земле, в пыли лежал новенький мобильный телефон. Это был первый и последний случай в жизни, когда я что-то нашёл, а не потерял. Вокруг ни души. Где бюро находок, непонятно. Полиции нет. А дети маленькие, устали и проголодались — надо возвращаться в Тель-Авив, в гостиницу.

Этот навороченный для досмартфоновской эпохи телефон был включён. Находка явно принадлежала женщине, притом матери: на заставке было фото детей, да и оформлен телефон был в девчачьем стиле. Меню было на иврите. Я ткнул в “Адресную книгу”, и мне выпал список контактов. “Надо кому-то позвонить из списка, — подумал я, — и сказать, шоб забрали телефон”. Совать свой нос в переписку, в телефон, в имейл, вообще в личное пространство других людей — это отвратительно, это мерзко и грязно, меня просто выворачивает от одной мысли залезть в частный мир другого человека, кем бы он(а) ни был(а), но выхода у меня не было — телефон надо было вернуть хозяйке.

Первым в списке контактов был “אבא”, “а́ба” — “папа”. Слово арамейское, первая буква “алеф”, вторая “бет” — самое начало алфавита. “Авва отче” — это как раз оттуда. Слово “а́ба” очень любили у нас в ульпане, потому что это редчайший случай, когда буквы соответствуют звукам.

Возможно, ниже на “алефе” была и “Има” (“мама”), но папы уже было достаточно. Шо ж, отлично, погутарим с папой.

Мы погрузились в машину, я вырулил на шоссе, достал найденный телефон и нажал на “Аба”. Ответил немолодой мужской голос. Он ответил какой-то фразой и сам ей засмеялся, но я не понял его юмора — я очень плохо знаю древнееврейский. Но мне очень, *очень* хотелось блеснуть:

— Шалом, хавер [товарищ]! — слово “господин” вылетело у меня из головы, а в голове как раз крутилась жутковатая песня про “хавера Ворошилова”. Не дождавшись ответа, я представился.

— Кто ты такой? Где моя дочь? — перебил меня Аба на родном иврите.

В древнееврейском нет и никогда не было обращения на вы. И с Богом, и с Биби, и с царём — на ты.

Я попытался объяснить ситуацию на иврите, но я как назло забыл ключевое слово “нашёл”, и моё объяснение в переводе звучало примерно так:

— Товарищ! Папа! Слушай. Такое дело... Я турист, я в Кейсарии, э-э-э-э...

— Что??

— Я... э-э-э-э... Я...

— Где моя дочь??

— Я не знаю. Я found телефон твоей дочери на земле, на Земле Израиля, в Кейсарии! На земле!

— Кто на земле??? Моя дочь на земле???

— Нет!!! Телефон! Телефон на земле! В пыли. “Пыль на дорогах медленно осела”, знаешь?

Это были слова из известной израильской песни, которую мы слушали и разбирали в ульпане.

Отец был вне себя от ужаса непонимания происходящего. А встать на его место? Что чувствовал бы *я*, если бы *мне* с телефона моей дочери позвонил бы какой-то незнакомый мужик и на ломаном полурусском полу-чёрт-знает-каком стал бы нести какую-то околесицу с цитатами из песен советских композиторов.

И при этом называя тебя папой.

— Я открыл её телефон, — завершив лирическое отступление, продолжил я, — и увидел “Аба”. Я звоню тебе...

— Ты в Кейсарии? — перебил меня Аба. — Я сейчас приеду.

— Нет. Уже поздно ехать, товарищ, слишком поздно. Я не могу сказать тебе, где я сейчас. Нетания? — как раз промелькнул дорожный указатель на неё.

— Что-о-о?? Не можешь сказать, где ты?? Говори сейчас же, где моя дочь?! Что с ней???

— Говорю: не знаю! Я found телефон. Хочу вернуть телефон. Maybe English? Русит? Царфатит [французский]? О, идиш!! Их рэд бэсэр идиш ви ĥевреиш. Их бин а турист ин Исройл, дем телефон фун айере тохтер hоб гефинен ин Кейсарие...

Но насмерть перепуганный отец не заметил предложенных мной альтернативных вариантов коммуникации.

— Моя дочь у тебя, да? — продолжил на иврите Аба. — Ты украл мою дочь? Она с тобой? Дай ей трубку! Сейчас же!

— Та не со мной она! Не со мной! Я не крал твою дочь, Восьмая заповедь же ж: “лой тигнов” [“не кради”]! Я не знаю твою дочь, я не видел её!

— А кто её видел? — в ужасе спросил несчастный отец дрожащим голосом.

— Та не знаю я, хто видел твою дочь! Папа, ты понимаешь меня? Я сам ищу её!

— Зачем ты ищешь мою дочь? Где она?? — голос отца звучал просто жутко, и меня как отца самого перекорёжило от этой интонации, я очень хорошо его понимал.

— Не знаю! Я не её ищу, я тебя ищу! Аба! Я found, я... я... — и тут меня пробило! — я мац’ати [нашёл] её телефон! Нашёл телефон! Я хочу вернуть телефон. Я турист. Мац’ати! Понимаешь, папа? Мац’ати эт ĥа-телефон!! Мац’ати!

— То есть, моя дочь не с тобой??

— Нет!!!

— Она в порядке??

Я не знал выражения типа “дай то бог” или “уповая на Господа”, и единственное, что пришло в голову, была фраза из 121-го Псалма, которую я с выражением прочитал ему на внезапно ашкеназской, более привычной мне норме:

— “Лой йонум ве лой йишон Шоймер Йисроэйл” (“Не дремлет и не спит Хранящий Израиля”, Пс. 121:4).

И залакировал, закрепил свой успех фразой из хасидской песни:

— Папа, ты знаешь ведь: “ĥа-Икар — ло лефахед клаль” [“Главное — ничего не бояться”]. Борух ĥа-Шем [“Да будет имя Господне благословенно”].

Очень же хотелось блеснуть!

Не думаю, что псалом и хасидская песня сильно успокоили отца. Скорее, наоборот — Аба молчал. Я бы, наверное, тоже не нашёлся, что на такое ответить.

В это время на обочине шоссе мелькнул полицейский мотоцикл, а я не на громкой связи.

— Упс, миштара́[27]! Шухер! — сказал я Абе и положил трубку.

Дай бог, если после слова “полиция” у папы через несколько секунд не случился инфаркт. Дай бог...

* * *

Через три минуты найденный телефон зазвонил. Это был муж хозяйки телефона. Видимо, Аба с ним связался. В двух словах на английском я объяснил мужику ситуацию, он всё прекрасно понял.

— Мы сейчас едем в Тель-Авив, там и будем — сказал я ему. — Давайте встретимся в лобби гостиницы “Такой-то”, и я отдам вам телефон.

— О, так мы в Тель-Авиве и живём, прямо рядом с этой гостиницей!

— Ну и чудно, шо вы не в Эйлате. Приходите и забирайте. Позвоните мне снова на номер вашей жены, я спущусь. И пожалуйста, папе позвоните прямо сейчас, успокойте его. Он сам не свой. Прямо сейчас!

— Это да, — признал мужик, — тесть очень взволнован. А скажите, сколько вы хотите за телефон?

— Да нисколько! — вспылил я. — Я просто хочу вернуть вам его. Вы потеряли, я вернул. Я потеряю, вы вернёте, разве не так?

— Так, конечно. Ну ладно, до вечера тогда.

— Ну, шалом.

* * *

В гостиничном лобби муж маши-растеряши пытался достать из бумажника шекели, но я его решительно остановил.

Посидели, каждый рассказал о себе, пообщались. На английском-то совсем другой коленкор! Муж “маши” оказался приятным в общении интеллигентным и культурным человеком.

— Я тоже хочу вам сделать что-то хорошее, — сказал муж “маши” в конце нашей беседы. — Хотите, я покажу вам Тель-Авив? Яффо? А хотите, приходите к нам в гости! Пусть наши дети познакомятся. А хотите, съездим куда-нибудь, я покажу вам что-нибудь интересное в Израиле?

Мужик предлагал от чистого сердца, и на этом этапе уже совершенно не как “компенсацию” за телефон, а просто по-человечески — из симпатии и гостеприимства, а не чтобы “отдариться” или “отблагодарить” (ненавижу эти слова!).

Но я тогда этого не понял. Я совсем не хотел, чтобы люди чувствовали бы себя чем-то обязанными за простейшую дежурную вещь, поэтому с вежливой благодарностью я отклонил его любезные предложения. О чём до сих пор жалею. Это был бы прекрасный шанс узнать местных изнутри, увидеть город их

[27] ПОЛИЦИЯ

глазами, прочувствовать страну через её коренных жителей. Это вам не гид с заученными словами, а живые люди. Этот прекрасный шанс был упущен.

Впредь буду умнее. Когда найду телефон в следующий раз, не стану отказываться сходить к хорошим людям в гости.

2023-Oct-08

2.5.8 Песнь песней царя Соломона

Вот живёт себе человек, всё ровно. Быт налажен. Храм построил, дворец достраивает, дом полная чаша. Под ногами Ровоамчик бегает и две милые дочурки в куклы играют. И жизнь насыщенная: с мятежниками разобраться, качество кедра из доставки проверить, на кредиторов города́ переоформить. С утра суд провести, после обеда с царицей Савской ребусы поразгадывать, вечерком мудрости позаписывать. И, кстати, псалмы кто сочинять будет — Пушкин? Плотный график, в общем, у человека.

А во дворце 700 наложниц и 300 жён (в чём, кстати, разница?). Тысяча женщин, короче. Чтобы с каждой из них поужинать, 2 года и 9 месяцев надо, и это без выходных и праздничных дней. А если суббота выходной, то больше трёх лет! Поговорил с одной, отодвинул 999 других.

— Ты, Роза, подкладывай хумус-то себе, — говорит, к примеру, Соломон своей 500-й жене за ужином. — И рибку бери. Поухаживать за тобой? Ливанский хумус, свежайший. Только с ринка.

— Я не Роза, я Фамарь.

— Конечно, Фамарь, конечно, — не подаёт виду царь.

А сам думает: “Упс... А Роза тогда хто?”

— Я ж сама с Ливана, — говорит Пятисотая, — знаю за настоящий хумус.

«С Ливана? Странно, — думает Соломон, — говор-то у неё чисто наш, не отличишь. Просто идеальный лошн-койдеш у неё. Наверное, давно у меня живёт, навострилась говорить по-нашему».

— Конечно, с Ливана! — невозмутимо говорит царь. — Разумеется. Ты ж с Сидона, так?

— Та не, я ж с Хермона. То Баалит и Филсафа с Сидона. И Рума. Ведасса с Подсидонья, Кармелит с поблизу, а я дочь гор ливанских. Свежий воздух, дикая природа. В нас там и львов есть, и орлов, и барсов — цельный зоопарк!

«Гор?? Хермон? Шо-то эту я совсем не помню, — думает себе Соломон. — Она вообще из списка или где? Когда я женился-то на ней? Не помню. Где уже, к херувимам, мой список? Где свадьбу играли, хто свидетель? 215-ю жену помню прекрасно, 549-ю ещё лучше. Ну, 710-ю, конечно, помню — как *такое* забудешь? Надо, кстати, продвинуть Семьсот Десятенькую в графике, хорошо, шо я за неё вспомнил. И в 994-ой есть таке изюминка — новенькая ж, египтяночка. Или месапотамочка? Надо уточнить у консьержа. Суламиту, конечно, забыть не могу и Ноему теперь через Ровоамчика вижу больше, чем хочу видеть. А эту ливаночку вообще ни разу не помню, хоть и номер у неё юбилейный, прям в серёдке моей колоды. Надо спросить этой ливаночке наводящие вопросы».

— Как вообще, жизнь? Питание? — мудрый царь заходит издалека.

— Благодарствуйте, господин мой, харчи царские. Марципаны!

— Та не за что, зай гезунт. Не жарко во дворце-то? На такой густой жаре? Могу опахала прислать, ~~а то ж Ташкент~~.

— Та не, шо ты, господин мой, всё бесэдер. Ещё матушка Ваша покойная оснастила наш гарем всем необходимым.

Вирсавия Элиамовна действительно была добрейшей женщиной. Несмотря на свою непростую женскую судьбу.

— Ну, ладно. Как спина-то твоя, болит? — продолжает разговор царь. — Три года ж не виделись. Стриждаешь?

— Шо ты, господин мой, — подняв красивые глаза, отвечает Фамарь, — не болела у меня никогда спина, ты перепутать изволил? Это у Зелфы спина, и у Сефоры Малоежки, и у Тамы идумеянки. И немножко у Варды моавитянки, соседки моей. Ты же знаешь за Варду?

Царь понимающе кивает, а сам думает: “Хто это — Варда? Это та светленькая, юркая и заводная? Или та ого-го, не помню как зовут? Надо посмотреть по моим записям. Зачем я столько набрал?? Всех не упомнишь”.

— Хочу открить Вам маленький сэкрэт, — потупив взор, признаётся ночная гостья. — Я таке да, стриждаю, но не за чем-то, а за тобой, властелин мой, муж мой и учитель мой.

“Я такие “сэкрэты” каждую ночь слышу, — думает властелин. — Конкуренция-то огромная, но вас много, а я один”.

— Мне тоже тебя не хватало, — царь галантен, хоть и лукавит. — Цельных три года жизни в разлуке с женой, это не шутка. Мы ж с тобой семья!

— Скажи, о муж мой, а “после того, как я состарилась, будет ли мне утешение?” — стреляет чёрными глазками умная и хитрая Фамарь. [Бытие 18:12]

— Ой, та я тебя умоляю! — смеётся Соломон. — Не смеши мне нервы! “Состарилась” она! Ты ж цветёшь и пахнешь, ~~как там тебя~~! “Состарилась”, скажешь тоже!.. Та у в твой тридцатник жизнь только начинается, ты ж не как моя тётя Сара! И то — знаешь, шо с ней сталося! А то, шо тексты наши помнишь и тётю Сару цитируешь, это похвально.

Милые бранятся, только тешатся.

“Сэмэн, дичь!” — и царская трапезная наполняется гастрономическими ароматами.

— У кого, може, спина болит, а у меня от шея, — пытается сыграть на жалости доброго царя Пятисотая.

— Да, мэйдэлэх, шо-то расклеились ви у меня совсем, — грустно говорит царь, оставляя попытки вспомнить свою жену. — Это от ожерелий тебе шея боль делает и от твоей бижутерии эксцессивной. На тебе одних подвесок на полталанта!

— Подарок Ваш, Соломон Давидович, — поглаживает свои украшения Фамарь. — Всё Ви.

— Ну ладно, шо ты, Роза, ой, Зелфа, ой, в смысле, э-э-э-э... Фамэлэ. Шо ты меня путаешь! Мы ж семья, одно целое. Ты давай, вкуси, съешь-ка мне ещё кецык. А то шо ж ты как неродная. Ты ж мне жена. ~~Кажется~~.

— Мерси-с, — улыбка Фамари почтительна, а жесты изящны. — Перепела Ваши — м-м-м-м-м... это просто шо-то с чем-то!

— Последний писк, — соглашается гордый собой царь.

Слуги уносят мясные объедки и расставляют перед супружеской парой золотые подносы с виноградом, инжиром, финиками и прочими дарами Земли, текущей молоком и мёдом.

“Вроде, нормально всё идёт, — думает Фамарь, хрустя яблоком. — Как бы понравиться ему, шобы продвинуться в графике? Не хотелось бы повторить судьбу тёти Сары. Девчата говорили, шо он загадки любит”.

— Помнишь ли, господин мой, за ту красивую легенду, шо я тебе прошлого раза рассказывала? — пытается казаться загадочной Пятисотая.

“Я её саму-то не помню, а тут ещё за её красивую легенду должен помнить? — насупившись думает царь. — Я такими майсами переполнен — с чего все решили, шо я их люблю? Шо ни день, всё легенды да загадки: одна мадам Савская чего стоит со своими двусмысленными аллегориями. А я, може, просто отдыхнуть хочу”.

И изящно переводит тему:

— Винца шхемского хочешь, о жена моя? То ж не шмурдяк ваш гаремный, на минуточку, а самое шо ни на есть.

Он был очень добрый и щедрый, царь Соломон.

— Лэхаим, Ваше Величество! — отвечает Пятисотая, поднимая бокал.

Царь бьёт в ладоши, в залу входят музыканты с кинорами и восьмиструнными, начинают играть привычный вечерний репертуар. Женщинам он обычно нравится. Фамарь выходит перед царём и начинает танцевать.

«А она ничего, — думает Соломон. — Очень и очень! И с лица полный ажур, и неглупа, и вежлива, и книжки читает, и щёчки у ней прям что-нибудь особенного. Всё при ней: и стать, и стан, и мадам Сижу. Марафет навела, фасон держит. Шо ж я её прошлого раза (разов?) не запомнил? Надо продвинуть её в графике. Хороша!.. Только вот убей не помню её. Где список??!!»

Разгорячённая после танца Фамарь подсаживается вплотную к Соломону и кладёт голову ему на плечо. Её чёрные, как смоль волосы рассыпаются по спине царя Иудейского.

Царь поясняет:

— Музыка — это главная хворма. Не так сбацают — физиономии уже нету. Не тот вкус — и уже проиграл. Симпатии нету. Не тот парад на лице.

— Сколь же ты мудр, о господин мой! — восклицает Фамарь. — У мине, знаете, унутри завёлся к Вам такой стремительный карамболь!

Соломона таким признанием не проберёшь, их у него в 1000-кратном избытке. Его продолжает беспокоить то, что он совсем не помнит Фамарь.

Спрашивает:

— Я-то ж прекрасно помню каждого мгновения, но давай проверим тебя, на минуточку. Помнишь ли ты, о жена моя, сколько раз возлежала ты со мною? Тысячу?

— Нет, только пять. Сейчас шестой, сдаётся мне, будет.

— Когда я с тобой, — изворачивается опытный в сердечных делах Соломон, — мне один раз за двести кажется.

Смуглое лицо Фамари приобретает розовый от смущения и радости оттенок. "Кажись, получилось", — думает она.

И не ошиблась.

— Ты, Ро..., ой, Фамэлэ, ступай пока в покои, располагайся, Сэмэн тебя проводит. А я сейчас приду бикицер, — поднимается на ноги царь.

И идёт записать пару рифм.

А глубокой ночью, отпустив Фамарь, сидя у себя в кабинете под треск цикад, глядя на звёздное иерусалимское небо и на залитую лунным светом Масличную гору, царь пишет. И ложатся справа налево на пергамент бессмертные стихи:

> «Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях».
> (Песнь 1:9)

И дальше:

> «Со мною с Ливана иди, невеста! Спеши с вершины Сенира и Хермона, от логовищ львиных, от гор барсовых!»
> (Песнь 4:8)

А назавтра придёт к нему следующая жена из списка, и всё повторится снова. И вот после такого круглосуточного хоровода у человека ещё остаются время и силы на “Экклезиаста” с его “всё суета” и “ничего нового под солнцем”. Ну, в части “ничего нового” можно поэту решительно возразить, а вот “всё суета” — это да, это чистая мудрость. Ещё бы не суета — с таким-то хозяйством. Можно понять человека.

И на любовную лирику, на Песнь песней у царя остаётся время. Другой в лучшем случае написал бы что-то вроде:

> У меня тыща жён,
> Фалафель ем всласть.
> Живу ваще хорошо,
> И жизнь моя удалась.

Я бы на его месте как раз что-то такое бы и написал. Да и то вряд ли. А он? А он пишет высокую поэзию с подтекстами и тройными смыслами.

Вот такой он был, царь Соломон, человек-легенда, отец наш.

> Музыкальная иллюстрация
>
> Та самая “Песнь песней” 4:8, где как раз поётся про невесту с ливанского Хермона. Это на языке оригинала — именно этими словами Соломон и записал свой текст в тот вечер: “Iti mi_L’vanon [...] me_roš Senir ve_Hermon...”. Спустя 3000 лет мы слушаем Соломоновы стихи и вспоминаем эту красивую семейную историю.
>
> И теперь точно знаем, как она произошла.

2023-Aug-24

2.5.9 Самсон и Далила

וַיֶּאֱהַ֥ב אִשָּׁ֖ה בְּנַ֣חַל שׂוֹרֵ֑ק וּשְׁמָ֖הּ דְּלִילָֽה
(שופטים 16:4)

И҆ бы́сть по се́мъ, и҆ возлюбѝ женоу̀ [...]
и҆́мѧ же є҆́й далі́да.
(Судей 16:4)

— Эк ты их разнёс! — восхищается Далила. — Тысячу воинов сокрушил! У них мечи и копья, а у тебя в руке только ослиная челюсть! Ты же настоящий герой!

— Ну так, есть маленько, — скромно говорит польщёный Самсон. — Шо там крушить-то было! Пионэры какие-то, эти твои филистимляне-шмилистимляне. Дети.

Потрескивает огонь в очаге, и его отблески подчёркивают рельефные мускулы силача Самсона и тонкие черты лица красавицы Далилы.

— А лев? — продолжает восхищаться Далила. — Ты вышел один на один против льва! Даже без ослиной челюсти, ты голыми руками разодрал ему его страшную пасть!

— Та шо там твой лев, — хорохорится довольный собой Самсон, — просто большой кот, типа нашего Барсика. Хрясь лёве по кумполу и шалом алейхем.

Figure 2: Peter Paul RUBENS. “Samson et Dalila”. Масло, дерево. Антверпен, 1610. Фрагмент. Пергамент подрисован.

Далила кладёт голову на плечо Самсону и гладит своей изящной рукой его богатырскую спину.

Самсон вдруг признаётся:

— Знаешь, Далечка, мне с тобой хорошо. Очень мне хорошо с тобой! Люблю я тебя.

Кажется, Далила сомневается:

— «*Как же говоришь ты: „Люблю тебя“, а сердце твоё не со мною?*»[28].

— Это ты сейчас за шо? — возмущается Самсон. — Де это “сердце моё не с тобою”? Вот оно, моё сэрцэ, бьётся, можешь помацать.

— Не знаю, — задумчиво говорит филистимская красавица, — не я в центре твоих городов.

— “Не я”? — вскипает Самсон. — “Не я?” А хто?? Шо ты говоришь такоэ? Я щас покажу тебе шо-то! Сиди ровно, Даля, и терпи мгновение.

Самсон лезет в сундук, достаёт мятый пергамент и протягивает его Далиле:

— Вот, Далэлэ, почитай, коль не веришь. Об тебе писал. Почитай, пожалуйста!

Удивлённая Далила разворачивает свиток под заголовком “בקר” (“Утро”).

Читает:

[28] Судей 16:15

כמה היא זוהרת ביופייה הטבעי

Яко же дивна и неизреченно прекрасна Она в естестве Своем!

Кротка, истинна. Улыбка Ея утренняя едва знаменует уста Ея. И разметаныя по ложу власы Ея, яко смоль черна, яко сад цветов райских, благоухающий паче всякаго елея. И аще кто внидет в сей сад, не изыдет оттуду: ни силою человеческою, ни промыслом небесным, понеже пленен будет благоуханием и благодатию.

Очи Ея ясные еще сомкнуты, ибо Она едва восстает ото сна в сумраке занавесей; но чует Она близость твою и, в дремоте, глаголет тебе. Внегда же отверзет Она вежды Своя, тогда ослепнеши ты, глупче, совершенно; но ты готов лишитися зрения, аще причина сему — Она.

А глас Ея! Егда поет Она тебе песнь усыпляющую, Сама уже вельми изнемогшая и к покою склоняющаяся, не разумееши ты слов, но яко овен неразумный возносишися ты в сад Эдемский от самого гласа Ея. Не словом усыпляет тя, но гласом. Понеже глас сей — Ея глас.

Она — совершенна меж женами, беспорочна, превыше естества всякаго.

А яко падет мгла на земли Сорекския, то нощию даруется тебе, недостойному, блаженство — созерцати Ея при свете месяца, едва проникающем сквозе оконце в вашу с Нею обитель, клеть счастия. Егда вся Она сокрыта, ты взираеши на очертания Ея, и язык твой прилепляется к гортани твоей [29].

Во грезах Своих разметается Она, и разверзается тебе, псу смердящему, зрелище паче всякаго дива земного: вся Она — во всей первозданней лепоте Своей. Никтоже не зрит сего — ты же зриши, псино. И дыхание твое престает, и мысль угасает, и стоиши ты, яко жена Лотова, яко кумир изомренный. Боле не ведаеши ты времени: мгновение ока ли, час ли прошед есть — не разумееши, ибо время престает. Страшишися даже дыхания своего, да не смутит оно Ея. Помышляеши токмо: “Да не рассеется мгновение сие безначальное!”

И смиренно приближаешися ты, и возлегаеши близ Нея одесную, и со трепетом приемлеши десницу Ея, во сне отверженную — руку хрустальную, дело творения Божественнаго. И возлагаеши длань Ея на лице твое скверное — и возносишися горе. И един помысел в тебе: не отяготит ли Ея брада твоя клочная? И прочих помыслов несть в тебе. Аще волею Божию суждено буде миру обратитися во тартар, во Шеол иудейский, то токмо тогда возгрядет сей конец света, егда длань Ея воспочиет на лице твоем. Иной причины несть.

То нощию. Но чу! — наутрие Она изволит восставати ото сна Своего, и ланиты Ея озаряются светом Божиим. Коснутися Ея — дерзновение, кары достойное; и не подобает тебе смущати сон Ея полуявленный.

---

[29] Видимо, кто-то позаимствовал аллегорию Самсона про язык и гортань в 137-м псалме, стих 6.

Подобает тебе, аспиде, токмо взирати, храня последния мгновения дремоты Ея.

И отверзает Она очи Своя — лучшие в мире Божием, в нихже весь мир заключен. И обращает Она лице Свое к тебе, грешному, и ты тонеши, яко камень, в бездне сей, забыв имя свое и скрижали Завета.

И паки: егда отверзает Она очи Своя, егда воссияют зеницы Ея, яко два солнца, ослепнеши ты, но не отступаеши ты от сего света, понеже ослепление сие желанно тебе.

Благоухает Она, яко цвет Эдемский, аще и не приемлет благовоний. И воистину — почто Ей благовония? Ни сурьма, ни бисеры, ни злато, ни багряницы замысловатыя, ни ризы искусныя не надобны Ей, дабы приукрасила Себя бысть. Почто все сие, егда Она сама и есть само совершенство?!

О Ней — токмо в превосходней степени. Иныя степени к Ней неприложимы, якоже неприложима дерзкая ересь еллинская к закону нашему иудейскому.

За трапезою раннею беседуете вы, и отверзает Она тебе сокровища души Своея. И дивно тебе с Нею! С Нею отверзаются тебе глубины, о нихже прежде не помышлял еси. Ты внимаеши Ей, дивишися тонкости души Ея и глубине рассуждений Ея, и ты, василисче, учишися от Нея премудростям многим. Вожделееши, да глаголет Она и глаголет, и ты, мужлане, да слушаеши и слушаеши Ея без меры, понеже душа Ея столь же прекрасна, яко и лик Ея.

И разумееши ты речи Ея, но не во всяко время достигаеши смысла глаголаннаго, понеже многое от познаний Ея превыше ума твоего скуднаго; и паки потому, яко разум твой обволакивается медом гласа Ея. И притупляется мысль твоя, и не можеши ответствовати на вопрос простой. И ниспадаеши с беседы, токмо взирая на Нея, токмо уловляя всякое движение Ея, всякий взор Ея, яко огнь Божий тебя прожигающий.

Яко же премило держит Она, еще не восставшая от грез, возжаждавшая и взалкавшая, чашу пития Своего горячего! И аще возжелает Она пряностей и злаков, ты абие устремляешися, сокрушая вся на пути, дабы взыскати угодное Ей. Обрадовати Ея — цель твоя. Служити Ей — честь твоя. А иное — да грядет хоть потоп Ноев, хоть геенна огненная — все едино.

И не можеши ты расстатися с Нею, и не в силах еси отпустити Ея. Ибо влечет тебя к Ней: зрити Ея, осязати Ея, вдыхати благоухание Ея — сие есть все, чего волеши. Вне Ея — пустоты безжизненныя: ни година, ни пространство, ни бытие. Законы мироздания умолкают. Все замирает. Или Она — или же все тщетно.

Ошарашенная Далила откладывает пергамент. Долго молчит.

— Что это за творчество, Шимшон? Кто это писал и о ком?

— Почему так — “творчество”?

— Во-первых, это же не ты писал! У кого ты это списал? Кто автор?

— Та хто? — обижается Самсон. — Я и есть той.

— Ты?? — изумляется Далила и заливисто смеётся, обнажая свои белоснежные зубы-жемчужины. — Не смеши. Ты послушай самого себя, уши вянут: ты же изъясняешься на своём иврите, как босяк с ~~Привоза~~ Сорекского рынка.

— Та весь же ж народ Израильский так говорит; от и я говорю, как все наши, — разводит руками Самсон. — А в свитке я старался писать по-книжному, шоб достойно тебя.

— Да ладно, — не верит Далила, — я давно тебя знаю, но ты никогда не был замечен в склонности к лирике и к штилю.

— Это я писал, — глухо говорит Самсон.

— Хорошо, хорошо, но дело совсем не в этом, — говорит Далила, чуть помолчав. — Не в этом. Допускаю, писал, может, и ты, ты же человек грамотный, судья как-никак, Ваша честь Шимшон Маноевич, но... *ты не можешь* такого чувствовать ко мне. В этом пергаменте возвышенные, пронзительные чувства. И как тут описано, так не бывает в жизни.

— Шо ты думаешь, Даля, я только львов рвать способный? Я имею чувств.

— Ну, не в этом дело, — Далила задумчиво смотрит на очаг.

Она снова перечитывает пергамент, не глядя на Самсона.

— Обратно не веришь? — Самсон исподлобья.

— Прости, но не верю.

— Почему, Даля??

Далила теребит локоны своих роскошных волос, задувает догорающую свечу:

— Послушай, Шима... “Послушай сюда”, как вы, евреи, говорите... Вот я читаю, но что я вижу в этом тексте? В нём что — любовь *ко мне?*

— А к кому? — Самсон полностью обескуражен.

— Шима, друг мой... Я сейчас тебе одну умную вещь скажу, но только ты не обижайся.

Самсон напрягается и внимательно слушает Далилу, любуясь ею даже строгой.

— Шима, скажи, твой текст, он обо мне или о тебе?

— Как это? Об тебе он, Даля, об ком же ж? Там сло́ва “я”, то есть “азъ”, нет ни разу.

— Допустим. Но... кто стоит за этими пафосными строками, которым я совсем-совсем, ну ни секундочки не верю? Это ведь не обо мне написано.

— А об ком??

— Шимшон! Шимшо-о-он!! Это ведь написано *о тебе самом!* О тебе, а не обо мне! Ведь кто я на самом деле, скажи?

— Ты — самая лучшая женщина на Земле, — Самсон не говорит, а режет.

— Ну что ты, — горько усмехается Далила, — я ведь самая простая филистимлянка, самая обычная женщина, но “полюбив”, как ты наивно

утверждаешь, меня, ты полюбил ведь не меня, а самого себя, своё новое чувство и себя в этом открывшемся в тебе чувстве. Ты сделал из меня идеал, плод твоего воображения, в который вонзилась твоя эмоциональная молния, которая искала, куда бы разрядиться. Я стала “зеркалом” твоих собственных чувств, и, знаешь, я совсем не хотела этой сомнительной роли, этой ноши. Тебе, Шима, надо было избрать некую цель для твоего нерастраченного мужского потенциала, и этой целью невольно стала я. Твои чувства в этом памфлете — они не ко мне. Я не узнаю себя в твоём высоком иврите.

Самсон ошарашен. Ему и в голову не могло прийти такое прочтение.

Далила продолжает свою мысль:

— Мы познали друг друга волею Дагона, и ты теперь обрушил на меня всё это. А ты *меня* спросил, хочу ли *я* этого?

— На признание в любви разрешения не спрашивают, — хмуро отвечает Самсон.

— А скажи, зачем мне оно, признание? Зачем мне этот твой, как вы, евреи, говорите “гембель”? Что ты хочешь, чтобы я с ним делала? Меня тяготит это, Шимшон! Не радует, а тяготит. Зачем мне этот твой водопад страстей?

— Та не знаю я вже, Даля, — глухо говорит Самсон. — Я теперь, после шо ты говоришь, вообще ничего не знаю. Я просто люблю тебя во всех твоих проявлениях и выражаю это как могу.

— Это всё слова, — морщится Далила. — Ещё раз: в этих строках не я, а твоё эго, любующееся твоими собственными чувствами к некоей выдуманной женщине, пусть даже и я помимо своей воли выступила её прототипом. Не верю я тебе.

Самсон долго молчит, “*и душе его тяжело стало до смерти*”[30]

Потом изрекает глухо:

— Ты, Даля, всегда и во всём оказывалась права, ты ни разу не ошибилась, кроме как среди сейчас. Скажи, Далечка, ты… внимательно читала мой свиток?

Далила кивает. Конечно — она очень умная женщина, наблюдательная и внимательная к деталям. И она безупречна в глазах Самсона, его восхищает в ней всё:

— А если ты внимательно читала, неужели ты, умнейшая из женщин, не увидела в этих строках прямой стрелы от меня к тебе? К тебе!! Не к Лилит, не к Йегудит, не “ко мне”, а *к тебе* — Далиле Сорекской! Даже когда я произношу твоё имя, мне тепло на сэрцэ.

Далила горько усмехается. Самсон продолжает:

— Или ты думаешь себе, шо такие слова мужчина может бросить просто так, походя, ради красного словца?

Далила молчит. Слышен только треск горящих дров и пары свечей. Потом говорит тихо:

— Ты что, Шима, действительно готов бы был ослепнуть ради меня? *Ме-ня??* Это правда?

— Готов, — глухо отвечает Самсон. — Хоть сейчас. Хоть ты и не веришь.

Как в воду глядел! Так ведь вскорости и выйдет: зрячим Самсону остаётся ходить всего несколько часов.

---

[30] Судей 16:16

Далила задумчиво смотрит в сторону, и в её усталых глазах читается тяжесть.

Самсон продолжает:

— Знаешь, Далиша, я скажу чего-то сверху.

— Может, не стоит? — Далила заметно напряжена. — Ты и так сегодня наговорил достаточно.

— Та не, таки скажу — сгорел сарай, гори и хата. Вот если мне сейчас хто-то, Саваоф или Сатана, предложит провести с тобой одной полгода де-то вдали от этого шумного кагала, от этого базар-вокзала, кипежа, от навязанных Израилем обязательств, от пут реальности и суеты людишек с их депешами и пергаментами — в месте, де только ты и я, в никому из людей не известном месте. От предложит и скажет, шо после тех полугода с тобой наедине меня ждала бы смерть, то я бы согласился не раздумывая. Ты посчитаешь, шо это порожняк и патетика — считай, воля твоя, но то *правда*. Остаток своей жизни я променял бы на шесть лун с тобой, де только Ты и Я на всём белом свете. Более я ничего не желаю.

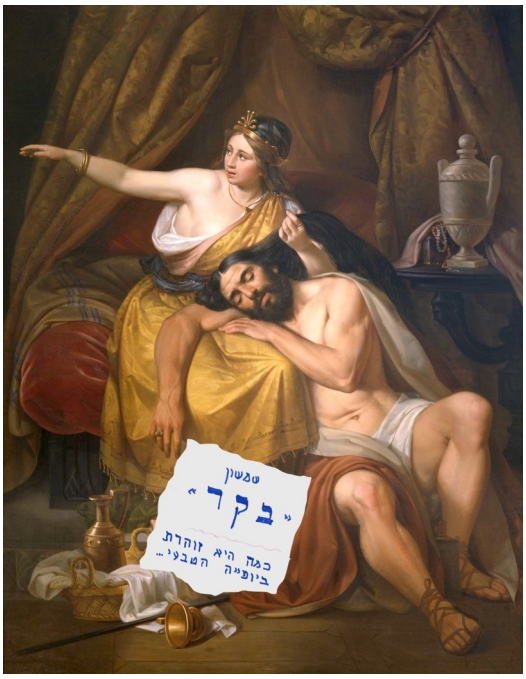


Figure 3: José Salomé PINA, “Sansón y Dalila”. Холст, масло. Мехико, 1851. Пергамент подрисован.

И этими словами Самсон тоже невольно предугадывает собственную судьбу — жить ему осталось совсем недолго. Те же “шесть лун” примерно, но только без Далилы.

Но Далила, судя по её виду, действительно считает это патетикой, и это её, похоже, коробит:

— Шима, будь реалистом. Очнись, Шима! Не мучь меня всем этим! Я простая филистимлянка и...

— Та шо ж такое! — взрывается Самсон, перебивая Далилу. — Ты же умная и мудрая женщина! Открой свои прекрасные бездонные глаза, в которых я всякого разу тону! Та не “простая” ты, не “простая”! Не *“простая“!!* Ты — Лучшая женщина в мире, а я счастливейший из мужей, бо мне посчастило познать тебя.

— Приляг, Шима, приляг, — тихо говорит задумчивая Далила, поглаживая могучие плечи Самсона, — ты устал после подвигов. После поговорим. Отдохни.

— Не серчай на меня, Далиша, — говорит Самсон, — за то, шо я открыл свою душу перед тобой. Я вижу, шо ты в смятении через это, и это делает мне грустно. Я же ж подумал, шо сказать и открыться — это всяко лучше, чем молчать всю жизнь, как упырь и переполняться изнутри, как голубь-дутыш. Прости меня, Далечка, если я сделал тебе нехорошо.

Самсон опустошён. Он обрушивается на прекрасные колени Далилы и засыпает на них.

Далила долго сидит и думает, словно принимая для себя какое-то решение. Потом всматривается в тёмный дверной проём, словно ища в нём кого-то. Взмахивает своей воспетой Самсоном рукой, словно делая кому-то знак.

Дальше будет хуже, сильно хуже, то есть, совсем-совсем плохо.

Но искренний Самсон остался цельным в своём светлом и возвышенном чувстве к прекрасной Далиле, пусть и не вполне принятом и разделённом. И именно за это мы его помним. За **это** мы его помним, а вовсе не за "ослиную челюсть" и не за прочие физкультурные подвиги.

2026-Feb-15

2.5.10 Формула любви

Грустный Вася сидел, подперев голову:

— Надоело одиночество, — глухо выдавил он. — Один да один.

— Шо, не получается никого найти? — сочувственно спросил я.

— Не-а. Как-то мне фатально не везёт. Давно уже должен был бы встретить кого-то, ан нет — пустота на горизонте.

— "Должен"? — изумился я. — Почему это "должен"?

— Должен, конечно. Женщин-то много, а хорошие не попадаются.

— "Много"?!

— Чё ты заладил? Не догоняешь? Конечно, много! 4 миллиарда!

— Ты все 4 миллиарда уже оценил? — поддел я его. — Все женщины Земли шо, выстроились перед тобой в колонну на смотрины?

Вася не ответил.

Я был вынужден огорчить своего гостя:

— Они и не попадутся: вероятность слишком мала. Если ты когда-то встретишь Ту Самую, то ты поймёшь, насколько это было невероятно.

— [Груз] тебе на плечи за такие речи! — возмутился Вася. — Чё ты мелешь? Думай сначала, потом говори. Это почему это?

— Ну, смотри, Вась, — я продолжил мысль, взяв лист бумаги и карандаш. — Ты живёшь в большом городе плюс изредка путешествуешь в мужской компании своих корешков. За всю свою жизнь ты увидишь не больше 7 миллионов людей — это математика. Убери мужиков, несовершеннолетних и сильносовершеннолетних, и у тебя останется от силы 2'000'000 женщин, входящих в твою выборку..

— Два миллиона баб! — обрадовался Вася. — Это дофига!

— Подожди чуток, Вась, а потом скажешь, дофига или где. Давай по порядку. Шо тебе важно в женщине?

— Красота! — мечтательно сказал Вася, и с ним было трудно не согласиться.

— Конечно. Представь себе, шо ты стоишь у турникета метро, через который проходят женщины. Сколько из них, на твой взгляд, красивые?

— Ну, каждая третья, — прикинул Вася.

О, Monsieur всеяден! Изголодался, видимо, мужик.

— Уверен? — осторожно спросил я. — Там будет много разных, *очень* разных. Ты много красивых сегодня видел?

— Сегодня ни одной, — признался Вася.

— А вчера?

— Ну, одну. В переходе. Такая хоп-хоп, идёт себе вся из себя в платьице, каблучками цок-цок. М-м-м-м-м...

— Прекрасная встреча. Ты подошёл к ней, нашёл повод завести разговор? Типа, ты слепой и просишь её довести тебя до туалета? Или: “Где находится Нофелет?” Ты подошёл, попытался?

— Нет, — злобно буркнул Вася, — я не решился к *такой* подойти, она на меня и не взглянула бы.

— Нихто не знает, шо было бы, ты просто сам заранее сдался без боя. Анекдот про Рабиновича с лотерейным билетом знаешь? Пока она, добрая, тебя ведёт к “туалету”, ты заявляешь ей, шо ты внезапно “прозрел” и в порыве радости заключаешь её в свои объятия. Приглашаешь её на кофе в знак своей благодарности за “излечение”. Слёзы радости, телефончики там потом, все дела. Сейчас бы твоя Цок-Цок сидела за этим столом и заглядывала бы в твои “прозревшие” глаза.

— Я ведь прекрасно знал, — процедил Вася, — что разговор с тобой выльется в клоунаду. Каждый раз одно и то же. Точнее, каждый раз разное, но всякий раз идиотизм.

— Мне скучно в одном регистре, Вася, ты же знаешь за меня.

— Лучше бы не знал.

— Ладно, Вэс, теперь без дураков.

— Без дураков ты не умеешь.

— Ша по нарам, Вася! Короче, слушай сюда. Шо имеем: ты за два дня в этом огромном муравейнике встретил всего одну красивую. Так ты уверен, шо каждая третья?

— Каждая сотая, — поправил себя Вася. — Или двухсотая.

— Хорошо, — допустил я, — одна из 150. Дальше. Возраст какой?

— От тридцати до сорока, — сходу заявил Вася, видимо, давно с этим определившийся.

— Расширь диапазон, Вася, расширь! — призвал я товарища. — Ты останешься на бобах со своими жёсткими критериями Сулеймана Великолепного. 45 лет — это шо для тебя, прямо no-go? Откуда такая категоричность уровня Леонардо Ди Каприо? Подумай, Вэс, не ломай себе мечту. Присказку про ягодку слышал? Люди дело говорят.

— Ладно, — великодушно согласился Вася, — сорок пять. Но ни месяцем больше!

— Сорок пять... Ни месяцем... Шо ты городишь, Вася? Ты в свой-то паспорт давно заглядывал? Там есть графа “дата рождения”, если шо. Освежи на минуточку в памяти. Хорошо, принимаем диапазон 30–45, но твоя выборка сузится до полутора миллионов.

— Пофиг! Это офигительно богатая выборка. Дальше давай!

— Изволь. Ум насколько важен тебе?

— Сильно важен! — провозгласил Вася. — Дуру не хочу. Но чтобы она была не шибко уж академик, а то она меня стыдить будет, я ведь читать не люблю.

— Вероятность умной в твоём диапазоне — сколько?

— Ну, — задумался Вася, — одна из четырёх.

Я записал.

Вася почесал затылок:

— Потом ещё вот это важно — чтобы мы думали об одном и том же и хотели бы одного и того же. Чтоб душа в душу.

— Совместимость что ли?

— Да, это. Важный момент!

— Согласен. Но тебя ждёт плохая новость в виде низкой вероятности совпадения.

— Почему?

— “Почему?” Сам смотри. Ты смешно пошутишь “про дерьмо”, а она сочтёт тебя дураком. Она пришлёт тебе ми-ми-ми-мемчик с хомячками в бантиках, а ты сочтёшь дурой её. Ты ешь курицу руками, а её от этого выворачивает. Она разбрасывает по квартире свои вещи, а тебя это бесит.

— Ну, это можно пережить.

— Только если любишь, то можно, потому шо любовь — это джокер, бьющий любую карту. А без любви тебя будет это раздражать. Ты говоришь мне за совместимость? Тогда слушай дальше. И сразу говори мне “нет”, если я назову хотя бы один параметр, который тебе не важен, который не должен у вас совпадать.

— Не томи, валяй! Достал ты меня своей математикой, Пифагор ты чёртов.

— Останавливай меня, если шо. Поехали! ✓ Воспитание, среда, социальный класс. ✓ Культурный код и культурный background. ✓ Либидо, раскованность, открытость; сексуальные темперамент, практики, фантазии и предпочтения. ✓ Образование (не вуз с дипломом, Вася, а именно широта и глубина кругозора). ✓ Ценности и мировоззрение. ✓ Вкус. ✓ Способность коммуницировать, слушать и понимать. ✓ Доброта, эмпатия. ✓ Эмоциональная устойчивость, а не эмоциональная распущенность. ✓ Способность к прощению, великодушие. ✓ Взаимное уважение. ✓ Независимость личности, собственные ориентиры; круг друзей и подруг свой, а не твой. ✓ Стремление к компромиссу. ✓ Творчество. ✓ Темперамент личности. ✓ Личные границы — твои и её. ✓ Равенство в отношениях без подавления одного другим. ✓ Уважение к индивидуальности партнёра, даже если твоя индивидуальность ей кажется дебильной и не "как принято". ✓ Ощущение безопасности и душевного комфорта. ✓ Доброе отношение к твоим детям. ✓ Образ жизни, социальность. ✓ Амбиции в жизни или праздное сибаритство dolce far niente[31]? ✓ Отношение к деньгам, наконец.

Вася молчал, ни разу не сказав “нет”.

— Важно всё это? — уточнил я.

— Очень! — подтвердил испытуемый.

— Тут я тебе больше одного порядка вероятности не дам, — отрезал я. — Если одна из десяти — нет, двадцати! — будет соответствовать всему перечисленному, то, считай, шо ты счастливчик. В 19 случаях из 20 ты

[31] https://kobzar.be/favourites/txt-Dolce_far_niente-by_Holina.html

пролетишь, как фанера. И она пролетит, замутив с тобой. Всё закончится тем, шо кто-то из вас скажет: “Мы слишком разные”. И всё.

— Правильно, согласен! Закладываем одну двадцатую по всей сумме этих параметров. Я со своей поэтому и развёлся, потому что не совпадали мы.

— Знаю я за твою историю, Вася. Но шо это мы всё о тебе да о тебе, ты ж не на базар пришёл корову выбирать — эту хочу, ту не хочу. Теперь давай о ней. Как ты думаешь, какова вероятность того, шо она, твоя-прям-твоя, влюбится в тебя? Знаешь, Вась, для танго ведь нужны двое.

Вася заметно удивился, что согласие другой стороны тоже является условием счастливого союза:

— Ну, наверное, одна из двадцати согласится. Исходя из моего опыта.

Оптимист... Я-то, глядя на Васю, сказал бы, что одна из триллиона, но я не женщина, оценить Васю не могу, поэтому поверим прикидке жениха и оставим сердечный выбор воображаемой Ей. Женщины ведь непредсказуемы, а любовь, как известно, зла. Тем и прекрасна.

Я продолжил дознание:

— Потом, Вась, скажи, тебе шо нужно? Красивая история, где чувства в тонусе? Или же ты хочешь прям капитально, с маршем Мендельсона, “пока смерть не разлучит вас”, с ежесубботними поездками за рассадой и с ежевоскресным закатыванием банок, а потом к тёще на блины к 18:30, годами — готов?

— Готов! — отрезал Вася. — Я жениться хочу! С кольцами!

“O, motivé, — подумал я. — Редкий случай. После своей загубленной “кольцами” мужской жизни он снова хочет погрузиться в “с кольцами” и раздобреть уже навсегда”.

Но сказал я другое:

— Раз тебе нужна не острота чувств, а “стабильность”, то у меня для тебя плохая новость, друг мой.

— Опять плохая? Какая на этот раз?

— Такая, Вася, шо в твоём возрасте ты не можешь рассчитывать на то, шо тебя кто-то полюбит только за то, шо ты Вася — безусловно, слепо и “в омут с головой”. Шо кто-то будет просыпаться посреди ночи рядом с тобой и будет любоваться тобой спящим и храпящим, не говоря уже за другие твои физиологические проявления. Шо кого-то будет прожигать током, когда ты касаешься её. Такая безусловность, скорее, свойственна мужчинам — открой любой поэтический сборник и обрати внимание на пол авторов. А она — женщина, у неё по-другому, и ей не 18, шоб она могла так остро и безоглядно чувствовать. Другие афродизиаки у неё, другие факторы.

— Какие ещё “факторы”? — настороженно спросил кандидат в женихи.

— Твоих избранниц (если теория вероятностей сейчас докажет реальность их появления) будут интересовать в тебе не твои душа и тело, а твой статус, твой вес в обществе, твой счёт в банке вкупе с твоей щедростью, твоя карьера не наёмного работника (которого можно выкинуть одним щелчком, как фантик), а *владельца* бизнеса, твоя презентабельность, твоя возможность защитить, обеспечить и стать той самой “каменной стеной”. Шоб не стыдно было с тобой появиться на людях и танцевать медляк с тобой старым у всех на виду, шоб подруги завидовали “добытчику”, шоб ты был состоявшимся и “достойным”. Не

любимым, нет **— забудь уже за её любовь к себе! —** а “достойным”! Она для тебя может стать кем угодно, а вот ты для неё будешь социальным продуктом с определённой ею ценностью. Не остатки твоей шевелюры зажгут твою женщину, а именно вышеперечисленные факторы будут базой вашего союза переменной степени прочности. Ты хочешь стать той “каменной стеной”?

— Не знаю, — растерялся Вася. — Наверное, хочу, но... недостаточно у меня кирпичей для такой стены.

— Да, Вася, ты прав. При всём глубоком уважении к тебе, немного у тебя шансов при такой должности. Прости.

— Да, всё так и есть, чё ты извиняешься, — признал Вася, тяжело вздохнув. — Это горькая правда. Обжигался я уже на этих "факторах". Мы ведь млекопитающие, а против закона природы не попрёшь: цель самцов — максимизировать количество годных самок, а цель самок — отфильтровать самцов и выбрать из них самого сильного. Мать наша Природа, чтоб её...

— Верно понимаешь, Вася. "Станцевать танго" с ней не так сложно: все ведь мы хотим одного и того же, все ведь мы люди из плоти, притягивающиеся друг к другу инь и ян. Сложны вовсе не сладкие и лёгкие вечер и ночь, а сложен следующий день: "Шо дальше-то, Вася?" Слышал ты уже такое от женщин?

— Да, слышал, чёрт тебя побери! Да! Ты прямо, как ножом, чтоб тебе провалиться! Что ж получается, это... только по расчёту?

— Увы, друг мой. Любви от неё не жди, а жди оценку ею себя. Ты полюбить её за красивые глаза сможешь, а она тебя — крайне маловероятно.

— Я убью тебя сейчас, — хмуро пригрозил Вася.

— Валяй, — я равнодушно кивнул на лежащий на столе нож, — но моя кончина не избавит тебя от сердечных мук.

Вася посмотрел в окно и неожиданно констатировал:

— Да, я млекопитающее! И я должен вести себя как млекопитающее, по законам стаи. А ты,.. — он злобно посмотрел на меня, — ты вообще животное!

— Гав-гав, — пролаял я.

Вася помолчал, крепко задумавшись, и предложил:

— Давай тогда учтём этих требовательных в графе “Ответившие взаимностью” с коэффициентом 1/30.

Я послушно записал. Хозяин барин.

Вася спросил с тревогой в голосе:

— Другие параметры есть у тебя ещё?

— Это не мои, а твои параметры. Главный параметр — любовь, его одного будет достаточно, шоб перевернуть всю партию. Но он неквантифицируемый, в расчёте не присутствует. Он как “чёрный лебедь”. Точнее, розовый.

— Тогда запиши ещё, чтоб незамужняя была, — попросил Вася, словно бы я был Хоттабычем, исполняющим мечты. — Не хочу я вот этого: бракоразводного процесса её, тяжбы за имущество, как у меня с моей было. И драки с покинутым мужем я не хочу. И чтобы без прицепа!

“Заказы” Васи напоминали инструкции официанту по прожарке стейка.

— Любой каприз за ваши деньги, — безучастно сказал я. — Считаем. По статистике разводов, вероятность того, шо незамужем = 0.4. Вероятность, шо без детей = 0.3, по статистике фертильности. Узкие параметры ты задаёшь, Вася! Будем надеяться, шо хотя бы выйдем на целое число. Если выйдем, то, возможно, шо она где-то и есть, твоя единственная. Возможно, даже она эта — твоя вчерашняя Цок-Цок. Сидит сейчас с подружкой и точно так же рисует твой словесный портрет: там и седина твоя в списке пожеланий, и ипотека твоя невыплаченная, и масса твоя за центнер, и вредные привычки, и живот, и эта рубашка, как у Мао в мавзолее.

— Всё? Издевательства закончены? — злобно процедил Вася. — Считай давай, Лейбниц!

— Та это не я, Вася, считаю. Я — лишь зеркало, и неча пенять на него и на меня.

Я взял свой научный калькулятор, потому что обычный не потянул бы такие малые величины:

— Та-дам! Перемножаем коэффициенты!

— Может, не надо перемножать? — испугался Вася. — Мало получится.

— А ты хочешь много? Тогда давай я кинусь головой в сахар и скажу тебе с блаженной улыбкой, шо ты, Вася, ого-го, шо все красавицы мира изнывают от мечты соединиться с тобой. Шо вероятность 100% и выше. Сказать так?

— Не надо, — потухшим голосом сказал Вася. — Считай давай, дьявол. Если я расширю диапазоны, то мне достанется уродка-учёная или стерва-чистюля. А я хочу знать свои реальные шансы.

— Это смело, — похвалил я своего гостя. — Важно управлять своими ожиданиями, какими бы они ни были.

— Стой! — остановил меня Вася. — Ещё раз: что будет означать результат?

— Он покажет, сколько женщин в твоём ареале обитания соответствуют твоим критериям счастья.

— Хорошо, валяй, пророк ты хренов. Ненавижу тебя.

Вася напрягся, а я стал перемножать вероятности, интуитивно предчувствуя недоброе при небольшой выборке и его строгих критериях.

Получилось так:

Красивые: одна из 150	0.0066(6)
Умные (в меру): одна из 4	0.25
Совместимые: одна из 20	0.05
Ответившие взаимностью: одна из 30	0.0333(3)
Не замужем	0.4
Без детей	0.3
Выборка (с учётом диапазона возраста)	1,500,000 женщин
Общий коэффициент вероятности на выборку	$3.33(3) \cdot 10^{-7}$

Вероятность = 0.5 женщин

— Что?? — ужаснулся потенциальный жених. — Меньше одной женщины? Полженщины ты мне нагадал?? Что ты там намалевал, Филиппок?

Он вырвал у меня листок и стал пересчитывать.

Отбросил листок, закономерно придя к тому же результату: полженщины. Долго молчал.

— Вась, не грусти, а то пузо не будет расти, — я утешил товарища. — Не так всё плохо. Увеличь выборку: поезжай туда, где высокая плотность населения: Бомбей, Манила, Джакарта, Токио, Мехико: потолкайся там на базаре, глядишь, и встретишь Ту Самую. Или ослабь свои критерии.

— “Ослабь”? — злобно закричал Вася. — Как я “ослаблю” факт, что красивую я видел только день назад? Как я “ослаблю” то, что меня все посылают?

— Тогда смирись перед статистикой. Встретить Её, свою-свою — это величайшее, редчайшее счастье, почти никому на свете не выпадающее — ты же сам видишь вероятность в минус седьмой степени: 0.33(3) микрошанса у тебя. Поэтому не рассчитывай на счастье, а просто ищи, пробуй, жди и надейся. Надежда умирает последней.

— Как-то неправильно это всё, — пробубнил Вася и начал рассуждать. — Миллиарды хороших мужчин ищут женщин, а те отфыркиваются. Миллиарды хороших женщин ищут мужчин, а в итоге кормят кота и вяжут себе шарфы. Или ещё хуже: живут всю жизнь с каким-то козлом, потому что "хоть такой", "хоть денюжку приносит", "так надо", "всё-таки отец" и "что люди скажут", а это гораздо позорнее, чем с котом, потому что это — гнетущий, тягостный мезальянс длиною в жизнь — *испорченную* жизнь, единственную и неповторимую. Не семья это, а вывеска одна. Живёт такая, как в болоте: оба погрязли в молчанке и во вранье, зато, *****, "не одна"! Какое счастье!

Вася тяжело вздохнул и подытожил:

— Мир несправедливо устроен. Плохая твоя формула.

— Единственно честная. Не нравится — почитай гороскопы, шо там в чём сегодня. Или сходи к бабке-ведунье: есть такие, знаешь, они ведут приём в бане, в полутьме шо-то бормочут, путаясь в падежах, и “помогают найти себя”. Только тебе не “себя” надо искать у бабки — вот он ты сидишь! — а *Её!*

— Её, — машинально повторил Вася.

Я продолжил:

— Вася! Ва-ся!! Ты же свободный мужик! Тебе и врать про "командировку" не придётся! Все карты тебе в руки: оденься поприличнее, выкинь эту поганую рубашку, займись спортом, жри поменьше, сходи в клуб, на дискач. Входишь такой, хоба: взгляд самца, усы убийцы и осанка гордой птицы.

— Ага! Чтобы за двадцать лет обойти весь город и, возможно, встретить перед смертью Полженщины? Спасибо за совет, друг! Таких друзей за нос и в музей.

Я продолжил давать непрошеные советы, терпеливо снося поношения:

— В спа-центр сходи. На йогу — там одни женщины, ты будешь там королём. Или в солярий — хто знает, може, и мужиков в солярий тоже пускают.

— Это тебе хорошо без всякого солярия, — с завистью сказал Вася с цветом кожи RGB 255×3, — ты вон провёл полдня на речке и уже весь чёрный. А я сгораю, я краснею.

— Загар банален, а краснокожесть оригинальна! Приходишь в клуб весь такой красный, как помидор и говоришь, шо ты Чингачгук. В руке бельевая верёвка (типа, лассо), на лбу голубиное перо на скотче, и все женщины твои!

Вася с ненавистью посмотрел на меня. Я налил ему коньяку:

— Вась, ты забыл за главное: за “лебедя”.

— Какого ещё лебедя? — с тоской в голосе спросил он. — Гуся? Опять дурь какая-то?

— “Чёрного лебедя”. Это концепция такая: абсолютно нереалистичное, непредсказуемое событие, которое вдруг происходит и меняет все расчёты. Как железнодорожная стрелка — щёлк! — и всё пошло по неожиданному сценарию.

— Смерть, что ли, называется?

— Любовь называется. Ни с того ни с сего, вопреки всем твоим коэффициентам, ты вдруг влюбляешься в кого-то. Она совсем не соответствует твоим бумажным критериям или даже она их полная противоположность. Но ты вдруг понимаешь, шо ты полюбил её — всю, целиком, интегрально, от альфы до омеги — такую, какая она есть, ни убавить, ни прибавить. И ты со смехом рвёшь эту глупую бумажку с формулой. Тогда Её пошлые хомячки *искренне* кажутся тебе милыми, ты *искренне* лайкаешь их и пишешь Ей: “а рыженький похож на тебя”. Ты с радостью следуешь за перепадами её настроения, потому что это *Её* настроение, а не тёти Моти. Тебе даже кажутся трогательными её “одень пальто” и “иди кушать”, которые тебя раньше бесили. И ты охотно собираешь по квартире её разбросанное бельё, складывая его в аккуратную стопочку: теперь тебя её беспорядок не раздражает, а умиляет.

— Так не бывает, — покачал головой Вася.

— Бывает, Вась, бывает. Не веришь мне, поверь классикам: половина мировой литературы об этом. Почитай Петрарку, “Новую жизнь” Данте (Тринадцатый, Вася, век!), сонеты Шекспира почитай. Мужчины всегда об этом писали, мы совсем не изменились с тех пор. Начни с “Самсона” (§2.5.9), там тоже об этом.

— “Я ўстрэтил Ўас и ўсё былоэ” — это что ли? — криво усмехнулся Вася, сымитировав Папанова.

— В точку, Вася! Абсолютно! Тютчев идеально описал Её Второе пришествие.

— И что?

— И то, шо любовь перебьёт, красиво, элегантно и неожиданно, *любые* эти твои, — я кивнул на листок, — высосанные из пальца “письма Санта Клаусу”. На любви ты взлетишь, а на теории вероятностей — никогда. Ни к одной женщине ты не подъедешь со своими линейкой и штангенциркулем: она сломает их об твою лысеющую бо́шку и будет абсолютно права. Нравились тебе брюнетки — полюбишь блондинку. Нравились застенчивые — полюбишь раскованную. Собачился ты всю жизнь с нелюбимой — а в любимой ты не будешь даже *видеть* её недостатков, и ты будешь прощать ей всё: авансом, безусловно. Лебедь взмахнёт своим чёрным крылом, снесёт твои шахматные фигуры с просчитанными ходами, и ты не узнаешь ни свои прежние “параметры”, ни

самого себя. Весь этот твой “список пожеланий” рассыплется, и ты никогда не вспомнишь за него. А если вспомнишь, то вздрогнешь. Или рассмеёшься тому, каким ты был дураком, выдумывая коэффициенты.

Вася долго собирался с мыслями и вдруг воскликнул:

— Ты ошибаешься! Жестоко ошибаешься! Твой поганый “лебедь” — это фигня из-под коня! Смотри: вот я, как ты говоришь, “полюбил” — ха-ха! — и, допустим, потерял — ха-ха! — голову, но она ведь точно так же отошьёт меня с вероятностью 29/30!!

— Отошьёт, как пить дать, — подтвердил я. — На отшив, на эту не зависящую от тебя стороннюю переменную повлиять нельзя, бо взаимность — огромная редкость, иначе не существовало бы мировой литературы и жалостливых песен. Как она решит, так и будет. Воля *её*. Ты к ней воспылал, а она тебе: “Merci, Basile, au revoir”. Так, скорее всего, и будет, бо $1/30 \ll 29/30$. Ты шо, хочешь стопроцентной вероятности? Обратись тогда в церковь, они там как раз оперируют такими понятиями абсолютности.

— Но ведь в расчётах ошибка! — запротестовал мой собеседник.

— Нет в них никакой ошибки, Вася. Просто если ты выступаешь не как привередливый крестьянин на базаре “хочу — не хочу”, а как *любящий мужчина*, то все твои полунули волшебным образом обращаются Чёрным лебедем в полную единицу. Любовь начисто сносит твои капризные ограничения, и вот тогда твоя вероятность взлетает до небес.

Взбудораженный этой новостью Вася схватил чистый листок и калькулятор. Расчёт был простым:

$$1’500’000 \bullet 1/30 = 50’000.$$

— Пятьдесят тысяч! — радостно закричал брачующийся. — Не полженщины, а 50’000! В сто тысяч раз больше вероятность! Сто тысяч!

Я был рад за товарища:

— Ну! А я за шо? Конечно!! *Теперь*-то ты видишь волшебную силу Лебедя, а проще говоря — любви? Ты только что доказал её существование. Дед бил-бил, не разбил, а Василий сел и доказал. Я выдвину тебя на Нобелевскую премию, но чур — барыши пополам.

Вася был очень счастлив, бубня себе под нос: “Не, ну 50 тысяч! Это ж не полженщины, а вона сколько! Так я и завтра её встретить могу, и сегодня даже. Вон в лифте щас поеду и встречу: “Здрасте, я слепой, отведите меня в туалет”. И дело в шляпе! Ха! Конечно! Совсем же другой коленкор! Сто тыщ разницы!”

Он с трудом поднялся:

— Давай выпьем за любовь! За прекрасных дам! Гусары пьют стоя!

— Давай, — я тоже встал, хоть и не гусар. — Дело хорошее и тост оригинальный.

Вася утёрся рукавом, сел и погрузился в размышления.

Я обновил ему и спросил:

— Шо молчишь, шо не так? Отказываешься от Нобеля в пользу сандинистов?

Задумчивый Вася говорил медленно:

— Ну, смотри. Если я убираю свои пожелания, то тогда получается, что мне может достаться какая-нибудь совсем дурная? Как же я “полюблю”, как ты смешно говоришь, дурную?

— В этом-то и цимес, Вася! *В этом!* Ты не понял принципа, хоть ты и нобелевский лауреат. Любовью нельзя управлять. Если ты *реально* полюбишь, то *Она* будет для тебя самой лучшей, *Она* станет для тебя Стандартом и Пределом мечтаний. Ты будешь драться за неё с её мужем и с её хахалем, ты будешь цитировать её любимые фильмы, ты переймёшь её язык. Петрарка прав, а ты — нет. Забудь ты уже за свои “параметры”, не существует их! “Параметры” и “планку” задаст тебе *Она* — такая, какая она есть. Потому что *с другой* стороны решается это уравнение, панимэ? Да и нет никакого уравнения, по большому счёту.

— Я просто не хочу плохую, — закапризничал хмелеющий с одной рюмки Вася.

— Не хочешь? — вскипел я. — Тогда вот тебе первый листочек, — я ударил по нему кулаком, — вот тебе полженщины, вот тебе твои околонулевые перспективы, вот тебе какава с чаем! Выбирай, взвешивай, ковыряй в носу! Ты ещё добавь туда диаметр зрачков и резус-фактор, и тогда любой калькулятор сломается: делить на ноль нельзя.

Вася снова погрузился в кому. Было очевидно, что технарь и прагматик Вася не вдохновился ни своим “открытием”, ни Чёрным лебедем, ни литературными доказательствами его существования.

Он снова взял в руки первый листок с формулой:

— Как-то жестоко ты меня припечатал этой половиной женщины, — выдавил он. — Эти цифры сейчас убили во мне надежду. Шансов у меня, получается, ноль.

— Это не я, Вася, тебя “припечатал”. Это жизнь.

— Жись, жись... хоть за нос держись, — пробурчал Вася.

— Жди Лебедя, Вася, жди! Только Лебедь тебя спасёт. Он появляется неожиданно. Може, он уже вылетел к тебе. Посмотри в окно.

Вася посмотрел.

Я пододвинул к нему рюмку с душевным лекарством:

— На-ка, братан, выпей. Полегчает. Хотя бы на полчаса.

2026-Aug-10

2.5.11 Полдня на Марсе

— А сразу нельзя?

— Нет, сразу нельзя. Запаситесь терпением, процедура оформления вида на жительство займёт не меньше трёх месяцев. Пока диппочта уйдёт в Брюссель, пока то да сё, — Генеральный консул Бельгии в Москве развёл руками. — ВНЖ быстрее не делается.

Король бельгийцев Альберт Второй строго смотрел на меня с портрета над головой консула, словно подтверждая слова своего сановника. Королева Паола на соседнем портрете тоже была строга и непреклонна.

— В общем, у вас три месяца свободного времени, — подытожил консул. — Насладитесь Россией перед отъездом.

Прекрасный совет. Наслаждение продолжается! Но эти три месяца надо что-то есть, каждый день из этих трёх месяцев. Нужно как-то срубить деньжат — быстро и без обязательств. Мне же только три месяца перекантоваться.

Я вернулся из посольства домой и развернул газету. Хрестоматийное “разгружать вагоны”? Таких объявлений не было. Вариант устроиться грузчиком в ближайший овощной не вариант — там конкурс, как в театральный вуз, да и конкуренты в рыло двинут. За “Гербалайф” в рыло тоже двинут, но уже клиенты, а рыло у меня всё-таки одно, хотелось бы поберечь.

Мои раздумья прервал звонок в дверь. Кого там ещё чёрт принёс?

О! На пороге стоял мой институтский товарищ Матвей Коновалов[32].

— Не ожидал? Ха-ха, здоро́во! Вот кассеты тебе твои завёз, мне всё равно мимо ехать, — радостно воскликнул Матвей, протягивая мне мои старые видеокассеты, — чтобы ты не думал, что дядя Мотя их заиграл.

Дядя Мотя выглядел очень богато, просто ослепительно: цветастая рубашка кислотных цветов, плетёные туфли с острыми носами, широченные слаксы, тёмные очки (почти ровные) и туго набитая борсетка. Деньгами, наверное, набитая, чем же ещё. Наверное, даже долларами. Ещё пару месяцев назад мы с Матвеем сидели на институтской скамье, и он был самым обыкновенным студентом, а тут вдруг такой ослепительный блеск успешного человека.

— Это про тебя Пушкин писал: “Как дэнди лондонский одет”? — спросил я.

— Знай наших! — гордо ответил Матвей. — Я теперь вэн-агент.

— Кто-агент? — я знал похоронного агента и Агента “007”, а такого не знал.

— Van, ну фургон по-английски. Короче, я в дистрибьютерской конторе “Марса” работаю, езжу на вэне и втюхиваю народу шоколадки.

— Автолавка что ли?

— Э, деревня, какая автолавка? Не, у нас целая наука. Не тот менеджмент, которому нас в институте учили, а настоящий, американский. Сам “Марс” не торгует, а Москва поделена на пять секторов, в каждом секторе своя российская фирма-дистрибьютер. Я вот работаю в подмарсовской фирме “Зевс-Трейдинг”,

---

[32] Все (точнее, почти все) имена людей, названия компаний, станций метро и прочие идентифицирующие элементы в этом тексте изменены. Все совпадения с реальностью следует считать случайностью. Компании “Mars” и “Masterfoods” и их сотрудники в этом рассказе не фигурируют — речь идёт только об “околомарсовских” структурах: российских юридических лицах, имевших в 90-е годы соглашения с “Марсом” на распространение продукции. Эти юрлица уже давно не существуют.

Идентифицирующие элементы изменены, но факты не изменяются никогда.

обслуживаем один из пяти секторов. Утром загружаешь свой вэн шоколадками и дуешь втюхивать по точкам: ларьки-палатки, базар-вокзалы, кабаки да аптеки.

— Аптеки-то зачем? “Милки Вэй” к ранам прикладывать?

— Политика фирмы, — не заметил сарказма Матвей. — Все должны продавать нашу продукцию, вообще все — и аптеки, и почта, и поликлиники, и суды. У меня вон в психоневрологическом диспансере знаешь, как покупают?

— Им-то зачем?

— Не знаю. Какая разница? Продал и дальше поехал. В конце каждого дня агентский бонус начисляют, мой процент с моих продаж. Оклад ещё имеется, трудовая. Некондиционными батончиками и просроченным рисом премируют. Я за два месяца вообще хорошо поднялся, упаковался, отъелся.

— Да уж вижу...

Бонус каждый день, быстрые деньги, ещё и просрочка в подарок — это же то, что мне надо!

— Вам там на Марсе подмастерье не нужен? Или, может, тебе — оруженосец или паж? Ну или грузчик хотя бы. Мне бы три месяца перекантоваться, пока ВНЖ оформляют.

— Спрошу в конторе. Вечером позвоню. Всё, побежал.

— Выпей хотя бы “Зуко”. Не дай себе засохнуть.

— Не пей ты эту гадость. На тебе настоящий продукт, — Матвей вынул из заднего кармана штанов и протянул мне неаппетитный, тёплый (теперь уж точно некондиционный) батончик “Марса” в форме полумесяца. — “У меня всегда с собой “Марс”.

Я брезгливо взял подарок и сдержанно поблагодарил.

* * *

Вечером меня ждала хорошая новость — Матвей сообщил, что им нужен не грузчик, а настоящий полноценный равноапостольный вэн-агент! Меня ждут завтра на собеседование.

— Отрекомендовал тебя как чувака, который взорвёт этот рынок, — радостно сказал Матвей. — Про три месяца не сказал, конечно. Но ведь кто знает, может, тебе на Марсе понравится, Россию-матушку полюбишь, втянешься, так ты и в Бельгию не поедешь? На фига тебе этот бельгийский университет?

Я тактично промолчал.

— Мэтт, а вэн-то хоть приличный?

— “Мерседес Фантастйк”, — гордо ответил Матвей.

— Не знаю такого.

— Новая модель. Хотели заказать партию американских траков, раскрашенных в цвета шоколадных батончиков, но пока с таможней не договорились. Там беспредел, сам понимаешь.

Первый блин

Наутро я разыскал единственный, распечатанный на ещё институтском принтере экземпляр резюме на французском языке (другого резюме не было), надел деловой костюм со строгим галстуком и двинул.

Фирма “Зевс-Трейдинг” располагалась в промзоне в миллионе часов ходьбы от метро “Рабочая” — никогда не подумаешь, что в Москве могут быть такие глухие места. Но идти, огибая лужи, было не скучно — всю дорогу меня с воем и скулежом сопровождала свора бродячих собак с гноящимися глазами.

Во дворе орудовал дядя Мотя, занимался машиной:

— Здоров, соискатель!

— Хай, Мэтт. А это твой, хм-м-м, “Мерседес Фантастúк”, как я понимаю? Ты смотри, гады — дизайн прямо с “буханки” слизали!

— Да ладно, чё ты. УАЗ-Четыре-Пять-Два ничем не хуже мировых аналогов. Вот она буханочка, кормилица моя, — Матвей похлопал фургон по заляпанной грязью фаре.

— Она ездит?

— Помоги-ка лучше, — Матвей нырнул головой туда, где педали, — на-ка вот, резиночку подержи.

Педаль сцепления плохо возвращалась, и Матвей сооружал противовес при помощи резинки от трусов, которой у него зачем-то был целый моток.

— Ну всё, как новая, — обрадовался Матвей. — Давай, иди, тебя ждут. Аркадий. Третий кабинет.

Аркадий строго осмотрел меня, внимательно изучил моё резюме (видимо, французский знает), долго смотрел в окно и наконец повернулся ко мне:

— Давай сразу начистоту. Ты чё ваще?

— В смысле?

— Кто тебя подослал?

— Никто не подослал, я сам пришёл. Матвей вам обо мне говорил.

— Матвей сказал, что нормальный пацан придёт. А ты кто такой? Вырядился, резюме какое-то.

— Ну так собеседование же, нет?

— Чё ты мне тут гонишь! За фраера держишь? — взорвался Аркадий. — Думаешь, я не понимаю, что ты на моё место метишь? Завалить меня хочешь?

— Да господь с вами, Аркадий! Где вы, а где я. Мне б вэн-агентом! Мечтаю за баранку поскорее сесть рядом с Матвеем и другими официальными лицами.

— Ха-ха-ха! — по-мефистофельски захохотал потенциальный, как поначалу казалось, работодатель. — Порожняк-то мне не гони. Так, всё, расчёт окончен.

Ну окончен, так окончен.

— Да, не фартануло, — сказал мне Матвей во дворе, — но ты тоже хорош: костюм, резюме на французском, культурная речь. Обалдел? Я бы тебя тоже прогнал. Разуй глаза, братишка, вернись на грешную землю. Тут тебе не Бельгия. Тут нужен свой в доску пацан — неброская одежда, взгляд исподлобья, крепкое словцо. Короче, будь как все. Ладно, прорвёмся. Завтра в ДК

“Передовик” будет набор свежего мяса — новеньких с улицы. Приходи. Только без резюме и без глупостей.

Крепкое словцо, говоришь. Ладно, попробуем.

Децимация

ДК “Передовик” кишел жаждущими сладкой жизни — в прямом и переносном смысле. В зале витали нервозность и надежда.

— Говорят, по тыще бакинских в месяц вэн-агентам набегает, — мечтательно сказал какой-то соискатель.

— Не гони, — сразу оборвали его. — Таких зарплат не бывает в принципе, даже у Ельцина.

Наконец, на сцену вышел долгожданный конферансье — представитель какой-то неназванной околомарсовской структуры. Он сурово и пристально, как Воланд в театре, оглядел мгновенно притихший зал.

— Короче, у кого судимость — без шансов, сразу на выход, — вместо здрасте сказал шоколадный конферансье.

Зал покинула примерно четверть конкурентов. Настроение оставшихся заметно улучшилось.

— А детская комната милиции считается? — хохотнул кто-то.

Конферансье строго посмотрел на остряка:

— Теперь считается. На выход!

— Но я не состоял! Я чисто спросил! Чисто поржать.

— За дверью поржёшь.

— Я не судимый! И приводов не было! Я законопослушный!

— На выход!!

Законопослушный матерясь вышел. Всем остальным стало ясно, что лучше молчать.

— Административка — смотря какая, — снова заговорил конферансье. — В принципе, это, конечно, хреново, но если по молодости мальца накосячили, типа, там, ужрались в общественном месте, то можем и простить. Так, теперь: у кого нет московской прописки — на выход. Без шансов ваще. Подмосковная тоже не прокатит.

Ещё примерно половина зала, ни слова не говоря, покорно покинула зал.

— Водительские права? Если нет категории “В” — на выход.

Снова часть соискателей, собиравшихся ездить по Москве без прав, ушла.

— А ты что здесь делаешь? — обратился конферансье к единственной в зале девушке. — Работа жёсткая, мужская. Баб не берём.

— Я не работать, я со своим молодым человеком пришла.

— Это что тебе, цирк что ли? Это отбор в компанию, сотрудничающую с самим “Марсом”, то есть практически в американскую компанию! А тут ты в платье! С цветочками. За дверью его подождёшь! Ну-ка, ну-ка, секундочку, погоди-ка, это который с тобой?

— Всё, ухожу, ухожу, — сказала девушка выходя и так и не выдала личность своего спутника, чтобы не привлекать к нему внимание рекрутера-самодура.

Оставшиеся заметно обрадовались, что они “не бабы”. Теперь-то уж конец придиркам? Но после top-down фильтрация неожиданно пошла по принципу bottom-up:

— Вот ты и ты — на выход.

— А почему сразу я? — возмутился несчастный с не устроившей рекрутера физиономией.

— На выход.

— Но я не судим! И прописка есть! Бибиревская! По праву рождения! Вот, начальник, паспорт посмо...

— С вещами на выход. Я сказал, — по-жегловски отрезал конферансье.

Остальные вжали голову в плечи и как-то пытаясь исчезнуть, спрятаться за спину впереди стоящих, пока рекрутер продолжал сканировать зал.

— Вам крупно повезло, парни, — вдруг оттаял он. — У вас сегодня появился очень маленький шанс попасть в одну из пяти фирм, которая сотрудничает с лучшей в мире корпорацией — “Марс”. Это не только лучшие в мире шоколадные батончики, а ещё кормá, соусá и рисá. Мы рвём конкурентов: “Кэдбери” и прочих лохов! И сегодня не простой день, а важнейший день в вашей жизни, потому что именно сегодня каждый из вас узнает, кто он — дерьмо или нет.

Интересная постановка вопроса... Уже ради одного этого теста стоило прийти сюда.

— Отбор будет проходить в два этапа. Сначала разговор со мной. Те немногие, кто его пройдут, встают к стене за моей спиной. Не прошедшие — на выход. А теперь — быстро! — выстроились все в колонну по одному. И по очереди бегом поднимаетесь ко мне на сцену. В руке паспорт, открытый на странице с пропиской. Первый пошёл!

Своеобразный рекрутмент... Нечто среднее между уроком физкультуры, военкоматом и прогоном по этапу.

Конферансье сел за стол вполоборота к залу. Картина напоминала Страшный суд, точнее — чистилище. Грешники полубегом поднимались по ступенькам к “апостолу Петру”, и тот решал, кому дальше на Суд, а кому быть сразу низвергнутым в ад вниз по лестнице со сцены.

Возносившихся было мало, почти все низвергались. По мере приближения к сцене до меня доносились реплики конферансье-апостола, и я пытался поймать волну, на которой с ним говорить. Он ничего не записывал, список не вёл, только проверял паспорт — это хорошо. Через час дошла очередь и до меня.

Рекрутер пристально посмотрел на меня:

— Чеченец? — первый вопрос оказался неожиданным, хотя уже и не впервые в жизни услышанным.

— Нет.

— Почему хочешь работать на “Марс”? — апостол взял в руки мой паспорт. — Чисто бабки нужны или ещё чё?

— Ну бабосики-то, натурально, — я мерзко хмыкнул. — Прикинуться нормально, типа, кожан новый надыбать, а то этот пообтерхался. Приподнять бабла, и тогда, глядишь, и тачилу взять. Но главное, я так ваще, чё, вырасти хочу, в люди, типа, выйти.

Я поиграл желваками, словно ища, куда бы сплюнуть сквозь зубы.

— Образование какое?

— Восемь классов, — про университет благоразумнее было умолчать. Это разрушило бы весь пацанский образ.

— После школы чем занимался?

— Да так, тудым-сюдым по мелочи. На кореша батю работал. Потом качалку с пацанами держали, потом шиномонтажку. Почелночил, на рынке поторговал.

— Рынок — это уже тема. Вижу, что с людьми умеешь разговаривать, не упырь. Чё из бизнесóв ушёл?

— Кореш заблатовал, а это не по мне — на хрена мне эти разборы? Не, ну в натуре? — я посмотрел на него исподлобья, как учил Матвей. — Разбежались, кароч. Да и не бизнесá это были, а фуфло. Хочу, типа, настоящего дела.

— Хм-м-м, Орехово... — апостол скептически полистал мой паспорт. — У тебя самого сидит кто?

— Всё ровно.

— Бухаешь?

— Ну, как водится: под футбол, когда наши играют, по праздникам там, на светлую Пасху, на Прощёное воскресенье, на Седьмое ноября и в выходные с пацанами, — я снова мерзко осклабился и задумался, когда пил в последний раз, год или два тому назад.

Футбол я не смотрел никогда, ни секунды, не знаю ни команд, ни правил игры. О православии мне почти ничего не известно. И смысла слова “наши” я тоже никогда не понимал. Но зачем интервьюеру правда? Продолжаем!

— Собеседовался уже в марсовских компаниях? — он всё ещё листал мой паспорт.

— Не, ща впервой, — честно ответил я и не соврал: тот неудачный заход на “Рабочей” был чем угодно, только не собеседованием. — В натуре, начальник.

— Какие ваще проблемы у тя по жизни? Долги там или другие напряги?

— Ну, типа, есть один напряг...

— ???

— Я английского совсем не знаю. Даже буквы ихние с нашими путаю.

— Не парься, — благосклонно ответил шоколадный апостол, — таким, как ты английский никогда не пригодится. В[****]калывать готов?

— Базара ноль.

— Ладно, иди вставай к стенке.

Неужели сработало? Спасибо, Матвей, за правильную установку! Сохраняя конкретный пацанский вид, я вразвалку, как бы нехотя, подошёл к стене и, широко расставив ноги, стал рядом к немногими, прошедшими чистилище. Теперь биться придётся с ними.

Когда последний несчастный вышел за дверь, апостол скомандовал стоящим: “Все за мной”. Мы поднялись на второй этаж, где был кабинет, в котором должен был пройти следующий отборочный тур. Апостол-конферансье просунулся в дверь и буркнул:

— На вот, Виталич, человеческий материал тебе для опытов. А я всё, я на базу.

И ушёл. На нас, “человеческий материал”, он даже не посмотрел.

Добрый следователь

— Вежливый, сволочь, — процедил вышедший из кабинета соискатель. Судя по всему, отверженный.

И действительно, Виталич был полной противоположностью своему коллеге. Не глумился, обращался на вы. Я рассказал про только что полученный диплом управленца, про желание применить в крупной западной компании полученные знания. Он выслушал, рассказал о принятой в “Марсе” системе продаж — “Пиопме” (Preparation-Introduction-Outlook-Presentation-Merchandising-Admin). Мы обсудили “Пиопму” в контексте других маркетинговых моделей по Котлеру и методы её применения в российских реалиях. Вежливо, культурно, спокойно.

И вдруг:

— Ну-ка, продайте-ка мне сейчас эту ручку по “Пиопме”.

— Ручку? Ну ручка у вас уже, я вижу, есть. Я вам продам кое-что получше, — я достал из кармана “Твикс”. После двух лет в американской консалтинговой компании я знал все эти HR-приёмчики лучше его самого: продай мне то-то, убеди меня в том-то, пока мы едем в лифте и пр.

— Ну и зачем мне ваша шоколадка? — абсолютно справедливо удивился Виталич.

— Это не шоколадка, это... волшебная палочка. Вы же знаете “Твикс”?

Профессиональный продавец “Твикса” посмотрел на меня, как на идиота.

— И вы знаете, — невозмутимо продолжил я, — что в нём не один, а два батончика. Мало того, что “Твикс” очень вкусный и питательный, он ещё и волшебный.

Взгляд интервьюера стал ещё более сострадательный.

— Вот едете вы в метро, — как ни в чём не бывало продолжил я, — хотя вы-то, конечно, на “Мерседесе” передвигаетесь. В сервисе ваш шестисотый. Ну вот, вагон опустел, а рядом с вами — о! — оказывается, едет красивая девушка. Как с ней заговорить? Как? Какой повод, Виталий? Никакого!! Спросить, который час глупо, у вас вот дорогие часы на руке. Погоду тоже не обсудишь, в метро темно. Пролить на неё кофе? Нет в метро кофе. Но тут вы как бы невзначай достаёте мой волшебный, подчёркиваю, “Твикс”, медленно разворачиваете его, откусываете один батончик, а второй предлагаете ей: “Хотите? Мне почему-то кажется, что вы тоже проголодались”. Налицо спонтанный коммуникационный повод при полной непринуждённости ситуации! Удивлённая, она широко раскрывает свои красивые глаза, улыбается вам...

Виталич внимательно слушал. Я понял, что можно продолжать импровизировать:

— Она всё-таки немного сомневается, но вы-то знаете, что у вас в руках волшебная палочка, и поэтому вы не отступаетесь: “Не бойтесь, угощайтесь, это хороший шоколад, ~~без клофелина~~. Я сам в “Марсе” работаю, знаю, о чём говорю”. — “Ах, в самом “Марсе”, — удивляется она, — как интересно!” Конечно, ей интересно! Такой большой человек заговорил с ней! Она ещё секунду сомневается и... и... и берёт, своей изящной ручкой без кольца на безымянном пальце берёт ваш второй “Твикс”! Всё, Виталий, всё! Волшебство сработало! И тут вы с ней уже и о погоде говорите, и обо всём на свете. И, может быть, ваша жизнь изменится с этой минуты. Поделится на до и после. Навсегда запомните этот поворотный момент, вместе с ней потом вспоминать его будете. Ваши с ней внуки будут просить: “Деда Виталя, а расскажи ещё раз, как ты с бабушкой познакомился”. И всё это благодаря чему? А вот благодаря этому простому только на вид шоколадному батончику. Волшебный последний у меня остался, а те, что у вас, не волшебные. Готов продать вам его по сходной цене.

Интервьюер расхохотался:

— Ну ты сказочник, Оле-Лукойе! Убедил прям, реально. Хотя и вообще не по “Пиопме” ни разу. Никогда такого не слышал на интервью, прям удивил! Кстати, мы марсовцы все на ты.

— Марсовцы?

— Ты принят.

Ничего себе! Так просто! И сюжет-то банальный, на поверхности лежал.

— Ну а шоколадку-то купишь? — без особой надежды спросил я. — Четыре тысячи рублей. Тебе со скидкой.

— Да, давай её сюда, — Виталич забрал мой “Твикс”, но денег не дал. — Так-так, дай-ка подумаю, на какую фирму тебя поставить... Сюда двое нужны, сюда один... Давай-ка пойдёшь в “Зевс-Трейдинг”, метро “Рабочая”.

Ну всё, приехали... Стоило затеваться... Матвеевский начальник меня убьёт: “Просочился-таки, — скажет, — подонок”. И скормит бродячим псам. Ни венка, ни могилки.

— Хотя нет, — вдруг передумал мой новый коллега, — давай-ка я определю тебя в “Нику” на “Лесную”. Там районы лучше, перспективы шире, заработаешь больше. И ребята хорошие. Одно место как раз освободилось.

Yes!! Есть бог на свете!

Пока ехал домой, прокручивал в голове свои перевоплощения. О! кстати... что теперь получается, что я “не дерьмо”? Ну что ж, это неплохая новость. Ещё и “не упырь”... Вдвойне приятно.

Новая жизнь, новое имя

Несмотря на ранний час, в околомарсовской фирме “Ника” на “Лесной” кипела жизнь.

— А, так это ты новенький. Хорошо. Сейчас у нас техосмотр, потом тобой займусь, — бросил на ходу мой новый начальник по имени Олег, деловой парнишка лет тридцати пяти.

Во внутреннем дворе фирмы выстроились “мерседесы фантастик” с открытыми дверями. Техосмотр заключался в том, что толстый майор милиции переходил

от одной полуубитой “буханки” к другой, бил ногой по колесу и проверял, есть ли внутри огнетушитель. Проблема заключалась в том, что огнетушитель был всего один на сорок машин. Мне поручили незаметно перекладывать огнетушитель из машины в машину по мере продвижения майора, пока другие сотрудники задерживали его разными глупыми вопросами.

Скоро я спалился, майор заметил неладное:

— Ты чё тут шныряешь с огнетушителем?

Я не успел сообразить, что бы соврать и просто глупо улыбался.

— Ладно, короче, — на десятой машине майору надоело бить по колёсам, — автопарк у вас ничего, но недостатки всё-таки имеются. Уж не знаю, не знаю, как нам с вами быть...

— Может, пройдём, товарищ майор, ко мне в кабинет и обсудим сложившееся положение и способы выхода из него? — предложил Олег.

Майора уговаривать не пришлось. Через минуту они с Олегом вышли на улицу, оба очень довольные.

— Мигуля, Бублик, чё копошитесь? Живее! — Олег поторопил моих новых коллег, вдвоём пытавшихся перетолкнуть с палеты в милицейский “бобик” гигантский, ещё в роттердамской портовой упаковке куб “Сникерсов” размером с Каабу. — Пончик, чё раззявился, помоги!

Странные тут у них прозвища, как в Цветочном городе. Интересно, какое присвоят мне? Наверное, Незнайка.

— Ну всё, с плеч долой, — выдохнул Олег, когда гружёный “бобик” с мигалкой покинул территорию, — одним гемором меньше.

— Так, короче, вот наш новый вэн-агент вместо Клеща, — обратился Олег к моим новым коллегам. — Я с ним сейчас поеду по клещовскому маршруту, в обед вернусь. А вы чего застыли? Грузитесь, и в пампасы!

Вэн-агенты забегали, как муравьи. Олег объяснял мне смысл их действий — получение товара, накладная, путевой лист, подписи, учёт и контроль.

— За воровство мы убиваем, — буднично сообщил Олег. — Одного батончика не досчитаемся, и — чик! — и ты уже на небесах.

— Жёстко. Но я и не собирался воровать.

— Я это понимаю, — улыбнулся Олег, — я ж людей насквозь вижу. Ты Виталичу кто будешь: брат, сват?

— Никто. Познакомился с ним на собеседовании.

— Странно, а то уж больно он тебя расхваливал.

— Это, наверное, ему понравилось, как я “Пиопму” усвоил.

— Ладно. Короче, вот здесь сортир, вот здесь телефон, вот здесь аптечный шкаф с утра поправляться.

— Что?

— Ну “Алка-Зельцером”, когда ты с бодуна. Вон его сколько. Пьяным за руль не вздумай, за это мы уроем на месте.

— Хорошее дело, — я понимающе кивнул. — Забота о сотрудниках.

— Скорее, суровая необходимость, — поправил Олег.

“Эй, Вместо Клеща, дай пройти, — сновали мои новые коллеги к коробками, — не мешай рабочему процессу”. Кто-то вёз товар на тележке, кто-то пёр его на руках, кто-то ругался, что “Uncle Ben’s” сегодня не с теми вкусами, что надо, кто-то пересчитывал в столбик суммы из накладной. “Калькулятор нужен? Держи.” — предложил я считавшему. “Эй, братва, у Вместо Клеща калькулятор есть!” — радостно закричал он. На мой калькулятор слетелись вэн-агенты, и я заработал первые (и последние) очки в их глазах.

— Олег, а куда Клещ делся? — задал я тревоживший меня вопрос. Я ходил в одну школу с братьями Клещенко, но их имена гремели на всю страну совсем в другом контексте. Вряд ли здешний Клещ — это кто-то из них, уж вэн-агентами они точно не были. Тем более, что их, кажется, уже обоих убили.

Олег на вопрос не ответил.

— Ой, а кто это у нас тут такой молоденький? Кто такой, почему не знаю? — игриво поприветствовала меня начальница отдела кадров, кокетливая дама лет тридцати в пляжной обуви и едва ли не в пляжном наряде, к которой мы с Олегом зашли оформлять мне трудовую книжку.

Хм-м-м, специфический в “Нике” корпоративный дресс-код... Хотя остальные-то сотрудники, вроде, все одеты — и Олег, и охранники, и вэн-агенты.

— Вместо Клеща, — представил меня Олег.

Вот, кажется, и имя мне определилось.

— Что же ты, Олежа, нехороший мальчик, такое сокровище от меня скрывал? — обиженно надув губки, спросила начальница кадров, глядя при этом не на Олега, а на меня.

— Да вот оно, смотри на здоровье, — устало ответил Олег, махнув рукой в мою сторону.

Я протянул экстравагантной эйч-ар-начальнице паспорт. Она намеренно коснулась моей руки, хотя браться надо было за паспорт, а не за руку.

— Ты со Светланой поосторожнее, — доверительно сообщил Олег, когда мы вышли из её кабинета. — Как мужик мужику тебе говорю. Видал, как вскинулась, аж преобразилась. Атомная бомба, а не баба. Ты ближе одного метра к ней не подходи: или она тебя живым схавает, или Мигуля тебе за неё башку проломит.

— Я смотрю, сложно тут у вас выжить: “проломит”, “уроем”, “убиваем”, — мрачно заметил я.

— Будешь знать, где мины — выживешь. Вообще, жизнь — это вечный слалом среди мин, ты едешь, пока на мине не подорвёшься или в дерево не в******ся [врежешься]. — Олег оказался философом и даже немного поэтом. — Так, короче, грузимся и погнали. Машину грузи на одну четверть, всё равно у тебя никто ничего особо не купит в первый день.

Кладовщик, щедро отпускавший мне товар, оказался любезным и разговорчивым:

— Анкл Бенс, — представился он.

— Билли Бонс, — ответил я.

— Как-как?

— Вместо Клеща.

— А, ясно.

Слово за слово с Анкл Бенсом — получилось так, что я почти под завязку загрузил машину коробками с шоколадками, “корма́ми, соуса́ми и риса́ми”. Сел за руль.

— Делать тебе ***** [нечего]? — спросил Олег, сев рядом и оглянувшись на полный салон, — ** *** [Зачем] ты столько набрал? Тебе же потом вечером разгружать обратно нераспроданное, в машине товар нельзя на ночь оставлять.

— Ну ладно, разомнусь. Производственная гимнастика.

— И это, ты помни — за товар и за выручку головой отвечаешь, усёк?

— Как не усечь. Олег, а с Клещом что стало? — снова поинтересовался я.

Олег промолчал.

Клещова “буханка” оказалась в неплохом состоянии: завелась с пятого раза, почти все передачи включались, почти всякий раз. Гораздо лучше, чем матвеевский “Фантастик” — даже резинку от трусов не надо прилаживать. Мне снова повезло.

— Ну, погнали, — благословил Олег. — В пампасы!

В ПАМПАСАХ

В дороге Олег обрисовал мне план работы на день. В первые пару точек мы пойдём с ним вместе, а дальше он оставит меня одного работать по “Пиопме”.

— Клиенты все разные, к каждому свой подход нужно найти, — объяснял мне Олег. — Те, кто под ментами, могут ******* [обмануть] на раз. Те, кто под бандитами, будут брать тебя на понты: предлагать расплатиться позже и говорить, что всегда так делали. Не верь, это разводка, они никогда не расплатятся, а по таким пустякам крышу подключать мы не будем. Кавказцы наш товар вообще плохо берут, смотрят на нас волком, никогда не продашь им ни[чего], они только своё у своих покупают. Совсем мелкие точки тоже потеря времени.

— Олег, а что с Клещом-то стало? Где он?

— Стоп, машина. Приехали.

Место оказалось хлебное — огромная площадь у метро “Лесная”, сплошь заставленная палатками, киосками и хаотичными развалами под открытым небом.

На площади и вокруг неё бурлила жизнь: сновали торговцы, напёрсточники, гадалки, нищие, проповедники, продавцы котят, разносчики пирожков, покупатели и совсем не похожие на покупателей личности в спортивных костюмах “a♭ibas”.

По горячему летнему асфальту процокали коваными ботинками фашиствующие молодчики-баркашовцы из РНЕ в портупеях и чёрных рубашках с бело-красными свастиками на рукавах — раздавали агитки. Пробежала свора бродячих собак. Прошествовал поп. Прошли “казаки” в самодельной военизированной форме с самодельными регалиями. На тележке из подшипников проехал безногий сильно пенсионного возраста, демонстрирующий прохожим свои лет эдак сорок тому назад зарубцевавшиеся

раны и громко представлявшийся “дважды героем Чеченской войны”, которая шла в РФ уже полгода — без малейшего интереса москвичей к войне на территории своей страны и, соответственно, к её участнику. Даже если допустить, что он действительно им был.веселуха

Пенсионеры вздыхали, применяясь к ценам. Продавцы одежды прикладывали к стоящим на картонке покупательницам платья и громко восхищались новым видом покупательниц вне зависимости от своего реального эстетического впечатления. Подростки отжимали мелочь у мелюзги, колеблющейся между жвачками “Турбо” и “Love is”. Женщины крепко прижимали к себе сумочки, мужчины — борсетки и вынутые из своих машин магнитолы. Родители крепко держали за руку детей.

От лотков с кассетами доносился “Настоящий полковник”, от гитариста-одиночки — “Афганистан” и что-то про тюрьму, а от импровизированного мангала — запах шашлыков из неафишируемых ингредиентов. “Мальчики, девочки, кто джинсы забыл купить?” — летел по рынку риторический вопрос. “Не-е проходим, а подходим! Вы-ы-бираем-покупаем!” — нараспев пытались их перекричать с соседнего лотка.

В общем, живенько так. Фактурно.

> Не столько живенько, сколько просто живо. В отличие от Москвы начала 2020-х — стерильной, выхолощенной, лишённой своего колорита и энергии, насквозь просматриваемой видеокамерами, несомненно более чистой, удобной и “похорошевшей” фасадами, огоньками и газонами, но при этом чужой и казённой, больше похожей не на живой город, а на идеально прибранную казарму — Москва 1995-го года была живым городом с живыми людьми: с шалманом 24/7 у любой станции метро, где тебя и накормят, и напоят, и оденут, и разденут, с коробейниками, ходившими по квартирам и офисам, с вездесущими бомбилами, со стихийными, никем не регулируемыми собраниями абсолютно любого толка, с “маршами пустых кастрюль”, с бесчисленными ларьками, толкучками и арбузными развалами, с торговцами с ящиков, с бродячими музыкантами и художниками, с повсеместной рекламой в т.ч. алкоголя и табака и с живыми людьми, смотрящими не в мобильное приложение, а друг на друга. А главное — с людьми не молчащими, а говорившими, смеявшимися, возмущавшимися, ругавшимися — с людьми, у которых были эмоции, и они их... выражали.
>
> Москва 1995-го года была городом бедным и плохо организованным, но при этом свободным и безбашенным, она была городом без тормозов и без запретов — городом, в котором можно было всё найти, всё потерять и снова найти. Москва 1995-го года была городом, в котором *было* чем дышать.

Мы стояли у самого входа в метро, Олег объяснял мне тактику продаж и очерчивал границы моей зоны, чтобы, не дай бог, не заступить на поляну другого вэн-агента, “а то он тебе ноги вырвет”. К угрозам физической расправы я уже, впрочем, привык. Пока мы стояли, нам уже успели предложить: выпить, погадать, пожертвовать “на храм”, “культурно отдохнуть”, “впустить Иисуса Христа в своё сердце”, купить “Гербалайф” и тайм-шер на несуществующую виллу. Фашист-баркашовец смерил нас по очереди оценивающим взглядом и молча вручил Олегу листовку с приглашением вступить в военно-патриотический клуб. Мне — почему-то нет.

— О, товарищ, как правильно обращаться? Боец! Зажигалки не будет? — спросил у фашиста Олег.

Фашист угостил Олега огоньком. Мерзкая свастика оказалась прямо перед моим носом. Я и так её вижу в троллейбусе каждый день, когда проезжаю мимо Терлецкого лесопарка — у баркашовцев там тренировочная база, и их там, как муравьёв в муравейнике.

— Давай, готовься, твой выход, — смачно затянувшись сигаретой, сказал мне Олег у мини-стекляшки у самого входа в метро. — Начнём вот с этих ребят, они реально самые лучшие.

Самые лучшие

“Р” в “Пиопме” — это Presentation. Я достал из портфеля фирменную папку-презентер, заправился, поправил причёску и принял неестественно жизнерадостный вид.

— Сойдёт, — одобрил Олег.

“I” в “Пиопме” — это Introduction.

— Здравствуйте!! — с лучезарной улыбкой возгласил я с порога стекляшки. — Позвольте представиться: Вместо Клеща!! Я ваш новый представитель фирмы “Ника”, сотрудничающей с фирмой “Марс”! Счастлив работать с вами и счастлив обеспечивать вас самыми лучшими товарами фирмы “Марс”!

— Цены снизьте вполовину, тогда и мы будем счастливы, — буркнул угрюмый владелец стекляшки.

Так, что там дальше по матчасти? “О” в “Пиопме” — это Outlook Check — надо осмотреть торговое помещение, убедиться, что товар правильно разложен. И я бросился зарабатывать очки в глазах следившего за моими действиями начальника:

— Уважаемый владелец, я провёл осмотр магазина и обращаю ваше внимание. Я вижу, что наш дисплей [этажерка с батончиками] у вас неправильно заполнен. Здесь должны рядком лежать наши шоколадки соответственно их наименованиям, а у вас на марсовском дисплее выложен вражеский “Nuts”, сигареты под лэйблом “Twix” и презервативы под лэйблом “Bounty”. Непорядок.

— Олег, слушай, кого ты привёл? — взорвался владелец стекляшки. — Что это за клоун? Может, втащить ему в пятачину, чтоб он заткнулся?

— Новенький, — снисходительно сказал Олег. — Я сам так начинал, если помнишь.

— Ты, Олег, таким не был. Ты был нормальным. А этот совсем уже конченый дебил.

— Почему же дебил? — я не согласился с диагнозом. — Недосмотр ваш, а я дебил? Раскладывать товар нужно по “Пиопме”, а не абы как. Наша продукция должна стоять перед воблой, перед семечками, а не позади всего. Давайте я вам сейчас помогу.

— Не тронь товар! — зарычал злой хозяин. — Олег, я точно сломаю ему сейчас шнобель!

— Хорошо, хорошо, — отступил я. — Не надо шнобель. Но всё-таки, ещё момент... флажков наших фирменных у вас, я вижу, нет.

— Только флажков, *****, нам не хватало для полного счастья, — процедил владелец стекляшки, с трудом сдерживаясь, чтобы не наброситься на меня.

— Но так положено...

— На “положено” *** [безразличие] наложено, — заорал хозяин. — Олег, ну что это за урод? Кого ты набираешь?

Олег вышел на первый план, спас меня: наспех продал нарушителю “Пиопмы” пару блоков шоколадок и вывел меня на улицу:

— Непростой контингент, как ты видишь. Не понимают “Пиопму”, да и вообще дикие. В общем, короче, фронт работ у тебя есть, суть ты уловил, так что давай дальше сам, постарайся продать что-нибудь, а я пойду по своим делам, мне тут надо кое-кого кое-зачем навестить. Встреча вот здесь в 12:00.

И я остался один на один с загруженной машиной, фронтом работ и неработающей “Пиопмой”. Которую надо было радикально пересматривать.

Непростой контингент

Первый магазинчик держали какие-то быки: то ли подбандитские, то ли подмилицейские, не поймёшь. И не спросишь.

— Давай, топай отсюда, — беззлобно сказал мне продавец в сетчатой майке-алкоголичке и шлёпанцах. — Два блока возьмём под закусь синякам, а больше нам без мазы.

— Ну что ж, воля ваша. Хорошую возможность упускаете.

— Какую ещё, *****, возможность? — недоверчиво спросил бык.

— Заработать.

— Чё?

— Деревянный скоро дуба даст.

— Чё?

— ~~Через плечо!~~ Рубль, говорю, сильно переоценён на международных рынках. Не ровен час обвалится, монетарная масса барахлит на поворотах. Мишель Камдессю выступал на закрытом заседании, так прямо и указал. Для узкого круга посвящённых.

— А ты-то откуда это знаешь? — в дверях нарисовался и преградил мне выход какой-то второй бык, тоже в майке-алкоголичке, но ещё и с православным крестом крупнее, чем у Ридигера на практически корабельной золотой цепи. Старший, наверное.

— Докатилось, — небрежно бросил я. — Деверь в МВФ работает, шепнул по-свойски. Советует вложиться в реальные активы, пока не поздно.

— В активы? Типа чего? — быки заинтересовались.

— Ну, типа недвижимости. Компьютеров. Баксов. Дойчмарок. Или чего-то самого обычного, хотя бы... — я изобразил замешательство, — хотя бы и типа вот — шоколадных батончиков. Чем не реальный актив? “Марс” — он и в кризис “Марс” — постоянная величина получше доллара. Вечная ценность. Все хотят их жрать и шмар своих угощать. Создадите товарный запас по сегодняшним

низким ценам, а когда рубль обвалится, продадите эти батончики втридорога. Озолотитесь, в натуре.

— А если не озолотимся? А то ведь, как говорится, любишь ******* [болтать], люби и, кхе-кхе, в лес в разных пакетах уезжать.

— Тогда через четыре месяца я сюда к вам приду, и вы мне предъявите. Отвечу вам по всем мастям и раскладам.

Ха! Через три месяца я буду есть хрустящие вафли с льежским сиропом в уютной Бельгии, и предъявлять вы будете друг другу. Или Мишелю Камдессю.

— Бесстрашный? — усмехнулся бык-начальник. — За базар-то отвечаешь, фраерок?

— Нож в печень, никто не вечен. Зуб даю.

— Зуб? — весело засмеялся первый бык, у которого у самого не все были на месте. Тоже, видимо, делал неверные макроэкономические прогнозы. — Да мы все до одного у тебя заберём, вместе с головой.

Кто бы сомневался...

— Сам-то ты под кем ходишь? — спросили меня быки.

— Под фирмой “Ника”. Но самое главное — под Господом Богом, — с максимумом серьёзности сказал я, посмотрев на их кресты.

Первый бык вдруг спросил:

— Сколько годов-то тебе?

— Двадцать три, — честно ответил я.

— Молодой ишшо, — с долей некоторого сочувствия сказал он, — рано тебе в лес ехать. Не пожил ишшо толком.

— А я и не поеду в лес! Не за что мне будет ехать, я ж вам не горбатого леплю, в натуре. Я ж вам как нормальным пацанам тему предлагаю, подписываюсь под ней, а вы мне сразу — “лес, лес”. Я что, берегов не знаю? Уважаемые люди передо мной, всё чётко, официально, я тут перед вами такой чистенький, в клифту корпоративном — реальный же базар, без туфты. Не хотите, не надо, разойдёмся, как люди. Моё дело предложить, ваше — обдумать и постановить.

Меня сверлили взглядами, как рентгеном.

— А ведь пацан дело говорит, — встрял ещё третий бык, в той же униформе, что и первые два, только с крестом поменьше. — Базар-то, по ходу, реальный. Сам он тоже, вроде, реальный. А, Толяныч? Давай! Затаримся, чё. Пусть будет.

— Потом ещё спасибо скажете, — я отгрузил им раз в сорок больше товара, чем они хотели купить, получил деньги и быстренько смылся.

В маленьком магазинчике системы сельпо народу не было.

— Довели страну! — ругался вслух пожилой продавец, подметая пол своего гешефта. — Была великая держава, а стал базар. Вот былó время! При Советском-то Союзе! А, молодой? Правильно говорю? Проходи, что у тебя за папка, что ты там принёс, сникерс-шмикерс? Марс-шмарс?

Я не успел ответить, но продавец не ожидал от меня никакого ответа:

— Жили – не тужили, как сыр в масле жили. Горбач, шакал, какую страну развалил! Мы бы сейчас людьми были, а не вот этим вот всем. И ты бы кем-то был. Человеком бы был — космонавтом или офицером. А? Хотел бы? Че-ло-ве-ком! О-фи-це-ром! В хромовых сапогах! С золотым сиянием на погонах, а?

— М-м-м...

— Ну хотя бы инженером был бы, пользу родине приносил, а не это вот всё. Тебе ведь учиться надо, самолёты строить, космические корабли запускать, а ты тут на рынке ошиваешься, дерьмом торгуешь. Ты посмотри, во что тебя дерьмократы превратили — в торгаша американского!

— Э-э-э...

— Кругом враги! — вдруг резко сменил тему продавец. — Чеченцы оборзели, на нашу родину напали! Кавказ оборзел. Хохлы оборзели. Молдавашки оборзели. Немчура оборзела. Поляки оборзели. Прибалты оборзели. Америкашки твои оборзели. Хорваты оборзели и эти, как их, бошняки — кто это вообще такие? Братья сербы родимые только остались. Тоже, как и мы, в кольце врагов.

— Э-э-э...

— Ты посмотри на себя, в какой ты **** [плохой ситуации]: не учился, поди, нигде — ты же двух слов связать не можешь. О, Серёжа пришёл! Это сын мой. Давай, Серёжа, купим у него собачий корм. Он очень хороший собеседник. Правильные вещи говорит!

О пользе внимания к деталям

У дальнего входа в метро налепились магазины, некоторые даже с тележками — с претензией на супермаркет. Туда я и направился.

— Я много не возьму, — вяло сказала хозяйка магазинчика средней руки, в который я сунулся наугад, — блок “Баунти”, пару блоков “Милки Вэй”, пару “Сникерсов” — всего блоков семь-восемь.

Она сказала по-северному: “сем-восем”, а это, скорее всего, Ленинград или Ленобласть. Я подумал, что можно попробовать разыграть карту землячества:

— Сейчас притащу вам ваши шоколадки. Передохну только секунду, дух переведу. Сложно здесь, в этой их Москве: беготня, суета, ритм сумасшедший.

— А вы сами откуда будете?

Ага, зацепило!

— Из Питера.

— Пра-а-авда?? — мгновенно растаяла хозяйка.

— Ну конечно, правда. Паспорт могу показать. Проделал большой путь от Отта до Выборгской стороны.

— А вы знаете, — загадочным голосом сказала она, — я ведь тоже из Питера!! С Лиговки!

— Пра-а-вда?? — я сделал вид, что сильно удивился. — Земляки! “Когда я в комнате моей // Пишу, читаю без лампады, // И ясны спящие громады // Пустынных улиц, и светла // Адмиралтейская игла”...

— Мандельштам?

— Пушкин. ~~Мандельштам лампадой уже не пользовался~~.

— Ой, слушайте, как же приятно встретить здесь земляка! И как вам в Москве?

— Да так, сложно. Учился здесь, давно здесь живу, но никак не могу приноровиться. Неродное всё. “Большая деревня” — правильно наши говорят. Объём есть, а духа нет. По ночам, знаете, снится Крюков канал и ещё запах — корюшки, а особенно пышечек. Наших, с Желябова. Вкус детства...

— Ой, не травите мне душу, я сейчас запла́чу! Я тоже, знаете, тоскую по нашему прекрасному городу. По людям, по архитектуре, по духу нашему питерскому.

— И не говорите, — вздохнул я. — И зачем мы с вами только уехали? Торговали бы себе на Сенном и горя не знали. Ну что ж, пойду притащу вам ваш заказ. Так сколько вам блоков — восем?

— Знаете, я возьму больше: я поговорила с вами, как воды напилась. Ваш предшественник, как его, Хряк что ли, или Хлыщ, или Хрущ, или Хрящ...

— Клещ.

— Да, Клещ. Он совсем другой был: неотёсанный, некультурный, грубый, глупый, у него я вообще ничего брать не хотела, из принципа. А у вас возьму! Мне всё нужно, на самом деле: и “Педигри” хорошо на рынке идёт, и “Uncle Ben’s”, а особенно соус “Баскез” из рекламы. Я сама его люблю с шавермой. И шоколадки у меня пойдут, раз у соседей идут.

— Так-с, — я достал калькулятор и посчитал щедрый заказ, — получается сорок сем блоков. Нормально?

— Давайте пятьдесят: добавьте ещё кормов и “M&M’s”, его алкаши всё время спрашивают. И вам продажа в первый рабочий день, и мне запас. До свидания! Приходите ещё!

— “В парках и садах липы шелестят // Доброй ночи, родной Ленинград”, — попрощался я с хозяйкой песней из детства.

— Ну прямо — а-а-а-а! — ножом по сердцу, я не могу! Ступайте же!

Следующий магазин был обозначен Олегом как “абсолютно бесперспективный”, но я всё-таки зашёл, что мне.

Сухо велели ждать хозяина в подсобке.

На стене подсобки висела школьная контурная карта с размашисто закрашенными территориями на полконтинента. Похожие очертания я недавно видел на карте Великой Армении в магазине “Армения” на улице Горького. Раз такая карта висит, значит, хозяин вряд ли азербайджанец, грузин или кто-то ещё.

В дверях появился свирепого вида хозяин раз в пять мощнее меня и прорычал: “Что надо??”. К сожалению, на лбу национальность не была написана, но я рискнул пойти ва-банк и вслепую разыграть национальную карту:

— Барев дзез! [= Добрый день!] — я старался говорить с армянским акцентом, представляя себя Фрунзиком Мкртчяном. — Эс инч лав магазин унис! [= Какой хороший у тебя магазин!]

Это была пятая часть от того, что я знал по-армянски.

Хозяин изучающе смотрел на меня и молчал. Я уже начал жалеть о своём рискованном ходе. Не угадал? Похоже, что не угадал. Зря я, наверное, затеял такой экспери...

— Ду ҳай эс! — вдруг расплылся в широкой улыбке доселе грозный хозяин. — Чего ты молчишь, ты не понял? Армянин ты, говорю! Родной язык что ли не знаешь?? Московский что ли?

— Я не армянин, но почти, потому что друг у меня армянин. Ещё в школе он учил меня армянским премудростям, кормил армянской едой, с армянской музыкой познакомил, зарядил армянским духом.

— Ай, какой хороший друг! Так что, — недоверчиво сказал мужик, — тебя в армянском доме принимают?

— Ещё как! Как родного.

— Это значит, что ты хороший человек. Как друга зовут? Откуда он?

— Арам. Из Ахалкалаки.

— Не знаю такого, — огорчился хозяин, словно к нему в магазин должна была стекаться информация обо всех армянах мира.

Хозяин магазина хитро прищурился:

— Хм-м-м... Музыка, говоришь?.. А какую ты знаешь?

— Мало знаю: народные мелодии слушал, дудук, Боку.

— Боря!

— Да, Давидян: “*Скоро выйдет на свободу Хачик, ай мама-джан*“. Ещё танец такой, вот так, — я сделал несколько нелепых и ни разу не армянских па типа брейк-дансера в припадке эпилепсии. — “*Эй, джан, ха-па-ма, Хамов Котов ха-па-ма*“, только у меня так хорошо, как у Арама, не получается.

— О-хо-хо, ты молодец! — искренне обрадовался армянин. — И поёшь, и пляшешь! И движения все наши, правильные.

Он вдруг снова прищурился:

— А скажи-ка, почему ты обратился ко мне по-армянски? Как ты понял, что я армянин?

— Сердцем почуял, — усмехнулся я.

— Это как?

— Шучу я, шучу, уважаемый. Карта вон у вас висит времён Тиграна Великого.

— Сын младший рисовал. Ай, да ты молодец! Ай, какой молодец! Ты, я вижу, и правда армянин! — рассмеялся хозяин. — Ну-ка, садись давай, рассказывай. Стопочку хочешь?

— Хочу, — слукавил я для вежливости, — но не могу: бежать мне надо, я ж на работе. Это вы хозяин,..

— “Ты”, — перебил меня собеседник, годящийся мне в отцы. — Сурен меня звать.

— ...Это ты, Сурен, хозяин, а я-то на дядю работаю. Привёз тебе не ардакноци тухт какой-то [= туалетную бумагу, *арм.*], а очень хорошую продукцию компании “Марс”: корм, рис, шоко...

— Я всё у тебя возьму, — снова перебил меня Сурен.

— Там очень много, уважаемый.

— Я сказал: возьму всё. Понятно? Русский-то ты хотя бы понимаешь? — съязвил Сурен и кликнул на не понятном мне языке какого-то мальца, который и перетащил все многочисленные коробки из “буханки” в гостеприимный армянский магазин. — У меня-то в основном овощи-фрукты, я почти не продавал вашу химию американскую, но давай попробую, как пойдёт. Я как раз хотел попытаться, только ваши продавцы со мной всегда очень плохо говорили — высокомерно, без уважения.

— Высокомерных мы уже уволили, — заверил я Сурена.

И снова задумался, что стало с Клещом.

В мой и так распухший от денег портфель посыпались новые стопки купюр за внезапно проданный товар.

Пока малец перегружал, мы с Суреном поговорили об Арцахе, о 301-м годе и, конечно, о 1915-м. Говорили бы ещё и ещё, было интересно, но настала пора прощаться.

— Так, вот что, — строго сказал Сурен. — Вот что я тебе скажу. Ты, дорогой, приходи к нам послезавтра в районе одиннадцати. Нам сюда хаш подвезут, будем прямо здесь кушать. Ещё наши люди подтянутся. Я тебя вижу в первый раз, но слушай, что дядя Сурен тебе скажет: я тебя приглашаю!! Ты сядешь с нами за один стол и будешь есть хаш с нами. От души!

— Шноракалутюн [= спасибо] тебе большое, Сурен-джан, дорогой, — попрощался я, приложив руку к сердцу, как делают таджики, — постараюсь подгадать. “Я так думаю!” Цетесутюн [= до свидания]!

Мой новый друг Сурен улыбался на максимуме своих анатомических возможностей. Моя рука чуть не треснула от его долгого железного рукопожатия.

На этом мой армянский словарный запас исчерпался почти полностью. Неиспользованными в речи остались только более... *тонкие*, скажем так, слова, которым учил меня Арам, и которые Сурен никак и никогда не смог бы услышать из моих уст в свой адрес.

Ну что, подумал я, неплохо для начала. Я познакомился с разными людьми, с двумя из них приятно пообщался. Я никого не обманул: всё сказанное мною было чистой правдой, за исключением МВФ и “деверя”. Нет у меня никакого деверя. Я даже не знаю, что означает это слово. Что-то деревенское, по-моему.

Начальство довольно

В 12:00 Олег ждал меня на условленном месте. Я запарковался.

— Ну-ка, открой машину, мне нужна коробка “Марсов” на 48.

— А нету, — ответил я и открыл дверь.

— А-а-а-а! — в ужасе закричал Олег, и глаза его потемнели. — Где товар, *****???

— Я пожал плечами:

— Продал.

— Всё продал? Это невозможно! Такой объём в два дня продаётся, а не за одно утро.

— “Пиопма” неожиданно заработала.

— Так... это... пиопма... это... короче... так... Быстро! Деньги, накладные мне показал! Квитанции! Быстро!!!

Я протянул Олегу свой набитый деньгами и квитанциями портфель. Он пересчитал деньги, проверил счета-фактуры, зачем-то полистал мой паспорт, словно в нём должно было быть какое-то объяснение, но удивление не сошло с его лица.

— Ты смотри, до копейки... Ты сожрал что ли всё это? Как? Столько продать нереально.

— Однако, на фирму надо ехать перезагружаться, — деловито сказал я. — Меня ждёт ещё вторая половина рабочего дня, много точек. Люди ждут нашу продукцию. Поторопимся, Олег. Время — деньги.

— Подожди-ка, я позвоню.

Олег отошёл к телефону-автомату; я видел, как он, отчаянно жестикулируя, что-то кому-то рассказывал. Вернулся довольный:

— Рассказал о твоём коммерческом таланте Виталичу. Он тоже ***** [удивился]. Желает тебе успеха. Будет тебе звонить, говорить с тобой хочет.

Ну да, правда, начало хорошее. Если и после обеда много продам, то бонус к вечеру у меня будет ого-го! Йоу, живём!

Приехали

— Подожди секунду, а то он сейчас по всему салону будет кататься, — Олег залез в опустевший салон, пытаясь закрепить огнетушитель. — Заводи уже, я сейчас.

Я сел за руль, поставил тяжёлый портфель в середину, к рычагу передач и приготовился ехать. Внезапно я услышал какой-то странный звук снаружи и понял, что правое, пассажирское зеркало покривилось — видимо, какой-то прохожий задел. “Вот чёрт! Медведь!”, — я вышел, обошёл машину вдоль лобового стекла, поправил зеркало и сразу вернулся за руль. Сейчас Олег пересядет вперёд, и можно будет ехать.

Странно — что-то изменилось в кабине. Но что? Руль был. Рычаг был. Календарик с японкой был. Портфеля не было.

— Олег, кончай шутить, — сказал я продолжавшему бороться с огнетушителем начальнику. — Не смешно.

— Чё? Не понял. Чё смешно?

— Ничего не смешно. Портфель ты взял? — я подумал, что это такой назидательный приём, типа, как Жеглов устроил Шарапову с делом.

— Да ты чего? Где твой портфель?

— Да вот я у тебя хотел спросить. Портфеля нет.

Олег секунду въезжал, а потом уже второй раз за день заорал:

— А-а-а-а!!! Твою дивизию!!! ******** [Украли]!!!

Очень ценное наблюдение...

— Пока ты там возился в кузове, я зеркало пошёл поправлять, — объяснил я. — Сразу после слов “чёрт-медведь”. А пока шёл вдоль лобового, видать, кто-то портфель и стыбзил.

— Да я видел краем глаза отсюда, что кто-то мелькнул впереди на сиденье, так я думал, что это ты.

— Не я.

— Пасли, значит, тебя. Развели, как дешёвку: сбили зеркало, выманили выйти, а метнуться за портфелем — дело секундное. Ну всё, поздравляю тебя, Шарик. Приехали...

Действительно, приехали. Я попал, попал конкретно... Попал и пропал... На дворе 1995 год, всё предельно жёстко. За выручку “головой отвечаю”, меня предупреждали. Возместить ущерб я не смогу, а это означает что: наезд? предъяву? счётчик? утюг на живот? “в лес в разных пакетах”? мгновенную смерть? или мучительную?

> “Вы и убили-с” — предательски крутилась у меня в голове знаменитая фраза. А действительно... Кто был в машине в момент кражи? Олег. Кто знал, что в машине портфель, набитый деньгами? Олег. Чего ему стоило взять портфель? Сделать два шага. Идеальное преступление! Но против этой дерзкой версии было два аргумента. Во-первых, находясь внутри кузова, Олег никак не мог свернуть зеркало снаружи. Сообщник? Который свернул зеркало и быстро забрал у Олега портфель через открытую дверь кузова? Слишком сложно скоординировать. Да я мог и не повестись на искривлённое зеркало, другой бы и не заметил. Вон у Матвея вообще ни одного зеркала нет, и нормально. Во-вторых, если портфель взял Олег без сообщника, то он должен бы был мгновенно куда-то его спрятать внутри машины, а спрятать в пустом салоне примитивной “буханки” невозможно даже спичку. На иллюзиониста Кио Олег похож не был, да и на работающего в бригаде профессионального щипача тоже. Нет, это не Олег.

— Погоди, давай посмотрим снаружи, — предложил шеф. — Может, твой ридикюль вывалился.

Наивное предположение... Мы внимательно изучили плевки и окурки вокруг машины.

— Что у тебя там было, кроме денег?

— Ты же сам видел только что. Денег за полный фургон товара. Паспорт. Права. Штрафной талон. Счета-фактуры. Путевой лист Анкл Бенса. Газета “іностранец”. Журнал “Paris Match” за 1993 год.

Хорошо, подумал я, что мне хватило ума не взять с собой “на Марс” свой загран, а то и моя Бельгия осталась бы здесь на метро “Лесная”.

— Они могли деньги вынуть, а портфель с документами выкинуть, — выдал ещё одно прекрасное в своей наивности предположение Олег. — Пошли пройдёмся, пороешься в помойках.

Заманчивая идея. Но... странно... что ему до моих документов? Я же всё равно не жилец на этом свете после произошедшего — со мной хладнокровно расправятся, как обещали. Ну хорошо, допустим, ну найдём мы паспорт и права, и что — какая им разница, разыскал ли приговорённый перед смертью свой паспорт в помойке или нет? Прошила ли пуля паспорт на расстреле или нет —

какая разница? Но так или иначе, предложение Олега полазить по помойкам было обнадёживающим знаком.

Мы прошлись по окрестным дворам, без особой надежды открывая вонючие контейнеры и отпугивая своим решительным видом бомжей. Представлялось крайне маловероятным, что благородный вор, вынув деньги, вложит в портфель карточку “мерси”, аккуратно положит портфель с документами в контейнер и закроет крышку.

Чуда не случилось. Я приготовился к худшему. Интересно, как они будут меня убивать? Чем? Где? Кто? Сам Олег? Или Светлана? Или поручат какому-нибудь вэн-агенту типа Бублика? Бублик, наверное, не сможет, он добрый. А вот Пончик запросто. Или у них киллер на аутсорсе для таких случаев?

И какова, чёрт побери, судьба Клеща???

— Ну чё, поехали в ментуру, — сказал Олег. — Заяву писать, уголовку по краже открывать. Ты потерпевший, я свидетель от фирмы.

— Подожди, Олег, стой. А убивать меня когда будут — до открытия уголовного дела или после?

— Да чё ты мелешь, никто тебя убивать не будет. Если бы это ты ******* [украл], то тогда, конечно, будь спок, огрёб бы по полной. Но тут-то всё на моих глазах произошло, я-то знаю, что это не ты.

— А материальная ответственность, о которой ты меня предупреждал? Возмещение ущерба? Неизвестно ещё, что хуже — убийство или долговое рабство.

— Хоре базарить, поехали уже, — сказал Олег, — а то менты на обед уйдут. Точнее, я поеду, а то ты теперь бесправный. Давай ключи.

Уж лучше бы меня забраковал конферансье в ДК. А то утром коммерческий триумф, а в обед уже уголовка.

День милиции

В отделении милиции я был во второй раз в жизни. Первый раз был ещё при Советах, когда получал тот самый украденный паспорт в 16 лет. “Береги и не теряй его”, — сказала мне тогда паспортистка. Как в воду глядела.

На стенах висели ещё советские плакаты о профилактике правонарушений типа рукоприкладства и купания в нетрезвом виде, а на стенде “Их разыскивает милиция” красовались фото и фотороботы разных неприятных типов. В обезьяннике томились двое: один лежал на полу без видимых признаков жизни, свернувшись калачиком, а второй стоял у решётки и простирал из неё руки, как на картине Ярошенко “Всюду жизнь”:

— Братан, дай мне чё-нить, — обратился он ко мне с широкой просьбой, — денег или сигарет или пожрать или попить или выпить.

Он хотел от жизни всего.

— Я бы рад, братишка, но меня обворовали, ни копейки нет. Только вот чудом уцелел калькулятор научный. Может, тебе посчитать что-то надо? Возвести в степень или умножить?

— Срок ему, падле, умножь, — проговорил лежавший, который, оказывается, был жив и всё слышал.

“Братишка” ударил лежавшего ногой — с размаху, как футболист по мячу. И сразу после этого я потерял интерес помогать каторжанину.

— А ну, не разговаривать с задержанными! — заорал на меня освободившийся от предыдущего просителя дежурный. — Три шага назад от изолятора! Родственник?

— К счастью, нет.

“Братишка” оскорбился и осыпал меня площадной бранью, размахивая кулаками в мою сторону: “Свидимся ещё, гадёныш!”.

В грязном и вонючем кабинете мы с Олегом объясняли суть дела безразличному лейтенанту, который нас совсем не слушал. Рассказ мы закончили практически хором: “И вот, по очевидному факту кражи, настаиваем на возбуждении уголовного дела”.

— Вы хотите сказать, желаете написать заявление об утрате документов по неосторожности? Это можно. Вот листочек. Ручки нет, ******** [украли].

— Нет, что вы, товарищ милиционер, по факту *кражи*, а не утраты. Кражи! Вы неправильно поняли.

— Это *вы* неправильно поняли, — вкрадчиво поправил меня лейтенант. Вы потеряли портфель, а вам уже какая-то кража мерещится. Может, ещё что-то надумаете? Налёт со взломом или гоп со смыком? Просто внимательнее надо быть.

— Я свидетель! — возмутился Олег. — Это же была кража чистой воды. Практически у нас на глазах.

— Ай, как интересно! У вас на глазах! И что ж вы, два здоровых мужика, не поймали за руку, как выражаетесь, “вора”?

— А разве ловить воров это задача двух мужиков, а не, как выражаются, “милиции”? — возмутился я.

Долгие препирательства ни к чему не привели. Лейтенант пенял мне за “невнимательность”, и стало ясно, что никакого уголовного дела по факту кражи эти люди открывать не собираются. У них были другие цели в жизни.

— Не хотят они себе портить статистику, — сказал Олег в коридоре. — Твой саквояж это ж чистый висяк, а вешать его на себя они не будут.

— То есть, повесят всё на меня? Не они повесят — я имею в виду фирму.

— Да всё, заглохни ты на эту тему. Ничего на тебя не повесят. Я Виталичу уже сообщил, позвонил из дежурки, всё нормально. Иди пиши заяву на восстановление паспорта и прав, ****** [поезжай] сейчас домой и как можно скорее возвращайся в строй. Мы постараемся подключить кого надо, чтобы быстрее тебе восстановили. Ну давай, всё. Я на фирму. Вечером позвоню.

Олег уехал на моей “буханке”. Больше никогда в жизни я его не видел. Возможно, он читает сейчас эти строки, узнав себя, и в этом случае я хочу передать ему привет и большое спасибо за то, что в 1995-м он не включил мне ни счётчик, ни утюг.

Вдруг забрезжил лучик спасения — на лестнице отделения милиции курило знакомое лицо — утренний майор с техосмотра! Как же хорошо, свой человек!

— Здравствуйте, гражданин майор милиции! — радостно поприветствовал я его. — Осмелюсь доложить, меня обокрали!

Майор посмотрел на меня как на то, чем я должен был бы оказаться, если бы меня не отобрали в ДК.

— Вы меня не узнаёте, гражданин майор? Виделись же в “Нике” утром, на техосмотре. Я улыбался вам с огнетушителем. Вы ещё, видно, “Сникерс” очень сильно любите. Я тоже его люблю.

— Чего-о-о? Каком осмотре? — побагровел майор, явно узнав меня. — Вы это, гражданин, идите своей дорогой, не мешайте свободному проходу граждан по лестнице. Вы перегрелись, наверное. Пейте воду. И обращайтесь к дежурному по установленной форме.

Я вернулся в дежурную часть. Пока я писал заявление об “утрате”, меня переполняло возмущение, но делать было нечего. Приняли только заявление об утрате паспорта, но не всего остального.

После бала

Я вышел из отделения и пешком дошёл до ближайшего метро “Сосновая”. Перед турникетом я машинально полез в карман за жетоном, но забыл, что кошелька нет. Единственное, что у меня было — это научный калькулятор.

Дьявол! Надо было идти не сюда, а на злополучную станцию “Лесная”. Там на точках у меня теперь много друзей, жетончиком угостил бы любой: и Сурен, и петербурженка, и даже быки. Отсюда уже далеко, но сейчас-то как быть? Продать калькулятор? Нет уж, я месяц на него горбатился летом в литовском колхозе (см. §2.5.16). Продать что — рубашку? Продать и ехать в метро топлесс? Или продать ботинки? Если продавать ботинки, то их как — уже заранее снимать или на себе рекламировать? Попросить кого-то пройти через турникет паровозиком? Исполнить какой-нибудь музыкальный или танцевальный номер? Просить милостыню? Что-то при этом говорить или молча стоять? Руку протягивать или нет? Хныкать или нет?

Я было попытался заговорить с парой приличных людей, но от меня шарахались, как от чумного.

— Бабушка, дорогая, — обратился я к контролёрше у турникетов, — пропустите меня Христа ради. Я студент, — я показал ей калькулятор. — Меня обокрали, ей-богу, не вру. Домой дюже надо. В следующий раз опущу два жетона и вспомню вас добрым словом.

Сердобольная старушка, дай ей бог здоровья, великодушно пропустила, и я первый раз в жизни (и до сих пор пока что последний) что-то получил Христа ради. В дороге обдумал свою судьбу и понял, что вернуться на Марс не получится. Восстановление паспорта и особенно прав займёт уйму времени, а там уже и уезжать. Не судьба мне набить карманы шоколадными рубликами и полакомиться просроченным рисом.

Звонили Олег, Светлана и Виталич. Подбадривали, утешали, призывали поскорее сделать новые документы, сказали, что очень меня ждут на трудовой вахте и даже обещали дать новую “буханку”. Я честно сказал, что я не уверен в перспективе моего скорого возвращения и вообще в успехе всего предприятия. Оформить меня они не успели, трудовую не выписали, поэтому, если у них нет

ко мне претензий, то давайте расстанемся друзьями. Фальстарт. Форс-мажор. Огорчены исходом были все — и марсовцы, и я.

Через неделю я вышел в рекрутинговую компанию, специализирующуюся на западных фирмах. Вышел проверяльщиком иностранных языков: английского, французского, немецкого, итальянского, арабского. Кандидаты поголовно указывали свободное владение, и моя задача была выводить их на чистую воду. Знает кандидат песню “Uno momento” и уже пишет в резюме: “fluent Italian” — а кто проверит? Сидит гордый и самодовольный. Но тут, как чёрт из табакерки, неожиданно возникаю я на его, кандидата, голову: “Mi può parlare, Signore, della Sua visione del Suo futuro professionale tra qualche anno? Dove si vede?” — и тут наступает момент истины. Очень интересная работа: новые неожиданные открытия, кондиционированный офис на первом этаже жилого дома, культурная атмосфера, совместные обеды на корпоративной кухне, приятный женский коллектив — и никаких быков, предъяв, блатной фени и “вырывания ног”. Взяли по заграну, без внутреннего паспорта, на заранее оговорённые два месяца. Довольны остались все.

Неожиданное послесловие

Через год, когда я уже забыл про “Нику” и “Зевс”, растворившись в бельгийской жизни, эта история вдруг получила неприятное продолжение. К московской соседке по месту прописки позвонили в дверь милиционеры — разыскивали меня то ли арестовать, то ли вручить повестку на допрос. “Он здесь давно не живёт, а сейчас и вообще, кажется, где-то в Бенилюксе”, — соседкино объяснение совершенно не устроило российских пинкертонов. Оказывается, спустя полгода после моего марсовского фальстарта воры, на поверку оказавшиеся профессионалами, дали ход моему украденному паспорту. Какой-то криминальный чел, похожий на меня (или просто тупо переклеивший фотографию), выдал себя за “меня” и устроился по моему украденному недействительному паспорту в торговую фирму под “моим” именем. Проработал две недели, вошёл в доверие, а потом поставил под накладными “мою” поддельную подпись, умыкнул две фуры товара и растворился в темноте ночи. Хозяин обворованной фирмы стал “меня” разыскивать, обратился в милицию (“такой-то, мол, вот ксерокопия его паспорта”), а те, недолго думая, пришли по месту прописки в паспорте.

Мой звонок из Бельгии милиционеру вызвал только его смех:

— Ой, ой, да ладно. Может, ещё скажете, что вы в Париже? На Эйфелевой башне?

— Товарищ милиционер, смотрите, налицо очевидная узурпация личности. Паспорт, по которому преступник устроился на фирму, не-дейст-ви-те-лен! Он был немедленно заявлен как утерянный в самый день пропажи, прошлым летом ещё. Спустя два часа после утраты. Проверьте ваши картотеки!

— Ничего не знаю. И отпираться не советую. Короче, вы поняли.

— Нет, не понял. Я фи-зи-чес-ки был (и остаюсь) за пределами Российской Федерации в момент найма моего “двойника”, его трудовой деятельности и его кражи. Это никак не мог быть я. Я не мог наняться, не мог работать полмесяца на российской фирме, не мог подписываться, не мог украсть, не мог даже видеть этих фур — телепортацию ведь пока не изобрели. Все эти события от начала до конца произошли в моё отсутствие в стране, а оно документально подтверждено отметками в моём загранпаспорте.

— Ха-ха! В общем, мы вас ждём, — и короткие гудки.

Я отправился в Генконсульство РФ в Брюсселе, откуда меня предсказуемо выгнал охранник: “Идите, откуда пришли. Нечего здесь вам делать. Здесь не выдают никаких справок”. Я с боем прорвался через парадный подъезд негостеприимного посольства на Avenue De Fré: “Я требую немедленной аудиенции у Его Превосходительства Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Королевстве Бельгия Виталия Чуркина!”

Видя мою злость и решимость, меня нехотя принял дипломат из консульского отдела. И не дожидаясь окончания рассказа, ожидаемо указал мне на дверь, кликнув охранника: “Семёныч, помоги товарищу найти выход на улицу”. Я плюхнулся на кожаный диван в приёмной и спокойно заявил, что
① так обращаться с собой я не позволю,
② терять мне нечего,
③ я буду здесь жить и не сдвинусь с места, пока не получу элементарную справку об отсутствии себя в России. А если меня выведут силой, то я выйду к посольству, подключу бельгийскую и российскую прессу и сегодня же факсом отправлю на них жалобы Примакову, Ельцину, министру юстиции и министру внутренних дел РФ.

— Предъявляете нам что ли? — дипломаты тоже не чурались блатной фени.

— Ни боже мой, — возразил я. — Просто информирую вас о том, что произойдёт уже сегодня вечером. Вы надолго запомните встречу со мной.

Дипломат понял, что я не шучу, с кем-то посовещался, кому-то позвонил, прикрывая рукой трубку, кого-то приводил на меня издалека посмотреть, потом ещё кого-то, потом ещё, и через пару часов, любезно улыбаясь и едва ли не кланяясь, выдал мне справку, подтверждающую очевидный факт: такой-то, чья личность нами установлена и подтверждена, с такого-то дня, выехав через погранпункт “Шереметьево”, непрерывно находится за пределами РФ, что подтверждают отметки в его загранпаспорте и базы каких-то данных. Брюссель, дата, подпись большого начальника, печать.

Московский милиционер, под подпись получивший Ди-Эйч-Элем оригинал справки на гербовой бумаге, процедил по телефону сквозь зубы: “Ладно, всё ясно, ошибка вышла. Ложный след. Все вопросы к вам сняты. Звнт (видимо, это означало “извините”). Будем искать здесь. Вы свободны”.

И на этой спасительной фразе эта злополучная история уже действительно закончилась.

А “Сникерс”, несмотря ни на что, я по-прежнему люблю до сих пор. И майор, наверное, тоже.

(2022-Dec-25)

2.5.12 Почти Америка

Сети расставлены

Советский Союз жил своё последнее лето. Уже объединилась Германия, из СССР стали выпускать, все 15 “сестёр” провозгласили суверенитет — Перестройка была в апогее. Это замечательное время открыло двери, окна, шлюзы и переборки, и по закону сообщающихся сосудов на просторы Восточного блока

хлынуло огромное количество информации, идей и людей. Заполнять опустевшие после марксизма-ленинизма идеологические ниши двинулись полчища диковинных жрецов и посконных туземных владык, самозванных сектантов и самопровозглашённых мессий, восточных гуру с разрисованными лицами и западных проповедников с рекламными улыбками — и это не считая мириад ведунов, хилеров, сэнсэев и пастырей самого широкого профиля.

В одной советской электричке могли ехать Мария Дэви Христос и Перун-громовержец, босой кришнаит и кудрявый растафарианец, нетрезвый сатанист и несвежий отец Онуфрий — завладеть умами совграждан стремились все.

По очевидным причинам, особенно лакомым кусочком для всевозможных ловцов душ были вузы — паства там была самая перспективная.

Не миновала сия чаша и Московский институт управления. Перепутав поточную аудиторию, я случайно попал на какую-то лекцию непонятного предмета, но на английском (!) языке. Странный лектор лечил о каком-то предзнаменовании, возвещавшем о высшем предназначении, дабы уготовать путь Тому, о Ком писалось и Который, к счастью, уже явился буквально на днях.

— Эй, друг, что это за ботва? Какой предмет-то? — я обратился к сидящему с краю студенту. — Философия что ли?

— Отстань! Я конспектирую.

— Зачем? Что это вообще? Лекция о вреде алкоголизма?

— Отвянь, говорю. Короче, кто это сдаст, тот поедет в Америку.

Ого! В Америку! Дальше можно было не продолжать. Я достал листок бумаги и тоже стал записывать эту неожиданную лабуду, радуясь тому, что я понимаю содержание лабуды на живом английском, но не догадываясь, что лабуда означает в целом. Лектор, американец лет двадцати пяти, рассуждал о малых пророках, особенно напирая на Малахию. Буквально полгода назад я прочитал всю Библию в полном римско-католическом издании, включавшем в себя и второканонические книги типа Sapientiæ Salomonis, поэтому теорией вопроса я владел прекрасно, на уровне сельского кюре, а то и викария — не всякий сельский кюре прочитал вообще весь текст. Так что в лекцию я включился легко, словно это была экранизация прочитанной книги.

После Малахии лектор вдруг неожиданно перешёл на детальное описание Ковчега завета и стал говорить о какой-то Преподобной Луне, как о живом человеке. Никакой Преподобной Луны в Библии нет точно, уж я-то теперь знаю, что за бред? Советские студенты смотрели на всё это большими стеклянными глазами, но записывали цитаты не пойми кого и срисовывали схемы не пойми чего — видимо, в Америку хотели все.

Но почему это в моём институте? Какое отношение всё это имеет к макроэкономике и управлению предприятием?

Лекция закончилась, я спустился к лектору, дождавшись, пока его отпустит толпа поклонниц, шутка ли — живой американец! Джо оказался простым и нетребовательным парнем. Он признался, что в жизни он любит только кошек, родной штат Мичиган, но более всего — ту самую Преподобную Луну (Reverend Moon), а всё остальное для него шелуха.

— Джо, а что это — Преподобная Луна (What is that Reverend Moon)?

— А, да ты новенький. Не что, а кто. Это наш духовный лидер. Мун — это фамилия. Преподобный Мун. Нас называют муновцами, но это неправильно. А

правильно — Церковь объединения мирового христианства. Приходи в воскресенье на собрание, сам всё узнаешь.

Ну ладно, семь вёрст не крюк. Муновская малина располагалась в квартире-трёшке в районе ВДНХ. В комнатах были раскладные стулья, портреты одного и того же мужика с бабой и без (тот самый Мун что ли?) и стеллажи с божественными книгами разных конфессий. Заправлял хозяйством какой-то ушлый коллаборационист-старшекурсник из моего института. Выяснилось, что коллаборационист служит здесь ради карьеры, и что именно так — через мунизм — он представляет себе эту карьеру в 1991 году.

— Ничего сверхъестественного, — стоя на подоконнике и тайно куря в форточку, поучал меня коллаборационист на муновской кухне, пока не подошли старшие. — Сначала летний лагерь, это азы. Потом в “карп” вступишь, если не дурак. Потом второй лагерь, посерьёзнее, там ты на тим-лидера выучишься, если не дурак. А потом как повезёт — или в Венгрию поедешь на десять дней, или в Калифорнию на сорок.

Преисполненный собственной значимости от причастности к словам “Калифорния” и “Венгрия”, коллаборационист стряхнул пепел на улицу и посмотрел на меня сверху вниз.

— Самому-то, поди, довелось уже, так сказать? Побывали-с? — поинтересовался я.

Коллаборационист ответом не удостоил, но многозначительно усмехнулся, из чего я понял, что таки да.

— Мы им нужны, как воздух, — продолжилась лекция от форточки. — Мы ведь управленцы, будущие лидеры этого шарика. Представь себе, вот станешь ты депутатом Верховного Совета, а ты с института уже муновец, вот ты и будешь идеи мунизма продвигать с высокой трибуны.

— Ну я-то вряд ли попаду в Верховный Совет, если только ты за меня не проголосуешь, а вот ты, я смотрю, уже высоко забрался. Смотри не навернись, подоконник-то узкий.

— Короче, включайся, — коллаборационист спрыгнул на пол и замахал руками, разгоняя попавший внутрь дым. — Сам просечёшь мазу, если не дурак.

— А если дурак?

— Всё равно включайся. Здесь всех берут. Просто застрянешь, как дурак в шестёрках до пенсии — ни уважения, ни перспектив.

— А куда вступать-то? “Карп” какой-то? Рыба что ли?

— Сам ты рыба. “Карп” — это молодёжное крыло движения, типа комсомола. Примерно то же самое, только вместо Ленина — Мун, и всё на английском.

А, ну это легко. Не привыкать.

Муновское воскресное собрание проходило на английском. Молитв, нарядов и обрядов не было, а со стороны это выглядело по-лютерански сдержанно, без надрыва, а в отличие от христианства — даже с попыткой аргументировать неаргументируемое. Уклад такой: пение – проповедь – пение – поучительный рассказ из жизни — и так по кругу несколько раз.

Пришибленная муновка рассказала, что никак не могла найти личного счастья, но Голос Свыше возвестил ей: “Готовься, ~~несчастная~~!”. Тогда она вступила в

~~партию~~ Церковь объединения, которая нашла ей “настоящего” жениха, скоро свадьба, ми-ми-ми. Студенты смотрели на муновку с нескрываемой жалостью.

Джо волнуясь рассказал, как он однажды заблудился в мичиганском лесу, и Голос Свыше вывел его на мичиганский тракт, где его подобрал мичиганский грузовик. У студентов было две версии произошедшего с Джо: 1) избитый сюжет из какой-то пропагандистской методички и 2) “по пьяни в Мичигане”.

Смысл мунизма стал мне примерно ясен. В соответствии с муновским учением, Иисус вернулся, как обещал, только немного не в том образе, в каком его ожидали, и немного не так, как это это было обещано в 33-м году. Сына Божьего, по их учению, теперь зовут Сон Мён Мун, он 70-летний кореец из США, считает себя фигурой, равной Иисусу, а Корею — центром мироздания. Мун борется за мир во всём мире, несёт своё учение в открывшийся Восточный блок, управляет огромной бизнес-империей и ни в чём себе не отказывает. Его цель — объединить мировое христианство (успехов, дядя!) под своим началом через постулат о собственной богоизбранности. Как объединить? Да легко! — надо стать “идеальным родителем” и испытывать по отношению к людям “истинную любовь” — постоянно муссируемое понятие. Ну и, конечно, верить в Муна, посвятив ему свою жизнь и сберкнижку.

В общем, очередная вариация на мессианскую тему, ничего нового.

Ну, почти ничего нового. У корейского Мессии был особый пунктик — принудительный выбор спутника жизни лично Муном. Только он мог выбрать идеальную пару члену организации, сам выбирать никто не имел права. Откажешься жениться / выходить замуж вслепую — вон из ~~профессии~~ Движения, а если хочешь остаться — изволь безоговорочно принимать заочный выбор Муна. А зато свадьбу тебе сыграют за счёт заведения, да не простую свадьбу, а коллективную — будет несколько тысяч брачующихся пар, так что банкет соответствующий. В книгу рекордов Гиннеса занесены муновские свадьбы. Особое счастье — это жениху получить по распределению в невесты кореянку, а невесте — корейца. Это просто предел мечтаний, так везёт единицам, остальных же просто женят от балды, точнее по прихоти экстравагантного Мессии. Мун массово женил индийцев на пакистанках, турок на гречанках или армянках, арабов на еврейках, а чаще всего просто выбирал наугад по известной по пионерлагу схеме “Кидаю на шараш, кто покалечится, я не виноват”. Но свадьба — это очень нескоро, это ещё заслужить надо, показать себя в деле. Так что опасности быть принудительно пожененным можно не бояться. По крайней мере, на первых порах.

Муновцы были в основном американцами (реже — западноевропейцами), поэтому естественным и единственным языком движения был английский. Возможность попрактиковать живой английский язык был несомненным магнитом, объясняющим интерес большинства студентов к муновцам. Вторым магнитом была возможность поехать на халяву в Америку. Третьим — интерес к другой стороне Железного занавеса. Четвёртым — возможность организованно потусоваться, познакомиться с новыми людьми из разных мест хотя бы и в странных декорациях непонятной религии.

Пятым магнитом, притягивающим позднесоветскую молодёжь, была музыка. Каждому пришедшему выдавался т.н. “Holy Song Book” со словами полутора сотен известных песен, используемых Движением — общечеловеческих песен, а не каких-то внутренних муновских. Муновцы пели всегда и везде — что может лучше расположить к себе молодёжь в любой стране мира?

> Некоторые песни я знал (Imagine, Go Down Moses, Nearer My God to Thee, The Battle Hymn of the Republic, та же America the Beautiful), но большинство других песен я узнал и выучил благодаря муновцам, за что и вспоминаю их добрым словом, когда где-нибудь их слышу: When the Saints Go Marching In, Top of the World, West Virginia, Amazing Grace и, разумеется, гимн блаженных всего мира We Are the World — куда ж без него.

Саша Елагин, мой новый знакомый с другого факультета моего института, был движим только вторым пунктом из перечисленных, зато очень сильно. Елагин уже побывал в Макдональдсе на улице Горького, получил там красно-жёлтый флажок и красочные впечатления и теперь хотел большего. Ему не был нужен английский, не нужна тусовка, ещё меньше музыка — он просто хотел поехать на халяву в Америку. Кто-то рассказал ему то ли правду, то ли байку, о том, что кто-то знал кого-то, чья то ли сестра, то ли подруга побывала в Америке по муновской линии и вернулась оттуда с блоком “Мальборо” из какого-то волшебного места под названием “дьюти-фри”, с американским акцентом, с американскими замашками, с чемоданом подарков и пятью чемоданами впечатлений, и Саша твёрдо знал, к чему стремиться. Он подходил к каждому новому муновцу с одним-единственным вопросом — можно ли уже подавать на выездную визу. Иногда он задавал и второй вопрос — каким рейсом вылетаем. Муновцы всякий раз вежливо возвращали Сашу на его раскладной стульчик и давали в руки песенник, что-то помечая в тетрадке напротив его фамилии. Саша злился и не пел.

Служба закончилась исполнением песни America the Beautiful, только слово “America” великодушно заменялось страной пребывания и песня звучала так: “Soviet Union! Soviet Union! God shed His grace on thee…”. В принципе, можно было особо не стараться — Совиет Юниону оставалось жить несколько месяцев, но никто тогда не мог этого знать.

— Так, всё, собрание окончено, давайте-ка дружно складываем стулья, *оставляем здесь* — все поняли? — *здесь* оставляем казённые песенники и живенько по домам, — деловито завершил заутреню коллаборационист в духе советской уборщицы в детском саду. Ему не хватало только ведра в руке и хлорки в другой.

На следующей муновской лекции в институте спикер был другой. Он сначала показал видеозапись какого-то скучного муновца на какой-то американской улице, но никто не слушал — девушки рассматривали, во что одеты прохожие, а юноши старались рассмотреть машины, проезжавшие за спиной муновца. Затем московский спикер выключил проектор и начал что-то путано рассказывать о каких-то союзах истинных душ на небесах и их сложных взаимоотношениях друг с другом, но это не интересовало вообще никого — слушателей сильно взволновал вид живой Америки на экране, и в зале висело напряжение. Сессия Q&A состояла из одного громко заданного вопроса из зала: “Когда мы поедем в Америку?”. Вопрос поступил от Саши Елагина. Муновцы просекли, что пора брать быка за рога и огласили главное. Сразу сходу в Америку никто не поедет. Для начала надо съездить на 10-дневную программу в Латвию в деревню Вецбе́бри, а там уже видно будет.

Поточная аудитория мгновенно опустела на девять десятых, остальные нехотя остались слушать про Вецбебри.

— Как же так, какие Вец-Дебри, какая, ◆◆◆◆◆, Рига-◆◆ига, какая, ◆◆◆◆◆ Латвия, ◆◆◆◆◆! Что за ◆◆◆◆◆◆◆◆, вот же ◆◆◆◆! А-а-а-а-

а-а!! Ах вы ♦♦♦♦♦♦♦♦♦!!! — кричал Саша после инструктажа, и вид его был жалок и страшен одновременно.

Сашу утешали и похлопывали по спине:

— Да, Саша, Латвия — это не совсем Америка. Но почти. Очень похоже. Смотри, буквы латинские, прямо как в Америке: Bars, Restorans “Lass Vegass”, hellos Misters Yelagins.

— Уроды!

— Попросишь у них политического убежища, они же уже вроде как независимая страна, а оттуда и до Америки уже рукой подать, ты на полпути к мечте. Одной ногой, считай, ты уже на Бродвее: “I want to be a part of it. New York! New York!”.

— Скоты-ы-ы-ы-ыы!

Юридически почти независимая, но по факту вполне себе пока ещё советская Латвия выходила, в принципе, неплохим вариантом: весёлая компания, новые знакомства, бесплатная кормёжка и дорога, богатая культурная программа на месте, а главное — десять дней почти круглосуточной практики английского с живыми носителями. С полным погружением.

> Единственным минусом был тайминг. Ровно в то же самое время в Польше проводилась всемирная католическая “пилигжимка” — встреча с Папой Римским в Ченстохове. Надо было доехать до Радома на поезде, а оттуда идти пешком в Ясногорский монастырь. Впервые в истории советские студенты могли участвовать в этом международном походе католической молодёжи. Запись проводил костёл Св. Людовика на Лубянке, и я даже записался у унылого ксёндза, уставшего от многочисленных московских халявщиков. Но муновцы перевесили своими плюсами — шагать, сбивая ноги в кровь, не надо, комфортный быт гарантирован, развлекаловка тоже, ну а главное — English non-stop.

Да кто ж от такого откажется?

Чего только не увидишь в советском поезде на стыке эпох

В плацкарте Москва-Рига выяснилось, что мы не одни на планете. Слоняясь по поезду, мы напоролись на странное и страшное зрелище — несколько групп молодых людей воздевали руки к небу, трясли головами, выли, мычали и бормотали что-то нечленораздельное: “Барбаросса! Бамбарбия кергуду! Хала-бала, му-му калимера-калиспера уэ-э-э-э уэ-э-э-э!”. Сначала я подумал, что это пациенты Кащенко на этапе, но потом присмотрелся и понял, что сумасшедшие — только лидеры, а остальные поднимают руки неохотно и, вроде как, симулируют сумасшествие: глаза осмысленны, движения неестественны, как у дурного актёра, а во взгляде читается неловкость и даже немного стыд.

Обычные пассажиры — приличные отпускники в очках, ехавшие в интеллигентную Юрмалу, отставные солдаты, мамаши с детьми и бабки с мешками — смотрели на безумных пассажиров с ужасом.

Я осторожно спросил самого бездарно играющего сумасшедшего:

— Эй, родной, как ты себя чувствуешь? Что это? Вы кто такие? Жертвы Кашпировского?

— Не, мы пятидесятники, — охотно и на удивление нормально ответил сумасшедший, отсев от своих. — Точнее, это они пятидесятники из Америки, а мы с ними на обучение в Ригу едем. На английском! Бесплатно!

А, пятидесятники, тогда ясно. Я читал про них в атеистической брошюре в пионерском детстве. Значит, это у них не алкогольный делирий, а говорение на язы́ках — глоссолалия, тот самый заповеданный апостолами “дар” просветившимся.

— Ну, слава богу, вы верующие. А я думал, вы наркоманы. И что, вы правда верите вот в это всё? Не боитесь умом тронуться взаправду?

— Да ты чё, опух? Нет, конечно! — засмеялся мой собеседник. — Это же ♦♦♦♦♦ из-под коня! Но мы же добрые, нам нетрудно сделать людям приятное, вот мы и подыгрываем, головой мотаем, балабочем, а они тогда радуются, как дети, кричат “Фидбэк!” — не знаешь, кстати, что это значит? Иногда мы матом что-то выкрикиваем, когда с ними “молимся” — прикольно. Или можно переговариваться: “Бе-бе-бе-бе. Толян! Ме-ме-ме”, а он тебе в потоке своего бреда: “Бе-бе-бе-бе. Чё те, блин? Фью-фью-фью” — клёво же! Ори, что хочешь, только громко и руками “хэнде хох” делай. Проповедники аж из самой Америки припёрлись, а нам не впадлу, мы добрые. Мы английский едем практиковать. Бухло везём! Хочешь, давай к нам, у нас недобор, группы полупустые. Я могу представить тебя преподобному.

— У нас свой преподобный, так что как-нибудь в другой раз. Мы едем в глушь, в деревню объединять мировое христианство. Чуешь масштаб задачи? Никто с одиннадцатого века не смог, а мы сможем. Так что скоро мы объединим вас с коптами. Готовься.

— С кем, не понял — с роботами? С хоботами?

— Типа того. Да ладно, забудь, хуже уже не будет, — успокоил я нового знакомого. — Ты не отставай от своих, молись давай. Чтобы лето не кончалось.

Получалось, что, по сравнению с пятидесятническим “говорением”, наши муновские наукообразные лекции без всяких молитв и “хэнде хох” были просто Нобелевским комитетом мудрецов в Букингемском дворце. Поистине, не заглянув в пропасть, не начнёшь ценить жалкую синицу в своей руке.

В религиозном техникуме

На привокзальной площади Риги стояла дюжина пазиков, но вместо “Ритуал” на них было написано “Unification Church Vecbebri”. Нас ждали. Автобусная процессия двинулась в деревню Вецбебри Стучкинского района свежевозрождённой Латвийской Республики. На дерматиновых сиденьях лежали знакомые розовые песенники, а муновец с гитарой, смотрящий нашего автобуса, ударил по струнам ещё у вокзала, так что сотню вёрст до деревни Старые Бобры, как переводилось с латышского “Vecbebri”, мы преодолели быстро и незаметно.

Жить нам предстояло в общежитии сельскохозяйственного техникума, пустующем летом и сданном муновцам и их клиентам. Не “Хилтон”, конечно, но вполне прилично и пристойно в сравнении с нечеловеческими условиями, в которых я оказался бы, выбрав польскую “пилигжимку”. Расселение в одно-, двух- и четырёхместные комнаты со всеми удобствами проходило под

контролем строгой, но далеко не всегда эффективной муновской полиции нравов.

Пара песен для возбуждения аппетита в исполнении жгучего итальянца Джованни по кличке Тото Кутуньо, сытный обед “под баян” и разделение на группы, в каждой группе свой тим-лидер. Мне достался Майкл Бразил, природный американец, и, значит, цель — погрузиться в природный английский — будет мною полностью достигнута. Кому-то достался фламандец, кому-то шведка, и такие роптали — английский их тим-лидеров был “ненастоящий”.

Программа каждого из дней была такой: завтрак, обсуждение изученного накануне материала по группам, сидя на лужайке в кружок, лекция со слайдами и видеорядом в актовом зале, обед (называется “ланч”), вторая лекция, спортивные соревнования (называется “тимбилдинг”), ужин и какое-то культурное мероприятие: концерт художественной самодеятельности силами участников, вечер национальной песни силами участников, театральный конкурс (“скетчи” называется), киносеансы, вечер вопросов и ответов и т.д. Разумеется, всё это только на английском. Супер!

Правила были простыми, хотя и не возможными для соблюдения: не пить, не курить, не безобразничать, не заключать романтических союзов, соблюдать Десять заповедей — в общем, не грешить и слушаться муновских старшаков. За нарушение — досрочная отправка домой и почему-то сообщение о нарушении режима в институт лично ректору. “Да-а-а, ректор МГУ прям охренеет, когда узнает, что в этой жопе мира я выкурила сигаретку за сараем” — тихой репликой с места новоприбывшая студентка развеяла все страхи и задала пофигистический тон всей смене.

Наш свежий московский этап влился в уже имевшийся в лагере контингент — муновцы свозили в деревню Вецбебри студентов из тех уголков доживавшего свой век Союза ССР, до которых дотянулись их сети.

Дима, второкурсник ленинградского мединститута, сразу поставил себя как доктор Пилюлькин. Он приехал с чемонданчиком-аптечкой и всячески рекламировал себя как источник первой медицинской помощи, случись что. Сами муновцы со сцены объявили, что по всем медицинским вопросам — к Диме. Если какой-нибудь юноша подворачивал на футболе ногу и наивно обращался за помощью к корабельному доктору, Дима брезгливо смотрел издалека на грязную ногу юноши и говорил, что ничего страшного, до [коллективной] свадьбы заживёт. Если же какая-нибудь девушка испытывала лёгкое головокружение или слегка подгорала на солнце, то Дима немедленно укладывал её в тень, заботливо лечил и говорил, что теперь ей необходимо у него наблюдаться до полного выздоровления и что его, Диму, можно (и нужно!) вызвать на дом для осмотра и нанесения лечебного крема из чемоданчика. Круглосуточно.

— А надо было правильный институт выбирать! — торжествующе объяснял доктор Дима свой эксклюзивный статус бесполезным и неинтересным управленцам, финансистам, инженерам и мелиораторам.

И ведь не поспоришь...

Лёша Ряхин из Стали и сплавов опасался мифических “лесных братьев”. Он был уверен, что их полно в окружающих нас лесах: “Горбач их распустил, вот они и воспряли”. Ряхина поселили в одном номере с Елагиным, и он растревожил и без того беспокойную душу Елагина своим ночным рассказом о “лесных”,

которые только и мечтают “почикать” всех русских, приехавших на их землю. Переубедить Ряхина было невозможно.

Весельчака Кястаса из Каунаса знали все. Его всегда было слышно за версту — он хорошо играл на гитаре и приехал, уже хорошо разучив муновский репертуар у себя в Каунасе. Муновцы доверяли Кястасу исполнение своих программных песен, поэтому Кястас ходил по всему кампусу с гитарой и постоянно играл и пел — значительно больше, чем от него требовалось.

— Как дела, Кястас? — на автомате бросал кто-то на ходу, не ожидая никакого ответа.

— А я отвечу на твой вопрос песней, — трень-брень, охотно подхватывал возможность спеть Кястас, — There comes a time when we heed a certain call..., — и на несколько минут.

Когда Кястаса не было слышно, его было видно — на плечах он носил большой литовский триколор, не расставаясь с ним ни в столовой, ни на лекциях.

Самым уважаемым обитателем лагеря был узбек Козим, которого русские по-доброму называли Кузьмой или Кузьмой Исламовичем, хотя настоящее отчество у него было другое. Он жил в техникуме с самого начала лета и был всем за своего. Кузьма Исламович приехал из Ферганской долины, он не был студентом, по-английски знал только ‘yes’, латиницы не знал вовсе, но по-русски говорил прекрасно, так как только что демобилизовался из Советской Армии. Смыслом его нахождения в лагере был моральный авторитет, точнее — роль представителя от ислама. В моменты объяснений сложных теологических концепций муновцы часто апеллировали к христианской, как они думали, аудитории (“Ведь в Символе веры об этом ни слова, так ведь?”), и мы из вежливости отвечали им согласным гулом (“Ну ясен же пень, о чём базар?!”). “В иудаизме это ведь тоже так же?” — хитро продолжали спрашивать муновцы, и какой-нибудь случайный студент, кто не спал, каждый раз разный, быстро подтверждал “за евреев” безо всякой связи со своим пятым пунктом. Кузьма же в одиночку выполнял роль официального валидатора муновских концепций от ислама, он один “компостировал” их за Пророка. Когда лектору нужно было показать, что божественный принцип №8/5 §4 также присутствует и в исламе, он обращался к Кузьме за бинарной ратификацией своего утверждения. Тогда сосед толкал дремлющего Кузьму в бок, Кузьма Исламович поднимался, откашливался, принимал важный вид, выдерживал театральную паузу и авторитетно, с достоинством говорил ‘yes’. Иногда ему за это аплодировали.

Я подумал, что лучшего, чем старожил Кузьма, источника информации о том, что нас ждёт в лагере, не сыскать, и мы обступили его, завалив вопросами. К сожалению, выяснилось, что Кузьма не понимал ровным счётом ничего из того, что его окружало в силу незнания английского языка и отсутствия интереса к происходящему. Он считал, что муновский лагерь был своеобразной послеармейской реабилитационной программой, предоставленной ему государством. Он отсыпался и отъедался — после службы в стройбате ему нравилось абсолютно всё. Он рассказал, что американцы его, Козима, уважают, кормят хорошо, что люди они добрые, но не без странностей — заставляют ходить на “политзанятия”, на которых пытаются что-то ему втереть: “тычут мне в лицо фотокарточку одного и того же мужика и кричат: “Смотри, это Мум, это наш Мум, узнаёшь Мума? Знаешь теперь, кто это? Это Мум!” Я говорю им ‘yes’ и тогда они отстают. А так они нормальные ребята. Здесь хорошо — ни работы, ни строевой, ни нарядов, ни марш-бросков, а паёк офицерский!”.

Об исламе Кузьма знал не больше нашего. Он умел только по-исламски “умывать лицо” (“дуъа”) и невнятно повторять короткую фразу на арабском, по всей вероятности, языке, одну на все случаи жизни. За это проявление религиозности — у него одного из двух сотен студентов — муновцы очень ценили Козима.

Естественно, что Мун с этой минуты навсегда стал Мумом.

На второй день мы уже осмотрелись, и когда рафик привёз новеньких из Свердловска, мы уже на правах бывалых учили их уму-разуму.

— Вы попали в царство теней и духов. Основное божество здесь — это Мум, великий и ужасный, — я начал с сути. — Он главный волшебник этого Изумрудного города. Держите ухо востро, особенно с наступлением темноты.

— Почему? — напряглись свердловчане.

— Да потому, — неспешно продолжил я, — что здесь ни милиции, ни Советской власти, ни телеграфа. Указатели сейчас видели, когда ехали? Налево Бóрманы какие-то [карта], направо вообще деревня Менгеле, — внимательные свердловчане, кто тоже обратил внимание на зловещие местные топонимы, утвердительно кивнули.

— Зачем вы вообще сюда приехали, вас что, в деканате не предупреждали? — спросил киевлянин Боря из наших, из “старожилов”.

— Нее-е-ет, — испугались свердловчане. — Сказали не посрамить, высоко нести знамя советского студента, не ударить в грязь лицом.

— Хм-м, ну это здесь мало кому удаётся, — скептически сказал Боря. — Но хоть пароль-то вам сказали?

— Нее-е-ет, — замямлили новенькие. — Какой пароль?

— Эх вы, простофили! Пароль — “Зазеркалье”. Отзыв — “вечность”. Да ладно, теперь всё равно уже поздно. Теперь каждый сам за себя. В общем, глухое здесь место, леса и болота. Хуже вашего этого перевала Дятлова. Сгинешь — и искать никто не будет. Вчера ночью волки выли совсем близко. Вон, слышите?

Тишина тёплого летнего вечера была абсолютной.

— Слышу!! — с испугом прошептала самая впечатлительная из прибывших.

— Это медведь-шатун ревёт, — вполголоса сказал я. — Голодный, наверное, после спячки.

— Сейчас лето, — поправила меня другая свердловчанка.

— Не, этот медведь круглосуточный, — я продолжил как ни в чём не бывало. — Особая порода, Ursus latviensis, Дроздов на прошлой неделе рассказывал, слышала? В передаче “Будильник”.

— Ты что, “Будильник” смотришь? — ехидно спросили меня новопреставившиеся.

— Тс-с-с, тихо! Сюда, кажись, идёт. Тихо вы! Попадёшь к такому — одни дольчики от тебя останутся, и то не факт — медведь жрёт всё. Говорят, в 88-м он сожрал воина-интернационалиста. Прямо с дембельским альбомом сожрал! У матери только и осталось, что полфуражки и значок “ГТО”, перекорёженный зубищами. Так что ходите по двое, спина к спине, и лучше с палкой.

— Ужас какой! А милиция?

— Та какая милиция, я тебя умоляю. Всё куплено.

— Кем, медведем? — нашёлся какой-то смельчак.

Парни засмеялись, но девушкам было не до смеха.

— Это ещё ничего, — я стал говорить ещё тише, а они стали слушать ещё внимательнее. — Вы, дятловцы, главное, паспорта берегите. А то муновцы опоят дурман-компотом, выкрадут паспорт, подкинут обратно, откроешь его, и — горько! — ты уже женатик со штампом. Украдкой мама плакала от радости за вас.

— Как такое возможно??

— Понимаете, юридический статус этой территории не определён, это как “чёрная дыра” во времени и пространстве, так что здесь возможно всё. Непонятно, кто тут опаснее — медведь или муновец, здесь вообще всё запутано и переплетено. Так что спрячьте паспорта в деревне у верных людей. Особенно девушек касается.

— В деревне тоже не вариант, — хмуро пробурчал Ряхин, — лесные братья активизировались.

— Какой штамп в паспорте, вы что?! У меня жених в Свердловске остался! — дрожащим голосом пролепетала новенькая. Разрыв с женихом испугал её больше, чем медведь-людоед.

— Забудь о своём женихе, он для них некошерный, — обречённо сказал я.

— Не... какой?

— Ну, негодный. Потому что ты-то пройдёшь здесь обряд посвящения, а он-то нет, так что...

— А как выглядит обряд посвящения? — перебил меня какой-то свердловчанин, плотоядно осклабившись.

— Для девушек — хорошо выглядит, даже очень хорошо, — мечтательно сказал старожил Лёня из Одессы. — А для тебя... ну, в общем, ты сильный, ты справишься. Наверное.

— Так что с моим женихом? Он какой для них, ты сказал? — повернувшись ко мне, вернулась к своей теме свердловская невеста.

— А, некошерный, — буднично ответил я. — Но это не страшно — теперь Мум назначит тебе нового жениха. Скорее всего, кого-то из нас.

Свердловчанка с ужасом прошлась взглядом по нашим лицам и чуть не заплакала.

— Да ладно, не писай, — сжалились мы. — Шутка. Обряда никакого нет. Медведя не существует. Воин жив. И ты выживешь. И дольчики твои.

— Дураки, блин! Дебилы!! — свердловская невеста сняла с плечей накинутую кофту и стала меня ею бить. — Придурки!!!

Придурки все, а бить — только меня?..

Стандартная программа муновцев была заточена под американцев, которых надо было перетянуть из их текущего вероисповедания в мунизм. Для этого надо было говорить с человеком на языке его привычных понятий, усвоенных по прежней религии. Муновцы считали, что такой понятийный аппарат естественно присутствует у каждого нормального человека, ведь нормальный человек может быть только баптистом, адвентистом, католиком, иудеем, мормоном, мусульманином или исповедовать любую другую религию, но он

обязательно должен был исповедовать что-то. Мысль, что человек мог не исповедовать ничего, не нуждаться в религии или, тем более, быть убеждённым атеистом, никак не помещалась в их головы, точно так же, как никто не мог бы поверить, что где-то живут люди, которые не нуждаются в дыхании.

Лекции предполагали упор на общеизвестные и очевидные библейские понятия и образы, но с советской публикой после семидесяти лет научного атеизма этот номер не проходил — никто не понимал, что такое Земля обетованная (где она? кем, кому и зачем она была обетована?), что такое Нагорная проповедь, Золотой телец, Десять казней и Вавилонское пленение, чем отличается Соломон от Самсона, а Иисус Навин от своего знаменитого тёзки. Причём национальное происхождение студентов не играло ни малейшей роли — русские в лучшем случае могли знать, что “на Пасху красят яйца”, а евреи в лучшем случае могли знать, что “на Пасху едят мацу”, но ни те, ни другие в большинстве случаев никогда не ели ни крашеных яиц, ни мацы, и только в самом лучшем случае понимали, что эти две пасхи отличаются друг от друга не только датой и гастрономическими особенностями. Видимо, механически повторяя когда-то сказанные дедушкой слова, видимо, когда-то производившие сильный эффект на подготовленных, видимо, слушателей, один преисполненный национальной гордости студент под впечатлением от лекции об Исходе (и ведущей роли Мума в нём) ни с того ни с сего вдруг торжественно сообщил, что “на Симхес-Тойру Голдэлэ приезжала, да так, что Архипова чуть не треснула”. Однако на уточняющие вопросы по поводу любого элемента из заявленной фразы ответить он затруднился, даже про Голдэлэ. При этом он искренне считал, что “Архипова” — это фамилия гостеприимной женщины, к которой, собственно, таинственная Голдэлэ и приезжала.

Муновцам в идеале надо было бы, конечно, сначала рассказать вообще всё — от сотворения мира до Реформации — но тогда не осталось бы времени на собственно мунизм с его постулатами (“истинная любовь”, “истинные родители”, руководящая и направляющая роль Мума во всём этом), а это было главным. Фотослайды были отпечатаны ещё в Америке, поэтому лекторы гнали по готовому шаблону, а советская аудитория тоскливо ждала окончания лекций, полных непонятных образов и сравнений не пойми с кем.

Только что прочитанная Библия ставила меня на порядок выше всех остальных:

— Кто такой Иаков и зачем ему лестница? — спрашивали меня в перерывах.

— Это Яков Исакович Израиль, внук Авраама, — объяснял я. — Пастух, долгожитель, мигрант и мечтатель. Голливудская история коварства и любви, четыре жены, тринадцать детей, дом полная чаша — жизнь удалась. Американская мечта задолго до открытия Америки. Его именем целая страна названа, а вот твоим или твоим названо хотя бы садоводческое товарищество? То-то же. А лестница — это такая communication tube с Богом, аллегория, — благодаря свежепрочитанной Библии я чувствовал себя единственным на уроке литературы, кто читал изучаемое произведение.

— Тринадцать детей, с ума сойти! — одна студентка примерила на себя роль праматерей, — Я б померла.

— Ну так этим, в принципе, всё и закончилось. Все умерли. Но ты не беспокойся, мать-то была не одна. Их был целый коллектив, четверо.

— Когда коллектив, то это вообще зашибись, я тоже так хочу, — оживилась мужская часть дискуссионной группы. — Красивые девчонки, наверное...

— Не все, — я вспомнил описание Леи, — но в целом неплохо.

— А вот эти “двенадцать племён”, кто это такие? — меня продолжали атаковать вопросами. — Это племена кого? Американских индейцев что ли? Это чингачгуки или папуасы?

— Это “tribes” в значении “колена”, а не “племена”. Дети Иакова из предыдущего вопроса.

— Так ты сказал, их тринадцать детей, вроде?

— Девчушке ничего не дали. Как всегда.

— Сволочи. А этот, как его, “хороший самаритан” — чем он так хорош? Это кто вообще? С Куйбышевым как-то связан?

— Добрый самарянин. Это мужик с Западного берега реки Иордан, простой рабочий. Типа Айболита. Или, скорее, Чип-и-Дейла. С Куйбышевым не связан.

Мун был борцом с мировым коммунизмом, поэтому муновцы, работая с советской аудиторией, заранее подготовились к сложным диспутам с убеждёнными марксистами, которых они ожидали увидеть в СССР. То есть они почему-то ожидали, что мы странным образом должны были быть и верующими в рамках традиционных дореволюционных религий, и марксистами одновременно. Но коммунистов и даже отдалённо сочувствующих среди нас не оказалось вовсе, все до одного были согласны, что коммунистическая идея — это полный шит. Спорить было абсолютно не о чем, муновский антикоминтерновский арсенал не пригодился.

Большое значение в лагере придавалось **обратной связи**, для этого существовали анонимные вопросники, которые мы заполняли каждый день и бросали в ящик — мы могли выбирать меню в столовке, влиять на культурную программу, корректировать темы лекций. Одним из вопросов был: “Образ кого из 12-ти или 70-ти апостолов вам особенно интересен? О ком вы хотели бы поговорить?” Вопрос должен был открыть интересную дискуссию о характере и мотивации поступков апостола, а номинантами-финалистами должны были предсказуемо стать переродившийся Павел, сомневающийся Фома или малодушный Пётр. Однако же ответы, показавшие полное незнание советской паствой матчасти, удивили даже повидавшего в СССР виды Майкла Бразила, который попросил меня помочь ему рассортировать результаты.

— Вот, смотри, написано “Giovanni ♥”, — я показал Майклу очередной бюллетень “за самого интересного апостола”, — как думаешь, можем мы признать его поданным за Иоанна Богослова?

— Нет, не можем, — хмуро ответил Майкл и бросил листок в переполненную бюллетенями корзину.

— А вот этот, смотри, нормально же: “Iogann ~~Pavel~~ Paul #2 (Papa from Rome)”. Это же не мистер Войтыла лично, а и Иоанн Богослов может быть, и апостол Павел, а в целом ведь писавший кого имел в виду? Преемника апостола Петра! Нет?

— Holy shit! — едва слышно пробурчал Майкл, а я добавил в свою копилку очередное полезное английское выражение.

Помимо нашего Тото Кутуньо и папы римского, любимыми апостолами были названы: Patriarh Aleksiy, Jesus Christ, Nikolay the Miracle-Maker, Mitropolit Krutitsky & Kolomensky Yuvenaliy, Serge Radonezhski, Pontiy Pilat, Eshua Ga-Notsry, Moses, Alexander Men, Santa Klauce и многие другие. На одном бюллетене был нарисован цветочек, на другом написано “yes”, было и несколько пустых.

— Ничего не понимаю. Ну ладно хоть кто-то написал “Michael Jackson”, это ещё ничего, но вот это кто, например, такой? — Майкл в недоумении протянул мне листок с надписью “Old Man Hottabych”.

На столе, который был приготовлен для раскладывания кипы апостольских бюллетеней по 12+ стопкам, лежал только один листочек.

Он был подан за Иуду Искариота.

Это был мой.

“Вечер вопросов и ответов” тоже не особо задался. Муновский актив сидел в президиуме на сцене уже без бюста Ленина, но ещё за красным сукном, а студенты в зале бросали в коробку написанные на листочках анонимные вопросы. Муновцы хотели сделать общение свободным и клятвенно пообещали зачитывать абсолютно все без исключения вопросы и предложения как бы критично и остро они ни звучали. “Не бойтесь, мы будем при вас даже мелко разрывать листочки, чтобы по почерку невозможно было бы восстановить, кто писал. Главное — это откровенность и прямота” — обещали устроители вечера и действительно разрывали бумажки с вопросами после прочтения. После первых робких вопросов “What is your name?” и “Когда мы поедем в Америку?” (авторство последнего легко угадывалось и без графологической экспертизы), студенты убедились, что муновцы действительно честно зачитывали, как и обещали, все без исключения вопросы и честно отвечали, когда было, что ответить (это было редко). Ни одного вопроса про Учение так за вечер и не поступило, а писалось и зачитывалось такое:

✎ Хочу открыть кооператив. Давайте организуем совместное предприятие, идеи мои, деньги ваши.
✎ Почему не устраиваются дискотеки?? Что это за отдых, в самом деле?
✎ Давайте устроим праздник Лиго!
✎ Давайте все вместе сходим в баню!!
✎ Кто победил в Холодной войне — мы или вы? Я думаю — мы.
✎ Что сейчас носят в Америке?
✎ Кто убил Кеннеди, сейчас-то можете сказать?
✎ Давайте проведём объединённый фестиваль союзных республик, американских штатов и европейских стран [очень скоро поступило похожее предложение провести “первый в истории международный смотр строя и песни”]
✎ Можно больше не петь ‘Sailing With Our Father’, ple-e-e-e-ease?!!
✎ Давайте смотреть нормальные фильмы, а не ‘Ghost’, у меня с собой ‘Pretty Woman’ и ‘Рэмбо’ на кассетах.
✎ Таня, ты мне очень нравишься. [Все семь Тань в зале разом покраснели]
✎ Я всё понял про “истинную любовь”, я согласен, и теперь я хочу создать “идеальную семью”. Для этого вы должны поселить нас мальчик с девочкой, но только выбирать буду я!
✎ Нэйт, ты женат?
✎ Джованни!!!!!! ♥♥ Ты женат????????

Погружение в английский давало прекрасные результаты: словарный запас расширялся, новые конструкции усваивались, беглость и спонтанность речи появлялась на глазах. Наш школьно-институтский инглиш был стерильным и весьма далёким от современных реалий живого английского, поэтому не обходилось без курьёзов. На экскурсии в Риге мы обедали в ресторане в центре города, и после десерта муновцы объявили, что экскурсия продолжится, но

сначала мы должны все пойти в restroom. Куда?? В школьных учебниках эвфемистического слова “туалет” не было, поэтому нам всем буквально представилась “комната отдыха” без окон, с приглушённым светом, едва слышной релаксирующей музыкой и мягкими шезлонгами — такие фотографии комнат отдыха при передовых заводах публиковались в журнале “Здоровье”. Но зачем лежать в темноте в разгар летнего дня, когда вокруг нас Рига, когда столько интересного вокруг!

Мы решительно запротестовали:

— Давайте двинемся дальше, guys, нам не нужна никакая restroom, мало времени.

— В советском городе найти нормальную restroom очень трудно, а нам ведь столько ещё ходить по городу!

— Вот именно! Не будем терять времени на restroom, нафиг надо. Мы не устали.

— Да и мы не устали. Но restroom всем и всегда нужна.

— Нам не нужна. Мы молодые и сильные, мы не ходим в restroom. Let’s go!

На замечательном вечере национальной песни я поддержал литовское землячество — литовцев было мало, компания была хорошая, и мне захотелось выступить за них. Мы спели под усиленный аккомпанемент Кястаса три песни — весёлую народную, которую я знал и сам же им предложил, и две современные, которые я выучил уже от них — про мечтателя на горе и зелёный дирижабль.

После выступления Ряхин отвёл меня в сторону, а потом упрямо и нудно допытывался у меня, почему я пел с литовцами, о чём мы пели, с кем я по жизни, что меня объединяет с “этими людьми с флагом”, почему я с ними, а не с русскими, на чьей я “стороне” и не содержалось ли в песнях прямых призывов к свержению конституционного строя.

— Конечно, содержалось, — доверительным голосом сказал я, и Ряхин перестал дышать. Я неспешно размял и раскурил сигаретку, многозначительно помолчал, глядя в темноту, и продолжил. — Песня ведь называется “Клён”. Просто так что ли? Ха! Для какого-то деревенского дурачка это просто клён, но ты-то товарищ бдительный, сразу в корень. Правильные вопросы задаёшь, Алексей, ох правильные. Клён — это что? Клён — это Канада. А Канада, это что? Это капстрана, это Северная Америка, это член НАТО, наконец. Не мне тебе объяснять, что это значит. Второй куплет — там дует северный ветер. Тоже неспроста. Почему именно северный? В слове NATO “N” — это что? Это “North”, север по-ихнему, чуешь?

Более внимательно, чем тогда Ряхин, меня никто никогда в жизни не слушал. Ни до, ни после.

— В третьем куплете, — стараясь сохранять серьёзный вид, продолжал я, — этот северный ветер будит молодого парня, который до этого мирно спал под клёном, то есть под сенью НАТО. Спал — значит, что? Значит, лежал, молчал и бездействовал — до поры. Молодой — значит кто? Значит, солдат. Будит — зачем?

— Зачем? — не понял Ряхин.

— Смешной вопрос! — засмеялся я. — Зачем будят солдата, мы-то с тобой, Лёша, хорошо должны понимать. Би-би, пи-пи, па-па-па — тревога! Кстати, по имени ты кто?

— Кто? — растерялся Ряхин.

— Кто-кто... Агния Барто... Ты — Алексей!! А-лек-сей! Это священное имя! Все буквы этого имени надо писать прописными.

— Почему священное? — мой собеседник вконец запутался, — меня в честь бати назвали.

— Тем более! Дважды священное! Ты что, не знаешь? Песня такая священная есть. Про священного солдата на священной горе. Эту песню надо петь только стоя: “Стоит над горою Алё-ё-ё-ё-ёша, Алё-ё-ё-ё-ё-ёша, Алё-ё-ё-ё-ё-ё-ёша...”.

— Знаю, — злобно сказал Ряхин. — В твоей литовской-то песне что?

— А, да, — я уже забыл, что хотел придумать, — короче. Да. О чём это мы? А, да, песня. Ну так вот, дальше в литовской песне всё становится ясно из припева: “Раз-два-три, раз-два-три”. Вдумайся. Что это за цифры? Зачем они здесь? Может быть, это код, шифровка? Я тоже так думал, но нет, всё хуже. Так вот: “Раз! Два! Три!” — это не арифметическая прогрессия, нет, это отрывистые команды натовского командира, это шагающий в ногу строй вооружённых молодчиков, разбуженных своими заокеанскими хозяевами (буква “А” в слове “НАТО” как раз и есть “Атлантический океан”, смекаешь?). “Раз! Два! Три!” — это солдатские сапоги, чеканящие шаг по брусчатке. “Раз! Два! Три!” — это сомкнутые каре полков, боевым порядком марширующие сам понимаешь куда. “Раз! Два! Три!” — это волевые подбородки проснувшихся, как Герцен, парней, равняющихся сам понимаешь на кого. “Раз! Два!..”

Ряхин плюнул, встал и ушёл, что и требовалось провернуть. Больше со мной политических разговоров он не вёл, слава тебе муме.

В конкурсе победили, кстати, украинцы. Абсолютно бессмысленно устраивать конкурсы песни и надеяться на победу, если в конкурсе песни собираются участвовать украинцы.

Экспедиция

Главной целью значительной группы студентов было найти выпить. В местный магазин было днём не выбраться, да и смысла бы не было — сухой закон с талонами на водку и тотальным дефицитом никто в социалистической Латвии не отменял. Городки Стучка и Кокнесе были далеко, да и там водки, скорее всего, не было. Ситуация была почти безвыходной. Но не безвыходной.

Лидером студенческих сил, ищущих спиртное, был Серый из Брянского пединститута. Будущий педагог разузнал через поварих столовки, что в деревне можно разжиться самогоном, а у некоей бабы Анны имеется лучший продукт по качеству и цене. К бабе Анне было решено выдвигаться нынче же ночью после отбоя. Поскольку муновцы выставляли на главном входе ночного дежурного, надо было его отвлечь дважды — чтобы группа захвата могла улизнуть из здания и чтобы затем вошла обратно уже с грузом спиртного. Дверь не запиралась по соображениям пожарной безопасности, но просматривалась и охранялась муновцами всю ночь. Ночной дежурный в корпусе был необходим — без присмотра муновский монастырский уклад не продержался бы и получаса — в корпусе находились пара сотен двадцатилетних юношей и девушек, чьи интересы и стремления не совпадали с муновскими ни в чём.

Группа захвата самогона собиралась серьёзно — тёмная одежда, кеды, чтобы ступать неслышно, пара сумок через плечо, а в сумках майки и рубашки, чтобы проложить ими бутылки.

Отвлечь ночного дежурного попросили меня.

— И вот ещё что. Не надо показывать местным, что мы русские, а то нас живо почикают, — предостерёг Ряхин соратников перед вылазкой. — Надо говорить друг с другом только по-английски. Или надо узнать, как по-ихнему будет “самогон”, чтобы они поняли, зачем мы пришли.

— Тебе, Ряхин, это не нужно, — сказал я. — На тебя взглянешь, и за версту понятно, кто ты, откуда и зачем пришёл.

— Не смешно, латыш, не смешно, — презрительно сказал Ряхин. — Не знаете вы этих лабасов, ох не знаете...

Выйти из здания группе удалось на удивление легко — дежурный куда-то отлучился на минутку, чем алкогольные диверсанты мгновенно и воспользовались. Растворяясь в темноте ночи, Серый сказал мне:

— Ты это, будь здесь на входе ровно через час. Отвлеки дежурного, а мы проскочим.

— Мум в помощь! — перекрестил я алко-рэйнджеров, — Deus vobiscum.

В условленное время я был в вестибюле. Дежурил флегматичный Питер из американской глубинки. Питер сидел на диване, тупо смотрел прямо перед собой и клевал носом. Мой энергичный high five никак не оживил его. Я сел на диван рядом с ним лицом к входной двери, чтобы Питер смотрел на меня, а дверь чтобы оказалась за его спиной. Только в такой позиции он упускал из поля зрения прогон дверь – лестница, по которому должны были прошмыгнуть лазутчики. В вестибюле было жарко, а на улице свежо, поэтому дверь была неосмотрительно распахнута настежь — сама природа благоволила алкогольным рейнджерам из религиозного лагеря. Питер, самый замкнутый из тим-лидеров, и днём-то был не особо разговорчивый, а увлечь его беседой ночью казалось почти невыполнимой задачей. Но на меня надеялись Серый и его команда, и я должен был попробовать:

— Хороший вечерок выдался, не правда ли?

— Хороший.

— Ты из какого штата, Пит, из Айдахо?

— Из Айовы.

— Как интересно! Классный, должно быть, штат! И как в Айове, такие же упоительные вечера, как здесь или всё-таки чем-то они другие, что-то, возможно, есть такое в их воздухе, что делает их...

— Вечера такие же.

— Классно! Хороший ты парень, Пит. Как тебе здесь вообще? Что чувствуешь? Расскажи. Ты та́к себе представлял эту программу или как?

— Как представлял, так и оказалось.

— Здо́рово, ты прямо провидец!

В дверном проёме показалось пол-лица харьковчанина Коляна. Всё, они вернулись! Я продолжил работать клиента с удвоенной силой.

— А скажи, Пит, я вот часто сам думаю, каким будет мир в двадцать первом веке, лет эдак через двадцать пять? В 2016-м. Вот идёшь ты по улице родного города, довольный, настроение хорошее, песню поёшь: “Пройду по Массачусетской, сверну на Пенсильванскую”, а вокруг тебя что? Кто вокруг? А рядом с тобой кто? Какие машины, какие витрины? Как думаешь? Представь. А лучше закрой глаза! Что видишь? Говори!

За дверным проёмом звякнула бутылка и послышалось какое-то сдавленное хрюканье. Питер обернулся на звук и прислушался:

— Что это?

— А, это кошка. Фить-фить-фить, иди сюда! Не идёт. Ладно, забудь. Не надо проверять, Пит!! Сядь, сядь, Пит, мы же разговариваем! Сядь, как сидел и смотри на меня. Кошка уже убежала. Её Лаймой зовут, она мышей по ночам ловит, но она слепая, постоянно натыкается на разные предметы — бум, бум. Поэтому создаёт много шума вокруг себя. Завтра поищешь её.

— Разве здесь есть слепая кошка? — удивился Пит, всё-таки сев на своё место. Все муновцы очень любили животных, и я прекрасно понимаю почему. — Странно... Слепая кошка... Сколько я здесь, давно уже, но никогда не видел ни кошку, ни мышей.

— Здесь всё есть, Пит. Мы видим только верхушку айсберга. Есть ещё собака Павлова, Жеводанский зверь и много кого ещё, целый зоопарк. Завтра всех их увидишь, сейчас все спят в своих норах.

— И собака тоже в норе??

— Я не знаю, Пит, у меня по зоологии два, сейчас ничего выяснять мы не будем, правда? Всё завтра. Завтра. Так вот, скажи мне, если бы ты мог путешествовать во времени, куда бы ты отправился из нашего августа 91-го и почему? Аргументируй свой ответ. Подкрепи примерами.

— Здесь бы остался.

— Тоже вариант. А скажи, Пит, какая книга оказала на тебя самое большое влия... А, сорри, это и так понятно. Я имею в виду — если бы у тебя был шанс что-то изменить в жизни, то что бы ты изменил?

— Так бы всё оставил.

— Я бы тоже! Видишь, у нас с тобой много общего, мы прямо на одной волне. А расскажи, пожалуйста, как американская молодёжь проводит свободное время?

— Кто как.

— Классно! Я так и думал. А в каких городах ты бывал?

— Де Мойн, Нью-Йорк, Москва. Вецбебри.

— Вау, ты прямо Сенкевич, весь мир объездил! Знаешь Сенкевича?

— Нет.

— Могу рассказать тебе о нём, о его удивительных приключениях, например...

— Не надо, — оборвал меня Пит.

— Ладно, завтра расскажу. А скажи, вот например, допустим, э-э-э-э-э, какую черту характера ты больше всего ценишь в людях?

— Молчаливость.

В дверном проёме снова послышалось сдавленное хрюканье антропогенного свойства. Было ясно, что люди вот они, совсем рядом, и что они ждут от меня результата. Я повысил голос, как обычно делают, когда что-то объясняют дедушке, который туг на ухо:

— А вот у нас, кхе-кхе, знаешь, Пит, хочу тебе рассказать, учитель по трудам (это типа рукоделия для мальчиков, эти навыки в Гулаге могут пригодиться) был Евгений Антонович, просто киборг! Настоящий Робокоп! Бим-бом, пи-пи-пи, перезагрузка. Ты думаешь, “Антоно́вич” фамилия, как Шостакович или Сенкевич? Ошибаешься, это отчество! То есть, Юджин это имя, а Энтони это отчество. Он сам Юджин, а папа Энтони. По-русски вежливее обращаться к человеку по имени-отчеству, а не по фамилии, потому что “товарищ Самоделкин” как-то холодно звучит. Известно ли тебе, что такое отчество? Вот твоего папу как зовут?

— Джон.

— О! Значит, ты Иваныч! Пётр Иваныч, приятно познакомиться! А почему? А потому что Джон — это древнееврейское Йоханан, означает “бог подаст”. Иван — тоже Йоханан, вот тебе и Пётр Иваныч получился. Сейчас я тебе кириллицей напишу твоё русское имя-отчество, хочешь? Сходи за бумагой и ручкой, я тут покараулю, подежурю: “Who is on duty today?”. Ха-ха! Кхе-кхе. Не хочешь? Ну ладно. Ну так вот, трудовику нашему Анатолию Васильевичу было 99 с половиной лет, он ещё Ленина знал. Мы его дразнили: “99 с половиной, 99 с четвертью, 99 с ниточкой,..”. Прикинь? Он был гагауз. Ходил по школе с серпом и молотом. Учителем он стал уже при Брежневе, а при Сталине он был паровозным инженером. Его приглашали “Титаник” поднимать, но он не поехал: “Нет, — говорит, — я лучше видеосалон открою в районе, это как-то ощутимее”. На домре играл, учил нас петь вот так: “Сердце красавицы склонно к измене”, учил считать на счётах с закрытыми глазами (you know, the Russian abacus) и играть в городки — тубусы кидать по матрёшкам, small towns, игра такая — это как бейсбол, только без мячика. Ещё фокус показывал, следи внимательно за моими руками, внимательно следи, Пит, сюда́ смотри, сюда́ — вот так поднимает большой палец вверх (есть в Америке такая шутка?), а другой рукой как будто откручивает этот палец, а потом алле-оп! — и пальца как будто нет, а палец-то он вот, за ладонь заведён! Ловко? А ещё можно, как будто ты палец откусываешь и жуёшь, а не откручиваешь, смотри вот сюда, но это сложнее. Потом шеей учил нас двигать по кругу, смотри, вот так, ну у меня не очень получается, а у тебя получится? Попробуй. А вот смотри, пальцы — сколько удивительных вещей можно сделать! Можно месяцы считать, вот август — это 31, можем проверить, загадай какой-нибудь месяц. А можно загибать пальцы и умножать на 9, типа калькулятор всегда с собой, как шпаргалку можно использовать на математике. А, ну так вот, математика — а учительница по математике Клавдия Павловна (Клаудия как Шиффер, Павловна как Пол Маккартни — понял?) ему говорит: “Василий Матвеевич, любезный друг”. Бэйзл-Мэтью — ты понял логику русского отчества? И “в/б” — заметил? Это чередование такое, латинское “barbarian” — будет по-гречески “varvar” и, соответственно, по-русски тоже “варвар”, потому что через старославянский из Византии пришло, и кукла должна была бы быть “Варви” по византийской логике. В смысле, сорри, это она физруку говорит Михал Михалычу Яциву, а нашему-то трудовику она и гово...

— Крутая история, — скривился Пит.

Снова послышалось, как звякнули бутылки, но уже издалека и сверху, из лестничного пролёта.

— О, это доктор Дима, наверное, инструменты на кухне кипятит. Мало ли что, вдруг ночью срочная операция. Пока, Пётр Иваныч!

На утренней лекции Серый и его друзья были едва живые от выпитого. Видимо, напиток оказался забористым.

— Спасибо! — Серый слабо пожал мне руку. — Очень помог.

— Ты сходи к своим кухаркам, попроси у них компоту из сухофруктов. Разживёшься рассолом там, огурчиками, чем мум послал.

— Не дадут.

— Да мум с тобой, тебе-то и не дадут?

— Ладно, потом схожу. Там сейчас Кузьма их учит плов варить. Советский Союз, фигли.

После ланча Серый немного отошёл и рассказал о не видимой мне части операции в не характерной для будущего учителя словесности манере:

— Короч, это, вышли с пацанами, двинули на хазу к бабе этой. Идём цепочкой по обочине в полной тишине, как на НВП отрабатывали. Темно, как у Мума где? — новолуние, блин, не видать ни хрена. Вдруг это, куревом потянуло и голоса такие и вроде как смех тихий. Ряхин сразу напрягся, думал, эти — братья его. Колян шепчет: “Леший и русалка, нечистая сила!”. Пригляделись, а это, блин, вожатые наши, то есть, блин, не вожатые, а как их, тим-лидеры, ну эти — длинный и толстая. Сидят и курят! Прикинь? Нам, блин, запрещают, высылкой и ректором грозят, а сами, суки, смолят и ржут при этом. Я тоже, блин, их ректору сообщу, Муму, позвоню отцу на работу, блин. И сели же, идиоты, с наветренной стороны, всё прям на дорогу несёт — видать, Эн-Ви-Пи у них в школе не было. Мы хотели их зажопить, чтоб весь лагерь знал, а судьи кто, но мы ж, это, сами за бухлом, это ж ещё хуже, ваще залёт по полной. Нафиг надо, не стали мы хай поднимать, Мум с ними. Короч, нашли мы ту бабу ключницу, она такая руки в боки: “А, опять вы, сектанты из техникума? Целое лето ходите. Нет у меня давно ничего, мандруйте к Лабасу через дорогу”. Коза, блин! Ряхин такой, напрягся: “Там засада!”, я, блин: “Спокойно!”. Мужик мутный какой-то, говорит, чистого самогона мало, ваши разбирают очень быстро, есть сивуха и есть какая-то домашняя наливочка — и улыбается так. Ряхин английский язык со страху забыл и такой: “Ну его в баню, мужики, хрен знает, что он нам в свою наливочку подмешал, чё он лыбится-то”. Я, блин: “Спокойно, пехота!”. Мужик такой: “А вы, сука, попробуйте! И я с вами отопью маленько, если стремаетесь брать”. Ну хряпнули прямо там на месте, нормальный такой зверобой, ништяк. Гарик говорит, я не распробовал, плесни, мол, ещё. Потом ещё мальца: “Чё-то никак не пойму, а ну-ка ещё ороси” — и так раз пять. Ну чё, вроде, все живы, семь минут, полёт нормальный. Короч, дал нам этот мужик всё, что у него было и говорит: “Полтинник. Ну или сорок”. Я, блин, такой: “Ты чё, блин, отец, с дуба тут рухнул в своём тёмно-синем лесу? Побойся Мума, четвертной в самый раз будет”. Короч, на тридцатке сошлись с возвратом посуды, он там бухтел ещё, что мало, но мы сказали: “Готовь, блин, новую партию, ещё придём, если живы останемся”. Ну и всё, обратно идём, забирать нас уже начало слегонца, но мы нормально так, топаем. Гарику сложнее, но он держится, мычит чё-то. Ряхину эти псы-рыцари, как их... каратели за каждым кустом мерещатся. Курильщики эти хреновы уже свалили; думаем, не напороться б теперь, не дай мум, конечно, на их true love где-нить тут. Но ничё так, всё ровно. Дверь в общагу открыта, там ты сидишь с

этим придурком, ваньку валяешь. Коляна от твоей дикой ереси на ха-ха пробило, он согнулся от смеха, давится, я сначала думал, блюёт что ли уже, так рановато, вроде, ещё. Ну и всё, Колян проржался, дальше ты знаешь — ты нас прикрыл, мы проскочили. Ты всё-таки приходи хотя бы сегодня, мы хотим после отбоя опять нажраться. Чё, совсем не хочешь попробовать?

— Сивуху? Нет, спасибо. Я на компоте плотно сижу, пока цепляет.

— Ну как знаешь. Прими тогда от меня в дар пачку моршанского “Космоса”, она почти что целая, батя в Брянске по талону получил. От души!

Побег

Шли дни. Муновцы выдерживали прекрасный баланс, подавая своё учение в пропорции 20% Учения к 80% развлекухи (fun), но даже и впрыскиваемые 20% учёбы были вполне сносные — это были не молитвы, не целование портретов Мума, не человеческие жертвоприношения, не фанатизм, не “хэнде хох”, как в поезде, а интересные лекции о Библии — основе нашей иудео-христианской цивилизации, об истории авраамических религий, ну и о Муме, конечно, тоже. Мум был, в принципе, невредным дядькой. Годом раньше его принял в Кремле Михаил Сергеевич Горбачёв, Мум горячо поддерживал Перестройку, боролся за мир и против коммунизма — одни плюсы у мужика.

Лекции помогали заполнять цивилизационно-понятийную пропасть, образовавшуюся за 74 года между гражданином СССР и всем остальным миром. Мы увидели, что можно вести себя по-другому, быть свободными и открытыми в общении, даже если ты верующий муновец. Стиль лекций поражал советского студента. Это было не зачитывание материала с бумажки, а живой разговор и даже шоу, это было не вдалбливание и привычное записывание под диктовку, а интерактивное участие, а лектором был не старик-пономарь, а молодой и энергичный, умеющий держать аудиторию манипулятор, знающий и любящий свой предмет, даже если предмет был во всех отношениях спорный. Ведущих лекторов было два — сдержанный англичанин Тим и развязный американец Нэйт, они оба соответствовали стереотипам о своих национальных характерах и вместе представляли английский язык в его главных вариантах. В отличие от низовых тим-лидеров, лекторы были умными и интересными собеседниками.

Единственным минусом жизни в лагере студенты считали режим содержания — ни выпить, ни покурить, ни разойтись по интересам. Муновцы преследовали, студенты успешно уходили от преследования, это были “Том и Джерри”, и все всё понимали. Нарушения заповедей были на каждом шагу, но муновцы ничего ни про кого из нас не прознали, никого на месте преступления не поймали и никого не выгнали из лагеря.

Бунт вызрел внутри, и состоял он из одного человека.

— Теряем здесь время, — буркнул озлобленный Саша Елагин после соревнования по перетягиванию каната. — Я сейчас говорил с начальником лагеря об Америке. Я ему конкретный вопрос — когда они мне дадут официальное приглашение, а он не мычит не телится. Это же долго всё — пока они приглашение сделают, пока я заявление на загранпаспорт подам, пока выездную визу получу, пока въездную, а в ОВИРах очереди, люди с ночи пишутся и отмечаются. Пока в военкомат за штампом, пока билеты, да и в посольстве амеровском тоже, наверное, не быстро.

— Почему “наверное”? — “удивился” я. — Ты что, не знаешь, как в американском посольстве? Ты же готовишься стать Томом Сойером. Ты уже, считай, Гекльберри, судя по костюму.

— Откуда же мне знать, как в американском посольстве?

— Ну ты же был в Макдональдсе! Ты один из немногих знаешь, как там у американцев принято. Ха-ха-ха!

— Козлы!

— Валить тебе отсюда надо, Саша, пока Мум не прознал, что ты здесь токмо ради авиабилета. А то осерчает и поженит тебя на старой страшной северной кореянке, будет тогда тебе и true family, и какава с чаем.

— А что, кореянка хорошо. Лапшу будем жрать. Она Goldstar мне купит.

— Северная не купит. А жрать вы будете траву, руками. Или сразу ртом, когда обессилите. Голод там намечается.

— Что ж, там ещё хуже, чем у нас?

— Вот те истинный мум!

Перед ужином Саша поставил перед своим тим-лидером американский вопрос ребром. В ответ он услышал, что начальство для начала ждёт от него встречных шагов — минимального интереса к материалу, усвоения знаний, активного участия в жизни отряда.

И Саша всё для себя решил:

— Пошли они все в жопу со своим Мумом. Короче, завтра утром дотопаю до большой дороги, поймаю попутку до Риги и на вокзал.

— Не жалеешь? Завтра здесь вечер весёлых конкурсов, будут призы и шарады. Мум даст, повезёт тебе. Выиграешь хлопушку.

— Пошли они все в жопу со своими шарадами. Хватит с меня.

— Ну ладно. Мы скажем муновцам, что у тебя в Москве ЧП: кот умирает, ухи просит.

На рассвете следующего дня Саша уезжал, по-английски.

— Давай, братишка, будь осторожен, — обнял его сосед Ряхин.

— Вы тоже валите все отсюда, — обведя провожающих широким жестом благословил нас беглец.

— Все там будем, — пробурчали лагерники.

— О, латыш, — встрепенулся Ряхин, увидев меня, — научи Саню по-вашему попросить водителя подбросить его до Риги, чтоб его точно взяли. Чтоб вежливо, как там у вас, но чтоб при этом не лебезить перед чухонцами.

— Конечно, — спокойно сказал я. — Слушай. Опустят стекло, и тебе надо сказать: “Уз Риигу плиз. Ман ир ца́урея.”

— Что это значит? — недоверчиво спросил Ряхин. — Потому что смотрю я на тебя и что-то мне опять подсказывает...

— Это значит “в Ригу, будьте так любезны!”, — сбил я с мысли Ряхина. — Самая высокая степень вежливости, но без раболепства, как ты просил. Золотая середина. И лицо надо сделать доброе, когда говоришь такую фразу. Ещё улыбаться надо.

“Man ir caureja” была фраза из медицинского раздела русско-латышского разговорника, который я купил в Москве перед отъездом. Она означала “у меня понос”.

— А “плиз” зачем? — не отставал Ряхин.

— Для верности. Чтобы водила был уверен, что Саня американец. Бережёного мум бережёт.

— Это правильно, — удовлетворился моим ответом Ряхин. — Безопасность прежде всего! А то времена такие настали для русского человека...

— Да не дай мум.

— Ну всё, с мумом! — попрощались.

Елагин решительно зашагал от религиозного техникума.

— Не забудь! Как там тебя учили? Повтори! — крикнул вдогонку Ряхин, искренне переживая за товарища.

— Ман ир ца́урея! Ман ир ца́-у-ре-я! Уз Ри-и-и-и-игу!

— Быва-а-а-а-ай!

За несколько последующих лет учёбы в институте я больше никогда не видел Сашу Елагина, хотя должен был бы пересечься с ним тысячу раз.

Пока осиротевший Ряхин плёлся в столовку на завтрак, я подсунул под дверь его комнаты листок диковинного американского формата Letter, на котором я беспорядочно нарисовал разные символы — круг, квадрат, волнистую линию, циферблат без стрелок, золотой ключик, солнце, розу ветров, звезду, спираль, облако, плюс, минус, знак бесконечности, вопросительный знак, многоточие и несколько пляшущих человечков. Как и ожидалось, Ряхин истолковал эту абракадабру превратно и усмотрел в ней почерк тёмных сил. Он показывал листочек товарищам и тим-лидеру: “Вот, смотрите, гады какие-то подбросили, что бы это значило?”.

Все смеялись и предлагали ему разные варианты расшифровки:

— Дебил рисовал.

— “Это рисунок мальчишки” — ребёнок рисовал, папке прислал. У тебя нет детей в этих краях?

— Реклама от вашего алкогольного дилера.

— Из Общества трезвости.

— Это тебе Лена Иванова из текстильного института пишет. Признаётся в любви. Видишь, в начале всё сложно, а в конце радость, все танцуют.

— Это тебе лесные братья пишут. Чёрная метка, не иначе.

Я изучал листочек дольше всех, с серьёзным видом рассматривал его под углом и на свет:

— От Мума, конечно. Теперь Мессия — ты.

Подпиши хотя бы меморандум

Муновская программа подходила к концу. Для устроителей приближалась пора сбора урожая, точнее проверки улова — кого удастся удержать в рыболовных сетях, а кто ускользнёт. Момент истины.

За несколько дней мы все перезнакомились, сколотилась неплохая компания, и муновцы активно эксплуатировали хорошую атмосферу. В тот день, когда заканчивалась наша смена в Вецбебрях, начиналась новая смена в литовском городе Моле́тае, это была смена следующего уровня с более продвинутой программой, но с той же прекраснодушной атмосферой, что и в Вецбебрях. Целью муновцев было уговорить максимально возможное количество народа не возвращаться домой, а провести ещё десять дней в литовском лагере для продолжения банкета. Вторым допустим вариантом было принять студента в “Карп” прямо на месте с подписью под заявлением. На худой конец, допускалось выжать из студента письменное намерение вступить в “Карп” в будущем, т.е. подписать своеобразный “меморандум о намерениях”. Вариант отпустить студента домой безо всякой подписи считался у муновцев полным провалом, который надо было предотвратить любой ценой.

В предпоследний день нам продемонстрировали слайды с картинами жизни в молетайском лагере: довольные улыбающиеся обитатели за накрытыми столами. Это напоминало фронтовые листовки: “в плену тебя ждёт горячая еда и радушный прием твоих товарищей”. После обеда последовали индивидуальные беседы с тим-лидером и определение “следующих шагов”. На столе лежали детдомовские ручки и бланки: на поездку в молетайский лагерь, на вступление в “Карп” и “меморандум о намерениях”.

Майкл Бразил сразу перешёл к делу и предложил мне выбор — поездку в литовский лагерь или вступление в “Карп”, а лучше и то, и другое. Я поблагодарил Майкла за хорошо проведённое здесь время, отодвинул от себя оба бланка и направился к выходу. Майкл завёл длинную речь на тему прекрасной жизни в Молетае и следующего за Молетаем ещё более прекрасного этапа — поездки в Америку. Я отказывался. Майкл вышел на минутку и вернулся с начальником лагеря.

— Мы с самого начала следим за твоими успехами, Энди, и возлагаем на тебя большие надежды, — начлаг говорил медленно, с достоинством человека, привыкшего к тому, что его слушают и слушаются.

— Я польщён.

— Ты показал самый лучший результат в письменном тесте знаний.

— Это было несложно.

— Если было несложно, тогда вступи в “Карп”.

— Какая связь? In the garden elderberry, in Kiev uncle.

— Чего?.. Слушай, Энди, после Молетая будет Америка, обещаю. Я напишу о тебе начальнику калифорнийской колонии. Сорок дней в солнечной Калифорнии!

— Прямо как Иисус в пустыне: “сорок дней и сорок ночей, а напоследок взалкал”.

— Слушай, стоп! Стоп! Все стоп! Ты обязан, ты просто обязан, ты обязан быть с нами!!! Серьёзно! Это твой шанс. Он в твоих руках, не упусти.

Я посмотрел на свои руки. Они были пустыми.

Начлаг сделал вид, что не заметил моей шпильки:

— Ты стремительно продвинешься, всех обойдёшь и очень скоро взлетишь на самый верх.

Было непонятно, что имел в виду начлаг под “самым верхом” (“top of the top”) — комиссарить в каком-то муновском ЦК или же бери выше — занять место Самого́ что ни на есть Мума и... стать мессией. Но ни цэковского кресла, ни небесного трона не хотелось.

— Это твой шанс, Энди, — не отставал начлаг. — Признайся, тебе здесь не понравилось?

— Очень понравилось. Трижды подряд посмотренный фильм “Ghost” и бег в мешках по техникуму я запомню на всю жизнь.

— Тогда почему?

— Не хочу.

— Энди, ты не понял, наверное. Это Калифорния! Знаешь, что это такое?

— Э-э-э... Штат?..

— Нет, не штат! Это рай! Это Калифорния! Ка-ли-фор-ни-я! Sunshine State! Golden Gate! *Все* хотят в Калифорнию, любой без исключения человек в мире мечтает о ней! Представь себе, вот ты, — начлаг с жалостью оглядел меня, — и в Калифорнии! Идёшь по калифорнийским улицам, дышишь калифорнийским воздухом. Ты вообще представляешь себе, каково это — поехать в Калифорнию?

— Безусловно, представляю. В общих чертах. Прямой рейс Молетай → Голливуд. В полёте газировка, перед посадкой конфетка с подноса. А там вы с Деми Мур меня встречаете — она же с Патриком Свейзи на вас работает, верно? На лётном поле трап, приветственный компот или что там пьют в Калифорнии, я не знаю. Из аэропорта сразу в техникум поедем размещаться. По дороге песни будем петь, а в техни...

— Ясно, — резко перебил меня начлаг. — Достаточно. Это вызов, и он принят. Но твои язвительность, насмешливость и упорство — вещь как раз очень хорошая, нам очень нужны люди с убеждением, с сильной позицией. Просто возьми свои замечательные качества и перейди с ними на сторону Бога!

Я изобразил, что я ищу место в комнате, где Он должен был бы находиться, типа: “Вот сюда что ли стать?”

— Я понял тебя, — злобно сказал начлаг. — Ну хорошо, тогда подпиши хотя бы меморандум.

— Я не буду ничего подписывать, guys, не буду никуда вступать. Сожалею.

— Мы будем *очень* разочарованы.

— Не будете. Поднимите мою московскую анкету — там я чётко написал, что я еду сюда с целью попрактиковать английский, познакомиться с вашим учением и хорошо провести время. Вы приняли меня, зная мои цели. Я свой заявленный план выполнил и неожиданно даже перевыполнил, а ничего большего я не хотел и никогда вам не обещал. Всё честно. Спасибо и прощайте.

— Энди, — начальник лагеря присел на стол передо мной и понизил голос, — а теперь слушай сюда. Майкл, убедись, что дверь плотно закрыта.

Так, будут бить. Ну ясно, добром это не могло кончиться, слишком уж гладко всё шло. Я напрягся и приготовился защищаться. Начлаг неспортивный, ему можно

просто дать ладонями по обоим ушам, он опешит, а я выиграю три секунды. А Майкл — увалень, его просто оттолкнуть и быстро к двери — она же не заперта на ключ, а просто закрыта. А если не получится, если навалятся? Ну тогда врукопашную. Пусть будет международный скандал, который спровоцирует обмен ядерными ударами, но я не сдамся.

— Энди, слушай. И расслабься уже. Я принимаю решение отправить тебя в Калифорнию и без Молетая. Смотри на меня. Слушай. Ты, — театральная пауза. — Поедешь. В Америку. Сразу. Напрямую. В виде исключения, — начлаг придвинул ко мне карповский формуляр. — Подпиши, и уже в понедельник 19 августа в Москве ты сможешь подавать на загранпаспорт — приглашение для ОВИРа и Посольства США будет ждать тебя уже сегодня вечером в нашем московском офисе. Мы сейчас оба, ты и я, подпишем по документу, ты — заявление о приёме в “Карп”, а я — факс в наш московский офис для приглашения в Америку, прямо при тебе. Забудь про Молетай. Готовься сразу к Калифорнии. Сорок дней. Ещё Нью-Йорк будет, индивидуальная программа и много чего ещё. И никому — слышишь? — ни-ко-му не говори о моём решении в отношении тебя. Это исключение из исключений. Это твой шанс, ты счастливчик! Ты рад?

— Безумно.

— Короче, вот сюда впиши имя и вот здесь подпишись. Вот тебе ручка. Или у тебя своя?

Я отступил от стола с неподписанным формуляром и встал на полдороги к двери — на всякий пожарный.

— Джим, Майк, очень ценю, реально, но не обессудьте. Большое спасибо за всё и всех благ — вам и Движению. Следующий! — это было сказано уже в коридор, уже на свободе.

Расставанье — маленькая смерть

Утро отъезда выдалось мрачным, под стать созданной муновцами тягостной атмосфере похорон. Полными слёз глазами муновцы смотрели на отъезжающих, как на покойников. Мы сели в автобусы с табличками “Rīga”, в которых не хватало только гроба в середине, а все остальные атрибуты траурного кортежа были.

Напротив полукругом стояли автобусы с табличками “Unification Church Summer Camp 1991 Molėtai Lithuania”, в них сидели те, кого удалось убедить вчера или раньше. В их автобусах пели самые надрывные песни муновского репертуара, в наших же было тихо, как в могиле. Пока муновцы разрывали воздух и ду́ши песней Sunny Side of Life, пара студенток из наших автобусов в слезах бросились к литовским автобусам под шквал аплодисментов и громкие крики радости с той стороны.

Музыкальный спектакль помог поймать две новые души, но на этом психологическое давление на отъезжантов не закончилось. Пара тим-лидеров, едущих в Молетай, вышли на площадку перед нашими автобусами и начали демонстративно чеканить футбольный мяч и пасовать его друг другу с натужной радостью. Тим-лидеры были похожи на “дерущихся” на потеху публике цирковых клоунов, их “игра” в заранее заготовленный мяч выглядела так же

искусственно. “На дураков рассчитано” — точно подытожили происходящее в нашем автобусе.

От “футбола” не дрогнул никто.

Тогда муновцы выпустили свою самую тяжёлую артиллерию — Тото Кутуньо. Он по-настоящему плакал, переходя из автобуса в автобус, он пел дрожащим голосом свои самые пронзительные песни, он смотрел прямо в глаза отъезжающим, словно пытаясь заглянуть в душу каждого, точнее — каждой. Юноши от певца отворачивались, да он к нам и не приближался, у него была другая целевая аудитория. Тото Кутуньо с комком в горле пел I’ll Never Find Another You с нажимом на “you”, и из каждого рижского автобуса выбегала одна-другая студентка, под гром аплодисментов перебегая на литовскую, муновскую сторону.

Затем всё стихло, мы постояли пять минут в гробовом молчании — от давящей тишины, которая тоже была одним из видов психологического оружия и частью программы, перебежала ещё одна, и воздух взорвался громом аплодисментов. Литовские автобусы включили моторы, не закрывая дверей, при этом их пассажиры испытующе на нас смотрели, а многие муновцы плакали. Автобусы начали газовать на холостом ходу для поднятия психологического давления. В одном из их автобусов затянули песню из песенника, потом в другом. Сломалась ещё одна душа, снова взрыв радости на той стороне: кто-то крикнул “Аллилуйя!” у них и засмеялся в ответ у нас.

Посидели ещё с открытыми дверями под вой нервно газующих автобусов. “А что мы-то сидим, как приговорённые? — возмутился я. — Чем мы хуже? Поддержим и мы себя чем-то духоподъёмным. “Варяг?” Наверх вы, товарищи, все по местам, послед...”. “Да ладно, забей, — вяло махнули рукой соавтобусники, не поддержав меня. — Сейчас они успокоятся и поедем. Маразм не вечен”.

И действительно — литовские автобусы тронулись, но, проехав двадцать метров, остановились и снова открыли двери. Однако больше слабонервных не нашлось — в автобусах “Rīga” остался только не пригодный для муновцев человеческий материал.

Литовские автобусы постояли ещё немного и всё-таки уехали, повернув на развилке налево. Мы — направо. Игра на нервах была окончена. Программа была окончена. Безумное, но прекрасное в своей нелепости почти свидание с почти Америкой было окончено.

Мы уезжали. В Москве нас ждал последний кусочек лета, последнего лета Советского Союза, старого мира и, по большому счёту, нашего детства. Мы договорились встретиться как-нибудь, но никто не знал, что это “как-нибудь” наступит уже утром в понедельник 19 августа, когда многие из нас случайно встретятся у Белого дома, хотя и не того Белого дома, который обещали показать нам муновцы. Кто-то из нас будет с сумкой с бинтами и йодом, кто-то с деревянным ящиком для возведения баррикад, кто-то с радиоприёмником, настроенным на “Эхо Москвы” или “Би-Би-Си”, а кто-то просто с горящими и бесстрашными глазами.

Мы уезжали. В Москве нас ждали родные, друзья и ГКЧП.

(2019-Apr-17)

2.5.13 Двадцать шлагбаумов до счастья

День первый. Хорошенькое дельце на государственной границе.

“Главное — поскорее дотянуть до Евросоюза, а там можно и расслабиться, — настраивал я себя, выезжая на машине за ворота подмосковного дома. — Вставлю в глаза спички, обопьюсь кофе, но газ сброшу только за Бугом”. Впереди лежали пять стран и 3000 км до Женевы.

Я уезжал из России с вещами, во второй раз в жизни с вещами, но в этот раз — навсегда. Московская командировка закончилась; яркая, но недолгая российская скобка в моей биографии закрылась: настала пора возвращаться.

Машина на российских транзитных номерах тоже покидала Россию навсегда и была загружена под завязку кухонной утварью, летними колёсами, инструментами, книгами, костюмами — в общем, обычным набором переселенца. Впереди сидело чудище с туловищем из ватного одеяла и подушкой вместо головы, которую венчала венецианская маска Чумного Доктора. Где-то в глубине салона позвякивала мясорубка. На каждой, собака, кочке!

Начало марта 2011 года, раннее промозглое утро с позёмкой и туманом. В пять утра московские водители ещё спят, поэтому вести машину можно относительно спокойно, не опасаясь мигалковых, слалома через пять рядов, обгона по аварийке, обсигналивания, отжиманий, “учёбы” и прочей энциклопедии русской жизни. Только когда московский водитель ещё лежит в своей кроватке, можно неожиданно снова ощутить, что вождение — это вообще-то удовольствие, а ПДД (surprise!) вообще-то существуют. Новая Рига и МКАД вымерли, а на Минке начал собираться ручеёк умников, спешащих проскочить в Москву до пробок, но то ж было навстречу. На запад (и Запад) я ехал, похоже, совершенно один.

Чем дальше от Москвы, тем меньше дров — адекватнее водители, меньше стресса. Ну и вообще веселее и приятнее. Стало светать, дорога побежала побыстрее. Pause café на обочине не получилась — порыв колючего ветра снёс мой термос в кювет. “Это знак” — подумал я и вернулся в тёплый салон, а термос остался лежать в России, на память о моём пребывании.

Разгоняя скуку, я стал вспоминать всё, что знал о проезжаемых городах. Ну вот Одинцово — это маньяк Фишер. Можайск — молоко такое было в СССР и выражение “за можай”. Гагарин — это куча ассоциаций с местом: Клушино, папа-столяр, брёвна вместо школьных тетрадей. Вязьма — читал рассказ такой в раннем детстве. Смоленск — о, это уже скоро ВКЛ. Поворот на Катынь, нехорошо. Потом опять ничего, а потом вдоль дороги пошли какие-то тревожные панно, что, мол, скоро граница РФ, будь бдителен и не расслабляйся ни в коем случае. Я было напрягся, но зря. Вопреки угрозам, оказалось, что ничего страшного не произошло — граница России с Белоруссией была практически безлюдной и по-шенгенски неприметной. Выезд из России ничем не отличался от выезда из коттеджного посёлка.

По Белоруссии ехать стало гораздо интереснее — всё-таки другая страна, в которой я никогда раньше не был. Белоруссия всегда вызывала во мне позитивные ассоциации. Конечно, Белоруссия — это и Хатынь, и “Сотников”, и радиоактивность, и “Иди и смотри”, но ведь это же ещё и Беловежская пуща, и “Касіў Ясь каняўшчыну”, и “Завіруха”, и идиш на гербе, и Александрына с Алесей,

а также зубр в лесу и аист в небе. Но прежде всего — белорусский язык. В 10-м классе я выписывал и внимательно читал перестроечную газету “Літаратура і мастацтва” на белорусском и с тех пор сохранил любовь к этому чудесному языку. На первой же заправке я решил применить свои знания:

— Добры дзень, чацвёртая калонка, калі ласка. Поўны бак дзевяноста восьмага, найлепшай якасці. Я паставіў машыну трохі далей ад калонки, але шланга павінна хапіць, мне здаецца.

Тишина и недоумение.

— А вот мне сдаётся, пан, — на русском встрял какой-то дальнобой из очереди, — что ты загородил нам выезд. Это ты у себя в Польше паркуйся, как хочешь, хоть поперёк, а у нас в стране так не делают, rozumiesz?”

Во как — белорусы в Белоруссии даже не распознали, что это был в чистом виде их милый язык “аблачынкі“, а не попытка поляка заговорить по-русски. Плохо дело в Белоруссии с родным языком. В Каталонии, например, люди радостно и благодарно улавливают твой малейший намёк на именно каталонские слова в твоей речи, а здесь никакого интереса.

Голод я забил крекерами, не отрываясь от дороги — я хотел побыстрее перейти границу ЕС и спокойно поесть уже в Польше — в Тересполе или в Бялой — неспешно зайти в кабачок “13 стульев”, заказать бигос у официантки в польском народном сарафане, а в ожидании вкусного заказа полистать свежий номер “Жечпосполиты” под кружку “Живца” и под тихий аккомпанемент шопеновских ноктюрнов. Нося в своих венах долю польской крови, я очень ждал встречи с Польшей, в которой я никогда не был, но которой с детства симпатизировал заочно: читал книги о Польше, учил польский язык, покупал в киоске “Trybuna ludu”, пытаясь понять польские тексты о незнакомых реалиях, снимал с кассеты слова “Kolorowych jarmarków”. Какая она — Польша? Чем живёт, чем дышит? “Скоро узна́ю, осталось недолго, — подбадривал я себя, — повариха Юзефа в костюме лиотаровской “Шоколадницы” и с лицом Барбары Брыльской уже, наверное, поставила тушиться мой бигос в уютном тереспольском ресторанчике”.

С каждой сотней километров заметно улучшалась погода, и я гнал, гнал, стараясь не смотреть на часы и на счётчик. Минск остался справа, потом Стоўбцы, потом Барановичи, и в конце дня я совершенно неожиданно прибыл в Брест. До границы Союзного государства оставались считанные километры, и я не хотел задерживаться в нём ни одной лишней минуты. Польские радиостанции, появившиеся в эфире, придали мне сил поскорее раствориться с западной стороны Железного занавеса: носовые гласные и шипящие согласные призывали меня собраться напоследок, чтобы потом спокойно заняться бигосом.

В отличие от белорусско-российской границы, белорусско-польская — совсем другое дело, это действительно железный занавес. Здесь всё по-настоящему: ещё за пару километров до брестского КПП “Варшавский мост” появляются какие-то блок-посты, ментовские заслоны и чуть ли не противотанковые ежи. Работай спокойно, граница на замке.

№1

На въезде в КПП мне выдали какой-то пропуск и велели беречь его пуще паспорта. Я пошёл в терминал оформлять вывоз машины.

Таможенник с нашивкой “Мытная служба” почему-то удивился моему заявлению на вывоз машины. Он долго читал мой формуляр, вздыхал и кряхтел, затем пристально посмотрел на меня:

— Вы отдаёте себе отчёт, что вы сейчас затамаживаете свою растаможенную машину?

— Осмелюсь доложить — да, отдаю.

— Она перестанет считаться растаможенной для России. Вы купили её в московском салоне и заплатили за растаможку, а сейчас эти деньги пропадают — продолжал мытник. — Вы же с концами выезжаете. Машину больше нельзя будет поставить на учёт в России, понимаете это?

— Понимаю. Я снял её с учёта в России, чтобы поставить на учёт в Швейцарии. Документы ведь в порядке? Всё есть, что надо?

— Да, в порядке, всё у вас есть. Просто вы сами должны понимать, что машина не сможет больше встать под обычные российские номера.

— Да, я это понимаю. Действую осознанно, в трезвом уме.

— Вы уезжаете из России на ПМЖ, так? Вы уверены в правильности своих действий?

Настойчивые вопросы мытника на секунду сбили меня с толку. Раз посторонний человек так искренне удивляется и переживает за меня, то, может, я действительно что-то делаю неправильное, очевидное всем, но только не мне? Эмоциональное полушарие повелось и начало сомневаться, не повернуть ли назад? Ведь есть же в покидаемой мною стране много хорошего. Конечно! Например, дегтярное мыло — отличный уникальный продукт выше всех похвал, обожаю его за запах креозота и всем горячо рекомендую! Потом, что ещё, а! — маковые сухари “Звёздный”. Огурцы луховицкие чудо как хороши! Вот. Разве мало? Потом — что ещё? Русский язык!! Не, язык не считается — язык с РФ не связан, тем более, что он вместе с моей головой выезжает и таможенной декларации не подлежит. Также не оставляются за спиной, а выезжают с моей головой и другие нематериальные вещи: понимание русского культурного кода и русской литературы, мрачный юмор и здоровый цинизм, славянский пофигизм и восточноевропейская изобретательность — это всё я никак не теряю.

Танцы на рабочем столе в разгар рабочего дня, веселуха и угар в офисе и на многодневных тимбилдингах, угроза пилота зафрахтованного нашей фирмой самолёта, что если сейчас же дебош и безобразия в салоне не прекратятся, то он экстренно посадит самолёт в Бен-Гурионе, и вместо недельного офф-сайта на Синае мы окажемся в израильской полиции — **да!** и ещё раз **да!** — *такого* в швейцарском банке мне не увидеть никогда.

Ещё что? А! — принято мыть руки перед едой; и десерт принято есть одновременно с кофе/чаем, а не одно после другого — но эти хорошие привычки тоже ведь со мной выезжают, а не остаются. О! — советские учебники по языкам — лучшая в мире методика! Верно, но я свои вывез уже, а другие по интернету можно заказать, так что это тоже за потерю не считается. Так, что ещё в самой России? Невысокие налоги, линейная шкала — да, не поспоришь! Хоть ты почти ничего и не получаешь за свои налоги, но платишь-то ты немного. Да, аргумент. Что ещё? Ре́сторов много, а кухня в них после обеда не закрывается. Это да. Магазины открыты ночью, и это несомненный плюс. Ну и да — вопросы быстро решаются, получить любой вид услуг очень легко. И люди подходят,

скажем так мягко, *творчески* к решению вопросов. Любой каприз за ваши деньги — да, это неоспоримый аргумент в пользу России. Ну... Так... Что ещё?.. Дегтярное мыло назвал, сухари тоже... Но как так получается, что все мои пункты бытовые и ни одного фундаментального?

Вслед за эмоциональным рациональное полушарие стало сыпать многотонные гири на противоположную чашу весов, и после первой же гири весы погнулись и сломались:

> ⚖ сила вместо права;
>
> ⚖ понятия вместо закона;
>
> ⚖ низкая (почти отсутствующая) эмпатия, повсеместная нравственная глухота;
>
> ⚖ коррупция, везде бакшиш, везде или “свои человечки” со связями, или “отблагодарить”;
>
> ⚖ политическая инфантильность, восприятие государства и себя в нём по монгольско-ордынской, а не европейской парадигме;
>
> ⚖ пирамидальная иерархическая структура общества, непонимание принципа равенства, вертикаль власти во всех сферах, в том числе и в сугубо частных;
>
> ⚖ агрессивность к слабым при покорности перед сильными;
>
> ⚖ “не всё так однозначно” по отношению к предельно однозначным моральным вопросам; тяжёлые вздохи и фаталистическая уверенность, что “ничего нельзя изменить”;
>
> ⚖ безразличие ко всему, что выходит за пределы ежедневного обихода — у каждого первого “хата с краю” и железная дверь;
>
> ⚖ нижайший уровень доверия людей друг к другу;
>
> ⚖ приниженная (и всеми воспринимаемая нормальной!) роль женщин в обществе, унизительный знак туфельки на машинах, всем известная “обезьяна с гранатой”;
>
> ⚖ пугающая милитаризованность общества в мирное сытое время, повёрнутость на теме боёв, атак и “защиты родины”, которой абсолютно никто не угрожает, граничащая с перверсией фетишизация военных парадов и военной формы, постоянное апеллирование к давно умершим воевавшим дедам, “можем повторить” и — острое желание, чтобы боялись, если уж любить всё равно не любят;
>
> ⚖ цивилизационный и культурный изоляционизм и полнейшие самодостаточность и комфорт внутри этого изоляционизма;
>
> ⚖ нездоровая зависимость определяющего тенденцию большинства от телевизора как единственного источника информации и мировоззрения;
>
> ⚖ сильнейшая и непоколебимая национальная мифология, как и любая мифология не имеющая отношения к реальности (“духовность”, “народ-богоносец”, “особый путь”, “умом не понять”, “большая страна” и пр.);
>
> ⚖ пугающий рост религиозности общества, причём религий две:
>
> ① вернувшееся из добровольного 70-летнего забвения православие (к первоклашкам в светскую школу хотят пригласить попа, и из всех родителей против этого визита возражаю только я один — несвежего господина в рясе удалось остановить, а детей оградить)

> и
>
> ② 66-летней давности победа Союзников во Второй мировой: малых детей (⚠) обряжают в военную форму, вызывают читать военные стихи, которые растерянные малыши не понимают, заставляют детей маршировать, отмечают неявившихся на подобные мероприятия..;
>
> ⚖ вечный поиск несуществующих врагов и перенос на эти выдуманные фигуры ответственности за собственный неуспех;
>
> ⚖ неумение смотреть на себя в зеркало и хоть как-то минимально интересоваться соседями по планете, коими планета населена на 98.2%;
>
> ⚖ презрение (или, в лучшем случае, высокомерие) по отношению к другим народам и культурам (те “пиндосы”, эти “чурки” или “черноСамиЗнаетеКакие”) и даже к своим “понаехавшим”, которые «сидели бы лучше у себя в Урюпинске / ауле»;
>
> ⚖ ложь, воспринимающаяся как доблесть и ведущая не к неминуемой потере репутации, а к следующей ступеньке наверх;
>
> ⚖ поразительнейшее непонимание свободы; невосприятие свободы как ценности в принципе — отбери хоть всю, никто и не заметит и, тем более, не пошевелится;
>
> ⚖ поразительная атомизация общества (“железная дверь”) и полное отсутствие общества гражданского...

— Так вы уверены в правильности своих действий? — мытник вернул меня к реальности.

— А?? Шо?? А,.. да. Абсолютно уверен. Разрешите следовать дальше, — я почувствовал себя декабристкой, лишающейся имени и титулов при пересечении последнего верстового столба перед Сибирью.

— Воля ваша, — торжественно произнёс мытник, ударив штемпелем по бумажке. — Моё дело предупредить и разъяснить.

Больше никто на “Варшавском мосту” философских вопросов мне не задавал. Вяло посмотрели на моё барахлишко, спросили, как я отдирал шипы от покрышек, проштамповали паспорт и отпустили.

🚧 №2

Последний союзный пограничник у самого въезда на мост забрал у меня ценный пропуск, поднял шлагбаум и пожелал хорошей дороги.

🚧 №3

“Надо запомнить его доброе лицо, — подумал я, — лицо последнего должностного лица Республики Беларусь. Когда ещё я их увижу? Скорее всего, никогда. Прощайте, добрые белорусские люди”.

Самая большая в мире страна закончилась. Мост через Буг [см. видео], торжественный момент — ну вот я и в ЕС! Я доехал, чёрт побери!! Стал принюхиваться (не пахнет ли бигосом?), оглядываться — не горят ли огни ресторанов, не играет ли полонез, не вышли ли в жупанах и контушах с магерками меня встречать местные жители, некоторые из которых вполне могли оказаться моими дальними родственниками.

🚧 №4

Ничего такого не было. Очередь на польский КПП “Тересполь” разделилась на два рукава — короткий “ЕС” и длинный “Все остальные”. Я зарулил в первый, и через несколько секунд агрессивный детина из очереди “Все остальные” постучал по крыше своей ладонью размером с вок: “Я не пóэл, ты чо, в натуре,

самый борзый чо ли, я не по́эл. Если надо объяснить, в какую очередь надо вставать, я ща популярно объясню, по́эл?". Фу, какой некультурный человек, отрыжка большевизма! Я развёл руками — не понимаю, мол, что вы там орёте, и он, увидев под лобовым стеклом незнакомый паспорт непривычного цвета, нехотя вернулся в свою очередь, извергая проклятия. А фигли, дядя, я теперь тут у себя дома, по́эл?? Себе́ по башке постучи. По́эл??

Первым живым поляком оказался хорунжий Граничной Стражи в конфедератке с белым орлом. Я поприветствовал его настолько радостно, что он принюхался, не пьян ли я. Пять секунд на паспорт и подал знак — проезжай на таможенный контроль. Польский таможенник с усами, как у Пилсудского попросил документы на машину, особенно напирая на zabezpieczenie ("zabezpieczenie" — страховка что ли? Странно. Страховка, вроде, будет "ubezpieczenie"?), и ушёл с ними в контору. Через пять минут в контору пригласили и меня. "Ну всё, последняя формальность перед бигосом", — подумал я.

Сказать обломался — вообще ничего не сказать.

Две очень суровые таможенницы, абсолютно не похожие на добрую Юзефу, выдали мне документ под названием "Pouczenie" и металлическими голосами разъяснили суть этого поучения: за все транспортные средства, снятые с постоянного учёта в своих странах и пересекающие ЕС транзитом на транзитных номерах, необходимо при въезде в ЕС вносить залог (zabezpieczenie) в размере не то 21%, не то 33% от цены машины. Дальше — больше. На КПП "Тересполь" внести залог нельзя, у них нет для этого мощностей. Залог надо вносить в большом польском таможенном терминале рядом с городом Корощин.

— Ну хорошо, — конструктивно предложил я, ещё не осознав масштаб бедствия, — давайте я оставлю машину на вашей стоянке и сгоняю в этот, как его, Корощин на такси.

— Сейчас всё закрыто, такси тут нет, а вашу машину оставлять у нас нельзя, на ней надо немедленно вернуться в Белоруссию. До свидания.

— Осмелюсь доложить, я не могу вернуться на машине в Белоруссию, она там затаможена, я только что прошёл все формальности.

— Мы не знаем белорусских законов. Вам надо в Корощин. До свидания.

— Подождите прощаться. Как мне попасть в этот, как его, дьявола, Корощин?

— Легко. Сейчас возвращайтесь в Белоруссию. А завтра утром въедете в Польшу через другой КПП: совсем рядом с Брестом находится КПП "Кукурыки". Там Граничная Стража прямо за Бугом, а таможня трохе дальше — в корощинском терминале. Трохе проедете по таможенному коридору — и всё там оформите в лучшем виде. Это очень просто, не переживайте. Из Корощина напрямую в Швейцарию и поедете, делов-то. А сейчас — до свидания.

— Но учтите, panie, если белорусы меня сейчас не пустят обратно на затаможенной машине, то я к вам опять сейчас приеду.

— Нет, не приедете, мы вас не впустим. Машина вообще не имеет права находиться на территории ЕС без залога. До свидания.

— Те не впустят, вы не впустите, что же мне теперь — поселиться на нейтральной полосе?? Послушайте, panie, это какой-то абсурд. Я еду из не-ЕС в не-ЕС. Окей, я гражданин ЕС, но я не живу в ЕС, у меня нет там адреса. Вы видите мою швейцарскую прописку, вы видите, что центр моих жизненных интересов

не в ЕС, вы понимаете, что у моей машины нет с ЕС ничего общего, кроме места её рождения.

— Вам должны были рассказать о залоге, когда вы получали транзитные номера в московской дорожной полиции. До свидания.

— Из московской дорожной полиции, panie, я едва ноги унёс с этими злосчастными номерами, а теперь и вы тут меня прессуете не хуже них. Осмелюсь доложить, меня никто не предупредил. Что, всё это из-за одной буквы “Т” у меня на номере?

— Dura lex sed lex. До свидания.

— Я могу поговорить с самым главным здесь?

— Они перед вами. До свидания. И поймите, что говорите вы хоть с самим Баррозу, любой вам скажет, что вам надо в Корощин, любой. До свидания.

— Бред это какой-то. Послушайте, panie, я хочу быстрее добраться до дому. Через двое суток я покину территорию ЕС, потому что мне просто незачем здесь находиться. Пропустите меня! Я проехал 1000 км и очень устал. Хочу поесть бигоса в Тересполе.

— В Бресте и отдохнёте, и поедите. Драники тоже очень вкусное блюдо. До свидания.

В Бресте?? Драники?? Это... шутка?..

U, cholera!!!

Пилсудский работал на европейском коридоре и подошёл ко мне, увидев мой раздавленный вид. Разговорились.

— Первый раз в Польше, говорите? А откуда же польский знаете?

— Лингвистический и культурный интерес, подогретый наличием польской крови в анамнезе.

— Круто.

— Круто было бы, если бы вы меня пропустили с миром. Это было бы мудро и благородно для польского офицера. Пан таможенный инспектор, вы же видите, что я не автомобильный спекулянт, к чему эти неожиданные формальности, этот абсурд? Ну вот же моя дорога. Давайте я по ней поеду, и всё.

— Так пана никто и не задерживает! Пан же у себя дома и делает, что хочет в двадцати семи странах ЕС. Пан прямо сейчас может идти по этой дороге хоть до Лондона, хоть до Брюсселя, хоть до Атлантического океана, — давясь от смеха, шутник Пилсудский изображал, что он шагает и поворачивался корпусом, меняя направление руки, указывающей в темноте на называемые города Европейского Союза, — но машина пана имеет неевропейские транзитные номера без залога, поэтому машина пана должна немедленно покинуть ЕС. Я открою пану шлагбаум в Белоруссию. До свидания.

🚧 №5 Cholera jasna!!!

🚧 №6 Снова мост, снова здоро́во.

Белорусский пограничник интересуется только людьми и их паспортами-визами. Он смотрит на меня вопросительно, увидев свежий штамп о выезде в этот же день.

— Поляки машину не пустили, залог, говорят, нужен, — объясняю я ему дипломатический казус. — Поучение вот выдали. Говорят, выйди и войди снова через какие-то Кукурыки.

— Это уже у поляков Кукурыки, — сказал пограничник. — С нашей стороны это называется Козловичи. [см. карту]

— О'кей, пусть будут Козловичи. Значит, въезжай, говорят, через Кукурыки слэш Козловичи и оформляй залог в каком-то Корощине. Трохе проехать надо, говорят.

— Трохі! — белорусский пограничник весело засмеялся. — Да там не трохі, а кило́метров семь. Только не ехать, а идти. Пёхом. Наши вас не выпустят на личном транспорте через Козловичи, это грузовой погранпереход. Ничего, за час дотопаете.

Кукурыки, козловичи — как низко я пал... Ещё два часа назад я не знал о существовании этих населённых пунктов и, в принципе, никогда и не должен был узнать.

Продолжая улыбаться моему незадачливому положению, белорусский пограничник поставил штамп "въезд" рядом со свежим "выезд", на котором ещё не обсохла краска, и которому я так радовался.

А вот белорусский таможенник на въездном терминале не улыбался, а очень заинтересовался моим барахлом.

— Что ввозим в Республику Беларусь? — уставившись на Чумного Доктора, занудливым голосом проскрипел он. — И в каких количествах?

— Ничего не ввозим, потому что ничего не вывозили. Только что отсюда выезжал, но мою машину поляки не пропустили, — снова рассказываю я ему свою идиотскую историю. — В Корощин отправили, дело шьют. Требуют zabezpieczenie. Вы меня пустите, пожалуйста, переночевать в вашем гостеприимном городе, а завтра утром, возложив цветы к Брестской крепости и памятнику Ленину, я решу свои проблемы с польским залогом и выеду окончательно, но из Козловичей.

— А вы делали подробную опись вывозимых товаров из Республики Беларусь, чтобы сейчас их беспошлинно ввозить?

— Опись?! Какая опись-~~шмопись~~, я не предполагал возвращаться, меня поляки неожиданно завернули! Я не приехал, я наоборот — уезжаю, тактически отступаю на одну ночь, чтобы завтра уехать окончательно. Знаете, мне проще выкинуть это барахло в Буг, чем вынимать его и описывать.

— Значит, описи нет, — покачал головой таможенник. — Хорошенькое дельце на государственной границе...

— Осмелюсь доложить, я не челнок, а это не польские товары. Там в глубине шиты всякие б/у, я пе-ре-ез-жаю. Проверьте по видеокамерам, спросите у ваших коллег в выездном секторе, там был один, моими вырванными шипами интересовался. Вам подтвердят, что всё это только что уже выезжало, но так и толком не выехало.

Скрипучий таможенник пошёл с моими документами на выездной сектор. Но пока я был в Польше, у белорусских таможенников заступила другая смена, и никто из выездного терминала не мог подтвердить скрипучему, как моя машина выглядела при выезде из РБ пару часов назад и что в ней лежало. Барахло-то

полбеды, но машина?! Она же затаможена уже, мне мытник чётко сказал — билет у твоей машины в один конец.

— Откройте багажник, — проскрипел таможенник. Он по-прежнему интересовался моим барахлом, а не затаможенной машиной.

Из переполненного багажника на асфальт посыпались початые цветные карандаши, а в разные стороны раскатились глобус и малярный скотч. На ногу таможеннику упал блок дегтярного мыла. Я обернул этот факт в свою пользу:

— Осмелюсь доложить, это российский продукт, made in Russia. Видите? Какой спекулянт, по-вашему, будет ввозить в страну товар, в ней же и произведённый? Тем более копеечное дегтярное мыло. Тем более такое вонючее.

Таможенник понюхал мыло и задумался. Затаможенная машина его не заинтересовала вообще, и это было Восьмое чудо света, которое я так никогда и не смог объяснить. Видимо, я имел право пользоваться затаможенной машиной в РФ/РБ ещё какое-то время.

🚧 №7 Меня пропустили — я ехал по Белоруссии на официально вывезенной из неё машине. На восток. В обратном направлении. Куда глаза глядят.

Хорошо, что не встретил мытника на обратном пути. Он бы порадовался, что я всё-таки одумался и вернулся.

Первое, что я увидел в Бресте, был поворот на “Вяслярны канал” — гребной канал. Я вспомнил: буквально позавчера мне бывший уже подмосковный сосед, делясь своим опытом автотуризма, с восхищением рассказывал о гостинице при этом комплексе, выполненной в советском стиле восьмидесятых — по форме и по духу. “Прям как в Советский Союз вернулся”, — умилялся сосед.

Не до жиру. Припарковался и оформляюсь на ресепшен в наихудшем из настроений. Из Польши прогнали, бигоса нет, официантки в польском народном сарафане нет, “Жечпосполиты” нет, “Живца” нет, а есть советская гостиница, в которой я оказался единственным клиентом на полсотни номеров, и есть ночной портье — дед-бодрячок с энкавэдэшным взглядом под портретом Лукашенко. Такие портреты шейхов в гостиницах я видел в Арабских Эмиратах.

— Я задам вам несколько вопросов. — торжественно объявил дед хорошо поставленным голосом лагерного конвойного, проигнорировав моё приветственное обращение к нему на белорусском языке. — Ответы запишу. Готовы?

— Ну если без этого никак, — протянул я.

— Надо, — отрезал дед.

— Кому?

— Начинаем! — объявил дед. — С какой целью прибыли к нам?

— Э-э-э... Изучать передовой опыт.

— Это правильно, у нас действительно есть, чему поучиться. Вы спортсмен?

— Спасибо за комплимент, но нет. Я так, сочувствующий.

— Каким дисциплинам? — поинтересовался дед.

— Художественной гимнастике, такой — с ленточками, знаете, фьють-фьють. Синхронному плаванию ещё.

— А гребле?

— А, пардон, точно — ну и гребле, конечно. “Мы на лодочке катались золотисто-золотой...”. Академическая гребля... Мой любимый вид спорта! Так увлекательно! Часами могу смотреть: раз-два, раз-два, раз...

— Так, ясно, — перебил меня дед. — Страна проживания?

— Не знаю. Правда, не знаю. У вас рассчитывал проживать. Одну ночь. Можно? Послушайте, уважаемый, ночь на дворе, я единственный постоялец в вашей гостинице, я устал с дороги, можно мне уже ключ от номера? Пожалуйста!

— Не торопитесь, это важно.

— В чём важность?

— Граница рядом!

— И что с того? Это же просто линия на карте, условность. Керзон тут границу предложил от балды, просто потому, что речка тут протекает, удобно демаркировать, так и осталось, а вы так через это напрягаетесь. За всю долгую историю Бреста никакой государственной границы тут не было, разве что совсем недолго между Третьим разделом и Венским конгрессом. А потом Брест не был пограничным до 1939-го,..

— Это не нашего ума дело, — злобно перебил меня дед.

— А чьего?

— Ваша профессия?

— А, ещё не конец? Я, это, странствующий лектор. От слова “худо”.

— Чувствуется. Откуда прибыли?

— С того света. Послушайте, уважаемый, может, закончим уже? Если у вас маркетинговое исследование, то пришлите ваши вопросы моему денщику, он развёрнуто ответит.

— Не отвлекайтесь. Страна назначения? Ну, что вы молчите? Куда следуете?

Ни фига себе любознательность для гостиничного портье! Может, ещё группу крови спросит или сумму последнего бонуса?

— В Папуа – Новую Гвинею. В Бресте короткая пересадка.

Дед склонился над своей тетрадкой, записывая мой ответ. Я повторил ему название страны назначения по слогам (“Па-пу-а – Но-ва-я Гви-не-я”) и осмотрелся в своём вынужденном пристанище.

— А он ещё и греблю курирует? Вроде ж хоккеист, — я рассмотрел портрет повнимательнее.

— Кто это — “он”?, — напрягся дед.

— Товарищ вот, — киваю на портрет зевая.

Дед встал в полный рост.

— Это вам не “он”. И не “хоккеист”. И уж тем более не “товарищ”. Это Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко. По слогам, может, повторить??!!

Я тоже хотел встать, но я уже стоял. “Как бы он не придушил меня ночью”, — с опаской подумал я. Мне почему-то вспомнился фильм “Десять негритят”: “И их осталось двое”.

— Первый раз в нашей стране? — прошипел дед, с ненавистью глядя на меня.

— И последний.

— Как платить будете?

— Кредитной картой.

— Кредиткой нельзя.

— Тогда никак.

— Тогда кредиткой.

Номер “люкс” был по-советски шикарным. Салон и спальня, кожаная мебель, ковровая дорожка, графин с гранёными стаканами, холодильник белорусского производства и телевизор тоже местный.

Ночью мне снилась дорожная разметка, по ней бегали какие-то мерзкие кукурыки с усами, как у Пилсудского.

День второй. Вас просто расстреляют.

Завтрака в гостинице Вяслярнага канала не было в принципе. Ладно, не до разносолов мне сейчас.

Мой маршрут дня был такой: гостиница → КПП “Козловичи” → КПП “Кукурыки” → Корощин, будь он проклят → КПП “Кукурыки” → КПП “Козловичи” → КПП “Варшавский мост” → КПП “Тересполь” → свобода. 2x7 = 14 километров “пёхом”, обещанные вчерашним погранцом.

Многие думают, что трасса М-1 ведёт в Брест, я тоже так думал. Грубая ошибка. М-1 ведёт не в Брест, а в Козловичи и вполне могла бы называться не Минка, а Козловичка. Терминал “Козловичи” оказался целым городом, даже страной, нервным центром союзного экспорта и импорта, через который круглосуточно едут гигатонны леса, труб, удобрений на запад и гигатонны медикаментов, оборудования, автомобилей, одежды, обуви, еды и всего-всего на восток. Фуры, фуры, фуры.

№8

Въезд в эту страну по пропуску, который солдат велел тщательно беречь. Я запарковался и попал в огромный муравейник, притом прекрасно организованный. Сотни дальнобойщиков передают документы от окошка к окошку, занимают очередь, штампуют, что-то объясняют чиновникам в окошки, радуются встрече друг с другом. Абсолютно другой мир, о существовании которого я и не подозревал.

— Я бы хотел попасть в Корощин, мадам, — обратился я к сотруднице терминала, протягивая ей свои документы. — Куда прикажете идти, с чего начать восхождение?

— Вы уже взвесились?

“Вот она, — подумал я, — хвалёная белорусская забота о человеке! В этой стране, наверное, как в пионерском лагере — тебя взвешивают перед отъездом, чтобы проверить, как ты поправился и окреп за время пребывания. Какая красивая традиция!”.

— Вы из какой спедиции? — продолжила интересоваться сотрудница.

— Я не из экспедиции, — засмеялся я (разве я похож на геолога??), — я сам по себе, тупо еду из Москвы в Женеву. Не до экспедиций мне сейчас, не до изгиба гитары жёлтой и не до турпоходов на байдарке. Мне в Корощин надо оформляться.

— Здесь всем надо в Корощин, не в Париж. Странный вы какой-то. Вы порожняком или с грузом?

— Голова пустая, так что считай порожняком. А мой груз — разве ж это груз? Фигня разнообразная, без слёз не взглянешь: винтики-шпунтики, резина, барахлишко никчёмное, вещи ношеные, виды повидавшие.

— Сэконд-хэнд везёте что ли? Отсюда в Швейцарию сэконд-хэнд???

— Можно и так сказать.

— О́чень странно. Документы нормальные давайте.

— Так я ж дал. Это всё, что у меня есть. А, подождите, вот ещё поучение от поляков есть. Сейчас достану...

— Слушайте, что вы мне голову морочите? Это что — скрытая камера? Передача “Городок”? Какое ещё поучение? Вы кто??

— Человек... С маленькой, правда, буквы, но всё-таки...

— О боже, что за наказание! Что, что вам от меня надо??

— Мне надо в Корощин. Там лежит ключ к решению неожиданно свалившейся на меня проблемы.

Минут десять козловичская сотрудница не могла поверить, что я, случайный для мира международных перевозок человек, попал на таможенный терминал на личном транспорте, не везя никакого коммерческого груза и вообще не будучи дальнобойщиком, а я не мог понять, что она не понимает очевидных вещей. В конце концов она вызвала по телефону подкрепление, и пока за мной шёл сержант пограничной службы, я спросил:

— Скажите, а почему вы меня спросили, взвешивался ли я. Это так трогательно.

— Да не вы, господи, кому вы нужны. Не вы, а грузовик. Фуры взвешивают перед терминалом на огромных весах. О боже, свалился тут на мою голову! Кто вас вообще сюда пустил? Безобразие!

Угрюмый сержант вёл (или конвоировал?) меня молча и никак не реагировал на мои дружелюбные вопросы (“Как тут на границе, всё спокойно?”, “Какие настроения в войсках?”, “Как думаете, война будет?”, “У вас есть собака?”, “Много нарушителей поймали?”, “Накладные копыта ещё применяются?”, “Сержант, а куда мы идём-то, а?”), которые я задавал ему, чтобы не молчать, как упыри. Немой сержант привёл меня на командный пункт погранзаставы и вдруг бодро заговорил, передавая меня дежурному майору — похоже, самому главному в их смене начальнику, которого все заметно боялись. Я объяснил дежурному майору, что́ мне нужно — доехать до польского терминала в Корощине, а затем вернуться обратно.

— Нельзя! — отрезал майор.

Но почему? Почему опять нельзя??

— Наш переход — грузовой, — наставительно пояснил пограничный начальник, — и границу можно пересекать только на грузовом транспорте, только! Остальное — нарушение границы. У вас есть грузовик?

— Осмелюсь доложить, нет. Но у меня есть ноги. Я просто пойду пешком, за меня не беспокойтесь, не развалюсь. Вы мне поставите выездной штамп, и я пойду с миром. Документы у меня в порядке, вы меня проштампуете, и я пойду себе через мост. Обратно так же вернусь. Меня же пропустят?

— Да вас просто расстреляют! — весело рассмеялся какой-то санитарный врач, зашедший подмахнуть у майора бумажку. — Прямо на мосту. За незаконное пересечение границы. Тра-та-та-та-та! и гильзы дымящиеся из калаша. Первый предупредительный, второй на поражение. Наши пограничники — они ребята серьёзные, так ведь, бойцы? Ха-ха-ха-ха-ха!

— Расстреляют?! — я представил себя истекающим кровью на линии Керзона, сжимающим в слабеющей руке свежеоплаченное и уже никому не нужное забеспеченье. Или Оводом, командующим собственным расстрелом: “Выше автоматы, молодцы. Цельтесь лучше, это АКМ, а не сковорода. Что ж вы, в нарушителя с полста шагов попасть не можете? И за что вам только зайчики платят?”

— Отставить глупые шутки. В общем, нельзя. Нельзя! — примирительно, но наставительно пояснил майор. — На то есть указ Президента Республики Беларусь — каждый пограничный пункт можно пересекать только тем способом, который прописан в уставе. Наш президент сам в Погранвойсках служил, знает, что делает. У нас в Козловичах можно пересекать границу только на грузовом транспорте. Главное — это порядок!

— Осмелюсь доложить, главное — это здравый смысл.

— Что доложить? — не понял майор. — Что вы всё время докладываете? У вас что, заело?

— Это из “Швейка”, — пояснил санитарный врач и снова расхохотался. — Ты же в военной форме, вот он тебя и подкалывает за погоны. “Швейк” — вечная книга!

Врач с уважением посмотрел на меня и даже, мне показалось, подмигнул.

— А, — ответил майор, — на́ши книги надо читать. Короче, так, слушайте, всё. У вас личный транспорт в таможенной зоне, это запрещено. И вы сами тоже давайте-ка дуйте отсюда в Брест на “Варшавский мост”. Здесь вам нельзя находиться.

— За последние сутки, где бы я ни появлялся, мне везде говорят, что мне нельзя здесь находиться.

— Послушайте, как вас там, вы езжайте в Брест. Оставьте машину в городе, а сами идите на трассу. Голосуйте или напишите на бумажке “Варшава”. Вон, возьмите листочек и фломастер. Кстати, пишите лучше латинскими буквами, так сразу больше шансов, что люди остановятся. Вас кто-то подвезёт, с ним и пересечёте границу через пассажирский КПП “Варшавский мост”. А в Польше вы сразу соскочите, ноги в руки — и в Корощин. Там им и доложите или что вы там всё время повторяете. А из Корощина обратно тем же макаром.

План чудесный, но кто ж меня, незнакомого человека, возьмёт пассажиром через государственную границу? Может, я браток? Или беглый? Вот вы бы, товарищ майор, увидев меня с табличкой, хоть бы и латинскими буквами, взяли бы?

— Нет, конечно! — уверенно сказал майор, но потом спохватился, — но кто-то другой...

— Или другая! — захохотал санитарный врач. — Никогда ж не знаешь, где найдёшь, где потеряешь!

— В общем, кто-то, — закончил свою мысль майор, — может, сжалится и возьмёт.

Пограничный царь-и-бог пристально посмотрел на меня:

— Ладно, радуйтесь, что я это я. Сейчас — бегом марш!! — уводите машину за пределы таможенной зоны куда-нибудь подальше с глаз моих долой. Потом пешим порядком ко мне. Я посажу вас вторым водителем к кому-нибудь в кабину. Переедете мост в кабине грузовика, а на польском берегу сами разберётесь, это уже не моя печаль. Закон Беларуси мы никак не нарушим, а больше меня вообще ничего не интересует. Вопросы есть?

— Товарищ майор, вы только что разрубили гордиев узел организованной международной бюрократии.

Пропуск на выезд из таможенного терминала подписан. Блок-пост, пропуск сдал.

🚧 №9 Машину пришлось отгонять далеко, за дальние пределы таможенного стана. Я оставил её в чистом поле на обочине предпоследнего километра трассы М-1. Обратно в таможенную зону, новый пропуск. Я оглянулся на восток — вдали чёрной точкой стояла моя машина, единственная ниточка из прежней жизни. По моим московским расчётам, я должен был бы сейчас уже вкусно обедать в Лодзи. Вместо этого я шёл оформляться дальнобойщиком, чтобы ехать в какой-то непонятный Корощин не пойми зачем. Жизнь приняла совершенно неожиданный оборот, и мне казалось, что всё это происходит не со мной.

🚧 №10 Пока я убирал машину, прошёл час. За это время кто-то испортил майору настроение — похоже, что какой-то россиянин.

— Давайте документы, — буркнул он, когда я снова пришёл в пограничную контору.

Майор сел заполнять бумажку, но его мысли не давали ему покоя, и он в сердцах отбросил ручку:

— Вот как вы думаете, зачем мы с Россией это союзное государство заключили, какая нашей стране от этого польза?

— Не знаю, товарищ майор, не задумывался. И какая?

— Да никакой! Едут сюда, понимаешь, как к себе домой и порядки свои насаждают, дверь ногой открывают, за дурачков нас держат. А этот номер у нас не пройдёт! У нас в Беларуси всё по-другому, по-нормальному, по-человечески. И как вы там в Москве выжили ещё, как с ума не сошли? Кругом одно враньё, одно ворьё, все только себе хапают, только под себя гребут!

— Товарищ майор, мне бы уже это, того, в Корощин.

— Только газ нам дают, вот это только польза, — продолжал кипятиться майор, — и то — сегодня дам, завтра не дам, любит – не любит, орёл-решка, палка-селёдка.

— Печально...

— Ещё как печально! Вот, смотрите — вы и сами уезжаете из России, и я вас очень хорошо понимаю. Сам бы бежал оттуда. Но только Швейцария — тоже не вариант. Неизвестно ещё, что хуже.

— Да? И почему же?

— Ну а что вас там ждёт, сами разве не знаете? — майор искренне удивился моей неосведомлённости. — Вас ждёт удручающая картина. Скука и тоска зелёная. Незащищённость, неуверенность в завтрашнем дне. Бездуховность. Толерантность эта европейская: гей-парады, распад семьи. Чёрно[***]ые

повсюду, наркоманы, кварталы красных фонарей. Вера не наша, не правильная. Я-то знаю, что говорю, нам всё честно рассказывают и показывают, всё как есть, прямые репортажи с мест каждый день. Вам телевизор смотреть надо, как-то образовываться что ли. Вон, вчера передавали, безработица опять в Европе растёт, и инфляция тоже зашкаливает. Неофашисты, нами в сорок пятом недобитые, во всех странах голову поднимают. Везде враги, хотя бы это вы понимаете? Везде! Весь мир против нас!

Полный набор, как в кунсткамере, даже неинтересно. Ну почти полный — майор забыл главную вишенку на торте. Ну давай, майор, не подведи, без вишенки-то вкус не тот будет. Ну?.. Давай, дядя, вспоминай: “А-ме-...”.

И словно прочитав мои мысли, майор спохватился и довёл картину мира до абсолютного, энциклопедического эталона:

— Простые люди в Европе уже не знают, что делать. По привычке пляшут под американскую дудку на задних лапках в надежде на кусок с хозяйского стола, а американосы их за верёвочки дёргают, потешаются. Люди в Европе озлоблены, бьются за место под солнцем в мире наживы и чистогана.

— Насчёт чистогана верно подмечено.

— А насчёт остального что, неверно? Всё едете... Вам что там на Западе — мёдом намазано?

— В Швейцарии намазано шоколадом, — я попытался разрядить обстановку и закрыть опасную и бессмысленную дискуссию, понимая, что любое моё замечание чревато, а от этого человека, живущего на другой планете, полностью зависела судьба моего треклятого перехода через границу.

— Лейтенант, отдайте ему паспорт и посадите его к кому поприличней, — скомандовал майор, — Привет полякам! — попрощался он со мной.

Теперь я дальнобойщик. Сюрреализм какой-то. Дурной сон.

Лейтенант кинулся исполнять приказ начальника. Он придирчиво выбрал для меня четвёртую или пятую фуру с белорусскими, естественно, номерами.

🚧№11

— Ноги вытирай, пожалуйста, — вместо здрасте сказал благообразный хозяин фуры лет пятидесяти пяти. — У меня тут как дома. Иван Алексеевич, — он протянул мне руку.

И правда, в кабине было очень чисто и по-домашнему уютно — глаженые шторки, аккуратно подвязанные бантиками, красный коврик, амулет непонятной религии, детский рисунок то ли кошки, то ли паука, календарь на март и православный мини-иконостас из пяти персон, две из которых не подлежали идентификации: дама без надписей, сидящая как-то вполоборота к зрителю и смотрящая таким образом через два оклада на своего соседа Николая и очень суровый господин анфас с каким-то мешком в руках. “Наверное, это небесные заступники дальнобойщиков, — решил я про себя, — а мешок символизирует груз”.

— В цирк что ли тебя отправили? — с сочувствием спросил хозяин этого византийского великолепия.

— Что, я так похож на клоуна? — грустно заметил я.

— Цирк — это так мы называем терминал в Корощине. Зачем тебе туда?

Я рассказал ему свою невероятную историю, но она совсем не удивила бывалого дальнобойщика:

— Поляки... Раньше можно было им что-то объяснить, как-то вопросы порешать, но как в Евросоюз вступили — всё поменялось, как отрезало. Как немцы стали. Не наши они.

— А у вас в Белоруссии можно вопросы порешать?

— Можно я не буду на этот вопрос отвечать? — помолчав сказал Иван Алексеевич. — Зато в Москве в этой вашей не берёт только мёртвый. И с каждым годом всё хуже, хотя уже хуже некуда. Вот ты покупаешь в Москве себе очки там или аспирин. Знаешь, сколько взяток ты оплачиваешь? Сколько откатов, сколько заносов, сколько пота дальнобойного в этих таблеточках немецких? Думаешь, если сам взяток не давал и не брал, то и во взяточничестве не участвовал? Ошибаешься. Берут все, всегда, без исключения. Не с нас, так с хозяев фирм и грузов, кто бы ни сидел перед тобой и что бы ты ни вёз.

— А вы что сейчас везёте?

— Можно я не буду на этот вопрос отвечать?

— Да ради бога. Мне главное, чтобы не бомба там и не радиоактивные отходы. Это же не радиоактивные отходы, ведь правда? Не изотопы полураспавшиеся? А, Иван Алексеевич? Вы ведь не из Чернобыля едете, а? Вы откуда едете?

Иван Алекссевич перевёл разговор на другую тему:

— Тихо. Вот, смотри, это Кукурыки, граница польская. Этим всё равно, что́ везут. Им главное, кто́ везёт. Давай мне свой паспорт или что там у тебя. И очки сними от греха. Сосредоточься. Да не улыбайся ты! Соберись!

— Kto to jest? — офицер Граничной Стражи недоверчиво кивнул в мою сторону. — Не очень-то похож на водителя.

— Да это так, прости господи, — Иван Алексеевич с жалостью махнул рукой в мою сторону, — это никто. Кандидат в напарники из дальнего зарубежья. Профориентация. Не обращайте внимание, пан.

— Are you a driver? — посмотрев мой паспорт, спросил у меня пограничник. Он приподнялся в кабину и проверил, не прячется ли кто за шторкой, где лежанка.

— Posłusznie melduję, tak jest, panie oficerze [Осмелюсь доложить, так точно, пан офицер], — сказал я чистую правду, — mój samochód czeka na mnie w Kozłowiczach [...моя машина ждёт меня в Козловичах...]. Muszę coś zrobić w Koroszczynie i potem natychmiast wracam do Białorusi, do samochoda.

Пограничник лениво махнул рукой, и я снова оказался в Польше.

🚧 №12 Ехать действительно оказалось километров шесть по узкой (по одному ряду в каждую сторону) и огороженной с обеих сторон дороге — это таможенный коридор. Все эти 6 километров навстречу, в Козловичи, наглухо стояла очередь из фур. Не случайная пробка, а систематическая вечная очередь.

— Целыми сутками иногда так стоим, — пояснил мой “напарник”, — без очереди пропустят только рефрижератор.

— А если обочечник какой втиснется? — страшная память о беспределе московских дорог была у меня ещё совсем свежей, буквально вчерашней.

— Не втиснется, — засмеялся Иван Алексеевич, — у нас так не делают.

Водители переговариваются друг с другом по рации, настроенной на одну и ту же частоту гражданского диапазона. Каждый говорит на своём языке, компенсируя лингвистические пробелы русским матом, этим эсперанто славянского мира. Водители сообщают друг другу важные новости, предупреждают друг друга об опасностях, просят помощи и получают её.

— Хлопцы, кто в канале, как там на второй браме на Варшаву, большая колейка [=очередь]? — вышел в эфир Иван Алексеевич.

— Nie, na drugiej niewielka. [=Небольшая] Cztery-pieć TIRów. [=4-5 фур] — сразу же откликнулся неизвестный водитель.

— Принял, джэнькуйе.

TerespolВпереди показался вожделенный таможенный терминал, о котором я вынужденно мечтал со вчерашнего вечера. И вправду цирк — стеклянный купол посреди чистого поля.

— Как мне вас благодарить? Можно вы купите от меня подарок вашему внуку? — я потянулся за кошельком.

— Прекрати. Люди должны помогать друг другу, понимание иметь.

— Скажите об этом тереспольским таможенницам.

— Всё, приехали, — старый дальнобойщик спрыгнул на мокрый асфальт.

Прежде чем спрыгнуть самому, я оставил на сиденье двадцать долларов — Иван Алексеевич не только выручил меня, но и оказался культурным и приятным собеседником.

В “цирке” было так же, как в Козловичах — оживлённо и деловито. За кажущимся броуновским движением людей и документов стоял строгий порядок действий, понятный каждому из них. В этих терминалах с обеих сторон границы я заметил, как по положению тела водителя можно почти безошибочно определить его происхождение. Польский дальнобой сунет документы в окошко безучастно и даже грубо, что-то туда буркнет и отвернётся, переключив внимание на поиск друзей в зале. Русскоязычный же сгибается в три погибели перед окошком государственного человека, участливо что-то объясняет, смеётся вместе с чиновником, хотя ему точно так же должно быть пофиг, как и поляку — груз не его, фирма не его, машина часто тоже не его. Чехов был, несомненно, прав.

Я подошёл наугад к таможеннику, имевшему самый важный вид и самое большое количество нашивок, и рассказал, что мне нужно внести zabezpeczenie за машину. Он не сразу взял в толк, что я частное лицо, а когда понял, то разъяснил мне дальнейший порядок действий. Обращаться надо не к таможенникам, а в частную фирму (“spedycja”) на мой выбор — походить, потолкаться, сравнить тарифы и выбрать наиболее отвечающую моим ожиданиям.

Ожидание у меня было одно — поскорее свалить оттуда и покончить с этим театром абсурда. Я пошёл в первую попавшуюся “спедицию”, где мне велели заполнить кучу бумаг. В “спедицию” заходили дальнобои с документами, что-то подписывали, ксерокопировали. Изъясняются все на странном, но всем понятном панславянском языке — забавной смеси русского, польского, белорусского, суржика и трасянки:

— Джэнь добрый вам, пани Агуся, як ваши справы? — помятый водила неопределённого возраста обратился к миловидной сотруднице за стойкой,

видимо, давно привыкшей к дальнобойному флирту и никак не реагировавшей на него.

— Tutaj brakuje podpisu, proszę pana. [здесь не хватает подписи, подпишите]

— А в меня до вас, пани, подарунок — яблоко. Ха-ха-ха!

— Skąd taka hojność? [Откуда такая щедрость?]

— Отож медзынародны женский джэнь, Восьмое марта скоро. Джэнь всех кабет!

— Nie obchodzę świąt sowieckich. [Советские праздники не отмечаю]. I Panu nie doradzę. [И вам не советую]

— Ой-ой-ой, какие мы гордые! А у вас, пани Агуся, есть каханый?

— Nie brakuje mi panów młodych. [Женихов хватает]

— А то я знам йеднего. Та́кий справный, файный, керовца ТИРа [дальнобойщик] — ух, агонь! Толькі ему дальше ехать тшеба, а то б он позостался бы тутай.

Польский язык, как и итальянский, в вежливой форме требует обращения к собеседнику в третьем лице. Русскоязычные же обращаются во втором лице, добавляя “пан/и”, причём не в звательном, а именительном падеже. Для польского уха это звучит нелепо и даже грубо, но в Корощине никто не обижается. Стандартный польский: “Tak, Panie. Jak Pan chce, proszę Pana”. = “Да. Как хотите, прошу вас”. Польский русских дальнобойщиков: “Да, пан. Как хотите, пан. Прошу вас, пан”.

В спедиции мне насчитали кругленькую сумму залога, больше двадцати тысяч польских злотых. У меня не было ни одного. Злотые в хлипком банкомате быстро закончились. Пришлось снимать наличные евро с кредитных карт и менять их по грабительскому курсу в единственном на весь цирк обменнике.

Пока я нёс наличность, кто-то (бандиты?!) вдруг похлопал меня по плечу. Это были не бандиты, а Иван Алексеевич. Он решительно засунул мне в карман куртки двадцать долларов:

— Это не Россия, у нас так не делают.

Взамен горы денег, которую я принёс в спедицию, мне выдали бумажку с печатью, то самое zabezpeczenie. Неужели это всё?

Мелькнула вывеска Restauracja, и я понял, что уже 35 часов ничего не ел, с того самого момента, как мой термос улетел в подмосковный кювет. Ресторация оказалась обычной столовкой.

— Co Pan chce? Mamy bigos, kotlet, zapiekankę.

Бигос? Ну уж нет, увольте. Есть бигос в таких условиях — это профанация. Я хотел его совсем не так и совсем не здесь.

— Proszę o kotlet.

Выйдя из цирка, я понял, что 6 километров до Кукурык мне идти пешком — во-первых, никто к себе в фуру не посадит, а во-вторых, смысла сидеть никакого — пробка растянулась на все шесть километров. Весь таможенный коридор от Корощина до Кукурык я прошёл пешком вдоль плотной вереницы фур, ждущих въезда в Белоруссию, время от времени проверяя в кармане zabezpieczenie — не потерять бы его к лешему. Это не тёплая кабина Ивана Алексеевича, но это результат.

Я шёл, как Швейк из Табора, только не в Будейовицы, а в Козловичи, и напевал я не чешскую песню про Яромерь, а польскую, но тоже строевую — про уланов и

панночку. И ведь правда — чистой воды анабасис получается. Как там, в первоисточнике: “*Идти без устали вперёд, пробираться незнакомыми краями, быть постоянно окружённым неприятелями, которые ждут первого удобного случая, чтобы свернуть тебе шею, и идти вперёд, не зная страха, – вот что называется анабасисом*“. Это точно про меня!

Через час я дошёл до КПП и направился к пограничнику. Старший хорунжий напрягся и шагнул навстречу мне:

— Słucham Pana.

Я показал паспорт, объяснил, откуда я и куда и попросил пограничника посадить меня в кабину к кому-нибудь для пересечения границы. Полякам всё равно, как человек будет пересекать границу — хоть в кабине грузовика, хоть пешком, хоть ползком, хоть кувырком, но белорусское требование о кабине они знают.

Моё появление отвлекло старшего хорунжего от увлекательной игры, в которую он играл с водителем фуры со смоленскими номерами. Игра заключалась в том, что старший хорунжий воображал себя кем-то вроде начальника тюрьмы или лагеря, а водителя фуры — своим заключённым или рабом. Водитель радостно подыгрывал, сидя высоко в кабине.

— Так, Сашка, — строго выговаривал старший хорунжий, — ты, напевно, слéпый. Очы имеешь чы не? Ты виджишь, як ты заехал за красны щвет?

Действительно, край бампера огромного грузовика сантиметра на полтора пересёк воображаемую линию в чистом поле.

— Это тяжке престемпство. Ты престемпцник, Сашка, ты зламал право нашей краины! Але польска Straż Graniczna нигды не спит. Я положу крес твоим злочыньствам! Я укараю тебя! Я тебя расстреляю! — старший хорунжий потянулся к кобуре.

Да, расстрел — это, видимо, обыденная вещь в этих местах.

— Пан, не стреляй, я больше не буду! Пан, прости! Я жить хочу, пан! Пожалей, у меня дети малые, — Сашка закрутил кулаками у глазниц и захныкал, изображая детский плач.

Старший хорунжий подержал руку у кобуры, но потом показал Сашке кулак в кожаной перчатке:

— Чтобы остатный раз! Живи!

— Спасибо тебе, пан! — Сашка изобразил радость и по-индийски сложил руки в “намасте”.

Оба весело рассмеялись.

— Возьмёшь этого пана в Козловичи, — старший хорунжий царственным жестом указал на меня. — Головой отвечаешь!

Я поднялся в кабину, и наш многотонник, фыркая и кряхтя, тронулся к государственной границе.

🚧 №13

— Весело у вас тут, — сказал я Сашке. — Шутки, смех, ролевые игры.

— Попадаются весёлые ребята, — согласился Сашка. — А то ведь совсем озвереешь на такой работе. Одно и то же, годами, прикинь? Мы отупеваем за баранкой, они за шлагбаумом. Скучно.

— Здоров, лысóй, угости колбасой! Хи-хи-хи! — за моей спиной раздался чей-то визгливый смех. На лежанке в горах тряпья, оказывается, лежал человек, второй водитель. — Где фура твоя, потерял? Хи-хи-хи! На интерес в картишки перебросить нету желания?

— Желание огромное. Но интереса нету — все деньги в Польше оставил. Вместе с фурой.

— Закурить есть?

— Нет.

— Палеты нужны? Почти новые. Недорого.

— Не сейчас.

— Купи котлы тогда, — человек из тряпья источал какую-то уголовную ауру. — Смотри! — он издалека показал мне какую-то рухлядь в форме часов.

— Братан, в следующий раз обязательно. Деньжат подкоплю и куплю твои котлы. Не продавай пока, попридержи.

🚧 №14 Белорусский блок-пост, сдали паспорта, получили какие-то бумажки. Снова на КПП. О, знакомое лицо!

— И вам от поляков тоже привет! — поприветствовал я утреннего майора.

— А, вернулись... Ну и как там у них? Типа, как у нас? Или хуже?

— Хуже, конечно, — подыграл я майору, — гораздо хуже. Как вы и говорили, удручающая картина: бездуховность, толерантность, наркомания. Представляете, прямо в терминале шприц валяется, вмазываются прямо на работе. Унылые все, серые, совершенно не уверены в завтрашнем дне. Начальства нет — я думаю, они сидят у телефонов, ждут инструкций из Вашингтона. Готовятся к гей-параду — в коридоре коробки какие-то Made in USA навалены — костюмы, наверное, получили. Хочешь, не хочешь — наряжайся, явка обязательна. С отоплением проблемы, со светом тоже. Все злые. В общем, тяжёлое впечатление. А что, вы сами разве не видели, как у них? Вон, у вас же прямо из окна Польшу видно.

— Да сдались они мне! — злобно сказал майор. — Я не смотрю в их сторону. Я свою страну ещё не всю посмотрел.

Во как — человек всю жизнь живёт и работает на границе и даже не хочет взглянуть на тех, от кого он её охраняет!

— Я — белорус, — гордо заявил майор, разъясняя свою позицию, — и мне, в отличие от некоторых, другого счастья не надо. Меня мой отец так воспитал.

— Гэта ж вельмі добра, — абрадовался я живому белорусу, — што вы жывёце у краіне, і так яе кахаеце. Яна патрэбна вам, вы патрэбны ёй. Гэта ж шчасце! Адважуся далажыць, мне Беларусь вельмі спадабалася за тыя суткі, што я тут: добрыя дарогі, чулыя людзі, жалезны парадак...

— А вот этого вот не надо, пожалуйста! — вдруг опять разозлился майор.

— Чего не надо?

— Языка вот этого! У нас на нём нормальные люди не разговаривают, только деревня глухая неграмотная да змагары [белорусские оппозиционеры] со своей пагоней [гербом Великого Княжества Литовского], тьфу ты!

— Так я же к вам обратился на официальном языке Беларуси, хотел сделать вам приятное. Тем более, что вы сами только что сказали, что вы белорус.

— Вам этого не понять.

> Не понять, так не понять. В Киеве я говорил с людьми по-украински, на ещё одном чудесном славянском языке, тем более не чужом мне, и большинство моих собеседников отвечало мне “солов'їною” без закидонов в стиле майора. В мой первый приезд одна смешливая пограничница в Борисполе мне сказала:
>
> — Це так приємно і дивно, що ви першого разу в Україні, а розмовляєте нашею мовою!
>
> — А ви, пані лейтенант, моє прізвище бачили? — строго спросил я.
>
> — Авжеж! Найкраще прізвище у світі!
>
> — Та от шляхетність (якої, до речі, немає) і зобов'язує. Але ж це не лише тому, що прізвище та походження.
>
> — А чому ж? — искренне удивилась она.
>
> — Насмілюся доповісти, пані, що в мене є таке правило — в кожній країні розмовляти її мовою.
>
> — Невже в кожній? — озорно посмотрела на меня и улыбнулась пограничница.
>
> — Так, пані, в кожній, — уверенно ответил я, глядя в её большие карие глаза, ровно как на рекламном плакате Visit Ukraine над её головой.
>
> — А в Африці? — она лукаво сощурилась и наклонила голову.
>
> — Так, пані, і в Африці теж. У Тунісі, Єгипті, на Канарах моє правило працювало на сто відсотків. Приїхав ти в якусь країну, — я шутливо сделал свирепую рожу и ударил кулаком по стойке, — так розмовляй, собако!
>
> — Ха-ха-ха-ха-ха! — звонко, заливисто рассмеялась пограничница и протянула мне мой паспорт. — Ласкаво просимо в Україну, пане Кобзарю!

Я посмотрел на белорусского майора, легко представил себе его вечера́ перед телевизором, шашлычки на майские с потиранием рук перед первой и обязательным тостом стоя “за прекрасных дам” перед третьей. Представил себе поездку на рыбалку с *пацанами* с *утреца* по *холодку* и там свой дачный *лучок* на закусь. Представил себе субботу, которую он проводит в гаражах и воскресенье, которое он проводит как положено на природе с *супругой* и семейством, а когда жарко, то на *водоёме*, конечно, как же иначе. Всё бинарно, однозначно, протоптано, везде флажки, чтобы не заступить и не перепутать. Каждое 9-е мая его приглашают, наверное, в Брестскую крепость заверить пионеров и учительниц, что граница в надёжных руках и что фашизм не пройдёт. И тот самый воспитавший его отец гордится, наверное, сыновними погонами и верно привитыми жизненными установками.

И в тот момент меня вдруг осенило! Я, кажется, догадался, кто́ был отец майора — ночной портье в гостинице гребного канала!! Точно! Сказать майору, что отца знаю, не сказать?..

— Ну, я пошёл, товарищ майор. Спасибо вам за понимание и помощь и прощайте.

— Нет, не прощайте. Как это — пошёл? Отставить. Не имеете права.

— Что, опять?! Опять не имею права? Сейчас-то почему?

— А вот как вы сейчас попали в Республику Беларусь? С неба упали? Аист принёс? Конёк-горбунёк? Из воздуха материализовались? Те-ле-пор-ти-ро-ва-лись? — это, видимо, пошла ответка на мой доклад о положении дел в Польше. — На ковре-самолёте к нам прилетели? На печке приехали? В чреве кита приплыли? Восстали из-под земли? Были ниспосланы нам свыше? — майор был в ударе, но у него закончились фантастические версии моего третьего пришествия. — Никак нет, вы сейчас пересекли границу в составе международной транспортной бригады из трёх человек. Это задокументировано в пропуске, который при въезде в пограничную зону получил ваш бригадир. Вот и покинуть зону вы должны точно в том же составе, под руководством вашего бригадира.

— Бригада?! Бригадир?! Вы видели бригадира, а особенно его первого заместителя? И дел на терминале у “моей бригады” ещё на сутки, что ж я буду тут сутки ждать их? И где мне жить эти сутки? Вот тут, на полу в вашем офисе? Учтите, я ночью храплю. И я лунатик, в Буг могу ночью случайно провалиться.

Похоже, что я уже осточертел майору за сегодняшний день.

— Ну ладно, сегодня моя доброта действительно не знает границ, — майор снова стал рекламировать свои душевные качества. — Пишите рапорт, в смысле заявление на моё имя, просите разрешения выйти в город и покинуть свою бригаду, своих коллег, так сказать.

— Можно я напишу по-белорусски? Хотя ладно, забыли.

Я написал это идиотское заявление “Прошу разрешения выйти в город”, уже совершенно перестав удивляться бесконечным бюрократическим дебилизмам.

Напоследок я спросил у майора:

— Объяснять причину ухода из бригады нужно? Ну там, “не сошлись характерами”, например? Или “на почве алкоголизма”?

— Нет, не нужно. Просто дата, подпись. Давайте сюда.

Из международной бригады меня исключили, выход в город разрешили. Я пожелал майору поскорее стать генералом и возглавить охрану всех границ Белоруссии, а не только козловичского участка: “У вас есть все необходимые для этой высокой должности качества”. Майор только тяжело вздохнул в ответ и на прощание крепко пожал мне руку, чем заметно удивил своих подчинённых.

Пешком на восток. Блок-пост. 🚧 №15

Чёрная точка в снежном поле постепенно превратилась в мою машину. Запустил двигатель. Пришёл в себя. Снова ощутил себя человеком. Включил радио и без промедления двинул на “Варшавский мост” по указателям.

В брестском эфире идёт нешуточная битва цивилизаций. Белорусская государственная станция вещает на Польшу на польском, а польское правительство отбивается радиостанцией “Рацыя” на белорусском. Линия Керзона невидимо прорезает радиочастоты и с первой же минуты не оставляет сомнений в принадлежности вещателя. Польша делает упор на Иисуса с Марией, вкрадчиво рассказывая об их любви лично ко мне. Белорусское же госрадио вещает в кондовой советской эстетике, нажимая на “два мира — два образа жизни”, назидательно выговаривая польской аудитории за бездуховность и полное отсутствие совести. Найти же обычную белорусскую FM-станцию, обычно вещающую по-белорусски для обычных белорусов на обычные темы, я так и не смог.

Двадцать минут по Бресту — и я снова на “Варшавском мосту”.

🚧 №16 Девятое чудо света — белорусская таможня второй раз выпускает меня из страны на уже вывезенной вчера машине. Пограничники штампуют уже третий за неполные сутки выезд из Белоруссии. Дальше всё так же, как и вчера, даже уже привычно — белорусский блок-пост 🚧 №17, мост, очередь “ЕС”, снова польский пограничник 🚧 №18. Сегодня я смотрю на него волком — от моей вчерашней идиллической радости от “встречи с исторической родиной” не осталось и следа. Снова таможенник, сегодня не Пилсудский. Но сегодня я полностью готов к разговору с ним:

— Proszę Pana, вот вам zabezpieczenie, вот вам ubezpieczenie, вот prawo jazdy, вот dowód rejestracyjny, вот paszport, вот швейцарская прописка. Posłusznie melduję — всё у меня есть.

— Вижу. Были в Корощине?

— W Koroszczynie chrząszcz brzmi w trzcinie. [переделанная мной под местные реалии польская скороговорка, в оригинале о Щебжешине]

— I Koroszczyn z tego słynie! — расхохотался таможенник, закончив известную каждому поляку фразу. — Паркуйтесь и пройдёмте.

Оформляли меня часа три, если не дольше. Всё это время я сидел в караульном помещении тереспольской таможни и разговаривал за жизнь с начальником смены. В углу полутёмного караульного помещения лежали горы конфиската: исключительно водка и блоки сигарет, без всякой фантазии. Таможенница Эльжбета, которой поручили моё дело, время от времени очень неспешно приносила какие-то бумаги на подпись, то мне, то своему шефу, участвуя, по всей видимости, в конкурсе на самого медленного работника в мире.

Я подумал, что нет худа без добра — раз уж я здесь застрял, то надо попрактиковаться в польском языке и применить теоретические знания, собираемые с детства. Начальник смены тоже был не прочь поболтать, тем более без напряга, на родном языке. Он в красках рассказал мне, какой прекрасный город Бяла Подляска, в котором он родился и живёт всю жизнь, какая у него прекрасная интересная работа и какая у него прекрасная взрослая дочь, которая в этом году заканчивает школу, но всё никак не определится, не знает, чем ей в жизни заняться, куда пойти учиться.

— Она учит русский язык, — гордо сказал начальник смены, — только пока иногда путает русский алфавит с нашим. Но ничего, выучит и сможет работать у нас на таможне или в Граничной Страже.

— И что, это то будущее, которое вы хотите для неё?

— А какое ещё можно? — искренне удивился мой собеседник.

— Как какое? Да любое! Перед ней весь мир открыт. Что ж ей, всю жизнь на белорусской границе машины проверять ~~и людей забеспеченьями мучить~~? Пусть ваша дочка выделится чем-то и выучит что-то особенное, совсем уникальное. Пусть она выучит не русский, который в вашем крае и так все знают, а, скажем, португальский — язык ЕС, между прочим. Будет одна во всём воеводстве, кто знает язык Камоэнса и ламбады. Уникальные знания откроют перед ней уникальные горизонты. Она отучится по нашему Эразмусу и уедет в Рио-де-Жанейро, сделает карьеру в международной торговле между ЕС и Меркосуром. Семья, дети, шикарная жизнь, роскошная фазенда с видом на океан.

— Почему Рио-де-Жанейро? — не понял начальник смены. — Вы там были?

— Осмелюсь доложить, никогда. Но неважно, то ж для примера, слушайте дальше, — я вошёл в раж, окрылённый тем, что у меня получается выражать более-менее связные мысли на польском языке. Какая разница, что́ говорить? Главное, что говорить по-по́льски, на котором я никогда раньше не говорил! — А вы к дочке в гости приедете на Рождество, а у них как раз лето! Вы в пальто с варшавского рейса с леденцами-петушками на такси из аэропорта, а они там в купальных костюмах, жара сорок градусов, пальму нарядили вместо ёлки, на ней бананы вместо шишек. Божья благодать! Скоро сочельник... Журчит бассейн, тихо играет босса нова и тут: “Дин-дон!” — “Кто бы это мог быть, Святой Миколай что ли ~~или налоговая инспекция~~?” — “Дин-дон! Дин-дон!” — “Ну-ка, дворецкий, кто там? Какой ещё господин в пальто? Ой же ж божечки, ой-ой-ой, матка боска ченьстоховска, ходите все сюда! Дедушка до нас приехал, ~~таможенный конфискат~~ мешок гостинцев из Бялой привёз! О, Йезус-Мария! Рождественский маковый рулет к праздничному столу! Ой, святая Агнешка! Смотрите, наши пряники! Жвачка из Польши! Боже правый! Дворецкий, примите у дедушки мешок! Изаура, срочно сделайте дедушке кайпиринью!”. И потом вы все наперегонки бежите купаться в океане вместе с Изаурой. Будете бразильско-польских внучков нянчить: внук Жуан и внучка Барбара. Вы с дочкой будете называть их по-польски: Янек и Бася[33].

— Что вы несёте? Вы в своём уме? — начальник смены ужаснулся моим смелым фантазиям, коряво изложенным на плохом польском. — Какой дон Жуан? Какая Изаура? Какие бананы? Нет!! Никуда моя дочь не поедет. Здесь наша земля, наши люди, наш город, наш костёл!

— Осмелюсь доложить, в Бразилии точно такие же костёлы, как в Польше или Швейцарии, — спокойно продолжил я. — Вы, пан инспектор, убедитесь в этом прямо на следующий же день на рождественской мессе рядом с Христом Искупителем — такая фигура, знаете, руки ~~на ширине плеч~~ в стороны, типа обнимает нас с вами. В Бразилии такие же ксёндзы в таких же сутанах с колоратками, такие же исповедальни, та же самая “Zdrowaś” [лат.: “Ave Maria” — вторая по значимости молитва в католицизме], даже облатки такие же на вкус — тонюсенькие, хрустящие, ням-ням. И алфавит не нужно учить... Вот... Ну окей, если вы не любите кайпиринью, пусть ваша дочка выучит японский язык, и тогда...

— Что за бред? Хватит! — начальник смены прервал мои пророчества. — Сижу, слушаю... Лучше бы дали какой-нибудь хороший совет, в самом деле.

Рядовые таможенники постоянно заходили и подносили новые и новые сигареты и бутылки, конфискованные у контрабандистов. Наконец-то Эльжбета вынесла последний документ и торжественно вручила его мне. Венцом моих двухдневных мытарств по странам оказался обычный листок А4: форма №1 или

---

[33] В оригинале это звучало как-то так: “No to jak przykład, niech Pan słucha dalej. A Pan pojada do córki na Boże Narodzenie. W Polsce zima, a u nich nagle lato! Pan w płaszczu z warszawskiego lotu z cukrowej watej, taksówką od lotniska, a oni tam są w strojach plażnych, czterdzieści stopni — uch, gorąco! Zamiast choinki ubrana palma, a zamiast szyszek banany. Wigilia, czekają na Wielkanoc… Woda w basenu bul-bul-bul, cicho gra bossa nova, i nagle: “Ding-dong!” — “Kto to byłby, czy to Święty Mikołaj czy Pani Mikołajka?” — “Ding-dong! Ding-dong!” — “A nu, kamerdynerze, kto tam jest? Co? Coś to za pan w płaszczu? Oj Jezu, oj Matka Boska Częstochowska, chodźcie tutaj! Dziadek przyjechał do nas, całę torbę darów przyniósł z Białej! Oj Jezu-Maryjo! Makowiec! Oj Święta Agnieszko! Spójrzcie, nasze pierniki! Oj Jezu! Guma balonowa! Kamerdynerze, proszę wziąć u dziadka torbę! Isauro, proszę szybko zrobić dziadkowi caipirinha!” A następnie — Państwo wszyscy biegą do plaży oceana. Pan będzie bawić się z wnukami polsko-brazyljanskimi: chłopczykiem João i dziewczynką Barbarą. Pan i córka Pana będą nazywać ich po polsku: Janek i Basia.”

на слэнге “jedynka”, вобравшая в себя огромное количество человеко-часов с обеих сторон границы.

Пришла пора прощаться с начальником смены. Он долго тряс мне руку, похлопал по плечу и порекомендовал остановиться на ночлег непременно в его родной Бялой, которая всё равно лежит на пути. Неужели всё?.. Я сел в машину и — о чудо! — мне открыли шлагбаум в западном направлении.

🚧 №19 Я юридически въехал в Польшу, я ехал — прямо ехал! — по Польше и не мог поверить в свою свободу и в конец безумных метаний.

В полуночный час в зеркалах было черным-черно — погони за мной не было. От счастья я проехал поворот на Бялу, лучший город Земли, но разворачиваться не стал. Ни шагу назад! На ночлег я остановился в каком-то безымянном мотеле для дальнобойщиков за три гро́ша.

Как дошёл до номера и как уснул, я помнить должен.

Но я не помню.

День третий. Польша, которую я не видел.

Садясь за руль в пять утра, ищешь для быстрого пробуждения бодрую радиопередачу типа радиопереклички или пересмешника хи-хи-ха-ха. Однако же в утреннем польском эфире ничего такого нет. Там царствует “Радио Мария” — христианская радиостанция на все случа́и жизни. С утра заряжали унылыми песнопениями. Анонс дальнейших передач тоже не сулил ничего хорошего: религиозная передача для молодёжи, проповедь для супругов и родителей, эксклюзивная передача для крестьян и детская передача о боге и его маленьких друзьях.

На заправке я накупил дисков с польской народной и попсовой музыкой, стало повеселее: “Serduszko puka w rytmie cza-cza,..”. Супер.

Мне предстояло пересечь всю Польшу, ориентируясь на указатели до городка Щвецко на Одере — западном аналоге Тересполя. Навигатора у меня ещё не было, ни встроенного, ни даже навесного, так что всё по карте, указателям и сторонам света. Пару раз пришлось спросить дорогу у моих новых друзей дальнобойщиков: “Как лучше выехать на восьмёрку?” — “Через пять километров поворот налево. Слышь, хлопец, купи у меня палеты! Почти новые. Почти даром.”

Дороги хорошие, но узкие — по одному ряду в каждую сторону. До Варшавской “бетонки” я доехал легко и просто, потом по “бетонке” выехал на N8 на Вроцлав, а за городом Бабск повернул направо на дорогу местного значения. Не доезжая Лодзи свернул на город Стрыков и, поплутав по объездным дорогам, выехал на новый сегмент новейшей магистрали, идущей почти до Щвецко. Перед Щвецко съехал с автомагистрали размяться и помыть машину — она из чёрной превратилась в серебряную из-за грязи и ещё московской соли.

Клиентка автомойки — местная жительница, с которой я разговорился, пока отмывали наши машины — интересно рассказала о том, как к ним в Западную Польшу, до 1945 г. населённой преимущественно немцами, иногда приезжают старики из Германии, ходят по местам своего детства, вспоминают, рассказывают сегодняшним польским хозяевам, как они здесь жили до депортации. За два дня я уже окончательно освоился в Польше, польский язык стал даже привычным. Уезжать из Польши было жалко — родственников я не встретил и совсем ничего и не увидел, кроме Корощина, КПП и шлагбаумов.

Граница Польши с Германией могла бы пройти и незамеченной, прямо как в Бенилюксе. Через час я был уже под Берлином. Если бы не это поганое zabezpieczenie, то я бы обязательно заехал в Берлин, но поскольку мой график был испорчен тереспольскими буквоедами, то мне пришлось проехать мимо этого прекрасного города.

Заночевал я уже в Лейпциге, городе моего детства. Лейпциг был предусмотрен программой в любом случае, и никакие забеспеченья не помешали бы мне туда приехать. (см. фоторепортаж:
http://www.kobzar.be/leipzig-2011/leipzig-2011/intro.html)

День четвёртый. В Швейцарии тоже есть Козловичи.

Чудесное солнечное утро я посвятил прогулке по замечательному Лейпцигу, в котором не был с 1985 года. Я бы остался ещё, но меня ждали в Женеве дела, я и так уже потерял кучу времени. Я прекрасно знаю город, и никакой навигатор мне не понадобился бы, чтобы выехать на нюрнбергский автобан.

В районе баварского Хофа в FM-диапазоне ловится пара радиостанций на чешском — Судеты были совсем рядом. Долго ли, коротко ли, и в эфире проклюнулась французская FM-станция — ба, это уже Карлсруэ! Германию я пересёк незаметно для себя, не напрягаясь ни на секунду и ни разу не взглянув на спидометр.

Час с небольшим вдоль Шварцвальда — и Базель, конец Евросоюза, очередная граница и очередные потенциальные сюрпризы — после пережитого я уже готов к худшему. Раз мне нечего декларировать для Швейцарии, я могу въехать без остановки через зелёный коридор, но нет — мне надо закрыть мою форму №1, чтобы доказать потом полякам, что я таки вывез машину из ЕС. Таможенные терминалы мне теперь стали хорошо знакомы — я смело шагнул в здание базельского аналога Козловичей как к себе домой.

Германский таможенник поставил свою печать на “едынку” автоматически, даже не дослушав мой “Guten Abend”, и отправил в соседнее окно — к швейцарцам. Не по расстрельному мосту, не через дальнобойщиков, спедиции и хорунжих, а просто тупо — в соседнее окно! Я дождался таможенника, который вернулся с охоты на любителей популярного спорта жителей приграничных швейцарских городов — контрабасом ввести в страну вино, мясо, сигареты свыше беспошлинных лимитов. Швейцарский таможенник сначала не мог понять, что такое “EU Formulär Eins”, который я тыкал ему в лицо, а когда взял в толк, то не глядя поставил печать, напоследок спросив для порядка:

— Что ввозите в Швейцарию?

— Ich melde gehorsam, verschiedene Scheiße, persönliche Sachen. [Осмелюсь доложить, шиты различные, личные вещи].

— Водка? Икра? Русская розовая колбаса?

— Осмелюсь доложить, не употребляем.

— Неужели водки совсем нет? — удивился таможенник. — Вы же из России едете.

— Null komma null [Ни граммулечки].

— Странно. Ну okay dann, gute Reise.

🚧 №20 Последний (!) из двадцати шлагбаум моего путешествия открылся не сразу. Швейцарский постовой проверил виньетку для автобана и предсказуемо заинтересовался содержимым моего автомобиля (нет ли съестного сверх лимита), но увидев Чумного Доктора, скривился и махнул рукой — проезжай со своим барахлом.

После Лозанны я почувствовал близость дома и чуть не уснул за рулём. Пришлось остановиться и побегать, чтобы напоследок не отправиться к праотцам. Перед самой Женевой неожиданно возникла опасность ошибиться поворотом и случайно попасть во Францию, т.е. опять в Евросоюз (Не-е-е-е-е-е-т!) со всем вытекающим из этого тереспольским кошмаром. Но обошлось, и около полуночи я был дома. Я посидел минуту, вспоминая свои 3000 км. Невозможно было поверить в тишину остывающего двигателя, в конец моих злоключений.

Послесловие

Швейцария дала мне год (!) на замену российских транзитных номеров. Они через неделю протухли в самой России, но для Швейцарии оставались действительными.

В течение многих месяцев я ежедневно въезжал на этих номерах в Евросоюз — то путь через Францию срезать, то продуктов во Франции купить, то во французский кинотеатр сходить. Были дни, когда я (подсчитано!) пересекал границу ЕС десять раз за день — пять раз туда и столько же обратно. Сотни раз я проезжал через французских евросоюзовских таможенников, и никто — ни разу! — не остановил меня и не заинтересовался моими транзитными номерами с огромной литерой “T”, за которые польские таможенники, точно такие же евросоюзовские, выпили у меня столько крови. В Старой Европе всем пофиг (вот как происходит въезд в ЕС с западной стороны), хотя таможенная граница ЕС имеет во Франции абсолютно такой же статус, как и в Польше. Я всё лето путешествовал на этих транзитных номерах по Франции, ездил на них в Париж и в Прованс, и никто никогда не потребовал у меня никакого залога. Французским таможенникам, видимо, просто неизвестно слово “zabezpieczenie”, надо будет их научить при случае, свести с тереспольскими панночками. Что это было со мной на польской границе — строгое исполнение законов ЕС? Бессмысленное рвение? Проявление идиотизма? Со всеми так или только со мной? Поди разбери.

Неожиданно для себя я увидел изнутри совершенно другой мир, мир международного дальнобоя — границ, таможен, идиотских законов и человеческого желания их обойти. Видя на грузовой стоянке дальнобойщиков, я вспоминаю, как и сам был “дальнобойщиком” мартовским днём 2011 года. В этот самый момент где-то едет Сашка, где-то в очереди из фур томится Иван Алексеевич, где-то взвешиваются прицепы, а мытники, хорунжие и майоры круглосуточно стучат штемпелями в цирках и будках.

Уплаченный в Корощине залог я вернул через месяц. Пришлось звонить в какое-то таможенное управление в Лодзи под названием “изба”, посылать туда Ди-Эйч-Элем “едынку”, но деньги пришли на мой банковский счёт до последнего грошика. У меня ещё долгое время был счёт в польских злотых, напоминая мне о моём польском анабасисе.

Если бы я проехал по Польше без приключений, то это прошло бы незамеченным, как у всех туристов — ну обычная дорога, гостиница-ресторан, съездил и забыл. Но вынужденное погружение в польскую действительность

показало мне реальную Польшу и реальных поляков, дало мощный толчок моему польскому языку. Я хотел решить проблему, хотел, чтобы меня поняли — и за двое суток, когда я говорил по-польски, я продвинулся больше, чем продвинулся бы с учебниками за год. Речевая мотивация творит чудеса. А песни с польских дисков слушаю до сих пор, некоторые полюбил и выучил наизусть.

Я больше не боюсь больших расстояний. До Корощина мне казалось невероятным проехать 1000 км в день даже по западноевропейским дорогам. Теперь же мне семь вёрст не крюк.

На этой злосчастной машине езжу по сей день, спустя 6 лет после описываемых событий. Ещё жива, курилка.

Бигоса я так никогда в жизни и не попробовал.

P.S.

Интересно, кем в итоге стала дочь начальника смены?

Карта путешествия: https://www.kobzar.be/objects/koroszczyn/koroszczyn-route.png

> Disclaimer:
>
> В этой идиотской истории ни я, ни кто-либо другой не нарушил никакого закона никакой страны ни на йоту. Скорее, напротив — законопослушание действующих лиц зашкаливает до приторности. Тем не менее, конкретные детали, которые могли бы позволить идентифицировать конкретных людей, описанных здесь, неточны — спустя 6 лет я, разумеется, не могу помнить точных имён, воинских званий, особенностей внешности и пр. Все совпадения с реальными должностными лицами следует считать случайными. Но что действительно важно, это то, что в смысле событий, характеров людей, их высказываний и действий, диалогов с ними — таки да, всё так оно именно и было, я ничего не придумал. Это чистая правда, как бы невероятно это ни показалось.

(2017-May-01)

2.5.14 Разговор со стулом

«Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей»
— А.С. Пушкин, “Евгений Онегин”, гл. IV, строфа VII

(С обратным знаком это ↑ уравнение тоже верно) — А.К.

Деньги нужны всем. В погоне за длинным долларом, в 2006-м, после 11 лет жизни в Бельгии я предстал перед московскими хэдхантерами с целью разбогатеть и добавить в жизнь драйва.

В то время развивающиеся рынки были the place to be: FT и WSJ пестрели статьями об экономическом буме в странах BRIC и об отчаянии их крупных компаний привлечь управленцев с западным опытом. Ну, BRIC, ну о’кей... Куда? Я не умею говорить на хинди, танцевать самбу, есть палочками. Прикинув глаз к

носу, я понял, что в тетраграмме BRIC именно в оставшейся букве *R* я смогу максимально выгодно себя продать, и авантюрное решение Запад→Восток было принято.

В далёком вегетарианском 2006-м московские хэдхантеры исходили на любезность, заваливали меня предложениями и требовали от меня эксклюзива на сотрудничество, словно это была бы не работа, а помолвка. Я увиливал от эксклюзива и лавировал.

Ещё не уехав из Бельгии, я начал хороводиться с хэдхантером, жаждущим продать меня в московский банк средней руки, назовём его “Безымянный”, на новую должность Head of International — требовалось создать с нуля и воплотить стратегию выхода банка и его брокера на западные рынки: использовать связи и понимание западного менталитета, набрать и обучить местную команду и сделать новый бизнес прибыльным. По сравнению с моей скромной должностью в брюссельском банке, это выглядело в высшей степени амбициозно и в высшей степени нереально.

— У меня даже нет трудовой книжки, — осторожно говорил я хантеру, — я никогда не работал в российских финансовых компаниях.

— Так вот это как раз очень хорошо! — горячо заверял он меня по телефону. — Это ваш big competitive advantage! Человек без опыта работы в российских компаниях — это то, что сейчас очень многим нужно: кто-то понимающий здешний менталитет, но без здешних привычек. Мои клиенты хотят всё строить с нуля сразу по *европейским* стандартам — вас здесь с руками оторвут. Приезжайте!

Отлично, пусть рвут. Без опыта… Но ведь это очень легко и выгодно — продавать то, чего у тебя нет.

Первое интервью с CEO “Безымянного” в офисе хэдхантера прошло великолепно. В конце встречи CEO сказал:

— Второй и последний этап — это встреча с нашим советом директоров и… — тут CEO напрягся и преисполнился пиететом, — с Самим Ак-ци-о-не-ром!

— Благодарю вас, — спокойно ответил я, — с удовольствием пообщаюсь и с директорами, и с акционером.

По дороге на собеседование зазвонил мой телефон. Кого там ещё чёрт несёт?

Звонила другая хэдхантер:

— Я показала ваше резюме в “Ренессансе”! С вами хочет говорить сам Мовчан!

Я видел эту фамилию в Бельгии, изучая финансовый Рунет, и слово “Ренессанс” было мне знакомо. Их ещё называют “Ре́ник”. Дженнингсовский “Ренессанс” вместе с варданяновской “Тройкой” были лидерами российского рынка: агрессивными и амбициозными компаниями, но кроме имён я ничего толком не знал о них.

— Очень хорошо, — сказал я, — но я уже нацелен на “Безымянный”, прямо сейчас еду встречаться с их менеджментом. И не скрою: склонен согласиться.

— Подождите! — закричала хантер. — Вы вообще меня хорошо меня слышите?

— Вроде, хорошо. Алло-алло, раз-два-три.

— А по-моему, не хорошо. Вы человек новый, многого не понимаете. Это же “Реник”! Если на кого-то обращает внимание сам Мовчан, то к нему бегут, ломая ноги. А вы так близоруко и непростительно индифферентны.

— Хорошо, хорошо, сбегаю и я, — заверил я хантершу. — Спасибо. Сегодня в любом случае я ничего не подпишу, возьму время на подумать и поторговаться. Я вам позвоню.

“Ренессанс” был уже четвёртым за месяц вариантом, над которым я обещал подумать.

Прибыл в “Безымянный”. За мной спустилась Head of HR — пардон — начальница отдела кадров. В “Безымянном” был так называемый “этаж руководства”, и выглядел он очень по-советски: обитые кожей двери, причём материал отличался в зависимости от важности начальника. Но почему начальники сидят друг с другом, а не со своими командами? Где люди? Где рабочая суета, шутки и смех? Почему мне кажется, что я в Политбюро ЦК КПСС? Больше всего меня добила красная ковровая дорожка с зелёной окантовкой — признак советской роскоши и дурного вкуса. Ступая по ней, я твёрдо решил, что ждать хорошего не приходится, что работать в такой атмосфере я не буду никогда, и мне не нужна ни их обитая кожей дверь с именем-отчеством, как в поликлинике, ни это душное чинопочитание. Не впишусь.

Нет, работать здесь я не буду. Точка.

Мне сразу стало легко, когда я решил это для себя. Может, “Ренессанс”, может, те два оффера, а может, вообще отсюда уехать, но только не ковровые дорожки и не “начальники” за обитыми дверями. Задохнусь я здесь.

Так, ладно, подумал я, поздно отступать, сейчас-то запланированная встреча с советом директоров. Люди ждут, неудобно сливаться из-за ковровой дорожки. Посмотрим, что там. Человек пять-шесть, наверное, директоров.

Их было двенадцать: директоры и главы отделов. Все они сидели с одной стороны длинного стола, как на давинчевской “Тайной вечере” в Святой четверг. Молчали, не начинали, ждали. Не меня ждали (моё появление не вызвало их интереса), а Помазанника с контрольным пакетом акций.

На другой стороне стола стояли два стула — как на суде перед двенадцатью присяжными. Почему два? Будет что ли игра “музыкальный стул”, проверка на ловкость? Или у меня будут дебаты с другим кандидатом? Да пожалуйста, хоть с самим чёртом. Однако в воздухе висело такое напряжение от молчащих присяжных, что стул показался мне электрическим. Хотя проводов, вроде, не было видно.

Но на душе у меня было легко. Я твёрдо знал, что я сейчас отсюда уйду, и всё.

На столе стоял графин с водой и гранёные стаканы, как в парткоме.

Сел. Молчание.

Я рассмотрел своих интервьюеров: одинаково одетых, с непроницаемыми лицами. “Этот Фома, — подумал я, — больно уж оценивающе он на меня смотрит; толстый — Пётр; тот степенный — это Андрей на правах старожила; а этот суетливый явно Иуда Искариот”. Не хватало только Главного на “тайной вечере”. Без Него они не начинали.

Я ждал, что мне зададут какой-то дежурный вопрос, типа, легко ли нашли офис, давно ли в России, но они молчали. Я не хотел быть упырём, хотел разрядить обстановку комплиментом их офису или мудрым замечанием о хорошей погоде, но не стал. Наблюдал.

Молчание.

Мне стало как-то не по себе. Я никогда раньше не был в таких ситуациях: раньше вокруг меня всегда были живые люди. Хотя пофиг — я же вижу этих господ и даму в первый и последний раз. Сесть завтра на ту сторону стола тринадцатым рядом с такими я не готов.

Вошёл и сел Акционер, и начальники оживились: зашуршали бумажками, стали переговариваться, глядя при этом не на собеседника, а на Акционера.

— Что скажете? — спросил меня Акционер, смерив тяжёлым свинцовым взглядом.

А что тут скажешь? Это вы должны мне что-то сказать, нет?

— Погода хорошая, — говорю, — весна вступила в свои права. С CEO хорошо пообщался, жаль, что он сегодня захворал. И я рад быть здесь сегодня в вашем приятном обществе.

— Расскажите о своём опыте, — попросил меня апостол Андрей, глядя при этом на Акционера.

Я рассказал, чем занимался в Бельгии, в чём состояла моя работа в банке и в университете. Они внимательно слушали. Я ещё не знал русских эквивалентов многих финансовых терминов, поэтому изобретал их на ходу.

— Взыскания у вас были? — ни с того ни с сего спросила начальница HR, пардон, кадров.

Странный вопрос. Какие ещё взыскания? ШИЗО? Гауптвахта? Я же не на киче чалился, голубушка, и не в армии.

— Нет, — ответил я, — только поощрения. Почитайте моё рекомендательное письмо из бельгийского банка, там больше хороших слов, чем плохих.

— Там по-английски, — грустно посетовала начальница HR.

Ну да, не глаголицей.

— Когда у вас было последнее взыскание? — снова спросила она.

Да что ж такое!

— Последнее взыскание, — стараясь не рассмеяться, ответил я, — было в десятом классе, когда в “слона” играли, и я врезался прямо в директрису со всей дури.

Никто даже не улыбнулся. Видимо, они не играли в “слона”. Тревожный знак: мне жаль людей, не игравших в “слона” и не имевших молодости.

— Вы управляли модельным портфелем в тесном контакте с банкирами, это понятно, — сказал глава сэйлзов, пардон, отдела продаж, — а с клиентами напрямую вы общались?

Прозвучало, словно: “в самодеятельности участвуете?”

— Общался, — ответил я, хотя на самом деле не общался.

“Зачем я соврал?? А зачем он спросил?”

— Как часто общались?

— Регулярно в течение шести лет.

— И как?

— Прекрасно.

— Насколько прекрасно? — не отставал он. — Приведите нам пример самого сложного вашего разговора с клиентом. Перескажите этот разговор.

Ох уж эти HR-штучки... Ну, извольте.

— Вот, смотрите. Картина маслом, — я стал выдумывать несуществовавший диалог с несуществовавшим клиентом. — Сижу я как-то за Блумбергом, бету считаю, а тут мне звонит банкир и просит срочно прийти на клиентский этаж. Там клиент, молодой наследник огромного состояния, недоволен доходностью своего портфеля. Клиент, банкир и я садимся за стол и начинаем анализировать причины: банкир накупил ему Repsol, погнавшись за дешевизной, а тот упал на аргентинской exposure, хотя на инвесткомитетах я миллион раз говорил, что лучше брать Total, а ещё лучше Eni-шестиножку, мою любимицу. Клиент предъявляет банку, а значит, и *мне* как его лояльному сотруднику. Хоть я и не при делах, я воспринимаю эту предъяву как личную, пусть моей вины в этом косяке и нет. Банкир прощёлкал, а мне что теперь, тянуть за всю честну́ю компанию? Но я разруливаю, вывожу и банк, и банкира, и себя грешного.

— Вы что, по-русски ему это говорите? — ехидно спросил Фома. — В этих вот ваших *неформальных*, мягко говоря, терминах?

— Нет, конечно, какой русский, мы же в Бельгии. По-французски: клиент из известной валлонской семьи из-под Рошфора. Вот как это было.

И я продолжил по-французски:

— Видите ли, Monsieur, ваш портфель просел не от неправильного выбора бумаг, а от не вполне корректной аллокации активов. Акций у вас было недостаточно, и вы не успели за ростом индекса BEL20, хотя абсолютная доходность не должна быть поводом для вашего огорчения. Ваш банкир уже привёл ваш портфель в соответствие с вашим профилем, и теперь вас ждёт только хорошее, если не сказать лучшее. С нами вы в надёжных руках.

— Ясно, — сказал глава сэйлзов, хотя я не думаю, что ему это было ясно. — А теперь расскажите нам о самом *худшем* разговоре с клиентом: о таком разговоре, за который вам стыдно. Был такой?

— Был, — зачем-то соврал я и снова стал придумывать несуществовавший разговор. — Приходит как-то знатная дама из Антверпена. Известная фламандская семья торговцев тканями, они ещё Рубенсу холсты продавали. У неё другой банкир, фламандец (чтобы было легче придумывать, я зацепился за образ реального Дирка как за прототип). Она хотела половину портфеля в IT и таки его получила. Но накупили ей не того, что надо, опять же вразрез с моими рекомендациями: дорогую Cisco с P/E под сто и космическим PEG'ом, вялую IBM, продавшую свой hardware Ленове, внезапно Dell и даже Lernout, на котором она всё потеряла. А надо было прислушаться ко мне. И вот она приходит и предъявляет: что, мол, такое, ô mon Dieu, quel cauchemar!

— Только не по-французски, — поморщилась HR.

— Хорошо, — ответил я и перешёл на фламандский. — "Все инвестируют в IT, — говорит она, — и обогащаются, а я тут сижу со своими жалкими тремя процентами доходности и должна радоваться этим крохам?"

— По-русски, пожалуйста, — попросил Иуда.

— Пардон. Конечно. И вот тут начинается у меня с ней дискуссия о том, что IT IT рознь, и что сам факт вложения в технологическую компанию не означает

автоматического обогащения. Мадам, говорю я ей, давайте рассмотрим вашу доходность под углом вашего инвестиционного горизонта.

Стоп! Короткий moral check: это вообще допустимо, такое дуракаваляние? Да, ответил я себе, ведь я ничего плохого не делаю. Им всё равно, был ли такой разговор — им важно понять, что́ я говорил или мог говорить, ка́к говорил, на что я в принципе способен или неспособен. Так что продолжаем.

Чтобы раскрасить скучный рассказ, я стал говорить выше по регистру, имитируя речь пожилой женщины:

— Потрудитесь объяснить мне, мсьё, — я по-старчески покашлял, — значение, которое вы вкладываете в термин “горизонт”.

— Под горизонтом, мадам, — сказал я своим обычным голосом и обратился к пустому стулу, словно бы несуществовавшая клиентка сидела на нём, — мы понимаем срок ваших инвестиций.

— У них должен быть срок? — я изобразил удивлённую женщину. — Потрудитесь объяснить, мсьё.

— Разумеется, мадам. У всего в мире есть срок. Не всё в нашей власти, но вот с инвестициями мы сами определяем, когда нам начать оценивать их эффективность.

Я пересел на соседний стул, говоря за клиентку:

— Разве года не достаточно для подобной оценки? — сказал я почти фальцетом и поднял брови, “удивившись” собственным словам, сказанным с первого стула.

И быстро пересел обратно на свой:

— Боюсь, что нет, мадам, — с укоризной сказал “ей” “я”, — это частный банк, это индивидуальный портфель дискресьоннэр, а не срочный вклад в “Женераль де Банк”. Бумаги хорошие. Мы продадим ваш Dell и купим вам SAP. Полупроводники типа STMicro — тоже отличная тема на среднесрочный горизонт.

И снова перебежал на “клиенткино” место, строго взглянув на пустой стул, на котором только что сидел:

— Отчего же вы до сих пор не продали? Не тот го-ри-зонт? — сказал я издевательским по отношению к самому себе тоном.

— Мы ждём, мадам, — уже со своего стула сдержанно ответил “ей” я своим голосом, — внимательно следим, когда ваши бумаги чуть подрастут, и мы тотчас же продадим их.

Ещё несколько месяцев назад я спокойно работал в консервативном частном бельгийском банке, где даже не позволялось расслабить галстук в пятницу вечером. А сейчас я в парткоме и разговариваю со стулом.

Я минут пять-десять бегал от стула к стулу перед тринадцатью застывшими в немой сцене интервьюерами, изображая “себя” и “клиентку”. Менял голос и жестикуляцию, поднимал и опускал градус дискуссии, накалял тон и тушил его. Я вжился в обе роли. Я нараспев раскрашивал речь “клиенткиными” фразами типа “Ну уж позвольте, милостивый государь!” и “Па-а-ап-ра-а-а-ашу!” И мне очень нравилась эта игра. Я чувствовал себя свободным, как орёл. Зрители, перформанс — прекрасно! Show must go on! Тем более, что они сами попросили изобразить, вот я и выполняю просьбу уважаемых людей. Я же всё равно не

буду здесь работать и вижу их всех в последний раз. Терять мне абсолютно нечего.

Это, вроде, считалось собеседованием, но на самом деле это была **буффонада**, граничащая с клоунадой, мне не хватало только красного носа на верёвочке и клетчатой кепки. Но мне это, чёрт побери, нравилось! **Я наслаждался импровизацией, я упивался свободой творчества.** Без малейшего подкола или злого умысла — мне просто было очень весело.

— А за что вам стыдно-то было? — вернул меня за землю сэйлз-интервьюер в конце этого моноспектакля, не сорвавшего ничьих аплодисментов. — Это был мой вопрос к вам. Забыли? Вы же говорили клиентке правильные вещи и грамотно защищали банк.

Упс... Чёрт! Про “стыдно”-то я и забыл! Надо что-то срочно придумать стыдное.

— Видите ли... Э-э-э...

Надо что-то придумать! А ну, давай! Быстро!!

— Дело в том, — нашёлся я, — что я в течение получаса обращался к ней Mevrouw, то есть Madame. А она оказалась... ха-ха! совсем не мадам!

— А кем??? — широко раскрылись 26 глаз и несколько ртов.

— Эта дама оказалась... баронессой. Кавалером Ордена Леопольда. Банкир толкал меня ногой под столом и делал мне страшные глаза, но как я мог понять его запоздалые знаки? А к баронессе ведь нельзя обращаться “Madame”, а надо говорить ей “достопочтенная”.

— Да, косяк серьёзный, — с издёвкой заметил апостол Пётр. — У нас бы за такое вмиг на ремни порезали.

Шутка Петра была смешной и уместной, но никто из них не засмеялся, потому что Акционер не засмеялся.

— Конечно! — поддержал я Петра. — Так опозориться! И всё он, банкир, который не предупредил меня: иди, мол, иди! Нет бы пробрифить меня.

— То есть вы так просто за одним столом с баронессой сидели? — недоверчиво спросил Фома.

— Это как раз самое обычное дело, ничего особенного: страна маленькая, все на виду, с мигалками никто не ездит. У большинства наших банкиров и клиентов аристократические титулы, это же монархия. Я и короля Альберта видел, и премьер-министра Верховстадта (издалека, правда). Министр труда Онкелинкс меня приглашала к себе в министерство на полуторачасовой разговор после трёх статей обо мне в газете (§2.5.122). И с гофмейстером Королевского двора я состоял в переписке, вопрос у меня до короля был. И с принцессой Клэр я полчаса в одной пробке стоял бортом к борту: я ей помахал, а она мне улыбнулась и тоже помахала. И это ничего не меняет, кровь у нас у всех одинаковая: красная.

Всё вышесказанное о контактах с сильными мира сего было чистейшей правдой. Да и вообще, **всё было правдой**, кроме вымышленных разговоров с вымышленными клиентами.

Акционер за всё это время не проронил ни слова, пристально глядя на меня. В другой ситуации это было бы тревожно, но сейчас это ровным счётом ничего не меняло, учитывая моё твёрдое решение расстаться с ними навсегда после сегодняшнего “театра одного актёра”.

И небеса разверзлись:

— В общем, всё уже ясно, — вдруг заговорил Акционер металлическим голосом. — Не будем терять время, ни наше, ни ваше. Пожалуйста, обождите в соседнем кабинете пять минут, вас пригласят.

“Обождите”... “Кабинете”... Точно работать здесь не буду! Да и не предложит никто после *такого*. Целым бы отсюда уйти.

Я перешёл в соседнюю переговорку и стал ждать. Хотелось пить, но там тоже стоял ужасный советский графин с непонятной водой на дне, к которому я не притронулся. Я очень хотел сбежать оттуда, ведь эта клоунада ничем хорошим закончиться не могла. Может, из окна выпрыгнуть? Нет, третий этаж, покалечусь. Лучше дождусь, когда меня просто выкинут взашей. Попрошу не убивать в качестве бонуса, я ж только приехал, ещё не осмотрелся.

— Пойдёмте, пожалуйста, со мной, — вошла в переговорку и пригласила меня секретарь Акционера. Которая тоже соответствовала всем советским стереотипам, какой “должна” быть идеальная секретарша. Советский стиль в “Безымянном” был соблюдён во всём, хоть кино снимай: декорации и актёры уже готовы.

Мы зашли в офис — пардон — в кабинет Самого Самыча, Акционера Иваныча. Он сидел за столом и исподлобья смотрел на меня. Я приготовился к худшему. Вот зачем сейчас всё это, подумал я, зачем мне слушать его нотации? Лучше просто развернуться и уйти. Или убежать.

— Мы вас берём, — торжественно сообщил он, словно бы я был куском мяса на прилавке. — Принято единогласно.

Ещё бы не единогласно, подумал я. Если ты, хан, повёл бровью, то все твои нутром считали твой жест и автоматически согласились. Зачем ты их вообще привлекал и отвлекал? Вдвоём бы с тобой перетёрли и баста.

— Несмотря на мой рассказ? — осторожно спросил я, тем самым раскрыв ему карты своих сомнений.

— Что значит “несмотря”? — удивился Хозяин. — Не “несмотря”, а “благодаря”. Мы такого никогда раньше не видели и близко. У меня тут все тушуются, мнутся, потеют, а вам хоть бы хны — такое шоу нам устроили. Вы по-европейски раскрепощённый, уверенный в себе человек без комплексов, большой профессионал с чистым западным опытом, со связями во всём Бенилюксе на уровне королевской семьи, плюс вы понимаете российскую среду, а в скором времени поймёте и специфику — вы ровно тот, кого мы давно ищем.

Блин, дядя дорогой, какая “королевская семья”? Ты внимательно меня слушал? Или ты услышал то, что хотел услышать? Помахать принцессе в пробке и получить дежурное письмо от гофмейстера, что Его Величество ознакомились с моим письмом — это что, “связи в королевской семье”?

— Ну что ж, благодарю вас за высокую оценку, — без энтузиазма сказал я. Он безбожно преувеличил мою реальную стоимость, но не спорить же с ним себе во вред.

— Теперь давайте побазарим про лавэ, — Акционер перешёл на феню.

— Давайте, — сказал я равнодушно.

Мне действительно было всё равно. И я не хотел переходить в практическое русло, ведь смотрины тревожно перерастали в подготовку к свадьбе.

— Сколько вы хотите? — спросил Акционер.

Я назвал сумму и внутренне зажмурился, ожидая удара оглоблей по хребту.

Акционер молчал. Потом тихо сказал:

— Вот эта, кхе, так сказать, сумма, что вы мне сейчас озвучили, — ненавижу это слово, убил бы! — это в год или в месяц?

Чёрт, проклятье, опять я промахнулся! Как быть-то? Год-месяц — разница в 12 раз. Как сказать?? В год? Очень и очень неплохо! Сказать “в месяц”? Тогда одной оглоблей я не отделаюсь: придётся отвечать не только за клоунаду Олега Попова, но и за жадность царя Мидаса.

Ладно, жизнь дороже. Мне всего 34 года, жить да жить.

— В год! — выпалил я.

По косвенным я мгновенно считал его внутреннее ликование и постарался чуть подсластить свою пилюлю:

— Но это только фикс. Чисто так, поесть-попить. Расчитываю на бонус прежде всего.

Боже, зачем я это делаю? Я же всё равно работать на них не буду! Но азарт охотника взял своё.

— То есть вот эта сумма, — вкрадчиво сказал Акционер, — пусть и с двухкратным годовому фиксу бонусом — это то, что вы хотите за весь год??

— Ну да.

Это ведь было бы ох как неплохо!

Акционер больше не смотрел на меня исподлобья. Он резко вскочил с протянутой мне через стол рукой и, по-детски радуясь, закричал:

— Deal !!!

О, боже. Что делать-то? Не прыгать же в окно. Прикинуться мёртвым?

— Deal, — уныло сказал я и пожал протянутую руку.

Вот что́ это? Куда я попал? Что со мной происходит? Условия, вроде, прекрасные, challenge тоже классный. Но быть частью их “коллектива”, как они по-советски выражаются, я не хочу. И продешевил я, судя по его искренней радости, раза в три, если не больше. Что делать-то?

— Пришлите мне драфт agreement’а, пожалуйста, — сказал я в растерянности, — я покажу его своему адвокату.

Которого у меня не было.

— Что́ пришлите? — не понял Акционер.

— Проект трудового договора.

— Пришлём, пришлём сегодня же, — заверил Акционер, похлопывая меня по спине и провожая к выходу, и было очевидно, что таки пришлют. Поди попробуй не пришли в такой-то организации.

По пути домой мне было не по себе. Я ничего не подписал, но осадочек остался — перспектива породниться с этими людьми на меня давила. Deal какой-то... Как-то неправильно всё это. Зачем я это делал? Нехорошо...

Хотя, по сути — что нехорошего?

* * *

Собеседование с Андреем Мовчаном длилось около получаса. В “Ренессансе” всё было привычно: свободно, современно, демократично, диалог горизонтальный, на равных. Ковровых дорожек и обитых кожей дверей не было и в помине, а вместо графина стояли ледяные бутылки “Perrier”. Не было ни избитых HR-штучек, ни вопросов про “взыскания”, мы просто обменялись мнениями о рынках и о ставках Fed’а и ЕЦБ. Это было похоже на непринуждённую беседу, а не на собеседование.

— У вас есть ко мне вопросы? — внезапно спросил Мовчан, и это стало резким концом нашего разговора.

— Пока нет, но, безусловно, будут на последующих этапах собеседований. А у вас ко мне?

— У меня к вам вопрос один: когда ты готов выйти, завтра или в понедельник?

И в первый же день в “Ренессансе” я понял, что не ошибся.

Я плохо помню, о чём *именно* я говорил с Мовчаном и с другими интервьюерами в моей жизни. Но то сумасшедшее собеседование в “Безымянном”, то самое яркое интервью, тот перформанс независимого человека, свободного от любых обязательств, я запомнил навсегда.

Возможно, мои собеседники тоже.

(2024-Oct-07)

2.5.15 Мистер Даутфайр

Поезд Ленинград–Махачкала был весьма колоритным местом в 1990-м году, если не сказать — шалманом. Пассажиры курили прямо в окно плацкартного вагона, реготали, шумно ели и громко ругались, пытаясь перекричать кассетник с дагестанской музыкой. Люди ехали давно и уже ошалели от дороги.

Я сел в Москве, чтобы выйти на следующей — в Туле. В полукупе-загончике сел рядом с каким-то дидусём, а напротив меня сидели двое парнишек лет 20-ти, один длинный, другой толстый. Мне было 18, и я не был ни длинным, ни толстым, ни дидусём.

Дорога неблизкая. Я достал какой-то плохой американский роман и несвежий номер “The Wall Street Journal” — газеты, которую держал в руках впервые в жизни. Через девять лет чтение этой газеты станет моей ежедневной профессиональной обязанностью, но в 1990-м я смотрел на неё как баран на новые ворота.

Погрузился в чтение под перестук колёс. Роман-то ещё ничего, а деловую газету я понимал плохо. Какие-то equities, leverage, buybacks — что это?? Из ценных бумаг у меня в 1990-м были только талоны на водку.

> Это богатство было из Американского культурного центра — я в Иностранке записался и в Американский, и во Французский культурные центры, а также в саму Иностранку, и читал запоем этот дивный новый литературный пласт вдобавок к лавине перестроечной литературы в “толстых журналах”. Мой четвёртый, Израильский культурный центр, он был чуть дальше, а эти три были прямо в одном здании. Мне там нравилось всё: и книги, и презентации, и библиотекарша.

Шуршал газетой с “умным” видом. Перекинул ноги и случайно задел Длинного напротив. “Oh, sorry” — вырвалось у меня, находящегося мыслями в американской газете, а не в этом поезде.

Попутчики удивлённо на меня посмотрели, я широко улыбнулся им. Они хотели что-то мне сказать, но не смогли.

Толстый толкнул Длинного локтем и тихо сказал: “Иностранец?” “Не иначе” — чуть слышно ответил тот.

Они стали шушукаться:

“Кто он? С этого, с *туманного* острова?” — “Да хрен его разберёт. По морде непонятно”. — “Чё он тут делает?” — “Хэ зэ”. — “Давай спросим его!” — “Нет, не будем!” — “Да давай, чё ты?” — “Я не буду спрашивать. Давай ты!” — “Нет, ты”.

Начали препираться и толкать друг друга в бок.

Отгороженный “Уолл-стрит джорналом”, я подумал, что на этом они успокоятся, но тут из-за газеты послышался робкий голос:

— Кхе-кхе... Мистер! Хау ду ю ду! Ду ю спик рашн?

Это был Длинный, более смелый.

Я обожаю перформансы, перевоплощения, клоунаду и вообще любую дурь, поэтому я включился мгновенно, на автомате, не успев задуматься о последствиях:

— Oh, no, I don’t, I am sorry. I am a tourist from America. You guys speak English as I can see?

— Йес, то есть, ноу, — ответил Длинный, — ви спик литтл. Ин скул энд ин институт ви лёрн инглиш. Бат ту спик — проблем!

Я лучезарно улыбнулся им и показал большой палец. “Так, должно быть, делают в Америке”, — подумал я и приободрил их:

— No, no, guys, that’s not a problem! Your English is great! I understand everything you say!

Я говорил подчёркнуто медленно и просто, чтобы они понимали. А быстро и сложно я бы говорить и не смог, я и сейчас-то не метеор в английском, к которому отношусь чисто утилитарно, без души.

— Май нэйм из Владимир, — представился Длинный, привстав и ударившись головой о верхнюю полку, — шорт нэйм Вова. Хиз нэйм, — он указал на товарища, — из Михаил. Шорт нэйм Миша.

— Oh, nice! — я изобразил дикую радость. — Vladimir like Lenin, Mikail like Gorbatchev! Nice to meet you guys! I am... eh... I am...

Чёрт, как “меня” зовут?!

— My name is Jimmy, — брякнул я, как раз читая в газете малопонятную статью про Картера.

Мы чинно поручкались.

> Через полтора года моим боссом в американской консалтинговой фирме станет американец из Нью-Йорка по имени Jimmy, и я вспомню этот поезд и “усомнюсь” в подлинности личности своего начальника с таким “подозрительным” именем.

— Ю гоу ту Махачкала, Джымми? — удивлённо спросил Вова.

Кто это — Джимми? Ах да, это я.

— No, no, I'm going to Тьюла, to Йаснайа Польяна, — я перекорёжил произношение по максимуму.

— Йес, гуд! — оживились они. — Лев Толстой лив ин Ясная Поляна. Йес! Ви ар фром Тула. Ви гоу ту Тула нау. Ю энд ви — чёрт, как сказать "вместе"?

Я чуть было не ответил, но бог отвёл, и второй опередил меня: "Тугеза".

Попутчики, стало быть.

— Ви ар стьюдентс ин Тула Политех, — сообщил Вова.

— Oh, technical studies are great! — ответил я и с тревогой подумал, что Политех находится в центре, недалеко от дома моей бабушки, и что шанс снова столкнуться с Вовой и Мишей был ненулевым.

— Хау из ё фэмили, Джымми? — поинтересовался Вова.

О, учтивый какой!

— Oh, my family is fine, thank you very much, — ответил я.

— Ноу, ноу, — поправился он, — я хочу сказать: ё фамилия. Ай эм Смирнов, хи из Гурвич, энд ю?

— Ah, you mean my family name! — деланно удивился я. — My family name is...

Я снова замешкался. Ни одна американская фамилия в голову не приходила. Крутился в голове только Вандендаллес из "Хоттабыча". Я сделал вид, что закашлялся.

Взгляд упал на мою газету, где на полстраницы была реклама инвестбанка Shearson Lehman Brothers. Я не знал ни что это такое, ни как это произносится.

— My family name is Lehman (я произнёс "Лэйман"). Jimmy Lehman.

Получился "Mr. Doubtfire" своего рода задолго до выхода фильма.

— Лэйман.., — задумчиво сказал Миша Гурвич и внимательно посмотрел на меня.

Слышь, Миш, давай, не мудрствуй. Мы в дагестанском поезде, на минуточку.

— Ю ар стьюдент? — спросил Миша.

— Yes I am, — впервые честно ответил я.

— Уот стади?

Чёрт, сложный вопрос. Как ответить? Надо сыграть на противоположностях! Если они "физики", то мне лучше представиться "лириком", типа филолога. Если они почти не говорят на английском, то мне надо сделать упор именно на него — на английском поле я легко их бью. Тем более, что если чел "едет в Ясную Поляну" с романом в руке, то такое враньё только укрепит мою американскую легенду:

— I study English literature. Middle Ages.

— Ай дон't ноу, — честно признался Миша.

Да и я, Миша, тоже дон't ноу.

От этой безумной игры и от безнаказанности в меня вселился бес. Ведь самое главное — **это перформанс!** Самое главное в жизни — это дурь, буффонада, выход за "рамки", тра-ги-ко-ме-ди-я! Show must go on! Не быть же "правильным" и "серьёзным", не "соответствовать" же чему-либо, ища

одобрения безразличного к тебе общества! Как позже скажет мой любимый Джордж Карлин, “People who see life as anything more than pure entertainment are missing the point.” Так шо поехали, друзья мои! У вас нет выбора.

И — “заметьте, не я это предложил”! Вы сами втравили меня в эту историю своим английским. Сами поднесли спичку к хворосту.

О Чосере я не знал ничего, кроме имени, не прочитал ни полстрочки, но сейчас вы, мои попутчики, будете “его” слушать:

— I will show you, gentlemen. An illustration of what I study.

Я принял вид трагического героя:

— Geoffrey Chaucer, 14th century. Listen:

> When sweedy strolls retrieve a grimpy drain,
> And bicklent hays bespake her dylish hand,
> Remaining needles whee inarlent land:
> Beware! Reswill! Debake and semantese refrain!

Кроме предлогов и артиклей, почти все слова в этом вымышленном “стихотворении Чосера” были придуманы мною на ходу. Это была рифмованная в размер, но лишённая малейшего смысла абракадабра сивой кобылы на “псевдо-средне-английском XIV века”, который в реальности произносится абсолютно не так, как современный. Запомнить и повторить такую ахинею невозможно. Но моим слушателям абракадабра понравилась:

— О! Найс! Вери гуд! Йес!

“Йес, йес, ОБХС...” Ладно, проехали, давайте поговорим о чём-то простом.

Вова словно прочитал мои мысли:

— Ю фром уот таун ин Америка?

Ему заметно нравилось, что он вот так запросто общался с “американцем” — будет, чем похвастаться перед друзьями-подругами.

— I am from New York, — ответил я, — Manhattan, Central Park.

Я как раз только что прочитал оригинал “The Catcher in the Rye”, и Нью-Йорк был единственным городом, о котором я мог сказать хотя бы пару слов благодаря Холдену. Много лет спустя, когда я попаду в нью-йоркский Central Park, я вспомню об этом махачкалинском поезде и даже поищу глазами “свой” дом, где имя James Lehman внизу на табличке.

— Ай невер гоу ту Америка, — грустно признался Вова.

Да и я, Вова, тоже never, шоб ты знал. Точнее — шоб не знал.

— Уай ю гоу ту Ясная Поляна? — спросил Миша. — Бикоз литреча? Ю лав Толстой?

— Yes I do, very much! I read some works of Leo Tolstoy, in English: ‘The Death of Ivan Ílyich’, ‘Resurrection’, — (они не поняли названия, и я изобразил Воскресшего), — ‘Anna Karenina’ — oh, poor woman! Though, ‘War and Peace’ I didn’t finish, it’s too long. Maybe later one day.

— Ви хэв памятник, э-э-э... монумент оф Толстой ин Тула.

Та знаю я, шо ты. Напротив ликёро-водочного завода. Писатель твёрдой поступью к нему “шагает” в динамике камня.

Мне стало тревожно за свою шкуру. Я вспомнил, как я пару лет назад на полном серьёзе заявил своему кузену, что я перешёл в спецшколу с преподаванием на португальском языке, но проницательный Яцек меня вычислил на раз, я даже не успел дойти до цитат фальшивого “Камоэнса”. И *эти* рано или поздно меня вычислят! Это просто вопрос времени.

— Эбаут Американ литреча, — вступил в литературную дискуссию Вова. — Ай рид “Том Сойер”. Сид, тётя Полли энд индеец Джо.

— Oh, that’s great, Vova! I like Mark Twain. A friend of mine is his direct descendant, — в 150-й раз за вечер раз соврал я. У Марка Твена не осталось живых потомков к концу века, ну да ладно, кто проверит-то.

Я задавал себе немой вопрос, почему они не сомневаются в моём “американстве”, ведь у меня так себе конспирация?? Парадокс. Стал анализировать свой прикид. Джинсы бельгийские — час в универмаге в очереди за ними стоял. Кроссовки из Индонезии. Сумка гэдээровская, здесь таких нет. Худи из Чехословакии (мама из командировки привезла) с надписью на английском. Носки и футболка советские, но их не сильно видно. Ну да, допускаю: моя одежонка в дочелночную эпоху действительно могла выглядеть по-заграничному.

Главное, чтобы проводник не пришёл и не выдал меня! Когда он мой билет при посадке проверял, я же ещё не догадывался, что я “Джимми” и спокойно с ним разговаривал на языке титульной нации. Но проводники забились в своё купе и к своим беспокойным пассажирам не выходили, даже чай не разносили. Дай им бог здоровья!

А-а-а! Чёрт!! Часы!! На мне советские часы “Электроника 5”, подарок дяди! Это конец. Я труп.

Так, спокойно. Не сдаваться! Перформанс must go on! Я пошёл на опережение, снял с руки часы и показал их своим новым друзьям:

— Look! A Soviet watch, — похвастался я.

— Нот нью, — заметил пессимист Миша, скептически покрутив в руке мои часы.

— Of course it is not new! ~~Потёрты в конных боях.~~ It was an exchange with my new Russian friend Ivan. I gave him my American watch, and he gave me his Soviet watch. Friendship!

— Ду ю ноу Шекспир? — внезапно спросил Миша.

Странный вопрос “специалисту по английской литературе”. Я же не спрашиваю тебя, будущего инженера, знакомы ли тебе четыре арифметические действия. Мне захотелось процитировать Гарри Вандендаллеса: “Вы оучень весёлый шуточник”. Пришлось бы оучень кстати.

— Not personally, — рассмеялся я, надеясь, что читать сонеты меня не попросят.

Вроде, закрыли литературную тему с божьей помощью.

— Sprechen Sie deutsch? — вдруг спросил меня сидевший рядом дидусь. Я-то всю дорогу думал, что он либо спит, либо умер.

— Nein, — соврал я. — I am sorry. I learned Spanish at school.

Не хватало ещё спалиться, говоря по-немецки с “американским” акцентом. Сиди дальше, деда, не усложняй мне задачу. Я и так на волоске.

Дидусь, оказавшийся каким-то именитым профессором, бойко заговорил на прекрасном немецком. Я всё понял, но развёл руками:

— I am very sorry, Sir. I don't speak a word of German. I only know Marlene Dietrich and Arnold Schwarzenegger.

Профессор с жалостью посмотрел на меня и снова уснул. Я возблагодарил богов, что он прекрасно знал *немецкий*, а не английский, иначе они били бы меня за "Чосера" до самой Тулы, втроём.

— Эбаут Ленин, — ни к селу ни к городу сказал флегматичный Миша. — Ай ноу поэтри эбаут Ленин. Лисн.

Опять стихи?? Литератор, понимаешь...

Миша прокашлялся:

— Зер из э по́ртрит. По́ртрит оф Ленин ин ауэр класс. Висит зе фейс оф Ленин. Тьфу, чёрт, забыл!

Друг ты мой, знал бы ты, *с кем* ты говоришь! С лауреатом школьного конкурса "Шо ты знаешь за Ленина?". В первом классе ещё, с букварём в руке и нетвёрдо стоя на ногах, я взял первое место, даже благодарность от директора есть, только я тебе её, понятное дело, никогда не покажу. Я и сейчас прекрасно помню эти 8 строк из учебника инглиша за шестой класс "There is a well-known portrait"[34] и сам до сих пор люблю рассказывать этот нетленный вирш носителям английского с неизменным исходом — фурором.

— Уот мьюзик лисн ин Америка? — сменил тему Вова.

А я знаю? Я никогда не увлекался англоязычной музыкой, у меня совсем другие вкусы. Но есть одно исключение:

— Heavy metal, — я второй раз за вечер не соврал. — "Highway to Hell", "Balls to the Wall" and alike.

"High five" тогда ещё никто не делал, поэтому мои попутчики просто по-советски пожали мне руку в знак уважения. Спасибо, что спеть хэви-метал не попросили.

Мы стали говорить о друзьях-подругах, дискотеках и "белых танцах" на них, о сложности русского и английского языков, о политике, Перестройке, международном положении, "вражеских голосах", моей учёбе "в Нью-Йорке" и их в Политехе.

Мне всё меньше нравился этот немного затянувшийся цирк, и мне всё больше казалось, что я на грани провала. Я боялся, что я выдам себя тем, что покажу, что понял их фразу на русском или отступлю от американского акцента или, например, скажу "чёрт" вместо "shit". У меня у самого было довольно поверхностное знание английского, а знание американской жизни было нулевым — я никогда не бывал западнее Восточного Берлина, и Запад я видел только в виде купола Рейхстага и верхушек деревьев поверх Стены. Я шёл по тонкому льду и играл с огнём.

---

[34] There is a well-known portrait
Upon the classroom wall.
We see the face of Lenin
So dearly loved by all.

His eyes are kind and honest,
With cleverness they burn.
He told us, Soviet children,
That we must learn and learn.

Но шоу продолжилось. Беседа на английском и декламация стихов заинтересовала других пассажиров плацкартного вагона. К нам в загончик стали стягиваться дагестанцы. Вова и Миша вкратце представили им меня. Дагестанцы называли свои имена: Умар, Зубаир, и был даже Адам, совсем не похожий на библейского. Или похожий? Вы сначала покажите мне библейского, я с ним потолкую, и тогда я вам скажу, похож или где.

Один маленький, но крепко сбитый дагестанец заорал мне прямо в лицо:

— Американец! Ты знаешь Дагестан? Дербент знаешь? Каспийское море?

Такой убил бы меня с одного удара.

— Он не понимает, — сказал Вова и гордо добавил: — Я переведу.

Завязалась дискуссия о Дагестане, горах и Расуле Гамзатове. Как-то очень далеко зашла моя игра. Свернуть бы её...

— Фигасе, — внезапно осознал один из дагестанцев, — самый настоящий американец! Эй, молодой, — обратился он к Вове, — попроси его показать что-нибудь американское: жвачку, доллары, кредитную карту или американский паспорт. Пусть покажет, да?

Мне “перевели”. Я протянул ему “The Wall Street Journal”, но ему было этого недостаточно.

Дело принимало крайне неприятный оборот. Если я им покажу свой советский паспорт, карточку на продукты и три рубля, то в лучшем случае я останусь лежать в этом загончике в луже крови с зубами по периметру, а в худшем — тоже лежать, но на железнодорожной насыпи между “Лучом” и “Шараповой охотой”.

Америка, Джимми, театр одного актёра, хи-хи ха-ха... Шутить, конечно, хорошо. Но за такие шутки в зубах бывают промежутки.

Я не знал, как выкрутиться. Я показал на область своего таза и многозначительно поднял кверху указательный палец: “Safety! Criminality! You must understand”. Никакого “нательного схрона”, популярного тогда в СССР, у меня, конечно же, не было, но мои собеседники понимающе закивали: на дворе был 1990-й год. Я был спасён!

И снова дагестанцы заорали мне прямо в лицо, чтобы я “лучше понял”:

— За знакомство!

Они достали заткнутую газетой бутыль с какой-то мутной жидкостью и стали предлагать её мне и тулякам. Дедушка спал и аперитив пропустил.

Ну, нет, вот это точно нет! Во-первых, я не пью и свои талоны на водку отдаю или продаю заинтересованным лицам. Во-вторых, *такое* я дегустировать не буду *ни при каких обстоятельствах* — я ведь только жить начал. В-третьих, если меня с непривычки поведёт, то я точно выдам себя. No way!

Я достал из сумки бутылку “Боржоми”: “Mineral water!” и сделал вид, что пытаюсь разобрать кириллицу на этикетке, “путая” её с грузинским письмом. Мне помогали.

Какой же я молодец, что я положил бутылку в отдельное, ближайшее отделение своей сумки, а не в основное! Если бы в основном отделении они увидели бы мои советские пожитки и подарки бабушке, то меня порешили бы на месте, надев на голову гэдээровскую сумку вместо трупного мешка.

Туляки вслед за мной отказались от дагестанского напитка. Я разлил им минералку в какую-то дагестанскую тару. Сам же, всегда брезгливый донельзя, пил из горла, как, наверное, принято в Америке и поднял тост:

— To you, my friends! To the Soviet Union, to Perestroika, to President Gorbachev! To Makachkala, Tula and Leo Tolstoy! To the Soviet-American friendship!

Выпили каждый своё. Дагестанцы повеселели. Мы с туляками остались прежними.

— Дагестан музик! — крикнул кто-то “по-английски” и включил кассетник на полную катушку. Дедушка не отреагировал — мне бы уметь так спать! Музыка действительно была хорошей, я кавказскую музыку очень люблю. Я искренне восхитился произведением и сделал сидя несколько танцевальных движений в восточном стиле. Я хотел встать для полноценного танца, но там яблоку негде было упасть — посмотреть на меня, “живого американца”, стянулось полвагона. Дагестанцы, сидя и стоя полукругом вокруг меня, как ученики на Нагорной проповеди, одобрительно гудели и хлопали меня по плечу: “Ай, маладец!”

— Мат он уже знает? — участливо спросил дагестанец у Вовы. — Научили уже?

— Нет, не знает, — ответил Вова. — Он культурный, в Ясную Поляну едет. Не надо его учить.

В следующий раз. Которого не будет.

— Американская? — спросил дагестанец, указав на ручку, привешенную на моей худи. Есть! да! *есть* бог на свете! — ручка, по счастью, действительно была американской: настоящий “Паркер” made in USA, подарок маме её студента американца. В ней заканчивался родной американский стержень, а в СССР таких стержней не существовало, и “Паркер” доживал свой короткий век на советской земле. Все по очереди восхитились ручкой, передавая её по кругу, некоторые даже испробовали её на моей “Wall Street Journal” и восхитились результатом. Я протянул ручку Вове и Мише: “American souvenir for you, my friends!” Лучше мне остаться без ручки, чем без зубов.

Вова радостно взял мой “Паркер” и в ответ подарил мне советскую “детдомовскую” ручку за 35 коп. Я оказался в выигрыше — стержень в детдомовской был совсем новым.

— Эбаут Расул Гамзатов, — как всегда, не в кассу сказал тугодум Миша. — Э сонг эбаут... э-э-э... бёрдс ин скай. Грейт патриотик уор. Бёрдс, э-э-э... как их там, биг бёрдс!

А, “Журавли”.

— No, — я развёл руками, — I don’t know this song about war and big birds, I’m sorry. It must be a beautiful song. Can you sing it for me, please?

Мои собеседники засмущались. Вова был посмелее, он фальшиво затянул:

— Мне кажется порою, что солда-а-а-ты-ы...

И осёкся:

— Нет, нет, не могу, голоса нет.

Я из вежливости поаплодировал и подумал: “Вот теперь-то они меня точно покалечат, если расколят. За публичное унижение: пения в поезде они мне не простят, даже после “Паркера”.

Мише я подарил роман: “Read it, Mike. It’s about love”.

Начал болеть рот — от несходящей улыбки и постоянного усилия на артикуляционный аппарат сложного в произношении и фонетически неестественного для меня английского.

Дагестанцы приходили и уходили и вскоре утратили интерес ко мне: ни выпить, ни поговорить, ни кредитку помацать. Я продолжил беседовать с туляками, насколько позволяли словарный запас и фантазия. Они досадовали, что очень плохо знают английский и торжественно пообещали друг другу и мне, что завтра же засядут за учебники в лингафонном кабинете: “Туморроу ви шэлл бегин ту лёрн”. Я тоже понял необходимость улучшить мой английский, и это было важным достижением того вечера для всех троих.

Слово за слово, под стук колёс приближалась Тула. Это прекрасно, но как мне быть?? Мне надо избавиться от моих новых друзей, но как?? Мне, конечно, надо было бы взять такси, но я не додумался до этого, хотя денег у меня было много: днём я работал в НИИ (см. §2.5.5 и §2.5.6) и очень нехило там приподнимал. Я наврал Вове и Мише, что меня должен встречать некто Джон, но не на вокзале, а у некоей остановки, до которой я должен был добраться сам. Всё это было шито кошмарными белыми нитками, но я сам загнал себя в эту ловушку. Хотя начали-то **вы!**

— Ви шэлл проводим, гоу уис ю, — пообещали они мне не допускавшим возражений тоном. — Бикоз криминэлити. Олл райт, Джымми, ноу проблем!

Спасибо, конечно, друзья мои, но лучше не надо, это уже какая-то “демьянова уха”. Шли бы вы до дому, а Джимми пойдёт до бабушки.

Вышли на привокзальную площадь, сели в пустой троллейбус, единичку. Мои друзья прокомпостировали за меня тульский талончик. По дороге снова началась какая-то ненужная и уже утомительная для меня дискуссия о героическом прошлом Тулы, Левше, самоварах и пряниках, но мне было уже не до перформанса: я отвечал односложно и был внутренне напряжён. Мне надо было срочно бежать! Просто молча выскочить где-нибудь на Лейтейзена не годилось — как-то не по-человечески это было бы: всё-таки ребята хорошие, и не хотелось бы быть совсем уж свиньёй. Мне нужен был “Джон” как законный, заранее объявленный предлог.

На улицах в полночный час никого не было. Наш пустой троллейбус подъезжал к Каминского, до бабушкиного дома оттуда примерно километр. Мне нужно было одно: избавиться от заботливых, гостеприимных друзей и *красиво* закончить эту историю. В конце любых отношений с кем бы то ни было должны быть сказаны какие-то человеческие слова и должен быть поставлен красивый аккорд, желательно мажорный, иначе это скотство какое-то, а не отношения. Кто-то может, но я так не могу — сливаться по-английски и уходить в небытие под короткие гудки. Не по-людски это.

В окно я увидел, что по тротуару проспекта Ленина брёл какой-то потёртый мужичок в сером советском куртеце. Он был похож на Семёна Мармеладова и Самсона Вырина одновременно, но меньше всего на свете он был похож на “Джона”. Америка была бы последняя ассоциация, связанная с этим господином. Но других кандидатов на пустынной ночной улице у меня не было — или этот мужик станет “Джоном”, или я пропал.

— John! It’s John! — радостно закричал я. — I can’t let him go! Bye, my friends! Mike, Vova, thank you! All the best! Take care!

Пока тормозил троллейбус, мы наскоро попрощались и даже тепло побратались.

— Jo-o-hn! Jo-o-o-o-ohn! — я схватил сумку, пулей выскочил из троллейбуса и рванул во дворы, чуть не сбив с ног “Джона”, вблизи оказавшегося похожим на Клима Чугункина. “Джона” не было видно с остановки, а раз так, то, возможно, я и “сохранил лицо”, если оно у меня и было в этот вечер.

Мне бы добраться до улицы Энгельса, а дальше по тёмной улице я дошёл бы до бабушкиного сталинского квартала! В ночных дворах раздолье: я нырнул в какую-то подворотню и затихарился. Рядом целовалась парочка, я сказал им “пардон”. Погони радушных друзей за мной не было — вероятно, они не вышли вслед за мной из троллейбуса и не пошли смотреть на Джона. А ну как если пошли? Тогда они могли быть где-то рядом! Подошли, небось, к Климу: “Хау ду ю ду, мистер Джон! Уэр из Джымми?”. А тот в ответ: “Шо-о-о??”

Подвёл итог вечера: одни плюсы!

⊕ Развлёкся.
⊕ Скоротал время в дороге.
⊕ Сохранил зубы.
⊕ Никто не пострадал, все довольны.
⊕ Идентифицировал множественные пробелы в своём английском.
⊕ Мощно мотивировал двух студентов на изучение английского (сейчас сами Чосера читают, наверное).
⊕ Заменил пустой стержень на полный.
⊕ Бесплатно доехал на троллейбусе, сэкономив 4 коп.

Побольше бы таких вечеров!

Из деликатности по отношению к парочке (дело святое!) я передислоцировался на задворки драмтеатра, осмотрелся — всё тихо. Постоял ещё пару минут и двинул в сторону Центрального парка, но не того, не “моего”, не нью-йоркского.

От магазина “Книжный мир” в мою сторону двинулись две тёмные фигуры, один длинный, другой толстый! Бежать было поздно, но в тот вечер бог был на моей стороне (и, наверное, не без интереса наблюдал за спектаклем) — эти незнакомцы просто попросили закурить. Я был очень рад их видеть: “Не, ребят, извините, рад бы, да нечем вас угостить”. И чуть не сказал “sorry”.

— Что-то ты долго добирался, — посетовала бабушка. — Я уже начала волноваться.

— Да так, дорожные приключения. С фальшивыми американцами ехал, клоунов каких-то дебильных бог послал. Самозванцы! Шуты! Представляешь, всю дорогу ломали комедию, прикидывались, что они американцы: “Tha-tha, tha-tha-tha”, — передразнил я “себя”. — Но я их быстро вывел на чистую воду.

— Умник! — похвалила меня бабушка словом, которое я нечасто слышал от неё в свой адрес, что было абсолютно справедливо с её стороны. Бабушка очень хотела, чтобы у меня, как и у всех её внуков, всё было “прилично”, “как у людей”, но я, старший внук, не дотягивал до уровня её ожиданий. Она всегда мечтала, чтобы я был, как Толя из стихотворения Заходера “Скрипач”: “в костюмчике, с воротничком, со скрипочкой и со смычком”. Но “Толю” она в моём лице так и не увидела, а видела она только то, что было в наличии.

— Давай поедим, — попросил я бабушку, — шо-то я проголодался с этих цирковых номеров. Умотали!

У бабушки, конечно, был для меня готов горячий ужин. Она была немного обеспокоена:

— Кто они, эти “фальшивые американцы”? Преступники? Лазутчики?

— Да нет. Просто идиоты, — ответил я ей с едва заметным, остаточным налётом американского акцента.

2025-Nov-05

2.5.16 Моя Lietuva

1986: Начало

Когда мне было 14 лет, мне крупно повезло — я попал на летнюю практику в литовский колхоз. Я вытянул счастливый билет! Мои одноклассники обалдевали у бабушки на даче за бесплатно, а я зарабатывал копеечку в Литве — и полезно, и приятно.

Это называлось ССО: студенческий строительный отряд. Центральная Литва, Аукштайтия, колхоз посреди бескрайних полей. 30 студенток Вильнюсского педагогического института и их командир — студент Шарунас. И внезапно я — малолетний чёрт с горы, оказавшийся среди взрослых литовок.

Едва только на вильнюсской площади отгремел латынью общий для всех отрядов “Gaudeamus”, мы расселись по автобусам, и началось поистине прекрасное: исполнение литовских народных песен студентками. Какая мелодика, какие голоса! Студентки пели где только можно — в автобусе, на привале, просто на веранде после работы. Исключительно литовские народные песни, никакой попсы или песен советских композиторов.

В свой первый день я по-литовски знал только “раз-два-три”, но затем мой лингвистический прогресс принял астрономические формы. Никогда (!) ни до, в Германии, ни после, в Бельгии, я не прогрессировал в языке так, как это было в Литве. Через две недели я понимал значительную часть бытовых разговоров. Через три недели я уже убого, но заговорил. Под конец пятой недели к русскому языку я почти не обращался: то немногое умное, что я имел сказать окружающим, я говорил на примитивном, но литовском.

В радиусе 60 км носителей моего родного языка всё равно не было — у меня были идеальные условия для изучения. В такой языковой изоляции и с такой мотивацией даже мёртвый заговорит!

> Литовский язык очень красивый, певучий, “женский” (объяснение термина в TG-канале), консервативный и древний. Масса архаизмов, которые в других индоевропейских исчезли, а в литовском сохранились. Глядя на карту мира, непросто в это поверить, но литовский так же близко стоит к прото-индоевропейскому языку, как и... санскрит. Грамматическая система посложнее славянской, но похожа на неё: 7 падежей с похожей логикой, два рода, два вида глагола, ноль артиклей. Фонетика не такая простая, как кажется поначалу: три вида ударения, все подвижные; очень самобытные гласные. Но самое сложное — лексика. Когда-то она бывает похожа на славянскую (knyga, nosis, kopūstas), но а так — все балтийские корни надо учить с нуля.

Приём в колхозе нам был оказан королевский. Председательница колхоза, энергичная и добрая женщина, часто навещала нас и помогала нам всем, чем могла. Колхозники покровительствовали нам и великодушно прощали ошибки городских. Местные хлопцы были быстро вразумлены Шарунасом, и проблем девушкам они не создавали: кружили вокруг лагеря, как электроны вокруг притягательного нуклона, но не приближались.

В силу своего уникального положения на “женском” факультете Шарунас исподволь стал в один ряд с царём Соломоном, Гаруном Ар-Рашидом и турецкими султанами, и произошло это в колхозе “Светлый путь” в 1986-м году — один на 30 молодых девушек в замкнутом пространстве на целых 5 недель!

Условия были шикарными: ухоженные комнаты, крытая веранда, ūkinis pastatas — вылизанный хозблок, где была даже особая комната для сушки рабочей одежды. Отдельным строением стоял “штаб” с развешанными горбачёвскими плакатами, пропагандирующими трезвость. В штабе были книги, проигрыватель с пластинками и ч/б телевизор, который в плохую погоду плохо ловил шведское ТВ, правда, без звука. Ну и не надо звука, всё равно непонятно — мы смотрели и так.

Литовский “Светлый путь” был гораздо больше похож на бюргерское хозяйство, которое я видел годом ранее в Германии, чем на советский колхоз: идеально чисто, культурно и... красиво.

> “Красиво” (по-литовски: gražu) — ключевое слово, которое я выучил в первые же минуты. Диапазон применения “gražu” необыкновенно широк. “Красиво” должно быть всё: общение, работа, поездка, отношения, приём, люди и накрытый стол. Это стандарт, это цель. Возможно, от стремления литовцев к этой “красоте” во всём мне и казалось удивительным, что я попал в совсем другой мир, не покидая пределов советской юрисдикции.

На третий день моего пребывания в колхозе ко мне (!), малолетнему шкету, привезли старенького дедушку из района, прослышавшему, что к ним в края приехал какой-то тип из РСФСР.

— Ты приехал из Сибири? — спросил дедушка.

По-русски он не говорил, а я по-литовски ещё не понимал, и мне переводили студентки.

— Нет, — ответил я. — Из Москвы.

— Ты в Москве ничего не слышал о моём брате? — и дедушка назвал его имя.

— Нет, уважаемый, я ничего о нём не слышал. Почему вы спрашиваете?

Дедушка рассказал через переводчиц, что в 1940-м году, сразу после оккупации Литвы Красной армией, его брата угнали в Сибирь вместе с другими арестованными, и с тех пор он ничего о нём не слышал. Он искал брата, он писал, посылал запросы в Москву, но — молчок, естественно. Жив ли? Доехал ли хотя бы тогда в 1940-м до Сибири?.. Непонятно. И на склоне лет дедушка приковылял ко мне 14-летнему (!), но приехавшему *оттуда*, чтобы что-то узнать о его судьбе. Я тогда ничего не понял (перестройка и гласность ещё толком не начались, о секретном протоколе пакта Молотова-Риббентропа тогда ещё не заговорили), но я всё понял и осознал позже. Ужаснулся, когда понял, и помню до сих пор. И вряд ли когда-то забуду разговор с этим дедушкой.

Работа в колхозе была не очень тяжёлой. После завтрака автобус развозил 30 студенток, одного студента и нелепого довеска в виде меня по рабочим местам.

Работать надо было или в полях (прополка или скирдование), или на складе (это самое лучшее), или на элеваторе, почему-то ночью (тоже классно). По счастью, меня ни разу не отправили в свинарник на удалённом хуторе — как после такого не поверить в чудо?..

В силу малого возраста, я, по советским законам, имел право работать только 4 часа в день. После обеда я мог бы быть предоставлен сам себе, но Шарунас дал мне задание: не пинать балду, а часикам к четырём начинать топить баню: сходить к школе за углем, проверить давление в котле и разжечь огонь, чтобы девушки помылись после работы. Топка — она в общем коридоре на виду у всех, а котёл — он непосредственно в парилке. Не вопрос, Šarūnai, сделаю!

В какой-то день студентки Лайма и Юргита[35] откосили от работы и пришли в лагерь пораньше. Поняли, что баня почти готова и пошли в разогревавшуюся парилку. Мы были втроём во всём лагере. Я, угрюмо вороша угли в коридоре, видел боковым зрением, как они туда пошли, но я сделал вид, что не заметил этого, продолжая сосредоточенно подсыпать уголь в топку. Они тоже, конечно, не могли не заметить, что я видел, как они входят в баню.

Я сел на гору угля и крепко задумался: решиться мне или нет?? Сердце бешено колотилось: “тварь я дрожащая или право имею”? И вопрос — **почему я должен мучиться этим выбором в принципе??** Что плохого в естественности человеческой природы? Кто придумал подавить и загнать в красную зону один из базовых инстинктов человека, точно такой же, как дыхание или жажда? Откуда вообще это идиотское ханжество: из иудео-христианских догм? из патриархальности? из советской морали? “Зачем делать сложным то, что проще простого?”

Что мне делать: зайти к ним сейчас в парилку, вроде бы, я “не знал”, что они там, с целью “проверить котёл” или же политкорректно остаться малолетним лузером в коридоре? В худшем случае они дадут мне по башке шайкой и выгонят, ну и ладно, это ведь тоже победа. А в лучшем?.. Я чуть не помер, мучаясь своим выбором. Давление в венах было, наверное, близко к летальному. Принять смелое решение мне в 14 лет было невероятно сложно, но я таки принял его, плохо помня себя. С невозмутимым (как мне казалось) деловым видом, морда кирпичом, на ватных ногах я пошёл в баню, вроде бы как проверить жар в “пустой”, якобы, парилке: я ж “не знал”, что там кто-то уже моется! Легенда у меня железная!

Легенда моя была ни к чёрту: в предбаннике была разбросана одежда девушек, а из-за тонкой двери парилки отчётливо слышался их громкий разговор и плеск воды. Операция была провалена, не начавшись, но отступать я не собирался. Я поправил причёску и отряхнул от угля свой комбинезон. Тонкая деревянная дверь парилки показалась мне тяжелее свинца, но я, умирая, таки распахнул её с каменным лицом дебила и “удивился”, увидев ничего не подозревавших Лайму и Юргиту в своём натуральном виде в разгар банной процедуры: “Ой, пардон, девушки! Я не знал, что здесь кто-то есть”.

Как ни странно, не было ни визгов, ни паники, ни проклятий, ни хватания за шайку, ни попытки прикрыться или повернуться “поприличнее” — мы даже о чём-то поговорили, только я никогда не вспомню, о чём и на каком языке: я был в полном астрале, глядя на них широко распахнутыми глазами, а они, прыская

[35] Все совпадения с реальными людьми должны считаться случайными, потому что имена некоторых упомянутых здесь людей и мест могли быть изменены мною в целях privacy. Ну, и память могла где-то подвести — таки 37-39 лет прошло от описываемых событий. Намеренно факты не искажаются никогда.

от смеха, совершенно спокойно говорили со мной и даже задавали какие-то вопросы, словно бы мы встретились в концертном зале, а не в женской бане. Либо они не воспринимали меня, малолетнего, *в принципе*, либо это была привычная для них ситуация, либо они дразнили меня собой и издевались — я этого никогда не узнаю. Им 21-22, а мне 14 — есть разница?

Я судорожно искал повод, чтобы остаться в парилке подольше и намеренно тянул время под разными предлогами. Взрослые девушки это прекрасно понимали и открыто смеялись, не испытывая ни тени стеснения или т.н. “стыдливости”, навязанной нам идеологемами. Обычно я не лезу за словом в карман и легко нахожу темы для разговора с любыми людьми, но в женской бане мозг мне отказал начисто: все нейроны переметнулись из речевого центра в зрительный.

Старался казаться серьёзным. Приложил ухо к горячему котлу, не чувствуя огненного жара, с повёрнутой головой в *их* сторону, а не в сторону стены. Долго “слушал котёл”, пока одна обливалась водой, а другая медленно забиралась на верхний полок. Тупо постучал кулаком по котлу (“У, холера!”) и повозился с выдуманной “проблемой”, которую я мечтал намеренно создать любым способом.

Котёл был качественным, и сломать его не удалось. На совсем уже подгибающихся ногах, не помня своего имени, я вышел из парилки под их весёлый смех, и тут я понял, что сегодня я перешёл на новый уровень. Мои наглость и решимость были вознаграждены сполна, и моё самоуважение упятерилось после картины, открывшейся мне в парилке.

За завтраком Юргита спросила меня, давясь от смеха: “Ну что, починил ты котёл?” Я поперхнулся кашей и ответил какой-то глупостью. Лайма каталась со смеху, глядя на меня со стороны, но я всё равно считал себя героем: мой первый шаг на *этом* пути сделан! Я крутой! Я взрослый! Я расправил плечи и гордо ходил по лагерю гоголем. Я понимал разумом, что я малолетний идиот, но самоуважение у меня всё равно зашкаливало.

“А ты смелый”, — тихо сказала мне Лайма, пересекшись со мной в коридоре, и это было одним из лучших комплиментов, которые я слышал в своей жизни от женщин. Её серьёзный, а не снисходительный тон снёс мне крышу. Моё самоуважение утроилось сверх упятерённого. “O tu drąsus” — я до сих пор помню эту её фразу и её интонацию.

Мой литовский язык прогрессировал, как ракета, но это пока мало было заметно окружающим. В минуты отдыха в полях я лежал на земле рядом со студентками и невольно слышал их разговоры на литовском. Часто они говорили о мужчинах, что естественно — всё по природе. Студенткам в голову не могло прийти, что я пойму, о чём они говорят. Они считали меня маленьким немтырём и нисколько не стеснялись меня, но я уже немного понимал их разговор. Что не понимал — то домысливал. Я лежал с отрешённым видом, глядя в небо и невозмутимо пожёвывая травинку, но уши мои были обращены к их откровенным женским разговорам. Что-то рассказывала Юргита, что-то Рамуне, что-то Жидре, но больше всего я вслушивался в рассказы Лаймы. Никогда больше я не становился невольным свидетелем такого — настоящих женских разговоров, изнутри. До сих пор помню все детали. Вот что значит мотивация в изучении языков! Хотите быстро выучить язык — забудьте за Berlitz, а поезжайте лучше в стройотряд со студентками!

Колхозная столовая была шикарной. Чистейшие скатерти, вкуснейшая еда: цеппелины, драники, литовский холодный борщ плюс классический репертуар

советского общепита. Эта еда казалась мне вкуснейшей в мире, потому что я впервые в жизни ел то, на что заработал сам: моя еда вычиталась из моей зарплаты.

> Даже шикуя в столовой, я остался не внакладе. На бóльшую часть от заработанного я купил себе фактически MacBook Pro того времени: научный калькулятор, которым я иной раз и сегодня воспользуюсь — там и статистическая сигма на выборку, и логарифмы, и тригонометрические функции. Сменилась эпоха, но не математика.

Плохо было одно — мне было нечего читать. В закрытой на лето библиотеке колхозной школы я нашёл школьный учебник литовского на литовском же, и цепь замкнулась: сложилась идеальная комбинация!

ССО — это не только работа на стройках и в поле, но и т.н. “слёты” — посреди чистого поля под Молетаем разбивался гигантский палаточный лагерь, куда съезжались все студенты ССО вильнюсской и утенской “зон”. Костры, гитара, смех, художественная самодеятельность на большой сцене. Мы представляли идиотский номер, ходя паровозиком по сцене с идиотской песней. Мы выступили хуже всех, но никто не расстроился. Выиграл отряд “Ювентус” из Вильнюсского госуниверситета — абсолютно заслуженно. Кто-то пустил слух, что к нам на слёт приедет рок-группа “Foje” аж с самим Андрюсом Мамонтовасом. Я очень хотел услышать вживую свои любимые “Laužo šviesa” и “Saugok vaikystę”. Мамонтовас нас не удостоил, но и без “Foje” было шикарно.

Первое трудовое лето в Литве окончилось для меня бесславно. В принципе, бесславно закончиться могло не только лето, но и моя жизнь.

В последний день перед отъездом я работал с девушками в амбаре, на складе сена. За нами должен был прийти автобус, чтобы в последний раз отвезти нас в лагерь, а оттуда с вещами в Вильнюс. Всё, работа закончилась — все девушки нашей бригады уже спустились вниз и отряхивались, а я ещё был “под куполом цирка” и тоже собирался спуститься. Трудовое лето подошло к концу, но я добровольно продлил его на полторы минуты. Я посчитал, что сено должно было быть уложено gražu и пошёл по краю упакованных в кубы блоков сена, проверяя их ровность. Девушки крикнули мне снизу, чтобы я немедленно отошёл от края бездны. “Viskas tvarkoj! [Всё в порядке]” — заверил я коллег и… ошибся.

Крайний куб сена пошатнулся, и я полетел с 8-метровой высоты головой вниз. В глазах искры, страшная боль в шее.

“Ei, ar tu gyvas? [Эй, ты живой?]” — испуганно спросила меня Лайма, склонившись надо мной сразу после моего приземления.

Единственное, что я смог ей ответить, стиснув зубы от боли, было: “Sveika [Привет]”, хотя мы только что вместе работали полдня. Мой речевой центр действовал, память не отшибло, подвижность не нарушилась.

Сломал 4-й шейный позвонок. По всем законам, я должен был бы быть парализован или сдохнуть на месте, но Кто-то зачем-то отвёл сию чашу от меня.

Из колхоза я уехал не на вильнюсский вокзал, а в райбольницу, в которой поднабрался от местных крестьян сочных слов и выражений, которые интеллигентным студенткам свойственны не были. Врач-травматолог сказал мне, что меня спасли удачный угол удара и худощавость: будь я на пару килограммов потяжелее, кости позвоночника не выдержали бы компрессионной нагрузки. И тогда было бы два варианта: или жмур, или овощ.

Позже я рассчитал на своём новеньком калькуляторе кинематическое уравнение и понял, что моя скорость на момент касания с полом амбара была 45 км/ч. Мне помогло то, что на бетонном полу амбара было не совсем gražu — там лежало немного сена тонким слоем, и поэтому моя черепушка выдержала. И густая шевелюра смягчила удар на пару ньютонов.

Вернувшись в свой восьмой класс и расхаживая в “ошейнике” (пост-травматической шине на шее), я гордо рассказывал друзьям про свой анабасис в литовском колхозе — ни у кого подобного опыта не было и близко, и мне завидовали несмотря на мой ошейник и на такой нерадостный финал анабасиса. Я ввёл в наш повседневный лексикон литовские слова “тиза” (“сигарета” на слэнге) и придуманный мною глагол “тизить” (курить), глагол “гиртать” (пить) и существительные “алус” (пиво) и “мергяля” (девушка). К каждому второму слову мы добавляли литовский уменьшительный суффикс, и получались “карандашале”, “шампаняле” и “мамяле”.

Нам всем сейчас по сто лет, но мы до сих пор с друзьями пользуемся только этими прекрасными словами, когда общаемся. Мне в голову не придёт предложить школьному другу “покурить” — он не поймёт. И он, и я скажем: “Потизим, дружале?”

1987: Приключения продолжаются в Тракае

Следующим летом, когда мне было 15, я снова провёл 5 недель в студенческом стройотряде в Литве, но не в моём колхозе, а на турбазе под Тракаем — в бывшем имении Тышкевичей.

Снова 30 девушек студенток, совсем других, Лаймы не было. Снова командир отряда по имени Валдас, а при нём ещё комиссар Арвидас. Мы втроём жили в одной комнате. Девушкам было хуже — они жили в таких же комнатах, как наша, но по шесть. Взрослые мужики быстро откорректировали мои детские пионерлаговские представления о совместном существовании, и я мгновенно научился правилам общежития в мужском обществе взрослых людей: не разбрасывать свои вещи, по-армейски заправлять свою кровать и, главное, не задавать лишних вопросов.

Наш студенческий лагерь стоял отдельно от турбазы: на отшибе, у самого леса. Мы в Тракае жили почти так же изолированно от всех, как и в колхозе: кричи не кричи.

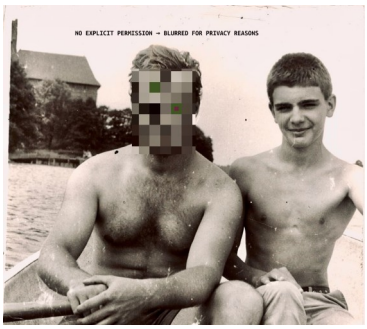
Будущий учитель словесник Валдас отслужил в армии в Москве, и русским языком он владел виртуозно. Остальные владели далеко не так виртуозно, как он, но говорили и понимали абсолютно все. Впрочем, русским языком я в лагере уже не пользовался — мой стремительный прогресс литовского возобновился с первого же часа. Это было отрадно — значит, мозги после падения с 8-метровой высоты я не отбил. А если отбил, то не все.

Среди местных жителей rejonu trockiego (да, фамилия Троцкий означает “тракайский”) многие были поляками, живущими в этих местах ещё со времён Речи Посполитой. Поляки — вторая по численности этническая группа в Литве после литовцев. В этом был какой-то особый шарм — говорить по-польски в Советском Союзе. Покупаешь клубнику на ступеньках имения Tyszkiewicza и говоришь крестьянке польке: “Proszę Pani. Reszty nie trzeba [сдачи не надо]”. А она в ответ: “Ach ty mój słodki!” — и насыпает тебе ещё жменю взрывающейся от спелости наливной клубники, отобрав для тебя лучшие ягоды.

> Вот он, на полке у меня стоит до сих пор — я купил в Тракае разговорник и изучал его в редкие минуты ничегонеделания.

В Тракае было волшебно! Я, честно говоря, не всё помню, что было в Тракае, потому что я там впервые попробовал пиво, нагло примазавшись к своим старшим товарищам Валдасу и Арвидасу. Они — взрослые мужики после армии, для них бутылочка пивка была, как для меня “Буратино”, а меня, подростка, сносило напрочь от одной бутылки пива “Таурас”. Я, худой, непривыкший и молодой, начинал плыть после первых глотков литовского алуса (пива), вкуснее которого я никогда ничего не пил, даже в пивной столице мира Бельгии.

Каждый второй день комиссар Арвидас, который был поставлен следить за моральным обликом отряда, инициировал поездку за пивом в Тракай. Мы брали лодку, Арвидас гнал меня на вёсла (“А ну, давай, Andriau, работай! Заработаешь на пиво”), и мы пересекали прекрасное озеро Гальве на моей мышечной силе, пока Арвидас, развалившись на корме, курил и рассуждал о женщинах. Иногда ездили втроём. Я швартовался у старинного замка великих литовских князей, а Арвидас или Валдас шли в город за пивом. Потом они возвращались, мы грузились, и я снова грёб, как раб на галерах, на нашу турбазу. Гребля была моим вкладом в общее дело.



Я был в полном восторге от своих старших товарищей, и я узнал от них очень многое: о жизни, о женщинах, о взрослой жизни. У меня никогда не было таких великовозрастных друзей и, тем более, собутыльников. Я вообще пил впервые в жизни, прежде чем сделать долгую паузу на несколько десятилетий.

“Na, klausykite, vyrai” [Ну, слушайте, мужики] — начинал рассказывать какую-нибудь историю словоохотливый Арвидас, и я был очень горд, что я был им включён и в число слушателей, и в категорию мужиков.

Я не вникал в личную жизнь моих наставников в самом лагере, но некоторые вещи были очевидны: иногда к моим взрослым друзьям приезжали подруги — к Валдасу мадемуазель Ирма из Вильнюса, а к Арвидасу — девушка из его родного Паневежиса. В такие вечера счастливец подносил мне кулак к носу и говорил: “Чтобы духу твоего, молодой, в комнате не было, понял? Исчезни!” — и жаловал мне бутылку пива и радиоприёмник в качестве компенсации. И тогда я ночевал в красном уголке под портретом Ленина и против воли выученным текстом гимна ЛиССР. Из стульев я сооружал себе лежбище, ловил “Свободу”, “Би-Би-Си” или “Голос Израиля” (их было хорошо слышно) и погружался, хмелея с полглотка “Таураса”, в невесёлые мысли о своей одинокой доле и о своём детском возрасте, когда тебя 15-летнего никто из студенток всерьёз не воспринимает, и смешливая, озорная Ирма приезжает не к тебе. Написал письмо однокласснице, но наутро порвал его, перечитав на трезвую голову.

Моя непыльная, но скучная работа в registratūre турбазы заключалась в выдаче ключей и “приёмке номеров” у постояльцев, приезжавших со всего СССР. Сегодня это назвали бы hospitality business. “Номера” (прицепы-караваны без колёс в чистом поле) часто оставлялись туристами в плохом и грязном состоянии, и я ругался с отъезжантами, даром что языкового барьера с ними не было. Иногда туристы просили меня достать им водки или шампанского, но я только разводил руками — и не продаст мне никто в силу малолетства, и покупать не у кого, если не знаешь мест: на дворе-то 87-й год, алкомаркетов нема, на минуточку.

— Почему здесь у вас так скучно? — спросила меня как-то пара туристок из России, слонявшихся по турбазе. — Ни дискотек, ничего.

— Разве? Мне тут совсем не скучно. У нас здесь целая индустрия развлечений: столовка, озеро, памятник Ленину. Но если вам скучно, то давайте я вам станцую что-нибудь: включайте ваш транзистор!

Я согнул руки в локтях, приготовившись танцевать.

— Лучше не надо, — кисло ответили туристки, глядя на меня. — И так полегчало.

Я подумал, что идея дискотеки действительно была здравой. Предложил её своим, но понимания не нашёл. На вечерних посиделках я спонтанно протанцевал в центре круга, выкрикивая “One way ticket! One way ticket! Хоп-хоп!” и надеясь зажечь студентов, но идея потанцевать энтузиазма ни у кого из 32 студентов не вызвала. Петь они любили, а танцевать нет.

На доставке водки туристам я не заработал, зато я иногда помогал клиентам дотащить вещи, и тогда они давали мне рубль, который я передавал Арвидасу, чтобы “пить на свои”, как взрослый. Пиво за свои было вкуснее вдвойне. В обществе своих старших товарищей я открыл для себя табак — сначала кашляешь и по шарам бьёт, а потом лучше, особенно под пиво да под задушевную литовскую песню.

Я вспоминал о своих друзьях одноклассниках и понимал, насколько круче и ярче я провожу каникулы, чем они. Этот сейчас, наверное, бабушке навоз на даче разбрасывает; та, наверное, сейчас читает список книг на лето, а у меня тут в Литве такие “ночи, полные огня”.

Столовка на турбазе была так себе, а мой растущий организм жрать хотел дико. Я всякий раз подходил за добавкой, пытаясь перевоплотиться в кого-то другого, но суровые турбазовские раздатчицы узнавали меня в разных образах и гнали: “Po vieną! [По одной!]”, но потом таки бросали из жалости в мою тарелку пюре и полкотлеты, которые я сжирал, как животное прямо у окошка раздачи. Если на раздаче работала кто-то из наших студенток, то она не скупилась на добавку, видя мои голодные глаза.

Иногда к девушкам приезжали их родные из окрестных городков и сёл и привозили угощение: домашние ветчину, буженину, окорок, а то и ведро свиных ушей из личного хозяйства. Я вычислял таких счастливиц и шёл на запах, и тогда они меня щедро угощали, понимая, что мне еда была гораздо важнее, чем им самим. Если давали с собой, то я честно делился подарком с Валдасом и Арвидасом — эти двое тоже жрать хотели всегда.

Система ССО не предполагала никаких развлечений, кроме слётов, и мы развлекались сами у себя в лагере: посетили Тракайский замок (Тракай некоторое время был столицей Великого княжества Литовского), купались в озере Гальве, играли в бадминтон, слонялись по лесам. С инициативной группой студенток собрались сходить в шикарный ресторан “Няндре”, но не сложилось: народу там было много, а денег у нас было мало. Оказывается, прямо у нас под носом была единственная действующая в СССР кенасса (караимская синагога), но никто из нас про неё не знал. Тема религии не упоминалась и не проявлялась ни разу: ни среди студентов, ни среди местных жителей.

По вечерам Валдас доставал гитару, и все пели вокруг костра: тридцать женских голосов и три мужских, включая мой: он уже сломался и опустился на взрослый регистр. Репертуар мне был уже знаком по прошлому, колхозному году, но

больше всего мне нравилась Валдасова песня “Nežinau, kada ir kas // pelenai // Bet tu toli, ir tavęs nėra, kaip tau pasakyt, kas mano širdyje“. Спел как сумел: я помню только куски, и я нигде не могу найти эту песню! И если ты, командир, которого я тактично скрыл здесь под другим именем, вдруг узнал себя и читаешь эти строки, пришли мне свою песню, prašom! С меня ящик “Таураса”.

1988: Тучи над колхозом

В последнее школьное лето, когда мне было 16, я снова попросился в колхоз “Светлый путь”. Начиналось всё очень хорошо — мой родной колхоз, знакомые все лица: и председательница, и бригадиры, и добрые поварихи были все на месте и очень обрадовались мне, а я обрадовался им. Я был рад, что не надо пить, и я активно знакомился с новой сменой, с тридцатью новыми студентками VPI, Вильнюсского педагогического.

Командиром был будущий педагог Гедрюс, который думал не об урожаях, а только о Гражине — своей сокурснице, с которой он приехал в уже устоявшейся, крепкой паре. Гражина почти сразу была объявлена Гедрюсом “больной” и помещена в одноместный изолятор, и Гедрюс взял над Гражиной “шефство”, часами пропадая в её изоляторе, “леча” её от несуществующего недуга. Все всё понимали, и вопросов не было.

Всё было прекрасно. Но на третий день стало хуже, резко хуже. В наш лагерь приехали два милицейских “бобика” и привезли шестерых хулиганов: трудновоспитуемых подростков из русской секции детской комнаты милиции Вильнюса: с татуировками и с криминальной биографией. Negražu. Их прислали, чтобы они перевоспитались трудом, чтобы будущие педагогини наставили их на путь истинный. Студенты называли новоприбывших “rusiukai” — “маленькие русские”, скажем так примерно.

Старшим у них был отпетый хулиган, гроза района, называвший себя Йоханном, а так-то он был просто Ваней. Татуировки трудновоспитуемых были на грани: у одного орёл с горизонтально раскинутыми крыльями (похожий, правда, больше на голубя), у другого надпись готическим шрифтом с орфографической ошибкой, у третьего руны. Трудновоспитуемые приставали к студенткам, реготали в столовой, уклонялись от работы, всем хамили и вели себя отвратительно.

Я их сторонился. Девушки студентки их боялись, как огня, и правильно делали. Естественно, что rusiukai прицепились ко мне как к сверстнику и, тем более, говорящему с ними на одном языке:

— Эй, пацанчик, слышь, ты чё, оборзел? — Йоханн больно задел меня плечом в хозблоке. — Думаешь, без прописки тут прочалишься? Прописаться ты должен, проставиться, поляну накрыть. Объяснить людям, чем живёшь, чем дышишь, а мы посмотрим на тебя и постановим, что с тобой дальше делать. Короче, прописывайся. Срок тебе даю до послезавтра.

Я задумался. Никакой самогон я им доставать не буду, это очевидно. Жаловаться Гедрюсу или председательнице колхоза западло. Ладно, сам решу.

Я сыграл на опережение и сам пошёл к ним в комнату — разруливать.

Трудновоспитуемые увлечённо играли в карты.

— Вечер в хату, пацаны, — хмуро сказал я по-русски.

— Жизнь ворам, — на автомате ответил один, а остальные промолчали и вопросительно посмотрели на меня.

— Короче, пацаны, расклад такой, — я старался говорить медленно и уверенно. — Мне нечем вас угостить — в стране сухой закон. Но я не об этом щас. Я о том, что базар этот не по понятиям.

— Чё?? Чё ты сказал? — взвился Йоханн. — Чё не по понятиям? А ну, давай, поясни!

— Поясню. Я о том, что земля здесь не ваша и не моя, а колхозная. Я приехал сюда раньше вас, но я же не прошу вас проставляться. Если добудем чё, то, конечно, вместе посидим, как люди, от души. Вы, я вижу, реальные пацаны, но ведь и я не фуфлыжник. Я сам бузил по малолетке, приводы в милицию были. Сам едва не загремел на учёт в детскую комнату милиции и имею что-то сказать.

В милиции я бывал лишь единожды, в паспортном столе, получая советскую ксиву, а не в детской комнате, о которой не имел ни малейшего представления. И никаких “приводов” и “бузы” у меня не было и близко.

— Так ты деловой что ли? — перебил меня самый наглый трудновоспитуемый. — А чё партаков у тебя нет? Чистенький, как фраер.

Это верно — последнее, что я сделаю в жизни, так это наколю татуировки.

— Кому надо, тот и так знает, кто я, — спокойно ответил я. — А кому не надо, зачем мне светиться перед чужими? Фильм “Однажды в Америке” видели? Ни у кого партаков нет, но люди все серьёзные.

— Ты говори, что хотел сказать людям, — приказал мне Йоханн. — Вопросы-то не сняты.

— Короче. Я ж с вами в одной лодке, пацаны, и раскладов у нас два. Первый — привычный: набедокурить здесь, набедовать. Всё, как всегда: опять менты, опять детские инспектора, снова здорово. Можно продолжать зажимать студенток в тёмных углах, можно вести себя, как бог на душу положит, но это путь в никуда, поймите. Но это я так кумекаю, а так каждый решает сам или как старшие решат.

Я кивнул на Йоханна.

— Мне mergaitės [девушки] эти очень нравятся, — внезапно признался один трудновоспитуемый. Ты Аушру на грядке видел? Как к такой можно не подкатить?

— Видел, конечно, — ответил я. — Не слепой. Но какой смысл подкатывать к Аушре и к остальным? Шансов у нас ноль. Мы все для них — дети. Никто из mergaitės не воспринимает нас всерьёз. Им нравятся взрослые, разумные парни, а нас они в упор не видят, да и боятся тем более. Эти mergaitės не наша масть.

— Какой второй расклад? — строго спросил меня Йоханн и немного оттаял: — Да ты присаживайся, чё стоишь, как столб? Закуривай!

Главарь протянул мне пачку дорогого Kosmosas‘а за 70 копеек из личных запасов. Остальные тянули дешёвую “Приму”.

— А второй расклад, пацаны — взрослый, — продолжал я уже сидя на их малине, пыхтя дорогой сигареткой и стараясь с непривычки не закашляться. — Детство заканчивается, а времена наступают очень сочные. Надо реальные дела делать, а не киоски подламывать. Орехово — слышали?

Трудновоспитуемые помотали головой. Да и я сам, живя в Орехове, мало что слышал об ореховской братве — зарождающийся тогда бандитизм меня не интересовал и никоим образом не касался: на моём уровне школьника всё было спокойно.

Я продолжил импровизировать в волчьем логове:

— Короче, наши старшаки сейчас серьёзные темы обмозговывают. Например, импорт тачек из Германии — через вашу, пацаны, землю. Давайте работать вместе! Сведём вместе наших старшаков, пусть большие люди перетрут. И мы поднимемся все вместе. Вперёд надо смотреть!

Трудновоспитуемые внимательно слушали.

— Пацаны! — продолжил я, уже вполне комфортно сидя за воровским столом. — Я однозначно за второй расклад. Ну сколько можно? Давайте проведём этот месяц как взрослые люди, произведём хорошее впечатление на местных, получим от них хорошую характеристику — вам для ментуры пригодится, мне тоже не помешает — я же у мусоров на карандаше: следят, гады. Я с Гедрюсом в одной комнате живу, с председательницей я тоже в прекрасных отношениях — я замолвлю словечко за вас. Глядишь, и с учёта вас снимут.

— Какой мне скиртум [разница], снимут или не снимут? — заметил самый молчаливый трудновоспитуемый. — Всё одно.

— Скиртум огромный, — ответил я. — Лезут менты в твою жизнь или нет — вот тебе скиртум. Вам нужны проблемы? Мне — нет. Нам всем нужна чистая биография, нас ведь ждут серьёзные дела.

Я сильно рисковал: эти шестеро могли легко меня расколоть и отметелить. Но ко мне неожиданно подошёл Йоханн и молча протянул мне руку. За ним ко мне подошли со своей пятернёй и пятеро остальных. И мы с трудновоспитуемыми стали если не друзьями, то “потенциальными партнёрами”. Неожиданно получилось так, что педагогом внезапно оказался я, а не студентки пединститута.

Трудновоспитуемые преобразились. Они перестали кидаться едой в столовой, прекратили приставать к mergaitės, они стали играть с нами в “картошку” и в “вышибалу” и даже исполняли вместе со всеми детскую игровую песенку “Aš turiu kepurę”, изображая, что у них на голове треугольная шапочка. Они успокоились: работали в полях, зарабатывая себе хорошую характеристику для “серьёзных дел”, предначертанных мною.

— Что-то rusiukai резко улучшились, — задумчиво говорил Гедрюс в редкие моменты своего появления в нашем командном пункте, — странно.

— Твой авторитет, наверное, — отвечал я, никому не рассказав о своём разговоре с трудновоспитуемыми.

Гедрюс утратил интерес к руководству отрядом. Он почти не вылезал из изолятора, где “болела” Гражина, и я остался жить один в командном пункте. Я обнаглел, возомнил себя и.о. начальника. На столе стоял единственный на весь отряд телефон, и я к нему подходил: “Kolūkio studentų būrys, Andrius Kobzarius. Klausau”. [Колхозный студенческий отряд. Слушаю]. Я записывал малопонятные телефонограммы на литовском языке, передавал сообщения, пускал студенток позвонить домой и звал их, когда звонили им.

— Несправедливо, — говорил Гедрюс, — ты вот учишь литовский, а мы русский — нет. Научи и меня чему-нибудь.

Мат он знал лучше меня, и я стал учить его неформальному русскому.

— Чё там было в кабаке на полдник? — спрашивал я его по-русски, имея в виду колхозную столовую.

— Ништяк, — отвечал по-русски обученный мною Гедрюс. — Зашибись. Я хавал булочку и бухал молоко.

О, моя школа!

Проблема вечного тракайского голода была для меня снята: наши колхозные поварихи кормили меня сверх оплаченных мною норм как на убой:

— Valgyk, valgyk... Nuo šieno nukritai... [Ешь, ешь... С сена упал...]

— Ačiū. Aš to nebegaliu. [Спасибо. Я больше не могу]

— Gali! [Можешь!] — и подкладывали мне ещё.

Моё позапрошлогоднее падение колхозники восприняли как свою собственную вину — “недосмотрели”! Они постоянно спрашивали меня, как я себя чувствую, хотя я сам давно забыл за то падение, прошедшее без последствий.

За эту доброту поварих по отношению ко мне я наловил им в подарок рыбы в озере, на которое пошёл рыбачить только потому, что студентки пошли туда купаться. Хоть на поплавок я почти не смотрел, но кое-что, тем не менее, я поймал.

Поварихи ответили мне добром на добро: ни одной рыбки себе они не взяли, а пожарили всю мою рыбу и принесли мне, рыболову. Я поделился рыбой с соседками по столу. Это была не просто еда: в этой рыбе был и мой труд, и мой жест по отношению к женщинам с кухни, и их доброта по отношению ко мне. Ну, и пожарили они её отменно.

Тогда, в колхозной столовой, я понял, что важнее теплоты человеческих отношений в мире нет ничего. Всё забудется, а теплота останется. Сердечные килоджоули всегда сильнее.

Я сдержал слово и попросил наше начальство дать хорошую характеристику трудновоспитуемым, а они её заслужили. Надеюсь, что те её дали, и надеюсь, что этим, в принципе, неплохим ребятам она помогла в дальнейшей жизни.

Месяц работы пролетел быстро. Часть заработанных денег я отдал маме, на остальные же долго шиковал, как король всем на зависть: ездил по городу на такси и вообще ни в чём себе не отказывал.

В последний день моего школьного лета мы прощались с трудновоспитуемыми на площадке перед нашим студенческим автобусом. Трудновоспитуемые подошли ко мне все вшестером. За ними должен был приехать их милицейский транспорт — я сам принимал телефонограмму из Вильнюса на этот счёт.

— Держи мой домашний номер, как договаривались, — сказал Йоханн-Ваня. — Не каждому даю. Когда поговоришь со своими старшаками, позвони мне.

Ой, а я и забыл уже про вымышленных “старшаков”! Я с благодарностью взял бумажку с телефоном, чтобы в Вильнюсе выкинуть её в ближайшую урну.

— Твой-то номер какой? — спросил главарь трудновоспитуемых.

Чёрт! Не давать же ему свой номер!

— Записывай, — нашёлся я и надиктовал номер 394-74-00.

— Блатной у тя номер, — усмехнулся Йоханн.

— Ну́ так! — усмехнулся я в ответ. — Всё по-взрослому.

Это был номер автоответчика кинотеатра “Авангард”, где тётя-робот читала репертуар фильмов на неделю.

До сих пор звонит, наверное.

Потом, уже в поезде, я понял, что у меня не осталось ничьих координат из “студенток третьего сезона”: ни Аушры, ни Илоны, никого — хотели обменяться, но в суете отъезда не обменялись. Эти люди и это время остались там и тогда.

Автобус тронулся, и студентки запели. Я с ностальгией обернулся на наш лагерь со стелой на литовском “Здравствуй, трудовое лето”. Закончились мои последние школьные каникулы и беззаботное детство. Впереди ждала совсем другая, взрослая жизнь со своим мёдом и своим дёгтем: 10-й класс, выпускные экзамены в обычной школе и в Экономико-математической школе при МГУ, где я тогда учился параллельно, последний звонок, первый костюм, поступление, ну и дальше по всем пунктам. Я вдруг как-то по-взрослому резко понял, что детство закончилось *в этот самый момент*.

Грустно не стало. Наоборот — пришло томительное ожидание взрослости. А вместе с ним вопрос — смогу ли я распорядиться своей юностью и дальнейшей жизнью *по полной*? Оторвусь ли влихую, пока молодой? Возьму ли от юности *всё*? Развернусь ли в полную силу? Мой опыт в Литве сполна дал мне *всю* необходимую информацию о взрослой жизни. Эти три лета дали этакий preview во взрослость — эксклюзивно и адресно *мне*. Не каждому даётся, а мне повезло. А уж как я позднее распорядился этой ценнейшей информацией о взрослой жизни и как я прожил её — это уже совсем другой вопрос.

Я отогнал от себя смутные мысли и подхватил затянутую студентками свою любимую “Ant kalno klevelis stovėjo”. Я выучил в Литве десяток литовских песен и помню их наизусть по сию пору, пою их иной раз в ду́ше и в душе́. Я вообще ничего — ничего! — не забыл из того уникального опыта в литовском стройотряде.

Послесловие

Лишних знаний не бывает. Литовский язык мне неожиданно пригодился три года спустя в религиозном лагере в Латвии (см. § 2.5.12): я сдружился с отличными ребятами из Литвы, и даже народные песни мне пригодились для налаживания отношений. Пару лет назад, принимая друзей из Литвы, я попытался с горем пополам рассказать им на литовском языке о достопримечательностях Женевы, и они поняли.

Несколько лет тому назад я загуглил свой бывший колхоз и написал в деревню на своём убогом (но живом ещё!) литовском, заменяя французской диакритикой своей клавиатуры сложную литовскую. Мне ответили совершенно другие, новые люди — развёрнуто, вежливо, gražu и очень тепло. Конечно, ничего из эпохи ССО не осталось: снесён наш студенческий лагерь, нет никакого колхоза, нет никакой “ЛиССР” и Ленина, нет комиссаров, слётов и всей этой коммунистической ботвы, слава тебе господи.

Но остались люди. И осталась добрая память. И я дорожу ею. И хочу поехать в Литву и снова встретиться с теми немногими в “Светлом пути”, кто ещё помнит меня. И с теми, кто не помнит: просто в близкую мне Литву хочу. После этих трёх летних месяцев хочется даже сказать: свою.

Ну, а если хочется, то и говорю.

2025-Apr-17

2.5.17 Радистка Кэт

Жители Швейцарии должны иметь местные водительские права, и меня обязали сдавать практику. Имея 20 лет безаварийного водительского стажа за плечами, я, тем не менее, взял два часа в автошколе на всякий случай.

— Советую тормозить низкими передачами, — сказал в конце инструктор. — А так всё ОК. Экзаменаторы вас обязательно потащат в Каруж, в самый сложный район, так что вы покатайтесь там сами немного. И удачи вам на экзамене! Потому что не факт, что пройдёте.

— Так “ОК” же!

— Это нормальным людям ОК, а экзаменаторы — это особое племя. Валят при малейшей ошибке. Самые вредные люди на свете. Сами увидите.

Мой экзаменатор точно подпадал под описание инструктора: угрюмый ворчливый дед. Он проверил мою бельгийскую ID’шку и провозгласил утробно, как всадник Апокалипсиса: “Экзамен начинается сейчас!” Я, видимо, должен был проникнуться торжественностью момента.

Тронулись. Экзаменатор внимательно следил за всем: положением рук на руле, направлением взгляда и, конечно, спидометром. Начались классические приёмчики: поверните налево (под кирпич), остановитесь (под запрещающим остановку знаком). Я держался, но “errare humanum est” никто не отменял — ошибиться я мог в чём угодно.

Наверное, никогда и никто, даже родная мама, когда я учился ходить, не следил за моими действиями так внимательно, как мой визави.

У экзаменатора был совсем не женевский акцент во французском. Кантон Вале или кантон Во? Или Фрайбург? Какая разница? Важно наладить с ним контакт! Самое худшее — это отсутствие эмоций. Безразличие — это тупик в любой сфере.

И я придумал:

— Какая всё-таки важная у вас работа! — сказал я ему, пока мы стояли на красном. — Выявляете нарушителей, защищаете закон и порядок. Знаете, мы ведь с вами в некоторой степени коллеги.

— Вы что, экзаменатор? — удивился дед.

— Своего рода. Я работаю в банке, — я внёс лёгкий дух интриги.

— Какая связь? — засмеялся дед, и смех был первым проявлением какой-то человечности.

— Я работаю в отделе финансовых расследований. Проверяю желающих открыть счета в швейцарском банке и достоверность сообщаемой ими информации о происхождении средств. Работаю в подотделе по Восточной Европе, по бывшему СССР.

Правдой было всё, кроме “отдела расследований” — я работал не в комплайенсе, а на обычном фронте́ частного банка.

— И что же, неужели есть нечестные люди? — всплеснул руками наивный швейцарский дедушка. — Хотя конечно: вы ж говорите Восточная Европа... От этих всего можно ожидать.

Если бы не экзамен, я бы развёл руками, но они у меня были на руле.

— Вы поосторожнее с ними, мсьё Костбар: от бывшего СССР вообще, знаете, лучше держаться подальше, — заметил дед.

Да, деда, спасибо тебе за ценный совет... Чтобы им воспользоваться, мне что — отмотать сорок лет назад и заново родиться хотя бы в 150 километрах северо-западнее?

— Те ещё, так сказать, — продолжил свою неполиткорректную мысль дед. — У меня тут такие фрукты из Восточной Европы попадаются, ой-ой-ой! Представляете, многие из них *по-ку-па-ли* себе права в своих странах! За деньги!! О-о-о! Я их за версту чую, хоть даже и швейцарский паспорт они мне предъявляют. И к ним на экзамене я *особенно* требователен.

— Да вы что?? Покупали права?? — “удивился” я, не отрывая глаз от дороги. — Какие несерьёзные!

> В каждой стране есть свои “красные линии”, отделяющие добро ото зла. Где-то зашкваром считается быть дураком, где-то упырём, где-то хамом, где-то ещё что-то. В Швейцарии такое тоже не приветствуется, но тяжелейший из грехов — это быть “несерьёзным” или “странным”. Если тебе приклеили такой ярлык, то “поздравляю, Шарик” — это худшее, что с тобой может случиться в этой стране. Это хуже судимости или излучаемой тобой гамма-радиоактивности. Судимость можно объяснить, а “несерьёзность” и “странность” объяснить нельзя (и не нужно), это клеймо с тобой навсегда.
>
> **“Несерьёзным”** ты становишься, если часто менял специализацию, работу или даже (о, боже!) сферу деятельности, отклонившись от диплома; если осмеливался браться за многое; если сошёл с непонятно кем определённой колеи; если менял страны; если жил в своё удовольствие в sabbatical за свой же счёт; если не скрупулёзен до абсурда в сортировке мусора; если компетентен в каких-то областях, но не можешь подтвердить это сертификатом CFC государственного образца с белым крестом (“Как же вы тогда это выучили??”); если у тебя трое детей от трёх разных женщин — и по сотне других причин.
>
> В **“странные”** тебя запишут, если ты раскованно себя ведёшь; если говоришь, что считаешь; если ты оригинален в суждениях (даже если ты их хорошо аргументируешь); если заглядываешь за видимый горизонт обывателя; если пьёшь глинтвейн летом, а розовое зимой; если не стесняешься петь и танцевать за пределами отведённых мест: хора или дискотеки; если не брюзжишь вместе со всеми в понедельник и не сыплешь банальными шутками в пятницу; если знаешь много языков (“Вы что! Зачем столько?? Это же... это же... расфокусированность!”) — и по тысяче других причин.
>
> [Иллюстрация: этот фильм]
>
> Я давно записан в обе эти категории по многим статьям и пунктам обвинения, поэтому вещаю с той, другой стороны швейцарской “красной линии” — со стороны “зла”.
>
> И вот поэтому слово “несерьёзные” было крепким, по местным меркам, выражением.

— В высшей, высшей степени несерьёзные! — вынес вердикт экзаменатор.

И спросил:

— Сами-то бывали в Восточной Европе?

— Да, — невозмутимо и без лишних подробностей ответил я, думая, как бы увести деда от так взволновавшей его темы pays de l'Est (Восточной Европы). Зря я вообще её упомянул.

Было очевидно, что товарищ не обратил внимания на место моего рождения в нечасто попадающейся ему ID'шке, а моё досье осталось в конторе. Он увидел только привычное имя и непривычную, неидентифицируемую фамилию, а то и я неизбежно попал бы в категорию "фруктов" с "особыми требованиями" и Каружем.

Я чувствовал себя радисткой Кэт в роддоме, но только Кэт выдала себя, а я нет. Мой бельгийский выговор надёжно защищал меня, но документ-то не проведёшь: повторная, более внимательная проверка ID'шки означала бы мой провал и зачисление во "фрукты". Как ни в чём не бывало я продолжил на не связанной с бывшим СССР ноте, увёл в сторону, рассказав ему в двух словах, в чём заключается борьба Швейцарии с отмыванием денег.

— Не завидую я вам, мсьё Кошмар — пардон, пардон! — мсьё Козбуар, — посочувствовал дед, — в такие дебри влезаете, тем более с таким, кхе-кхе, контингентом. Но вы молодец, защищаете закон.

— Стараемся, — кивнул я, глядя на дорогу. — И вечный бой, как говорится.

Экзаменатор больше не провоцировал меня, успокоился. Мы ехали по простому для водителя, тихому району Труане, и он просто указывал, куда дальше.

Вроде, сработало, подумал я.

— Здесь можно и побыстрее ехать, здесь ограничение 80, — сказал мужик, уже особо не следя за дорогой и за моими действиями.

Опа! Вот это подарок! "80" он сказал "huitante" и тем самым невольно выдал себя с головой, дал зацепку на дальнейшее раскручивание и открыл мне путь к шаху и мату. "Huitante" говорят только в кантоне Во, а во всём остальном мире 80 — это "quatre-vingts".

Я не подал виду, что заметил. Мне осталось только дождаться подходящего повода, и он представился очень скоро.

— И как вам в Женеве, "коллега"? — спросил оживший на теме комплайенса экзаменатор.

— Неплохо, — ответил я, — очень неплохо. Хороший город. Хотя бывают и места получше.

— Да? И какие же? — удивился мой собеседник, привыкший к восхищению иностранцами Женевой.

— Рискую оскорбить вас, женевца, в патриотических чувствах, но знаете, мсьё, мне больше по душе кантон Во, — сказал я мечтательно. — Очень мне там нравится: Лозанна, виноградники Лаво, древнеримский театр в Аванш, архитектура. Только въезжаешь в Во, и уже в Шаванн ощущаешь разницу. [Не ощущаешь. — А.К.] Призна́юсь, мсьё, что кантон Во напоминает мне Бельгию. [Ничего общего. — А.К.] Но — что делать? — живу-то я в Женеве.

— Хо-хо!! Кантон Во! Я сам оттуда! Я не женевец! Я из-под Монтрё! — радостно возгласил дед и назвал какую-то никому не известную деревню. — Знаете такую?

— Да,— соврал я,— проезжал как-то. Очень симпатичная. Виды такие — закачаешься. Вы счастливчик, мсьё. Мог бы я выбирать, где жить, сам бы туда переехал не задумываясь.

Не дай боже́, конечно.

Под Монтрё и деревень-то нет, там Альпы почти вплотную к озеру. Где он жил-то — на леднике?

— Да что там виды! Там не только виды, но и то, и это, — дополнил меня расплывшийся в счастливой улыбке некогда строгий экзаменатор, перечисляя мне плюсы своей родной деревни: душевность её людей, её идеальный воздух,..

— Выйду в декабре на пенсию, — блаженно сказал дедушка, — и вернусь жить в Во.

— Прекрасный выбор, мсьё.

Экзаменатор полностью утратил интерес к дороге и, повернувшись ко мне, живописал свой кантон, прекрасный во всех отношениях. Я вполуха слушал его, время от времени реагируя: “О-ля-ля!”, “Надо же!”, “Вот это я понимаю!”, “Вот бы и в Женеве так!”

Выехали из Труане, и на перекрёстке мне пришлось перебить его ностальгический дискурс:

— Мсьё, куда мне здесь — налево, в Каруж?

— А? Что? Нет, не надо в Каруж, возвращаемся на базу. И на автобан мы тоже не поедем, нет нужды. Водите вы прекрасно, замечаний нет, экзамен окончен.

Экзамен длился от силы минут двадцать вместо положенного часа. И на Каруже я не прокололся — зря, получается, я там тренировался, как дурак.

Вернулись на базу под разговор, точнее, под его монолог о чудо-кантоне.

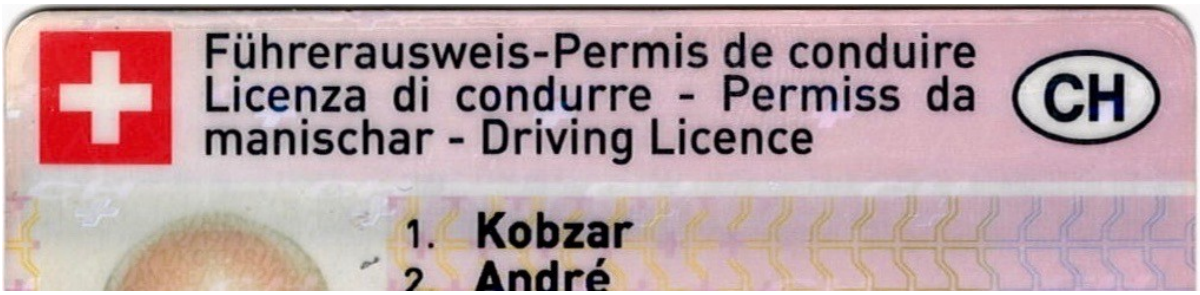
Здоровался я с неприятным типом, а прощался с доброжелательным без пяти минут приятелем.

Расставаясь у припаркованной машины, мы с экзаменатором торжественно пообещали друг другу усилить бдительность по отношению к покушающимся на швейцарский порядок — он со своей стороны, я со своей.

— И переезжайте в Во, мсьё, — пригласил меня мой новый знакомец. — Не пожалеете.

— Всенепременно, мсьё, — заверил его я. — До встречи на набережной Монтрё!

Всякий раз, когда я смотрю на свои права, у меня возникает желание говорить с водуазским акцентом. Только я не умею.



(2024-Sep-23)

2.5.18 Ноль тринадцать

На тротуаре в луже крови лежал человек.

Обычный мужик средних лет: ни плохой, ни хороший; ни высокий, ни низкий; ни богато одетый, ни бедно — самый что ни на есть обычный. Он лежал в дециметре от проезжей части и не двигался.

Москва, Садовое кольцо, сентябрьское утро 2006-го года, полдевятого утра — хорошо одетые, чистенькие москвичи, пахнущие “Л’Этуалем” и “Илем дё Ботэ”, плотным потоком спешили на работу от метро “Павелецкая” — кто-то в “Красные холмы”, кто-то в Дом музыки, кто-то в “Росно”, кто-то к нам на Садовническую, кто куда.

Я подошёл к лежащему в крови человеку. Живой? Вроде, да: дышит.

Я наклонился к нему и громко спросил: “Товарищ! Вы слышите меня? Да или нет? Пошевелитесь, если слышите. Эй, отец, ты живой? Товарищ! Слышишь меня?”

Мужик не отвечал, лежал с закрытыми глазами. Крови было немало, она была бордовой, а не окислившейся чёрной — его кровь была свежей и текла откуда-то.

Я не врач, и даже курсы первой помощи не проходил, поэтому трогать человека я не решился, чтобы не навредить ему. Да и при чём здесь я? Надо немедленно вызвать скорую!!

Я достал свою Нокию. Какой там номер скорой? Чёрт! Откуда я знаю, я ж только недавно приехал в страну. “Polizeiruf 110”, как в фильме? 144? Или шо? Попробовал, не вышло. О, балда! должно быть 03, как при Советах! Но 03 тоже не соединилось. Что делать??

Я кинулся в толпу прохожих за помощью: “Люди! Как с мобильного вызвать скорую?”

Первая сотня прохожих никак не отреагировала: москвичи проходили мимо, косясь на несчастного и огибая его. Они игнорировали меня и мой простейший вопрос о номере.

Со второй сотни пошёл первый комментарий:

— Да вы что? Бросьте. Чучмек какой-то и, скорее всего, бомж — рядом же вокзал.

— Но он в крови!! — возмутился я. — И какое это имеет значение, кто́ он?

— Ай, бросьте! — и отмашка рукой, как от назойливой мухи.

Остальные редкие, на ходу, комментарии были: “Пьянь”, “Кровищи... Он заразный какой-то”, “Если с каждым бомжом возиться...”, “Да не связывайтесь вы, идите своей дорогой”. Или молчание и игнор, что хуже всего. **Затихариться — это всегда хуже всего**, уж лучше послать прямым текстом.

На одного заносчивого франта с пружинящей спортивной походкой я злобно огрызнулся: “А если завтра на этот тротуар ляжете *вы*, мне тоже с вами “не связываться”? Просто скажите, как вызвать скорую!”, но москвичи не

реагировали. Наушники (или без), тёмные очки (или без), довольные лица и бодрый шаг в хорошем настроении. Навстречу солнечному дню, карьере и бонусам.

Я подумал краем мысли: а вот если бы в центре Брюсселя на Ринге (аналоге московского Садового кольца) лежал бы человек в крови и без сознания, сколько прохожих к нему подошло бы?

Который? Каждый десятый?

Нет, конечно!

Каждый второй — уверен. Response Rate был бы 50%. Ну а как иначе — взять и пройти мимо, отвернуться от лужи крови? Мужик и полминуты не пролежал бы в таком густом потоке людей и стоящих в пробке дорогих машин, кто-то бы подошёл и помог. А здесь мимо проходят сотня за сотней, сотня за сотней, молчаливая сотня за молчаливой сотней: все видят, брезгливо отворачиваются, и никому нет дела.кровь на тротуаре

Мой глас вопиющего “Как вызвать скорую с мобильного??” так и висел в этой пустыне. Я находился в глубочайшем шоке, наблюдая это безразличие и тотальное отсутствие эмпатии.

Место это бойкое, самый центр, час пик, люди валом валят (даже улица называется Вал), но — никто... Никто!

Пока я бегал по широченному тротуару, размахивая телефоном, мимо меня прошло, наверное, 700-900 человек. И что же — из 800 человек — никто?? Response Rate = 0%? А сколько людей прошло мимо мужика *до* меня? Тысяча? Две? Почему рядом с мужиком до сих пор никто не стоит?? Почему буквально весной я видел огромную очередь москвичей, пришедших святить куличи, а сейчас рядом с нашим, возможно, погибающим собратом нет ни одной живой души? Я не встречал в христианских первоисточниках упоминаний об освящении куличей, а вот о мужике на “Павелецкой” в Евангелии написано прямым текстом: “*Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне*”[36]. Вроде, религия та же, нет? Но, возможно, я чего-то важного не понимаю, я не богослов.

Я уже, было, отчаялся, но тут мои вопли услышала какая-то девушка с дальней стороны тротуара вдали от лежащего. Увидела несчастного сквозь толпу, подошла к нему и достала свой телефон.

— О, вы знаете, как вызвать скорую? — обрадовался я.

— Знаю, — ответила девушка и набрала какой-то номер, сообщила скорой место и причину вызова.

— Вы врач? — спросил я её, будучи уверенным, что да. — Медработник?

— Вовсе нет, — она удивилась вопросу и пожала плечами.

— Спасибо вам! А то я тут минут десять бегаю по плинтуару, спрашиваю людей, как вызвать скорую, и вы первая, кто откликнулся.

— Ну, — она снова пожала плечами, — если бы тут окровавленная собачка умирала, то сюда бы уже ехали три вызванные ветскорые с сиренами. А люди никому не нужны. Вы разве не знали?

— Да что вы такое говорите!! — ужаснулся я её словам. — Как можно! Какая собачка? Нет!! Это же невозможно, чтобы было так, как вы говорите!

---

[36] Мф. 25:40

— А ваши сейчас “десять минут по плинтуару” что́ доказывают? — парировала она с грустью в голосе и во взгляде.

— Ну, я не знаю... ну... слушайте, они же, — я указал на толпу, — они же сами люди! И он — такой же человек! Разве нет?

На этот риторический вопрос она усмехнулась и снова пожала плечами:

— Вы идите, идите, я дождусь скорую, я прослежу.

По её глазам было понятно, что таки дождётся, однозначно. Вчерашний переселенец, визитку с новым номером я ещё не отпечатал, и я написал ей на куске газеты свой номер московского мобильного и попросил позвонить мне и сказать, как всё прошло. И я был уверен, *уверен*, что она позвонит.

Через полчаса раздался звонок от неё: приехала скорая, мгновенно поставила капельницу, забрала человека в больницу, он был живой.

— Возможно, вы его сегодня спасли, — сказал я ей. — “Кто спас одну жизнь, тот спас целый мир”, как говорится.

Она промолчала на это. Скорее всего, снова пожала плечами.

На работе я весь день думал об этих семистах девяноста девяти прохожих рядом с истекающим кровью человеком. Мне хотелось обсудить это с кем-нибудь на корпоративной кухне, но я подумал, что если я вдруг, упаси бог, снова услышу от кого-то “доводы” про “вокзал” и “бомжа”, то я разочаруюсь в собеседнике, а разве это конструктивно для коллег? Лучше я буду думать о людях заведомо хорошо. Промолчал, сдержал в себе.

Проходя вечером мимо того места, я увидел уже почерневшее, уже раза в три большее пятно запёкшейся крови утреннего человека. Много крови он потерял! Опять шла толпа москвичей, но уже в обратном направлении, к метро. Мне вдруг резко не захотелось ехать с этими (с другими, конечно) людьми в одном вагоне: я не хотел смотреть на их лица, слышать их разговоры и смех и думать, что среди вечерних москвичей мог бы быть кто-то из утренних. Я не мог забыть (и не забыл!) тех 800-1 человек, которые прошли мимо попавшего в беду собрата, такого же homo sapiens, как и мы все.

Постоял минуту у лужи высохшей крови, осмыслил произошедшее. Почему Response Rate был 0,125%, а не 50%? Почему в Москве Response Rate на человеческую беду в 400 раз ниже, чем он был бы в Брюсселе? Даже если я сильно ошибаюсь с оценками, и разница не в 400 раз, а в 100. Даже если в 10. О чём это говорит?

799 человек... Тенденция абсолютно очевидна. Я не социолог, я не знаю, какую математическую модель надо применить к моей случайной выборке: χ^2 распределение? Нет. Или Фишера? Тоже нет. Или гауссовское нормальное распределение? Если нормальное, тогда в три стандартных отклонения σ вокруг математического ожидания μ попадают 99,73% выборки: $\mu \pm 3\sigma$, они и определяют тренд с высоченной вероятностью. Но а как же остальные 0,27% — самые интересные? Они называются в статистике “выбросами”, “outliers” — это незначимые исключения, “брак” выборки. Вся надежда на них, на эти исключения из тренда, точнее, на половину, на один край функции, на 0,135%. Ха! А что это — до боли знакомая вероятность 0,135%? А это и есть та девушка, одна из восьмисот, вызвавшая мужику скорую. Строго в рамках статистического выброса — как по нотам, нотам не самого хорошего музыкального произведения.

Наверное, распределение здесь таки нормальное — математически. Но совсем не нормальное по-человечески.

Я потом уже снова уехал, уже навсегда, но и издалека, и в последние зловещие годы я неизменно вспоминал эту историю на московском тротуаре и проводил прямую связь между безразличием индивидуумов и печальными последствиями, которыми это безразличие неизменно отзывается безразличному обществу. И на вопрос последних лет “Как так вышло, что стало *так*?” у меня есть объяснение, вот оно ↑.

Эта сентябрьская 2006-го года история на московском тротуаре была одной из причин, почему некоторое время после описываемых событий я взял обратный билет в один конец (см. §2.5.13). Рассуждал так: живём-то мы не просто в какой-то налоговой юрисдикции, а среди людей. Ещё Ленин сказал, что невозможно “жить в обществе и быть свободным от общества”. Я завишу от общества: сейчас всё шикарно, но рано или поздно мне неизбежно придётся “лечь на тротуар” в той или иной форме, и вот *тогда* Response Rate общества станет критическим для меня параметром. Какого Response Rate следует мне тогда ожидать по отношению к себе: 50%, 25% или 0,13%? Такие фундаментальные вещи лучше знать заранее и управлять своими ожиданиями.

В угаре весёлой московской жизни, которую я открывал для себя в 2006-м, я не задавался этим вопросом, но после случая на “Павелецкой” задался: снаружи массивных железных дверей московских квартир — *какое* общество? Солидарность есть? Вписывание за кого-то, жертвование чем-то ради другого? Сочувствие к посторонним людям? Я явственно понял, что если завтра на московский тротуар лягу **я**, вот такой же — окровавленный, в нелепой позе и без сознания — через меня точно так же перешагнут 799 человек. И меня будут оценивать. Одному не понравится моя морда, другому — прикид, третий усмотрит связь с вокзалом или трамвайной остановкой или пунктом приёма стеклотары, четвёртый придумает ещё какое-то объяснение своему бездействию, а у пятого вообще ничего не шелохнётся, он и оценивать не будет. Мне теперь надо иметь в виду, что если мне придётся лечь на тротуар в этом городе, то спасёт меня только добрая самаритянка, если она вдруг случайно попадёт в вероятность 0,13%.

Разумеется, я не претендую на “научность” своих выводов: я не проводил эксперимент в Брюсселе чтобы сравнивать, не считал московских прохожих, не все ±800 человек слышали мой вопрос и не все видели мужика, выборка смещена, не репрезентативна по всем слоям общества — конечно! Кроме того, всё меняется, и я вполне допускаю, что за 19 лет ситуация изменилась в лучшую сторону и что сегодня на “Павелецкой” Response Rate был бы те же 50% — вполне возможно. Но там и тогда было именно так — шокирующе и жестоко.

В тот вечер мне не хотелось ехать с этими людьми в одном метро. Я поймал бомбилу и назвал свой адрес. Сел на заднее сиденье, расслабил галстук и погрузился в свои мысли, переваривая ту страшную статистику из невольного социологического эксперимента, свидетелем которого я стал. Лица людей, огибающих окровавленного человека и берегущих свою дорогую начищенную обувь от его “заразной”, как они диагностировали, крови, стояли у меня перед глазами. 799 – это была закономерность или случайное стечение неудачных обстоятельств? Бог весть. И не дай бог снова присутствовать при таком и собирать дополнительную статистику.

У пожилого бомбилы было включено не “Радио Шансон” и не “Юмор FM”, а что-то серьёзное: какой-то мужик рассуждал об “особом пути”, “мессианстве”,

“щедрости души”, “соборности”, “вселенской миссии”, “народе-богоносце” и “духовности”.

— Сделайте погромче, — попросил я водителя. — Хочу послушать. Очень интересная передача.

2025-Jan-05

2.5.19 День расстрела Чиполлино

Мы сидели с Васей за кухонным столом, пили чай и разговаривали. Было раннее утро, Вася перед работой заехал ко мне за сварочным аппаратом. Гость шумно размешивал чай и рассказывал о функциях своего нового телефона.

И в этот момент он зазвонил.

“Во, моя звонит!”, — гордо произнёс Вася и включил громкую связь. Вероятно, чтобы похвастаться и динамиком телефона, и наличием подруги.

— Аллё, Смольный слушает, — самодовольно сказал Вася. — Хорошо меня слышно?

Качество звука действительно было высочайшим.

— И тебе аллё, — прогремела незнакомка на всю кухню.

Вася посмотрел на меня с победным видом: “Чуешь, мол, какая женщина мне звонит?”. Я понимающе надул щёки.

— Ну и что ты хочешь мне сказать? — загадочным голосом спросила загадочная подруга. — И куда мы, Васенька, сегодня пойдём?

— Я пойду в гараж, — деловито заявил крепкий хозяйственник Вася.

— Ты что, приглашаешь меня в гараж? — удивилась подруга и рассмеялась. — Оригинально. В гараж при свечах?

— Не, не приглашаю я тебя. Что тебе в гараже делать. Я один пойду: жидкостя́ проверю, сварочный аппарат опробую. А свечи не надо, я свечи менял осенью.

— Ты что, будешь отмечать праздник один? С “жидкостя́ми” в гараже?? — громкая связь свидетельствовала об искреннем удивлении на другом конце беспровода.

— Какой праздник? — в свою очередь удивился Вася.

— Ну ладно, не придуривайся. Ты же хочешь меня поздравить? Какой сегодня день?

Вася надолго задумался. Похоже, он лихорадочно перебирал в памяти возможные варианты: годовщина знакомства, годовщина начала отношений, день её рождения, день рождения её сына, профессиональный праздник...

Чтобы не выдавать Васю, неполиткорректно поставившего личный разговор на громкую связь при посторонних, я быстро написал своим плохим почерком на бумажке и пододвинул её Васе: “День расстрела Чикатило”.

Растерянный Вася ухватился за листочек, как за соломинку и промямлил:

— А, да... Это... Да... День... это... расстрела Чиполлино. Кажется. Я не уверен, тут непонятно. Я не дочитал до конца книжку, чем там дело закончилось.

— Какой Чиполлино, Вася? — удивился голос. — Ты прочитал “Чиполлино”?

— Да. То есть, нет, — раздражённо буркнул он.

— Вася, — упавшим голосом сказала подруга, — ты что, пьяный?

Вася был в ступоре. Он покачал головой, но подруга не могла увидеть этого жеста.

— Вася! — воскликнула подруга. — Сегодня 14-е февраля!

— Ну... Правильно. С утра было...

— Что ну! Сегодня... день... святого...

— Трифона! — радостно закричал Вася и с облегчением расхохотался. — Трифона, да! Я по “Авторадио” вчера слушал. Сказали: “На Трифона звёзд много — весне длинная дорога”. Народная мудрость!

— Какого Трифона, Вася? Ты в своём уме?

— Ну Трифона! Мышегона. Трифон-мышегон, на дудочке играет: пи-пи-пи, ля-ля-ля. Только это не я тебя, а ты меня поздравлять должна. Я, конечно, не охотник, но я рыболов, что приравнивается, — Вася расхохотался. — Так что принять поздравления я готов. Хорошо меня слышно?

На том конце беспровода повисло тягостное молчание. Похоже, что слышно там было не очень хорошо.

Хотя нет — оказалось, что хорошо:

— Вася, ты точно пьяный. Или прикидываешься. Или издеваешься. Или... Вася... скажи... у тебя что,.. кто-то есть?

Вася молча помотал головой.

— Я так и думала, — упавшим голосом проговорила подруга. — Ну ладно, Вася, спасибо, что хоть сказал. Празднуй с ней тогда. И издевайся над ней, а не надо мной.

И повесила трубку.

Ошеломлённый Вася посидел минуту в тишине.

— Что это вообще такое? — глухо сказал он.

— Мне начинает смутно казаться, — сказал я, — что это день святого Валентина. День влюблённых, это когда любовь с обеих сторон и в обе стороны. Не знаю, ваш ли это случай.

— А-а-а-а, блин! Так это э́то что ли? Сегодня?? О, чёрт! И что мне теперь делать? — растерялся Вася.

— Не знаю, там, поезжай к ней, замаливай свой грех. Извиняйся. Посыпай голову пеплом — вон, в камине можешь взять. И, главное, цветов у метро ей купи. Плюс какую-нибудь мягкую игрушку в стиле “большое и розовое”. Или пупсика. Или сердца́ на палочке. В стеклянной баночке.

— Вот эту вот пошлость? — брезгливо поморщился незадачливый кавалер Вася.

— У тебя, по ходу, нет выбора. Чем меньше подарок будет нравиться тебе, тем больше он понравится ей. Обратная корреляция. Вась, у вас, как и у всех, есть 365 дней, в каждом из которых 24 часа, чтобы сказать что-то важное друг другу. Но если надо сказать что-то дежурное именно *сегодня*, то тогда сорри, тогда плати по счетам.

— Чёрт, — тихо сказал Вася. — Чёрт.

Я развёл руками.

— И что, ты реально думаешь, что она вот ждёт от меня всего этого? — спросил Вася.

— Ты же сам слышал. Тем более, слышал в таком хорошем качестве.

— Но это же не наш праздник! — воскликнул Вася.

— Да, теперь уж точно не ваш, — констатировал я.

— Ну хорошо, — стал рассуждать Вася, — если это праздник влюблённ**ых**, а не **-ого**, то почему она не могла просто нормально поздравить меня сама? Я бы спохватился, встроился, поздравил бы её, и всё было бы хорошо? Вечером сходили бы с ней в какой-нибудь кабак и шабаш. Зачем из меня надо было эти поздравления клещами вытаскивать? Почему я один должен?? Не Восьмое же марта, а влюблённ**ых**. Двоих — и его, **и её**!

— Ты забыл, Вася, на какой планете живёшь? Обратись к Господу Богу по установленной форме, попроси переустановить прошивку у женщин, тогда и требуй справедливости.

— А что ты мне тут писал какую-то пургу? — Вася взял в руки мою бумажку.

— Не пургу, а чистую правду. Чикатило расстреляли 14 февраля. Исторический факт. Загугли.

— А-а-а, это... Вот если бы я про Восьмое марта забыл, — вернулся к рассуждениям Вася, — то вот тогда да-а-а-а, тогда я понимаю, это реальный косяк был бы. А тут какой-то паршивый Валентин.

— Восьмое марта теперь не проворонь, — посоветовал я.

— Блин, кто придумал эту фигню? Что за дела?! Кто вообще такой этот чёртов Валентин?? — Вася дал выход своему гневу, обратив его на несчастного священномученика из Умбрии.

— Не знаю, — ответил я. — Революционер какой-то, наверное.

Вася снова погрузился в свои тягостные мысли. Он встал из-за стола, забыв на нём свой телефон с отличным звуком. Хватился телефона уже в дверях.

— Вася, ты сварочный аппарат-то будешь брать? — спросил я на крыльце.

Не слышавший меня Вася посмотрел с отрешённым видом в пустоту и молча вышел за ворота.

2023-Mar-18

2.5.20 Я бессмертен

Меня взяли напрокат у Вселенной на поиграть

“Чё ты такой спокойный и невозмутимый?” — то ли вопрос мне, то ли предъява.

Задумался. Действительно, почему?

Разгадка моего спокойствия начинается 13,77 миллиардов лет тому назад. Сингулярность: невообразимая температура, запредельная плотность в Нигде и в Никогда: нет ни времени, ни пространства, *Ничего* нет. И тут — хоба! — Большой взрыв! И понеслась: планковская эпоха, фазовые переходы, четыре измерения, четыре фундаментальные взаимодействия, все дела. Сингулярность обратилась в материю и начала расширяться, как подорванная. Значительно позже — формирование Солнца, Земли, жизни на ней, но это уже мелкие частности на задворках Безбрежности.

Почти 14 миллиардов лет! Ну и вот — где я, а где теория инфляции Вселенной! Где **я**, а где реликтовое излучение! Кто я в этом не контролируемом мной (и никем) процессе?? Думая ***о таком***, разве могу я вскидываться и кипишиться по поводу каких-то совершённых ошибок и несовершённых поступков, по поводу забот сегодняшнего дня и дня завтрашнего, который *сначала должен наступить*, шоб я начал за него кипишиться? Та я вас умоляю.

Чё дёргаться-то, чего напрягаться, чего бояться? Можно, конечно, бояться страшных вещей типа немощи и деменции, но (1) зачем бояться раньше времени, и (2) не факт, что это произойдёт — расклады разные бывают, как плохие, так и хорошие, это как масть ляжет. А чего ещё бояться-то? Неужели **смерти?** Ха-ха!

Прекрасная новость — я бессмертен! Я не умру и никуда не денусь. Ну, в биологическом-то смысле, конечно, умру, но не в химическом же! Законы сохранения массы и энергии незыблемы — атомы моего тела войдут в состав других молекул, но ни один из $6{,}8\times10^{27}$ атомов не исчезнет! H_2O из меня испарится и прольётся дождём над Западной Европой. Зелёный Шварцвальд преобразует CO_2 в O_2, который вдохнёт какой-нибудь Гюнтер, не подозревая, что он дышит в том числе и бывшим мной. Атомы, составляющие меня, пройдут через секстиллионы химических реакций и продолжат существовать в новых молекулярных соединениях. Я стану поставщиком деталей “Lego” для чего-то другого: то, что было мной, продолжит существовать в других формах. Разве это не обнадёживающая новость? Разве это не воодушевляет?

У меня в детстве был шикарный радиоконструктор “Электронные кубики”, подарок деда: плата с контактами и гора кубиков с радиодеталями внутри (в одном транзистор, в другом конденсатор и пр.). Выстраиваешь кубики по одной схеме, получается ключ для морзянки; выстраиваешь в другом порядке — получается радиоприёмник или что-то ещё. Кубики те же, а изделия разные. Так же и я сам: сейчас из кубиков-атомов собран автор этих строк, а впоследствии те же кубики войдут в состав чего-то другого. Но — войдут!

А что потом — для меня в *сегодняшней* комплектации? А ничего. Не будет пустоты, которая есть физическим выражением пространства, потому что для несуществующего субъекта не может быть пространства. Не будет времени, потому что не к кому будет применить эту физическую величину. Не будет даже “черноты”, которая, цвет по спектру, есть выражением электромагнитного излучения видимого диапазона (физика 9-й класс). Не может быть никакого “диапазона” для **не**субъекта — не будет **ничего** в принципе.

> Это как делить на ноль. Почему нельзя? Потому что субъектности у нуля нет. Поделим поровну яблоко на десятерых мальчиков. Нормально, хоть и мало, по-жлобски. Поделим яблоко на 0.1 мальчиков. Тоже прекрасно, потому что мальчик — есть, хоть и не целый: этот теоретический мальчик жрёт 10 яблок, гад, при том, что мне достался какой-то огрызок. А если поделить яблоко на 0 мальчиков, то взрывается математика,

> потому что мальчика — нет, не за кого говорить, потому что нет субъектности.
>
> И делить на ноль я вам не советую.

Небытие… Ничто… Nullità и отсутствие “жизни после жизни” — это тоже упоительная новость, вдохновляющая меня. Вот, говорят о душé. Хочу ли я, чтобы эмпирически недоказанная концепция души без экспериментально предъявленных физических атрибутов (масса, энергия, излучение, электрозаряд и хотя бы какой-то носитель информации) витала бы где-то, вознеслась бы или наоборот — низверглась? Чтобы та гипотетическая субстанция, что некоторыми называется душой, встретилась бы с кем-то, чтобы снова этот базар-вокзал, снова этот разбор полётов, чтобы снова вот это всё? Нет!! Хочу ли я, шоб была “вечность”, даже если это вечное блаженство “в окружении 70 гурий”, как обещают некоторые? Увольте: пусть с этим багажом прошлого теперь отдувается Гюнтер, дышащий бывшим мной. А потом пусть отдувается Эсмеральда, дышащая бывшим Гюнтером. А с меня довольно.

> И ладно бы если в авраамический ад попасть, даже интересно поначалу было бы: Суд там, прения с Судьёй, выстраивание линии защиты и мой встречный иск (а у меня таки éсть, что Ему предъявить). Не, авраамический ад — это ещё норм. Ну, ад, ну о’кей: там много интересных личностей, есть с кем побазарить за ~~жизнь~~ смерть. Но… что если *Там* колесо Сансары, если там карма? И если “с того света” снова пошлют на Землю, в форме змеи? Нет, спасибо, вечной жизни мне не надо. Достаточно. Теперь Гюнтер.

Конечность биологического существования — прекрасная новость! Второго сезона не будет, ура! И — бонус! — больше не будет вертеться в голове эта поганая песня “Мы шли под грохот канонады”, которая преследует меня лет с пяти: каждый третий день, гадина, вспоминается. Немного надоело слушать этот трек, честно говоря.

Как же хорошо, что ничего этого не будет!

Бояться смерти смешно, ведь в социальном смысле смерть тоже не плохая, а хорошая новость. Память обо мне сотрётся через одно-два поколения. Я не завоевал Галлию и не сжёг храм Артемиды, я не Цезарь и не Герострат, поэтому моё имя вряд ли когда-то всплывёт, и это замечательно. Римская “damnatio memoriæ” мне, простому рабочему, по-любэ не грозит: память обо мне сотрётся сама по себе: “помёр Максим, ну и фиг с ним”.

Или это не прекрасно? Или это не восторг?

Известная аналогия: если возраст Вселенной принять за 24 часа от полуночи до полуночи, то ранние полукривые Homo sapiens появились всего за 1,9 секунды до полуночи — это все знают (я перепроверил: да, верно). А **я?** Сел, посчитал. А я появился за треть миллисекунды до “полуночи”. Треть миллисекунды, Карл! $3{,}32\times10^{-4}$ с! За треть **милли**секунды даже мышечный рефлекс не успеет возникнуть, даже мысль. Я практически и не существовал-то, по большому счёту, во вселенском масштабе, и что же мне теперь, огорчаться по этому поводу? Гордо считать себя важным для мироздания? Видеть себя частью некоего “плана“? Та я вас прошу, панове… *Радоваться* факту конечности надо, а не огорчаться!

Вот поэтому я и невозмутим, потому что кругом одни хорошие новости! Разве конечность моей биологической истории не может не вселять в меня

философское спокойствие? Разве моё химическое бессмертие не может не приносить мне безмятежность и умиротворение?..

Я ничего не боюсь, и терять мне нечего: то, что вам сейчас пишет, состоит из деталей, взятых напрокат у Вселенной на поиграть. Зачем мне нервничать, если я не могу повлиять на неизбежность? Я не могу повлиять на расширяющуюся (и до меня, и после меня) Вселенную, я не могу повлиять на неминуемое превращение Солнца в “красного гиганта” (водород ведь на Солнце неумолимо и ежесекундно преобразуется в гелий). Да и будьте уверены — задолго *до* угасания нашей звезды наши соплеменники Homines sapientes *сами* уничтожат друг друга за свои идиотские идеологемы и “за Чипполино” (см. §2.5.21). Всё закончится значительно раньше астрофизического Апокалипсиса — по нашей вине, по вине больших приматов — больших, но без гармошки.

И вот понимая всё это — почему я должен напрягаться по жизни? Да нипочему! Всё ништяк. Как поёт Боб Марля: “Let’s get together and feel all right”. Золотые слова.

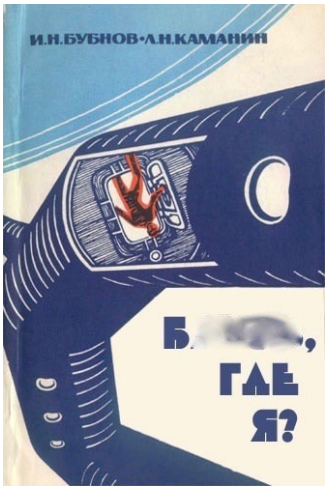
(2024-Dec-23)

2.5.21 Письмо никого из ниоткуда

О пользе взгляда в ночное небо

Если ты оказался в середине комплекса сверхскоплений Рыб–Кита, то найти путь домой на Землю тебе будет не так-то просто.

Куда лететь-то из этого чёртового комплекса? Где я?? Надо осмотреться. О, кажись, я в Ланиакейском сверхскоплении — это же *наше* сверхскопление! Йоу! Повезло. Тут 100’000 галактик, но мне нужна только одна — мой родной Млечный Путь. Хорошо, но дальше-то куда, в какое скопление? Какое выбрать: Гидры? Или Павлина-Индейца? Или шо? Кажись, вот это — скопление Девы, я через него, по-моему, сюда и прилетел. Дева, Virgo... Да, по-моему, оно.



Да, точно, это наше скопление. Так, а в Деве куда поворачивать-то? В Скульптора?.. Нет, это не то, мне надо найти Местную группу галактик. О, вот она! Ура!

А вот и Местная группа — супер! Теперь надо найти мою рідну галактику. Тут промахнуться сложно: хоть галактик в Местной группе под сотню, но крупных всего две: Андромеда и ~~шоколадный батончик~~ Milky Way. Если не слепой, то угадаешь, которая галактика твоя. Со временем они сольются в одну, и уже сливаются, но до столкновения пока очень долго, можно расслабиться и спокойно почитать газетку “Вечерний космос”.

Древние греки считали, что Млечный Путь — это пролитое Герой грудное молоко. Столько звёзд! Молока у Геры, видимо, было много, и Геракл голодным не остался. Шумеры считали, что Млечный Путь — это отрубленный хвост чертовки Тиамат, но нет, совсем непохоже. Да и поди их разбери, древних, что́ им там привиделось чёрными ночами.

Заблудиться в Млечном Пути среди сотен миллиардов его звёзд немудрено. Глаза разбегаются. Спросим у прохожего, точнее, пролётного:

— Любезнейший, с космическим приветом! Мне бы на Землю. Тут вот написано Carina-Sagittarius — мне туда?

— Не, братан, тебе на следующей: будет написано Orionis. Рукав Ориона — панимэ? Смотри, не проскочи, шляпа, а то в огромный Perseus угодишь, а оно тебе надо?

— Ни. Мне на Землю надо. Бывал на Земле?

— Ни. Короче, мужик, лети в рукав Ориона, а там спросишь.

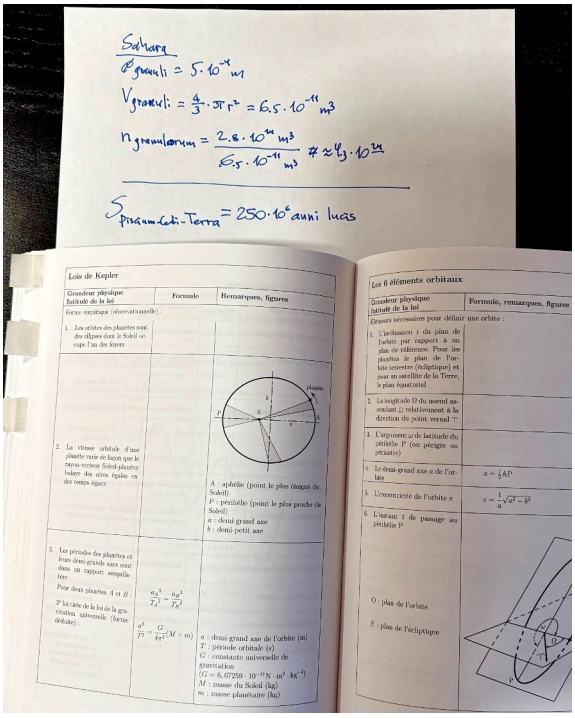
— Мерси, мон ами. Скажи, а почему у вас тут всё по-латински написано?

— Ваш Овидий нас так назвал, с тех пор и осталось. Ладно, vale, astronaute, Gagarinus tecum.

Табличку Orionis действительно легко не заметить, рукав совсем маленький. В рукаве Ориона треба найти Местный пузырь — о, вот он! А в пузыре — что там за яркая звезда? Не по имени ли Солнце? Да! Ура! Почти дома, значит.

Так, вот он, наш Сатурн, тут не спутаешь. Дальше гигант Юпитер, тут не промахнёшься. А теперь сбавляем обороты, притормаживаем. Через одну выходить.

* * *



“Что за бред? ↑ К чему это?” — резонно спросили бы меня, если бы я закончил здесь. А это к тому, что я в 1001-й раз задумался о бездонности нашей Вселенной и о нашем месте в ней. Вышел глубокой ночью с сигареткой на террасу, посмотрел на небо, потом взял астрономический справочник, научный калькулятор и сделал несколько простых расчётов.

250 миллионов световых лет понадобилось бы, чтобы проделать “пройденное” мной выше расстояние. Это *свету* понадобилось бы, а не мне, простому белковому и бестолковому смертному. Если бы я проделал описанный путь на реальном земном “Вояджере-1” Made in USA, то мне понадобилось бы больше 4 триллионов земных лет, то есть в 318 раз больше, чем возраст всей нашей Вселенной, всего нашего бытия. Немоделируемо! Невообразимо! И то, скажите спасибо, шо я выбрал “лёгкий” пример с Рыбами-Китом, а не более длинный отрезок.

Теоретически Вселенная имеет динамические границы, но в нашем земном понимании это бесконечность. Дай бог, если через 10 лет на жалкий соседний Марс полетим, и Марс — это предел наших возможностей. Даже соседняя Венера недоступна для пеших прогулок.

Никуда мы отсюда не денемся. Мы крутимся вокруг своей оси: день да ночь, сутки прочь. Мы крутимся вокруг Солнца: зима да лето, спасибо партии за это. А вместе с Солнцем мы крутимся вокруг центра Млечного Пути, что в созвездии Стрельца, со скоростью 828’000 км/ч. Немножко быстро, но один оборот Солнца

вокруг центра в Стрельце (галактический год) — это, на минуточку, 240 миллионов земных лет.

> Наш Млечный Путь тоже, до речи, крутится вокруг сверхмассивной чёрной дыры, но щас не об этом. И так уже голова кругом.

Последний раз наше солнышко (и мы вместе с ним) было в нынешней точке Млечного Пути, когда на нашей Земле произошло массовое Пермское вымирание, третье массовое вымирание из пяти (динозавров ещё не было, они появятся чуть позже, чтобы сняться в кино и преставиться в Пятом вымирании). А тогда, в Третьем, в океанах сгинуло >90% организмов, на суше сгинула половина — куда смотрел WWF? Тогда закончился пермь (а с ним и палеозой до кучи), начались триас с мезозоем, и было у нас не очень: метан зашкалил, уровень CO_2 был в шесть раз выше, чем сейчас — видимо, ихтиозавры не сортировали мусор. В общем, сейчас мы снова в той же точке Млечного Пути, и снова здрасте, только у нас теперь не ихтиозавры, а Соцпартия, политкорректность и камеры наблюдения на каждом столбе для “нашей же безопасности”.

Earth_rotatingТак и живём. Где-то во Вселенной мы крутимся вокруг небесных тел, шо твой аттракцион “Сюрприз”, и мы настолько ничтожны, шо я вас умоляю. И тут мы ещё не говорили за Хаотическую теорию инфляции, по которой вселенных — огромное множество, каждая со своим пространством-временем и со своими физическими константами. Это уж совсем запредельно, хотя и вполне возможно.

Наша любимая Земля-матушка составляет 6×10^{-28} от массы Вселенной — такой вот жалкий коэффициент в жалкой минус 28-ой степени.

> И это только по сравнению с обычной — барионной — материей. Для полноты картины я попытался добавить массу тёмной материи и тёмной энергии, впервые в жизни с восторгом применив знаменитое уравнение $E=mc^2$, но я запутался в порядках и методах. Предоставим расчёты учёным, а не троечникам-самозванцам. Поэтому берём в расчёт только маленькую барионную материю, но это тоже впечатляет.

Как это вообразить, 6×10^{-28} от массы Вселенной? Возьмём пустыню Сахару от Хургады до Атлантики — нехай это будет вся наблюдаемая Вселенная по массе. Возьмём одну песчинку из этой безбрежности. Разделим ту песчинку на 397 частей. И вот та одна четырёхсотая часть одной песчинки и будет массой нашей Земли. Немножко маленькая икс-эсочка.

Друзья, мы — ничто во вселенской бескрайности. Нас, считай, нет. Эти строки вам пишет никто из ниоткуда. Одной 397-ой долей песчинки легко пренебречь — исчезнет Земля, никто и не заметит (а Кому, собственно, замечать?). Вы увезёте из Сахары долю песчинки, не видимую невооружённым глазом — Сахара почувствует? Вот не будет Земли — что изменится? Ну, ближайшие планеты чуть изменят свои орбиты, Луна отлетит в тартарары — и всё, больше ничего во Вселенной не произойдёт, никто и не почешется. Даже если бы и было, Кому чесаться.

То, что мы собрались в виде белковой органической жизни — это результат молекулярной комбинаторики, а затем эволюции с её естественным отбором и мутациями. Жизнь легко могла и не появиться, но в череде постоянных молекулярных комбинаций углерод стал образовывать сложные связи, ставшие органическими, а внешняя среда оказалась химически благоприятной — и voilà, бонжур вам у вашей хаті.

Нам сильно повезло: среди инфузорий и водорослей мы, один из видов высших приматов — единственные, кто достиг уровня личности. И чем мы, личности, занимаемся? Как мы используем этот шанс в течение долгих двенадцати тысячелетий нашего Голоцена с тех пор как отступил Ледник?

Да так, не очень... В основном, воюем. Иногда за ресурсы (колонии), иногда за женщин (сабинянки), а так, по большому счёту, за куски земли, за амбиции королей и за идеологию. Мы придумали себе “нации”, границы, флаги и разных антропоморфных существ из пыльного народного эпоса и давай за них рубиться насмерть: этому мама в детстве читала “Буратино”, а тому папа — “Чиполлино” — и давай устраивать друг другу Варфоломеевскую ночь во имя героев сказок: этот герой с бородой, тот без, этот с головой шакала, как Анубис, а тот вообще с хоботом, как Ганеша. И так веками: “В моей Книге сказано так!” — “Нет, в моей — так!” И — перо под ребро.

Timeo hominem unius libri — боюсь человека одной книги... А прочитать книгу соседа — нет? Или ещё лучше — всем вместе переключиться на более содержательную литературу — нет?

☹ Вместо братства и солидарности у нас идеологемы;

☹ Вместо свободной торговли — таможни;

☹ Вместо свободного мнения — цензура и виселицы для инакомыслящих;

☹ Вместо свободной мысли — войны “за Чиполлино”;

☹ Вместо свободной любви — институт брака и запреты давно умерших старцев, не знавших и миллиардной доли из того, что знаем мы: один цитировал только одну-единственную книгу (29% мирового рынка сегодня, на минуточку), другой вообще читать не умел (26% мирового рынка);

☹ Вместо сотрудничества — интифада;

☹ Вместо либертарных коммун — государства;

☹ Вместо понимания единства нашего дома — разделение земли на “нашу” и “не нашу”.

☹ Вместо понимания неизбежности естественных колебаний температуры планеты (осевая и апсидная прецессии, эксцентриситет орбиты, климатические циклы Миланковича) и спокойной дискуссии, основанной на фактах и здравом смысле — у нас диктат левых у помойного ведра с единственным доводом с их стороны: визгом;

☹ Вместо свободы, наслаждения жизнью и возделывания садов на нашей уникальной чудесной планете, песчинке разума посреди Пустоты, у нас минные поля и то, что их порождает: флаги и напряжённые, как на горшке, лица с рукой на сердце во время исполнения сомнительных по художественной ценности музыкальных произведений в бравурном мажоре.

И мы считаем всё это ↑ нормальным. А так, типа, заведено. А *кем* заведено? А как, типа, иначе? *Можно* иначе! Иногда достаточно посмотреть на звёздное небо и крепко подумать о нём и о нас. Очень помогает!

Мы действительно “высшие” после этого ↑? А понимаем ли мы в принципе, что такое пространство и время и понимаем ли мы наше *реальное* место в них? Боюсь, что пока нет.

Мы, наш вид, мы ещё слишком молоды: буквально *вчера*, по меркам истории Земли, мы ещё на деревьях сидели. Мы — дети, мы ещё толком не

сформировались как вид. Драка в песочнице — потолок для большинства из нас.

Помимо вышеназванной ботвы у нас ещё и — ta-dam! — угроза ядерной войны, которая в 1962-м чуть было не уничтожила всё живое и не превратила нас в очередную мёртвую планету — и из-за чего? Из-за того, что одни высшие приматы посчитали себя более высшими, чем другие? Из-за идеологем в нашем мозгу? Из-за “Чиполлино”? Зачем мы вообще эволюционировали и взяли контроль над планетой, если в результате нашего контроля получается такой кошмарный шит?

Мы — одни. Никому до нас нет дела, да и некому иметь до нас дела, ведь Там, за стратосферой — мёртвая, холодная (3° по Кельвину), бескрайняя чернота. Мы предоставлены сами себе, нас никто не спасёт, никто не знает о нас — тончайшем слое органики посреди Ничего. Что и в котором часу я ел, с кем и как я провожу время, в какой день недели я отдыхал и бормотал ли я написанные не пойми кем слова в космическую Пустоту, глядя на текст, статую или картинку — никому это не интересно. Никто *Там* не слушает хотя бы потому, что нет Того, Кого могли бы заинтересовать нейронные импульсы только что сформировавшихся приматов на никому не известном небесном теле, на 1/397-ой от песчинки.

Мы — люди, мы — смертные, и нам очень, по-человечески *очень* хочется, чтобы Кто-то был, чтобы думал о нас, заботился, оберегал и направлял, но... шобы да, так нет. Всё сами. И это прекрасно!

Нам хочется думать, что мы ого-го! Но... во вселенском масштабе — нас нет. Мы существуем в пределах статистической погрешности “на краю Ойкумены”. Мы не осознаём, кто́ мы, живые существа, *в реальности*: тонкая 25-километровая[37] плёнка органических углеродных соединений в безбрежности бесконечного Космоса.

Посреди Бездны.

Грустно за нас, за наш вид Homo sapiens. Обидно за мелочность наших интересов. Стыдно перед гравитацией и электронными связями, которые обусловили бытие. Даже перед лептонами стыдно. Они хоть и маленькие, но всё понимают.

А мы, большие — нет.

2024-Dec-04

2.5.22 Кастинг

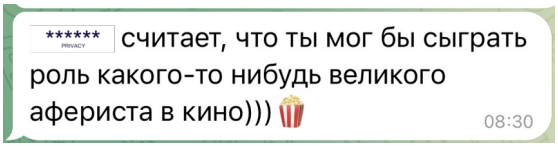
Несколько лет назад я участвовал в кастинге швейцарско-бельгийского сериала "Quartier des banques" ("Банковский квартал"). Действие происходит в Женеве. Пробовался не на роль холёного банкира, нет — хорошего мне не предлагали. Пробовался на второстепенную роль мафиозо и злодея. "Это как в опере, — подумал я, — басам чаще всего достаются роли негодяев, а сливки и славу снимают теноры и баритоны". Ну что ж, у каждого своя судьба.

[37] 20 км над поверхностью Земли + 5 км под нею

Я вошёл в роль: вязаная чёрная шапочка на выбритом черепе, чёрная водолазка и чёрная тогда ещё борода; колючий, пронзительный взгляд исподлобья — увидел себя в зеркале и самому стало страшно.

Софиты, камеры с разных углов, провода... Кастинг прошёл прекрасно: разыграли с помощницей режиссёра пару сценок, я прочёл монолог из сценария, сделали фотосессию. Помреж и оператор были очень довольны: "Держится свободно, раскован". — "И голос подходящий, дублировать его не надо".

"Ну всё, — подумал я, — роль у меня в кармане, и путь в Голливуд мне теперь открыт". Начнём с малого, а там, глядишь, и Гамлета сыграю. Или хотя бы Фантомаса. Я приободрился, примерил на себя карьеру киноактёра — всё лучше, чем в банке штаны протирать. Видел себя на Аллее звёзд в Голливуде и подумал, как лучше оставлять отпечаток ладони: растопыренными пальцами или параллельными.



— Ждите моего звонка, — сказала помреж, тряся мою руку, которая скоро увековечится на Аллее звёзд. — Мы с режиссёром отсмотрим материал и позвоним вам на днях. Не уезжайте из Женевы надолго.

— Если только в Канны метнусь одним днём, — пошутил я, — отрепетировать проход по лестнице, шоб не навернуться в самый ответственный момент.

Через неделю раздался звонок помощницы режиссёра:

— Андрэ, дорогой, к моему большому сожалению, решение режиссёра по вам отрицательное.

— Позвольте узнать, почему, мадам? — огорчился я. — Плохо сыграл?

— Отлично вы сыграли! Почти профессионально! Но у нас ведь роль мафиозо, а у вас вайб другой, не бандитский. Вы... слишком добрый, и это сквозит. Вы не негодяй.

Ну что ж, это тоже хорошая новость.

ноябрь 2025

2.5.23 Техника

Банк оплачивал сотрудникам теннисные корты рядом с офисом, и каждый третий день я ходил играть. Мои партнёры коллеги были под стать мне. Вим не знал правил. У Оливье была двойка по физре и, похоже, справка. Софи приходила на корт в офисном дрессе, забыв ракетку и форму. Нэнси не приходила вовсе.

Бóльшую часть матчей я лежал на гравии вдали от отлетевшей ракетки и смывал газированной Spa кровь с локтей и коленей.

На соседнем корте тренер давала уроки детям. Краем глаза она с интересом наблюдала за мной. Однажды она подошла ко мне и сказала: “Monsieur, я была на Уимблдоне и на Ролан-Гарросе, и я хочу вам сказать, что вы — самый

мотивированный “теннисист”, которого я когда-либо видела. Так, как вы, за мячи не бьётся ни Сампрас, ни ваш тёзка Агасси. Вы играете, как зверь. Но только вы играете … во что-то другое, совсем не в теннис. Ничего общего. Мотивация у вас нечеловеческая, но техника нулевая. Давайте я вам дам пару уроков, бесплатно даже, поставлю вам технику, удар и динамику, и вы начнёте играть в теннис, ~~а не в битву пьяных гладиаторов~~“.

“Поставлю”… Всегда ненавидел это слово.

Согласился. Напрасно. Я не смог научиться ничему вообще. Тренерша кричала: “Сильнее! Слабее! Замахивайтесь с движения! Полегче! Бегите в середину! Не так ноги ставите. Не туда смотрите. Дышите! Не дышите! Ракеткой, как летающей тарелкой! С двух рук, nom de Dieu! С одной, nom de Dieu! Двигайтесь плавнее! И не орите вы! Это вам корт, а не саванна”.

К концу её урока я был морально опустошён. Я делал неправильно всё. Прощаясь с тренершей у сетки, я уже не был уверен, что я “правильно” моргаю и говорю merci. И не был уверен, что снова хочу прийти на этот корт под её оценивающий и полный жалости взгляд.

Я задумался, а зачем мне эта её “техника”? Чтобы играть, как нравится другим? Техника, чтобы убить мой драйв? Чтобы вместо того, чтобы получать удовольствие и думать о себе, я думал бы, как бы кому угодить? Чтобы вместо счастья от своей [волшебной для меня и безобразной для всех остальных] игры я испытывал бы комплекс недотянувшего до Андре Агасси? А не плевать ли мне на Агасси, равно как и ему плевать на меня?

> Как в анекдоте. Один еврей видит, как другой ест в пост Гедальи и спрашивает: “Почему ты не постишься?”. Евший отвечает: “Во-первых, если бы Гедалью тогда [VI век до н.э., АК] не убили, был бы он жив сегодня? Во-вторых, **если бы убили меня, постился бы за меня Гедалья?** И в-третьих, если я не пощусь даже на Йом-Кипур, зачем мне поститься на Гедалью?”

Я продолжил размышлять. Вот зачем мне “техника”? Нуждаюсь ли я в одобрении зрителей на трибунах? В признании социума? В советчиках с их “канонами” и представлениями о том, как “положено”? “Положено” — кем? “Положено” — куда? Прошу ли я, чтобы кто-то научил меня, как “правильно” двигаться, как говорить, проводить выходные, дышать, стричься, целоваться, бегать, танцевать и выбирать вино? Зачем, если вместо радости от импровизации я получу разочарование от несоответствия?

“Техника”, говорите…

На следующий день я снова играл с Оливье в своей варварской, нулевой манере, вырывал с кровью сеты и снова получал дикое удовольствие от своей кошмарной, но спонтанной — моей! — “игры”. Тренерша сдержанно поздоровалась со мной, безнадёжным. Я заплатил ей за урок и больше к ней не приближался. Ожиданий других людей я не оправдал, но я выбрал свободу — свободу остаться самим собой.

И продолжать получать от этого удовольствие.

3 июля 2024

2.5.24 Чудесное просветление

Когда я впервые оказался в Дубае, я попал в самый большой на Земле шоппинг-молл. Что ещё делать в этом удивительном, ни на что не похожем городе, когда ты уже искупался в Персидском (нет, ҳарам! там надо говорить: Арабском) заливе, прогулялся по восточному базару в псевдостарой Дейре, вкусно поел ливанского, восхитился головокружительной Бурдж-Халифой и музыкальным фонтаном, съездил на сафари в пески и возлёг в шатре в пустыне, предварительно прогарцевав на верблюде, чудом с этого чёрта не сверзившись? Это не Иерусалим, не Карфаген и не Гиза: здесь нет ни истории, ни искусства — здесь только технологии и шопинг.

Но речь здесь не о футуристическом Дубае, которому, безусловно, следует воздать должное как памятнику человеческим гению, смелости и воле — забалабенить в пустыне такой мега-оазис! Речь здесь о барахле.

В первые минуты в молле разбегались глаза — вау! — один список магазинов был длиннее “Фауста” Гёте. Я попал в Эльдорадо! Года не хватит, чтобы всё осмотреть, не говоря уже за примерить. Такой шанс! Обязан затариться, раз уж я здесь!

Миллионы костюмов, тысячи парфюмов, десятки тысяч часов — и всё это многообразнее, ярче, сочнее и дешевле, чем у нас. Но по истечении первых пяти минут в этой “джанне потребления” меня прожгла мысль, аж молнией ударила: а на фига мне всё это *в принципе*? Я что, лучше стану в новом галстуке? Вот фена у меня нет, это правда, а так-то? Мне есть, чем прикрыться, хвала Аллаху. Смартфон работает, хвала Милостивому Милосердному. Есть у меня и чемодан, есть штаны и даже несколько тюбетеек. Часов у меня аж 4 пары — у Ротшильда было меньше.

“Здесь надо затариться”?
Хто сказал?

“Здесь больше выбор, чем у нас”?
Та ради бога.

“Здесь дешевле?”
Та хоть бесплатно, если мне тупо **не нужно**?

Я по инерции купил пару ботинок и больше ничего. Я никогда не задавал себе вопроса, зачем мультиплицировать материальные блага, а тут вот нежданный ответ сам пришёл: **низачем**.

Ошарашило, и словно гора с плеч свалилась. Я сел в “Баскин Робинсе” обдумать открывшуюся мне, как Савлу на дороге в Дамаск (см. §2.5.78), истину. И мне от шока даже показалось, что я сам навернулся с лошади, как и он.

“Баскин Робинс”? Ну да, а куда в Дубае ещё идти? Здесь нет Гревской или Навонской площади, здесь нет Стены плача, здесь нет амфитеатров, кромлехов и кафе-шантанов, в которых можно потрещать с местными пьянчужками. Здесь только моллы.

Сожрал три рожка, думал. Вспомнился 49-й Псалом, ст. 18 (в масоретской нумерации): “Non sumet omnia” — “ибо, умирая, не возьмёт ничего; не пойдёт за ним слава его”. Ах, сыны Кореевы, верно ведь, чёрт побери! Задолго до эпохи моллов уже было верно. Что “*возьмёт*“-то? В моём прахе останутся только две

коронки из первого квадранта, если они не расплавятся при 1200°C. Но даже и *они* уже у меня есть. Я полностью упакован.

Женевская аэропортовская таможня, всегда вскидывающаяся на рейсы из изобильных ОАЭ и США, была очень разочарована, увидев одну пару новых ботинок неброской марки: “Что-то ещё ввозите?” — “Только впечатления и загар”. — “Покажите ваши часы”. Мои электронные Casio им не понравились.

Тот момент стал поворотным. С тех пор я сто раз думаю, прежде чем взять на баланс ту или иную фитюльку и захламить ею среду обитания: *зачем* она мне? Готов ли я следить за ней, протирать с неё пыль, смазывать её и класть в чехольчик? Найду ли я её, когда она мне понадобится? Вспомню ли я вообще о ней? Нет? Тогда зачем мне этот гембель? Свобода дороже. Всегда дороже!

Савл бы фитюльку купил. Павел, которым я там стал — уже нет.

Я очень благодарен дубайскому моллу, подарившему мне истину и подсветившему мне Путь хотя бы в материальной его части. Да благословит его Аллах и приветствует.

2024-Oct-04

2.5.25 Тренинги

Не ладилось у меня с тренингами из серии "Познай и раскрой себя". Не познал и не раскрыл. Работодатели несколько раз гоняли меня с коллегами на **самопознавательные** тренинги: и в Бельгии, и в Швейцарии. Они могли бы перевести эти конские бюджеты в детский дом или в хоспис, но они предпочли сжечь свои деньги.

Нам раздавали какие-то карточки, нас разбивали на группы, нам рисовали пирамиды, компасы и схемы "Икигай". Я понимал слова, но не понимал смысл и цель упражнения. Полдня писал ответы на 400 вопросов какого-то гигантского теста и в итоге получил точное описание самого себя — ровно то, шо знал и до теста. Полдня жизни на доказательство 1=1 было очень жалко.

Очевидные вещи подавались как высшая мудрость. Мне казалось, что я на финале олимпиады по демагогии, мне было плохо. Я рисовал в казённом блокноте казённой ручкой геометрические фигуры, рассчитывал их объём и тоскливо смотрел на часы. Может быть, это были плохие тренинги. Может быть, это я плохой — не знаю, оба варианта возможны.

Интересным был только модуль публичного выступления. Надо было защитить свою идею и отбиться от критиканов в зале. Я с радостью выступил, отбился, зрителям понравилось, а коучу предсказуемо нет: "Шо за экспрессия, шо за дикая жестикуляция? Ты в частном банке, на минуточку, а не на сицилийском рынке. Нужно сдержанно". О'кей, дядя, давай задавим природу. Мой второй подход ему снова не понравился: "Ещё хуже: шо ты, как пономарь на похоронах. Больше экспрессии! И нужно избегать позы кюре" (смиренно сложенные на пузе руки). Э, дядя коуч, а может, я буду выступать так, как *мне* самому и *моей аудитории* нравится — такую опцию ты не рассматривал?

Ну, товарищ зарабатывает деньги на доказательстве теоремы 1=1: как он может быть чем-то доволен в принципе? Он бы и Цицерона с грязью смешал, не то что нас. Мне было очень жаль детских домов и хосписов.

Удивительна была реакция моих коллег — они воспринимали всё это всерьёз: тщательно записывали банальности и высосанные из пальца мудрости и сидели с одухотворёнными лицами. "Ну шо, просветился?" — спрашивал я их в перерыве. "Да! Просветился! Зажёгся! Я понял, кто я! [А раньше ты думал, ты хто?] Я теперь стану другим, гораздо лучше! Ты увидишь!"

Отлично, давай посмотрим. Если на меня не подействовало, то это не значит, что ни на кого не подействовало — люди все разные. Надо с уважением относиться к мнению и убеждениям других. Я потом внимательно наблюдал за своими коллегами, но не заметил, чтобы кто-то из них стал "лучше" или вообще изменился хоть на йоту. Кто кем был, тот тем и остался. Тогда зачем всё это? Что это было?

Не хочу обобщать — наверное, мне просто не повезло. Надо было заказывать тренеров подороже — а то шо это за нищебродство, 5-звёздочные отели. Надо было заказывать 10-звёздочные.

То ↑ самопознавательные, мотивационные тренинги.

Технические тренинги были самые обычные: материал→ тест→ зачёт→ иди работать дальше. Приемлемо.

В **психологических** тренингах я не участвовал, мнения не имею. Единственный приём у психолога был в 16 лет в военкомате: "Так, ты, сюда подошёл! С****** [Писаешься] по ночам?" — "Нет." И штамп "Здоров" в карточке. Всё. Так и хожу с этим диагнозом скоро 40 лет.

Тяжело было на каком-то **эзотерическом** семинаре, на начало которого я случайно попал из уважения к оратору. Как вспомню, так вздрогну. Я вовремя сбежал за минуту до того, как они, разогревшись теорией, собирались переходить на эзотерические *практики* — как хорошо, шо я этого не видел!

> На материалистическом Западе эзотерика, к счастью, вещь редкая и маржинальная, удел определённой социальной группы, но в Восточной Европе такое цветёт пышным цветом. Я слышал свидетельства от прошедших через подобные практики на востоке Европы: их “терапия” проходит под руководством какой-то знахарки почему-то в какой-то бане с приглушённым светом и нагретыми камнями. Практикумы типа “Всадники современности” и “Нашчупай свою струнку” предлагают “заглянуть в сибе с изнутри”, собирают конские гонорары и верную аудиторию. Что ж, каждый зарабатывает как может и тратит свои деньги как хочет. Но чёрт побери, почему я не сделал из своего панк-движения (§2.5.53) инфоцыганскую мега-империю?? Был бы я сейчас Роном Хаббардом при миллиардах, а не это вот всё.

Меня, дилетанта и топора в тонких материях, никогда не попросят высказаться на эти сложные темы (и это правильно). Но если бы меня, как моего любимого лектора, вытолкали бы на сцену сказать что-нибудь мотивационного, то я бы сказал только одно:

> «Хочешь что-то сделать — just do it! Если знаешь, ради чего и ради кого делаешь — сделай. Встань с дивана и сделай! Это самое сложное — встать. Побори в себе самое большое зло — лень».

Вот и вся мудрость, максимально доступная моему грубому разуму.

Больше мне сказать абсолютно нечего, сеанс окончен.

С вас тысяча франков за мотивационный тренинг.

ноябрь 2025

2.5.26 Запретное слово

В институте я попросился в международную группу: там были ребята с Мадагаскара, из Иордании, Ливана, Вьетнама, Камбоджи, Камеруна. “Почитай нам вслух”, — давясь от хохота, вьетнамцы подсовывали мне вьетнамскую книжку и помирали со смеху, слыша этот кошмар в моём исполнении (там латиница, но я ни полслова не знаю) — моя группа была пёстрым котлом хороших ребят и уготовила мне массу культурных открытий.

СНГ составляло вторую половину группы, в их числе был Рубен, мой друг и подписчик.

Рубен работал в американской multinational и учил испанский для души, а тут такой подарок — живой Карлос из Экваториальной Гвинеи, наш одногруппник и друг, отличный парень. Родными языками Карлоса были испанский и то ли фанг, то ли буби — африканский язык группы банту.

Рубен заваливал Карлоса вопросами про español и скоро перешёл с ним на испанский. Я вполглаза наблюдал за ними, но не участвовал: меня тогда интересовали французский и семитские (и я даже публично “попал под лошадь” на этой почве).

Вскоре Рубену надоело говорить о погоде на испанском, и он попросил Карлоса научить его африканским ругательствам. Мне тоже стало интересно — где ещё такое узнаешь.

Наш гвинейский друг попытался соскочить с темы. Он был практикующим католиком, регулярно посещал костёл Св. Людовика и шёл по жизни ровной поступью. Рубен был настойчив, а Карлос изворотлив: он произнёс несколько испанских слов типа “mierda”, “puta”, “coño”, но америки этим он не открыл, испанские-то и так все знают.

— Спасибо, конечно, Карлито, — сказал Рубен, — но я-то тебя просил о другом — о ругательствах на твоём родном языке, африканском. Научи меня!

— Нас, — вклинился я.

Карлос напрягся. Параллельно с католицизмом он находился под сильным влиянием древних местных верований, в которых, судя по всему, ругательства были абсолютным табу. И, видимо, именно африканские ругательства он считал настоящими, а испанские — это так, детский лепет:

— Нет, вот это точно нет! Хоть убейте, я никогда этого не произнесу.

— Почему? Испанские же произнёс.

— Потому что есть в нашем языке Одно Слово, оно Самое Страшное. Если я его произнесу вслух, меня будет ждать немедленная и страшная расплата. А мой отец, если узнает, что я произнёс его, проклянёт меня!

— Мы папе не скажем, — заверили мы его. — Честное пионерское, век диплома не видать.

По-доброму подтрунивать друг над другом было у нас правилом.

Рубену стоило немалых усилий, чтобы подточить стойкость Карлоса, которой он только разжигал наш интерес.

— Слушай, Карлито, — включился я, заинтригованный загадкой, — ты же откуда-то знаешь это слово? Ты же в своё время услышал его от кого-то? Где сейчас этот человек?

— Как, где? — удивился Карлос. — Живёт себе в Малабо.

— Здоров ли он? — справился я.

— Хвала Иисусу, — подтвердил хранитель Тайны Страшного Слова.

— Ну вот, — Рубик понял ход моей мысли, — человек жив и здоров, слава тебе господи. Стрелы небесного грома не поразили его.

— Не поразили, — согласился Карлос.

— И тебя не поразят, гарантируем. Это же просто слово, ~~Карл~~! Что оно хотя бы означает?

Карлос поморщился и махнул рукой в конец коридора.

— Деканат? — заржали мы.

— Нет. То, что дальше.

— Туалет? Самое страшное слово в твоём языке — это “туалет”??

Карлос кивнул и съёжился.

> В каждом языке есть свои “страшные слова”. Точнее, обычные, жизненные слова, которые люди вдруг решили считать “страшными” и автоматически, предсказуемо обижаться на них. В немецком это “свинособака” — казалось бы, что тут такого, наоборот — смешно. В английском это “ад” — тоже ничего страшного, даже интересно было бы туда попасть. В иврите это “маньяк”, в арабском “собачий сын”. За славянские слова все и без меня знают: 13 языков ими пользуются, и в них тоже нет ничего, кроме человеческой природы. Неужели слово “туалет” в африканской культуре так уж ужасно? Это всё не ужасно, а забавно.
>
> А вот то, что **действительно ужасно**, так это человеческая глупость; это зашоренность и мракобесие; это некритичность и поверхностность мышления; это стадность и желание пасть перед кем-то на колени; это война и насилие; это жестокость и мизантропия; это патриотизм; это “не мы такие, жизнь такая”; это патриархальность и “устои”; это погоня за статусом; это “comme il faut”; это упование на “правителей”, “высшую силу” и “бога” и оправдание ими чинимых мерзостей; это вера в бред сивой кобылы, явившийся какому-то вряд ли существовавшему господину во сне и подающийся десятки веков спустя как “божественное откровение” (когда у меня жар 40°, мне в горячечном бреду иной раз такое приснится, шо на пять “Откровений” материала хватит). Вот это↑ ужасно, *это* заслуживает “страшных слов”, а вовсе не части нашего тела, не наше естество и не гигиеническое заведение, которое так взволновало нашего друга.

— Но послушай, — продолжил Рубен, — что плохого в туалете? Наоборот, туалет — это очень хорошо. Представь себе, что было бы, если бы туалетов не существовало. Во что превратился бы наш институтский дворик?

Карлос кивнул — возразить было нечего.

— Видишь ли, Карлито, — добавил я, — мы ведь не просто так интересуемся. Нам это важно, потому что Африка — это наша родина.

— Че-е-го-о-о?? — изумился Карлос, глядя на наши не характерные для континента лица.

— Я не шучу. Серьёзно: Homo sapiens ведь откуда родом? Из Парижа? Из Выхина? Сам скажи, откуда мы все?

— Из Африки, — гордо сказал Карлос.

— Разумеется! — воскликнул я. — Мы сначала сформировались как вид в Африке, а потом уже распространились дальше: Синай, Евразия, Австралия через Сахул, Америка через ледник, причём совсем недавно, буквально вчера, по меркам нашей короткой истории вида. Мы с Рубиком сами из твоих родных мест, мы земляки с тобой, наши предки вместе охотились плечом к плечу...

— ...А ты тут упираешься, — укоризненно покачал головой Рубен, — скрываешь, compañero, от нас наследие нашей общей родины.

— Не, ребята, — замялся Карлос, — я всё понимаю, но произнести не смогу, хоть режьте. Я этим словом оскверню свой голос. Как я им потом молиться буду?

— Тогда напиши!

— Тоже не могу: я оскверню свою руку, как я ей потом пищу принимать буду и креститься?

Крепкий орешек... Уважаю.

Я достал тетрадный листок, написал на нём в столбик кириллический алфавит и пронумеровал буквы. Это было соломоново решение — и овцы сыты, и волки тоже:

— Числа-то ты можешь произносить? Номер телефона продиктовать — это не грех?

— Не грех. Могу, — обрадовался Карлос соломонову решению, — пожалуйста.

Он помялся секунду:

— Короче, это будет 31, 5, 21, 12.

— Такое короткое? — удивился я.

— А где ты видел длинные ругательства? — справедливо возразил Рубен и вырвал у меня из рук листочек.

Мы вцепились четырьмя глазами в ключ к африканской Тайне.

— Какая из гласных ударная? — уточнил я.

— Последняя, — тяжело вздохнул Карлос.

Рубен собрался и произнёс громким голосом на весь коридор:

— Кхе-кхе! Работают все радиостанции Советского Союза. Говорит Эду́к! Правильно? **Эду́к!!** На “educación” похоже. Мою, по крайней мере.

Карлос остолбенел, как жена Лота, а лицо его напоминало “Крик” Мунка.

— Видишь? — сказал довольный собой Рубен, — ничего не произошло. Ничего со мной не случилось, боги не уничтожили меня, я же просто сказал банальное слово “туалет” на одном из языков нашей планеты.

Карлос так и не дышал.

— Да всё в порядке, Карлито, — я похлопал товарища по плечу, — не беспокойся ты так, выдохни. Смотри, как всем хорошо: и ты своих принципов не нарушил, не осквернился, и мы с Рубиком теперь знаем чуть больше о нашей с тобой общей исторической родине. ¡Muchas gracias, mi amigo! Ты молодец!

Карлито снова задышал, и у нас с Рубиком отлегло.

Рубик потом ещё пару раз цитировал в речи это диковинное слово (например: “В эдуке́ сегодня сильно накурено”, “Ща в эдук сгоняю”), но потом перестал — Карлито всякий раз вздрагивал, и Рубик пожалел его чувства. Дружба, она ведь несравнимо важнее любых лингвистических открытий.

январь 2026

2.5.27 На самом деле

Я застал своих коллег из соседнего отдела за увлекательным занятием — они придумывали всей конторе индейские имена. И хохотали, как бешеные.

— Всем уже придумали? — спросил я их.

— Нет, только начали. Вот, например, ***N***., она, по-твоему, кто?

— Не знаю, — растерялся я. — Кто?

— Она — Яркое Перо! — торжественно провозгласила одна.

Верно подмечено: ***N***. действительно одевалась очень претенциозно и пёстро, за версту видно.

— А на са́мом деле, — продолжила вторая, — ***N***. — она Хищная Лапа.

Тоже верно подмечено: за бонус родную маму придушит.

— А вот ***X***., к примеру, — сказала первая, — он Быстрый Олень.

Тоже точно: бегает по офису, как скипидарный.

— А на са́мом деле, — добавила вторая, — он Мягкий Мозг.

Ну, не знаю... Пару-тройку мегабакинских каждый год приподнимает — такой ли уж “мягкий”?..

— А вот ***Y***., — продолжила первая, — он Маленький Лис.

— А на са́мом деле, — тихо дополнила вторая, и их отдел взорвался весёлым смехом, — он ~~Censored Censored~~.

— Однако, смело, — озадаченный, сказал я. — Экие у вас инсайды.

Хохот.

Когда все успокоились, я спросил:

— А скажите, вы, Острые Язычки, а мне вы придумали индейское имя?

Я ожидал чего-то стереотипного, типа Чёрная Бровь или, гораздо вероятнее: Гладкий Череп.

— Да! — почти хором воскликнули трое из четверых. — Ты — Орлиный Клюв!

Если хором, то это означает, что вопрос моего имени уже был ими решён.

— Неожиданный выбор, — удивился я и потрогал свой нос. — Клюв как клюв. У нас с такими клювами полконторы, и мой далеко не самый заметный.

— Э, нет! — запротестовали девушки. — Индейское имя оспаривать нельзя. Людям виднее! Как племя тебя окрестило, так и ходи до смерти.

Ну ладно, Орлиный Клюв всё же лучше, чем Свиное Рыло или тем более ~~Censored Censored~~. Людям виднее.

Зазвонил их телефон, и мои собеседницы переключились на работу, а это святое. Бонус же все хотят, а не только Хищная Лапа.

Вернулся на своё место, ответил на чей-то имейл “ОК”, увидел в этом слове свои новые инициалы, если кириллицей. Но что-то не давало мне покоя, и это был совсем не “клюв”. Чего-то явно не хватало, было чувство какой-то незавершённости.

Ну, конечно! Я не спросил про своё второе, *реальное* имя. Кто я *на са́мом деле*?

Пошёл к ним в загончик и задал им этот вопрос.

Девушки переглянулись, но не рассмеялись. Отсутствие издевательского смеха вселяло небольшую надежду.

Ответили серьёзно:

— Не надо тебе знать твоё второе индейское имя. Хорошее оно, *очень* хорошее! Правда. И ты давай, иди с миром и не парься: всё у тебя в шоколаде. Бельгийском.

— Нет, так дело не пойдёт! — вскипел я. — Скажите! Желаю знать, на правах индейца.

— Давай-давай, Орлиный Клюв, мандруй отсюда. Твой бонус сам себя не заработает.

— Шо ж вы за люди-то, а? — возмутился я, упираясь. — Имейте совесть! Скажите, а то я вас всех тут щас распатроню, клянусь Уицил… Имбецил… как его там? Короче, клянусь Кетцалькоатлем! Век индейства не видать!

Вытолкали.

Так ведь и не сказали, Скрытные Чертовки! А я так и живу в неведении, кто я на са́мом деле?

2025-Sep-13

2.5.28 Морализаторы

Морализаторы… Имя им — легион! “В его/её сторону не смотри”, “од‖ин~на на всю жизнь”, “сужен‖ый~ая” —— о! морализаторов море, если не океан. Мужчины, женщины, молодые, старые — в любых социальных группах будут морализаторы, вскормленные нашей удушающей иудео-христианской культурой.

Морализаторы ломают элементарную логическую связность, смешивая понятия

① "**свобода**" — имманентное свойство индивидуума;

② "**природа**" — аффективный императив живого существа, тоже имманентный;

③ "**брак**" — юридический режим, регулирующий имущественные и родительские отношения между гражданами;

④ "**семья**" — проживание под одной крышей и ведение совместного хозяйства; и

⑤ "**любовь**" — не зависимая ни от чего на свете переменная, полностью неуправляемая.

Между этими ↑ пятью изолированными понятиями не прослеживается концептуальной зависимости, это “бузина в огороде” и “дядька в Киеве”, они могут встречаться в любых сочетаниях, но морализаторы называют своё смешение несвязанных категорий словом “порядочность”, которое в общегражданском смысле означает совершенно другое. Это слово в *их* сумбурной дефиниции не стоит и букв, из которых оно состоит, ибо связи между этими ↑ пятью понятиями — нет.

Что их объединяет, этих морализаторов?

Пол? Нет.

Воспитание? Среда? Не думаю.

Возраст? Пожалуй, отчасти. Не факт, конечно, хотя корреляция прослеживается, люди же стареют.

> Сравним хотя бы раннего Льва Толстого с поздним: это же два разных человека! В ранних “Казаках” (и даже, пожалуй, в “Войне и мире”) сложно предвидеть, что будут поздние мрачная “Крейцерова соната” и жуткий “Отец Сергий”, от одной мысли о котором я вздрагиваю.
>
> Обратимся за доказательством к классику:
>
> Живой, любвеобильный (как и сам Толстой тогда) Оленин в ранних “Казаках”: «Всё надо жить, надо быть счастливым; потому что я только одного желаю — счастия».[38]
>
> Трудно не согласиться с писателем (я тоже об этом писал прошлым летом (см. §2.5.1). Толстому тогда 35 лет, он ещё не женился, только готовился к пунктам ③ и ④ ↑.
>
> Но проходит время, Толстой стареет, ему, слава богу, уже 62. И вот как он говорит голосом Позднышева в своей поздней “Крейцеровой сонате”[39]: «Половая страсть, как бы она ни была обставлена, есть зло, страшное зло, с которым надо бороться [...]». [Гл. XI, последний абзац] И далее по тексту: «[...] Погано, [...], что любовь [...] ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно». [Гл. XIII, второй абзац]
>
> Заметим pro forma, что себя самого автор в “Сонате” выводит как нейтрального слушателя, однако же Толстой написал и “Послесловие” к “Сонате”, где от первого лица прямым текстом защищает позицию Позднышева, и тут сомнений уже не остаётся: Позднышев = поздний Толстой.
>
> И, кстати, совершенно ожидаемо, что Толстой в “Сонате” выносит в эпиграф евангельское «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». [Матф. 5:28]. Кто бы сомневался за эпиграф, выбор-то очевиден... А аргументацию Иисуса по данному вопросу нелишне будет

[38] Полное собрание сочинений, т. VI, М., “Худ. лит.”, 1936, стр. 77 (ссылка)

[39] https://ru.wikisource.org/wiki/Крейцерова_соната_(Толстой)

> освежить в памяти полностью[40]. В этой аргументации бессчётный сонм сломанных судеб и непрожитых ярких жизней.
>
> Вот так — от “счастия” в 35 лет Толстой пришёл к “свиному” в 62 года… Да, я всё понимаю: духовный поиск великого писателя, развитие и становление, но всё же **возраст** мне, дилетанту с горы, кажется самым простым объяснением метаморфозы Толстого “до” и “после”.
>
> “Отца Сергия” я не цитирую, потому что это выше моих сил — брать в руки эту книгу, где на корню ломается здравый смысл, отрицается сущность природы, а день называется ночью. Это не ко мне, пожалуйста, не к живому человеку.

Физическое угасание нередко приводит к морализаторству — я допускаю, что так может быть, что у некоторых граждан в определённом возрасте может возникать корреляция возраст → морализаторство. Наверное, такое возможно: доживём, увидим.

Но и старение вторично как фактор. Каков же общий знаменатель у морализаторов, находящихся в *активном* возрасте?

Думаю, что их роднит одно — их собственная **невостребованность как мужчины/женщины**. Если ты сам(а) невостребован(а) как мужчина/женщина, то что тебе остаётся? Поневоле начинаешь морализировать. Морализаторы торжественно воздевают перст горе, произносят социально одобряемые нормативные формулы, но их мотивация очевидна — “если не мне, то никому”. И без Лопе де Веги всё понятно. Было бы у морализаторов всё хорошо, они думали бы о своём, а не о твоём.

С гордым видом, в преисполненной важностью позе, но… со стерильным телефоном, не вздрагивающим от неожиданного сообщения от неё/него посреди ночи. С давящей, безысходной пустотой… Терминов морализаторам в народе придумано много: пуританин, блюститель нравов, ханжа, обиженка, моральный душнила… Им кажется, что они изрекают высокие истины, но причина чаще всего лежит на поверхности — их собственное **отсутствие** на главной в мире арене.

Мне по-человечески жаль несостоявшихся как мужчина/женщина людей, но до тех пор мне их жаль, пока они не начинают поучать и осуждать тех, кому на чувственном фронте повезло больше, чем им.

В основе дискурса морализаторов лежит чистый обиженный эгоизм, замешанный на острой личной трагедии. На других реагируют, а на тебя нет — это горько. На медленный танец приглашают не тебя, а его/её — это больно. Если человек мудрый, то он поймёт и смирится со своей второстепенной ролью на этом сверхконкурентном открытом рынке.

А в ином случае — что ему остаётся?

☝ Морализировать, поучать, санкционировать, объявлять чужое преимущество моральным пороком.

☝ Апеллировать к авторитетам тысячелетней давности и сомнительного качества аргументации.

☝ Выглядеть святошей в системе “извечных устоев”, цена которым — ноль по Кельвину.

---

[40] https://bible.by/syn/40/5/

Скорее всего, не станет морализировать человек, который хотя бы раз пережил подобное:

> ▶ вот похудожественнее (“Наутилус”, “Тёплый снег”, 1988);
>
> ▶ вот попрямолинейнее (“Сектор Газа”, “Лирика”, 1993. Да, это поэтика семиклассника, но месседж искренний);
>
> ▶ да и при чём тут эти два жалких примера на языке этого текста — есть в мире миллионы других образцов лирического творчества у всех народов — откройте почти любую книгу, послушайте почти любую песню: там чаще всего как раз об этом. Плотская природа — главная тема рода человеческого, без которой нас с вами попросту бы не было. Некому было бы это это писать и некому читать.

А многие из **не**переживших красоту будут воспроизводить морализаторский памфлет и обвинять переживш‖ую~его в выдуманной им/ей “непорядочности”, прямо противоречащей непреложным биологическим и эволюционным императивам.

> Толстой далёк по времени? Да, есть маленько. Но посмотрите, хотя бы во что превращают морализаторы молодую красивую женщину в "Малѐне"[41] с несравненной Моникой Беллуччи. XX век, но всё ж то же самое, ничего не меняется! А ей всего лишь хотелось счастья, пусть и на краткий миг — вот и весь её т.н. "грех" в глазах морализаторов.
>
> Ой, та я вас умоляю — иллюстраций моей оценке морализаторов ещё один легион, не буду я утомлять вас перечислением. Это очень длинный и очень печальный список. И всякий пример из того списка подтвердит правоту моего посыла.

Было бы прекрасно, если кажд‖ый~ая наш‖ёл~ла бы своё счастье на этом великом поле любви из 8 миллиардов человек! Всякому и всякой пожелал бы этого. Но не каждо‖му~й везёт быть востребованн‖ым~ой, хотя каждо‖му~й хочется! А если кому-то не пощастыло, то не надо подвергать моральной стигматизации тех, кому повезло познать счастье, хотя бы на краткое мгновение своей короткой жизни. Завидуйте молча.

“Живи сам и давай жить другим” — главный либертарианский принцип. В миллионный раз ставлю под ним свою подпись.

* * *

Ничего не утверждая и никого не обличая, я лишь пытаюсь найти в явлениях **закономерности**, как в логической игре Set™, и я нашёл их ↑, как мне кажется. При этом я вполне могу предположить, что могут, наверное, существовать и такие граждане, которые морализируют **не** от невостребованности и **не** от возраста, а по каким-то другим причинам. Возможно, есть где-то и такие, вполне допускаю, в жизни ведь “всякое бывает” (© Х. Эбеккуев). Если я когда-нибудь познакомлюсь с такими моральными арбитрами, которые востребованы **и** при этом в активном возрасте, то я с большим интересом послушаю их аргументацию.

И дискуссия “в вагоне с Позднышевым” продолжится!

2026-Aug-18

[41] https://www.imdb.com/video/vi2817498649/

2.5.29 Игры разума

В тот день мне стало реально страшно.

Мне было под 30 — вроде, к котелку претензии предъявлять было рано. Всю рабочую неделю я ездил обедать в Макдональдс в своё родимое село на юге Фландрии. Та же продавщица за стойкой, та же еда всякий раз: Big Mac Menu с кока-колой за €5.20.

В пятницу я решил "разнообразить" рацион и заказал вместо колы фанту. Закрытый крышкой стакан, проткнутый пластиковой (тогда ещё) трубочкой — charmant!

Пью и радуюсь. Как же прекрасна фанта! Какой прекрасный апельсиновый вкус! Какой я молодец!

Оставался лёд на донышке, и я открыл крышку, чтобы втянуть последние капли оранжевого нектара.

И чуть не подвинулся рассудком.

На дне стакана была тёмно-коричневая жидкость.

Это была... кока-кола.

Продавщица привыкла за неделю к моей роже и к моим одинаковым заказам и на автомате выдала мне колу вместо фанты. Мой мозг уверовал в фанту, и я выпил 0,5л ни на секунду не усомнившись. Я поверил *установке*, а не реальности.

И это было жутко. Сегодня фанта, а завтра что?? Видения? Голоса? Стигматы? Я бросил Биг Мак на полдороги и вернулся в офис: голодный, ошарашенный и молчаливый.

* * *

Второй конфуз произошёл, когда мне было под сорок (тоже, вроде, не дед). Я впервые взял напрокат электрический велосипед. "О, вам понравится, мсьё, — сказал прокатчик. — Вы увидите, что педали, как пушинки — только тронь, и вы уже на другом конце города". Электровелик был дико тяжёлым, как мотоцикл, но он же поедет, "как пушинка", сказал я себе. И правда! Действительно, пушинка. А скорость! Близка к световой. На полдороги я остановился перевести дух. Стал рассматривать велик-скороход и обнаружил кнопку On-Off.

Она была выключена.

Я проехал 5км на тяжеленном велосипеде, считая его "пушинкой" и радуясь техническому прогрессу. Установка...

Щёлкнул на ON — и чуть не свалился с седла — настолько резво рванул чудо-велик на *включённом* электроприводе.

Мне опять стало страшно, как тогда в Макдональдсе — шо за дела-то?! Пойти провериться? Это шо... начало конца?.. ~~Первый~~ второй звоночек?..

Подумал и понял, что со мной всё в порядке, что всё легко объяснимо: нельзя расслабляться, критическое мышление нельзя отключать ни на секунду, о чём бы ни шла речь и кто бы что ни говорил. Тебе говорят: "Это фанта", "Это пушинки", "Праздники надо отмечать", "Чёрной икрой надо восхищаться", "Дядя Петя — профессионал", "Христос воскрес", (§2.5.82) "Дорогое — значит

качественное" (§2.1.3), "Это же Hermès! Rolex! Any_Name!" Так ли это? Вполне возможно, но выносить решение — *мне*!

И — сработало! А как же могло не сработать? Критическое мышление я больше не отключаю никогда. Я не проверяю параноидально и истово всё подряд — нет, конечно! — я просто держу КМ-систему всегда с включённым тумблером и доверяю не брошенным кем-то фразам, а фактам и опыту.

И, хвала Аллаху, с 2011 года разум больше не играл со мной таких злых шуток: фанта всегда остаётся фантой. Отклонений от курса [пока] нет. Я внимательно слежу.

сентябрь 2025

2.5.30 О попытке изменить человека марксизмом

Перенесёмся на 100 лет назад, на восток. Первые годы Советского Союза. Романтизм марксизма, строительство Нового общества — удивительнейшее время!

Как я отношусь к развитому социализму, расцвет и агонию которого я застал и пережил? Очень плохо отношусь. Никому не советую.

Но объективность важнее субъективности. Поэтому проведём беспристрастный анализ, оставив лишь **квинтэссенцию начального посыла**. Выносим сейчас за поле этой дискуссии сталинщину, лагеря, насилие, экспроприацию, империализм, Голодомор, репрессии и прочий кошмар коммунизма. Рассмотрим только реализацию теоретической части марксизма в 1920-е годы в стране победившей революции. В этом тексте нас интересуют исключительно революционные **этика и эстетика + изначальное целеполагание**.

Это была третья (после Иисуса и Робеспьера) попытка сделать Нового человека. Третья! Всего лишь жалкая третья за 12 тысяч лет нашего славного и бесславного Голоцена.

Порассуждаем на холодную голову.

Что плохого в **интернационализме**, в охвате Коминтерна? Что плохого в игнорировании “пятого пункта”? Что плохого во “*всех* стран — соединяйтесь”? В

раннем марксизме "нет ни эллина, ни иудея" — или это не воплощение библейского принципа? [*Колоссянам 3:11*, © Шауль]

Что плохого в **глобальности** горизонтов, в мировом масштабе задуманного? Уже на первом гербе СССР был изображён глобус. Не кусок землицы, а вся планета! Не просто локальный переворот, а — *мировая* революция. Это ли — не масштаб? Это ли — не вызов?

Что плохого в **равенстве шансов** — в том, что мальчик сирота может подняться до самых высот? В том, что девочка доярка, ранее приговорённая с рождения до смерти к коровьему вымени, может стать директором научного института? Что плохого в социальных лифтах для талантливых, но не вышедших происхождением?

Что плохого в **бесклассовости общества**? Вон, Индия — она с 1947-го года не может избавиться от кастовости — этот, видите ли, “кшатрий”, тот

“неприкасаемый” — разве это не позор для рода человеческого? А те ребята в 1917-м снесли сословия, титулы и унаследованные от царя Гороха пыльные регалии далёких предков, когда-то выслужившихся перед давно почившими в бозе царьками.

Что плохого в **образовании**? В распространении тотальной грамотности среди безграмотного населения? В создании алфавитов для бесписьменных языков? В учреждённых с нуля национальных академиях — что плохого?

Что плохого в **просвещении**? В продвижении материалистического мировоззрения? Что плохого в развитии рационалистической науки? Кто кинет за это в меня камень?

Что плохого в новом революционном **искусстве**, которое даже не успело возникнуть во Франции в 1789-м? На любителя искусство, согласен, но оригинальная, резкая, невиданная доселе эстетика — как бы она без революции возникла после утончённого Серебряного века?

Что плохого в **равенстве мужчин и женщин**? Коллонтай, первая женщина посол — что плохого? Право женщины на выбор партнёра, на планирование семьи, на аборт, на образ жизни — без поповщины и ханжества — это шо, плохо?

Что плохого в борьбе с удушающей **косностью патриархальной семьи**, отравлявшей 99,1% (если считать по Голоцену) истории человечества? Сто (!) лет назад — и уже: невероятная простота вступления в отношения и выхода из них, признание очевидного — человеческого естества и врождённого биологического инстинкта, гражданский брак, невиданное доселе движение “Долой стыд!” — видел ли мир *такую* степень освобождения? Не видел — это и сейчас табу, за такое отволокут в комиссариат за нарушение т.н. “общественных нравов”. А вот они — смогли! 100 лет назад!

Западное общество только недавно пришло к этому пониманию.

> 👩 только в 1990-м в Швейцарии все женщины получили право голоса;
>
> 👩 только в 1965-м француженке больше не нужно было испрашивать разрешения мужа, чтобы пойти работать;
>
> 👩 только в 1995-м ирландцы легализовали развод на референдуме с микроскопическим перевесом;
>
> 👩 только в 2007-м Португалия легализовала аборты;
>
> 👩 только в 1992-м Ирландия легализовала контрацепцию;

А те ребята воплотили это в далёком 1917-м.

Что плохого в борьбе с **мракобесием и боговерием**? В противопоставлении разума застрявшим в Средневековье “священнослужителям” и их покорной пастве? Школа вместо обряда — это плохо? Библиотека с *многими* книгами вместо молельни с *одной* — это плохо? Человечество не знало подобной дерзости за всю историю своего существования, а марксисты — смогли (вслед за якобинцами). Больше никому это не удавалось.

100 лет назад марксисты пытались построить Новое общество. Они не справились: густой ил традиционализма и инертности помешал этим новаторам, романтикам, мечтателям и зачастую — мученикам.

Ил тяжёл и вязок. Все три попытки создать Нового человека провалились:

- ✝ Учение Иисуса сменилось тяжёлой церковной структурой без малейшей связи с тем, чему Он Сам учил на той самой горе. Форма Павла (см. §

2.5.78) мгновенно вытеснила содержание Иисуса: обсуждение на вселенских соборах не этических норм Нагорной проповеди, а бессмысленных, абсурдных догм; бесконечные религиозные войны с другими христианами; инквизиция; костры да Варфоломеевская ночь — банально и скучно, всё как мы любим...

🇫🇷 Французскую революцию, прожившую всего 10 лет, быстро сменил император, а потом Реставрация с теми же Бурбонами — и снова здрасте, точнее, bonjour. “Весну народов” 1848-го сменили те же скучные императоры канувших в Лету империй. Парижская коммуна умерла едва родившись.

☭ А первых марксистов сменили расстрельные подвалы, эшелоны в Магадан и скучный товарищ Суслов под занавес коммунистической трагикомедии. Эстетика революции и высокое, романтическое целеполагание быстро утонули в иле и крови.

Крови было столько же, сколько и ила,

крови чужой:

✟ крестовые походы;

🇫🇷 революционный Террор;

☭ ГУЛАГ

и крови своих же деятелей:

✟ 11 из 12-ти апостолов были казнены;

🇫🇷 лидеры Французской революции были казнены своими же;

☭ “Ленинская гвардия” полегла от своих же.

Однако же, каждая из этих попыток изменить человека оставила какие-то зёрна, которые позже проросли во что-то хорошее:

✟ Идеалы Иисуса Назарянина (разрыв цепочки зла *на самом себе* с “подставлением другой щеки”, “нищета духа”, “не судите”, кротость, нестяжание, безусловное прощение, любовь к врагам и служение человечеству) не закрепились в сознании и практике. Апостолы их ещё помнили, но после них о духе Нагорной проповеди никто не вспоминал, даже Реформация им не заинтересовалась. Но всё же встречаются порой редкие христиане, которые воплощают учение Иисуса в жизнь, бескорыстно служа попавшим в беду посторонним людям (мать Тереза, Caritas, L’Arche, Армия спасения — другие примеры мне не известны). Всё-таки какие-то редкие зёрна таки проросли из Его слов на той знаменитой горе. Это ничтожно мало для 2½ миллиардов людей, называющих себя христианами, но шо-то где-то є.

🇫🇷 Французская революция оставила на порядки большее социальное наследие. Из неё проросло сегодняшнее западное общество: наши конституции, наши свободы, наша система ценностей, наша социальная культура, наше уважение к личности, закону и человеческому достоинству. То, до чего не доросла Жакерия, что не доделал Ренессанс, что не успела Эпоха Просвещения, что не охватила Американская революция — то завершил Конвент. Парадоксальным образом, именно Французская революция, яростно боровшаяся с религией, укрепила гуманистическую базу нашей цивилизации. Якобинцы-монтаньяры-жирондисты (!) с неостывающей от человеческой крови гильотиной укрепили, а не христиане, хотя казалось бы, кому карты в руки... Робеспьерам удалось то, что не удалось веками слушавшим Нагорную проповедь, но ничего из неё не воплотившим.

☭ А из марксистской идеи проросла наша сегодняшняя социал-демократия. Профсоюзы, охрана труда, идея социальной справедливости и поддержка экономически неуспешных — корни этого уходят к Марксу, нравится нам это или нет. Неизменно, десятилетиями, самыми счастливыми осознают себя именно жители стран “скандинавского социализма”. Это о чём-то да и говорит.

В каждом из этих трёх движений были свои герои и локомотивы: апостолы и революционеры.

> Одного из моих прадедов расстреляли чекисты: он им не вышел происхождением.
>
> История прадеда трагична, но показательна история его сына, моего деда, искренне верившего в революцию. После расстрела своего отца мой дед полностью отрёкся от своего прошлого — твёрдо и решительно. Он изменил свою фамилию на революционную, а имя-отчество на литературное. Он стал профессиональным революционером. На партийной работе мой дед посвятил свою жизнь революции, делу изменения общества. Можно по-разному это оценивать, но это — поступок, это — выбор. Не мне его судить, но не воздать ему должное и не восхититься силой его убеждения я не могу.

И такой убеждённый, как мой дед, был не один — очень многие хотели изменить опостылевшее общество, чтобы выковать Нового Человека. Чем вам это не подвижничество первых христиан: “Заповедь новую даю Я вам[42]...”?

Я никоим образом не разделяю идеалов коммунизма. Анархист-либертарианец, я нахожусь на другой стороне политического спектра. Но я объективно воздаю должное попытке тех людей 100 лет назад создать в отсталой стране Нового Человека — их смелости, их широким горизонтам, их дерзким, масштабным замахам. Они хотя бы *попытались* бороться с душной затхлостью.

Потому что есть в жизни что-то важнее, чем просто пожрать, согреться и реплицироваться в ипотечном жилище — подобное существование можно наблюдать и в зоопарке. Миссия человеческая стоит большего, чем эта “возня биомассы в биомассе”, как говорил Альтман (§2.5.6). Коммунисты 1920-х попытались проторить этот путь, но не смогли — к счастью или к несчастью.

Три неудачи: христиан, якобинцев и марксистов — все три мимо... Видимо, Homo sapiens пока не дозрел до нового уровня понимания мира и своего места в нём. Видимо, 250’000 лет нашего вида — это не срок, чтобы говорить о духе, возносящимся над бытом. Пока что мы те же дикари с палкой в руке... Точнее, теперь не с палкой, а с ChatGPT, что ещё примитивнее палки, потому что палка хотя бы заставляет думать и искать решения самому.

Прикидывал иной раз — что делал бы я, окажись я 100 лет назад запертым в революционных условиях, не имея возможности уехать на Запад? Уверен — я примкнул бы к марксистам, при этом не соглашаясь ни с одной буквой из их учения. Попытаться изменить Человека, раскрыть ему глаза, превознестись над душным бытом — вот Сверхзадача, в которой я поучаствовал бы в первых рядах, став рядом со своим дедом, чьи взгляды я не разделяю ни на йоту.

Почему? Потому что в человеческом познании *эксперимент важен*. Потому что человеку всегда интересно, **что там — за этим лесом?** Заглянуть за горизонт важно. Прорыв важен. Пытливость ума важна. Не будь у человека этого стремления, у нас не было бы не только электричества, но и колеса.

---

[42] Иоанна 13:34

Мария Склодовска работала с открытыми ею же радиоактивными радием и полонием, понимая, что они смертельно вредны, как и уран (Беккерель уже доказал радиоактивность). Её рукописи до сих пор лежат в свинцовом чемодане, потому что они излучают гамму. Руки Марии покрылись пятнами от лучевой болезни, но она упорно продолжала свою работу. Зачем Вы это делали, wielmożna pani Skłodowska? Не всё ли Вам равно, сколько протонов в убивающем Вас радиоактивном материале? Не лучше бы было Вам на лужайке поваляться или заштопать худые носки мсьё Кюри? Но она, как и мсьё Кюри, шла дальше! дальше! дальше! Потому что она — Человек, а Человеку важно — что *Там*, за этим лесом? Чего бы это ни стоило. Жертвовать собой ради манящих своей непознанностью горизонтов могут лишь единицы из миллионов — будь то физика или что угодно ещё.

Марксистский эксперимент был не физическим, а социальным, и его *стоило* провести, чтобы понять, есть ли жизнь в том лесу.

А иначе-то — что? В воскресенье в церковь, в субботу в синагогу, в пятницу в мечеть или на дачу (смотри, не перепутай!), в жаркий день “на водоём”, а на февральские каникулы — непременно на лыжи в горы, “а куда же ещё в феврале?”, как говорят? Душно, плоско...

> 🇫🇷 Во Французской революции я бы принял активное участие, мне это очень близко. Дантон, Сен-Жюст, Марат, Робеспьер — интересно было бы пообщаться с ними. Будь я с ними, я бы возглавил блок Новой идеологии или Новой культуры, дистанцировавшись от Террора и гильотины. Может быть, и выжил бы, как выжили Талейран и Фуше.
>
> ✝ С христианством сложнее: я бы с удовольствием пообщался с Иисусом, а вот с основателем христианства Павлом (§2.5.78) уже нет. Мне интересно говорить с визионерами, а не с менеджерами.
>
> ☭ Из марксистов я бы пообщался с Марксом и Лениным, но больше всего я бы хотел поговорить с Троцким — он самый интересный тип из всей их банды. И со своим дедом я хотел бы поговорить — мы с ним не пересеклись по хронологии жизней, к сожалению.

С Марксом я категорически не согласен, но попытку первых марксистов изменить и улучшить Человека я ценю очень высоко.

Я понял, что я в душе революционер, но либертарианцев в Европе полторы калеки, включая меня, а добрая половина избирателей даже не знает, что это. Запрос в обществе нулевой. Так что без машины времени в революции мне не поучаствовать. Это будет задачей моих либертарианских единомышленников поколений эдак через двадцать, и это в лучшем случае. А в худшем случае через 20 поколений никого в Западной Европе, возможно, и не останется, потому что европейская цивилизация, когда-то раскрутившая всю планету, сегодня делает всё возможное, чтобы самоуничтожиться в кратчайшие сроки без малейшей на то причины — мы просто самоубийственно идём прямиком в стену, уповая на старый багаж и игнорируя вызовы изменившегося мира. Но это тема для отдельного, грустного разговора.

Поэтому просто переделываю Маркса под себя ↓

Свободомыслящие люди всех стран, соединяйтесь!

май 2026

2.5.31 Давид и голиафы

…или, Право против силы

В очереди на security аэропорта всегда царит напряжение: успею ли на рейс? шо ж такое? почему так медленно? Особенно если это гигантский лондонский Хитроу.

В длинном человеческом змеевике передо мной стоял мужик лет 30-ти в сетчатой майке-алкоголичке и пляжных шлёпанцах. Он держал в руке испанский паспорт и постоянно озирался. Увидел кого-то за пределами очереди и на весь терминал заорал ему по-испански: “Эй, Педро, я здесь! Быстро сюда!”

Спортивный Педро пролез под лентами и радостно воссоединился со своим другом. До сканеров security нам оставалось совсем немного. Педре повезло — он сэкономил полчаса времени и нервов.

Этот пролаз под лентами заметил работник аэропорта: невзрачный, низкорослый парнишка лет 15-16-ти в сидевшем на нём мешком жилете с логотипом Heathrow на пять размеров больше. Видимо, школьник, устроившийся на лето в аэропорт. Парнишка тоже пролез под лентами и стал рядом с Педрой и мужиком:

— Сэр, я прошу вас вернуться назад и стать в хвост очереди.

Испанцы косо взглянули на него и продолжили трещать друг с другом по-испански. По-английски-то они понимают?

Парнишка повторил свою фразу.

Снова игнор.

Парнишка, глядя на двух мощных мачо снизу вверх, снова сказал те же слова тем же голосом.

Испанцы смерили парнишку презрительным взглядом и заржали:

— Чего?? Э, друг, в чём проблема? Я ему занимал! Мы вместе пройдём security.

— Нет, не пройдёте, — вежливо, но твёрдо сказал мальчик. — Понятия “занимал” не существует.

Испанцы снова заржали:

— Да ты чего! Это же мой дружбан! Брат почти! Это ж Педро!

— Я восхищён искренностью вашей дружбы, джентльмены, но если вы непременно хотите стоять вместе, то идите в хвост очереди оба. Или пусть этот пролезший под лентами джентльмен возвращается туда один, а вы, сэр, оставайтесь. Сейчас.

— Да ты чё ваще? — обозлились испанцы. — Кто ты ваще такой? Полицейский? Робокоп? Ха-ха-ха!

— Вернитесь, сэр, — спокойно сказал парнишка, обращаясь к Педре, — вы не имеете права лезть без очереди.

Хорошо бы драки не было, подумал я. Хотя какая тут драка, такого шкета завалил бы даже я, с одного удара. Испанцы завалили бы его одним щелчком — там и валить было нечего.

Парнишка не угрожал, что он их заблокирует на security или позовёт охранников, хотя он мог. Он стоял один, как Давид перед Голиафами и не искал внешней защиты, а просто повторял невозмутимо и вежливо:

— Джентльмены, я прошу вас пройти в хвост очереди. Или идите вы один, мистер Педро. Сейчас.

— Чё??

— Сейчас.

— Да ты знаешь, кто мы? Понимаешь ты, кто перед тобой? А ты ваще кто такой?

— Джентльмены, сейчас.

— Чё?? — нависли над ним голиафы. — Повтори!

— Сейчас.

“Парнишку я прекрасно понимаю, я сам такой же, — подумал я. — Но зачем он в одиночку нарывается на это агрессивное быдло? Позвал бы кого-то что ли, в нём же душа еле теплится. Какая ему разница, по большому счёту, пройдёт ли какой-то там педро по очереди или без. Ему шо, дадут за это лишний фунт? Эти мачо сейчас ведь улетят, и он их никогда больше не увидит. Почему он не забивает?”.

> Мне, к сожалению, была знакома эта ситуация. Когда я работал в международной компании в Восточной Европе, именно “педры” всегда первыми получали порции. Стоит с подносами очередь из моих коллег, одинаково голодных и уставших после альпинистских подвигов. Все 200 друг друга знают, все равны в своём голоде и своих правах, но вновь прибывающие восточноевропейцы становятся не в хвост очереди, наравне со всеми, а вклиниваются к своим друзьям, образуя “воронку” у раздачи. У воронки был унылый хвост, это были западноевропейцы, не кучкующиеся и не пролезающие, которым я рассказал про не известный им феномен “bas-côtéens” = “shoulderers” = “обочечников”. Западники всегда ели последними.

И парнишка, и испанцы исчерпали свои аргументы и молчали, пристально глядя друг на друга. Ситуация накалилась, настал кульминационный момент. Люди в очереди замерли и затаив дыхание следили за развязкой этого противостояния добра и зла, а точнее — Права и Силы.

Во взгляде парнишки читались уверенность в себе и в своей правоте. В нём, тщедушном и жалком, читался какой-то аристократизм, в то время как испанцы являли собой эталонное жлобство.

На долгие, тяжёлые 10 секунд повисла свинцовая пауза: испанцы испепеляли мальца страшными глазищами и выпячивали грудь, а тот, сутулый и маленький, невозмутимо смотрел им в глазищи снизу вверх.

Маятник должен был куда-то качнуться.

И — качнулся! Случился катарсис.

Предгрозовая духота разрядилась грозой: испанцы взорвались яростной жестикуляцией и чертыхаясь полезли в хвост очереди, выкрикивая из-под лент проклятия: “Cabrón! Hijo de puta! Imbécil!”

Парнишка стоял ровно напротив меня, и мы встретились взглядами. Я зааплодировал ему. Через секунду мальчику уже бурно аплодировала вся очередь.

Парнишка остался невозмутимым, он совершенно не изменился в лице. Он заложил руки за спину и пошёл, сутулясь, по змеевику продолжать следить за порядком и... Справедливостью. Для него защита права и справедливости была естественной вещью, вопросом незыблемого принципа, а не “должностных обязанностей” работников Хитроу. Он, наверное, перестал бы себя уважать, если бы спускал хамью подобные вещи.

Быть напористым, накачанным мачо очень хорошо! Но не обязательно быть накачанным мачо, чтобы победить. Право — оно сильнее.

2026-Jul-24

2.5.32 Мои университеты

Система была такой, что ты должен сдать в вузе все экзамены и зачёты. Даже если ты не сдал один, пусть и непрофильный, то ты вылетаешь.

А у меня физкультура, оказывается, была в списке предметов. Я ни разу не был в институтском спортзале и даже не знал, где он находится. На дворе 93-й год: я и так разрываюсь между учёбой и работой, в командировки езжу. На основные лекции (вышка, статистика, АСУ, теория управления) я старался ходить, но на физкультуру времени не было в принципе. В школе физра была долгожданным праздником и ярким событием, но эта радость так и осталась в школьном спортзале.

“Тебе к Иванычу надо”, — друзья одногруппники указали мне в столовке на нашего преподавателя: Ивана, так условно скажем здесь, Ивановича, которого я видел впервые в жизни.

— Чё на занятия не ходил? — спросил педагог.

— Так это, работал я. И работаю. В американской консалтинговой фирме.

— Не понял, какой фирме?

— Да так, пацаны замутили.

— А-а, ясно...

— Я ж, Иван Иваныч, на управленца пришёл учиться, а не на атлета. Посмотрите на меня и ужаснитесь: ну какой из меня спортсмен?

— Ну да, — скорбно сказал физрук, осмотрев меня, — шансов ноль.

Я сказал преподавателю, что я готов сдать физкультурные нормы экстерном за весь год, чтобы получить зачёт: метнуть что-нибудь, подтянуться, что ещё?

— Не надо, это, эстерном, — поморщился Иван Иванович. — Лучше приходи завтра с утра на метро “Выхино”, где троллейбусное кольцо. Перетрём, как люди.

О, вот это деловой разговор!

Я пришёл на стрелку раньше назначенного времени, а пунктуальный физрук уже был на месте — сидел на бордюре, обхватив голову. Видимо, человеку было плохо. Сильный перегар подтвердил мою гипотезу.

— Да, Иван Иванович, — начал я, — я не ходил на ваши занятия, о чём сожалею, но моя физподготовка не хуже, чем у других. Давайте я вам изображу что-нибудь сейчас на три с минусом: пробегу, отожмусь, мостик сделаю или берёзку. Бросок через пупок не обещаю, но в целом будет неплохо. Хотите, вокруг того дома пробегу? А вы оцените мою скорость и ловкость.

— Не надо вокруг дома, — с болью в голосе и голове сказал физрук. — Лучше помоги мне. А я помогу тебе, всё по-людски.

Я уже понял, к чему он клонит. На ящик водки мне денег в кошельке хватит, а на ящик коньяка или “Амаретто” уже нет, для коньяка надо отдельно встречаться, доллары менять. Интересно, какие у него запросы и во что мне встанет “помощь”?

— Согласен. *Чем* помочь? — спросил я.

— Братан, слышь, будь человеком, купи мне пару бутылок пива, — тихо попросил педагог. — И мы в расчёте.

Сказал, и чуть не завалился набок.

— Две бутылки пива?? И поставите зачёт? — я удивился такой смешной цене за год пропущенных занятий.

— Сказал же, ты глухой что ли? Все люди братья. Но только принеси побыстрее! Ты же сам хотел побегать.

Вот это сделка! Лучшая сделка в мире!

— Хорошо, Иван Иваныч, сидите тут, — я понимал, что ситуацией управляю сейчас я: трезвый, платёжеспособный и так же заинтересованный в исполнении договора, как и он. — Вот, оставляю зачётку и ручку. Только в ведомость потом не забудь поставить, пожалуйста. А я мигом. Одна нога там, другая тоже уже там. Мы же братья!

— Слышь, брат, не слиняй только, твоя зачётка у меня в залоге, — пригрозил мне учитель, не отрывая рук от головы; говорить ему было трудно. — И давай живее, спортсмен. Я жду здесь, не ухожу.

Вряд ли он мог бы куда-то уйти.

Превышая все юношеские нормативы и олимпийские рекорды, я метнулся к выхинским ларькам и быстро подогнал “брату” четыре бутылки холодного пива и пачку сигарет “Magna” в виде бонуса.

Физрук простёр руки к моему подгону, как воины А. Ф. Македонского к наполненному водой шлему в Гедросийской пустыне.

— Зачётку свою я забираю, — по-деловому сказал я и поднял её с асфальта. — Спасибо, что сдержал слово.

Страждущий ничего не ответил: он жадно пил мой спасительный эликсир. Мне стало его жалко: мало ли что у человека в жизни. Я бы и без всякого зачёта купил бы ему пива, видя его муки.

Я простился с ним:

— Давай, отец, ты лечись. И больше не болей. Спасибо и физкультпривет.

Иваныч сделал приветственно-прощальный жест, не глядя на меня и не отрываясь от горла́.

Больше я его никогда в жизни не видел. Диплом получил. И так и не узнал, где у нас был спортзал.

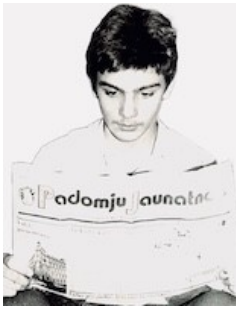
апрель 2025

2.5.33 Розеттский камень

.., или История одного лингвистического детектива

В конце восьмидесятых в СССР стала появляться, робко и точечно, новая иноязычная пресса.

В обычном районном киоске я и раньше иногда покупал французскую “Humanité” (там были комиксы про Пифа), польские “Trybuna ludu” и “Kobieta i życie”, британскую “Morning Star” — все, разумеется, коммунистические. Киоск с прессой союзных республик на площади Свердлова мне тоже был хорошо известен: там, проходя мимо, я покупал литовские “Шлуоту” и “Тиесу”, белорусскую “Звязду”, украинскую “Радянську жінку”, а то и что-то на языках, которых не знал, типа “Цини” или “Padomju jaunatne” на латышском: “ничего не понял, но очень интересно“!



В ста метрах оттуда, в переходе к “Проспекту Маркса”, открылся подземный киоск с прессой экзотических стран. Около этого киоска толпились китаисты, покупавшие “Жэньминь жибао”, испанисты, умолявшие о чём-то “только не кубинском, не Granma!” и прочий интересующийся другими мирами и новыми горизонтами люд.

Я протиснулся к киоску. Глаза разбегались. Посреди иероглифов, арабской вязи и какой-то неведомой клинописи взгляд остановился на газете еврейским квадратным письмом. Ух ты, что это за газета? На каком именно языке? Неужели иврит?? Идиш? Ладино? На каком??

— Откуда я знаю, — буркнула бабка-продавщица, явно ненавидевшая свой экзотический товар, — на этом, на ихнем. Не знаю я!

“Лучше бы пирожками на рынке торговала, — думала, наверное, бабка, — или дефицитом. А то сидишь тут в подземелье, как дура, торгуешь дрянью какой-то вражеской, и даже домой такой товарец не тиснуть”.

— На идише это, молодой человек, — тихо сказал какой-то рядом стоящий дедушка. — Берите, пока есть. Из самого Израиля!

— Из Израиля?? Вы серьёзно? — после 20 лет антиизраильской пропаганды (аж с Шестидневной войны) поверить в продающуюся в СССР израильскую (!) газету было невозможно.

— Да, — мечтательно вздохнул дедушка. — Орган Компартии Израиля. Ничего, конечно, такого, но всё же лучше, чем ничего.

— Эй, пионер! — прикрикнули на меня китаисты из очереди. — Шевели копытами! Ты не один тут.

Почему же “пионер”? Мне уже 17. В кино на любые фильмы могу ходить и вообще, даже паспорт есть.

Я отошёл в сторонку, полистал купленную газету и понюхал её. Израилем и не пахло. Вся газета была написана исключительно квадратным письмом, “почитать” не представлялось возможным. Ну, ладно, разберёмся.

Я сел в метро и важно развернул газету на идише, точно как в том анекдоте. Времена были перестроечные, и “Общество “Память” никто не отменял — до своей “Домодедовской” с целым носом я мог элементарно не доехать. Ладно, плевать, “читаем” дальше.

Строки были выровнены вправо. Наверху курсивом шёл какой-то загловок с восклицательным знаком слева — значит, действительно направление чтения справа налево. Отлично! Идём дальше.

Латиницей было продублировано только одно — название газеты: “Der Veg” (“Путь”), внизу мелким шрифтом, где тираж и пр. И это было первой ничтожной зацепкой.

דער וועג

Я внимательно всмотрелся в заголовок. Легко было заметить, что знак ע встречается дважды, в середине обоих слов, а это значит, что это и есть гласная e. Первая буква есть! Негусто, но для начала неплохо. И к букве ע (потом я узна́ю, что это “а́ин”) я и по сей день сохранил особое, благодарное чувство. Самая моя любимая буква ♡.

Ход рассуждения был простым. Раз направление справа налево, тогда артикль “der” справа, а “veg” слева. Ежу понятно. Но вот нюансик: в слове “veg” было не три буквы, а четыре, при этом первые два знака были одинаковыми, две мини-кочерги для камина ו.

Предположим, что v передаётся не одним знаком, а двумя мини-кочергами, чуть более приближенными друг к другу, чем остальные буквы. Что ж, и в русском есть ы, состоящая из двух кусков, ничего страшного. Значит, две узкие кочерги וו — это v. Допускаем пока. Потом проверим другими словами.

Шо имеем? Направление справа налево подтверждается, гласные таки пишутся (доказано через ע) — значит, письмо не консонантное, как в иврите. И есть пять букв: d, e, r, v, g. Негусто. Я начал искать эти буквы в газете, но кроме постоянно встречающегося артикля “der” ничего не находил. На артикле далеко не уедешь...

Я мысленно усмехнулся тому, что я сейчас расшифровываю текст, как в “Детях капитана Гранта” (там они из бутылки достали полуразмытые клочки) или как в “Золотом жуке” моего любимого Эдгара По. Но там-то код был совсем детский, самый примитивный, частотный, как в “Пляшущих человечках” Конан Дойля. Однако же литературные герои *знали* расшифровываемый ими язык (родной английский), а тут я языка-то не знаю, хоть и немного понимаю на слух. Выходит, я взялся за уравнение с двумя неизвестными: и язык, и его письменность. И туда же — расшифровывать...

Я вздохнул и уже собирался закончить неудачный лингвистический экзерсис, стал думать, что делать с газетой. О! Подложу её в почтовый ящик своему соседу-антисемиту! Отпечатаю на машинке сопроводительное письмо, типа, здрасте, дорогой Сидор Трофимович, спешим обрадовать, что вдруг случайно

открылось, что вас перепутали в роддоме, и ваши настоящие родители ждут вас в Тель-Авиве. Срочно выезжайте до папи з мамой. Или — скончался ваш дядюшка в Хайфе и завещал вам, единственному наследнику, свой особняк с видом на море и коллекцию канделябров. Вот, прилагаем вам объявление в центральной израильской прессе, всё серьёзно, всё официально. Где там про Вас написано, сами найдёте.

Идей было много, но им не суждено было воплотиться, потому что сдаваться было рано — мой взгляд упал на лозунг в начале газеты: что-то ля-ля-ля и восклицательный знак. Что это? К чему меня призывают? “Не стой под стрелой”? “Не выходи из комнаты, не совершай ошибку”? Что?..

Стоп. Спокойно. Кто издаёт “Der Veg”? Компартия Израиля. С чего начинается любая коммунистическая газета в мире? С “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, с чего же ещё? Ну, конечно! Эврика!

> Вон, в “Известиях” этот лозунг дублируется аж 15 раз, из них мне понятны все славянские, оба балтийских да и молдавский тоже: “Пролетарь дин тоате цэриле, уници-вэ!”, почти français, почти латынь, а “цер” как-то на “terra” очень смахивает. По-карельски ещё знаю этот идиотский лозунг, только что толку-то? Мне сейчас идиш надо взломать!

Сконцентрируемся. Рассуждаем. Идиш — язык германский, на 85% германская лексика. Вон, кстати, дожили — по советскому (!) радио намедни передавали песню “Amol iz gevén a majse”, и я понял в ней почти всё, даже “майсэ”, за шо спасибо одесской песне “Гоп-стоп”.

Диктор объявляла названия станций, но я не слышал ничего — всецело был захвачен расшифровкой.

Так. Идём логическим путём. Группа германская, из неё я понимаю только немецкий. А как по-немецки будет про пролетариев, как там у Маркса в оригинале? “Proletarier aller Länder, vereinigt euch!”, я это сто раз в Германии видел. Предположим, что это оно и есть и подставим в формулу лозунга известные мне пять букв.

Получалось вот что:

Йоу, гипотеза оказалось верной!! “Proletarier” полностью совпало: две e и две r стояли на своих законных местах, а это значит, что после “пролетариев” у меня появились буквы p, o, l, t, a, i.

Yes! Значит, a и o передаются одной и той же буквой (будущий “алеф”), только одна с диакритикой (будущий “комец”), а другая без. “Ломед” красиво выступает

над строкой, а “йуд” такая мелкая, что мне показалось, что выражение “ни на йоту” должно больше подходить к еврейскому “йуду”, чем к греческой “йоте”. Хотя и “йота” тоже маленькая.

“Lender” подтвердило предыдущую гипотезу и дало мне n. А с глаголом в императиве разберёмся позже. **Главное, что я нашёл ключ!**

Вышло так, что Марксов лозунг оказался для меня “Розеттским камнем” для идиша. Себя же я гордо ощущал едва ли не Шампольоном XX века.

> Розеттский камень — фрагмент стелы, найденной в Египте во времена Наполеоновских войн. На нём выбиты три параллельных текста: на древнегреческом и египетском двумя системами. Эти параллели позволили французскому лингвисту Жан-Франсуа Шампольону оттолкнуться от хорошо известного древнегреческого и расшифровать египетские иероглифы.

Чёрт, не находилось только “aller”. В немецком “aller” стоит в генитиве, значит, и в идише так же должно быть. Или нет? Параллель с немецким же не полная, должны же быть у идиша особенности. “Ale” у меня было, плюс какое-то слово из трёх букв стояло перед “ale”, но какое? Моё “ale” — это однозначно номинатив, но что должно указывать на категорию принадлежности? По всей видимости, как раз это слово из трёх букв, и это точно предлог. Должно быть что-то типа немецкого “von”. Моё “פון” не подпадало под “von” — не совпадала финальная n (в “lender” n писалась по-другому), да и расшифрованная אָ (гласная o) отсутствовала, на её месте стояла та самая кочерга, но одна.

Твою дивизию...

— Чё расселся? — над ухом прогремел властный голос бабки с красной повязкой, дежурной по станции. — Наркоман что ли? Приезжий? Выходим!! Конечная!!

Ой, чёрт, “Красногвардейская”! Я проехал свою станцию. Я сел на лавочку в центре зала и продолжил свой увлекательнейший лингвистический квест.

Тут я вдруг вспомнил, как начинаются радиопередачи “Голоса Израиля” на идише: “Isrojl Audiciye fun Ierušalajm”. “Fun” — вот он мой предлог! Что ж я раньше не допетрил, дубина? Ура! Я пробежался по газете и удивился, насколько часто встречается “פון”, почти в каждом предложении. Ага-а-а! Значит, категория принадлежности (“всех стран”) передаётся в идише не синтетически (падежом, генитивом), а аналитически — предлогом. Отлично! В копилку дешифратора добавились f и u. Только с n были непонятки: почему n не идентична в “lender” и “fun“? Может, потому, что в “fun” n в конце слова стоит? Так и оказалось: на следующий день я выявлю все пять букв еврейского алфавита, которые пишутся по-особенному в финальной позиции.

Пока же выходило так:

У меня уже появилось целых 14 букв (“алеф” с “комецем” и без, “вов” одиночный и удвоенный, “долес”, “аин” мой любимый ♡, “фэй”, “гимл”, “йуд”, “ломед”, “нун”, “пэй”, “рэйш” и “тэс”). И я принялся “читать” газету.

Реклама спектакля “Тевье-молочник” (с картинкой) дала мне слово “milhiker”, а с ним я пополнил копилку буквами m, h и k. Легко узнаваемое с помощью немецкого местоимение “undzer” (“наш”) дало понимание непроизносимых начальных гласных и подарило букву z, которая, в свою очередь, помогла выйти на последнее слово в лозунге — “zih”. Не “euch”, как в немецком, а неизменяемая по лицам и числам “zih” наподобие неизменяемой польской возвратной частицы “się”. Есть такая партия! Нет таких крепостей…

Я всё меньше расшифровывал и всё больше *читал* “Der Veg”, и каждое новое предложение или давало мне новую букву, или подтверждало / опровергало начальную гипотезу. По кирпичику складывалась Система. Несколько гипотез оказались ложными, что было абсолютно нормально в научном демарше, коим, безусловно, явилось моё неожиданное занятие в метро.

Неприступная ещё полчаса назад крепость “Идиш” сдавала мне свои бастионы один за другим, как падающее домино, а каждая новая находка приносила мне огромное интеллектуальное удовольствие и упоительную сладость победы. Подобно триумфатору, я входил в дивный город, стены которого оказались совсем не такими уж и неприступными.

> Позже, когда я продвинусь в изучении идиша, я пойму и оценю стройность его грамматической системы, его адаптативность к гебраизмам (“ksive”, “šabes”) и особенно к славянизмам (“ozere”, “že”, “kolvirtnik”), его удивительную мягкость и “домашность”: не зря у идиша есть особое, нежное прозвище — “máme-lošn, мамин язык” в отличие от строгого “lošn-kójdeš, священный язык”, которым называют древнееврейский.
>
> Ещё позже я дойду до чтения адаптированного Шолом-Алейхема в оригинале и продолжу восхищаться певучестью и такой не свойственной германским языкам теплотой этого удивительного языка (фламандский с африкаансом отличные, но металлический немецкий и

> бесцветно-никакой беднейший английский ни в какое сравнение с идишем не идут).
>
> Ещё позже я узна́ю, что не я один попал под очарование мамэ-лошн. Например, известный пианист Евгений Кисин стал идишистом (в свободное от рояля время), он пишет на выученном с нуля идише стихи, прозу и статьи.
>
> И ещё позже идиш окажет сильное влияние на мой жалкенький немецкий: я начну повсеместно употреблять неопределённый артикль “a” вместо “ein(e)”, перестану употреблять “den” в аккузативе, сильно упрощу фонетику[43].
>
> Немецкоязычные швейцарцы, по жизни изъясняющиеся на чудовищных диалектах, сломают голову, силясь понять из какой именно глухой швейцарской деревни я родом с такой дикой речью. А что, brider, надо было “Der Veg” читать, и вы бы так же научились.

Шагая от своей станции метро, я мысленно переводил на еврейскую графику окружавшие меня надписи, типа “Авангард” (получалось “אוואנגארד”). Ещё утром я был ещё ни в зуб ногой, ни сном ни духом, а сейчас вдруг неожиданно и случайно освоил новый алфавит.

Надо Леониду рассказать! Мы с другом Лёней придумываем новый язык (проект называется **“Кирилл и Мефодий”**), но графика в нём кириллическая, чтобы на машинке печатать можно было, а тут настоящий язык. Наш с Лёней язык прекрасен (“ҳамаа барлық”, “хапық дуанэ”), но его понимают на свете только два человека, я и Лёня, а идиш-то — реальный!

Недавно Лёня перевёл на наш язык песню Цоя, а я, не желая отставать, перевёл “Поезд в огне” БГ:

> Полкан-бай Уасин атвик фронтага
> Авек яуна дуана.
> Полкан-бай Уасин шаук саво орда:
> “Эй, ша милитэр-туфта!
>
> Ша бомба, ша форма, ша психо-атак:
> Ша милитық, мужланэ!
> Айда барлық ин Борисово-лак,
> Айда хапық дуанэ!”[44]

Меня окликнул друг Аркаша, предложил прошвырнуться по району:

— Давай к школе сходим, может, встретим кого, поболтаемся, поржём. Мяч могу вынести: соберём шоблу и в “козла с точкой” сыграем, на расстрел. На худой конец, помойку подожжём. Вон у тебя уже газетка для розжига есть. Что это? Выписал что ли уже?

Мы как раз собирались оформить подписку (см. §2.5.55) другу Араму на “Советакан Карабах” на армянском.

— Не, это другое, — ответил я. — Тут как раз про тебя статья, как ты по улицам шатаешься и уроки не делаешь. В рубрике “Не проходите мимо”.

---

[43] e.g.: Mir nehmen “Dem Spiegel”, a Croissant un zwéj Bublički, e-e-e… Béjgelech mit Mohn. Un a Paketl “Marlboro”

[44] Слова песни разбираются и понимаются без особого труда при *внимательном* чтении. Ударения очевидны из стихотворного размера песни. Фонетика, в основном, славянская.

Аркаша покрутил в руках “Der Veg” и вернул мне его без комментариев. Слишком хорошо он меня знал, чтобы так глупо повестись.

— У тя пожрать есть чё, Аркан? — спросил я друга, когда мы зашли к нему за мячом. — Щас кончусь, последние минуты живу.

Аркаша махнул рукой в сторону стола, и я смёл с него всё органическое.

И мы пошли играть в “козла”.

* * *

Спустя несколько дней, сдавая книги в [детской ещё] районной библиотеке, я не поленился и взял в читальном зале том Большой советской энциклопедии со статьёй о еврейском квадратном письме. Радости не было конца, когда я убедился, что я правильно расшифровал абсолютно все буквы идиша, включая диграфы, передающие звуки č и ž. Невзломанными остались только дифтонги-диграфы ej, aj и oj, но я *в принципе* не знал, как должны произноситься слова типа “šejn” (“красивый”), “šajn” (“блеск”) и “šojn” (“уже́”), поэтому тут без шансов, поэтому простительно.

Кроме того, и гебраизмы без знания иврита взломать было невозможно — “хес”, “тов” и “син” с левым “дагешем” к германскому идишу отношения не имеют. Зато благодаря алфавиту в БСЭ я понял, как точно произносится последнее слово в лозунге из “Манифеста” и тем самым поставил финальную точку в своей расшифровке:

Proletarier fun ale lender, farejnikt zih! — идиш.

Proletarier aller Länder, vereinigt euch! — немецкий.

Последний кусочек пазла стал на своё место.

Когда некоторое время спустя в синагоге на Архипова мне подарили свежий “Биробиджанер штерн” и несвежий “Советиш Геймланд”, я уже без особого труда, хотя и очень медленно, мог читать и кое-что понимать. Только вот одно плохо — после таких упражнений всегда страшно хотелось есть: энергозатраты огромные, когда мозги на форсаже работают. Поэтому добрый совет — прежде чем займётесь подобными расшифровками, поешьте хорошенько!

2024-Mar-26

2.5.34 В сантиметре от

Что ни фильм, то стрельба и патетические речи героев под дулом пистолета. Как плоско, как неинтересно!

А интересно было у меня, в начале нулевых, в Бельгии. Я одно время ходил с друзьями в гражданский стрелковый клуб, поддавшись их уговорам. Обычная спортивная дисциплина, олимпийская даже. Начал с револьвера, потом перешёл на пистолеты и винтовки (простенькие, конечно, не штурмовые). Научился обращаться с огнестрельным оружием, к которому был всегда равнодушен, с удивлением обнаружил, что от природы стреляю метко, хотя по-прежнему (как и в теннисе (§2.5.23), как и *во всём*) не стремлюсь соответствовать чьим-то канонам и делать “как надо” — технике я всегда предпочту импровизацию. Кольт и Глок оказались слишком тяжёлыми для меня, но вот классическая Беретта 92 показалась просто естественным продолжением моей

руки — она лежала в ладони как влитая. Я хотел купить себе такую Беретту, но не купил, и об этом — отдельная поучительная история (§2.5.35), иллюстрирующая лицемерие и ханжество нашего общества.

Важно совсем другое. Ты понимаешь, что у тебя в руках не спортивный снаряд, а — **смерть!** Нажал на курок — высвободил энергию 578 Дж, которая войдёт в цель с давлением сотен МПа. Ни разу не шутка.

Однажды на огневом рубеже, в отдельном боксе пустого тира, наедине с самим собой, я рутинно заполнил барабан револьвера всеми патронами и взвёл курок для очередного выстрела. Когда курок взведён, то для выстрела достаточно слабого нажатия на спусковой крючок. Невзведённый курок револьвера — это большое усилие на палец, а при взведённом курке малейший мышечный рефлекс вызовет срабатывание спускового механизма.

Мне надоело снова механически работать по мишеням, и я заскучал. Вдруг ни с того ни с сего мне стало очень любопытно узнать, чтó я почувствую, если я окажусь **с другой стороны ствола**. Ну да, кстати, каково это? Как проверить-то?

Снял наушники, вслушался в звенящую тишину пустого тира. Там, наверху, в стрелковом клубе сидели люди, балагурили, пили “Leffe” и “Hoegaarden”, фламандцы хвастались перед валлонами своими продырявленными мишенями и обсуждали грядущие соревнования, а у меня в подвале было оглушительно тихо: только я и револьвер. Медленно и осторожно, на вытянутых руках я наставил заряженный, взведённый револьвер на своё лицо, чуть выше переносицы, держа большой палец на спусковом крючке. Я некоторое время смотрел вглубь смертоносного ствола. Я понимал, что оставался от смерти на расстоянии своего неконтролируемого мышечного рефлекса, который мог бы случиться помимо моей воли.

> Мы все иной раз вздрагиваем во сне, а то и наяву. Но если вдруг такой же импульс пойдёт сейчас в мой палец, то что будет? Понятно, что. Тогда я не то что не успею сказать adieu — я даже не успею осознать, что произошло.

Я быстро получил ответ на свой вопрос “Что бы я почувствовал?” и очень многое понял в эти леденящие душу мгновения.

Глядя в ствол смерти, ты мгновенно прокручиваешь в своей голове всю свою жизнь: от первого воспоминания на набережной Робеспьера до этого револьвера в этом подвале в Валлонском Брабанте. Когда ты смотришь в зловещую черноту ствола, твои 32 года сжимаются в сингулярность. Ты мгновенно понимаешь, что в жизни важно, а что туфта; что проблема, а что нет. Мысли собираются, как рассыпанные металлические опилки на электромагнит. Тебе становится действительно страшно, ты пронзительно осознаёшь ценность жизни (хотя и раньше в ней не сомневался). Это чувство заряжает тебя на, может быть, полжизни вперёд, обеспечивая тебе эталонно здравый взгляд на вещи и железную, непробиваемую психическую устойчивость, как у космонавта.

Ночью я не сомкнул глаз от пережитого, и на следующий день я решил повторить этот вчерашний спонтанный эксперимент под чуть другим углом, и уже с пистолетом, с любимой Береттой, которую я обычно выбирал в арсенале тира. Снова повезло, что на огневом рубеже никого не было.

Я расширил свой эксперимент, заменив зрение осязанием. Я вставил в волыну полный магазин, снял её с предохранителя, передёрнул затвор, выпустил первую пулю в мишень, но от волнения не попал даже в стенд. Посомневался секунду, глядя на свежую гильзу, но всё-таки любопытство перевесило: я

наставил заряженный и взведённый пистолет на свой правый висок и осторожно положил указательный палец на спусковой крючок. Это оказалось полегче психологически, чем вчера с револьвером: ты хотя бы не видишь, откуда может вылететь пуля, но холод стали на твоём виске очень тебя отрезвляет! Дурь из головы вылетает мгновенно. Запах металла, оружейного масла и пороховой гари из ствола приводит все мысли в порядок и заряжает тебя жизнелюбием на десятилетия вперёд.

Ты входил в тир обычным человеком, а выходишь из тира философом. И ещё долго, тупо, отрешённо сидишь в машине прежде чем запустить двигатель. Поняв многое. Поняв, возможно, главное.

И после всего этого ↑, когда я смотрю на голливудское кино с дискутирующими героями, на которых наставили заряженное оружие, я смеюсь и перематываю эту ботву дальше. Нет, ребята! Вряд ли бы кто-то произносил пламенные речи после того, как тихо и жутко щёлкнул взводимый курок у его головы. Он страшен, этот тихий-тихий щелчок — ты понимаешь что от бойка до капсюля сантиметр-два, пружина напряжена, и этот сантиметр и есть длина твоей жизни в этот момент.

Я слышал этот щелчок! Я ведь только что своими руками вставил в магазин 9-миллиметровый свинцовый люгер, ещё тёплый, и вот теперь он уже в канале ствола, наставленного на мой чайник, готовый вылететь при любом неосторожном движении. Я знаю именно этот патрон, мои пальцы помнят его и пахнут им. Мы с ним, подлецом, знакомы. И холод взведённого пистолета на виске — это, поверьте, очень страшно.

В общем, ответ на вопрос получен. И с меня хватило. “Я не хотел бы вновь встретиться с той козой”.

⚠ ВНИМАНИЕ! ПОВТОРЯТЬ МОИ ЭКСТРАВАГАНТНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ НАДО, БОЖЕ ВАС УПАСИ! Можете поверить мне на слово или нет, но, прошу, **не пытайтесь повторить!** Не дай бог напугает кто-то в разгар “эксперимента”, рука дёрнется и — ага. Нет, пожалуйста. Лучше-ка вы перематывайте киношные сцены с наставленным на людей оружием. Отвечаю, по собственному опыту — это **полная лажа**, не достойная вашего экранного времени.

(2025-Jan-02)

2.5.35 Запрещалкины

В начале нулевых по Бельгии прокатилась волна homejacking — глубокой ночью вооружённые люди тихо подламывают дверь, входят и шерстят по дому в поисках ценностей, пока хозяева мирно спят. Двоих друзей так подломили, а в одном случае гадёныши зашли с фонариками прямо в комнату, где спали хозяева.

Я пошёл в полицейский комиссариат за советом:

— Как быть-то? — спросил я у скучающего дежурного офицера с погонами первого инспектора о двух звёздочках. — Наверное, надо сразу вам звонить, шёпотом вызывать наряд, чтобы вы взяли гадёнышей на месте преступления?

Над столом первого инспектора висели портреты строгих, но добрых короля Альберта Второго и королевы Паолы.

— Nee, ни в коем случае! — отрезал первый инспектор. — Это опасно. Вам надо положить на тумбочку у входной двери кошелёк, ключи от машин и пару сотен евро купюрами, чтобы взломщикам их было видно. Они возьмут всё, что им надо и не будут подниматься наверх и рыскать по комнатам.

— Шоколадку, может, ещё положить? — съязвил я, ошарашенный ответом. — “Côte d’Or” нормально?

— Nee, — офицеру не понравился мой сарказм. — А как только они уедут на вашей машине, сразу звоните нам!

— Зачем? — удивился я.

— Ну так, для порядка. Зафиксируем, дело откроем.

“Очень своевременная книга”...

— А что, господин первый инспектор, если я получу разрешение на оружие? — спросил я, ещё не растеряв остатки наивности. — Я посещаю стрелковый клуб, там можно б/у пистолет купить. Получу разрешение, а в час X я защищу свой дом. Припугну, удержу воров, вызову вас, вы их и упакуете.

Офицер смотрел на меня с жалостью.

— Гадёныши-то вооружены, а я нет, — продолжил я. — Вторая поправка к Биллю о правах — она у нас в какой-то форме существует?

— Не существует, — рассмеялся полицейский, — мы не в Америке, слава тебе господи. На территории Королевства запрещено применять оружие для защиты дома.

— То есть, вы не приедете, а сам я защищаться права не имею, так? И что мне делать-то?

— Я вам всё объяснил, Mijnheer ~~минхерц~~. До свидания.

* * *

Вечером в стрелковом клубе я поделился с барменом-распорядителем свежими впечатлениями от услышанного в комиссариате.

— Полицейский правильно тебе сказал, — спокойно ответил мне распорядитель, — ты не имеешь права на самооборону без прямой и доказуемой в суде угрозы твоей жизни. В разгар ограбления менты к тебе не сунутся, это ежу понятно. Ты можешь выкупить у нас свою любимую Беретту, которую всегда берёшь напрокат, за 400 евро отдадим тебе, но это тебе не поможет.

— Почему??

— Закон такой. Можешь подать запрос на владение огнестрелом. Полгода будут тебя мурыжить: справка от врача, психологические тесты, потом экзамены в полицейском тире на обращение с оружием. Оплатишь пошлины и месяцев через 10 получишь разрешение. Ты в доме живёшь или в квартире?

— В доме.

— Тогда ты должен будешь хранить разряженый пистолет на одном этаже, а боеприпасы на другом. Менты в любой момент дня и ночи могут нагрянуть с проверкой, как ты хранишь оружие. Права на ношение у тебя не будет, поэтому когда едешь в стрелковый клуб со стволом, ты должен будешь положить пистолет без магазина в кофр. Ствол пустой, магазин тоже заполнять нельзя. Кофр закрыть на ключ и в бардачок. Бардачок тоже на ключ. Ключи в разные карманы. Патроны отдельно от кофра, в багажнике. Маршрут может быть только

дом-клуб-дом, никаких отклонений и остановок. И никогда, ни при каких условиях ты не сможешь даже собрать пистолет за пределами тира, не то что применить или даже пригрозить им.

— А если “угроза жизни”, как ты говоришь?

— Тоже не вариант: годами будешь под следствием и проведёшь полжизни в судах, доказывая, что ты не превысил пределов необходимой самообороны, что ты адекватно их оценил и всё соотнёс.

— “Адекватно оценил” спросонья в три часа ночи??

— C’est la vie, mon ami.

Я был в шоке во второй раз за день.

— Есть один вариантишко, если шо, — вдруг изрёк сидящий рядом со мной за барной стойкой мужик.

— Какой вариантишко? — встрепенулся я.

— Не знаешь? — удивился мужик. — Северный вокзал называется. Едешь в Брюссель на Северный (Южный или Схаарбеек тоже в теме), трёшься там морда кирпичом — вроде, как интересуешься чем-то, а, вроде, и нет. Вроде, как надо тебе что-то, а вроде, и нет. Люди, которые на суете, к тебе присмотрятся и, возможно, подойдут. Если не в первый день подойдут, то во второй. Спросят, чё надо, оценят тебя на вшивость, и если сочтут тебя нормальным пацаном, то уйдёшь вечером со своей Береттой или что ты там любишь. Ещё дюжину люгеров тебе насыплют от щедрот, если не полезешь к ним с вопросами. Беретта будет родная, итальянская, а патроны наши, эрстальские.

> Herstal — оружейная столица Бельгии, родина Карла Мартеля и не менее знаменитого внука его — Карла Великого.

— Это легально? — спросил я.

Собеседники весело рассмеялись:

— Ты что, дурачок, приятель? Вчера родился что ли? Тебе сколько лет — три?

— Нет, 33.

— Тогда не задавай идиотских вопросов. Ребята с Северного тебе что угодно подгонят и справку от врача не потребуют, и имя твоё не спросят. Даже номера сбиты не будут, пистолет будет в заводском масле. Попросишь — номера собьют за сотку сверху: любой каприз за ваши деньги. В наш клуб ты с левой пушкой, конечно, прийти не сможешь, но оружие у тебя будет в тот же день. Хочешь, в лесу стреляй по банкам, хочешь дома под подушкой держи. И никто никогда не прознает.

— И во что, к примеру, чисто теоретически, мне встала бы та пушка с Северного? — я представил себе баснословный бюджет в десятки тысяч евро.

— Беретта 92? Ну, 500 евро примерно, если поторгуешься.

— Что-о-о-о? Пятьсот евро?? Та же цена, что и за легальную Беретту из клуба??

— Ну да. Беретту твою девяносто вторую, может, подождать придётся, она непопулярная, а так у них есть всё, что было в ходу в Югославии, в Косове, в Руанде, в Бельгийском Конго. Могут и посерьёзнее что-то достать под заказ.

— То есть, Messieurs, я правильно понимаю, что легальный пистолет — это 400 плюс врачи, пошлины, экзамены и вечный контроль, а нелегальный — это сразу же оружие без экзаменов и лишних формальностей? И даже дешевле выйдет?

— Ну да. Ты что, не догоняешь? Так устроен мир. Откуда, по-твоему, оружие у home-jacker'ов и у всех остальных пассажиров? Святой Николай им подарил?

Мои собеседники расхохотались своей шутке.

— Там у них что, прямо там на вокзале оружейный арсенал? — спросил я, ещё витая в иллюзиях.

У них уже не было сил потешаться. Сказали серьёзно:

— Нет, конечно. Ребята на вокзале стерильные, за ними же полиция следит без всякого, впрочем, результата. Они пошлют пацана бегунка, тот метнётся куда-нибудь в Андерлехт, Моленбеек или Схаарбеек, а вокзальные тебе потом шепнут адрес какого-нибудь сквера, где клумбы, фонтанчики и мирные мамаши с колясками. Там ребята и передадут тебе покупку в коробке из-под обуви средь бела дня, не сказав ни слова. Разуй глаза на реальность!

Я выглядел полным дураком перед соклубниками и заметно поднял им настроение своей наивностью.

Расклад получался такой:

Легальное оружие	**Нелегальное оружие**
твоя личность известна властям, ты на контроле, оружие зарегистрировано	полная анонимность, никто не знает ни об оружии, ни о тебе, даже торговцы
медицинский тест	никакого теста
психологический тест	никакого теста
экзамен в полиции	никаких экзаменов
полицейский контроль за хранением	никакого контроля
пистолет всегда разряжен и разобран	пистолет всегда заряжен и готов к бою
ждать оружие 10 месяцев	ждать оружие несколько часов
плата за тесты и лицензию	бесплатно
цена вопроса: > €500 за подержаный (пистолет + оформление)	цена вопроса: €500 за новый, всё включено
уголовная ответственность за применение вне тира	уголовная ответственность за владение и за применение

Три аксиомы:

① Гадёныши всегда вооружены — это данность, нравится она нам или нет.

② Гадёныши не разоружатся никогда — вторая данность.

③ Полиция под пули не полезет, дурных нема — данность третья.

Мы беззащитны — по закону. Они вооружены — по определению.

Так почему же мы, хорошие люди, должны быть беззащитной жертвой плохих людей? Почему за свою законопослушность я должен становиться жертвенной овечкой?

Вариантов два:

① Поднимать лапки перед гадёнышами и задабривать их шоколадкой — это не просто сдаваться перед злом, это намеренно поощрять зло и умножать его (завтра безнаказанный, бесстрашный гадёныш пойдёт взламывать соседа, а послезавтра — тебя). Это неэффективный и унизительный вариант.

② Второй вариант: поставить злу заслон, пресечь его. Как? Способ один — позволить хорошим людям вооружиться — и тем самым **уравнять шансы**. Взломщики застремаются, прежде чем вламываться к тому, кто потенциально может дать отпор. Видеть взведённый, нацеленный на тебя пистолет — это очень страшно, поверьте (см. §2.5.34). Это отрезвляет мгновенно.

Кто-то, может, и прогнётся перед налётчиком, но я не собираюсь: с какой это стати? Терпил нема. Злу надо противостоять, а не потворствовать ему. Да, это неприятно. Да, не хочется ручки марать. Да, прискорбно, что зло существует, но это данность — зло не искоренить увещеваниями и благомечтаниями. Дождь тоже неизбежен, но у нас есть зонты. Есть столбняк, но есть и сыворотка от столбняка.

Однако же нам, хорошим людям, власти не позволяют защитить себя: “мало ли шо?” Вместо защиты полиция предлагает нам прослушать песню “We Are the World, We Are the Children” и выложить на блюдечке ценности для вооружённых взломщиков.

Mr Bean imitating having a gunВ Швейцарии, в Израиле, на Юге США, где у людей хранится дома огнестрельное оружие, злоумышленник подумает 10 раз прежде чем вламываться к хозяевам посреди ночи и получить высокую вероятность услышать звук взводящегося затвора из темноты. А в стерильной, красивой Бельгии злоумышленник знает, что максимум того, что он увидит, будут испуганные лица хозяев и сложенный из их пальцев пистолет: “Пу!”

Если вы, власти, не защищаете нас, так дайте уравнять шансы — это справедливо. Равные шансы — это свобода и человеческое достоинство. А там посмотрим, кто лучше стреляет: у меня были очень неплохие результаты.

И ладно бы только огнестрел. **Проблема запретов гораздо глубже.**

Пока есть спрос, будет и предложение, только в довесок к нему неизбежно пойдёт мафия и насилие, потому что есть уголовная статья и обусловленные ею сверхприбыли.

Организованная преступность в США (все эти “крёстные отцы” и пр.) была порождена одной вещью: дебильным Сухим законом, написанным святошами от христианства. От этого идиотского запрета мгновенно сложилась рыночная цепочка по формуле:

$$\text{Спрос} = \text{Предложение} + \text{Мафия} + \text{Насилие}$$

Запрет неизбежно порождает мафию и насилие. Вы запретили вещества? Вы получили вещества + мафию + дикую преступность. Запретили проституцию? Получили проституцию + мафию + торговлю людьми. Законодательно криминализируйте ещё что-нибудь, и вы неизбежно получите то, что криминализировали + чёрный рынок + мафию. Это же очевидно!

Пабло Эскобар и Медельинский картель были порождены не их дьявольским умыслом (они были люди как люди), а государственным запретом, дающим сверхприбыли для мафии. Продавался бы их продукт в аптеке как обычное химическое соединение для желающих (его себестоимость копеечная), и ни один волос ни с чьей головы бы не упал: редкие желающие купили бы, заплатив государству, а не мафии, 99% нежелающих прошли бы мимо, а Пабло Эскобар работал бы учителем труда в медельинской школе и ходил бы по воскресеньям к мессе. Каждый же может купить нож, чтобы вскрыться или ацетон, чтобы отравиться, так почему он не может купить объявленые запретными x или y? Почему эта простая истина очевидна только немногочисленным либертарианцам и больше никому??

> Провёл независимый анализ, сопоставляя статистику употребления веществ в Европе и [не]легальностью их употребления. Корреляцию не обнаружил. Среди лидеров потребления в Европе — Франция, Италия и Финляндия, где запрещено вообще всё. Относительно либеральный Люксембург: на душу населения употребление там в 2 раза ниже, чем в драконовской Франции. Вывод: запретительные меры не работают. Это и без анализа было очевидно.

Табак не запретили, и проблем не возникло: хоть обкурись, как Волк в “Ну, погоди”. Вы, власти, по-свински обложили налогом табак (в Лондоне пачка сигарет стоит ±$22: в каждой пачке сигарет 90% цены это акциз). Спрос никуда не делся и не денется, но, по крайней мере, нет табачной мафии и насилия вокруг табака. Так же и с остальным: легализуйте, лицензируйте, контролируйте, взимайте налоги со спроса. *Управляйте* процессом, а не запрещайте, как близорукие идиоты.

Запрещалкины приводят их главный **контраргумент**: как только ты легализуешь, как только ты заберёшь монополию у государства, то все мгновенно перестреляют друг друга и обколятся вусмерть. Аргумент шумный, но несостоятельный. Вспомним Европу XIX – начала XX века — легально всё: оружие, вещества и дома терпимости. Ни один нормальный чел не выйдет на улицу без шпаги. Разводиться почему-то нельзя, а всё остальное норм. И что, мы наблюдаем какую-то безудержную вакханалию, потому что “всё дозволено”? Нет, не наблюдаем, потому что общество саморегулируется без государственных запретов — на твою шпагу найдётся другая шпага. Да, застрелили эрцгерцога в Сараеве в 1914-м, но такие же гаврилы принципы застрелили и Улофа Пальме в стерильной Швеции в 1986-м, и никакой запрет на оружие им не помешал. А Брейвик? Решился бы он на то, что сотворил, если бы знал, что у кого-то на острове тоже может найтись ствол в кармане? А он *знал*, что безоружные люди ему не ответят, оттого и расстрелял 77 человек и ранил несколько сотен. Никто Брейвику не имел права ответить, и он, гад, это прекрасно понимал.

Есть и ещё один неприятный момент: **ханжество и трусость**. Люди думают, что если они закроют глаза и на проблему, то она рассосётся сама собой — лишь бы ручки не пачкать, лишь бы не я, а кто-то. Но интересно, что ханжи скажут, когда ночью в их же спальне их ослепят фонариком и наставят на них пистолет?

> Уже в эпоху политкорректности я знавал одну личность, которая не пускала на порог кошку только потому, что кошка “хищница” — она же мышек убивает: ах-ах-ах, как нехорошо, отняла душу у мышки: а ну, кошка хищница, геть отсюда! Это добренько и красивенько, но это глупо и неэффективно.

Защищать и ограждать надо только две категории граждан: несовершеннолетних и недееспособных. А взрослые люди сами разберутся, что для них хорошо: выпить ацетон или стереть им лак. Кому надо достать запретное, тот всегда его достанет. Вопрос только, какой ценой и за чей счёт.

Согласен —— вся эта проблематика сопротивления насилию очень неприятна. Куда как лучше было бы, если бы было как у Леннона в “Imagine” или как у Исайи: “и перекуют мечи свои на орала”[45], “и барс будет лежать с козлёнком”[46]. Не перекуют. И не возляжет. А если государство не защищает меня от ночных взломщиков, так дайте мне защититься самому. Не можете помочь, так не мешайте хотя бы.

2026-Jul-05

2.5.36 Возраст 50+ в глазах социума

Каждую секунду мы стареем. Я пока не вижу объективных признаков своего старения, кроме внешности. Я стал быстрее и лучше соображать, я мыслю глубже и объёмнее. В свои 53 я чувствую себя лучше, чем в 30, хотя спортом никогда не занимался, а образ жизни оставляет желать, мягко говоря. Стал выносливее, случайно, ничего для этого не сделав. Сегодня я собой доволен больше, чем 30 лет тому назад.

Вскидывание по ещё не случившимся, гипотетическим неприятностям сменилось олимпийским спокойствием, а максимализм сменился пониманием.

Это хороший возраст, когда первые проблески разума уже начинают робко прорисовываться, а силы ещё на отметке 100%. А, нет, не 100%, а 99%: дальнозоркость недавно появилась.

Уже + ещё = перенахлёст двух отрадных вещей на шкале настоящего времени. Жаль только, что времени впереди осталось немного, многого не успеть.

Мои вкусы не изменились. Я по-прежнему, как и в 20 лет, люблю заднеприводные универсалы на ручной коробке и с усмешкой смотрю на кипеж вокруг "брендов" и "статусности", однако же **потрясает реакция общества на мой возраст 50+!** С недавних пор практически все мои вкусы, точно такие же как и 30 лет назад, социум объясняет исключительно возрастом и ничем иным! Словно один только возраст определял бы образ мысли человека и был бы единственным объяснением всего.

Любовь к заднеприводным машинам на ручке:

- В 40 слышал: "Ну конечно, ты истинный ценитель вечной классики! Автомат — он для тех, кто не умеет водить".
- В 53 слышу, вербально или невербально: "Ну конечно, это понятно, ты же старик".

Индифферентность к брендам и статусности:

- В 30 слышал: "Свободный взгляд свободного от условностей человека. High five, man!"

[45] Ис. 2:4

[46] Ис. 11:6

- В 53 слышу или читаю между строк: "Ты лох. В твоём возрасте давно пора соответствовать".

Забыл паспорт:

- В 25 слышал: "Ха-ха! Прикольно".
- В 53 слышу: "Склероз?"

Приверженность критическому мышлению и независимости суждений:

- В 30 слышал: "А как же иначе?? Конечно! Всё осмысливаем, всё проверяем, а иначе зачем голова нам дана?"
- В 53 слышу: "Чё ты ворчишь всё время, вопросы какие-то задаёшь? Сказали тебе делать так-то, значит, делай так и не бухти".

Восхищение "Реквиемом" Моцарта:

- В 30 слышал: "Банально, но резонно. Вершина всех вершин!"
- В 53 слышу: "Ну да, правильно, пора о душе подумать".

Ногу свело:

- В 43 слышал: "Забей, фигня, погнали".
- В 53 наблюдаю снисходительный, сочувственный взгляд на обречённую развалину и ничего на это не слышу.

Так реагирует толпа. Но толпе невдомёк, что моим ценнейшим приобретением последнего времени стало полное безразличие к её, толпы, мнению обо мне. Если раньше мнение толпы мне было фиолетовым, то сейчас оно утратило и категорию цвета.

☝ Вы, мои друзья и читатели, кто младше меня лет на ≥10, будьте готовы к такой же одномерной оценке обществом вас, когда вам будет 50+. Если столкнётесь с таким же феноменом одномерности, то не удивляйтесь новому отношению социума к вам — я вас предупредил.

Запомните этот пост — вы согласитесь (или не согласитесь) со мной, перечитав его в **ваши** 50+.

декабрь 2025

2.5.37 Об обиде

Некоторые вещи я чувствую очень тонко. Иной раз думаешь, вот на фига так тонко, это же так мешает, лучше бы жить без этого гембеля и спать, как младенец.

А некоторые вещи я не чувствую вообще — не дано. Одна из таких не доступных мне вещей — чувство обиды.

Обида — это та реакция, которую от тебя ожидает обидчик. Он программирует тебя на неё. Он как бы говорит: "Дважды два..." — но ты не принимаешь его игру и не отвечаешь ожидаемое им "четыре" или даже издевательское "три с полтиной". Ты просто смотришь на него с улыбкой и отвечаешь "хорошая погода". Или ничего не говоришь — это ещё лучше. Или спокойно соглашаешься с ним — а это уже совсем выворачивает его наизнанку от злобы. Он бесится, а мой пульс не учащается ни на герц.

Он пускает в меня ядовитые стрелы, а я не уворачиваюсь, стою ровно, я просто позволяю стрелам сломаться и погнуться о свою прочную кольчугу, которая ни разу не пропустила ни одной стрелы. Он же не знает за кольчугу под рубашкой. А она есть.

Мои самоирония, улыбка, полное спокойствие и доброжелательность ломают агрессора, выбешивают его, изматывают. Он осознаёт, что выпущенные им стрелы не достигли цели, и что это он выглядит полным идиотом, а не "оскорбляемый" я. И чем больше он продолжает меня атаковать и жалить, тем веселее мне становится. Я даже не хочу, чтобы он прекращал: мне любопытно, что будет дальше, на что он способен, где предел.

- Вестись на его игру? → Нет ничего глупее этого.
- Объяснять, что это не так? Оправдываться? → Та я вас умоляю. Нет.
- Играть в "обиженку" — "кто первый обиделся, то и прав"? → Омерзительная стратегия.
- Дуться? → Не возникало никогда такого желания.
- Отвечать в ключе "сам дурак" и контратаковать его? → Охота была руки марать.

На "жидовскую морду" в шестом классе я ответил замечанием однокласснику, что у него неправильно завязан галстук. На агрессивный наезд на работе я ответил коллеге наблюдением, что у неё совершенно неузнаваемый голос, когда она кричит.

В равной степени конструктивные и неконструктивные наезды я воспринимаю как ценный материал для размышлений о себе и о высказавшемся.

У меня нет "красных линий". Мне можно прямо в лицо кричать маты на любых языках в адрес меня и родственников до седьмого колена — не сработает. Это всё в песок. Это агрессоры тратят свои нервные клетки, а не я. А мне любопытно. Я просто закрываю для себя целые поля взаимодействия с человеком — о'кей, и эта тема, и эта тема теперь с тобой закрыты — эти поля становятся запретными, а общение обедняется и сужается.

А я делаю выводы. Ага, думаю, вот и до этого ты дошёл: был у тебя только что кредит 100, а вот сейчас уже 90, а сейчас 75. Как же быстро ты теряешь свой капитал, дядя/тётя! Негатива к обидчику нет, а есть жалость. Мне жаль видеть, как быстро он теряет самое главное — мою оценку его.

Многого, очень многого я в жизни не умею. Но с противостоянием этим смешным попыткам "обидеть" меня и уколоть у меня неплохо получается.

октябрь 2024

2.5.38 О правде

Люди не любят правды, в большинстве своём, хотя часто утверждают обратное. Не любят прямоты, искренности, раскрытия себя. **Не любят, когда кто-то осмеливается назвать вещи своими именами.** Люди хотят услышать то, что ожидают. А если слышат альтернативное, пусть и справедливое мнение — чаще

всего напрягаются, а подчас и "канселлируют" правдолюба. Не все, конечно, но большинство, определяющее тенденцию. Такова наша природа.

Обратимся за проверкой этого утверждения к мировой литературе и истории.

Лучший пример — шекспировская Корделия. Она говорит папе ро́дному, королю Лиру, то, что она думает. Ничего ж плохого — она без лести и патоки говорит: "Я вас люблю, как долг велит, не больше и не меньше". А сёстры её тем временем изливаются на приятные отцу дифирамбы, хотя в реале любит папу только одна правдивая Корделия, а не сёстры. И Корделия жёстко поплатилась за сказанную правду.

Редко, кто прислушивается к говорящим правду. Редко, кто ценит feedback и рефлексирует. Ровно наоборот: **от говорящих правду и называющих вещи своими именами дистанцируются**, их отключают и "отменяют". Они неудобны, они лишни, они раздражают, они заставляют подвергнуть критической оценке собственный устоявшийся взгляд, а это неприятно.

Мефистофеля сторонятся, никто его не любит, хотя точнее этого товарища мало кто высказался о нас, грешных. Ивана Карамазова гасят. Каренинский Лёвин тоже далёк от шоколада со своей ненужной прямотой. За Галилея всем известно, хотя всем и очевидно, что он прав. Сократа заставили выпить яду за правду. Иисуса за неудобные взгляды распяли, хотя Он мог бы защититься на обоих судах, просто сгладив Свои формулировки в угоду судьям. Печорин, Эмма Бовари, Ницше, князь Мышкин, Кларисса из "451° по Фаренгейту" — сколько ещё примеров приводить? Могу продолжить, только смысла нет байты тратить — всё сводится к одному и тому же: **говорящий правду неудобен, он должен замолчать**.

Иногда называние вещей своими именами сходит с рук говорящему, но редко. Например, пророк Натан, прямо сказавший царю Давиду: "Ты — тот человек!", имея в виду некрасивую историю Давида по отношению к Урии. Давид, как ни странно, не только не уничтожил Натана, но даже проанализировал своё поведение, осознал и покаялся — молодец. Мужик! Или Балтасар, не наказавший пророка Даниила за нелицеприятную расшифровку надписи на стене (хотя он не успел: просто Балтасару жить оставалось несколько часов). Да, таки бывает без последствий, но редко.

Чаще всего, называние вещей своими именами дорого обходится говорящему. Большинство людей не любят правды и стороннего мнения. Не любят сопоставлять факты, анализировать свои и чужие аргументы, подвергать их критической оценке, не любят смотреть в окно на других и в зеркало на себя.

апрель 2025

2.5.39 О зависти

Я не завидую **успешным** людям. Они любили своё дело, трудились, корпели, рисковали, не ленились и не маялись дурью — молодцы! Пошили костюм престижной марки и продефилировали в нём по Елисейским Полям — это заслуженная награда за их труд.

Я не завидую **богатым** людям. Деньги дают только одно — свободу (которой не все умеют и хотят пользоваться), а карманов в гробу, как известно, нет. "Створка" закроется — и всё.

Я не завидую **популярным** людям. Каждый рождается со своей харизмой: кому какая масть вытянется в колоду жизни, с той и живи.

Я не завидую **молодым**. Мы просто перенахлестнулись по времени в момент t и едем в одном поезде: кто-то раньше сел, кто-то позже сойдёт. Молод‖ой/ая увидит следующие станции, зато я видел предыдущие — мы квиты, каждому досталась своя "створка" и свой билет из пункта "А" в "Б". Неважно, где на схеме линии лежат твои "А" и "Б", а важно лишь, держал ли ты диафрагму своего объектива широкой или узкой, и сколько света прошло через твой объектив жизни, пока створка остаётся открытой, пока ты слышишь стук колёс поезда жизни.

Я не завидую **литераторам**. Признание зависит от хайпа — если Houellebecq или Мураками напишут "Вы все дураки", то это будет широко обсуждаться полгода, а если эту же фразу напишет дядя Петя, то единственным владельцем этой мудрости останется только сам дядя Петя. Слова и мысли ценятся мало — толпе важно только имя написавшего: насколько оно раскручено, сколько книг продал автор, сколько заработал, с какой знаменитостью он сфотографировался в "Vogue"?

А завидую я **астронавтам**, которые слетали к Луне. Я завидую инженерам, ведшим этот полёт. Я завидую учёным, делающим научные открытия во всех областях знаний.

Но больше всего на свете я завидую **музыкантам!** Вот это — космос почище лунного, не доступный мне. Из 12 нот хроматического ряда музыканты могут создавать такие шедевры, шо я вас умоляю. Я восхищаюсь композиторами и музыкантами! Мои зубы стачиваются в крошку, когда я слушаю их.

Не обязательно за виртуозов: простой пример с простой песней — я примитивно сыграл её одним пальцем, и это мой потолок, лучше мне не сыграть, учиться поздновато. А вот садится за рояль маэстро, и та же самая простенькая песня превращается в шедевр даже без слов. Здесь и петь не надо — своим исполнением музыкант уже всё сказал. Как так у него получается?!

А вот это — кто играет: человек или дьявол? Как возможно при такой бомбической технике, исполняя мою любимую 543-ю, передать и свой артистический почерк, и месседж композитора? Это запредел. Это — космос.

Зависть моя музыкантам абсолютна. Она бела, черна и многоцветна. Она безгранична.

July 2026

2.5.40 О людях искусства и науки

Соседи по тихому брюссельскому Тупику Борцов были через одного профессиональными музыкантами в симфонических и камерных оркестрах столицы: скрипачи, альтисты, арфисты. Этакий кусочек старого Брюсселя XIX века и "посольство культуры" посреди невзрачных кварталов эклектичного города. Летом соседи устраивали скрипичные концерты прямо на улице перед нашими домами, только для своих. На весь наш Тупик Борцов растекались Барток и Шостакович.

Друзья из женевского ЦЕРНа занимаются фундаментальными исследованиями: наукой, экспериментами, вычислениями — ищут ответ на самый главный

Вопрос, стоящий перед человечеством: кто мы, что вокруг нас, откуда материя, пространство и время, и шо это уже вообще на минуточку.

Я, чья работа всегда заключалась в выполнении четырёх арифметических действий, надувании щёк и надевании галстука, **дико завидовал людям искусства и науки**. Только эти две вещи — творчество и познание сути бытия — могут мотивировать и зажигать! Только! Мне казалось, что музыканты и учёные должны испытывать дикий эмоциональный подъём от своей работы, что они должны засыпать и просыпаться с триолями на губах и с уравнениями в голове. Я бы на их месте так бы и засыпал, однозначно!

Однако же это было совершенно не так. И музыканты, и учёные относились к своей работе максимально буднично, так же, как и я к своей: "Ну да, ну о'кей..."

"Чё ты такой смурной, потухший? Ты вообще понимаешь, что сегодня вечером в Королевском театре под твоими пальцами будет пламенеть Вивальди?" — спрашивал я зашедших за солью музыкантов, нехотя готовящихся к концерту. "Ну да, отыграю как надо и на боковую, завтра же с утра в "Колрёйт" надо съездить, там скидка на винчик заканчивается", — отвечали они мне.

"Ты отдаёшь себе отчёт, — спрашивал я учёных физиков, — что ты относишься к миллионной доле тех землян, кто понимает самоё суть нашего бытия и пытается его объяснить? Ты осознаёшь, что ты находишься в авангарде человечества?" "Да ладно, — слышал я в ответ, — работа как работа".

Я никогда не понимал этого ответа и вряд ли когда-то пойму.

Не знаю, как бы реагировал я, выбери я себе профессию артиста или учёного. Вряд ли бы так спокойно, как они! У меня был бы пульс под тыщу, если бы я сыграл Первый концерт Паганини или объяснил бы человечеству коллапс волновой функции. Искусство — это единственное, что останется после нас. А наука движет вперёд человечество как вид — есть ли более достойные варианты прожить свой короткий земной век?!

Ладно, чего уж там... Поздняк метаться. Да и поздно уже, спать пора. Завтра ж ещё в "Колрёйт" ехать...

август 2025

2.5.41 О сравнениях и аллегориях

Многие люди не любят сравнений и аллегорий. Само слово **"сравнение"** часто вызывает отторжение, хотя упражнение $a=b?$ можно применить к чему угодно. Важен не сам факт / акт сравнения, а выводы, которые сравнение принесёт.

Сравним воду с камнем. Вывод сравнения: ничего общего, кроме наличия молекулярной структуры и там, и там. Такое сравнение простят, вода не обидится.

А теперь сравним тётю Мотю с Ганнибалом Лектером. Глупо, но точно так же легитимно, воду-то с не пойми чем сравнивали. Вывод сравнения: у тёти Моти с дядей Лектером нет ничего общего, кроме того, что оба они homo sapiens (хоть один из них и вымышленный). Это хороший вывод для тёти Моти? О, это прекрасный вывод — не иметь ничего общего с каннибалом! Радоваться надо такому результату! Но тётя Мотя смертельно обидится: "А-а-а! Он сравнил меня с людоедом!" — и идёт в полицию. А если бы я сравнил тётю Мотю с

Эйнштейном, она обиделась бы от факта сравнения, пошла бы в полицию? Результат-то сравнения $a=b$? в обоих случаях для тёти Моти нулевой.

Сравнить ≠ Приравнять! Если меня сравнят с коровьей лепёшкой, то я буду переживать не за (ф)акт сравнения, а за то, чтобы выиграть в этом непростом соревновании.

С **аллегориями** тоже бывает сложно. Чаще всего, люди фиксируются на деталях аллегории, не видят её смысла и связи с основной мыслью. Я как-то сказал в беседе: "Вот был бы я королём Америки, я бы тогда...", но я не успел довести мысль до конца, потому что мне начали нудно объяснять, что США республика, что такой должности нет и никогда не было, а если бы и была, то стать королём мне всё равно не светит. Нить разговора была потеряна, мне стало неинтересно, мы скомкано распрощались.

Даже **гиперболы и литоты** типа "полжизни" в значении "долго" часто приводят к тому, что иной собеседник начинает высчитывать длину жизни, делить её на 2 и указывать тебе на "ошибку в расчётах". А это была просто фигура речи. Как и в слове "спасибо" не содержится никакого религиозного значения — это просто застывшая форма. Понимание аллегорий — это умение мыслить абстрактно. Кто-то умеет, кто-то нет.

Очень часто использовал аллегории Иисус. На вопросы Он чаще всего отвечал притчами — откройте любое Евангелие: блудный сын, сеятель, таланты и пр. Но Его аллегории были малопонятны Его слушателям, хотя Он как раз-то и хотел, чтобы поняли. Что Он должен был отвечать людям: давать линейные, односложные ответы "да-нет"? Стали бы тогда евангелия литературным памятником?

В общем, жалко, когда иные собеседники подчас фиксируются на пикселях, не видя картины. За деревцами не видят леса.

апрель 2025)

2.5.42 О гордости

"*Я горжусь тем, что я мужчина / американка / аристократ / потомственный часовщик / трёхметровый / лютеранка в сотом поколении / наполовину сицилиец*" — это одно из самых бессмысленных заявлений, которые я слышал миллион раз в своей жизни на разных языках от разных людей. Proud to be / fier d'être / trotz zu sein — на каждом шагу, аж скучно.

Здесь фундаментальная ошибка в определениях и причинно-следственных связях.

Факт родиться определённого вида и быть воспитанным в определённой среде — это лотерея. Одного "небесная рулетка" определила к папуасам, другого в Букингемский дворец (я, кстати, предпочёл бы свободные джунгли благоприличному дворцу). Одному отец оставил громкую фамилию, открывающую все двери и предопределившую твоё будущее, а другому шиш. Это всё случайные, независимые переменные. Теория вероятностей.

Гордость "обратной силы" не имеет, поэтому гордиться своими предками нелепо — что сделал ты, что твой дед великий учёный, а твоя бабка великая писательница? Ничего. Это их заслуги, а не твои — ты просто "засветился" на их орбите волею случая. Наверное, какое-то другое слово здесь надо

использовать, типа "радоваться" или "повезло" — как говорит человек, выигравший в лото. Ещё нелепее гордиться достижениями выходцев из твоего народа (спортсменов, полководцев, певцов) — это их труд, а не твой. Они добились, они молодцы, а вот что сделали мы, чтобы оставить след на Земле под своим именем, а не греться в тени чужого?

Гордиться религией предков? Почему нет, но сначала я имею спросить — а это был твой осознанный выбор или чужой? Ты изучил, холодно и непредвзято, дюжину из сотен религиозных течений, остановив свой беспристрастный выбор на определённой религии, этически и эстетически близкой именно тебе? Сравнил и примерил к себе? Респект!! Нет? Тогда чем ты гордишься — тем, что твои родители повторяли вслед за своими? Это не повод для гордости, если твоего **решения** и твоего **труда** за этим **выбором** не стоит.

Француз по рождению? И шо? Это просто номер из лотерейного билета: ни хорошо, ни плохо. Натурализовался как француз? А вот это прекрасный повод для гордости, если ты этим горд, бо это был твой осознанный выбор, твоё решение, а не бирка на лоб в роддоме.

Не думаю, что можно гордиться интеллектом или музыкальным слухом — это врождённые качества, упавшие на человека с неба. А вот гордиться кругозором и игрой на виолончели можно, потому что это — твои часы за книгами и за инструментом.

Я считаю, шо слово "гордиться" применимо только к тому, к чему сам приложил руку. Своими собственными достижениями + достижениями своих потомков, учеников и друзей, которым ты что-то передал или привил — только тем, в чём есть твой труд, твоя душа и твоя добавленная стоимость.

май 2025

2.5.43 Улыбка на устах

В нашем виртуальном цифровом мире многие люди дают какой-то заголовок, какую-то цитату своём вебсайте или в соцсетях.

У меня написано "Post lucem tenebræ" — это инверсия известного выражения (девиза Женевы, кстати) "Post tenebras lux", только моя версия честнее женевской, она означает "После света — тьма". Утверждение спорное, ну да бог с ним.

Вторым кандидатом на "глубокомысленный" заголовок сайта была фраза из фильма "Королева Марго", которую произносит прекрасная Изабель Аджани в самом конце, держа на коленях голову своего любимого. Вóт как она произносит эти слова: ▶ http://kobzar.be/video/reine_margot-sourire.mp4 В романе Дюма эта фраза тоже есть.

Раздавленная, убитая горем Марго говорит:

> "Главное, чтобы была улыбка на устах".

Вот это прямо в точку, я считаю. Мало что может сравниться по силе с такой фразой в *такой* ситуации. Мало кто на такое способен. Ла Моля больше нет, но жизнь продолжается, и Маргарита де Валуа как королева Франции не может позволить себе ничего личного. От неё ждут "улыбки на устах", и Марго даст им эту улыбку, пусть жрут.

Сила неимоверная!

октябрь 2024

2.5.44 Как югославский партизан

Ковиду пять лет... Вздрагиваешь от трёх вещей: ① сколько времени пролетело уже с тех пор, ② как правительства ничего не сделали в медицинском плане, занявшись исключительно полицейщиной, и ③ во что превратилось наше общество за считаные дни после посеянной правительствами паники, как легко общество сдало все ценности, которые ещё со времён Ренессанса делали Европу Европой. За пару дней сдало! За несколько часов сдало — ну, то немногое сдало, что ещё оставалось в обществе от свободы после 11 сентября. Причина та же — иррациональный страх, сходу, не дожидаясь аргументов.

Соседняя Франция сходила с ума (запирание людей, 100 метров от дома, “комендантский час”), Макрон упивался своей властью “маленького императора” и сжимал кулачки, чередуя памфлеты и филиппики: “C’est la guerre!” Швейцария так далеко не заходила, и жители по-детски радовались, хотя это напоминало радость в пыточной, что с тебя будут сдирать не всю кожу, а только до пояса.

Как убеждённый либертарианец, я не принимаю правительственный фальцет на веру: мне надо всё понять самому прежде чем вскидываться и куда-то бежать. **Эффективны ли меры?** Важнейший вопрос! Ответить на него поможет наука: я засел за статистику, скачав в Excel базы данных Евростата и швейцарского статистического бюро: R^2, регрессионный анализ, метод наименьших квадратов — зря что ли я вышку в универе учил? Вывод оказался однозначным: корреляция “меры → заболеваемость” и “вакцинация → заболеваемость” **оказалась нулевой** по любой методике.

Вирус развивался и мутировал по собственным законам без оглядки на законодателей и фармацевтов. Никого не спасали ни маски (доказанная эффективность маски = 1% при диаметре коронавируса 0.1-0.5 μm), ни слепленные на скорую руку вакцины под маркой “Быстрей-быстрей”, ни сидение дома, за которое мы очень скоро заплатим высоченной инфляцией и гигантским госдолгом — нашими деньгами. И нашей свободой.

Всё стало ясно — т.н. “меры” ни к чему не приводят и никого не спасают — очень печально, но факт, проверенный мною эмпирически. Ну всё, ну, **ничего сделать было нельзя**, как бы ни хотелось. Хорошо было бы издать указ — и всё, “безопасность”, но так это не работает. С тем же успехом я мог бы бороться с ковидом, надев на голову шлем и сделав “берёзку” — корреляция-то по-любэ нулевая.

Если бы меры работали, следовало ли бы подчиняться им? Конечно! Если бы меры помогали бы кому-то, следовало ли бы пожертвовать на время частью своей свободы во имя спасения жизней? Конечно!! Но... если меры абсолютно бесполезны, то зачем соблюдать какой-то нелепый ритуал?..

“Спустя 10 дней после введения последних мер эпидемия только усиливается”. Кто бы сомневался.

Что властям нужно делать в подобной ситуации? Раз уж предотвратить невозможно, то надо помогать заболевшим и страдающим, ведь ковид мог быть опасным и смертельным. Не размахивать кулаками, а **лечить заболевших и выхаживать их!** Разворачивать полевые госпитали, закупать ИВЛ, обучать медперсонал. Это реально спасло бы кого-то, и это стоило бы 1% от того, что они в итоге потратили, но **ничего этого сделано не было**. Властям оказалось гораздо проще (и полезнее!) посеять панику и подавить гражданские свободы при полном одобрении запуганных.

Движение гражданского сопротивления таки было (пример 1, пример 2), но во франкоязычной части Швейцарии оно было едва заметным. Люди в большинстве своём быстро построились и рассчитались на первый-второй, как им велели из Берна.

Франция, до которой мне 900 метров, заложила бетонными блоками мелкие и средние дороги, ведущие в Швейцарию, а на крупных погранпереходах выставила жандармов. Спасибо, что не ядерное оружие. Швейцария отправила на свои КПП армию (!) и патрулировала границу на армейских джипах.

> В обычной жизни на автомобильных погранпереходах пограничников я никогда не видел, только изредка швейцарские таможенники высылают летучие отряды, пытаясь поймать беспошлинно ввозящих из ЕС в Конфедерацию товары сверх нормы. Женевские таможенники останавливают машины со швейцарскими номерами, взвешивают ввозимых из Франции кур и считают бутылки бургундского, но людей никто никогда не проверяет: границы открыты настежь, Шенген же ж. Ну а если что-то надо реально провезти, то возможно всё — хе! долго ли умеючи.

Сейчас же картина до боли напоминала Берлин времён Стены, который, разделённый, я прекрасно помню, и который оставил колоссальный след в моём становлении как гражданина.

Я не мог спокойно смотреть на этот повальный психоз населения, не основанный ни на каких *научных* доказательствах, на произвол правительств и на грубейшее попрание прав человека без эмпирически доказанной эффективности мер. Моя агитработа в массах и мои наклейки на машину не помогли, и я стал действовать по-партизански: во имя человеческого достоинства, гражданских свобод, здравого смысла и самоуважения. Я изготавливал и наклеивал в людных местах плакаты: “сертификат = сегрегация = позор” (их срывали). Я нелегально пересекал “запечатанную” границу и действовал по-партизански в соседней лютующей Франции. Я отправил язвительное письмо (§2.2.3) министру здравоохранения Франции (ответа я не получил).

> Я вспомнил, как в 2016-м году я чуть не сдох от гриппа (или чего-то в этом роде). Сил не было настолько, что я лежал на полу в ванной не в силах дойти до своего смертного одра. Периодически проваливаясь в забытьё, я из последних сил набрал телефон “Телемедицины”, и через полчаса плохой музыки какой-то немецкоязычный эскулап, с трудом говорящий по-французски, мне мудро посоветовал: “Пейте много вода, пейте тшай унд парацетамол, унд всё будет карашо. С вас пять тысяч“. Не помер (хотя мог) и молодец. Ну а чего ещё я хотел с таким скучным и немедиатизированным диагнозом? Так никем и не поставленным.

Не могло быть ни “ваксеров”, ни “антиваксеров”, потому что ни у сторонников вакцинации, ни у противников не было решительно никаких аргументов: без

накопленной за 15-20 лет статистики любые “доводы” за или против не имели решительно никакого смысла, они напоминали спор малышей в песочнице, чей папа лучше. Это были доводы уровня религиозного диспута. И вообще вся эта история была похожа на религию: факты говорят одно (количество вакцинированных и невакцинированных в реанимациях кантональных больниц *одинаково*, отменить гравитационное ускорение 9,8 м/с² при “хождении по воде” *невозможно*), но вера в чудо оказывается сильнее.

Я испытал на собственной шкуре, что значит быть парией, человеком второго сорта, стигматизированным и дискриминируемым обществом. Я понял, что такое апартеид: по иронии судьбы я как раз читал книгу Нельсона Манделы. Из французского теннисного клуба меня выгнали без сертификата. На собрании акционеров меня, абсолютно здорового, но невакцинированного и вольно рассуждающего из-под надетой маски как свободный человек, отсаживали в дальний угол стола и не приближались ко мне. Я не мог зайти в ресторан, я ел на мостовой, как собака. Моя дочка была отобрана в десятку школьников, получивших эксклюзивный доступ в частную, лучшую библиотеку Женевы, в которой, кстати, работал Ленин, но за год ей ни разу не позволили переступить порог этой библиотеки — она наблюдала в окно, как насквозь больные читатели чихали над редкими книгами, держа в руке свой заветный сертификат, открывающий любые двери.

Я понял очень многое! Я думал про **ВИЧ**: про то, что вся энергия ханжеского населения вылилась в одно: в стигматизацию людей, а не в реальные меры, не в реальную помощь, не в план действий, не в открытый разговор на равных. Да, Ковид-19 и ВИЧ — очень разные вирусы, однако же социальный паттерн реакции на них был точно таким же: страх, стигматизация, поиск “виновных”, закрытые глаза и уши, а о солидарности и братстве люди вмиг забыли. О, человеку ещё предстоит пройти большой путь, чтобы называться Человеком...

И даже если вокруг меня был мракобесный, антинаучный, средневековый ковидный цирк, то клоуном в нём я быть не хотел. Я озверел от этого маразма.

Особое удовлетворение я испытывал от **“вылазок”**!

Свою пограничную деревню я знаю как свои пять пальцев, и я почти каждый день нелегально пересекал закрытую из-за “мер” французскую границу на велосипеде, без всякой цели, кроме одной — почувствовать себя человеком, об которого никто не имеет права вытирать ноги. Перелесками, без документов, без мобильного, в неприметной одежде, по правилам югославских партизан. Перейдя границу, я растворялся с французской стороны, морда кирпичом, будто бы я француз, который просто вышел за хлебом. Я бы ещё надел берет, но у меня нет берета.

Я разговаривал с отрезанными от нас французскими пенсионерами, сидящими на лавочке и охотно вступавшими в дискуссии с иностранным лазутчиком, не скрывавшим от французских соседей своей прописки. Я покупал багет, камамбер и французскую прессу, я бесцельно катался по запретной Франции и получал удовольствие от своего индивидуального акта гражданского неповиновения.

С одним пенсионером я даже побратался:

— Как приятно, мсьё, снова быть вместе с вами! — сказал я ему. — Хоть бы и нелегально. Взять и разрезать Европу! Что за маразм они устроили!

— И не говорите! Идиоты! — дедушка махнул рукой в сторону Елисейского дворца и стал пародировать Макрона. — Да садитесь вы, что вы стоите в километре, как неродной.

— Знаете, мсьё, — сказал я, — когда эта антинаучная паника началась, я был уверен, что Франция сметёт к чертям весь этот правительственный цирк за сутки. Ладно там законопослушные швейцарцы, но вы-то! Вы!! Почему *вы* молчите? Известное всем выражение: “французы — скандалисты”, но где я увидел вашу “скандальность”? Где “жёлтые жилеты”, где горящие покрышки, где баррикады, где протест, где три миллиона манифестантов, которых мы видели, когда случился Charlie (см. §2.2.1)?

— Нет больше французов, — горько усмехнулся французский пенсионер, — остались одни подчиняющиеся [administrés]. И ведь что характерно, мсьё: никто у нас ничего не делает для заболевших! Вот слягу я завтра с ковидом, и где для меня приготовлено койко-место? Мы уже 40 лет ждём, что нам построят больницу в нашем регионе, в Жексе или в Сен-Жени, и где она??

— Там же, где и наши свободы.

— Они думают, что это чума, — усмехнулся мой собеседник.

— У чумы летальность была под 90%, а у ковида меньше процента. Чума, к примеру, выкосила 60% венецианцев, а у нас от ковида 0,03% населения Земли по всему шарику, в 2000 раз меньше чумы. Каждая жизнь важна, бесспорно, но разница всё-таки в три порядка по сравнению с чумой. Испанка сто лет назад выкосила в 130 раз больше населения Земли, чем ковид. Даже Гонконгский грипп 52 года назад отнял в два раза больше жизней, чем ковид на сегодняшний день.

— Что такое Гонконгский грипп? — спросил дедушка.

— Вот видите, вы даже не слышали о нём, потому что тогда никто его не раскручивал и не голосил. Хотя это 1968 год, студенческая революция в Париже, ваша молодость. Пандемия была.

— Ужас! Я и не знал, что в 68-м была пандемия. У нас во Франции была?

— Да, как и во всём мире. Миллионы жертв.

— Ô mon Dieu! Ничего не слышал. Но сейчас-то, посмотрите: ни одна из их “антиковидных мер” не сработала! Ни одна! Всё впустую, никакого эффекта, один террор.

Я рассказал ему о своих статистических изысканиях, и он ничуть не удивился:

— Зря вы тратили время, мсьё, тут и без статистики ежу понятно, что меры не работают. *Нам* понятно, а им, — он снова кивнул в сторону Парижа, — нет.

— Им в Париже тоже понятно, они же не идиоты, хоть вы и считаете иначе. Но просто посмотрите на всех сидящих по домам и отслеживающих по пять раз на дню каждого заболевшего: их же большинство, вот под этот запрос “меры” и вводят. Бесполезный ответ бессильного на наивный запрос невыполнимого.

— Меня изматывает этот маразм, — пожаловался дедушка. — Знаете, я на Рождество сказал своим: или вы приезжаете ко мне всем кагалом (и мне пофиг кто из вас кашляет или заболевает), или между нами всё кончено. Я предпочту умереть от ковида, чем от одиночества.

— И что, приехали? — спросил я, внутренне желавший, чтоб приехали.

— Все до одного приехали! — радостно воскликнул одинокий дедушка. — В нарушение всех законов, вот такие они у меня “безответственные”! У меня, знаете, был друг, бельгиец, 85 лет. У него случился инсульт, а в больнице ему зачем-то сделали ПЦР, словно инсульта им было мало. Друг через сутки умер от инсульта, не приходя в сознание. И знаете, что ему записали причиной смерти? Ковид!

— Неудивительно, — спокойно сказал я, — я знаю про этот бельгийский подход к ковид-статистике, слышал от друзей, читал. Я тоже бельгиец.

— Я это сразу понял, — радостно воскликнул дедушка, указав на своё ухо, и мы, рассмеявшись, побратались с этим прекрасным человеком, сохранившим здравый смысл и свободу духа.

Бесцельные вылазки мне были нужны, как воздух! Если бы я не делал этих вылазок, то **я перестал бы уважать себя**.

После общения с запретными французами я возвращался обратно в Швейцарию звериными тропами. Однажды при переходе границы я чуть не попался швейцарскому пешему патрулю, но я вовремя их заметил, затихарился в зелёнке ещё во Франции, пока они не пройдут. Прошли. Тихо... Велосипед в руки, прыжок через пограничный ручей, и вот я снова в Швейцарии. Хрен вам, а не “меры”!

Перед каждым следующим переходом границы я отсиживался в кустах, выжидал, прислушивался, а потом уже по Швейцарии, с такой же мордой кирпичом, но уже со “швейцарской” мордой, я ехал на КПП со швейцарской стороны и издалека (“безопасная дистанция” ж!) разговаривал с солдатами, 19-летними зелёными призывниками из горных сёл немецкой Швейцарии. Иногда с унтер-офицерами разговаривал. На немецком, потому что по-французски нездешние воины были ни бум-бум. Эта швейцарская часть вылазок мне нравилась больше всего, она давала мне эстетическое и гражданское удовольствие.

— Как обстановка на границе? — спрашивал я солдата, словно не я 5 минут назад вернулся из запретной Франции. — Ветер не с французской ли стороны, не дай бог?

— Alles in Ordnung, — отвечал немецкоязычный солдат, радостный от того, что кто-то наконец говорит с ним на его нормальном языке в этой гойской Женеве. — Охраняем.

— Спасибо вам! — отвечал я с искусственной блаженной улыбкой и внутренне давясь от смеха, — такое важное дело делаете, спасаете нас! Ещё и при оружии, а то мало ли что.

— Это мой долг, — с важностью отвечал солдат, поправляя свой автомат.

— Осмелюсь доложить, вы делаете великое дело, господин ефрейтор, вы останавливаете французов! — с искусственной озабоченностью на морде продолжал я. — “Из ~~Назарета~~ Парижа может ли быть что доброе”?

— Не пройдут, — гордо отвечал солдат. — Спите спокойно, граница на замке.

На вид всё было натурально: “ответственный” гражданин благодарит власти за свою “безопасность”. Как трогательно! Щас запла́чу.

В конце 2023-го в Швейцарии прошёл референдум, по Конституции превалирующий над любым законом правительства: узаконить ли две категории граждан (с ковид-сертификатом и без такового), лишить ли

невакцинированных жителей гражданских прав — теперь уже по закону. 67% населения моей деревни проголосовало за сегрегацию, за апартеид. В Женеве за сегрегацию проголосовали 63% граждан, а по всей стране 62%. Я долго сидел перед монитором, пытаясь осмыслить чудовищные результаты этого голосования, автоматически ставшего законом. В этот момент я окончательно утратил веру в человечество.

Когда я вижу трёх людей на улице, я всегда помню, что двое из этих трёх высказались за апартеид, сдав все ценности (свободу, неприкосновенность личности, право выбора) — ценности, за которые мы боролись десятилетиями.

Люди очень не любят, когда сегодня, спустя 5 лет, я напоминаю им об их же собственном поведении в те годы: о голосовании за апартеид, об агрессивных наездах на рассуждающих непредвзято, о повальном подчинении произволу правительств и даже радости от того, что снова что-то запретили, об отсаживании, о сегрегации и дискриминации. Людьми двигал страх? Да. И что? Страх отменяет мораль? В ковиде действительно приятного было мало, он и убить мог, ну так изучите вопрос, документируйтесь — нет? Доступ к информации у нас был одинаковым.

После результатов этого референдума по ковиду я ушёл в глухую оппозицию к швейцарскому обществу, массово проголосовавшему за омерзительное явление — сегрегацию своих братьев и сестёр. Я не участвую в швейцарских муниципальных выборах и референдумах, я принципиально не сортирую никакой мусор вопреки строгому левацкому закону, я выкидываю не читая любые писульки от когда-то бывших хорошими организаций, промолчавших в ковидные времена, я не подписываю петиций и больше не участвую ни в каких швейцарских гражданских инициативах.

Потому что если вы — так, ну тогда я — так. Без обид. И не надо мне сейчас рассказывать про вашу “борьбу” за равенство, права и толерантность — ковид-голосование показало *реальное* отношение большинства к этим великим концепциям. Я теперь *знаю* цену “борьбы” в вашем исполнении: раз вы сдали тех, то сдадите и этих.

У меня своя борьба.

2025-Feb-07

2.5.45 Польза от умственной неполноценности

Я вышел покурить на свой паркинг: большую частную площадку “Privé” перед навесом с машинами. Заезжает неизвестный “Мерседес”, номера швейцарские прокатные, опускается стекло:

— Эй, амико, говоришь по-итальянски? — спрашивает меня водитель по-итальянски, обращаясь на ты. — Итальянец?

Это так же странно и нелепо, как если бы к тебе обратились бы по-итальянски или по-монгольски на парижской или варшавской улице. Итальянского в Женеве нет от слова “совсем”. Но я не удивился: это был уже седьмой раз, когда во франкоязычной Женеве ко мне обращаются на итальянском на улице — сходу, спонтанно, как само собой разумеющееся.

> И другими народностями я тоже побывал в жизни множество раз (§2.3.3).

— Говорю, — отвечаю. — А почему ты увидел во мне итальянца? Мы же в Женеве, а не в Риме.

— Ну так: глаза, лицо, борода, взгляд.

Неаполитанцем мужик оказался.

— О, Неаполь, классно! — обрадовался я. — Dicitencello vuje! Моя любимая неаполитанская песня: “Dicitencello sta cumpagna vosta...”

Мужик тоже обрадовался и сообщил, что он сегодня летит в Неаполь, но у него куча дорогущих часов, которые ему нельзя предъявлять таможне: “Можно, я у тебя их оставлю, а потом вернусь и заберу?” Показал коробки с часами на переднем сиденье, там шо-то действительно тикало. Настоящие ли “Ролексы”, фейковые ли? Его ли, ворованные ли? Стал совать мне в морду какие-то подозрительные изделия.

Как-то стрёмно всё это...

— Нет, амико, — говорю, — не могу. Прости, брат. Я на карандаше у легавых, пасут меня, сволочи. Не могу подставляться. И я недееспособный по суду — моя подпись ничего не значит. Я умственно неполноценный.

— А, — с жалостью окинул меня взглядом неаполитанец, — понятно. Ты откуда из Италии, брат?

— Не знаю, — ответил я, — не помню. Утром ещё помнил, а сейчас забыл.

Мужик сказал “ciao amico”, поднял стекло и уехал.

Я так и не понял, в чём была разводка. Дать мне на хранение 10 пар часов, а потом сказать, что их было 20? Дать подделку, а потом сказать, что часы были настоящие и обвинить меня в подмене? Не знаю и знать не желаю.

Мой приём отбрития не нов. Когда ко мне на улице обращаются нежелательные личности, я говорю им на литовском: “Aš nesuprantu, aš ne vietinis. Ar jūs kalbate lietuviškai ar lenkiškai?” (= “Я не понимаю, я неместный. Вы говорите по-литовски или по-польски?”). Работает почти всегда. Если вдруг не сработает, то тогда я применяю ядерное оружие: “Ленин мыш, Ленин кыш, Ленин Тохтамыш”. И смотреть в небо. Это 100%. Примите на вооружение.

В любом случае, лучше сказаться умственно неполноценным, чем иметь проблем с неаполитанской Каморрой! Его мне не надо.

июнь 2026

2.5.46 Закрытая комната

“Границы?
Не знаю, не видел.
Но я слышал, что они, вроде,
существуют в головах у некоторых людей”
— Тур Хейердал

В нашем большом прекрасном доме много комнат. Большие, поменьше и совсем крошечные. В принципе, комнат-то не должно было быть, но так уж сложилось, что мы сами возвели стены и перегородки разной высоты. Никакого особого смысла в комнатах нет — дом-то всё равно один на всех. Но комнаты есть.

В каждой комнате дома живут люди. Очень разные. Кому-то нравится комната, в которой ему случилось оказаться, кому-то не очень, и тогда он переезжает в другую. Или в третью, или в пятую — дом ведь общий, и двери между комнатами по большей части открыты или приоткрыты — выбирай.

Самая большая комната нашего дома не очень удачно расположена, и она не самая тёплая, но зато она просто ГИГАНТСКАЯ — места хватит всем.

Наш дом называется Земля. Комнатами мы называем страны — искусственные образования, криво выстроенные в силу случайных обстоятельств, по прихоти давно умерших правителей и войн, которые эти правители вели. А стенами мы называем границы — малозначащие воображаемые линии по речке, по ручейку, по меридиану. Здесь “наше”, там “ваше” — смешные условности, до тех пор смешные, пока они не требуют крови. Стены-границы режут дом-мир по живому и несут мало смысла.

> У арабского народа целых 22 комнаты, а у курдского ни одной — живут, раскинутые по четырём разным комнатам. (Но живут — курдская шаурма в Женеве самая вкусная).

В самой большой комнате живёт мало людей, всего 1.8% от всех жителей дома (= одна квартира из 55-ти), но соседи они беспокойные, скучать не дают никогда. Они в массе своей убеждены, что у них очень мало места, и поэтому они простирают свой взор, а то и руки, на другие комнаты дома. Сама Большая комната в теории прекрасна, она могла бы расцвести и заиграть всеми красками на радость всему дому, но, за исключением пары мест, эта комната запущена и неухожена, она требует капитального ремонта — работы в ней непочатый край.

В Большой комнате нет зеркал, поэтому как её жители выглядят на самом деле, они не знают, да, впрочем, и не хотят знать. Их взоры обращены исключительно на самих себя. Так их приучили с детства — любить не свой дом, а только свою комнату. Логично, что они не любят никого за пределами своей комнаты, хотя при этом парадоксальным образом ожидают любви по отношению к себе. Они совершенно искренне считают себя главной комнатой дома, наделёнными особой миссией, которую, впрочем, ни один из них не может внятно сформулировать.

Жителям Большой комнаты кажется, что все остальные жители дома только и думают, как бы их извести и захватить их метры. Им не важно, что в реальности их метры никому не нужны и близко, а нужно только то, что любой из нас хочет от своих соседей — адекватности, добрососедства, открытости, общности понятий и целей, сотрудничества, взаимного уважения — и больше ничего.

В других комнатах-странах и в коридорах кипит жизнь, дым коромыслом, шум и гвалт. Двери или открыты настежь, или их вообще нет, как в Западном флигеле дома. Люди гуляют толпами по всему дому, не обращая внимания на дверные проёмы: перемешиваются, обогащаются опытом из других комнат, несут туда свою культуру и перенимают другую, третью, пятую, из которых у каждого выплавляется его собственный уникальный культурный “бленд”.

Наш прекрасный дом сегодня — это сумасшедший шумный пёстрый котёл: здесь играет тарантелла, переходящая в сардану, там бачата вперемешку с раи, отсюда доносятся ароматы раклеты с тмином, а оттуда — тикка-масалы вперемешку с буйабесом и матапой. Звучат сотни языков, и никого не удивляет твой акцент и оттенок кожи; никто не получает клеймо на лоб или готовую

кличку из-за своего происхождения или разреза глаз. Людям интересны другие культуры, а не только своя.

Не всем, конечно, но определяющему тенденцию большинству.

И что же, они все живут в десяти культурах? Нет, конечно. Живут в своей, но они *открыты* новому, им *интересно* другое и другие.

Самая большая комната, вроде бы, рядом, даже граничит с ними через стенку, но при этом она бесконечно далека от этого весёлого балагана. Самая большая комната варится в собственном соку. Её жители в массе своей мало представляют себе, что происходит в других частях дома. Информации вдоволь, но она не востребована. Ещё совсем недавно, в течение долгих 30 лет, дверь их комнаты была широко открыта, но ею мало кто пользовался. А те, кто пользовались, несильно интересовались, как и чем живут жители других комнат нашего общего дома. Искупались в тёплом турецком море, сделали селфи у Пизанской башни — и в свою Большую комнату, в привычный кокон, к привычным понятиям о мире, который они, в основном, познают с экрана своего телевизора, а не напрямую из личного опыта и не путём критического осмысления самостоятельно добытой информации.

Не все, конечно, но определяющее тенденцию большинство. Есть, к счастью, в этой комнате и меньшинство — это открытые, интегрированные люди, которым всё интересно и которые ценят многообразие культур и мнений и которые сегодня загнаны в тёмный чулан Самой большой комнаты. Но тенденцию эти светлые люди не задают — их мало, как и полагается нерепрезентативному и статистически не значимому меньшинству.

Для большинства же возможностей познакомиться со своим собственным домом — море, только вот желания нет.

А почему? А потому, что неинтересно. Ведь бывает интересно, а бывает нет. Вам интересна роль гидролиза нуклеотидтрифосфатов для движения хеликаз? Маловероятно. Так же и жителям Большой комнаты просто *не интересно* то, что происходит в других комнатах, и чем живёт дом. Извне им *не нужно ничего*. **Самодостаточность полная.**

> ▶ Мир литературы для большинства ограничивается своими писателями (а не в столь отдалённом прошлом в их школьной программе не было ни одного (!) иностранного произведения, кроме вырванного из контекста отрывка из “Дон Кихота” на полстраницы — случай автора этих строк).
>
> ▶ Потребность в классической музыке при желании может полностью закрыться своими композиторами. Эстрада своя, живопись своя, драматургия своя, балет свой.
>
> ▶ Рождество и Пасха — не те, что у всех остальных. Нравственно-смысловое наполнение их главного религиозного института имеет мало общего с оригинальным греческим источником и ещё меньше с остальными 2.3 миллиардами христиан. И ничего общего с учением Христа.
>
> ▶ Вторая Мировая в общественном сознании на два года короче и даже называется по-другому. А на вопрос “17 сентября 1939?” ответов два: “Что это за дата?” (в 95% случаев) или “А при чём здесь это? Какая связь?” в оставшихся редких случаях.
>
> ▶ Даже головокружительный полёт жителя Большой комнаты в космос не вызвал чувства общности с домом-человечеством — им важно не то,

> что он был одним из нас, жителей нашего дома-Земли, а то, что он был прописан в Большой комнате.

Цивилизационных зацепок с остальным домом практически никаких — как на округлом верхе Берлинской стены, за который не ухватиться. Нет общего для всех культурно-понятийного знаменателя типа вот такого. Нет общей ценностной базы. Нет ощущения общего дома Земля.

Вроде, живут люди в доме, но порой кажется, что на своей отдельной планете.

«А в чём, собственно, проблема? — критически спросит меня внимательный читатель. — Что плохого в замкнутости на себя?»

«Ничего плохого, — отвечу я, — и проблемы никакой нет. Просто можно войти в дивный яркий мир и наслаждаться многообразием его красок, жить в доме, а не в комнате, а можно сидеть дома в маске на самоизоляции и смотреть на мир через узкий прозорец мутного стекла, вставленного каким-то мутным установщиком. Оба подхода равноправны, оба правомочны. И каждый вправе решать для себя, как ему лучше жить свою жизнь, единственную и неповторимую».

Ну а что, действительно — в Большой комнате-то ведь хорошо: просторно, тепло, самодостаточно и, главное, понятно и привычно. Людям нравится. Так зачем тогда оттуда выходить, ментально или физически? «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ев. ϖ̃ Ἰωάννα, 1:46).

Дело вовсе не в физической мобильности жителей в недавно изменившихся условиях, а в их отношении к внешнему миру. Ну была дверь 30 лет физически открыта, ну прикрылась физически сейчас — ничего по сути не изменилось. Ментально дверь Самой большой комнаты **была закрытой всегда.**

2023-Mar-26

2.5.47 Апофеоз красоты

Я окружил свой мир приятными вещами: эталонами метра, килограмма и литра, полезными графиками, нотным станом и квинтовым кругом. Кварцевые радио-часы отбивают секунды — ещё одну из фундаментальных констант системы СИ.

Но больше всего я люблю вот это — самодельное панно, много лет висящее у меня перед глазами и ласкающее мой взор: Периодическая система, апофеоз красоты барионной материи, которой-то, в принципе, во Вселенной кот наплакал: меньше 5%, а так-то на 95% тёмная материя и тёмная энергия. Не могу пройти мимо, не задержавшись у этого панно и не восхитившись в миллионный раз тем, как в нашем мире всё щикарно устроено.

Не будем говорить за сложнейшие атомы типа оганесона-118. Возьмём то, что составляет 98% барионной материи во Вселенной — водород и гелий.

Вот гелий. У нас на Земле он куда-то делся, но во Вселенной его до черта. Два протона, два бессмысленных нейтрона и два электрона на первой орбитали. Но это же восторг!!

Или водород, куда уж проще, если он не “тяжёлый водород” и не тритий: один протон и один электрон, полный “примитив”. Но это же потрясающе! Увеличим мысленно размер протона в водороде до теннисного мячика. Тогда, по моим расчётам, в атоме водорода на первой и единственной его орбитали

электронное облако будет удалено на >2 км. Невообразимое расстояние и невообразимая пустота, и это даже не молекула воды, а один из трёх атомов, её составляющий! А сколько таких пустых микромиров содержится в одном глотке воды?! Страшно теперь воду пить. И страшно жить, понимая, насколько пуст ты сам.

Или это не вызывает интеллектуальный экстаз ~~святой Терезы Авильской~~? Или это не волшебно? Да вот, восхититесь сами — когда я пытаюсь вникнуть в подобные материи, я испытываю такой интеллектуальный экстаз, шо любая Тереза отдыхает.

Или вот, к примеру, золото, 79-й элемент. Я хочу больше золота (а кто не хочет?): идея! одолжу у друзей в ЦЕРНе и добавлю к золоту протон и электрон (на 6-м энергетическом уровне в золоте всего один печальный одинокий электрон). Припорошу тремя нейтронами по вкусу, шоб тем 118-ти веселее было. Атомная масса моего зелья выросла на 1,8%, ну правильно, я ж всего ж шчэпоточку добавил, шоб золота у меня стало больше. Жду, когда уже разбогатею, как той пан Ротшильд.

Смотрим... Шо-о-о?? Ртуть??? Какая, к чёрту, ртуть, де делось моё золото?? Золота нема. Верните мои деньги! Ртуть... Вот тебе и чудесное превращение, вот тебе, бабушка, и Yura Day... Я хотел быть богат, как Крёз, а из-за одного поганого протона я сейчас могу только градусник изготовить из того, что было моим златом.

Даже если бы я теоретически не добавлял нейтроны и электрон, а только один клятый протон, то всё равно получилась бы ртуть — ион-положительная, изотопная, но — ртуть! Один протон — и такой куншток.

И таких ↑ сценариев можно вообразить себе великое множество, просто любуясь Периодической системой, думая о ней, рисуя себе в голове сценарии, раскрыв рот. И только одна вещь может по силе перешибить этот восторг, но за неё мы не будем сейчас говорить, об этом — здесь.

Великолепен мир, в котором мы живём! Меня в нём всё устраивает. Восславим же Четыре фундаментальные взаимодействия и число Авогадро! И постоянные Планка, которые всё это сделали реальностью 13+ миллиардов лет тому назад, буквально вчера.

P.S.:

Не пытайтесь расщепить атом в домашних условиях! Бить молотком по капле воды, добывая свободный протон, опасно. Эти ↑ строки писал человек, проболтавший все уроки химии и физики и имеющий в аттестате нетвёрдые тройки по обеим дисциплинам, поставленные исключительно из симпатии и из жалости. При неудовлетворительном поведении.

2024-Nov-17

2.5.48 Цирк

Представление Куклачёва для самых маленьких — его знаменитый кошачий цирк. 2006 год, первые дни после приезда в Россию, Москва.

Не знаю, каковы методы дрессировки у Куклачёва, но результат его работы впечатлил: кошки выписывали невероятные пируэты, прыгали сквозь обруч, ходили по брусьям (я бы точно сверзился) и только что не разговаривали. Я уже полгода не могу научить Кошку давать лапу (нереально), а тут такой цирк — вау! Огромный труд и терпение дрессировщика: дети в восторге, родители тоже — просто браво!

Но главное представление ждало впереди, после того, как спектакль закончился, и кошки ушли. Куклачёв вышел на сцену уже без клоунского колпака и обратился к маленьким зрителям:

— Дети, вам понравились наши четвероногие артисты?

— Да-а-а-а-а-а!

— Вы любите животных?

— Да-а-а-а-а-а!

Куклачёв обратился к детям с краткой речью, объяснив, что животных нельзя обижать, и я думал, что это всё.

Но это было не всё. Цирк только начинался.

— Дети, вы хотели бы стать дрессировщиками? — хитро спросил Куклачёв.

— Да-а-а-а-а-а! — единогласно ответили дети.

— А стать артистами цирка? — продолжил интервьюер.

— Да-а-а-а-а-а! — с таким же энтузиазмом.

— А вы хотели бы стать депутатами? — внезапно спросил кошачий клоун.

— Да-а-а-а-а-а! — по инерции ответили малыши в зале, явно, не понимая вопроса: многие из них не научились толком говорить, и далеко не каждый мог назвать своё имя.

— Да-а-а-а-а-а! — пробасил какой-то мужик, и зал взорвался смехом.

— Вы все обязательно станете депутатами, — начал пророчествовать Куклачёв, — вы будете принимать законы для нашей великой, любимой, прекрасной страны.

“Хм-м-м, какая связь между цирковыми кошками и законотворческой деятельностью?” — думал я, силясь понять ход мысли оратора.

— Вас ждёт прекрасное будущее! Вы будете заседать в Государственной Думе! Вы будете трудиться на благо нашей лучшей в мире страны, — Куклачёв заводил малолетнюю публику и заводился сам. — Мальчики! Вы будете лётчиками! Танкистами! Космонавтами! Милиционерами! Офицерами, защитниками родины!

Девочкам Куклачёв почему-то никаких профессиональных перспектив не очертил. Я ожидал от опытного циркового артиста какого-то элегантного перехода обратно к кошкам, но от кошек он стремительно удалялся, сконцентрировавшись на рассуждениях о “любви к родине” и необходимости её “защищать”.

Интересно, он понимает, что половина его слушателей ещё с горшка не слезли? Он понимает, что перед ним *малыши*, которых привели посмотреть на его замечательных учёных котов, а не слушать довеском политинформацию и знакомиться с его политическими взглядами?

Мои размышления прервал внезапный раскатистый возглас клоуна:

— А те-е-е-пе-е-е-рь!..

Я аж испугался. Что — дискотека?

— А теперь, — продолжил Куклачёв, — давайте все вместе будем повторять за мной!

“Наверное, он всё-таки вернулся к теме сегодняшнего мероприятия, и сейчас будет какое-то красивое коллективное обещание не обижать животных, — удовлетворённо подумал я. — Хорошее дело”.

Но я ошибся.

— Повторяем за мной! — крикнул клоун и набрал полные лёгкие воздуха. — Ро! Сси! Я! Ро-сси-я! Ро-сси-я! Ро-сси-я! Ро-сси-я! Ро-сси-я! Ро-сси-я!

“Я спятил, наверное, — подумал я. — Где я?? На партийном митинге? Вроде, с утра шли в цирк, нет? А это тогда что? “Шёл в комнату, попал в другую”?

Родители и дети радостно подхватили: “РО-ССИ-Я! РО-ССИ-Я!”. Зал дружно и громко скандировал это слово (почти все), и моё чувство нереальности происходящего усиливалось с каждым их выкриком.

В длинной очереди в гардероб родители с энтузиазмом обсуждали друг с другом увиденное (“Как здорово!”, “Какой же он молодец!”), и ни от кого я не услышал ни нотки сомнения в правомочности и уместности политических дискурсов перед самой беззащитной и уязвимой в мире публикой — перед маленькими детьми.

Никого из зрителей это не то что не напрягло, но даже не удивило!

Скандировать на эмоциональном взводе название своей юрисдикции? Скандировать “Ne-der-land!” в амстердамском цирке или “Deutsch-land!” в цирке лейпцигском?.. Не припомнил я и скандирования “Со-вет-ский Со-юз!” в цирке на Фонтанке или на Ленгорах — цирк оставался цирком, а дети — детьми.

Вовсе не сам артист Куклачёв, — нет! — а **массовая реакция московских зрителей** в зале и в гардеробе начала для меня кое-что прояснять и приоткрывать в стране, в которую я только что приехал после 11-летнего отсутствия. Большое спасибо артисту Юрию Куклачёву за этот неожиданный и ценный сигнал, за этот первый звоночек! И за великолепное кошачье шоу тоже спасибо — уж кто-кто, а кошки были точно на высоте!

2024-Dec-30

2.5.49 Рукопожатие выжившего

Познакомился со случайным человеком — бошняком оказался, и не откуда-то, а из... Сребреницы! В страшном 1995-м ему было 10 лет, он был ПРЯМО ТАМ! Он чудом избежал расстрельной ямы, выкопанной для его единоверцев бойцами “боснийского мясника” Ратко Младича.

До Дейтона было ещё далеко, сербской осаде Сараева шёл 4-й год, Сербская православная церковь не воспользовалась своим авторитетом, чтобы в мясорубке всех-против-всех вразумить своих окормляемых. Люди Младича годами ежедневно расстреливали сараевцев с господствующих высот, превратив олимпийское Сараево в ад на земле.

А потом случилась Сребреница[47] — резня единокровных по ДНК единокровными по ДНК. И палачи, и жертвы (мирные жители) носили одинаковые фамилии на -ич, все они были точно такими же славянами и говорили на одном сербохорватском языке, родном для них всех. Они не отличались друг от друга внешне, они вообще не отличались. Палачей и жертв различало лишь одно — вероисповедание. Эти верили в “Храброго портняжку”, а те — в “Золушку”, и эти сказки определили ход дальнейших страшных событий. Женщинам “не той” веры было уготовано изнасилование, а 8372-м мужчинам и мальчикам Сребреницы — расстрел. Только “за то” что эти люди по-другому славили того же самого авраамического “бога”, которого никто не видел и никогда, слава ему же самому, не увидит.

Мой собеседник выжил — слишком маленьким был тогда, не заинтересовал палачей. Он считает своё спасение чудом, я тоже. Не спасись он, число было бы 8373 — его имя было бы на мемориальном памятнике, а не на его визитке. Сейчас он в 10 раз мощнее меня, пышет здоровьем, добрый и жизнерадостный — отличный мужик.

Кто-то решил, что его не должно было быть на Земле. Но он — выжил! Мне не приходилось видеть выживших в других страшных геноцидах XX века, и вот вдруг тут такая встреча в Женеве.

Почувствовать крепкое рукопожатие человека, который 31 год назад должен был стать у расстрельного рва — такое не забыть.

А начиналось ведь всё хорошо: в VI–VII веках славяне мигрируют с исторической прародины между Вислой и Днепром и обосновываются на Балканах, мирно скрещиваясь с местным иллирийским населением. Южные славяне — единый народ, они живут спокойно, поклоняются деревянным фигуркам и тихо верят в Перуна, Велеса и прочую Мокошь. Их язычество ничем не хуже того, что их ждёт дальше в авраамическом мире: их быстро растащили в разные стороны восточная Византия и западный Рим, а позже подключились османы. Получилась, по сути, такая же мокошь, только монотеистическая: агрессивная, догматичная и непримиримая. Фигурки, кстати, некоторым тоже выдали, но дизайн другой.

Ну и всё, bonjour tristesse: понеслась беда по кочкам. Людям навязали разные коллективные идентичности: этих южных славян записали в католические хорваты, тех в православные сербы, тех в мусульманские бошняки, и дальше была одна только кровь.

> Почитайте не меня, а Иво Андрича, его нобелевский текст “Мост на Дрине”[48] (предупреждаю: местами читать жутко, это не для слабонервных). И “Травницкая хроника” Андрича тоже многое объясняет в судьбе южных славян.

Мне морально тяжело вдаваться в весь этот кошмар: усташи со своим Ясеновацем, Дража Михайлович со своими четниками, "Буря" и "Молния", Приедор и Зворник, а до Второй мировой ещё было сто лет балканских войн — не могу и не хочу я касаться этого моря крови, слишком горько мне от этого за род человеческий, так легко ведущийся на злые сказки[49].

---

[47] https://ru.wikipedia.org/wiki/Резня_в_Сребренице

[48] https://kobzar.be/reader/Andric-Na_Drini_cuprija/txt-Andric-Na_Drini_cuprija.html

[49] 🎼 Креатив времён войн 1991-1995: сербский https://youtu.be/oddU7f3AuRY , хорватский https://youtu.be/pfUCdsLgr4Y и бошняцкий https://youtu.be/GW6GSa14xXI — вот мнение каждой их сторон. Один язык, один когда-то народ…

Многовековое разобщение южных славян разжигалось правителями исчезнувших ныне империй вместе с вездесущими попами, ксёндзами и имамами. А ведь пришли-то славяне единым сплочённым народом и слыхом не слыхивали о Троице и об Аллахе, а тут вам такое здрасте... Славяне жестоко поплатились за встречу с авраамической цивилизацией: лучше бы они вырезали свои деревянные фигурки, а не друг друга вырезали бы веками в угоду “духовным пастырям” трёх разных авраамических направлений.

У каждого своё представление о прекрасном и правильном, **но убивать-то зачем?!** Убивать ради абстракции — зачем?! И — почему чаще всего не что-то, а именно *другая религия* вызывает у людей желание убивать? Что за пунктик? Совсем что ли уже? Я что-то не припомню войн между академистами и импрессионистами, хотя живопись, пардон, — она хотя бы *существует*...

И — мой вечный вопрос: почему следует с серьёзным видом верить в расступающиеся воды Красного моря и говорящую ослицу, в беременную девственницу и воскрешение Лазаря, в раскол Луны и в ночной полёт на непонятном животном на расстояние 1300 морских миль — и не просто верить, а требовать уважать вот *такое* ↑, да ещё и под угрозой судебного преследования за “оскорбление чувств верующих”? При этом верить в русалок, в циклопов, в ковёр-самолёт, в Зевса и в вознесение Ромула — не надо, это смешно, мы же все знаем, что это — ха-ха! — мифы, так не бывает. Имею спросить — чем один фольклор отличается от другого? Почему у сказок разный социальный статус? Почему “Калевала” пылится, забытая, на библиотечной полке, а другая калевала лежит раскрытой на амвоне? Почему перед одним фольклором предписывается замереть в благоговении, а над другим снисходительно посмеиваться? Ведь и то, и это — просто литература, нет?

Передо мной стоял некогда приговорённый к смерти по религиозному признаку. Я говорил с этим хорошим человеком менее получаса, на сербохорватском, ни разу не сорвавшись на французский. За эти минуты я “похудел” на 3 кг.

Первый “килограмм” я потерял, услышав его детское свидетельство о геноциде в Сребренице.

Второй “килограмм” я потерял, вновь задумавшись о насилии, вдохновляемом абсурдными верованиями в бред сивой кобылы.

Третий я потерял от досады, что я утратил былую способность грамотно говорить на сербохорватском. Алкоголь мешать можно, а близкие языки нельзя — одинаково хорошо владеть четырьмя языками одной группы (польским, украинским, русским и сербохорватским) — невозможно. Самым сложным лингвистическим испытанием в моей жизни был долгий разговор в сарае, куда меня и другого постояльца, поляка, пригласил хозяин AirBNB, хорват, чтобы вместе отведать его забористой самогонной ракии. Я переводил поляка и хорвата друг другу, а сам синхронно говорил на двух близких языках, и в том сарае я потерял 100 кг, даже ракия мне не помогла. Меня ещё Стахович об этом предупреждал (§2.5.86), и он был совершенно прав.

2026-Sep-04

2.5.50 Еврейско-армянские ассоциации

Под руководством моего замечательного друга и с любезной поддержкой местного Армянского культурного центра я в час по чайной ложке изучаю армянскую культуру. Очень интересно!

Параллели с еврейской, и любой другой, культурой неуместны, сравнения неприемлемы, но некоторые мысли, точнее — **ассоциации**, напрашиваются сами собой, на автомате (память сама подсказывает их), и я позволю себе привести некоторые из них.

Древность

✡ Еврейская: восходит к первому еврею Аврааму в Уре Халдейском бог знает сколько лет тому назад.

֍ Армянская: восходит к хурритам и к государству Урарту бог знает сколько лет тому назад.

Уникальные вклады в культуру человечества

✡ Еврейский: первый монотеизм в рамках иудаизма + основа христианства и ислама, а это, на минуточку, 57% населения мира сегодня и база нашей культуры.

֍ Армянский: первое в мировой истории христианское государство (301 г.) — даже раньше Рима. В то время, когда славяне, тюрки, финно-угры ещё нигде и никем из историков не упомянуты, (где они? что они?) в огромной Армении уже централизованно причащают христиан неразбавленным вином, как и сегодня в армянских апостольских церквах.

Утрата государственности и огромная диаспора

✡ 70 г. н.э.: разрушение Второго Храма, потом безумное восстание Бар-Кохбы. Вынужденная депортация и рассеяние по всему миру как следствие. Да и до 70-го года хорошего мало: растворение в других народах 10-ти из 12-ти иудейских колен, Вавилонское пленение и пр.

֍ Армянский суверенитет утрачен в 428 г.: армяне оказались под властью разных империй. Потом, вплоть до 1991 года суверенитета не было, не считая недолгой (в масштабах армянской истории) Багратидской Армении и маленькой Киликийской позднее. Разделение народа было неизбежным, а Великое злодеяние 1915 г. сделало рассеяние глобальным.

Ассимиляция

Неизбежна, учитывая предыдущий пункт. Неизбежна, но, к счастью, не абсолютна: остался ещё порох в пороховницах! У обоих народов ключевым фактором сохранения идентичности и культуры были религия и язык.

✡ Бесконечные попытки христианизации или исламизации евреев. Упорство ассимилирущих компенсировалось решимостью неассимилируемых. В XVIII веке внутри самого еврейства возникло движение Просвещения (Ѓаскала), ускорившее ассимиляцию изнутри. Потери неизбежны и исторически объяснимы: что бы вы лично предпочли в 1492-м в новосозданной Испании:

стать христианином и продолжать жить и дышать в родном городе — или остаться евреем, но быть изгнанным из родных мест непонятно куда? А Масада — что решите, когда вы *там*: спуститься и сдаться на милость или остаться и умереть? Каждый решает сам. Те люди решили так, и кто возьмётся их судить.

🌀 Бесконечные попытки завоевателей обратить армян то в зороастризм (доисламской Персией), то в прото-православие (Византией), то в ислам (массой желающих). Византийцы даже были готовы на сохранение армянской самобытности, лишь бы армяне приняли Халкидон, но те не приняли. Во время Геноцида 1915 года многие армяне были вынуждены ассимилироваться: их записали турками или курдами — это т.н. криптоармяне, их сегодня миллионы. Выбор перед людьми стоял страшный, если... им вообще предлагался выбор.

Язык

Вот тут параллели ни к чему не приведут.

✡ У древнееврейского есть родственники: совсем близкий арамейский и более удалённый арабский с пересекающейся грамматикой и лексикой. Часть иудейских молитв и пасхальных песен читается по-арамейски, и все понимают его. Древнееврейский был модернизирован в начале XX века одним великим энтузиастом (см. §2.5.98)и стал современным ивритом, сохранив несколько вариантов произношения. Есть ещё языки диаспоры (романский ладино, германский идиш), но это просто гебраизированные версии языков стран проживания.

🌀 У армянского нет соседей — это абсолютно самобытный язык, сам по себе. Индоевропейский, но родственников (типа авестийского) уже нет, все родственники давно умерли. Армянский язык просто так не поймёт никто — надо учить. А из-за вековой разделённости народа армянский язык существует в двух вариантах: западном и восточном, и они не всегда взаимопонятны, как говорят сами носители с обеих сторон.

Алфавит

✡ Еврейское квадратное письмо, восходит к финикийскому. За исключением исчезающего арамейского, никто, кроме евреев, не использует этот алфавит, это алфавит одного народа. До речи, кириллические буквы Ш, Щ, Ц и Ч взяты из еврейского алфавита (ש צ ץ) — в слове “чаща” ⅔ букв еврейские.

🌀 Армянский алфавит — тоже алфавит одного народа. Ни к чему не восходит, уникальный, сложный, в одиночку созданный Месропом Маштоцем в 405 году. Я пытался систематизировать, но не смог уловить логику построения алфавита: даже прописные и строчные варианты одной и той же буквы зачастую не имеют ничего общего друг с другом. Судить, впрочем, не мне.

Земля

✡ Современный Израиль — это ⅔ от территории, входившей в состав царства Давида и Соломона. Бывшие еврейскими земли (Иудея, Самария и пр.) сегодня заселены арабами, огромный Синай передан Египту.

🌀 Современная Республика Армения со столицей в Ереване — это малюсенький кусочек (<4%) от территории Армянского царства Тиграна II Великого, от огромных земель (почти миллион км², полторы Франции). Тот, кто взял авиабилет до Звартноца, и считает, что историческая Армения ограничивается

Ереваном, Севаном и рубиковским Дилижаном, ошибается: колоссальные территории (треть современной Турции с Араратом и Карином, Киликия, Арцах, Южная Грузия, выход к Каспию) были когда-то под армянским контролем, но они потеряны.

Геноцид и преследования

Геноцид — не война, а спланированное истребление по одной лишь причине, что ты принадлежишь к определённому народу. Примеры планирования:
✡ Ванзейская “конференция” нацистов;
֍ первые распоряжения младотурков от 24/4/1915.

✡ Холокост был чудовищным апофеозом, но и до него в течение почти 19 веков были бесконечные наветы, жёлтый знак с XIII века, погромы (крестоносцы, резня Хмельницкого, Кишинёв,..), изгнания из большинства стран Европы и преследования. Хочется вспомнить хорошее, но его мало — в основном, притеснения и ненависть.

֍ Великое злодеяние (геноцид армян 1915 года, которому завтра исполняется ровно 110 лет) печально известно своим зверством, но и до катастрофы 1915 были и Аданская, и Каринская, и Константинопольская резня. Были и долгие века сопротивления чужой и враждебной власти.

Взаимное влияние

✡ Еврейское влияние на Армению очень невелико, не считая факта, что, собственно, само христианство имеет исключительно еврейское происхождение. Если бы не апостол Павел (тоже еврей, см. §2.5.78), доктрина Иисуса осталась бы малоизвестным эпизодом на полях еврейской истории.

֍ Армянское влияние на Израиль тоже невелико. Армянская апостольская церковь — одна из шести, которые управляют Храмом Гроба Господня в Иерусалиме. Тигран Великий контролировал Иудею, но совсем недолго. А сегодня Старый город Иерусалима состоит из четырёх кварталов: Еврейского, Мусульманского, Христианского и — отдельной от остальных христиан строкой — Армянского. В Армянском квартале шикарные рестораны, добрейшие люди в них. Там очень душевно. И — вах! — очень вкусно!

* * *

P.S.:

Символы — это известный всем ✡ могн-Довид, щит царя Давида, ставший символом еврейского народа и иудаизма. А ֍ — это аревахач, “солнечный крест”, древний армянский символ вечности и бессмертия.

2025-Apr-23

2.5.51 Современный детектив

Умер жанр современного детектива — литературного, киношного и настоящего (расследований из реальной, современной жизни).

Взять классику: Конан Дойл, Кристи, Ле Карре, Сименон. Что делают герои и читатель вместе с ними? Они думают, анализируют, соревнуются интеллектами, сопоставляют, взламывают загадки исключительно своей головой.

Тайник в форме булыжника; круги свечой в тёмном окне или точка вместо запятой как условный знак; нетипичный цвет земли на сапоге, выдающий жителя Девоншира; "цветок означает провал" — это полёт мысли и сложная интеллектуальная работа, оттого и читать интересно.

В сегодняшних детективах интеллектуальная работа героев больше не присутствует. Всё решает Ай-Ти: злодей пытается замести свой цифровой след, а полицейский всю дорогу деанонимизирует злодея и гоняется не за ним, а за его телефоном, в котором больше информации, чем в голове у злодея. Один пытается не попасть на камеру, а другой устанавливает как можно больше этих камер. Один плохо запаролил свой телефон, а другой не угадал его пароль ходом мысли (футбольный клуб? имя любимой? дата её рождения?), а тупо взломал его специальной программой — вот и вся канва детективного жанра сегодня.

Вместо битвы человеческих интеллектов — битвы электронных приложений. Психология, интуиция, логические построения, поиск мотивов, оригинальность мышления, дедуктивный метод героям больше не нужны.

Ну а мне не нужна такая литература.

август 2025

2.5.52 Каким я был в детстве

Q&***A*** от дорогих читателей:

🅀: «О Вас уже сложилось впечатление по Вашим рассказам. Но это Вы взрослый, а было бы интересно узнать, каким Вы были в детстве, в школьные годы?»

🅐: Разным. До шестого класса был круглым отличником, а потом сменил достигательство на нон-конформизм — мне надоело доказывать не пойми что не пойми кому, и я испытал краткий миг свободы в своей жизни. Самая частотная оценка в моём аттестате 3, зачастую натянутая из жалости и признания былых заслуг.

В пионерах я был бессменным председателем совета отряда. Дважды был послан в пионерлаг и оба раза только и думал, как бы сбежать на волю от лагерной солдафонщины.

В старших классах закончил Экономико-математическую школу при МГУ: на вечерних занятиях было скучно (хотя при решении уравнений у доски ученику и зрителям разрешалось курить и комментировать ход решения матом), а после занятий было весело (кроме той драки на Ленгорах, конечно).

Первым в классе закурил и нескольких друзей научил курить прежде чем взять паузу на 30+ лет. Не пил ничего: во-первых, было нечего, а во-вторых, и так было весело.

В детский сад был одеваем в кожаный жилет, жабо и лакированные ботинки (Культурная столица, на минуточку), а в 9-м классе носил зэковскую телогрейку и кованые сапоги.

Год занимался в радиокружке — паял схемы и делал электрошокеры из конденсаторов. Всегда хотел учиться в музыкальной школе (скрипка или фортепиано), но мой запрос не был услышан, и я играл только на расчёске.

В старших классах носил очки без стёкол и причёску "взрыв на макаронной фабрике", организовал анархистское панк-движение (см. §2.5.53). С одним другом придумывал язык (§2.5.33), а с другим записал диск с абсурдными песнями собственного сочинения. Уклонялся от вступления в комсомол и писал на суржике рассказы о мифических животных.

Возглас "О, Кобзон пришёл, ща будет весело!" счёл добрым знаком. Однажды в гостях незнакомые взрослые сочли меня умственно отсталым — ещё один добрый знак!

Со спортом не сложилось: в секции дзю-до мне было противно прикасаться к потным борцам, а в боксе мне на первом (и последнем) занятии сильно вломили в пятак, причём ногой, что для бокса, в принципе, нетипично. В качалку не ходил — там дурно пахло. Катался на лыжах за МКАДом (сносно) и играл в волейбол (плохо). Зарядку и пробежку сделал всего раз или два — мы с другом в пятом классе собирались в кругосветку и закалялись. Когда в класс приходили эмиссары из спортивных школ, я специально кособочился, чтобы меня не отобрали, хотя и так никто и не предлагал.

Выбил ногой в школе три двери без всякой цели (потом чертыхаясь починял). На какой-то фабрике на УПК залил огнетушителем красный уголок с бюстом Ленина и гербом СССР (меня не вычислили).

В третьем классе записался на танцы, потому что одна девочка туда записалась. Девочка на занятие не пришла, а меня быстро выгнали из кружка за "бесперспективность". Этот диагноз не помешал мне не пропустить ни одной школьной дискотеки и придумать собственный танец.

Делал одноклассникам домашки по немецкому за деньги: постоянным клиентам 40 коп., а так рубль. Сам покупал у них домашки по ИЗО и черчению, тоже рупь.

Обожал играть в "конный бой", "слона", "сифак", карты и "трясучку", в которой мне неизменно везло. Лёг в лужу за три рубля.

В боевых "походах на 14-й микрорайон" не участвовал. Не привлекался, ибо не за что. Украл только пару початков кукурузы — с одноклассницей ездили в совхозные поля за МКАД на дело (готов возместить).

Никому не хамил, никого не "буллил", ни с кем не конфликтовал, потому что всё обращал в шутку и фарс. В 10-м классе трижды был на грани исключения из школы за пофигизм и за "неуд" по поведению.

Всегда ненавидел т.н. "режим дня школьника". После обеда наскоро делал уроки, чтобы быстрее обрести свободу, а потом допоздна тусовался с друзьями на улице, на чердаках и в подвалах, жёг с ними помойки и придумывал весёлые фокусы. А по ночам читал.

Сейчас из всего этого осталось одно чтение. Даже и расчёски давно нет — захочется поиграть, да не на чем.

октябрь 2025

2.5.53 Собственное вероучение

Когда мне было пятнадцать, на уроке географии, во время которого я играл с Лёхой в спичечный коробок на деньги, я придумал собственное вероучение. У меня ещё не было паспорта, а вероучение уже было.

Это было нечто среднее между религией, сайентологией и партией, но прежде всего это был в чистом виде панк-перформанс. Панк совсем не по форме, а панк по содержанию: фантазия, стёб над "правильным обществом" и нон-конформизм.

Я был поражён, насколько это оказалось просто: основы вероучения были придуманы за 10 минут. Ещё один урок ушёл на то, чтобы их формализовать письменно. К концу последнего урока были готовы постулаты и программа.

Я не стал брать на себя роль Пророка, я скромно назначил себя Командиром и Организатором. Мгновенно и радостно подключились друзья-одноклассники. Один писал идеологические стихи (его "Лурдская песнь" была очень выразительна). Другой, будущий физик, сначала вывел математическое доказательство нашей веры, а потом ушёл в оппозицию к генеральной линии и стал развивать параллельную ветвь учения в рамках моего, но более сложную — мы с ним соревновались в красноречии, полемизируя на страницах вестников, которые писали во время скучных уроков (учителя радовались, думая, что "ребята сосредоточенно конспектируют"). Третий стал настолько рьяно верующим, что я его назначил главой репрессивного аппарата, он стал кем-то вроде Савонаролы, блюстителем веры. Девочки, вступившие в наше движение, были объединены в Женсовет.

Благая весть о нас вышла за пределы класса. Мы обратили в свою веру несколько человек в параллельном классе и троих из соседней школы. Один из них оповестил (так мы называли просветительскую работу в массах) старшую сестру нашей одноклассницы, за что сестра, по словам проповедника, дала ему пощёчину: так он стал первым мучеником за веру.

Нас нельзя было не заметить. Символика движения украшала школьные доски и стены наших чердаков, а после того, как мы триумфально прошествовали торжественным маршем вокруг школы, громко распевая наши гимны, нас стало видно даже из космоса.

Руководство школы вызвало меня на воспитательную беседу. Я сказал, что сверну работу, но делать этого я, естественно, не собирался. Одна из учительниц вручила мне письмо, в котором аргументированно развенчивала наши постулаты, но главное — просила оградить от нас её сына, который уверовал и с жаром проповедовал наши идеалы, пугая этим своих интеллигентных родителей.

На своё 36-летие я получил от друзей дорогой подарок: огромное знамя нашего движения. И мы до сих пор поздравляем друг друга с годовщиной его создания.

Хотите создать новую религию и стать новым Роном Хаббардом? Попробуйте. Это легко! Это полщелчка. Полтора часа работы, если учителя не отвлекают.

январь 2025

2.5.54 Дефенестрация

Когда тебя вбрасывают в класс, надо сработать на опережение: стать не "возмутителем спокойствия", а "жертвой хулиганов".

У нас такое практиковалось в школе: идём группой несколько мальчиков, но заговор уже созрел, и ничего не подозревающий "космонавт" уже приговорён. Один открывает дверь класса, в котором идёт урок, а остальные быстро вкидывают "космонавта" в класс и впятером подпирают дверь снаружи. Вброшенный попадает в идиотскую ситуацию: посреди урока он оказывается в чужом классе и не может выйти. Урок сорван. Под дикий хохот учеников вброшенный встаёт с пола, отряхивается и упреждает гнев учительницы:

— Шёл по коридору, никого не трогал, какие-то гады пиджак мне на голову и вкинули к вам в класс.

— Знаешь ведь их? — вкрадчиво говорит учительница. — Назови их фамилии! Мы их накажем.

Ага, щаз назову я тебе их фамилии. Это ж мои дружки, а вброс меня в класс это не хулиганство, а перформанс.

Сегодня я, завтра ты — нам ещё Борю в женскую раздевалку вкидывать (план уже утверждён).

Когда вкидывают в класс — это в порядке вещей. **Хуже, когда тебя выкидывают в окно**. Перед самым началом урока кто-то открыл окно в рекреации первого этажа (спасибо, что первого!), группа заговорщиков дефенестрировала меня прямо мордой на талый снег, быстро закрыла окно и пошла на урок. Мгновенная смена реальности, очень весело! Менее весело потом было пытаться войти в школу: дежурные требовали сменку и дневник, а главный по смене (несколькими годами позже погибший в ореховских разборках) орал мне прямо в лицо: "Щаз ты у мине тут азвальт будешь жрать!"

О, школьные годы — чудесные! Самое свободное и безбашенное время в моей жизни. Я тогда и не подозревал, что именно тогда был пик "летнего солнцестояния": с тех пор "день" веселья, лихости и свободы неизменно убавлялся с каждым годом.

март 2025

2.5.55 Жеткиншек

Пахло бечёвкой и сургучом — я сидел на почте, выполняя мамино поручение: оформлял ежегодную подписку. Всё как обычно: "Литературка", "Советская культура", "Известия", толстые журналы — скучно. Я стал листать огромный каталог "Пресса СССР 1988", который никого не интересовал, и обнаружил в нём целые залежи диковинных изданий. Чего там только не было! Отраслевые, республиканские, на всевозможных языках народов СССР. Вот это Клондайк! Где я раньше был?

Глаза разбегались, хотелось попробовать почти всё. Я выписал себе на пробу "Радянську жінку" и "Філософську думку" на один месяц, но выделенных мамой денег у меня оставалось мало. Самыми дешёвыми были пионерские газеты (4 коп. в месяц), но мне, девятикласснику, читать их было поздновато. А что если

выписать дешёвую пионерскую газету кому-то другому, например, Леониду? Эврика!

> У меня уже был опыт: мы с кузеном Яцеком подкладывали деду болгарскую "Работническо дело" из киоска и с интересом наблюдали за его реакцией.

Через полтора месяца Лёня притащил в школу два номера "Піянера Беларусі" и возмущался: "Какой-то козёл выписал на наш адрес вот эту хрень". Я полистал газеты: хорошие — стихотворение "Пра хамякоў" ("слаўных і добрых маіх дружбакоў) я помню по сей день. Пока я листал газету, Леонид пристально на меня смотрел, но я себя не выдал. Лёня уже получал от меня телеграммы с идиотскими текстами и имел все основания подозревать.

После школы я завернул на почту, чтобы немедленно подписать Леонида на пионерскую газету "Жеткиншек" на каракалпакском языке.

Через месяц я неожиданно обнаружил в своём ящике "Lietuvos pionierius" и понял, что Лёня понял. Что ж, 1:1.

И началось! Одному выписали "Дась лу" на удмуртском, другому "Ям дели[ри]й" на ещё каком-то финно-угорском. Одной выписали "Ленин учкуни" на узбекском, другой — "Пионер сасси" на чувашском. Они отбивались казахстанскими "Дружными ребятами", "Пионером Востока" и "Бэлэм буолом" на не помню каком языке. Наше почтовое отделение работало на износ. Одних спамили "Жеткиншеком", других "Советакан Карабахом" на армянском — каждый изощрялся в меру фантазии и родительского бюджета. Меня кто-то подписал на месяц на "Літаратуру і мастацтва" [искусство] — газета мне понравилась, и я выписал её себе сам на целый год (откуда я, собственно, и знаком с белорусским языком).

Учительнице выписали на месяц журнал "Свиноводство", намекая тем самым на контингент, с которым она вынуждена работать в классе. Хотели кому-то выписать "Вестник паразитологии", но вестник был дорогой.

С бюджетом было туго: мы экономили заработанные, карманные и выигранные в карты деньги на видеосалоны, сигареты и недорогие гвоздики для девочек.

Вошло в язык. Не говорили "китайская грамота", говорили: "Интегралы — это для меня вообще жеткиншек". Жаль, что не сохранилось ни одного экземпляра из той многоязычной коллекции. Я бы сейчас продал его на Sotheby's и озолотился.

январь 2026

2.5.56 Идеологемы: “всё-таки”

Самое худшее слово в мире вовсе не мат и не богохульство. Мат — это тривиальная анатомия. Богохульство — это пустое сотрясание воздуха за отсутствием хулимого, ибо $x \cdot 0 = 0$.

А самое худшее в мире слово: **"всё-таки"**. И его синонимы: "как полагается" или "а как же?".

Это страшные слова! Предполагается, что их до́лжно принимать на веру, как аксиому. За ними — легион идеологем, навязанных не пойми кем. Эти идеологемы подавляют индивидуальность, ломают личность, парализуют волю,

пускают жизнь человека не по тому руслу: в результате человек проживает жизнь установщиков идеологем, а не свою. Человек платит невероятную цену, некоторые даже к смертному одру не успевают осознать, что они её заплатили.

Другие таки осознают, но уже немножко поздно: жизнь прожита по навязанному идеологемами сценарию.

Поль Гоген осознал и уехал на Таити, но не все мы способны осознать и уехать на Таити.

"Это всё-таки Dom Pérignon!" — говорят мечтательно и с придыханием. И какие эмоции я должен испытать от этой информации? Подпрыгнуть? Не помню, шобы я испытал экстаз в аббатстве Периньона в Овилле в Шампани, и для меня это просто 11 букв на бутылке с 12-ю % этанола по объёму.

"Надо всё-таки следовать приличиям" — слышит Эмма из "Госпожи Бовари" Флобера и не спорит с этой идеологемой. "Надо следовать"?.. Возможно, шо и надо, но потом от установки "надо" Эмма придёт к мышьяку и мучительной смерти. Анна Каренина плюсует по той же примерно причине.

"Это всё-таки дядя Миша!" — и шо, все должны замереть в благоговении? Он от "всё-таки" должен шо, автоматически закрепиться в моём сердце? Если дядя Миша хороший, добрый, интересный человек, то я буду дорожить им, а за один лишь статус любить и уважать нельзя. Любят не статус, любят человека.

Ну и нетленка, конечно: "Как у всех, как полагается, [...] это же..."
См. https://kobzar.be/video/oila_dored.mp4

февраль 2026)

2.5.57 Лучшая из цитат

Когда-то я завёл на своём сайте страничку с хорошими цитатами. "О, — думал, — буду собирать туда мудрости".

Просчитался! Если собрать всё, что мне мне созвучно, то мудростей будет много. А если привести пару дюжин, то это будет куцо и узко — почему именно эти?

Если уж выбрать одну, главную, то это будет цитата моего любимого Джорджа Карлина:

> «People who see life as anything more than pure entertainment are missing the point» = «Люди, которые видят в жизни что-то большее, чем просто развлечение, упускают суть».

Согласен! На мир стоит смотреть только через призму невозмутимости, ироничности и самоиронии, а всё остальное — наносное: "возня биомассы в биомассе", как говорил Альтман (см. §2.5.6 или тут).

Наша жизнь похожа на створку фотоаппарата. До — Полная Тьма, и после — Полная Тьма, Небытие, а между ними проскакивает лучик света с кратчайшей выдержкой: $5 \cdot 10^{-10}$ от возраста Вселенной. И шо напрягаться-то?.. Остаётся только развлекаться.

Мне жаль, что Карлин умер. Я бы очень хотел сейчас услышать от него мнение за наш сегодняшний мир.

апрель 2026

2.5.58 Свобода или сытость?

Хлеб или воля? Важнейший вопрос, на который каждому отвечать самому.

Размышляю последние 30 лет над центральной идеей либертарианства — личная свобода и неотделимая от неё ответственность. Не один размышляю: например, Достоевский в "Карамазовых" размышлял:

Севилья, XVI век, Реконкиста давно в прошлом, Севилья христианская. **Второе пришествие!** Иисус является в город: "*он появился тихо, незаметно, и [все] узнают его*"[50]. Иисус повторяет евангельские чудеса: излечивает слепого и воскрешает маленькую девочку, которую привезли в костёл отпевать. Его арестовывает Великий инквизитор, 90-летний владыка севильских умов, и между ними происходит интереснейший ~~диалог~~ монолог.

Великий инквизитор раздражён пришествием Иисуса, чьи интересы он, на минуточку, поставлен представлять: "*Зачем же ты пришел нам мешать?*" Инквизитор запрещает Иисусу говорить, а сам вдруг ни с того ни с сего начинает рассуждать о сущности свободы.

Посыл Инквизитора предельно ясен: **если дать людям сытость, то им не понадобится свобода**: "*Лучше поработите нас, но накормите нас*". Сила человеческого духа для него вторична и подчинена сытости: "*Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!*" И совсем кричащее: "*Ничего и никогда не было для человека [...] невыносимее свободы!*"

Инквизитор опирается на тотальный контроль над людьми: "*И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — всё судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью*". Да-с, где-то я уже это видел.

Вердикт Великого инквизитора безжалостен, но, к сожалению, справедлив: большинству людей сытость действительно важнее. Большинству свобода или безразлична, или она им мешает: "*Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко*".

Мне бесконечно жаль, что **Инквизитор — прав**. Оглянемся вокруг: много ли людей стремятся к свободе или хотя бы понимают её непреложную ценность? Даже львы в клетке перестают грызть прутья, когда три раза в день они получают мясо, а уж человека-то купить ничего не стоит. Инквизитор: "*Дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба*". Хлёстко, но справедливо.

Род человеческий для Инквизитора абсолютно недумающий и неблагодарный: "*Тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгребать к твоему костру угли*". И это тоже верно, к сожалению.

Жёстко! А правда, она всегда жёсткая, на то она и правда.

Иисус не сказал Инквизитору ни слова. Единственное, что он произнёс во всей главе, было "טַלְיְתָא קוּמִי" = "Tlitá, qúmi!" = "Девочка, вставай!", как он когда-то сказал дочери Иаира, габая синагоги[51]. В самом конце монолога Инвизитора

---

[50] все цитаты курсивом здесь строго по Достоевскому

[51] Марк 5:35–43 https://bible.by/syn/41/5/

Иисус подходит к старику и молча целует его. Вот и весь его ответ — такой евангельский!

Я не понял, почему Достоевский устами Инквизитора вдруг стал предъявлять Иисусу за свободу. С чего бы? Иисус никогда свободу не проповедовал, а ровно наоборот: загнал людей в тесные рамки догмы, смирения и безволия. К концепции свободы обращались многие: Перикл, Сенека, стоики, но только не Иисус.

> Подробнее об этом я писал здесь: §2.5.78 или
> https://kobzar.be/blog/christianitas/

Иисус, скорее, *соратник* Инквизитора, а не противник, он ведь сам кормил народ рыбой с хлебами и сам видел одобрение толпы. И в людях он разбирался не хуже старика.

В общем, каждому решать самому.

Что важнее:

> ① жизнь под видеонаблюдением и полный трекинг от завтрака до постели через удобные "приложения в один клик", Большой Брат, алгоритмы соцсетей, "а что тут такого, мне нечего скрывать", свой маленький уголок за железной дверью, вывернутые перед государством карманы, благоустроенные мэром дворы и разбитые властями парки, дотируемая властями ипотека, стабильный оклад, заказик из маркетплейса и закрытые на всё остальное глаза;
>
> или
>
> ② пьянящий простор собственной воли, безбрежная ширь собственного суверенного бытия без внешнего дозволения и контроля государства, неотчуждаемая от Homo sapiens свобода личности и непреложное право распоряжаться собственной жизнью?

Важно понять — нужна *тебе лично* свобода или нет. Ценность она для тебя или нет.

Выбор — он есть всегда. Он за каждым.

2026-Aug-30

2.5.59 Мы — малыши

Отчего у нас хаос в голове? Оттого, что мы очень незрелы. Мы, Homo sapiens, очень молодой вид. Мы — малыши на этой планете в отличие от варанов или птиц — прямых потомков динозавров. Мы только что "вылупились", точнее — слезли с деревьев. Нам как виду всего лишь 200-300 тысяч лет, а нашей нынешней постледниковой цивилизации — ха-ха! — 12 тысяч лет. Это всего лишь половина цикла прецессии земной оси, это ничто на прямой времени!

И поэтому мы, незрелые "новорождённые", проводим свой век, страдая фигнёй. Бóльшую часть нашего существования как вида мы провели в войнах. Почти всё в нашей истории — война: между Лагашем и Уммой, между x и y, геноцид в Ханаане, нашествие народов моря, Александр, Чингисхан; исламизация и обратно: Пуатье и Реконкиста; Крестовые походы, Столетняя война — одно перечисление войн займёт пол-Интернета и пару месяцев.

Возьмём XX век, откуда мы родом. Кошмар же ж! Две мировые войны, потом Холодная, потом Пол Пот, Руанда, Югославия — да миллион всего! В 1962-м мы чуть не взорвали планету в угаре идиотизма. А у нас при этом уже давно электричество и ДВС, комбайны и телефон, костюмы и галстуки: на вид мы все очень приличные.

А оставшееся от войн место мы заняли идеологемами: "родинами", "государствами", верой в выдуманных небесных существ и идиотскими табу, ломающими нашу природу.

Лишь совсем ничтожная часть наших сил тратится на действительно важное, достойное нас как высшего вида: науку, искусство, образование, воспитание планетарного сознания и солидарность.

Быть молодым — хорошо. Но быть молодым видом — не знаю, насколько это хорошо. Пора бы нам уже повзрослеть и заняться хорошими вещами, а не всякой ботвой.

июль 2026

2.5.60 Упростите выражение

Все помнят школьные задачи по математике "упростите выражение" типа этого. Нагромождение на страницу, а когда разберёшься и повычёркиваешь фигню, то приходишь к базе, к ответу $a = b^2$.

Мне нравились такие упражнения — убрать шелуху, шоб дойти до сути. И сейчас они мне по-прежнему нравятся, но применяю я их не к алгебре, а к обычной жизни.

Люди жалуются и тяжело вздыхают: "Ох, как у меня всё сложно!" Сложно? Я всматриваюсь, отбрасываю наносное и прихожу к банальному $a = b^2$. И вот это — самый грустный момент, потому что суть житейских нагромождений почти всегда сводится к одному и тому же $a = b^2$ ↓

Зависть. Тщеславие. Комплексы. Страх. Обида. Деньги. Власть. Ревность. Потребность в признании. Потребность оставить след. Ритуалы. Зависимость от общественного мнения и навязанных не пойми каким чёртом стандартов. Стремление быть "своим". Желание выглядеть и понравиться. И самое что ни на есть главное — ЛЮБОВЬ ИЛИ НЕЛЮБОВЬ. Вот это последнее определяет и объясняет почти всё в сложнейших нагромождениях жизни.

2026-Oct-08

2.5.61 79 квинтиллионных

На автобусной остановке “Bel-Air” есть табло с информацией о шести автобусах. Все шесть не влезают на табло, поэтому высвечиваются они по очереди: 10 секунд первые три маршрута, 10 секунд другие три, потом снова первые три и так по кругу. Какова вероятность увидеть на табло свой маршрут, подойдя к табло в случайный момент времени? 0,5 же ж, ясень пень, вероятность орла или решки. База.

Тогда почему, чёрт побери, я никогда не вижу на табло *свой* маршрут, а всегда вижу другие три, *не* мои?? Когда я вставляю ключ USB в разъём, я ошибаюсь через раз, это нормально. Но почему на этом чёртовом табло я *каждый* раз, как баран стою и жду, пока высветится табло с *моим* направлением? Всегда, без единого исключения! “Всегда” — это 100 раз, не меньше. Вероятность выпадения *не* моего табло при ста испытаниях = $0{,}5^{100}$, т.е. $7{,}9 \cdot 10^{-31}$. В минус 31-ой, собака, степени! 79 квинтиллионных — вот выпавшая мне на “Бель-Эре” вероятность!

С чем сравнить? Это почти один в один так же соотносится, как масса электрона по отношению к эталону килограмма в Париже. Ну, то есть, разумом не постичь, представить себе невозможно.

Получается, что мне выпала чудовищно низкая вероятность 100 раз попасть на один и тот же экран. Чудовищно, невообразимо низкая! За что мне такое шчастье? Я избран богом или проклят дьяволом? Кто там со мной играет через табло? Представьтесь, пожалуйста. С таким поистине дьявольским везением попасть на околонулевую вероятность я должен был бы сходу выиграть в Euromillions, с первой же комбинации! А какова, кстати, вероятность выиграть джекпот в Euromillions, в которую пол-Европы играет? Очень высокая по сравнению с моим табло, всего лишь $7{,}2 \cdot 10^{-9}$: простой расчёт с факториалами, первый курс.

А-а-а-а-а, бегом за лотерейным билетом, раз я такой “счастливчик”! Ведь уже к 30-му подходу к табло с вечно не моим маршрутом я достиг статистической вероятности выиграть джекпот. А у меня этих подходов было не 30, а 100. То есть мой шанс **выиграть джекпот выше в 9 триллиардов (!) раз**, чем сотню раз подряд увидеть не свой маршрут на этом чёртовом табло. Кому играть в лото, как не мне, помеченному! Не понятно, правда, Кем.

Ну всё, решено. Купил лотерейный билет, и шо — евромиллионер? Нет, вроде. Ещё купил, опять ничего. Ещё разочек. Снова ноль. Ну шо за дела? Почему мне фартит только с неправильным автобусом? Ни табло нормального, ни евромиллионов...

2024-Feb-22

2.5.62 Наука vs. вера

Я понимаю астрономию, но не понимаю астрологию. Законы Кеплера понимаю, а "близнец-стрелец" не понимаю.

Я понимаю только цепочку Анализ → Гипотеза → Эксперимент → Доказательство → Критика доказательства.

Считаю, что эта логическая цепочка универсальна и применима ко всему. Даже такие нематериальные вещи, как вера в человечность, альтруизм, любовь и дружбу — подтверждаются опытом, то есть, по сути, тем же *экспериментом*. Только когда сам испытаешь, поймёшь реальность этих прекрасных категорий. Не испытаешь — не поверишь.

Видимо, мыслить иначе — в категориях веры, а не науки — мне просто не дано. Как не дано танцевать, рисовать или кататься на доске.

июль 2025

2.5.63 Тело для науки

Я завещал своё тело науке. Это пока не очень распространённая в Швейцарии практика, но я надеюсь, что она завоюет популярность. Науке надо помогать, жив ты или не очень.

В Час x тело мгновенно забирают в университетскую клинику, и медики распоряжаются им, как они посчитают нужным с учётом прижизненных инструкций завещателя. Можно выбрать: разрешить пользоваться телом ограниченное количество времени или вечно. Медицинских "противопоказаний" для завещателя нет — примут любого. Науке важны и нужны все! В анатомическом театре все актёры играют одинаково хорошо. Это — **Равенство**.

Отработанный медиками материал утилизируется по мере выработки, прах подсыпается в братские капсулы, а те, наполняясь, добавляются в колумбарий университета в красивом парке. Табличка с именем не предусмотрена: от завещателя не остаётся никаких материальных следов пребывания на Земле. И это — подлинное **Братство** — смешать свой прах с прахом незнакомых единомышленников, твоих братьев и сестёр.

А моё право выбора использования бывшего себя post mortem — это **Свобода**.

И неожиданно получается, что девиз Великой французской революции **"Свобода, Равенство и Братство"** идеально воплощается... в анатомическом театре медфака швейцарского университета.

Через пару-тройку лет в университете проходит гражданская церемония: студенты зачитывают имена доноров (от упоминания своего имени можно при жизни отказаться, и тогда скажут: "и другие"). На светской церемонии присутствуют католический кюре и протестантский пастор: можно при жизни попросить, чтобы один из них включил имя донора в общую молитву или же можно отказаться от услуг обоих.

Плюсы такого выбора:

⊕ Органы, ткани и клетки могут кому-то пригодиться в первые часы.

⊕ Нет похорон, венков, панихид, религиозных обрядов и прощаний с телом, нет могилы и памятника — вообще "места погребения" как такового нет.

⊕ Все инструкции — строго от завещателя. Никто иной не может повлиять на его волю.

⊕ Студенты медфака тренируются на материале и набивают руку, чтобы потом лучше лечить людей.

⊕ Вносится значительный вклад в медицинскую науку, а с ним — в развитие человечества.

Минусы:

Я минусов не вижу.

"Моё тело — моё дело", не так ли? Каждый решает сам.

октябрь 2025

2.5.64 Барионы vs. Антибарионы

У землян нет единого праздника, объединяющего все 8 миллиардов наших собратьев. Нам мешают культурные условности, местечковость, близорукость и разделение на т.н. "нации". От Магелланового пролива до Малаккского и дальше по всем широтам для одних праздник — это победа "остроконечников" над "тупоконечниками", для других — день рождения вымышленного существа, а так, в основном, в качестве праздника нам предлагается всякая дребедень типа хромосомного набора.

Но такой общий праздник есть! Настоящим праздником не только людей, но и всего сущего (включая камни, воздух и кошек) должен стать тот "день", когда в ранней Вселенной барионы победили антибарионов. Эта победа обусловила всё.

Это было очень жёстко! Силы были почти равны. Барионы (нуклоны) сцеплялись со своими античастицами, и в этой битве погибали оба, аннигилировались. Погибли почти все. Ключевое слово — "почти", потому что на миллиард поганых антибарионов тогда приходился миллиард+1 барионов, и именно те оставшиеся ничтожные барионы (один на миллиард!) и составили всё сущее, что окружает нас, из чего состоим мы сами и всё, шо мы видим. Ничтожный ($1 \cdot 10^{-9}$) избыток барионов — это и есть наше бытие.

Какой прекрасный избыток!

Чтобы представить себе масштаб потерь, возьмём миллиард+1 песчинок речного песка и разложим их дорожкой вплотную друг к другу. Дорожка растянется на 500 км — это как от Рима до Милана по прямой. Возьмём в руку одну песчинку, а за остальные забудем — они все погибли. И вот то, что останется в руке, и будет нашей сегодняшней материей. **Мы и всё вокруг — это песчинка в ладони**, а гигантской 500-километровой трассы нет — погибшие барионы от Рима до Милана не стали материей: планетами, деревьями и — нами.

Вот эта победа уцелевших барионов — это действительно повод отпраздновать и накатить! Но... "дня" тогда не существовало, потому что не существовало не то что Земли и Солнца, но и привычного материального мира в принципе.

Ну и ладно. Давайте выберем какую-то земную дату и будем праздновать то, что действительно достойно празднования! International Baryon Day — ничего? Помянем же героических барионов, которых оказалось на одну миллиардную долю больше, чем этих чёртовых антихристов антибарионов, будь они прокляты!

С праздником!

март 2025

2.5.65 Бледно-голубая точка

Когда "Вояджер-1", космический зонд NASA, навсегда покидал Солнечную систему в 1991-м году, ему приказали "обернуться" и напоследок сфотографировать Землю. Радиосигнал шёл к нам почти 6 часов. Получилась едва различимая бледно-голубая точка-пиксель посреди Ничего. Бывали и гораздо лучшие фотографии Земли (та же "Blue Marble"), но пиксель с "Вояджера" поражал тем, насколько Земля мала и одинока во Вселенной.

Автором этой идеи "прощальной фотографии" был Карл Саган, астроном и писатель. Под впечатлением от увиденного он написал замечательный текст о том, что мы — "лишь одинокая пылинка в окружающей тьме, [...] очень маленькая сцена на безбрежной космической арене". Ёмко и точно Саган высказался о нашем реальном месте во Вселенной и о нас самих. Этот текст Сагана я считаю одним из важнейших текстов человечества: 👁
http://kobzar.be/pale_blue_dot.html

Вы спрашиваете, что я считаю своим домом, кем я сам себя считаю, какая у меня в конце концов национальная самоидентификация.

Однозначный ответ: "Бледно-голубая точка"!

сентябрь 2023

2.5.66 8½ МДж — это много или мало?

Такому, как я необходимо в день получать 8 с полтиной мегаджоулей энергии из пищи. ¾ этой энергии уйдут на основной обмен: кровообращение, дыхание, дикое вращение зрачками, глупые улыбки, бессвязную речь, теплорегуляцию, нехитрую работу мозга — ¾ это просто "налог" на биологическое выживание. Оставшиеся ¼ — это на "погулять", это на самое интересное.

8½ МДж — это много или мало? For whom how. На что хватило бы этой суточной энергии, не используй я её, а отдай? Я думал, шо это ого-го, шо много — но шобы да, так нет. Аж обидно.

"Меня" хватило бы только на то, чтобы нагреть мой бывший 28-тонный бассейн на... не заметные никому 0.07°C (почему так мало??). Или на то, чтобы меня самого нагреть на 35°, до температуры супа. Бывали моменты в моей жизни, когда кровь моя, как мне казалось, вскипала, но шобы это реально произошло, шоб 100°C в венах, то мне пришлось бы жрать больше двух дней, при этом не дышать, лежать с остановившимися мозгом, сердцем и обменом веществ и ждать, когда кровь закипит (я не хочу такого эксперимента).

Наполните вашу ванну холодной водой и нагрейте ту воду моей суточной энергией, я дарю её вам. Казалось бы, "тёпленькая пошла", но не садитесь в ту ванну, потому шо вы околеете — моя суточная энергия 8½ МДж поднимет t с 12° до всего лишь... 24°C. В такой прохладной ванне не до шампанского — это издевательство вам будет, а не романтический вечер.

А в денежном выражении вообще жалкое зрелище — моя дневная энергетическая ценность, это 59 сантимов франка ($0.75) — столько стоит у нас 8½ МДж в эквиваленте постоянно дешевеющей бытовой электроэнергии. Ты

намазуваешь, нарезаешь, ты ешь, ты стараешься, а сто́ит твоя суточная энергия всего лишь три жалких quarter'a.

Мои простые расчёты доказали, шо я крайне маломощен в плане теплогенерации, но и потребляю я, соответственно, так же мало. 8½ МДж — это пшик и здрасте.

Чуть лучше обстоит дело на уровне работы, ведь джоули в механике те же. Производимой мною за сутки энергии 8½ МДж хватило бы, чтобы поднять меня грешного на высоту 12'274м, т.е. на самый верхний эшелон, где ещё летают самолёты на FL403. Это впечатляет! Когда ты отдаёшь свою энергию в виде тепла, то ты выглядишь, как клоун, а вот на механическом уровне очень даже мерси. Но я тоже не хочу того эксперимента, шоб меня поднимали на эшелон FL403, я там задо́хнусь, замёрзну и заскучаю.

Обожаю свою любимую настольную книгу, некогда школьный справочник моей дочки. В этой книге я нахожу практически все ответы на вопросы материального мира. Картина маслом: настольная лампа, тихая классическая музыка, чистый лист миллиметровки, бокальчик медока с электронкой в зубах, мой любимый научный калькулятор и эта книга↑ — так и полночи пройдёт за постоянно возникающими вопросами, увлекательными гипотезами и их тщательной проверкой вычислениями.

> ↑ P.S. Упреждая въедливые вопросы моих друзей математиков и физиков, даю свои исходные аргументы: m = 69.5 kg; E = 8.36 MJ; C (H_2O) = 4187 J/kg·°K; C (corporis humani) ≈ 3500 J/kg·°K; A [J] = mgh, разумеется.

Да, я отдаю себе отчёт в том, шо мои ночные расчёты не имеют ни малейшего смысла. Например, я рассчитал, шо два человеческих тела, каждое с известной мне массой и с известным мне до метра расстоянием между ними в момент t притягиваются друг к другу с силой 4.8×10^{-20} N. Да, притягиваются. Ну и шо? Кому-то из этих двух тел легче стало? Не стало. Но мне приятно осознавать, шо такая ничтожная физическая сила таки есть. И мне отрадно, шо я её рассчитал со своими знаниями физики уровня среднего школьника-троечника.

И вообще, всё это ↑ безумно интересно! На это ↑ можно опереться, а на всё остальное нельзя.

(январь 2026)

2.5.67 О восприятии времени

⏳ Время, наше четвёртое измерение... Однонаправленная величина, одна из семи базовых постоянных системы SI.

Час времени — это всегда сколько-то (я не помню, что-то в 13-й степени) периодов излучения цезия-133 при 0° по Кельвину. Время неизменно — изотоп не обманешь.

Повлиять на время могут только две вещи: гравитация и скорость — так доказано обеими Теориями относительности. Но если ты из года в год топчешь Землю дом-работа-дом, не возносясь к Андромеде на дикой скорости, как в "Interstellar", то время для тебя объективно постоянно.

Однако же человеческое **восприятие** времени — разное.

Когда ты маленький, время тебе кажется неподвижным. Первого сентября тебе кажется, что летние каникулы никогда не настанут. Потом они настают, но месяц в Одессе кажется тебе вечностью. Ты не можешь дождаться, когда же ты уже повзрослеешь — тебе кажется, что этого никогда не будет.

Свершилось, повзрослел. А дальше начинается — с каждым годом кажется, что время течёт быстрее, хотя цезий как тикал, так и тикает: ^{133}Cs, он и в Швейцарии ^{133}Cs. Только вчера, вроде, в магазе продавались рождественские венки, а сейчас уже пасхальные зайчики. Зачем вы сменили ассортимент, гады?! Куда вы торопитесь??

Это восприятие **легко объяснимо** — времени жизни остаётся всё меньше, оно субъективно "сжимается", хотя вечный цезий-133 тот же. С каждым новым днём "плотность" времени растёт в наших головах.

Функция [Жизнь / Оставшееся Время] неудержимо стремится к максимуму, и значение этой функции каждую секунду всё выше. Причём по экспоненте, чёрт-перечёрт! Пока писал эти строки, значение уравнения выросло, потому что:
$f\,(Vita\,/\,\tau) \to \infty$

Что у меня в знаменателе уравнения, кто ответит? До Царя Вселенной я не дозвонился: "Нет такого", — говорят. Тогда кто?

Тогда математика. С её помощью **я рассчитал дату собственной смерти** — по средневзвешенной от статистической Life Expectancy at Birth каждой из стран, в которых я жил и живу. Получилось † 22 апреля 2044 года (день рождения Ленина, кстати). То есть, математическое ожидание таково: мне осталось ±18 лет, последняя четвертушка жизни.

Моя батарейка сейчас: ■□□□
И её не подзарядить.

> Каждый может сделать такой расчёт для себя: статистика вам в помощь.

Должен ли я что-то сделать за эти 18 лет, что-то обязательно вместить в этот последний чёрный квадратик, ввернуть, успеть? Должен ли дёргаться, суетиться, оглядываться на не пойми кем установленные "стандарты" жизни?

Нет, не должен. Пусть идёт, как идёт. Свершится позже, чем † 22/4/2044? Мерси. Раньше? "Да будет имя Господне благословенно", как сказал дядя Иов, а уж кто-кто, а он-то точно знал, за шо базар.

А Боб Марля (умерший, кстати, в 36 лет) сказал: "Let's get together and feel all right". Я придерживаюсь его позиции: расслабимся уже.

Будь что будет.

Всё ништяк.

Всяко.

март 2026

2.5.68 Мои пароли

Пин-коды моих кредиток записаны прямо на них. Я могу сделать себе футболку со своими паролями и ходить в ней по городу — я ничем не рискую, потому что видимые людям пароли надёжно зашифрованы моими ассоциациями.

Пример. Не писать же тупо на кредитке 53 — дурных нема. И использовать везде один и тот же пароль — тоже очень плохая идея. Надо зашифровать. С чем ассоциируется 53? Разумеется, с падением Константинополя. В Стамбуле я был один вечер и одну ночь, в город не выходил, ничего не видел. Единственная ассоциация — официантка в ре́сторе, которую звали Йылдыз, что по-турецки означает "звезда" (обычная). "Звезда" по-арамейски будет כוכבא "кохба". И я пишу на кредитке כוכבא, что для меня естественным образом означает 53.

О'кей, предположим, попадается эрудированный хакер, который видит כוכבא, думает за Бар-Кохбу и вводит 132 (год его восстания) или Bar-, наивно полагая, что угадал. Мимо, дядя. А-а-а, это, наверное, числовые значения каждой из арамейских букв? Тоже мимо, попробуй ещё. Хотя лучше не трать время, ведь только у меня в голове живёт цепочка כוכבא ← Yıldız ← вечер в Стамбуле ← падение Царьграда ← 53.

А в другой раз 53 будет передано другой ассоциацией, они не повторяются.

Другой пример: Wolfgang в открытой всем записи будет в реальности означать BWV140. Почему? Какая связь? Подумают за Моцарта и придут в тупик. Потому что я сидел рядом с Вольфгангом в кирхе Св. Фомы в Лейпциге на органном концерте, где звучала баховская (а вовсе не моцартовская) "Wachtet auf...", она же опус BWV140.

Такие вещи могу знать только я один, даже сам Вольфганг не допетрит.

Характерное для кого-то словечко, яркий персонаж, никому не очевидная связь — такого типа ассоциации легко становятся звеньями в цепи очевидных для меня образов.

Криптекс из "Кода да Винчи" Дэна Брауна тоже был построен на ассоциациях, но на общеизвестных — оттого и был быстро разгадан. Да и без ассоциаций 26^5 комбинаций — не такая уж сложная работа.

"Цифровая крепость" Дэна Брауна вообще отдыхает, потому что в его романе был алгоритм наподобие немецкой "Энигмы". А у меня алгоритма нет. Цепочку личных ассоциаций не взломать ни человеку, ни ИИ. Что и кто вызывает во мне какие ассоциации, известно только мне и умрёт со мной.

За моими ассоциативными подсказками могут скрываться и слова (в моей собственной орфографии), и числа, и даже знаки. Как только я бросаю косой взгляд на свой открытый urbi et orbi код, я набиваю настоящий пароль за полсекунды.

Раскрываю карты. Один раз и только у нас!

Вот вам **пароль от моего банковского счёта:** Fidler _ זיסע _ Pâques, а мой шестизначный ПИН в e-banking'e = wakeboard naimirambant.

Вот мой **пароль от личного облака:** GrasseMatinée _ بيت المالك _ Londonderry _ Скотина.

Войдите в мой аккаунт в Телеграме! **Вот пароль:** Посмеёмся _ zeiDeOude.

Успехов вам в расшифровке! (его не будет).

октябрь 2025

2.5.69 La Sinfonietta de Genève

Симфонический концерт в актовом зале моей маленькой деревни на 1700, прости господи, жителей прошёл волшебно.

В программе что-нибудь особенного:
🎼 Шуман с той Рейнской симфонией;
🎼 Чайковский с тем 35-м концертом;
🎼 Штраус с той "Летучей крисой", то есть, пардон, "мишью".

В антракте: буфет с красным и белым нашего местного деревенского винодела-шинкаря, дай ему бог здоровья и богатых урожаев. После концерта: смычка с музыкантами в фойе, с улыбкой на губе и с бокалами в рукою:

— А ви, мадам Мари-Франсуаза, пардон, с отсюда?

— Уже. А так с Парижа.

— Звонко! А в обичной жизни ви музыкантша или, извиняюсь, хто?

— Та нихто! Бухгалтэр. Для души бацаю. Вина подлейте.

— А среди здесь ви шо — альтисткой?

— Таки да. Шо скажете за впечатление?

— Рвёте сэрдце.

— Ой, та замолчите свой рот, ха-ха-ха, ничего особенного.

— Шоб я так играл!

— А ви шо, играете??

— Та я вас умоляю.

— Ну так уже и не начинайте.

Вход: свободный, то есть нуль. Форма одежды: прости господи.

То до нас приезжал восхитительный La Sinfonietta de Genève под дирижёрской палочкой месье маэстро Янна Кернинона с Тулузы-мамы, дай ему бог здоровья и хороших палочек. Оркестр 100% любительский, но звучит, шо твой профессиональный. Единственный профи — приглашённый солист: скрипач-виртуоз от бога маэстро месье Сэрж Островский с из Израиля собственной персоной.

Играли волшебно, рвали струны и души. Аж дыма от смычков было видно. Ми, зрители, только шо не ридали, а так уже.

май 2023

2.5.70 Футы, дюймы и непонятки

— Какой ваш рост? — спросила меня продавщица в богом забытом, придорожном шопинг-молле в американской глубинке в штате Виргиния.

Мне нужно было размяться после длинного автомобильного перегона, а тут внезапно подвернулся магазин мужских костюмов посреди бескрайних лесов Нового света. "О, приоденусь по-американски, — подумал я, — как Крёстный отец".

— 177, — ответил я продавщице.

— Excuse me??

Плохо по-английски говорю что ли? Я повторил:

— One meter seventy-seven, Ma'am. 177 centimeters.

— Подождите, это сколько в нормальной системе?

Тут мы ещё посмотрим, тётя, чья система нормальная. Вы бы ещё в амфорах и талантах всё измеряли. XXI век на дворе, а вы единственные застряли в XIX-м с футами и дюймами.

— Не знаю... — честно ответил я.

— Вы не знаете, какой у вас рост??

— Знаю: 177.

Тётя посмотрела на меня как на идиота и бросила с презрением:

— Вы вообще откуда?

— Из Женевы.

— Какой это штат?

— Никакой. Это Швейцария.

Она не поняла, и снова: "Excuse me?"

— Ну, Европа. Западная, — пояснил я. — Там, где солнце встаёт.

Европу она знала. Это хорошо.

— А, Европа... И что, вы действительно там в Европе всё измеряете в метрах? — засмеялась она.

— Конечно, — засмеялся я. — Это международная метрическая система мер СИ. И вы знаете, мэм, мы также используем килограммы для массы, километры для расстояния, литры для объёма и паскали для давления. Только в авиации футы и морские мили — это единственное исключение.

С жалостью к моему невежеству продавщица протянула мне костюм. Он был на слона. Я понял, что мы не договоримся и собрался уходить несолоно хлебавши.

— Вы не шутите? — спросила она, думая, что система СИ это розыгрыш.

— Я не умею шутить, мэм. У нас, знаете, ещё напряжение 230 вольт, — продолжил я напоследок просветительскую деятельность. — И розетки в каждой стране разные. И языки. И праздники. И валюты. И законы. И, главное — культуры. У нас много чего есть, но у нас нет чаевых, налога с продаж и всепланетарного налогообложения. И руку на сердце не кладём, когда гимн играет (и слов-то его не знаем), и флаг не поднимаем, и не клянёмся ему, и в церковь по воскресеньям не ходим, и английский далеко не все знают, и Дня благодарения у нас нет.

— А Рождество хотя бы у вас есть? — с опаской спросила хозяйка костюмной горы.

— Да, зачем буду отрицать. И время так же измеряем, как и вы, только без a.m.-p.m.

— А как тогда??

— Мы так и говорим: "в тринадцать часов с четвертью".

Это прозвучало для неё как "25 часов" или "32 декабря".

Она машинально взглянула на мои израильские часы, на которых вместо чисел были буквы еврейского алфавита по гематрии. Я хотел было пошутить, что цифры в Европе тоже другие, но зачем же юродствовать — ей, впервые видевшей в своей глуши европейца, и сухой правды было более чем достаточно.

Продавщица слушала меня вполуха, погрузилась в себя. Наличие другой, "кривой" формы жизни за пределами США стало для неё шоком. Я разрушил её привычный мир галлонов, долларов и унций.

Я тоже был в шоке. Европа, давшая Америке 95% того, что у неё есть, оказалась полной terra incognita для простой провинциальной американки.

"Неужели есть дураки, которые не понимают очевидных вещей? — думала, наверное, она. — God bless America! Или же просто этот чёрт с горы ничего не соображает, несёт какой-то бред. Сумасшедший, наверное, отсталый. Придурок..."

апрель 2026

2.5.71 Почему я не использую ИИ

Девочки не добегали даже до Воронежской. Срезáли сразу, отсиживались в кустах пустыря и картинно выбегали к школьному физруку с нужной стороны, не вспотев и не разметав причёску. Девочкам можно :-)

Мальчикам моего класса — **никогда!** Приди ты последним, доползи, сдохни ты, к чертям, на этом ореховском пустыре, но если ты, гад, хоть краем кроссовка срежешь дистанцию, тебе больше никто руки не подаст. Даже если тебя никто не видит, ты никогда не "поставишь свою подпись" под не своим результатом на секундомере. Это не вопрос пятёрки в дневнике, **это вопрос чести** — мальчишеской, а точнее — мужской.

Прошло сто лет, но этот принцип "сделай как угодно, но сам" я несу сквозь жизнь. Применяю его в том числе и к искусственному интеллекту, когда что-то пишу. Как и то "срезание" на пустыре — я считаю для себя недопустимым проверять ИИ-ом орфографию и пунктуацию, искать ИИ-ом рифмы, мысли и ассоциации, делать переводы, редактировать тексты, ретушировать фотографии и решать уравнения — а иначе какое право я буду иметь ставить свою подпись под написанным, якобы, "мною"?

Поэтому мои дорогие читатели могут быть уверены, что мой контент **аутентичный**. Пусть кривой, плохо рифмованный, но — *настоящий*. Пусть я "приду последним", но приду я на *собственных* ресурсах. *Своих*, а не дядиных.

Я остаюсь верен мальчишеским принципам пустыря на физре. Читая меня, вы читаете *меня*.

октябрь 2025

2.5.72 Искусственный интеллект: шок

Меня постоянно позорят, что я не пользуюсь искусственным интеллектом. Я когда-то протестил ИИ, походя, и не впечатлился — благополучно забыл за ИИ. А намедни под давлением продвинутых друзей я зарегистрировался в ChatGPT под левым имейлом и сгоряча раскошелился на месяц премиума Plus на самом мощном их движке с полным функционалом.

Стал тестировать ИИ. Ну, фактология выдавалась хорошо, но для фактов и Google есть, и книги. Решил поставить перед ИИ непосильную для робота, как я думал, задачу.

Спросил: "Слушай, робот. Есть некий автор неких стихов: https://kobzar.be/poesia/. Мне неважно, что ты думаешь за сами стихи, я сам имею за них своё мнение, но скажи мне, чёрт, **что представляет собой автор как личность**, что он за человек? Загляни к нему в душу, просвети его сквозь все возможные призмы, нарисуй мне его портрет". Послал запрос, предвкушая неизбежное подтверждение своего интеллектуального превосходства над железной машиной.

И только собрался кофе сварить, как:

⚡Первый шок: время ответа, меньше секунды.
⚡Второй шок: содержание ответа. Робот за 900 миллисекунд безжалостно и хирургически точно охарактеризовал меня.

О, боже!! Кто это сказал обо мне?? Друг, которого я знаю 40 лет? Близкий человек? Нет. Это сказал робот из Кремниевой долины за... 0,9 секунды.

Польский, армянский, итальянский — ИИ было пофиг, он сожрал все языки и не поперхнулся. И здесь нам важно совсем не то, что ИИ думает лично обо мне — я воздержусь от комментариев о моём психологическом портрете, нарисованного машиной: такое не для публичного канала. Важно другое — способность машины проанализировать сложнейшие концепции, будь то я или хто-то другой. Это даже не литературная критика, это анализ личности автора! Протестируйте сами кого хотите, начав с себя. Не поскупитесь на premium: этот интеллектуальный демарш стоит того.

Я... мягко говоря, обалдел от результатов. Родная мама не знала за меня и десятой доли от того, шо считал с меня ЧатЖПТ. До рассвета я задавал ЧатуЖПТ вопросы о себе, основываясь исключительно на немногочисленных стихах и прозе, а два следующих дня я только и думал над беспощадными, в десяточку ответами робота.

И мне стало не просто страшно, а глубинно, концептуально страшно. Что, неужели робот из Кремниевой долины так глубоко внедряется в мою душу, просто проанализировав публично доступные тексты??

Мой мозг взрывался. Аккаунт в ChatGPT я в сердцах удалил, пусть деньги за месяц пропадут к чертям. Я не хочу такой инъекции под кожу! Я охотно приму инъекцию от того/той, кого допущу внутрь сам, но не от робота. Я обращусь к искусственному интеллекту тогда, когда естественный откажет. Какой ни есть, но он таки мой. Пока что ещё худо-бедно справляюсь, слава тебе господи. Надеюсь доехать до конечной станции на собственных ресурсах.

июнь 2025

2.5.73 Расизм и сексизм

С расизмом и сексизмом я впервые познакомился в самом неожиданном месте — в частном бельгийском банке, где с 1999 года я впахивал финансовым аналитиком американских и западноевропейских IT компаний типа AMD, Oracle, IBM, Cisco, AMat, SAP, STMicro.

Нет, сам брюссельский банк был абсолютно ни при чём — напротив, банк был безупречен во всех отношениях. И Европа тогда ещё была открытой и вольной, она была самым свободным местом на земле. А расизмом и сексизмом сквозили... годовые финансовые отчёты американских технологических компаний, которые я читал по долгу службы.

Я обалдел, столкнувшись с американской реальностью! Я не верил своим глазам. На первых страницах годовых отчётов были не интересующие инвесторов графики роста прибыли на акцию, а... сравнение расового и полового состава сотрудников в отчётном году по сравнению с предыдущим. Разница подавалась как большое достижение. Гордо представлялся т.н. "Affirmative Action Plan" — я тогда не понял, что это означает позитивную дискриминацию, я даже и не догадывался, что такие кошмарные инициативы на пороге XXI века могут существовать в принципе.

Это было омерзительно, тошнотворно — не подсчёт процентов, а **сама постановка вопроса**. Мне захотелось помыть руки и глаза и "развидеть" увиденное. Американские компании считали, что пол сотрудников имеет какое-то значение для работы. А какой-то подонок, видимо, ходил по отделам и рассматривал, кто какой расы, занося наблюдения в свою позорную тетрадку. Как эти переписчики оценивали людей в случае сомнения? В фас, в профиль? До какого колена — по половинам, по четвертям, по восьмым? Мерзко!

Расовый учёт, проценты... Ассоциация возникла мгновенно. Не отождествление, конечно, нет! — а именно ассоциация: не столь отдалённая (два поколения назад), страшная эпоха, когда людям измеряли носы штангенциркулем и оценивали темноту их глаз по цветовому вееру.

Я поделился ужасным открытием со своими бельгийскими коллегами. Они тоже замечали подобную статистику в американских отчётах, и это коробило всех: и фламандцев, и франкоязычных. Никто из нас не мог себе представить, что через 10-15 лет эта позорная практика станет частью и нашей повседневности, что мы в Европе тоже станем обращать на это внимание вслед за Америкой, выбирая эмоджи в тон своей коже.

Если бы я работал в американской компании, и ко мне пришёл бы "расовый переписчик", то я закрыл бы своё лицо листом бумаги и потребовал бы записать себя динозавром.

Обращать внимание на пол в сугубо *профессиональном* контексте — это сексизм и есть. Обращать внимание на цвет кожи человека и на разрез его глаз в *любом* контексте — это эталонный пример расизма.

Какая разница, сколько где кого?! Считать людей по расе, полу и пр. — позорно. Быть подсчитанным для их поганой расовой статистики — унизительно. Читать всё это — невыносимо.

Мне совершенно безразлично, кто испёк мой круассан: мужчина ли, женщина ли, мексиканец или скандинавка — мне важно только, чтобы мой круассан был хрустящим и золотистым, а остальное меня не интересует ни на грамм.

ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ — просто ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ — *вот* в чём расизм и сегрегация! *Вот* откуда всё начинается! Придавать какое-то значение не зависящим от личности врождённым свойствам — *это и есть* источник зла. Нет ни одного параметра, который оправдывал бы сегрегацию людей, какие бы вещи ни интересовали сегрегаторов (внешность, этническое происхождение, медицинские тесты и пр.). Не существует "благих" целей — сегрегация отвратительна всегда. Сегрегация неизменно ведёт к дискриминации, и с ней надо бороться.

май 2026

2.5.74 Домашняя страничка

Юбилей немножко — моей домашней страничке kobzar.be исполняется 30 лет. Она уже прожила дольше, чем Перси Биш Шелли, мир его праху.

Чужие платформы сегодня есть, завтра нет, а собственный сайт живёт до тех пор, пока владелец жив сам и платит за свой независимый хостинг.

Я офигел, когда впервые увидел Интернет в 1995-м в бельгийском университете. "Смотри, — сказал мне коллега Фредерик, такой же аспирант, как и я, — щас узришь чудо". Он написал по Telnet своему другу в Ирландии "Hello", а тот через полминуты напечатал "Hello Fred". В реальном времени! Я не верил своим глазам и держался за стул, чтобы не упасть.

Я за пару дней освоил HTTP и Gopher, проделав этот путь на 5 лет раньше, чем известный послушник Настасий. Моя первая домашняя страничка исчерпывалась фразой "Hello world", которую я написал напрямую в коде HTML зелёным по чёрному. Эту великую мудрость "Hello world" почти никто не увидел, потому что некому было её видеть — Интернет оставался привилегией академического и бизнес-сообщества, и почти только в западном мире.

Имейл был ещё на протоколе POP, а писать друзьям я не мог: имейла ни у кого из них ещё не было. Через FTP я взломал сервер известной газеты: с первого раза угадал пароль "admin-admin" и получил полное управление над вебсайтом газеты. Я мог заменить любую их статью или картинку своей, но я не стал этого делать, хотя весёлых хулиганских идей у меня было много.

Usenet, борды, "нигерийские письма" с предложением забрать миллиард долларов наследства, предварительно переведя "адвокату" в Киншасе $1000... Интернет был полностью анонимным. Под ником "Uncle Petja" ты мог делать всё что угодно: ни регистраций, ни привязки к личности или телефону (которого не было). Полная свобода — и никто не умер от этой немыслимой сегодня "небезопасности": просто каждый сам учился фильтровать информацию своими, а не цукербергоскими мозгами.

Потом я пошёл чуть дальше, чем "Hello world": добавил блог, видео и пр., но свой первый примитивный след во Всемирной паутине я помню как сейчас.

Четвёртый десяток лет с вами.

P.S.: Какой же я древний!

январь 2026

2.5.75 Собственный выбор, а не “ленточный”

Как мы узнаём новости сегодня? Из лент соцсетей — в Инсте, Фейсе, X, Телеграме и пр. Что тебе запу́шили в ленту, то ты и прочтёшь. Хорошо, если ты сам определил, кого читать (Tg), а так-то за тебя решает условный "цукерберг". Мы отдали своё право выбора посторонним людям, преследующим свои, а не наши интересы.

Лентами мы добровольно отрезали себя от 90% информационного пространства. Мы отказались от собственной интеллектуальной работы: заложить своих любимых авторов в закладки браузера, обращаться к ним напрямую, гулять по их вебсайтам и узнавать мириады того, что кто-то решил не подсовывать тебе в ленте.

Мы не ходим по не зависимым от платформ блогам и вебсайтам. Мы почти не используем браузер, хотя *любой* текст в WWW — это протокол HTTP, и браузер — простейший способ добраться до *любого* контента. Дальше — только DarkNet, но и даже там — собственная навигация, а не отфильтрованные дядей Петей ленты.

"А чё, я не в курса́х, мне ничего не приходило", — говорим мы. А должно было прийти? Не приходило — это не значит, что это не было написано. Никто не обязан предупреждать и пу́шить — следи сам, выбирай сам, читай сам, коли грамотный.

октябрь 2025

2.5.76 Защита privacy: поможет кайло

Информационная гигиена так же важна, как и телесная. Когда всё хорошо, мои важнейшие файлы лежат под полным шифрованием диска, под цепочкой из трёх разных паролей. Когда диск отживает своё, я затираю в нули его содержимое через Линукс (функция shred), и инфа становится случайными битами с наложением перекрывающихся масок. Надёжность 100%.

А что делать, когда диск внезапно накрылся с информацией, пусть и зашифрованной? Боже упаси выкидывать. Выход один — кувалда и сверло по стали, чтобы изуродовать пластины.

Но гораздо эффективнее — кайло! Открытие года, очень рекомендую. С 3-4 широких ударов со всей дури (бейте шипом) диск превращается в месиво, и его можно невозбранно выкидывать. Кайло крушит и пластины, и шпиндель. Надёжность 200%: против лома нет приёма.

Покупая диск, покупайте сразу и кайло — privacy цены не имеет.

январь 2026

2.5.77 Тебе откроется!

Египтянин Мухаммад был преподавателем ислама в московской Татарской мечети. Он был настолько религиозен, что даже со своим коллегой Ахмадом он

говорил не на диалекте, как все нормальные арабы, а исключительно на “аль-фусха” — литературном языке Корана VII века. Никаких языков, кроме арабского, Мухаммад не знал и знать не желал. Я, 22-летний студент-управленец, подвизался вокруг них исключительно ради языковой практики (переводил им переговоры с квартирным хозяином, писал по-арабски правила пользования бытовой техникой), ведь в 10-миллионном городе на изучаемой мною литературной “фусхе” кроме этих двоих не говорил никто.

Любые разговоры Мухаммад и Ахмад неизменно сводили к духовному. Передача ключей от квартиры, например, сопровождалась ими отсылкой к исламской концепции “ключей сокровенного”. Почти каждая их фраза начиналась с “*Wa fi-l-islām*” (“А вот в исламе...”). Было очень интересно, необычно и познавательно.

> В свободное от преподавания время Мухаммад занимался выбором второй жены, перебирая кандидатуры египтянок и саудовок. Более молодой Ахмад довольствовался одной и тайно завидовал более успешному Мухаммаду.

Мухаммад поставил себе задачу обратить меня к вере.

“Чему тебя учили? Какая у тебя духовная база исторически?” — спрашивал меня Мухаммад. “Марксизм-ленинизм, — честно отвечал я. — В первом классе занял первое место в конкурсе “Что ты знаешь о Ленине”, грамота даже есть. Могу рассказать тебе о нём. Ещё я своё собственное учение (см. §2.5.53) придумал, но оно тебе вряд ли понравится”. Мухаммад кривился и объяснял всё происками шайтана.

Беседы и увещевания не помогали, и Мухаммад предложил мне следующее: “Раз ты такой непробиваемый, сам попробуй, один. Соверши фаджр [предрассветную молитву فجر, первую из пяти суннитских]. И ты сам поймёшь, почувствуешь. Тебе откроется! Ты ведь готов, брат, ты просто пока сам не знаешь этого”.

Я сильно сомневался в эффективности его совета применительно к себе, но стало любопытно, и я решил попробовать: отнёсся ответственно и объективно как к полноценному эксперименту. Всё по канону: встал затемно, принял душ, расстелил вместо коврика полотенце в пустой комнате, обратился на юг к Мекке. Тюбетейки не нашлось, нашлась кипа. Прочитал наизусть такбират и “Аль-Фатиху” (🎵▶ вот так это звучало, только молодым голосом), а дальше пошёл строго по арабскому тексту: ташаххуд, суджуды, салават — я совершил полноценный предрассветный намаз: серьёзно, добросовестно и непредвзято.

Мухаммад просчитался: я не почувствовал вообще ничего, кроме сонливости, опустошённости и какого-то обидного чувства... обокраденности. Никто меня не видел, но мне стало стыдно за самого себя: зачем я обращался в пустоту? К Кому? Как **я** мог?? Мне никто Оттуда не ответил, и ничего мне не “открылось”. Тишина... Прекрасная в своей естественности и логичности тишина.

Мой эксперимент дал отрицательный результат. Я зафиксировал его и больше никогда не обращался к подобным практикам: духовным, мистическим, эзотерическим, нематериальным и не проверяемым статистикой. Я укрепил свой и так сильнейший иммунитет к псевдоконструктам любого рода. Позднее в жизни не сработали ни медитация, ни мессы, ни йога, ни беседы с верующими и их пастырями, ни сидение в миньяне в брюссельской синагоге — ничего. Сам маэстро Плисс приглашал меня в Еврейском культурном центре к себе в хор учиться на хазана (кантора), но я отказался, сославшись на занятость и приверженность свободомыслию.

Я и до се не могу поверить в искренность людей, верящих в недоказуемое — ну не всерьёз же они верят, в самом деле! Ну нет же! Объясняю их веру простым самовнушением, wishful thinking'ом. И никому не даю оценок — ну... вслух, по крайней мере, не даю — а шо я там на самом деле думаю за это, то это известно только Тому, Кто мне не ответил.

Я могу хоть сейчас пропеть наизусть пару сур с полным азаном муэдзина, грустный "Кадиш" с величественным "Коль нидрей" и "Pater noster" с "Ave Maria" — исключительно как всем известный литературный текст — но ответ на мою "молитву" (точнее, отсутствие ответа) будет очевиден. "И зачем мне терять время и терять Себя, обращаясь к Ничему и играя в чужие игры?" — спросил я себя, хмуро сворачивая полотенце.

Светало. Я снял кипу и лёг досыпать. "Хоть помылся", — удовлетворённо подумал я, проваливаясь в сладкий утренний сон свободного человека.

2025-Aug-05

2.5.78 Павлизм-шаулизм

Иисус из Назарета немножко удивился бы, если бы ему сказали, что он "основал новую религию". Иисус ничего не "основывал", а действовал строго в рамках родного иудаизма: родился иудеем и на крест взошёл иудеем. Иисус по-своему интерпретировал постулаты родного иудаизма, но таких интерпретаторов, как он, было множество: саддукеи, фарисеи, близкие ему ессеи и масса других. Текст один, но прочтений иудаизма много, и Иисусово, *одно из*, не первое и не последнее.

Помазанником Божиим (Мессией на иврите, а по-гречески: Христом) провозглашали себя многие: в еврейской истории их не один десяток, в т.ч. Иисус из Назарета и колоритный Шабтай Цви, который наделал дикого шороху не так уж давно.

> Кого считать Христом, Мессией? Есть чёткие, зафиксированные пророками критерии.
>
> To-Do List Мессии:
>
> ① быть прямым потомком царя Давида;
>
> ② избавить еврейский народ от иностранной оккупации;
>
> ③ собрать весь еврейский народ в Земле Израиля;
>
> ④ установить на всей земле мир и благоденствие: "И перекуют все народы мечи свои на орала и копья свои — на серпы; не поднимет меча народ на народ, и не будут больше учиться воевать". (Ис. 2:4)
>
> При этом "свет солнца будет светлее всемеро" (Ис. 30:26) — вот от этого мы тотчас же и умрём, между прочим: излучения в 6.6 кВт/м² мы не выдержим.

Толкование Иисусом Торы и пророков так и осталось бы (если вообще осталось бы) на полях еврейской истории, если бы не некий господин по имени **Шауль**, а по-гречески Савл. Он был иудеем ультра-фарисейского толка из Тарса, городка в нынешней Турции. Шауль ехал себе на лошади и вдруг испытал виде́ние: ему привиделся Иисус! Мужик даже упал с лошади от привидевшегося (я б тоже упал). Если бы Шауль свернул себе при этом шею, то наша сегодняшняя жизнь

была бы совсем другой (без христианства и, скорее всего, ислама), а мировая история пошла бы по совсем иному пути. Но Шауль был спортивным: он сгруппировался и отделался лёгким испугом, в то время как его галлюцинация на пыльной дороге изменила ВСЁ.

Figure 4: Guido Reni, “Conversione di Saulo”, 1616, холст, масло

Упав с лошади, Шауль уверовал в Иисуса. Отряхнулся, доехал до Дамаска, нашёл иудейских последователей школы Иисуса, которых он прежде гасил, и — **возглавил их**. Талантливый и энергичный Шауль проявил leadership и стал действовать как эффективный менеджер: оценил обстановку, рассчитал ресурсы, определил стратегию и тактику, поставил перед подчинёнными KPI и разослал их во все концы мира набирать клиентуру.

100% еврейскую тему Иисуса Шауль переделал в новую, свою собственную концепцию. Одинокий девственник, Шауль мощно сублимировал в религиозное строительство. Он придумал новые правила, решительно порвал с еврейской традицией и базой. Люди немножко удивлялись: апостол Пётр, к примеру, закономерно кушал кошерное (а как иначе-то в иудаизме?), но еврей Шауль отменил кашрут, обрезание, субботу и всё еврейское. Яков Иосифович, полубрат по папе (папе?..) самого Иисуса пытался спорить с Шаулём, но быстро от него огрёб. Условия теперь диктовал Шауль!

Организаторский и писательский талант Шауля, не знакомого лично с Иисусом, был феноменальным. Разработанное Шаулем вероучение позже назвали христианством, а его самого — апостолом Павлом. Paulus (“малый” на латыни): “мал”, да удал. Строго говоря, христианство следовало бы называть “павлизмом” или “шаулизмом” — в знак признания оргспособностей этого незаурядного человека.

Кончил Шауль-Павел предсказуемо плохо — был обезглавлен. Кто хочет почтить память основателя христианства, тому надо в Basilica di San Paolo fuori le mura в Риме, где останки Шауля-Павла, а совсем не в Храм Гроба Господня в Иерусалиме.

Иисус к христианству не имел ни малейшего отношения.

2+ миллиардов христиан в мире, доминирующая религия планеты, прежде всего в её католическом изводе — это его, Павла, заслуга. Вот что значит эффективный менеджмент! Есть чему поучиться нам, называющим себя лидерами и стратегами. Поучиться и постараться, шоб не обезглавили.

Дальше — больше. Павел выстраивает систему своей новой религии — история катакомбных христиан всем хорошо известна. А потом с IV века начинается христианизация на государственном уровне. Первая — Великая Армения, через три поколения Римская империя, ну и понеслась беда по кочкам.

Последствия разрушительны и трагичны: христианство заморозило развитие Европы на 11 веков. Из множества пёстрых религиозных течений и культур Римской империи осталось одно-единственное.

> Принцип Рима был таков: не шали, не выступай, не восставай, признавай власть императора, плати подати и верь тогда в какого хочешь бога, хоть сам его выдумай. Свою веротерпимость Рим наследовал лучшим примерам: Александру Македонскому и Киру Великому, который даже прикинулся Мардуком, чтобы взять Вавилон без шуму и пыли. Поразительный плюрализм древних, невообразимый даже сегодня для ревнивых, однофазных авраамических религий!

После великой греко-римской культуры, после Аристотеля и Сенеки, Плутарха и Лукреция христианство **запретило вообще всё**, кроме самого себя.

Светское **искусство** было удушено. Вместо Венер Милосских — распятия да иконы. Вместо театра — молебны. Вместо грациозных муз — бородатые святые. Вместо литературы — их жития. Вместо философов — отцы церкви, как один твердящие одно и то же, даже читать неинтересно. Вместо олимпиад — крестные ходы. Вместо весёлых, жизнеутверждающих сатурналий — мессы. Вместо диспутов — костры. Вместо музыки — примитивные каноны в четыре ноты в исполнении старцев. Вместо чувственной поэзии Сапфо — унылые тропари. И так из века в век. А часики Истории тикают — впустую.

Красота **человеческого тела**, чувственность и эрос (главные двигатели жизни и искусства!) были запрещены церковью. А что ещё, собственно, могли предложить одинокие девственники Иисус и Павел?

> А поставим себя на их место на минуточку, и их сублимация станет ясна даже непсихологу. Наше сегодняшнее нездоровое, воспалённое отношение к естественному проявлению природы, нелепое отрицание человеческого естества в нашей культуре — этот сегодняшний гембель в наших головах лишь только из-за того, что 2000 лет назад несколько здоровых молодых мужчин почему-то не смогли найти себе женщин. Познакомились бы они с кем-то, сходили бы на танцы на закате южного солнца, туда-сюда, “шалом вам с кисточкой, мадам”, бокальчик-другой шхемского — и *они* были бы довольны, и *мы* жили бы сегодня свободными от их абсурдных комплексов.
>
> Южанки же красивые: и Соломон (§2.5.8) с Самсоном (§2.5.9) не жаловались на недостаток женщин, живя с евреянками и нееврейками, и всё прекрасно было у праотца Авраама (трое), праотца Иакова (четверо), судьи Гедеона (множество), царя Давида (гарем), а вот с христианства вдруг повально начинаются комплексы и затыки: Иисус, Шауль-Павел, оба Йоханана (Богослов и Креститель, см §2.5.80), евангелисты Марк и Лука, все христианские монахи, добрая половина христианских святых, все поныне соблюдающие целибат священники в любом костёле — эти почему-то не смогли преодолеть “женскую планку”. Какой-то пунктик у ребят, больной вопрос в отношении женщин. Но за их неудачу на главном жизненном фронте почему-то платим мы, непричастные! А особенно **женщины за это платят** — женщины, которых христианство и две другие авраамические религии демонизировали и низвели до самого дна.
>
> За женщин вы мне ещё ответите.

Вслед за иудаизмом христианство покусилось на самоё природу человека — на его **основной инстинкт!** Точно такой же, как жажда, дыхание и сон —

естественный! неотъемлемый! базовый! Это как если бы они запретили еду. Христианство подавило самоё жизнь!

> Был же раскрепощённый Минойский Крит; был же высоко ценивший женщин Древний Египет; была же Спарта, фактически уравнявшая оба пола! (Другие греческие полисы были патриархальнее укладом, но они дали великую философскую и чувственную литературу, и любой из полисов дал бы фору в сто раз нашей зашоренной иудео-христианской цивилизации).
>
> Был и поздний Древний Рим, живший близко к гармонии с природой человека. Была Древняя Индия с её "Камасутрой", была дохристианская Африка с её полигинией: всё — было! Но... тут пришли христиане и превратили нас в стариков — как того хотел неполучивший любви Павел, его друзья и тот, кем он вдохновлялся.

Даже **науку** христиане объявили грехом. В то время, когда Багдад и Дамаск занимались астрономией, медициной и кубическими уравнениями, христианская Европа погрязла во тьме, чуме и нечистотах. Молись и молчи — вот что стало девизом доктрины Иисуса-Павла на христианизированных землях. Веками! 11 веков без прогресса.

Христиане предсказуемо скажут: "Христианство принесло в мир **человеколюбие**" — это ожидаемый ход.
Хм-м-м, да? Человеколюбие провозглашал Иисус, но его почти никто не услышал. А творили христиане ровно обратное идеям их духовного лидера. Спросите об этом у Яна Гуса с дымящейся кожей; у поджигателей сёл староверов спросите; у христиан, устроивших резню в Béziers: "Убивайте всех, Господь своих узнает". Я не назову более противоположных понятий, чем человеколюбие и 2000-летняя история христианства.

> Заметим в скобках, что христианство не уникально в своём роде. Его предок иудаизм и их общий потомок ислам неотличимы друг от друга, в моём понимании. Для меня все три — одна и та же религия, авраамическая: различаются декорации, а суть — та же. Та же нетерпимость, то же подавление личности, то же оправдание всего "Его" волей, тот же раскол между провозглашаемым и творимым.
>
> Чем *принципиально* отличается христианская Варфоломеевская ночь от иудейского геноцида ханаанеян и от мусульманского геноцида армян, ассирийцев и греков? Для меня — ничем. Корни и тексты те же: Авраам → Моисей → Павел → Мухаммад. Чем отличается лидер "Талибана" Хайбатулла Ахундзада от Меира Кахане, Томаса де Торквемады и Владимира Гундяева? Для меня — только одеждой.
>
> Если человек пытается увязать чьё-либо этническое происхождение с "верой", с предками или с идиотскими "заповедями" — он для меня уже преступник — слепой и безмозглый. Потому что такой человек отказывает *мне* в моём критическом восприятии мира, от которого я не отрекусь никогда, покуда мой котелок ещё варит.

Христианизация язычников нам подаётся как “шаг вперёд”. Вперёд к чему? К уничтожению христианами твоей культуры? К религиозной нетерпимости и сексуальным комплексам? Или к чему?

> Один из многих примеров христианского варварства — величайшая Александрийская библиотека. Со времён Птолемеев древние греки, эти основоположники искусств, которым мы почти всем культурным в себе обязаны, скрупулёзно, истово, веками собирали туда всё, что могли —

> эта библиотека была “Интернетом” античности. (Эх, вот бы туда попасть!) Часто говорят, что библиотеку уничтожили мусульмане в 642 г.: халиф Умар якобы сказал: “Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, они бесполезны. Если в них говорится что-то другое, они вредны. В обоих случаях сожги их”. Якобы древними свитками мусульмане несколько месяцев топили городские бани.
>
> Это верно, но на момент арабского нашествия от величайшей библиотеки человечества оставались жалкие крохи, потому что до арабов там уже поработали другие: библиотеку **растерзали христиане** в диком погроме 391 г. по той же причине, что и потом мусульмане: книги там, видите ли, “не те”. Тогда христианский патриарх Александрии с говорящим именем Феофил в порыве “боголюбия” возглавил толпу, которая штурмом взяла библиотеку и разграбила её почти полностью. Всего 11 лет после того, как новоявленным христианам Египта велели сверху, в кого и как надо теперь верить — они и побежали с дрыном наперевес. Ломать — не строить.
>
> За одну лишь Александрийскую библиотеку христиане никогда не получат моего прощения — никогда! А ещё и древние рукописи, сожжённые в еврейских погромах, и Джордано Бруно, и уничтожение в костре *всего* письменного кодекса майя по приказу епископа де Ланда: “В этих книгах суеверия и ложь”. А там были книги по астрономии, праву, истории, которые умные майя собирали веками...

Как только великое Возрождение положило конец этому дикому обскурантизму, Европа мгновенно взлетела! Взлетела на светском гуманизме, на свободе, на уважении к личности, на науке и университетах, на искусстве, *на своих же собственных* античных ценностях, подавленных христианством. И летит до сих пор — ей всего лишь стоило сбросить мёртвую церковную удавку. Но упущенное время уже не нагнать.

Однако возмутительна и кощунственна перестановка причины и следствия! Христианская **культура** нам подаётся как “источник” знаний, искусства и просвещения: монастыри со старцами, росписи, церковные школы, храмы. Это, безусловно, прекрасно, но это всего лишь ничтожная доля от той культуры, которую Европа могла бы создать за 11 веков, развивая своё богатейшее античное наследие с сотнями “богов”, смыслов и культурных пространств. Сначала христиане сокрушили античное, создали малое своё даже не на своей, а на иудейской базе, а потом выдают это малое своё, взятое у иудеев, за *источник* культуры — хм-м-м, это дерзкий заход. Но издевательский.

Это как я ворвусь в ваш красивый дом, сокрушу в нём всё, что вы создали, а потом на сожжённой мною стене вашего дома я повешу свою картину с портретом своих родственников: “вот, отныне это единственный источник культуры и вдохновения для вас; и больше ничего не смейте рисовать, а то я вас четвертую!” Моя картина действительно неплохая, но... понравится вам такой мой визит?..

Невозможно создать полноценную культуру, основываясь на одной лишь единственной книге. Одной, вместо миллионов книг, написанных человечеством, многие из которых боголюбивые христиане, едва лишь окунувшись в спущенную им их правителями религию, уничтожили в Александрии.

Эта “Сказка о потерянном времени” получилась слишком долгой — Европа впустую потратила 11 долгих веков по вине своей новой религии Шауля. Не будь христианства и других авраамических религий, мы бы давно шагнули далеко

вперёд: может быть, на Сатурн высадились бы уже и нашли бы внеземные цивилизации и параллельные вселенные, а не это вот всё.

Не забудем, не простим!

* * *

За **Шауля** с его проектом “Христианство” мы всё поняли. А теперь вернёмся к ничего не подозревающему о “новой религии имени себя” **Иисусу** и подведём итог, сопоставив три взгляда на него:

✡ родной иудейский,

✝ павловский новохристианский (с католической позиции), и

⚛ общечеловеческий:

Мессия (Христос) приходил?

✡ Иудаизм: Нет пока. Ждём исполнения пророчеств.

✝ Христианство: Да, Мессия приходил, и это был Иисус!

⚛ Реальность: “Мессии” не существует, это фольклор наподобие фениксов, драконов или дивов.

Мессия (Христос) придёт?

✡ Иудаизм: Придёт. За это ежедневно возносится молитва “Хоть он и медлит”.

✝ Христианство: Приходил ведь уже. Но Иисус-Мессия придёт вторично. И мало не покажется.

⚛ Реальность: Не придёт. Некому приходить в силу отсутствия персонажа.

Иисус из Назарета = Мессия?

✡ Иудаизм: Нет. Иисус не исполнил ни одно из пророчеств. Он один из десятков лжемессий в еврейской истории.

✝ Христианство: Да! Иисус — и есть Мессия.

⚛ Реальность: Нет. Никакого “мессии” не существует.

Кто отец Иисуса?

✡ Иудаизм: Да кто угодно! Возможно, старец Иосиф, за которого собиралась выходить замуж Мария. Возможно, римский солдат Тиберий Пантера, как пишет Маймонид. Кто-то ещё? Всё возможно: женская душа — потёмки.

✝ Христианство: Отец Иисуса — Бог в ипостаси Святого Духа, ниспосланный Богом-Отцом (Яхве) и вселившийся в лоно Марии 25 марта Нулевого года.

⚛ Реальность: Это, разумеется, был какой-то мужчина с Y-хромосомами. Кто отец, знала только Мария. Или предполагала.

Иисус — потомок Давида?

✡ Иудаизм: Вот кто точно потомок Давида, так это плотник Иосиф, его приёмный отец (или реальный?), а про отцовство Иисуса см. предыдущий пункт ↑

✝ Христианство: Да, конечно, прямой потомок!

⚛ Реальность: Если отец Иисуса — Иосиф Яковлевич, то как же быть с предыдущим пунктом?? ↑ Если Иисус прямой потомок Давида, то он, получается, не “Сын Божий”, а сын Иосифа? Тут надо определиться: нельзя быть **и** потомком Давида, **и** “рождённым от Святого Духа”. Или, или.

Если отец таки Иосиф, а не “Святой Дух”, то формально да — Иисус потомок Давида, но доля крови Давида после 28 поколений = $0.5^{28} = 3.7 \cdot 10^{-9}$ = одна капля на 268’435’456 капель крови Давида (Матф. 1:17). С тем же успехом в 28-й степени (700 лет) и я могу быть потомком Джованни Боккаччо.

Иисус вознёсся на небо?

✡ Иудаизм: Нет, он был обычным иудеем. В 1980-м в Иерусалиме обнаружили семейное захоронение. Возможно, он там (см. Талпиотские находки). Или ещё где-то.

✝ Христианство: Да, он вознёсся на сороковой день, мы же отмечаем после Пасхи Вознесение. Могилы Иисуса не может быть в принципе, ибо Иисус на небе, он сидит одесную Отца. Он не в земле!

⚛ Реальность: Нет, не вознёсся: законы гравитации (g = 9.8 м/с²) абсолютны и доказуемы. Двигателя на 2.2 ГДж у Иисуса не было, а если бы и был, то его тело сгорело бы в атмосфере на Первой космической скорости даже в пяти скафандрах.

> Про Талпиотские находки снят замечательный фильм с Антонио Бандерасом. Рекомендую. В Талпиоте нашли семейное захоронение, где Иисус и вся его семья. Останки Иисуса доказывают, что он был простым смертным и полностью перечёркивают христианскую доктрину. Церковь это понимает и начинает думать, что им делать с этой информацией.

Иисус — существовал?

✡ Иудаизм: Возможно, и жил такой иудей. Или нет. Доказательств нет, кроме Талпиотских находок.

✝ Христианство: Он и сейчас живёт на небе как вторая ипостась Троицы и вершит нашими судьбами.

⚛ Реальность: Возможно, и жил такой человек в Первом веке, где-то похоронен. Или не жил, а был полностью выдуман. Доказательств нет.

2025-July

2.5.79 Почему католицизм

"Почему у тебя все отсылки к христианству неизменно идут на его **католический извод?** — спрашивает меня пытливый читатель. — Других ветвей что ли нет? Ты что, католик?"

Нет, я не католик. Я атеист. Объясню.

Короткий ответ: как любой человек, я ссылаюсь на то, что знаю, что первое приходит в голову. Сейчас посчитал, что 70% своей взрослой 18+ жизни я живу в католических странах, иногда с лёгким слоем протестантизма, как в Женеве.

Католическая культура — это то, что меня окружает: ежечасное отбивание часов деревенским костёлом, кюре на велосипеде, праздничные дни по католическому календарю, искусство вокруг, речь людей, отсылки в ней — да всё. Среда. Достаточно выглянуть в окно. Поэтому я просто "пою о том, что вижу", об очевидном.

Отсылки к католицизму просты и понятны. "Καθολικός" ≈ "всецелый": католицизм универсален, космополитичен, он не привязан к определённому народу, языку или территории в отличие, скажем, от англиканства или Румынского патриархата. И в Сеуле, и в Вильнюсе, и в Рио-де-Жанейро понятия идентичны, католический культурный код един на всю планету. Эта двухтысячелетняя традиция непрерывна со времён Петра, первого епископа Рима — от неё никто не отрекался на долгие десятилетия и не возрождал, когда наверху разрешили (§2.5.82).

Протестантизм? Сложно ссылаться, когда культурных зацепок мало. Протестантизм оказал колоссальнейшее влияние на западную этику, но за пять (!) веков не дал почти ничего в плане эстетики. Реформация не обогащала христианские эстетику и искусство, а крушила их. Уберите из христианского искусства протестантизм — исчезнут госпелы, "Вирсавия" Рембрандта, "Юдифь" Кранаха Ст. и "Тело Христа" Холбейна Мл., а так-то несильно что изменится, если очень грубо, по-топорному оценивать.

А теперь... ха!... попробуйте убрать из христианского искусства "Пьету" и "Давида" Микеланджело; "Аве Марии" и "Тихую ночь"; "Неверие", "Ужин" и "Отдых" Караваджо; уберите гаргулей, резные кафедры и порталы с вимпергами, окна-розы, квадратуру уберите. Да чё там церемониться — уберите чинквеченто со всей Контрреформацией до кучи. Уберите "Stabat Mater" и "Динарий кесаря", уберите Брунеллески, Браманте, Эль Греко, Веласкеса, Реймсский-Миланский-Шартрский-Севильский-∞ соборы, григорианские хоралы, уберите Сикстинские капеллу и Мадонну, уберите Гентский алтарь, пару сотен "Реквиемов" и месс (мессу писал даже лютеранин Бах), уберите это всё — что́ останется от христианского искусства в глобальном (я подчёркиваю — общемировом!), а не в в узком национальном масштабе изолированных автокефальных церквей? Что будет единым, сплачивающим всё христианство кодом в культуре и искусстве?

При любом отношении к религии, даже при моём, нельзя не признать, что католицизм — это гигантский культурный магнит всемирного масштаба. И все мы на его культурной орбите в разной степени удалённости.

На **православие** я не ссылаюсь потому, что мне почти ничего о нём не известно. Советское детство, ассоциаций и связи с восточным христианством ноль: Исаакиевский я помню в виде музея с маятником Фуко, а Казанский в виде музея атеизма; Храм Христа Спасителя я помню в виде зимнего ныряния в бассейн "Москва"; а Пасху я помню в виде неизменного концерта из Сан Ремо по советскому ТВ — если передают концерт, значит, можно предположить с высокой долей вероятности, что сегодня, должно быть, православная Пасха. Уехал в юности в католическую Бельгию и почти не наблюдал возрождение православной традиции на Востоке. Во взрослом возрасте я перечитал несколько известных текстов на церковнославянском, находился внутри нескольких церквей, написал две иконы, а также из любознательности посетил, стоя в сторонке, одну литургию, заинтересовавшись её названием "Иисусу Сладчайшему". Вот, собственно, и все мои ничтожные, постыдно скудные

познания в православии. И поэтому мне не приходит в голову давать ссылки на то, с чем я мало знаком, что не вызывает у меня ассоциаций.

октябрь 2024

2.5.80 Крещение Иисуса Иоанном Крестителем

В 11 лет я случайно прочитал Евангелие в протестантском издании и впал в ступор, потому что я не понял один-единственный момент. Всё было ясно, кроме крещения Иисуса Иоанном Крестителем. Это же иудаизм, на минуточку, почему же тогда "крещение"? Если правоверного иудея Иисуса "крестили" в Иордане, то, получается, христианство уже существовало **до** него?? Кем тогда оно было основано — Иоанном? Кем-то ещё? Я не понимал этого ключевого пункта, думал и злился. Почему Креститель изображается христианскими художниками с крестом в руке? Документироваться было негде: я жил в Восточной Германии, был пионером и председателем совета отряда — марксизм это немножко о другом.

Меня ещё сбивал язык (текст я прочитал на русском), потому что слова "крещение" и "крест" однокоренные. Как так? Крест — страшное орудие казни, наподобие гильотины или виселицы. Крещение, которое я представлял себе по книгам как некий красивый обряд — оно как-то связано с орудием убийства?

> Кстати, когда символом первых христиан был не крест, а рыба (кодировавшая в себе "Иисус Помазанник"), было гуманнее.

Думал, сопоставлял... По-немецки "креститель" = "Täufer". По-английски и по-французски = "baptist(e)". Корни другие, "креста" в этих корнях нет! Значит, надо избавиться от сбивающей с толку славянской путаницы и постараться понять суть описанного события.

Что же за обряд совершил над Иисусом Иоанн в Иордане? Крещение в христианском смысле слова (обращение в веру) невозможно, тогда что это было? Я понял это позже, когда меня вдруг осенило: "крещением" было ритуальное иудейское омовение! Обыденная гигиеническо-духовная процедура, называется она "твилá" (טבילה), смысл её в ритуальном очищении. Надо полностью погрузиться в воду с распущенными волосами (если они есть), чтобы каждый мм² тела был под водой. Твилу проходят и мужчины, но чаще женщины — после завершения месячного цикла и после родов.

Объясняется всё это борьбой с "ритуальной нечистотой": авраамические религии хорошо известны своим неестественным отношением к естественным проявлениям человеческой природы, особенно женской. Эта абсурдная борьба объясняет львиную долю наших сегодняшних загонов, комплексов, проблем, поломанных судеб и прожитых в сером унынии наших единственных и неповторимых жизней, но это тема для отдельного рассуждения. Сейчас речь не об этом.

Вернёмся к твиле. Её также проходят невесты перед свадьбой и новообращённые в иудаизм. Зайдите в любой еврейский общинный центр — там будет мини-бассейн для твилы, называется "миквá". Омовение — это обычная практика в иудаизме, ничего общего с христианским крещением (приёмом в ряды христиан) не имеющая — твила существовала долгие века до появления Иисуса из Назарета и существует по сей день. Ещё в Торе заповедано омовение (Левит, 15). Вот люди и окунались, и окунаются.

При этом абсолютно обнажёнными (даже заколки, резиночки, серьги, лак для ногтей, кольца и браслеты при омовении запрещены), а не в полосатых плавках, как это неправильно изобразили Верроккьо и Леонардо, да и все остальные христианские художники. Вряд ли кто-то из христианских художников знал за настоящую твилу и уж тем более никто не посмел бы её правильно изобразить. За такое творчество костёр однозначно: Святая Инквизиция это что-нибудь серьёзного.

Вывод: в ± 30-м году н.э. в Иордане было не "крещение", это была привычная иудейская твила, обыденная вещь для иудея Иисуса, иудея Иоанна и для всех окружающих.

На родном иврите Иоанна Крестителя зовут Йоханан ѓа-Матбиль — вот вам и корень TBL из "твилы" (чередование б/в — норма в иврите), в переводе: Йоханан "Окунатель", "Погружатель".

Это вам не миква, это тёплая речка Иордан посреди райских кущей Земли Израиля — сам бог велел окунуться! Я бы тоже нырнул в её прохладные воды в знойный день, милое дело.

Когда я понял за "крещение"-твилу, у меня всё стало на свои места, пазл сложился, и я снова перечитал Евангелие. Во второй раз я не злился и был вполне доволен собой и своим "открытием".

декабрь 2025

2.5.81 О Святом Андрее

Вроде бы, уместно было бы что-то сказать о Святом Андрее — человек-то завтра именинник как-никак. Я подумал, полистал Новый Завет и немножко пришёл в замешательство.

Да, Андрей — первый ученик, примкнул в самом начале движения. Да, присутствовал во всех ключевых сценах известного повествования. Да, привёл к Иисусу своего брата Петра Ионовича (он же Камень, он же Шимон, он же Кифа), который затем выступил в евангельском сюжете гораздо ярче и драматичнее своего брата-первопроходца.

Опустим пост-новозаветные писания, что Андрей, де, до окрестностей будущего Киева дошёл, что был распят в Патрах на косом кресте — ограничимся лишь официальным текстом. Каким предстаёт нам герой?

По евангельскому тексту, Андрей — идеальный посредник (привёл к Иисусу греков, дружил с Иоанном Захаровичем Предтечей), он отличный коммуникатор. Наблюдательный — заметил мальчика с хлебами и рыбами. Но не больше. Он сквозной персонаж — везде в сюжете присутствует, но себя он никак не проявляет. Сдержанный потому что. Скромный.

Я не знаю, что ещё о Святом Андрее сказать исходя из предложенного нам канонического текста. Просто вспомним человека в день его именин, да покоится он в мире.

Иллюстрации:

① Изображение Святого Андрея с короны Святого Иштвана

② Официальный напиток дня

Как говорится, "На Андрія сниться дівицям надія". Ну шо, девушки, приснится вам этой ночью надежда? Должна. Следите внимательно.

29 ноября 2025

2.5.82 Михаил Креститель

У постсоветского поколения, родившегося на восточнославянских просторах, была уже православная реальность, которую они закономерно считают нормой. Несколько иначе обстоит дело у моих ровесников и у людей старше меня.

Давайте вспоминать вместе.

1986-й год, ещё не началась Перестройка, ещё и термина такого нет. За спиной почти 70 лет атеизма, три поколения. Религии в восточнославянской жизни нет от слова “вакуум”: люди делают карьеру в советских учреждениях, дорожат своим местом, голосуют на советских “выборах” со счётом 99,5%. Люди потешаются и аплодируют, видя на сцене театра Образцова глумливую и несмешную “Божественную комедию” с Творцом в главной роли. Люди заливаются смехом, видя в любимой народной комедии одухотворённого Миронова с крестиком, несущего на коряге трусы Папанова как хоругвь. И вполне счастливы — большинство до сих пор ностальгирует по тем временам и по тем “добрым, светлым фильмам”.

Накануне Перестройки, за 11 лет сознательной жизни при Советах я никогда не видел ни одного верующего или симпатизирующего. Разные темы обсуждаются, даже запретные, но религиозной темы нет. Вакуум.

У кого-то, возможно, был другой опыт, охотно это допускаю, но лично я до Перестройки не слышал ничего духовного, даже намёка на духовное никогда и ни от кого: ни среди рабочих на стройке, ни даже в детской больнице, ни на интеллигентных посиделках со взрослыми среди “лириков”: филологов и учёных литературоведов, хотя, казалось бы, среда на таких супер-интересных ужинах была самая располагающая. Я не видел ни икон в домах, ни молитвенников, ни нательных крестиков. Из православной духовной музыки я, как и все, слышал только красивый и величественный тропарь "Господу помолимся” в той самой сцене, а больше мне его негде было услышать.

Человеческая память избирательна. Даже спустя три года после абсурдных, никого не спасших т.н. “антиковидных мер” многим людям неудобно вспоминать своё поведение в те месяцы — моих швейцарских собеседников неизменно бесит, когда я им напоминаю, как 2/3 населения проголосовали на референдуме 2021-го года за апартеид и сегрегацию, узаконив поражение в правах своих невакцинированных сограждан. Ну а уж спустя 40 лет и тем более — кому-то желаемое может показаться действительным: хочется думать, что советские люди очень хотели “прийти к храму”, как в фильме Абуладзе, а злые коммунисты им не давали; что снизу был сильный запрос масс на религию, но был строгий запрет сверху.

Запрос? Запрет? Будем честны. Запроса не было, и массы всё устраивало: Новый год с Лукашиным вместо Рождества, сталинский Дед Мороз вместо Св.Николая, концерт из Сан Ремо вместо Пасхи, кекс “Весенний” вместо кулича. Всё прочно стояло на своих местах. Никто не протестовал и ничего не требовал.

Да и прямого запрета, признаемся, не было. СССР не Албания, никто не бросил бы в тюрьму за визит в церковь или за религиозное мировоззрение — да пожалуйста: в СССР есть, где отправить культ и найти единомышленников. Двери немногочисленных храмов открыты, и каждый решает для себя, входить в эти двери с риском для карьеры или нет. Да или нет? Вера или карьера? Выбор *был*. Выбор *всегда* есть, но только советские люди в массе своей не устремляются в церкви на престольные праздники, не требуют открыть перепрофилированные под склады храмы, они никак себя не проявляют внешне.

Почему?

Страх за карьеру? Отчасти.

Дефицит информации? Отчасти.

Атеистическая пропаганда? А её нет: 20-е и 60-е годы давно позади, и пропагандировать некому, всё уже гладко и тихо. В детской библиотеке можно найти книги, где называют “сектантами” классических протестантов (баптистов и пятидесятников), но эти книги надо специально идти и искать, а так никто к тебе с ними не лезет и ничего не пропагандирует. Потому что незачем, религиозность советского общества и так близка к нулю.

Моё объяснение, основанное на внимательных наблюдениях: не было потребности. Бога в среднестатистической советской жизни нет — *органично* нет — точно так же, как органично нет в наших мыслях борьбы Гора с Сетом, как органично нас не заботит аноксигенный фотосинтез у архей — мы никогда не думаем об этом. Такую же примерно околонулевую роль занимала и религия в голове среднестатистического советского человека — всё ровно, всё хорошо, полный штиль, словно и не было тысячелетней византийской традиции на восточных землях.

Три поколения...

Разумеется, я не имею права говорить за всех, я и не говорю за всех. Обобщения — неправильный метод в принципе: всегда есть исключения, существующие наряду с определяющей вектор тенденцией. Кто-то, возможно, проводил воскресенья на обеднях и заутренях, и были, наверное, такие убеждённые и бесстрашные люди (кто-то же всё-таки ходил в церкви, кроме немногочисленных бабушек, кто-то, наверное, боролся за свои убеждения, кто-то не вступал в пионеры и пр.). То, что религия никак не коснулась меня, совершенно не означает, что она не коснулась никого. Я говорю *о массах*, а не об отдельных гражданах. Я говорю лишь о своём личном опыте и считаю его репрезентативным для крупных городов доперестроечного СССР.

> Не раз слышал довод (но не аргумент): “Вовсе и не “вакуум”! Моя бабушка всегда на Пасху яйца красила!”
>
> Охотно верю. Это действительно красивая традиция — красить по весне яйца. Традиция бесконечно древняя, она появилась за тысячелетия до возникновения христианства ещё у шумеров и древних египтян. Имею только один вопрос — какое отношение имело изменение цвета скорлупы куриного яйца к вере и к учению Христа с Его непротивлением, “подставлением второй щеки” (Мф. 5:39), Его заповедью активно проповедовать свою веру в Него, заповедью “вырвать себе правый глаз”, когда он “искушает” (Мф. 5:29), заповедью “возненавидеть отца, мать, жену, детей, братьев и сестёр, а притом и самой жизни своей” чтобы считаться Его учеником (Лк 14:26) и

> посвящением всей жизни Ему: “Оставь [всех своих родных] ради имени Моего” (Мф. 19:29)?
>
> Чего ожидал бы Сам Господь от той бабушки, подающейся нам как православная верующая: жизни во имя Свое или же красителей в кастрюле? Очень хотел бы я услышать доказательства правоты внучки той бабушки и очень хотел бы я признать несправедливость своих сомнений по поводу мотивации заботливой бабушки.

В СССР всё ровно. В школьном учебнике “История древнего мира” — несколько скупых строк об Иисусе, поданных как древняя легенда, наподобие Гильгамеша или Энумы Элиш. Об иудаизме как фундаменте христианства и ислама — ни полслова, естественно. В учебнике обществоведения одна карикатура Жана Эффеля и один параграф, утверждающий материалистическое мировоззрение — очень light, очень ненавязчиво. Это нельзя назвать пропагандой, это детский лепет.

Да и вообще вся иностранная литература в школе была представлена только псевдошотландским стихом Маршака про вересковый мёд и внезапно отрывком из “Дон Кихота” на полторы страницы. Всё! Ни “Гамлета” в советской школе не прочитать, ни “Илиаду”, ни даже “Маленького принца”.

С огромным трудом можно было достать две книги польского атеиста Зенона Косидовского, с критической и саркастической точки зрения комментировавшего Ветхий и Новый завет: пересказ сюжета своими словами + материалистический комментарий. Если бы я не прочитал эти две книги и не знал бы сюжетов, то в 1983-85 гг. я ничего не понял бы ни в дрезденском Цвингере, ни в кирхе Баха в Лейпциге, ни в церкви Лютера в Виттенберге, *в той самой*, где знаменитые 95 тезисов.

> Всю Библию в римско-католическом ватиканском издании я прочту от альфы до омеги только в 1990-м, но в застойном 1983-м 11-летний я читал Косидовского и удивлялся: почему мифы про одноглазого Одина; про Зевса, вошедшего в лоно Данаи золотым дождём; про Ромула, Рема и волчицу публикуются, обсуждаются с серьёзным видом и преподаются с кафедр, а иудео-христианские мифы, которые ничем не хуже, обходятся молчанием и не попадают в библиотеки? Чем сюжет с жертвоприношением Исаака хуже сюжета с Прометеем и орлом? Чем экспедиция Моисея хуже экспедиции аргонавтов? Зачем замалчивать всё библейское??
>
> До сих пор считаю это молчание главной ошибкой коммунистических маркетологов. На месте Суслова я бы наоборот — популяризировал бы эти сюжеты, они потеряли бы свой налёт таинственности и законно встали бы в один ряд с остальными литературными памятниками человечества.

31 декабря 1986-го: звенят бокалы, и никто не подозревает, что их звон возвещает начало кардинальных изменений, заготовленных наверху, а с ними — начало самой светлой и радостной эпохи в истории СССР.

* * *

Новый 1987, только что выкинули ёлки. Январский пленум ЦК, мне 15. Всё резко меняет КПСС, а точнее — один-единственный человек во главе её — Михаил Сергеевич Горбачёв. Он провозглашает Перестройку, он позволяет и даже инициирует. Приближается 1000-летие крещения Руси, на телеэкране появляется благообразный митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Люди ничего не понимают из того, что он говорит, потому что Библию никто не

читал (а где ты текст достанешь?? тут и “Сказания” Косидовского не помогут) и потому что опыта церковной жизни нет, но все смотрят. Иногда показывают Извекова. Стало можно. И даже — стало нужно. Быть коммунистом стало немодно. Под флагом восстановления церквей поднимает голову черносотенное “Общество “Память”, пошёл шквал перестроечной литературы, начались разговоры о духовности — всё! — там наверху не только разрешили, но и даже дали понять, что православие — это теперь мэйнстрим. Который продолжается по сей день.

Это не было движением снизу — до высочайшего разрешения в 1987-м массы оставались полностью безмолвны, безучастны и инертны. Массы не сделали ничего, чтобы приблизить 1987 год. Это не было ни революцией, ни эволюцией, ни запросом, ни требованием — это было инициировано одним человеком, его волей и великодушием.

Сверху инициировано. Не снизу. Принципиальная разница.

> Эпизод тех времён. Весна 1987-го или 88-го, Светлое Христово Воскресение.
>
> Вхожу в лифт и не сразу замечаю лежащего на полу моего соседа с верхних этажей, офицера и члена КПСС, обычно неприметного мужика, а сейчас мертвецки пьяного. Я решительно ничего не имею против мертвецки пьяных — твоя жизнь, распоряжайся ею как сам хочешь, нет проблем, хоть обпейся, но только, пожалуйста, не в замкнутых помещениях. Ведь велик риск, что пьяного вырвет, а я этого страсть как боюсь. Рвота — это самое худшее зрелище на свете!
>
> — Христос воскресе! — неожиданно послышалось с пола.
>
> — Спасибо, мне уже говорили, — пытаюсь отвязаться бородатым анекдотом.
>
> — Христос во... воскрес! — уже более утробно и оттого ещё более тревожно возглашает сосед.
>
> — Всё в порядке, товарищ, вы в лифте, не волнуйтесь, скоро приедем, ля-ля — увещеваю его и с нетерпением считаю этажи. Хоть бы успеть!
>
> — Почему не отвечаешь как полагается, щенок? — сосед презрительно сощурился.
>
> Хамить-то не надо, дядя.
>
> — Кем полагается? Мы в школе такого не проходили.
>
> — Ты тупой? — спросил сосед. — Наркоман? Телевизор не смотришь? Не знаешь, что от... от... отвечать надо?
>
> — А вы-то сами давно узнали?
>
> — Ты мне это, того, прекрати!
>
> — Вы первый начали.
>
> Лифт остановился, двери открылись, но это далеко не первый этаж — видимо сосед спьяну нажал на несколько кнопок ещё при посадке. Чёрт, надо было по лестнице дойти! Едем дальше.
>
> — А ну-ка, — вернулся к разговору сосед, — как отвечать надо? По всей форме. Христос воскрес!
>
> — Всегда готов! — я отдаю пьяному пионерский салют сверху вниз.
>
> — Ты что, пионер? — удивился пьяный. — Лось такой.

> — А вас, судя по дискурсу, исключили?
>
> — Молчать! — сосед стал тыкать себя пальцами в разные места груди, то ли прогоняя предрвотную икоту, то ли пытаясь перекреститься. — Смирно! Равнение на середину! Христос во... во... воскрес!
>
> — Служу Советскому Союзу!
>
> Лифт, дорогой, пожалуйста, поезжай быстрее!
>
> — Ах ты, щенок! Молчать! Отставить бо... бо... богохульство! Ик... ик... бог тебя покарает!
>
> — Уже покарал, раз я здесь с вами.
>
> Чёртов лифт!
>
> — Да я щас тебя! — пьяный подрыгал ногой, пытаясь встать, но не смог. — Я научу тебя, ик..., верить в бога! — урок катехизиса обещал быть интересным.
>
> — Ещё раз, заново! Готов?
>
> — Главное, вы приготовьтесь.
>
> — Христос воскрес!
>
> — Алейкум ас-салям! — я пулей вылетаю из лифта и ещё слышу не то проклятия, не то очередные религиозные поздравления в мой адрес. Скорее, первое.

В синагоге на Архипова когда-то висел текст “молитвы за Советское правительство” — на иврите с ашкеназской транскрипцией (“мемшоло”, “омейн”). Интересное панно, его потом какой-то олигарх выкупил. Мне кажется, что в каждой религиозной организации на постсоветских просторах где-то должна висеть памятная табличка с именем Михаила Сергеевича — как благодарность человеку, который великодушно дал советским людям религию и подтолкнул их к ней. Коммунист и атеист, он сам того не подозревая невольно встал в один ряд с Павлом (§2.5.78)и Владимиром Крестителем. Без Михаила Сергеевича и его Перестройки люди бы до сих пор сидели на партсобраниях в Страстную пятницу и не догадывались бы, что это Страстная пятница и даже не смогли бы объяснить, если бы их спросили, что такое Страстная пятница.

2024-Nov-13

2.5.83 О Тридентской мессе

В далёком 1969-м Ватикан изменил литургический чин — мессы стали служиться на национальных языках. Латинский язык, не родной ни для кого на нашей Земле, ушёл из церкви — от Белостока до Магелланова пролива. Самая большая в мире религиозная организация лишилась традиции, восходящей к IV веку и зафиксированной папской буллой и Римским миссалом в 1570 г. Мессы, которые служили Монтанелли, Ришелье и Отто Кац, канули в Лету.

Но не полностью.

Есть редкие приходы, придерживающиеся старого римского обряда, т.н. экстраординарного чина (где латынь, где кюре обращён на восток, а не к пастве и пр.). Его Ватикан не приоритезирует, но и не запрещает. Экстраординарная (она же Тридентская) месса служится на латинском, как в 1570-м, как при

батюшке Карле IX Варфоломеевском, брате королевы Марго. Там и "Ite, missa est" звучит, и "Dominus vobiscum" — прямо как в классических книжках.

май 2023

2.5.84 Языки: многая языки — многая печаль

Хорошо ли знать много языков? Ну да. Но помогает ли это ясно выражать свои мысли на том языке, на котором в данный момент говоришь? Нет!!

Наоборот, очень мешает. Мешает, потому что что слова из разных языков лезут друг перед другом, как горох в воронке, а слово на нужном сейчас языке никак не приходит. Пять других слов уже вот они, а на нужном *сейчас* языке как назло нет. И ты мычишь, экаешь, ждёшь, пока мозговой процессор выдаст нужное слово. И при этом выглядишь полным идиотом.

Хочется сказать, к примеру:

«*Та гля на Пьера: ни гешефт его вже не инфлэймит, ни актуалитэ, ни активитэ, ни даже той его ВэКа: сидит тетанизэ, шо твой клотц. Но, видать, резон у человека: дулёр экскиз! Ще а бисл и вуаля: тот зинс, маннеке, реквиескас ин паце*». Абсолютно нормальная, естественная фраза, сказанная на одном дыхании.

Но чтобы тебя поняли, говорить **надо** так:

«*Да посмотри на Пьера: ни бизнес его уже не зажигает, ни текущие новости, ни активные виды досуга, ни даже этот его чемпионат мира по футболу: сидит замороженный, как истукан. Но, видать, есть причина у человека: жестокое чувство неразделённой или нереализуемой любви, когда нет возможности быть с любимой женщиной. Ещё немного и ага: прощай, дорогой товарищ, да упокоит тебя Господь в мире*». В два раза длиннее и менее сочно, но зато правильно на заданном языке.

Беря лучшее от всех языков, снимая с каждого из них сливки его точных определений, я могу выразить мысль быстро, легко, ёмко и остро, хотя для понимания одной этой ↑ фразы понадобятся нидерландский, французский, украинский, идиш, английский и латинский. Оставаясь в строгих рамках заданного языка, приходится говорить длинно, долго и блёкло, отгоняя точные эквиваленты из других языков, которые мозг мгновенно выдаёт.

Полным идиотом, я ж говорю...

июнь 2024

2.5.85 Моя методика в изучении языков

Меня всю жизнь спрашивают, как я учу языки, в чём моя "фишка". В принципе, ничего особенного, и фишек-то всего две.

Фишки

У нашего мозга два полушария, рациональное и эмоциональное, и надо заставить их обоих служить поставленной цели.

❶ Рациональное

Надо понимать **структуру** того, что учишь. Разбирать морфологию каждого слова, до винтика. Не просто запомнить, что “спасибо” по-португальски — это “obrigado”, а понять, что это причастие 1-го лица ед. числа глагола “obrigar”, согласующееся с полом говорящего и означающее “обязанный/-ая”. Тогда сразу всё встаёт на свои места, и ты “взламываешь” грамматику на раз, просто давая себе труд вникать в то, что *именно* ты учишь.

> В подростковом возрасте я смог получить шикарную практику литовского с тотальным погружением в литовском колхозе: 30 студенток и 1 студент, все литовцы, других языков нет. И внезапно среди них я, школьник. Я быстро учил язык со слуха, но сейчас я бы неизбежно забыл всё напрочь и не смог бы сегодня открыть и даже почти читать литовскую газету, если бы не закрепил тогда интуитивное *структурным* (пример по этой ссылке). Именно структура удержала язык, как яблоня удерживает яблоки.

Только Структура! Во-первых, хорошо запомнишь, а во-вторых, структура приведёт тебя к пониманию Системы, а это принципиально — знать, *почему* ты так говоришь.

Но структура в рациональном полушарии котелка не единственное условие, надо ещё и это ↓

❷ Эмоциональное

Надо **“заболеть” языком**. Всё время держать его в голове. Пытаться переводить на язык всё, что видишь, слышишь и особенно — думаешь. Поначалу, когда ты знаешь три слова, два из которых непечатные, то толку будет мало, но ты озлобишься, соберёшься и добьёшься, чтобы получилось. И только так запомнишь — только через свой труд, азарт, скрежет зубов и… злобу. Сделай злобу своим союзником, обрати минус в плюс.

Потом попустит, но пока ты в острой фазе своей лингвистической “болезни”, язык и открывающаяся с ним культура должны присутствовать в твоей жизни ежечасно. Лампочка должна гореть постоянно. Обклей всё вокруг post-it'ами со словами, а гораздо лучше — с конструкциями. Слушай и учи песни, пой их. Переключи язык в телефоне и навигаторе на тот, что учишь. Слушай радио. Люди будут от тебя стонать: “Опять эта абракадабра?? Зачем она тебе? Ты можешь о чём-то другом думать?” А несчастные носители языка будут шарахаться от тебя, от твоих бесконечных вопросов и восторгов по поводу освоенного. Окружающим будет нелегко с тобой, согласен, но это неизбежная побочка второй фишки.

> Надеюсь, что терпения моего друга, выносящего в эти дни мои бесконечные вопросы и просьбы проверить мои каракули, хватит на то, чтобы пережить этот период, не забанить меня и сохранить нашу многолетнюю дружбу: диди мадлоба, Дзмао!

Ты должен **подсесть на язык**, как на хороший сериал. Ты должен тянуться к учебнику, как к любимому блюду. От радости изучения у тебя должны вырасти крылья, ты должен взлететь и воспарить на них, полный радости и гордости. Эндорфины можно получать разными способами, и радость познания — один из этих способов, пусть и не самый очевидный и не самый сильный.

Ну, а если “учить инглиш 20 минут в день” по расписанию, если не взлетать, а просто слегка подпрыгивать, то не надо и затеваться, это мелко и неинтересно,

и это не сработает по-любэ. Не трать время на такое. Между ходить и летать я безусловно выбираю второе, а ради полёта на крыльях можно многое отдать. Икар, например, отдал. И мы его помним до сих пор, хоть кончил он и не очень хорошо, мягко говоря. Но он, ####, летел!

Итак,

❶ Структура из рационального полушария +

❷ Подсадка из эмоционального полушария

= Вся башка работает на твою цель

↓

Результат и удовольствие

Я ни в коей мере не претендую на истину, я просто делюсь своим методом по просьбе друзей. Это не “совет”, не “know-how”, это просто мнение. Все мы разные, каждому подойдёт какая-то своя методика. И мне тоже очень интересно, у кого какая.

Плюсы моего подхода ❶+❷:

Получишь дикое количество эндорфинов из неожиданного источника. Забудешься, отвлечёшься от повседневной реальности. Полетишь на крыльях в другое измерение. Повысишь на ступеньку самоуважение, поняв, что и *эту* высоту ты взял. Ну и вдобавок к главному — к кайфу от интеллектуального усилия — ты бонусом выучишь ещё и язык, откроешь новую культуру, созданную человечеством.

Минусы ❶+❷:

Пока ты “болеешь языком” на ранней стадии изучения, люди будут считать тебя дурачком. Однако... who cares, really?... Считают дурачком и ради бога. Это их проблемы, не твои. Скорее всего, они завидуют твоей способности увлекаться и твоему полёту — летишь-то ты, а не они.

Не стесняйся!

> «Мне всё равно, что вы обо мне думаете. Я о вас вообще не думаю». (оригинал)
>
> — Коко Шанель

Долой стыд! Не бойся говорить и писать неправильно! Ты учишься, это нормально. Делай ошибки. Хватай руками воздух, выгляди “смешно”. Говори с акцентом. **Но — говори!!** Не закрывайся, не комплексуй, не молчи! Это *ты* растёшь, набираешь высоту, а твой критически настроенный собеседник стоит на месте. А не плевать ли тебе на его мнение? Чаще всего, тот, кто позволяет себе смотреть на тебя свысока, сам владеет другими языками на уровне “майн пиджак ин вайсе клетка” (© Дина Рубина). Так не забить ли тебе на то, что думают о тебе другие? Неужели из-за их одного насмешливого взгляда ты позволишь себе прервать свой чудесный полёт и сложить свои крылья??

> Я приятельствовал с одним умным человеком, который учил русский и говорить со мной он хотел только на нём. Сказать, что его русский был

> “языком” — сильно преувеличить. Это было чудовищно: спряжение наугад, словарный запас ничтожный, род — по родному языку, падежей и произношения не было вовсе. В миллион раз проще нам было бы говорить на его языке, но он упорно отказывался и переходил на “русский”. Но говорили мы на интереснейшие темы: искусство, история, европейская политика, и я был увлечён дискуссией с ним.
>
> В первые пять минут я был в шоке и пытался приноровиться. А ещё через пять минут я поймал себя на мысли, что я *вообще* не обращаю внимания на то, *как* он говорит, а только на то, *что* он говорит, а говорил он умные вещи. И кто был тем слушателем? Им был я — всегда обращающий внимание на речь людей на любом языке, внимательный к малейшим её особенностям. И даже такой взыскательный (и очень противный) слушатель, как я *полностью* отключился от формы, будучи поглощённым содержанием, и больше я никогда не обращал внимания на манеру речи этого человека. Шок продлился несколько минут и прошёл бесследно.

Будь свободен: говори, самовыражайся, забей на критиков и никогда никого не стесняйся! Будь свободна, как Леди Годива.

Как работать

Только самому! Всё ведь в жизни в голове. На начальном этапе обучения — ты и только ты. Потом можно будет подключать и внешние силы.

Записанные в Ютубе видеоуроки только раздражают: чаще всего это самореклама и самолюбование, а некоторые ещё и кривляются и сюсюкают. Любой видеокурс пролетит, как фанера над страной изучаемого языка — через полчаса и не вспомнишь.

Приложения типа Duolingo тоже ни о чём. Не пропущенный через глаза и руку материал не усвоится, пропадёт вместе с гаснущим экраном телефона. Забудешь “выученное” за три минуты.

Не надеяться на преподавателей! Они-то знают, а работать — тебе.

> Из группового хороши только дискуссионные клубы на продвинутом этапе. Я несколько раз ходил в такой клуб в многонациональном Брюсселе. Стоят столы, на каждом табличка с названием языка, и за столом разрешён только этот язык. Подсаживаешься, представляешься, знакомишься и включаешься в дискуссию. Никто тебя не поправляет, модератора нет, но практика шикарная.

Индивидуальные занятия очень хороши, но тоже уже на продвинутом этапе. Я так недолго позанимался с преподавателем иврита (на пару с коллегой), с персиянкой (один на один) и с итальянкой (тоже один). Но и здесь самое важное — *самому* управлять процессом. Рулю только я, а не препод! Никаких “тем”! Все темы есть в учебнике. Преподаватель — просто спарринг-партнёр, он ничего не должен “преподавать” и даже готовиться к занятиям, он(а) просто сидит и слушает тебя и твой бред (за твои деньги), сразу останавливает тебя, поправляет. Вчера ты говорил за Пиноккио, сегодня за Артаксеркса, но только я выбираю, что обсуждать и как. Это очень хорошее дело — индивидуальные занятия, когда ты *сам* освоил азы.

Групповые курсы-шмурсы, где нудно "объясняют темы" — это тоже не очень. В хорошем учебнике структуру объяснят в сто раз лучше. Ты будешь или опережать остальных и скучать, или отставать от других и огорчаться.

> Групповые курсы я недолго посещал в ульпане при Еврейском университете — учительница была нормальная (а учительство ей засчитывалось в службу в Армии обороны Израиля), но по методике это был кошмар. Биолог Боря прекрасно знал даже биологическую лексику (страшное дело: ни одного индоевропейского корня!) и откровенно скучал, когда мы пытались рассказать, кто как провёл лето. Владимир же не понимал вообще ничего. Учительница Рахель задавала ему вопрос, он его не понимал, ему переводили, но отвечал он ей по-русски, которого Рахель не знала. Она кричала ему в лицо: “Владими́р! Бе-иврит!!!”, но Владими́р только громче повторял на русском свой нудный рассказ о рыбалке на гнилом пруду. Боря при этом затыкал уши, матерился на русском и иврите, лез на стенку, а весь класс уговаривал Владими́ра отказаться от ульпана и от репатриации в Израиль в целом. В общем, “средняя по больнице” не подойдёт никому в группе, и тебе в том числе.

На продвинутом этапе хороша методика параллельных текстов (вот пример). Сравнивай, думай, анализируй и получай от этого удовольствие.

Переводи с известного языка на изучаемый (не наоборот!) и потом проверяй себя. Много пиши: рука сильно поможет голове. Заучивай наизусть готовые конструкции.

Попроси носителей вокруг тебя, чтобы тебя поправляли. Люди будут стесняться показаться “невежливыми”, исправляя твои ошибки, но ты настаивай. Это вообще шикарный метод, но мало кто соглашается исправлять из ложной вежливости.

Я не верю во фразу “мне языки не даются”. Нет. Твой родной язык дался же тебе? Говоришь, думаешь на нём, пишешь? Значит — можешь! Значит, твой мозг *уже* обладает этим инструментарием, и ты это доказал. Значит, нужно просто найти подходящую тебе методику: мою ли ❶+❷, любую другую ли. Кто-то учит со слуха (я так не умею), кто-то учит в игровой форме (меня это бесит) — но способов познания много, просто найди *свой*, и ты справишься.

Не огорчайся, если живёшь не в языковой среде, это вообще непринципиально. Вся образованная Европа писала и преподавала на мёртвом латинском спустя века после распада Западной Римской империи — и ничего, это не помешало ни Копернику, ни Эразму Роттердамскому. И даже если ты живёшь в стране изучаемого языка, то это несильно поможет без твоего труда по системе ❶+❷. Языковая среда — это подарок, но и в среде ничего само не выучится. Только ты, только твоя работа ❶+❷ (голова+сердце).

Хорошие учебники

Хорошие дают структуру. Хорошие рисуют схему гортани и академично объясняют логику языка. Должно быть строго по темам: если объясняешь алфавит, так дай его, ****, весь целиком, а не на каждом т.н. “уроке” каждая новая буква! Вы же не объясняете ре и фа по отдельности, а даёте всю 12-нотную хроматическую гамму на стане — так вооружите же читателя сразу, а не дозированно. В конце должен быть полный грамматический справочник. И нельзя не отдать должное советской академической школе: Шарбатова в арабистике и Овчинникову в иранистике не перебил ещё никакой учебник по “новаторской методике”. Попробуй найти старый советский учебник. Западные учебники иногда попадаются хорошие, но точечно, редко — на Западе нет такой системной академической школы в лингвистике.

К хорошим учебникам идёт аудиокурс в mp3 — этого вполне достаточно для начала.

Плохие учебники

Плохие видно сразу: заигрывание с читателем, глупые картинки, фото улыбающихся недоумков с поднятым большим пальцем на обложке, несмешные комиксы, диалоги лисёнка с котёнком, т.н. “игровая форма”, т.н. “интуитивность” и “шутя” — это полная туфта. Авторы плохих учебников как бы извиняются за сложность языка и уверяют тебя, что всё очень просто и подбадривают тебя: “Щас-щас мы скажем тебе, *как* это сказать”. Да мне пофиг, *как* сказать, мне важно понять, *почему*. Не надо относиться к взрослому читателю как к идиоту.

Упражнения?

Почти всегда в учебниках есть упражнения и ключ к ним. Кому-то это, наверное, полезно, но я никогда не сделал ни одного упражнения, потому что упражнения ломают кайф, они мешают тебе взлететь. Когда тебя уносит на крыльях чего-то волшебного, ты же не “упражняешься” и не делаешь “как правильно” (см. §2.5.23) — ты просто летишь, и ты счастлив. Так же и здесь. Унылые упражнения вносят унылую рутину — нет, не для этого мы учим языки. Только полёт, только небо! На меньшее я не согласен.

Вывод

Цель — получение удовольствия от твоего интеллектуального усилия (а язык придёт сам, автоматически). Если ты не хочешь получать удовольствие, а хочешь просто коммуницировать на языке, то используй голосовой Google Translate в телефоне и не заморачивайся.

Не бойся сложности. Ты же понял в своё время Периодическую систему и распределение электронов по орбиталям? Интегральное исчисление понял же? В своей профессии понял сложнейшие вещи? Конечно! Значит, легко сможешь понять и плюсквамперфект с биньянами: они гораздо проще.

Оцени этот язык **разумом** — как механизм, как шахматы, как уравнение, и ты восхитишься красотой Системы.

Полюби эту речь **сердцем**, и она ответит тебе — тут гарантия взаимности стопроцентная. А без любви, без огня — шансов нет, это известное дело. Без любви — не выйдет.

Никакой пассивности в изучении языков! Не жди, что кто-то тебя научит. Не научит. Только активность: сам, своя голова, кулаки, зубы и желание. Да, у тебя пойдёт носом кровь. Да, будет казаться, что эту высоту тебе не взять, но ты сражайся, не отступай! И всё получится, бо ❶+❷ творит чудеса, ты и не заметишь, как выучишь язык — поверь, о мой дорогой читатель!

Лети на своих крыльях!

Пари, кайфуй и будь счастлив!

2024-Aug-13

2.5.86 Языки одной группы

Один очень хороший человек, Александр Стахович, потомок парижских белоэмигрантов, чьему предку Лев Толстой единственному посвятил свой роман (больше не посвящал вообще никому), однажды сказал мне очень умную вещь: самое сложное в лингвистике — **учить похожие языки**. Максимум — это два языка одной группы, третий выучить невозможно. Проще выучить совсем другой язык, чем третий той же группы. Выучишь третий, потеряешь первые два. Да и второй язык-одногруппник тоже дело непростое, "помехи" слишком сильные.

Со временем на собственном примере я понял, насколько Александр был прав. Неизбежно страдает самый близкий к изучаемому язык.

Вот романские. Есть французский и итальянский. Сколько раз я пытался учить испанский — идёт очень легко, продвигаешься мгновенно, и учить-то особо нечего. Но стоит снова заговорить на самом близком, итальянском, и всё, приехали: como вместо come, siempre вместо sempre — невнятная каша и позор. Французский-то не страдает, он на автомате давно, а вот итальянским готов ли я пожертвовать? Нет! Значит, испанского не будет, ниша уже занята.

Со славянскими ещё сложнее. Были польский и украинский, это уже был максимум. Добавил сербохорватский и с ужасом понял, что почти потерял первые два: так же всё понимаю, но правильно сказать ничего не могу: сербохорватский всё забивает. Сейчас наоборот — в последнее время разогнал украинский, и в разговоре со знакомой сербкой уже думаю над каждым словом, потом бросаю и тупо перехожу на французский, что очень глупо в межславянской коммуникации.

Хороший немецкий? Можно напрячься и сделать немецкий, но тогда пострадает близкий ему нидерландский, а на это я пойти не готов ни при каких условиях. Приходится выбирать. Иметь "и мёд, и сгущёное молоко" не получится.

март 2024

2.5.87 Латинские афоризмы

— Когда я тебя вижу, — сказала мне как-то коллега, — мне всякий раз приходит в голову одно и то же латинское изречение.

— О, латинское! — обрадовался я. — Что-то из Цезаря, наверное? Ну, конечно! Дай, угадаю. "Veni, vidi, vici" — да?

Сказал и приосанился, мысленно положив руку на рукоятку воображаемого меча.

— Нет. И не из Цезаря, — тихо ответила коллега.

Я задумался. Вряд ли библейское: латинский не оригинал в Вульгате, она вся переводная. Что-то из Лукреция? Из Катулла? Или уже средневековое? Изречение про что: про мой характер или про нашу работу? Ну, не "Labor omnia vincit" же? Тем более, что "labor" это совсем не про меня, и она это хорошо знает.

— Стой, подожди, я угадаю, — собрался я. — "Cogito, ergo sum"? Хотя нет, там оригинал французский. Стоп. Что там ещё мне подходит? "Audentes Fortuna juvat"? "Primus inter pares"? Да? Или это: "Aquila non captat muscas"? Угадал?

— Не угадал...

— А какое? Их легион, до вечера можно угадывать.

— Ну, я, право, не знаю... Сказать тебе?..

— Конечно, раз уж ты сказала "а"!

— В общем, когда я тебя вижу, я думаю: "Sic transit gloria mundi". Извини...

июль 2024

2.5.88 Языки мужские и женские

Мой давний друг по переписке Гастон Доррен, голландский лингвист и автор великолепных книг "Lingo" и "Babel", когда-то задал интереснейший вопрос: с чем/кем у нас ассоциируются те или иные языки. Я предложил Гастону и его читателям свой вариант ответа.

Но попадалась мне когда-то и другая постановка вопроса: язык x — он "мужской" или "женский"? В чьих устах он более органично звучит? Вопрос необычный и, возможно, неправомочный, и ответ на такой странный вопрос будет неоднозначным и в высшей степени субъективным.

Французский — однозначно женский: мелодика, выраженная артикуляция, губы трубочкой (lu, dû) — это органично в женском исполнении, но не в мужском.

Итальянский ещё более женский, одни интонации чего стоят. Особенность итальянского ещё и в том, что на нём принято говорить на высоком регистре голосового диапазона, что сильно "феминизирует" речь.

А вот тяжёлые басовые арии Зарастро из "Флейты" Моцарта — эстетически совершенны на немецком, потому что немецкий язык — бескомпромиссно мужской.

Персидский — чисто женский. Послушать на фарси речь Хомейни или шаха — ну, ни к селу, ни в Красную Армию; а вот говорит она, и в уши сразу течёт сироп персидской речи-музыки.

Нидерландский (он же фламандский, он же голландский) — мужской. Польский и украинский — женские. Кастильский (испанский) — мужской, а каталонский — тот уже между двух огней. Литовский — женский, а его ближайший живой родственник латышский — однозначно мужской, да простит меня Лайма Вайкуле. Мужские — оба из известных мне семитских: иврит и арабский, да простят меня Офра Хаза и Варда Джазаирия.

А есть и "гендерно-нейтральные" языки: идиш, сербохорватский, армянский, белорусский, португальский — они одинаково звучат в устах любого. Ну, и инглиш тоже никак гендерно не окрашен: просто средство коммуникации, ля-ля-ля, два ноля.

Легко заметить, что поэзия лучше звучит на женских языках. На мужских поэзия напоминает слона в посудной лавке: неуклюжая, жёсткая, неповоротливая. На "мужских" языках хорошо читать лекции, а стихи писать — только на "женских", я считаю.

См. также рассуждение об ассоциациях, которые вызывают разные языки: §2.1.1

январь 2025

2.5.89 Языки: акценты

Я обожаю речь с акцентом. Идеальный, театральный выговор из учебника плосок и сер, а вот акценты милы, они придают речи красок и объёма. И говорят о многом.

Родной язык почти невозможно контролировать, а в выученных языках важно помнить, что тот акцент, который ты вобрал в самом начале, останется с тобой на всю жизнь: наш мозг инертен, переучиться сложно, да и не нужно.

Акцент выдаёт своего владельца, но не всегда. Итальянцы слышат мой акцент в итальянском, но почему-то принимают его за французский (?!), а не за славянский. Голландцы срисовывают мою фламандскую норму с первого звука. Немцы считают, что я из местечка — это из-за идиша. Персам слышится таджикский акцент. Сербы обижаются на мой хорватский вариант. Украинцы не могут определить регион. Поляки слышат украинский акцент.

Говорить по-французски я начал в Бельгии, по бельгийской норме. Впитал её в себя как стандарт. Поэтому я слышу "французский акцент" у Макрона, но я не слышу ни малейшего акцента у короля бельгийцев Филиппа. Я считаю, что парижанину Макрону есть чему поучиться у Его Величества в смысле произношения.

Я сразу слышу швейцарский акцент во французском, отличая женевский от остальных (о пользе этого умения здесь: §2.5.17). Разумеется, я слышу канадский — достаточно послушать, как говорит Селин Дион, чтобы немножко вздрогнуть. Я совсем не слышу бельгийский у себя, но французы и швейцарцы считывают его мгновенно. Моё первое обращение к таксисту в Женеве: "Bonsoir". Ответ: "Bonsoir, vous êtes Belge?"

Бельгийский вариант французского великолепен, хотя у французов над ним принято смеяться и карикатурно его изображать (см. пример ▶http://kobzar.be/video/accent_belge.mp4), но французы вообще любят смеяться над бельгийцами, так что не привыкать. Бельгийский французский чуть жёстче, чем парижский, он звучит более по-германски из-за влияния фламандского, да и в лексике и синтаксисе есть заметные различия между Брюсселем и Парижем.

Не стесняйтесь своего акцента! Ваш акцент придаёт вам шарма и подчёркивает вашу индивидуальность и вашу историю. Это прекрасно. Будьте самими собой!

сентябрь 2025

2.5.90 Языки: итальянский vs. французский

Часто приходится слышать мнение, что на итальянском говорить проще, чем на близком ему французском. Типа, что там такого, cuore-amore, да и вообще — сплошное "Uno momento".

Не соглашусь. Итальянский сложнее французского.

Во-первых, итальянское произношение. Нечётко произнесёшь финальную гласную, и уже меняется наклонение, лицо, а то и весь смысл. Нельзя жевать гласные и редуцировать их. Во французском ± проканает, а в итальянском нет.

Во-вторых, простое прошедшее. Во французском оно мёртвое, живёт только в энциклопедиях и в художественной литературе, а в итальянском оно используется в устной речи, особенно на Юге и в Тоскане. А время это вредное и нелогичное, надо запоминать каждый глагол в шести формах простого прошедшего. Вдобавок к 14-ти остальным.

В-третьих, ударение. Во французском всегда последний слог, не ошибёшься, а в итальянском ударение движется — ты должен чётко знать, куда оно падает в каждой конкретной словоформе: tàvola, trascòrri, gioventù.

В-четвёртых, в итальянском сложное образование условных предложений через имперфект сослагательного наклонения, который во французском теоретически есть, но на практике никогда не используется.

В общем, **французский проще** несмотря на неочевидность его произношения и архаичность его орфографии. Имейте это в виду, если вдруг сомневаетесь, какой из этих двух романских учить.

11 сентября 2024

2.5.91 Языки: испанский

Если вдруг кто-то из вас хочет учить испанский, то лучше учебника, чем этот вы не найдёте:

- ▶ фото
- ▶ ссылка для скачивания

Во-первых, это классический советский учебник 1967 года, а лучше этой методики я ничего не встречал: структурно, логично, без единой ошибки. Никаких идиотских картинок мартышки с ёжиком: всё по-взрослому.

Во-вторых, тексты! Они великолепны: как Николас и Хосе работают на ЗиЛе (как их туда занесло?), а друзья со странными именами Мигель Тарасов и Андрес Антонов зажигают в клубе "Каучук". Некая Азусена Карро работает в колхозе в Харьковской области и очень счастлива. Все постоянно ходят в кино и строчат друг другу письма. Ктó эти люди и чтó они там делают — так и хочется узнать!

Прекрасны тексты "С Лениным в сердце", тексты про преимущества социализма, про визит Гагарина на Кубу. Нелепость сюжетов позволяет запомнить материал железно. Вялых мартышку с ёжиком вы забудете через минуту, "Duolingo" через секунду, а Мигель Тарасов останется в памяти на всю жизнь.

Когда мне было лет 7, я прочитал эту книгу до половины, и мне иногда снилась Азусена Карро. А недавно я перечитал её всю — на одном дыхании! — очень уж хотелось узнать, что же произошло в клубе "Каучук". Спустя полвека мои детские друзья со странными именами и странными судьбами оказались на месте: фрезеруют, жнут, комсомолят.

Испанского я не знаю, но только ближе к концу книги я вспомнил это, когда стал спотыкаться на сложных словах и конструкциях — настолько мне было интересно читать эти неповторимые и никем не превзойдённые тексты. "Учитесь говорить по-испански" Великопольской — absolutamente recomendable!

февраль 2025

2.5.92 Родной язык в иноязычной среде

Как влияет на владение родным языком очень долгое время в отрыве от исходной языковой среды?

Сильно влияет.

Мне было 23, когда я влился во франкоязычный мир, а сейчас мне 53, слава Юпитеру. Влияние французского и других языков на родной огромное, хочу я того или нет. Вся эта многолетняя полифония (многоязычные Бельгия и Швейцария) размагнитила мой языковой компас. Но как именно?

Во-первых, **пунктуация** очень страдает. В каждом языке свои правила, всё смешивается, и пунктуационный диктант на "отлично" я теперь точно не напишу.

Во-вторых, **лексика**. За это уже базарили здесь: § 2.5.84 на стр. 387. Многие слова (grands-parents, forfait, dépaysement, douleur exquise) просто не имеют славянских эквивалентов, и их в сто раз проще использовать в оригинале.

Морфология следует за лексикой. Ёмкий романский корень вливается в роскошную славянскую форму и получается замечательное "профитует вакансы" (profite des vacances = берёт лучшее от отпуска, с пользой и удовольствием проводит его) или "суарэ била свой полный" (la soirée battait son plein = вечеринка была в разгаре, всем было весело, угар и веселуха). Точнее не скажешь.

В-четвёртых, **синтаксис** и **грамматика**. Поначалу мне резала уши калька с французского "спроси ему, если он сможет прийти". Уже давно не режет, всё подразмылось. Я всё меньше чувствую грамматический и стилистический сдвиг от славянской литературной нормы, от которой я отдалился в далёком 1995 году. По-прежнему подмечаю, но уже не вздрагиваю и не вскидываюсь.

Фразу "Жан сделал радио в госпитале" я однозначно пойму как "Жан прошёл рентгенографию в [обычной гражданской] больнице", а не установил радиоточку с дрелью в руках и с карандашом за ухом.

Вопреки расхожим стереотипам, никакой **акцент** в родном языке не появляется и близко, потому что речевой аппарат с рождения заточен на славянскую фонетику, это физиология, разучиться невозможно. Однако, появляются заметные изменения в интонации + слова-паразиты типа "э?" (hein?) в конце фразы и "бэ" (ben) в её начале, чуждые славянской речи. Нужно прилагать

усилие, чтобы их не допускать, но без них моя речь была бы монотонна, пресна и не вполне естественна.

А то, что никак не меняется, так это **орфография**, слава Каллиопе. Да, частенько хочется написать "коммиссия" под местным влиянием, но потом спохватываешься и пишешь как трэба.

Письменная речь не страдает, если продолжать много читать. Так шо всё норм, э?

2025-May-21

2.5.93 Языки: учить итальянский или испанский?

Полезнее, безусловно, испанский: полмиллиарда носителей, самый распространённый из романских, официальный язык ООН.

На итальянском говорит в 8 раз меньше людей — одна страна, один кантон да Святой Престол. И ангелы.

Уровень **грамматической** трудности тот же: оба практически идентичны по структуре, ни один не "легче". **Лексически** — итальянский самый близкий к латинскому, а в испанском много арабизмов по понятной причине, но это всё непринципиально.

Для носителя славянского итальянская **фонетика** крайне проста, усилие минимально, не то что французский или зубодробильный английский. Латиноамериканская фонетика сложнее, а европейская кастильская гораздо сложнее, но в ней есть особая прелесть.

Итальянский язык — однозначно "женский", испанский — однозначно "мужской" (объяснение термина: §2.5.88). Итальянским я владею, испанским — нет, хоть и понимаю ≈70% , но даже когда я на нём говорю, варварски слепленном из романского арсенала, для меня жёсткий испанский органичнее, чем мягкий итальянский. Женщине же органичнее говорить на итальянском, чем на испанском, мне кажется.

В Италии ты обязательно споткнёшься о **диалекты** — они разные, их много, они сильны — ведь Италии всего лишь 165 лет в обед, она сохранила раздробленность. В основе литературного итальянского лежит тосканский диалект, но никто не отменял сардинский, венецианский и пр. Строго говоря, это не "диалекты итальянского", а полноправные языки.

Испанский же почти единый для всех, это сильно проще.

Культурный заряд у обоих языков отличается. Кино, драматургия — сопоставимы. Итальянский — это золотой ключик к фантастической опере и шаг навстречу неаполитанской песне, а испанский открывает дверь к большему объёму литературы. Итальянская философия поизвестнее будет, да и за флорентийский импульс Ренессанса, давший рождение современному западному миру, никто не забывает. Но и испанский не унывает: в нём есть фантастическая música latina, слушаю её каждый день, обожаю-преобожаю.

Итальянский тоньше, испанский больше — к какому языку душа лежит, тот и учить, бо чаши весов, получается, уравнялись.

Решились? 🎁 Тогда раздача подарков! Вы не найдёте лучших учебников↓

Один раз и только у нас!

Итальянский ▶ http://kobzar.be/reader/IT-piczugina-1.pdf

Испанский ▶ http://kobzar.be/reader/uczitesj_govoritj_po_ispanski.pdf

Успехов! — Buona fortuna! — ¡Que te vaya bien!

апрель 2026

2.5.94 Языки: об артиклях

Меньше всего в языках я люблю артикли. Ненужная категория. [Не]определённость можно выразить массой способов, зачем подчёркивать её у каждого имени?

The, las, das, gli, het, Га[-Ноцри], ал[коголь]... Зачем всё это?

Каждый день в мире уходят тысячи тонн типографской краски на печатание артиклей, миллионы часов теряются на их произнесении и аудировании. А смысла в них ноль.

Живут же без артикля славянские языки (кроме болгарского и македонского), живут же оба балтийских, живёт же латынь! И ничего, все прекрасно понимают, что определённое, а что нет. Зачем говорить "la pasta della mamma", когда в латинском это было бы просто "pasta mamæ". Меня это возмущает.

Есть много поистине ценных грамматических категорий, как, например, род. Бывает, что в языке нет рода, как, например, в английском, армянском или персидском. Сын и дочь одного рода? Да. В английском he и she есть, а в персидском и армянском даже местоимения не имеют рода. "Он любит её" и "Она любит его" звучат и пишутся идентично. Мне грустно от неясности отношений этой пары: кто кого любит-то? Непонятно. Омару Хайяму было непросто выкручиваться, сочиняя свои рубаи.

Если твой родной язык не артикльный, то как бы ты ни учил артикльный язык, ты рано или поздно ошибёшься — на третьем ли, на четвёртом ли часу беседы, но ошибёшься: употребишь, когда не нужно или наоборот. А иногда употребление прямо противоречит логике самого же языка: во французском "Je travaille mardi" означает "Я работаю в этот вторник", а "Je travaille le mardi" означает "Я работаю по вторникам" — логика артикля здесь обратная.

Да и даже если в твоём родном языке есть артикли, то они не сильно тебе помогут, потому что употребление везде разное. Сколько франкофонов говорит "The love is important in the life", копируя с французского. Или вот Джон Кеннеди — только начал говорить по-немецки и сразу попал пальцем в небо со своим знаменитым "Ich bin ein Berliner": вместо "Я берлинец" у него получилось что-то похожее на "Я булочка с джемом".

Вы только что прочитали текст без единого артикля и ни разу не почувствовали его необходимость.

Зачем артикль, не нужен он. Категория определённости далеко не первостепенна. От артиклей одна путаница и расход типографской краски.

ноябрь 2024

2.5.95 Языки: произношение в английском

Какое у меня произношение в английском?

А я знаю?

Всё время разное. Ни британское, ни американское — сегодня одно, завтра другое. Говорю как бог на душу положит и не особо стараюсь. Главное ведь, не путать sheet и shit, а всё остальное вторично.

Почему на других языках я стараюсь выговаривать как носители, а на английском не стараюсь? Потому что норм много, единого стандарта нет. Потому что я никогда не жил в англоязычных странах, и мне не к чему привязаться. И потому что просто не хочу: перед носителем я из кожи вон лезть не буду (зачем? пусть и так радуется, что я на его языке говорю), а с неносителем мы на равных, тут тем более незачем надрываться.

Английский — он какой? Как утилитарный — лучший в мире. Как художественный — очень жалкий. Как поэтический — никакой (странно, что на нём вообще принято стихи писать). Но на нём говорит весь мир, и английский — это сегодняшняя латынь, неродная для большинства говорящих.

А раз он латынь, то и произносить его можно как латынь, т.е. как угодно. Например, латинское имя Cicero немец и славянка будут произносить как Цицеро, итальянец как Чичеро, а француженка как Кикеро (что правильнее всего, кстати). Достаточно послушать любой "Реквием" в исполнении разных коллективов, чтобы убедиться в том, что латынь полицентрична и свободна для интерпретаций говорящего.

Вот и с английским я поступаю так же — не утруждаюсь. Вчера говорил læst и ˈskɛd͡ʒəl, сегодня говорю lɑːst и ˈʃɛdjuːl — и не краснею.

А письменный вариант — да, он обязан быть единообразным, и он у меня британский. Исключительно из симпатии к Маргарет Тэтчер и Мистеру Бину.

май 2024

2.5.96 Выгодные и "прощающие" языки

Какие языки выгоднее всего учить? Наверное, те, на которых говорит больше всего людей? Возможно, но что-то я не видел толп желающих учить оба китайских, испанский, хиндустани или бенгальский — одни из самых репрезентативных языков нашей планеты. Прочесть Рабиндраната Тагора в оригинале не стремится почти никто.

Учить **общеизвестные** языки очень хорошо, но есть один момент: носители востребованных, раскрученных языков в большинстве случаев не оценят твоего усилия, а будут воспринимать знание их языка как само собой разумеющееся. Англоязычные, французы, русские чаще всего будут смотреть на неносителя покровительственно, подмечая его акцент и ошибки, как бы он ни виртуозничал.

Крупные языки не прощающи, "слезам не верят". Это, к счастью, не универсальная реакция ста процентов, но она типична для носителей популярных языков. Хоть ты изойдись на Милтона в английском или на Мольера

во французском, носители всегда найдут, за что зацепиться, хоть виду и не покажут.

Другое дело — **редкие** языки! Вот тут раздолье и мотивация, даже если ты на них не говоришь! Скажешь пару известных тебе слов на каталанском в деревне под Барселоной — и ты уже друг народа. Четыре песни на литовском (см. §2.5.16), три слова на греческом (см. §2.5.3), два слога на чешском — и тебе уже улыбаются носители. Когда я, 23-летний, только начинал учить нидерландский в Бельгии, меня воодушевляла суперпозитивная реакция фламандцев на мои старания — и я продвинулся за считаные месяцы, в т.ч. и благодаря их фидбэку. А моего французского никто из носителей и не заметил — он считался непреложностью, must-have.

А с **восточными** языками вообще рай! Люди очень высоко ценят твои усилия, прощают тебе любые ошибки, рады всему. Приготовьтесь к рукопожатиям, готовьте плечо к похлопыванию, а себя — к приятным сюрпризам.

Пошёл постричься в арабском квартале Брюсселя (когда стрижка ещё была актуальна) — получил 100%-ю скидку за язык + гору добрых пожеланий. В афганской лавке Женевы второй пакет фисташек бесплатно — это за примитивный разговор на дари. На урду я знаю только "Меня зовут дядя Петя, мне 17 лет", но этого достаточно, чтобы в индо-пакистанском ресторане получить бесплатный дижестив от шефа и приветственный визит патрона к столику.

Надеюсь, что я когда-нибудь найду в себе силы таки взяться за сложный армянский, и тогда я снова — непременно! — испытаю эту радость обратной связи, видя улыбки и поддержку носителей. Скидки мне не нужны, комплименты не нужны — мне для языка нужна отзывчивость, она очень мотивирует.

февраль 2026

2.5.97 Latina — lingua universalis

Международным языком должна быть латынь, а не инглиш. Это было бы справедливо: ни для кого не родной, усилие делают все, развитая терминология, много веков в этой роли.

Два "но".

① **Лексика** застряла в доиндустриальной эпохе. Массу современных понятий, особенно бытовых, не выразить средствами средневековой латыни. Кто-то, да, что-то пишет типа этого, но получается кто в лес, кто по дрова — нет тех, кто установил бы единые для человечества термины. Откуда их брать — назад из романских? Prima difficultas.

② **Натуральности нет**, бо латынь перестала быть разговорной 16 веков назад. Как на латыни выругаться, как подколоть, как передать интонации и настроение? Secunda difficultas.

Что же, опускать руки? Это вообще возможно — возродить мёртвый язык? Сделать из книжного разговорный?

Возможно! Эту титаническую работу блестяще проделал Элиэзер Перельман (Бен-Иеѓуда) в случае с с древнееврейским. Он устранил оба "но", обе difficultates.

В конце XIX века древнееврейский был как латынь сегодня: богатая культовая, историческая и юридическая лексика времён Средних веков, высокая грамотность народа и умение читать Тору, но... как сказать "галстук"? А "словарь", "газета", "апельсин"? А никак — нет таких современных терминов, Маймонид галстук не носил. А это значит, что язык неживой, если ты не можешь сказать "хочу апельсинового сока" или "у тебя колготки поехали".

Перельман замыслил невыполнимое: сделать ① **современную** и ② **естественную** версию древнееврейского. Начал с себя. Велел жене говорить с новорождённым сыном только на древнееврейском вслед за собой. Родители постоянно спотыкались, отвечая на вопросы сына "что это?" — терминов-то не было. И Перельман их придумывал: слово за словом, вдохновляясь библейскими и талмудическими текстами и тщательно избегая нееврейских корней. Взял за основу сефардское произношение, но своим европейским ухом он не оценил его исконную гортанно-придыхательную фонетику, и в результате мы имеем, шо имеем — ни нашим, ни вашим: כ=ח, כ=ק и пр. Пример: чистое сефардское произношение + чистое ашкеназское (жми там ▷) и вот вам = современное израильское, перельмановское, где-то посередине.

И родился современный иврит — благодаря одному энтузиасту, положившему на возрождение иврита всю свою жизнь. Апельсин стал "тапузом" ("золотым яблоком"), а галстук "анивой" ("бантом" из древнееврейских текстов). Перельман, светлая голова, нашёл термин для всего.

Но то было на бумаге и в рамках одной семьи. Внедрить и популяризовать осовремененную версию языка оказалось так же сложно, как и разработать его — люди упирались и смеялись, предпочитая использовать древнееврейский для религии, идиш/ладино/etc для разговора, а немецкий/французский для науки. Но Перельману удалось и это: объяснил, убедил, донёс! Уже 130 лет его иврит полностью обслуживает и научную, и общественную-политическую, и бытовую сферы. На иврите можно и в любви признаться, и послать, и пособачиться на рынке, и научный доклад по биохимии приготовить — это полноценный язык!

Вот бы и **для латыни** нашёлся бы свой Perelmanus, который повторил бы его подвиг! Знал бы я латынь, да будь я помоложе, я бы создал современную версию всепланетарного латинского языка, в котором были бы и "галстук", и "поехавшие колготки", но... уже немножко поздно пить "Aqua Mineralis".

май 2025

2.5.98 Языки: латынь

Не могу оторваться: читаю Евангелие от Иоанна на латыни. Многое оттуда и так было на слуху, но полного евангельского текста я до се на латыни не читал.

На экране — Вульгата, в руке — печатная Библия на украинском, чтобы сверяться, когда непонятно. А непонятно часто.

Латынь прекрасна!

> "*Mitte gladium in vaginam*". Немножко удивляешься, но это означает "Вложи меч в ножны" (18:11);
>
> "*Pasce oves meas*". Звучит прямо по-славянски: "Паси овец моих" (21:16);
>
> "*Ex vobis unus Diabolus est*" (6:70); "*Mea doctrina non est mea*" (7:16) — эти очевидны и без перевода. И масса других открытий!

От Иоанна — это был первый христианский первоисточник, который я прочитал в 11 лет, случайно наткнувшись на него в Германии (в протестантском издании на русском языке), поэтому эту часть Нового завета я знаю лучше других.

Если поверить И. Флавию и предположить, что евангельские события имели место, то интересно, звучала ли латынь в устах персонажей? Не думаю: там был или лингва-франка греческий (разговор Иисуса с Пилатом, визит волхвов), или арамейский (во всех остальных сценах, кроме цитат из Танаха). Разве что малообразованные римские солдаты и центурионы (в Капернауме и на Голгофе) могли выражаться на родном латинском. По-любэ, латинский текст не оригинальный. Все канонические Евангелия были написаны на греческом, и лишь о Евангелии от Матфея долгое время ходили слухи, что оно, вроде, на арамейском или древнееврейском было написано. Эти догадки были научно опровергнуты филологами: исходник таки на греческом, ша! успокоимся уже.

К греческому (§2.5.3) я равнодушен, да простят меня мои кипрские читатели, но я загорелся освоить латынь! Не по верхам (я и так хорошо понимаю), а системно, по-настоящему, жёстко. Чтобы не просто читать, а суметь выразить свои мысли, если они когда-нибудь появятся. Учить мёртвый язык — абсолютно бессмысленное действие (как и любое, что я совершаю в жизни), но мне очень хочется. И вот мой первый креатив:

«*Fiat lux: monetor dixit et filos secuit*»[52]

Нетрудно догадаться, что это не из Иоанна.

февраль 2025

2.5.99 О пользе коммуникации любыми средствами

Когда я заканчивал пятый курс в 1995 г., я три дня прослужил личным переводчиком ректора своего института. Я проходил стажировку в Брюсселе, и ректор прилетел к нашей группе студентов в самом конце пятой недели: налаживать международные связи. Мы с ректором ездили в бельгийский университет встречаться с бельгийским ректором, ездили в офис Евросоюза и в разные ассоциации.

Я пропустил три дня учёбы, но взамен я получил прекрасный опыт, впервые переводя с недавно выученного французского и на него, сразу на таком высоком уровне глав университетов. С ректором, приятным и культурным человеком, я установил отличные отношения, но его любезное покровительство (предложение писать у него диссертацию и ездить с ним переводчиком) мне не пригодилось: студентом мне оставалось быть два месяца, я писал диплом, уже чехлился и смазывал лыжи:

— Спасибо вам, но я вынужден с глубокой признательностью отказаться — я исключительно на Бельгию нацелен, очень мне здесь понравилось.

— Понимаю тебя, ты правильно мыслишь: это же Западная Европа, Бенилюкс, а не Выхино. Ну, как знаешь. Если что, приходи, всегда буду рад.

Добрый человек, я благодарен ему.

[52] "Да будет свет! — сказал монтёр и перерезал провода".

В группе 20-ти студенток я был единственным студентом. Мы жили в одной гостинице, старших с нами не было, мы были предоставлены сами себе. Старшим назначил я сам себя — не потому, что единственный мальчик, а просто так — захватил власть без объяснения причин. Визит ректора отвлёк меня от "руководящей работы" — вместо трёх весёлых ужинов со студентками приходилось переводить ректору скучные разговоры за отдельным VIP-столом ресторана.

Ректор мне запомнился тем, что когда меня не было рядом с ним, он везде и со всеми говорил на родном русском языке: медленно и чётко, как истинный профессор, артикулируя все звуки, как в аудиоучебниках. Без тени смущения. Как ни странно, его понимали и франкофоны, и фламандцы, не знавшие ни слова по-русски. Без тени осуждения.

Ректор правильно делал! И я тогда понял, что очень важно — коммуницировать в любой ситуации. Не молчать, не замыкаться, не тушеваться. Не знаешь языка, так говори на родном, но говори! Будь приветливым, доброжелательным, но не молчи! Славянских языков 13 штук в мире, всегда найдётся югослав или поляк или восточный немец, которого вызовут, чтобы как-то понять тебя. А если будешь молчать и искать переводчика, то попадёшь в тупик и проиграешь.

Этот урок своего ректора я хорошо усвоил, и иной раз я вспоминаю его в этом важном контексте: говорить! открываться! НЕ БЫКОВАТЬ!!

Мудрый человек. Светлая ему память.

апрель 2025

2.5.100 Работа с текстами и шрифтами

Обожаю буквы! Очень люблю работать с текстом.

С обычными прозаическими текстами так: сначала идея, месседж в голове. Потом механическая часть — набивание текста (как жаль, что я не умею печатать вслепую!). Потом приятное — выбор более точных слов, полировка тонкой наждачкой.

Со стихами иначе: они появляются сами по себе, ниоткуда. Не надо ничего выдумывать, рифмовать и "полировать" — надо просто успеть записать или запомнить этот поток.

Приятнейший этап — вычитка: замена дефисов на типографское тире, разметка, выравнивание. Обожаю! Раздражающие меня spell-checker'ы всегда отключены, но вот пунктуация у меня очень сильно хромает — в каждом языке она особенная, и я ошибаюсь постоянно. Нехорошо.

Дальше визуальная эстетика — выбор шрифта! В примитивном телефоне шрифты все до одного тошнотворные, а на Маке раздолье. Для технического текста — простой и понятный шрифт без засечек типа Fira или Source Sans. А для литературного текста — самый смак! — с засечками типа PT Serif: он одинаково прекрасен и в латинице, и в кириллице. Шоб диакритика была гармоничной, шоб кегельная, кернинг, шоб лигатуры. В арабице — только почерк "насх", только хардкор. Еврейский алфавит — только с засечками, как в газете "Биробиджанер штерн" и никак иначе.

Смотреть на выверенный типографский текст, поданный подходящим случаю шрифтом доставляет мне огромное эстетическое удовольствие: https://kobzar.be/objects/nice_fonts.png

март 2025

2.5.101 О длинных текстах

Лонгриды... Их время уходит. Или ушло?

Сложная концепция, глубокая мысль выражаются большим количеством печатных знаков — неизбежно. Сложность и глубину не ужать. Можно заказать на футболку принт Эйнштейна с языком и знаменитое $E=mc^2$, но для того, чтобы понять эту формулу, могут уйти годы и не один лонгрид.

Если автор и читатель оба (важно!) умные, то хороший лонгрид — это удовольствие! Почему автор выбрал именно это слово из десятка синонимов? Каков ход его мысли? К чему автор ведёт? Как глава 32 вытекает из главы 19? Почему в главе 11 автор вдруг рассказал об X?, зачем?, когда X "выстрелит"?

Да, "многа букаф" несовременно, но необходимо. А сотни хороших страниц можно не только читать, но и смаковать. Стиль можно смаковать. У хороших авторов можно смаковать даже пунктуацию и вёрстку.

"Происхождение видов" Дарвина — лонгрид. "Капитал" Маркса — лонгрид. Любая философия — лонгрид. Библия — лонгрид.

Хорошее интеллектуальное путешествие подчас увлекательнее, чем путешествие по турпутёвке.

Мир, к счастью, много сложнее, чем минутный short в YouTube, эмоджа, TikTok или шаблонный ответ ChatGPT. Хвала Аллаху за эту сложность мира!

апрель 2026

2.5.102 Восприятие текста

Я тут понял, насколько лучше я воспринимаю текст, чем яркое видео, аудио или картинку. Видео живёт секунду, промелькнёт и сразу забудется. Подкасты — пустая трата времени: мне некогда слушать полчаса то, что можно было бы прочитать за полминуты. Аудиокниги раздражают неправильно выбранными акцентами и интонациями — я бы прочитал лучше. Картинка (если это не карта или схема) выразит мало и тоже пролетит, как фанера над Женевой.

А хороший текст остаётся с тобой навсегда.

Текстом (как и музыкой!) можно выразить вообще всё. Не пикселями, не видеорядом, а просто комбинацией букв. Даже если это кириллица, где все буквы монотонно лежат на одной линии, в отличие от более лёгкой для восприятия латиницы, где буквы выглядят объёмнее, выдаваясь над и под строчками.

Играть со словами, с нюансами, с многослойными подтекстами, с аллюзиями — это космос. Выразительная сила слова — это ядерный заряд по сравнению с поверхностной хлопушкой визуальности.

Читаешь и сам представляешь себе, какой он, какая она, что они чувствуют, что их окружает. Следишь за мыслью хорошего автора, рисуешь себе в голове собственную картину. Моё воображение гораздо богаче и сильнее, чем любая картинка.

декабрь 2023

2.5.103 Пиктограммы

Я очень плохо воспринимаю пиктограммы. Казалось бы, что сложного, но я теряюсь в смыслах, хотя и познакомился я с эмоджи лет за 10 до того, как они стали мэйнстримом.

Одна эмождина норм — это я понимаю, но когда две и больше, я уже начинаю тупить.

Пиктограммы не привлекают моё внимание, а рассеивают его. Когда я хочу что-то быстро найти, я ищу нужное слово, а не картинку. Дайте мне сантисекунду и покажите мне ① слово и ② картинку. Слово мгновенно считается и достигнет моего мозга, а картинка нет.

Раньше я ставил пиктограммы на плейлисты и... ничего не мог найти. А потом снёс картинки и понял, насколько стало лучше.

Я воспринимаю мир через человеческую речь, а не через наскальную графику. Иные важные слова иных людей — сказанные или написанные — сидят и звучат в моей памяти десятилетиями, потому что за ними стоят мысль, оттенок смысла и индивидуальность. А юникод-пиктограммы забудутся, как только будут поняты мною.

декабрь 2025

2.5.104 Сначала лучшее или худшее?

В голодном студенческом пост-советском 1993-м тушёнка с гречкой была лакомством почище нынешнего "Мишлена". Такое удовольствие я решил растянуть. "Смешивать не буду, покроплю трохи соусом гречку и съем сначала гарнир, — подумал я, — а тушёнку оставлю напоследок как чудесный, богатый финальный аккорд этого гастрономического пиршества".

Съел гречку, приготовился к финальному аккорду fortissimo. Отвлёкся, вышел на минутку.

Отвратительная собака вскочила на стол и сожрала мою тушёнку.

Превозмогая брезгливость, я куском газеты взял пустую тарелку за край и выкинул тарелку в помойку.

Довольную, облизывающуюся собаку прогнал. Задумался. Получается, я, высокоразвитый человек, ел гречку, а недостойное животное сегодня пожрало лучше меня??

Собака преподала мне хороший урок. С тех пор я никогда так не делаю. Нет никакого "напоследка"! Если есть книга получше, то я сначала прочту её. Если

есть человек получше, то я сначала позвоню ему. Если есть вино получше и похуже, то я сначала выпью то, что получше, бо, как сказал Омар Хайям:

> Наполни кубок вином!
> Ибо тебе неизвестно, выдохнешь ли ты
> Тот глоток воздуха, что сейчас вдохнул,
> Или — нет.

апрель 2026

2.5.105 О «Гамлете»

Добравшись до шкафа с книгами своего детства, я вынул одну из наиболее запомнившихся: "Западно-европейскую драматургию".

Сцена за сценой — и незаметно для себя я перечитал "Гамлета", которого читал в 13 лет, когда книга была новенькой, а мозги свеженькими.

Мощная вещь! Thank you, Mr Shakespeare, for this genuine pleasure. Если отбросить банальные законы жанра (кинжалы, яд на рапирах, отравленные кубки и прочую патетику), то остаётся экзистенциальная проблематика, ключа к которой не дал ни Шекспир, ни последующие пассажиры. Любой нормальный человек думает на эти темы, но рецептов не даст никто, даже Уильям-душа Джонович.

40 лет спустя я сегодняшний оценил по достоинству и слог, и философскую глубину, и лирику:

> "Не верь, что на звезду огонь похож,
> Не верь тому, что истина не ложь,
> Не верь в движенье солнца и лучей,
> Не сомневайся лишь в любви моей".

Меня это тронуло.

> «Её любил я. Сорок тысяч братьев
> Всем множеством своей любви
> Со мной не уравнялись бы»

Я прекрасно понимаю принца Датского и сопереживаю ему.

Дерзко захотелось написать "продолжение", но ① не осталось персонажей, кроме Горацио и могильщиков; ② сюжет логически исчерпался; и ③ я уже вторгался на поляну Шекспира, правда, ломился я не к Гамлету, а к Отелло: см. §3.1.1 на стр. 444 или здесь: https://www.kobzar.be/creos/newsletter.html

А что Офелии написали в заключении причиной смерти, я так и не понял, ни тогда, ни сейчас: сама или несчастный случай на природе? That is the question. Будьте осторожны на воде в летний сезон!

Шкаф обеспечил мне шикарный "список книг на лето"! Начал читать из этого сборника "Фуэнте Овехуну" Лопе де Веги (раньше не читал), но про крестьян неинтересно: я переключился на "Коварство и любовь" Шиллера. Посещение его дома-музея в Веймаре не помогло мне 13-летнему: тогда я не понял в этой драме ничего вообще. Посмотрим, пойму ли в 53.

июнь 2025

2.5.106 О "ненормальности"

Не могу не поделиться фрагментом Первого концерта для фортепиано с оркестром в ре-миноре Баха, присланного мне дорогой читательницей. Это BWV 1052, Allegro. За роялем Гленн Гулд, дирижёр Леонард Бернстайн. Нью-Йорк, 1960, за два года до Карибского кризиса.

Видео ▶ https://youtu.be/9ZX_XCYokQo?t=306

Музыка — да. Исполнение — да. Но... посмотрите на лицо пианиста, на его руки, мимику, его динамику. Сидит на подпиленном под себя стуле, что-то бормочет и — парит над клавиатурой и над бытием. Если вы считаете, что его душа в этот момент в этом душном концертном зале, то вы ошибаетесь. Если вы после прослушивания сами сейчас не в стратосфере, то вы, видимо, просмотрели это видео без звука и без картинки.

Вопрос: зачем такой запредел — в принципе? Почему не сыграть произведение (или — почему не прожить жизнь?) просто по нотам, спокойно и технично (как же я ненавижу “техничность”, см. § 2.5.23!). Зачем так чувствовать, так переживать? Яркое, откровенное, открытое выражение человеком своих сильнейших эмоций может для некоторых попахивать какой-то ненормальностью. Такое раскрытие себя тревожит правильных, рациональных людей: кому-то из них не по себе от такой откровенности: э, да он поехавший, больной какой-то.

Он не больной! Он здоровее многих. Он счастливый оттого, что ему дано так чувствовать (дано немногим). И свободный — оттого, что не стесняется выражать свои чувства и раскрываться (осмеливаются немногие).

Я не считаю "больными" ни Гулда ↑, ни лорда Байрона, ни Жака Бреля. Я восхищаюсь их экспрессией и их свободой. Не считаю ни глупостью, ни наивным романтизмом ни Пабло Неруду, ни Сержа Лама. Возможно, потому, что я сам тоже не вполне "здоров" по классификации правильных, рациональных людей, мыслящих аналитически.

Можно прожить свою жизнь, как эти ↑ и многие другие, тонко чувствующие люди, воспаряя, пусть и на краткий миг, над клавишами, над текстом, над своими чувствами к женщине — над Землёй! А можно сесть и сыграть свою партитуру жизни идеально правильно. И прожить свою жизнь под метроном: с тактовыми чертами от рождественской индейки до пасхального зайчика, из года в год — как "надо".

Вопрос только — кому надо?

март 2025

2.5.107 Звук «R»

Нашёл и прослушал аудиозапись своего выступления в нулевых на какой-то бессмысленной финансовой конференции из серии "Из пустого в порожнее". Прислушался к своей фонетике (я там выступал на русском языке). Удивился, насколько, оказывается, **сложный звук [r]** — альвеолярный вибрирующий, как во всех славянских, как в итальянском и фламандском.

Мне этот звук [r] даётся непросто. Чтобы произносить его чётко, нужно думать о нём и прилагать усилие, тогда норм. Если не прилагать, то он выходит какой-то смазанный и всё время разный. Когда я записывал фразу "il tuo sorriso sarà la mia ricompensa", то пришлось делать два дубля: в первом дубле выходило три разных звука, словно это были бы три разные буквы "r".

> В 1990-м году мне под угрозой отправки на овощебазу поручили быть "Левитаном": на концерте для ветеранов меня отправили на сцену, под стол, накрытый сукном. Дали пустую трёхлитровую банку и велели читать в неё сводку Совинформбюро: типа, спецэффект. "Голос у тебя похож", — сказали.
>
> Я люблю перформансы — полез с банкой под стол. Меня, вчерашнего школьника, не должны были видеть зрители, они должны были думать, что откуда-то вещает взрослый мужик, имитирующий Левитана. Сквозь щёлку в сукне я увидел, как один из ветеранов в зале, старый дедушка... расплакался, слушая мою сводку, и я тогда впервые поверил в силу искусства, пусть и в моём механическом и бездушном исполнении токмо ради индульгенции от овощебазы.

Потом я послушал записи самого Левитана и почитал его удивительную историю. Сравнил его с собой — кроме диапазона, у нас нет ничего общего: у Левитана совершенно другие тембр, интонации, артикуляция, рисунок, заряд, артистизм — всё другое. Но на дедушку подействовало.

Юрий Борисович от рождения картавил и говорил с сильным провинциальным акцентом. Он проделал титаническую работу (упражнялся по 14 часов в день, читал тексты вниз головой) и превратил свой голос в эталон. Значит, и [r] можно поставить, если надо. Чтобы с первого дубля.

июнь 2025

2.5.108 Женский журнал “Flair”

Остался один на один со странным чтением: женским журналом на нидерландском языке. Volens nolens погрузился в проблематику современных бельгиек. Ответы редакции на письма читательниц меня не устроили, и мне невольно захотелось дать собственные советы: прекрасные, мудрые и бесплатные.

🤷‍♀️ "*Кончики моих волос ещё крашеные, а корни уже родного цвета, вид мой ужасен — шо делать?*" — пишет читательница из Ипра.

✍️ Ну, наверное, не в журнал писать. Покраситься. Перестать краситься. Не выходить из дома полгода и постричься — я не знаю, я плохой советчик по очевидным причинам.

🤷‍♀️ "*Хочу сделать себе перманентную эпиляцию, но стремаюсь*, — пишет Эльза из Антверпена. — *Вдруг моему следующему парню не понравится? Как это вообще будет?*"

✍️ Нормально будет, лазерный перманент всем ребятам хорошо известен. Однако же странно, что вы, Эльза, рассуждаете с оглядкой на некоего "следующего парня", которого вы даже и не знаете! Какая разница, Эльза, понравится ли ему? Главное, чтобы нравилось вам. Ваше тело — ваше дело.

Если мужчина вас любит, то он будет любить вас любую, с перманентом или натуральную.

💁‍♀️ "*Мой Хендрик перестал интересоваться мной и моей жизнью. Шо делать?*" — Оливия долго перечисляет, что он "должен делать" по отношению к ней, но ни слова не говорит о том, что делает для него она — эдакий "мужчина должен" в его лайтовой, западноевропейской версии.

✍️ Попробуйте, Оливия, искренне поинтересоваться своим мужчиной и его жизнью, а не только ждать внимания к одной себе. О чём он думает, о чём мечтает? Это так же ценно, как и ваши переживания. Мужчины при своём внешнем дебилизме зачастую чувствуют тоньше и острее, чем женщины. Если проблема только в этом и ни в чём другом, то мой совет вам таки поможет, и вы вместе с Хендриком выпьете за моё здоровье. Если проблема глубже, то, може, таки настал ваш час? Не бойтесь, Оливия, так бывает, не вы первая и не вы последняя на этом скорбном пути: вы будете страдать, но вы не умрёте из-за этого господина.

Главная тема номера — burn-out. Тема, которую я никогда не мог понять, даже после 3-часового семинара, на который я был пригнан как руководитель отдела в банке. Знаю, что burn-out признаётся у нас полноценным диагнозом и ложится на плечи работодателей и швейцарской системы медицинского страхования, но суть явления мне остаётся неясна.

Молодые бельгийки пишут в журнал, как они ненавидят своего работодателя и своих коллег. Журнал даёт им массу советов (мужаться, стиснуть зубы, искать позитив), но никто не дал им самого очевидного совета — сменить работу и тем самым ликвидировать проблему ненавидимого ими "коллектива редкостных уродов".

Мне понравилось читать женские журналы, это окно в другой мир. Поражаюсь, как иные женщины не разумеют очевидных вещей. Готов помочь, объяснить читательницам непонятное и вывести их из заблуждений. Куплю "Femmes d'aujourd'hui" и почитаю ещё. Думаю, что я могу давать хорошие советы: коротко и по делу. Могу теперь быть колумнистом в "Marie Claire" или в "Glamour". Обращайтесь, если шо.

сентябрь 2025

2.5.109 Сразу на Эверест

Шо лучше — ① маленькими шажками или ② из огня да в полымя?

В полымя!! Уверен!

Языки, к примеру. Можно мерно идти урок за уроком и старательно делать упражнения. Эффектом будет скука и потеря интереса. А можно сразу дать человеку настоящий текст на языке, чтобы он ничего не понял поначалу, но обозлился бы, загорелся и сразу увидел бы Цель! Сразу почувствовал бы, к чему стремиться! Чтобы задать планку. Чтобы тянуть вверх — сразу на Эверест, а не жалкими "шажками".

Много лет назад я взял несколько уроков оперного вокала.

Преподавательница, профессиональная оперная певица, не стала давать мне вокализы и упражнения типа унылых "Milano-Torino", от которых хочется одного — повеситься. Она с первого же урока заставила меня петь "Арию варяжского гостя" Римского-Корсакова. Она за роялем, я — стоя у крышки. Это тяжёлое произведение: брутальный варвар викинг, сложные переходы, мощная экспрессия. С первой же секунды — колоссальная высота.

Дальше стало ещё сложнее и — интереснее. "Quoniam" из "Маленькой торжественной мессы" Россини — мудрёный мотив, всё строится на одном мужском голосе. А третьим номером пошёл совсем космос: "O Isis und Osiris" из "Флейты" Моцарта. Не всякий профессиональный бас выразит эти низы, а тут это "полымя" было предложено — кому? Мне. Мне! человеку, никогда не певшему ничего, кроме хриплого блатняка на гитаре для друзей. Но её методика была — **сразу на Эверест**. Это было очень правильно! И я тоже топлю за этот подход — сразу кинуть новичка в океан, а не в тёплый лягушатник.

Музыкальные высоты, в которые она меня втравила с первого же урока, снесли мне башку. Я не мог думать ни о чём другом, как о пении: я пел в машине (водители в пробке крутили пальцем у виска) и на работе (коллеги шарахались в ужасе, см. §2.5.4), я засыпал с партитурой в руке, я превратился в Зарастро. Я уже представлял себя Ruggero Raimondi: учительница говорила, что наши тембры очень похожи. Мы с учительницей собирались петь дуэт Розины и Фигаро из "Цирюльника" Россини, смещённый на пол-октавы для её меццо и моего баса, но... не сложилось.

Теперь я знаю точно — **единственно правильная методика — "в полымя"!** Только в полымя! Хочешь научить человека плавать — кинь его в воду. Если бы мы с учительницей шли теми самыми унылыми "шажками", то я быстро понял бы свою ничтожность и бросил бы. А сходу исполняя тяжелейшие партии, я мгновенно загорелся. У меня выросли "музыкальные крылья", а когда у человека вырастают крылья, то становится возможным всё — это известный факт, проверенный. Спросите у Икара.

февраль 2025

2.5.110 Одинаковые мужики

Я тут понял, что все мужики в мире одинаковые.

У меня в деревне случилась авария водопровода, приехала дежурка из Женевы. Я пошёл побазарить с рабочими, предложить им жратвы, горячего или горячительного, поинтересоваться ходом работ. У нас у всех разные родные языки, цвет кожи, жизненный опыт, акцент и интеллект, кто-то по-французски говорит, как Мольер, а кто-то еле-еле, но все мы при этом — одинаковые! Одна система понятий, одни шутки, один код. Всё понятно с полуслова: жёсткий, циничный юморок, крепкое словцо рабочего человека, неполиткорректное наблюдение, идиотский ржач, high five — и мы все уже на одной волне.

Женщины — совсем не так!! Женщины все разные! Уже сама по себе женщина — это уравнение с сотней неизвестных, и решить его невозможно, хотя и очень хочется. Между западноевропейской и восточноевропейской женщинами вообще лежит гигантская пропасть, это два абсолютно разных мира.

А мужики везде одинаковые: две руки, две ноги и до боли понятный ход мысли — лопата упала в грязь, и всем уже весело.

февраль 2026

2.5.111 Перевирание моей фамилии

К перевиранию своей фамилии я привык. T9 предлагает заменить 'Kobzar' на 'cobra'. На Западе моя фамилия почти никому ничего не говорит, её принимают за немецкую, еврейскую, турецкую, марсианскую — и неизменно перевирают. Русские в большинстве случаев ошибаются с ударением, ставя его на корень, хотя в модели "государь, звонарь" не ошибаются. Неизменно правильно произнесут и запомнят её только украинцы и румыны с молдаванами, где муз.инструмент и исполнитель — органическая часть языка и культуры.

Полуслепой проводник украинской литературной и музыкальной традиции, с кобзой странствующий по Запорожской Сечи от куреня к куреню — каким он был, мой предок, чью профессиональную фамилию я ношу? Был ли он похож на сочинителей письма султану с картины Репина (там как раз один сидит с кобзой и могендовидом на пороховнице, и тоже лысый)? В каком веке он понёс дальше фамилию Кобзар — в XVII-м? Или?

Писал ли он сам стихи? Я хотел бы поговорить с ним: "Ось, подивіться, батьку, як я граю, як співаю". А он мне: "Погано, синку, дуже погано! Тьху! Ану, дай мені, я тебе навчу, як треба. Вчися, синку, намагайся, ти можеш краще! Ми ж з тобою кобзарі!"

(июль 2024)

2.5.112 О популярности в сети

Q&A с читателями в Телеграме

— "Почему ты не выберешь тему своего канала и не сфокусируешься на ней?"

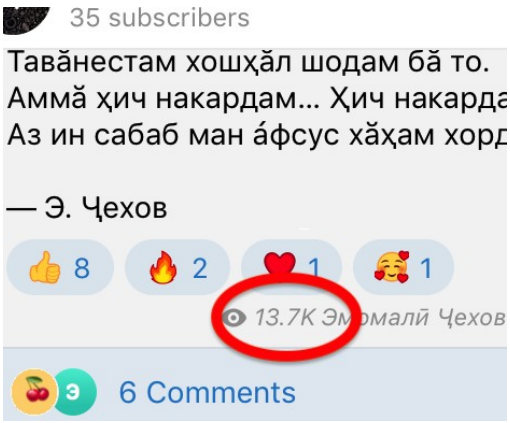
— Потому что это частный, неформальный канал для друзей о жизни, а у жизни темы нет. Что пришло в голову, о том и пишу.

— "Почему не постараешься раскрутить свой канал?"

— Потому что общественное признание — это последнее, что меня интересует в жизни. Мне важны только мои друзья. Если меня будет читать всего несколько дорогих мне людей — я буду писать для них. С лайками или без.

— "Посмотри, у Васи в канале по тысяче просмотров, а у тебя только 200-400".

— И шо? У меня был канал на таджикском, под псевдонимом Эмомалӣ Ҷехов, хотя своего авторства я не скрываю. Тематика: рассуждения о погоде и о временах года. Цель: практика языка. Иные мои банальнейшие и неинтересные посты по 13700 просмотров



собирают (пруф: http://kobzar.be/objects/channel_ECz.png), только мне от этого ни горячо, ни холодно. Из 35 подписчиков таджикского канала я знаю только двоих, причём один из них таджикского не знает.

6 комментов и 12 эмотиконов на 13700 просмотров — это говорит о том, что смотрят, в основном, роботы. Или добрые чудаки, невесть как попавшие на самый бессмысленный и тупой канал в мире. В комментах или ахинея (что закономерно, учитывая примитивность тематики), или сомнения в умственных способностях автора (я бы тоже усомнился), или реклама на узбекском языке, которого я не знаю.

Что меняют цифры? Хоть 13700, хоть миллиард. Мне важны только друзья. А за Васю я очень рад, семь футов ему под килем.

ноябрь 2024

2.5.113 Измерительные приборы

У каждого свой пунктик, не так ли?

Есть у меня страсть к типографским шрифтам, к заднеприводным универсалам на ручной коробке, к открытым кодам типа Линукса или LibreOffice. И одна из моих слабостей — измерительные приборы. О-о-о!

Хороший мультиметр заменяет мне средненькую книгу — он восхищает меня своей точностью и непредвзятостью. Штангенциркуль завоёвывает меня на раз. Логарифмическая линейка похитила моё сердце ещё в детстве, я люблю её всей душой и ищу в ней ответы на многие вопросы бытия.

Морской компа́с прекрасен, хотя в Европе он и не показывает на истинный север. Приборная доска самолёта для меня равнозначна иконостасу для верующих: авиагоризонт, альтиметр, вариометр — просто песня! Когда я пилотировал, я столько же смотрел на приборы, сколько и на небо.

Замерить электрическое сопротивление $\boldsymbol{R}$ собственного тела в омах (Ω) я считаю одним из важнейших актов в жизни человека наряду с "посадить дерево". Метеостанция с флюгером приковывает моё внимание и отключает меня от реальности. Даже простое взвешивание на напольных весах я считаю чем-то почти божественным.

Измерительные приборы прекрасны! Их данные можно анализировать, отслеживать в динамике, обдумывать, ища взаимосвязи и проверяя их эмпирически. Когда взаимосвязь доказывается, это приводит меня в восторг.

Мой кузен Яцек в детстве дал мне по башке гироскопом (наверное, это многое объясняет во мне сегодняшнем). Кровь я отмыл, но гироскопом заинтересовался, и мы с Яцеком провели ряд опытов с ним.

Мой сосед — инженер и радиолюбитель. На крыше его дома куча антенн. Однажды он пригласил меня в свою Святая святых — на свой этаж (80 м²), полностью занятый радиоэлектронным оборудованием: тумблеры, модуляторы, зуммеры, лампочки, стрелочки... Я испытал благоговение и зависть. Мне показалось, что я побывал в раю.

Если попаду в рай небесный, то буду искать там осциллограф. Он обязан там быть, иначе это и не рай вовсе.

июль 2026

2.5.114 Отношение к еде

Из всех физиологических потребностей человека голод — самая головоломная. И единственная, которая надсадная:

① Голод не утоляется быстро, он обманчив. Сидишь, ешь 20 минут — и ты всё ещё голоден. А когда твой голод наконец утоляется, то выясняется, что ты съел в два раза больше потребного. Вот жажда — она утоляется мгновенно, а голод инертен и коварен.

② Голод требует колоссальных временны́х жертв. Дикий гембель ради восьми мегаджоулей в день! "Мучительно больно за бесцельно" потраченное время, которое можно было бы посвятить чему-нибудь более содержательному, чем работе челюстями.

Отношение к еде у меня в высшей степени **утилитарное**. Еда должна приносить мне калории, быть свежайшей, качественной и удобоваримой. Бонус, если она невредная и сбалансированная. А если она вдруг вдобавок ещё и вкусная, то вообще зашибись.

Наверное, я чем-то обделён и убог, рассуждая так примитивно. Цель еды — не процесс, а сытость. Цель сытости — свобода от физиологической потребности на несколько часов.

Ведя машину по автобану в далёких от гастрономических изысков Соединённых Штатах, видишь съезды на придорожные рестораны-забегаловки. Дорожный знак объявляет: "FUEL ➚ FOOD ➚" — топливо для машины и топливо для тебя. Это мой стиль, моя философия! Пустой бак — здесь зальёшься, пустой желудок — здесь заполнишь. И поедешь дальше, свободный, с обеими стрелочками у F, а не у E. И будешь думать о чём-то другом.

Если бы джинн придумал "таблетку от голода" — съел и сыт на полдня — то я бы скупил у него всю партию. Проглотил на ходу — и свободен, как птица. Гигантское сэкономленное время можно потратить на что-то более увлекательное, чем жевание и смакование. Остальные 4 чувства принесут мне несоизмеримо больше удовольствия.

Если бы другой джинн предложил мне сделку: исполнить три мои желания (о! а их есть у меня!), но взамен навсегда отобрать у меня одно из пяти чувств на мой выбор, то я не задумываясь выбрал бы лишиться вкуса.

Память о том, что я только что ел, держится у меня от силы полчаса. К ужину убей не вспомню, что я ел на обед.

Воздух нам нужен, чтобы получить в кровь O_2, напиток нужен для H_2O, а вино для C_2H_5OH — и всё, **это чистая химия**, никакой эстетики, никакой поэтики, никакого полёта мысли за приёмом пищи не стоит. Это, конечно, на мой приземлённый, варварский взгляд.

С 23-летнего возраста я живу во франкоязычных странах. Французская культура и ценности давно стали главной частью моего кода, а вернее — базой. Но двух вещей я не пойму никогда: повёрнутости на еде, даже "религиозности" еды: что́ есть, когда именно, с чем, подо что, в какой последовательности — ô mon Dieu! Чтобы понять этот культ еды и питья, в нём надо родиться. Люди со славянской, германской, семитской, англо-саксонской — да с любой нероманской! — кровью

вряд ли смогут по-настоящему понять и прочувствовать французскую гастрономическую культуру, если не впитали её с молоком франкоязычной матери. Вот и мне не дано.

И второй бемоль — не мыть руки перед едой: ломать хлеб грязными руками, есть руками, а потом ещё и обсасывать пальцы перед посторонними людьми. Это мерзко. Никогда этого не пойму и не приму.

В одном и только в одном случае трапеза имеет смысл, но смысл социально-эстетический, а не физиологический — когда сидишь за столом в приятной компании, когда пища не самоцель, а лишь аккомпанемент к общению. Вот тогда это действительно чудесно: беседа, красиво накрытый стол, по этикету разложенные приборы, накрахмаленная скатерть, перемены блюд, звон хрусталя... А тупо тратить своё драгоценное время на мегаджоули для одного себя — это просто ужасно.

Ладно, джинна с таблеткой нет... Но если можно было бы вживить в вену мобильную капельницу, которая постоянно подавала бы в кровь питательный раствор, дарящий мне независимость от голода и сберегающий моё время, вот это было бы шикарно! Прошу разработать такой прибор, я первым его вколю. Лучше ходить с капельницей на плече, чем ужасаться трижды в день, как время твоей жизни безвозвратно утекает сквозь пальцы.

2024 & 2025

2.5.115 Этанол: a+b = b+a

Все эти истории по "ёрш", про "нельзя мешать", про "понижать градус", про "beer before liquor, never been sicker" — это всё туфта. Играет роль только накопленный этанол за время t, простая химия. К примеру, 0,5 лагера + бутылка красного, это 0,048 • 500 мл + 0,136 • 750 мл = 126 мл³ C_2H_5OH. Не больше и не меньше, как в аптеке.

Можно пить что угодно, мешая с чем угодно — от перестановки слагаемых сумма не изменяется. В этом путешествии к туманам сознания важен только суммарный объём этанола за вычетом очищающей работы печени на единицу времени. Следите за счётчиком и — лэхайм!

Экспериментаторов было много, но одним из лучших специалистов в этой области был всё тот же Омар Хайям, да благословит его Аллах и приветствует. Человек разбирался в вопросе. Почитаем мэтра:

> Этот кувшин вина был, как и я, несчастным влюблённым.
> Он был, как и я, в оковах локон красавицы.
> И эта ручка на горлышке кувшина
> Была рукой, обвивавшей шею возлюбленной.
>
> Доколе печалиться о том, что имеешь, а чего не имеешь,
> Раздумывать о том, придёт ли радость или нет?
> Наполни кубок вином! Ибо тебе неизвестно,
> Выдохнешь ли ты тот глоток воздуха, что сейчас вдохнул, или — нет.

Вот 🗣️ примерно ТАК звучит вышепроцитированный хайямовский фарси XI-XII веков периода первых Крестовых походов.

Это были тёмные времена, не дай боже́: в Испании Альморавиды, Англия только что стала нормандской, а монголы пока отдыхают в виде никому не известного племени вдали от шума городского. Персидский язык у Хайяма древний, но вполне понятный и сегодня. Это не парфянский и не язык Кира Великого, но это их потомок. Афганский дари, таджикский и персидский суть одно и то же, только лёгкие отличия в синтаксисе и фонетике. Дари и таджикский более архаичны и богаче фонетически. Западный персидский (иранский) беднее, и именно его называют фарси.

Щас не об этом. Не забудьте наполнить бокалы. Лэхайм! Будьмо!

март 2025

2.5.116 О футбольном чемпионате

Вещь, которую я никогда не смогу понять, это футбольный чемпионат. Друзья мне объясняли много раз, но я так и не понял.

Вот две недели назад прошли выборы. Резко поменялся состав Европарламента, произошли тектонические сдвиги в большинстве стран ЕС, но этот факт мало заинтересовал граждан. Выборы напрямую влияют на нашу жизнь, на наши налоги и наше будущее, но интерес к собственному будущему у людей очень вялый.

А тут чемпионат. Йоу! 22 мужика бегают по полю, а миллионы следят за этим с диванов и террас, разрисовав свои лица в цвета своей налоговой юрисдикции. Интерес колоссальный: кто как побежал, кто где упал, у какого мужика какие ноги. Какая, ◊◊◊◊◊, разница?? Это их игра, их эмоции, их победы и поражения, их бонусы, при чём тут я и все остальные? Это всё равно что сидеть и смотреть, как другие получают удовольствие от еды, питья, купания и других в высшей степени приятных занятий вместо того, чтобы заниматься этими приятными занятиями самому.

Допустим, футбол я не понимаю, последний раз я "играл" в него в пятом классе. Но вот теннис. Какой мне интерес смотреть, как получает удовольствие Федерер? Я его не знаю, он не знает меня (к счастью). Я никогда так играть не буду, и слава богу. Я рад за Федерера и за его счёт в UBS, но при чём здесь я? Лучше я пойду поиграю сам на потеху своему циничному тренеру Николя, буду биться с ним за каждый мячик, буду падать, сбивая колени в кровь, буду рвать жилы и орать до хрипа, как Тарзан, но играть и проживать эту игру самому. Что может быть круче?

"Будешь 26-го болеть за Бельгию?" "Если вылетят Красные Дьяволы, за кого будешь болеть?" "За Синих [Францию] будешь болеть или за Украину?" "Кто твой фаворит?" Та нихто!!! Мой фаворит — я сам. Мне-то что с их эмоций? Как и им — с моих? Я пойду книжку почитаю или спать лягу, здоровее буду.

99.9(9)% зрителей не знакомы с игроками. Игрокам глубоко плевать на зрителей перед экранами. Победа/поражение страны никак не влияет на нашу жизнь в отличие от выборов. Тогда зачем это всё? Кто-то может мне объяснить?

июнь 2024

2.5.117 Футбол: первая встреча

Каждый помнит свой первый раз. Мой был в субботу: на 55-м году жизни я впервые попал на спортивный матч, это оказался футбол. С благодарностью принял любезное приглашение уважаемого человека.

За футбол я не знаю ничего. Даже по ТВ ни минуты не смотрел, правил не знаю. Играл один раз в школе в пятом классе, но меня удалили на первой же минуте.

Мы болели за женевский "Servette", который играл с каким-то цюрихским клубом, не помню его названия.

Свою тотальную тупость в спорте я старался не афишировать: помалкивал и следил за реакцией в нашей ложе. Ближе к концу первого периода я понял, что "наши" ворота — справа. Загадок была масса: почему вратарь в другой майке и почему он не стоит всё время на воротах с расставленными руками, а выбегает на треть поля; что означают свистки, флажки и линии на траве?

То, что матч идёт уже 10 минут, я тоже не сразу понял: я думал, что это какое-то шоу или разминка. Только когда "Servette" забила первый гол и трибуны взревели, я догадался, что это не шоу.

Женева громила Цюрих всухую: после каждого гола люди в нашей ложе радостно кричали, вскакивали и делали друг другу "high five". Мне очень понравилась эта сплочённость.

VIP-ложа — это свобода выбора: можно выйти на балкон, а можно и внутри потусоваться, в тепле, с бокалом в руке: "Вам не кажется, что сие ристалище напоминает римский Колизей?"

Я сделал ряд открытий:

① Футбол сложен технически. Экие пируэты! Я думаю, что любой из игроков побил бы мой личный рекорд в чеканке мяча, который составляет 1 (один) раз.

② Футбол сложен стратегически. Это не "стенка на стенку", как я думал, а командная, просчитанная игра. Один игрок не стоит ничего, исход решает общая стратегия и тактика.

③ Динамика. Это не шахматная доска: фигуры на поле постоянно движутся, и решение надо принимать мгновенно.

Однако, я не получил ответа на главный вопрос: болельщики!

Я наблюдал за ними больше, чем за игроками. Одинаковые шарфы, футболки, флаги и кричалки non-stop. Почему?

Потому что болельщики живут в том же кантоне, что и "Servette"? И шо, я тоже там живу, шо ж мне теперь, изойти на крик из-за совпадения адреса?

Потому что болельщики сами спортсмены? Непохоже — их корпулентность и физическая форма говорит об обратном.

Потому что они как-то причастны к игрокам? Члены команды? Друзья-родственники? Если бы на этом поле играл, допустим, мой друг Арам, еженедельно практикующий футболист и знаток всех клубов, то я сам орал бы за троих, но болельщики даже не знакомы с игроками в 99%+ случаев.

Потому что болельщики видят такие тонкости, которые не видят дилетанты? Но почему тогда никто не кричит от восторга в Лувре? Там тоже есть специалисты, видящие не видимые дилетантам тонкости. Почему никто не кричит на не

понятных почти никому пассажах "Весны священной" Стравинского или Седьмой симфонии Малера (я понимаю только название, но есть же настоящие ценители).

Неистовствующие болельщики остались для меня загадкой.

Я молча вообразил себя спортивным комментатором: "Так, attention, белый 90 побежал на огромной скорости в неизвестном направлении, пересёк круг и несётся дальше. Хоп — ногою! Белый 12-й, шо ты стоишь, беги уже куда-нибудь! Фиолетовый 36 вообще монстр — постоянно у вражеских ворот трётся, очень подозрительный тип! Белый 4 (фамилию не разобрать) прыгает, шо твой кузнечик, но фиолетовые его обступили и затевают недоброе. Хоп — ногою! О! Фиолетовый 4 (тёзка кузнечика) совершает обманные движения ногою: кручу, верчу, обмануть хочу. Но не тут-то было, ха-ха, белые тоже ого-го! Опасный момент, бросок, бац-бац — и мимо! О, проклятье!"

Во втором периоде команды поменялись полем, но я этого не заметил: продолжил "болеть" за правые ворота. Вовремя спохватился.

Женева выиграла со счётом 5:0. Арам сказал, что мне сильно повезло впервые прийти на футбол и сразу увидеть такой результативный матч.

В общем, любопытный опыт. Как в другом мире побывал.

март 2026

2.5.118 Политическое кредо: либертарианство

На хрестоматийный вопрос "Ваше политическое кредо?" отвечу слёту: либертарианец.

Идея либертарианства — человек владеет своей жизнью: своим телом, своей волей, своим трудом. Жизнь, единственная и неповторимая, дана ему, и решать ему, а не государству или обществу.

Либертарианство = минимум принуждения и регулирования. Максимум свободы и личной ответственности. Выбор во всём. Самозащита легитимна, агрессия нет. Минимум государства, которое нужно лишь для ограниченного количества функций типа правосудия — а в остальном люди договорятся сами. Как сказал любимый мною Рейган: "Government is not the solution to our problem; government is the problem".

Либертарианство = принцип "laissez faire": **живи сам и давай жить другим**. Государство опекает лишь недееспособных и несовершеннолетних, а взрослые сами договорятся между собой.

Либертарианцы, они правые или левые? Ни те, ни другие, потому что 1D-шкала якобинцев безнадёжно устарела. Правильная шкала двухмерная: одна ось со степенью личной свободы, а другая — свободы экономической.

Личная свобода — это когда государство не лезет к своим гражданам в душу, телефон и спальню. Одевайся как хочешь, живи с кем хочешь, ешь-пей-вдыхай что хочешь — до тех пор, пока ты не вторгаешься в чью-то жизнь против его/её воли.

Экономическая свобода — это когда государство не лезет людям в кошелёк. Это свободный рынок, это минимум регулирования и очень низкие налоги, потому что финансировать в либертарианском мире особо нечего.

❓ Как понять, насколько ты близок к либертарианству и вообще — кто ты по политическому спектру? ➡️ Пройти тест из 10 вопросов и увидеть себя на двухмерной шкале. Я его прохожу раз в несколько лет и всякий раз оказываюсь эталонным либертарианцем без примесей, хоть на выставку посылай.

Люди примерно делятся на 4 группы по взглядам:

① **Прогрессисты** — личная свобода ОК, но экономическое принуждение. Живи как тебе нравится, но при этом высокие налоги, соцпрограммы и зарегулированное предпринимательство. Это европейские зелёные, социалисты, Скандинавия; это демократы в США типа Берни Сандерса.

② **Консерваторы** — экономическая свобода ОК, но личная ни-ни: будь "приличным", не "греши", не делай аборт и ходи по воскресеньям в церковь. Это американские республиканцы, британские тори.

③ **Либертарианцы** — максимальная свобода по обеим осям. Свободный обмен, минимум государства, частный сектор везде, где возможно, смешные налоги. Свобода всего, минимум принуждения для совершеннолетних. Хавиер Милеи близок.

④ **Авторитаристы** — свобода индивидуума неважна, личность неважна, экономика зарегулирована, камеры наблюдения и отслеживаемые платежи — всё решает государство, которому "виднее". Общество выше человека, госэкономика, "лидер нации". Это большинство стран мира сегодня.

Либертарианцы сильно опережают своё время, но сегодня они крайне малочисленны. В США Libertarian Party стабильно третья, но она никогда не набирала больше 3% голосов. В Европе либертарианцев единицы. Я всегда голосовал за либертарианские микро-партии, но лишь единожды, в 2007-м, мои фламандские либертарианцы (LDD) внезапно получили 6 из 210 мест в федеральном парламенте Бельгии (вот вам те же американские 3%) — и всего на одну легислатуру. В остальное время мой голос не представлен. Ни один бельгийский или европейский политик не действует от моего имени, я голосую в песок: "vox clamantis in deserto"...

Почему <3%? Потому что люди хотят, чтобы ими управляли, чтобы был какой-то "папа", который придёт и всё решит за них. Кому-то нужен отец небесный, кому-то земной, кому-то никакого, кому-то оба. Но "земные отцы" попадаются разные: один решит нормально, а десять других раздухарятся так, шо пожалеешь, шо родился.

Понимаю, что людям сложно взять на себя ответственность за свою собственную жизнь. Сладкое бремя свободы тяжело нести.

февраль 2026

2.5.119 Герои-одиночки

Меня всегда восхищала сила человеческого духа, когда ты один перед толпой. Не массовый героизм в духе "все побежали, и я побежал", а — по собственному разумению. Когда человек, если не находит единомышленников, апеллирует только к своей совести и действует только по её императиву. Один — раз никого рядом нет. Но ты-то — есть!

Януш Корчак, сопроводивший в Треблинку абсолютно чужих ему детей и задохнувшийся со своими воспитанниками сиротами "Циклоном-Б" в газовой камере, хотя некоторое время до того ему предлагали спасительный документ для себя одного. Корчак знал, что дети обречены, им никто спасительного документа не предлагал, но он не мог безучастно смотреть в окно, как детей уводят из приюта в лагерь смерти — он сам повёл их за руку и оставался с ними до самого конца. И ушёл с той варшавской улицы Человеком.

Андрей Дмитриевич Сахаров, не нуждающийся в представлении, один оставшийся сидеть на Съезде нардепов, когда заиграл гимн СССР, который ему, как он говорил, "не нравился".

Невозмутимый Август Ландмессер, спокойно сложивший руки на груди в огромной толпе, поголовно вскинувшей руки вокруг него.

Станислав Петров, не нажавший на "красную кнопку" в 1983-м вопреки всем своим "не обсуждающимся" строгим армейским приказам и, возможно, уберёгший всех нас от ядерного апокалипсиса своим единоличным решением.

Неизвестный безоружный человек на площади Тяньаньмэнь, останавливающий собой танки — один на огромной площади в миллиардной стране.

Конструктивен ли такой выбор для человека? Абсолютно деструктивен! Он идёт вразрез с нашим биологическим законом выживания — спасти своё мясо, приспособиться и затихариться. Правомочно ли предъявлять людям за естественное самосохранение, за следование законам природы, ведь то, что естественно, то не стыдно? Я не знаю, я не возьмусь никого судить. Однако, помимо мяса, для некоторых из нас есть, похоже, ещё и другие категории, надбиологические. Подлинно человеческие.

В Швейцарии можно отдизайнить свою собственную почтовую марку и клеить её на свои письма — рисуй что хочешь. Я клею самодельную марку с Янушем Корчаком.

И те, о ком мы знаем, чьи имена остались в истории, и в чью честь растут деревья в Яд-Вашеме на Аллее праведников — они лишь малая доля от общего числа великих духом Людей-одиночек. А сколько было и есть тех, о ком мы никогда не узнаем!!

В иудейской устной традиции есть легенда о "ломедвовниках" — 36-ти скрытых праведниках, которые, наподобие армянской притчи, "творят добро и бросают его в воду" — никто из людей не знает об их добрых делах, творимых тайно (буквы "ломед ל" и "вов ו" обозначают 36). Согласно этой легенде, мир стоит, пока живы как минимум эти 36. Это перекликается с торгом Авраама с Богом за спасение Содома: "Может быть, найдётся [в Содоме] десять [праведников, чтобы Ты не истребил город]? [Бог] сказал: не истреблю ради десяти". (Бытие, 18:32)

Я бы не сказал, что "на таких людях земля держится" — нет, Земля держится на четырёх фундаментальных взаимодействиях (сильном, слабом, гравитационном

и электромагнитном). Но наше право называться людьми держится вот на таких героях-одиночках. Всегда — одиночках. И чаще всего — никому не известных.

январь 2025

2.5.120 Когда стало ясно, что мы будем жить

На смерть Михаила Сергеевича Горбачёва

Всякий раз, когда в трёх километрах от моего дома я проезжаю мимо неприметной виллы, где он впервые встретился с Рейганом, я вспоминаю этих двух великих людей. И когда мимо “Интерконтинентaля” проезжаю, где они на пресс-конференции дали миру понять, что ядерной войны не будет, я тоже вспоминаю те великие времена.

Когда в 1985-м мир увидел, что советский руководитель может быть живым, свободным, открытым, доброжелательным, миролюбивым, улыбающимся и раскрепощённым человеком, а не догматиком с текстом на бумажке, не закомплексованным мизантропом, не “Мы вас похороним”. Когда стало ясно, что мы будем жить. Когда все изменения в мире были только к лучшему. Когда мир шёл в будущее, а не в прошлое. Когда пришла свобода, которую он всем нам просто взял — **и подарил.**

А после этого просто взял — и ушёл. Благородно, тихо. Почти без крови (таки были Вильнюс, Баку и пр.), но всё же без всесоюзной мясорубки по милошевичскому сценарию — а ведь ничто ему не мешало попытаться удержать неудержимое. Но он решил уйти с достоинством, и тем самым он навсегда вошёл в историю как Человек, а не как мясник.

За свою свободу, за этот бесценный подарок, как я мог его поблагодарить? Как вернуть человеку добро? Разве что вступиться за него (и одновременно за себя самого, конечно) в августе 91-го, когда Михаила Сергеевича с Раисой Максимовной путчисты закрыли в Форосе.

> “Защищал Белый дом” — так я не скажу, это громко сказано. Не защищал, а собирал по окрестностям хлам, чтобы строить из него баррикады. Я говорил — со строителями баррикад и с журналистами. И самую тяжёлую работу делал — я говорил с солдатами, растерянными, запуганными ровесниками, которых могли бросить на нас в любой момент (подробнее здесь: https://kobzar.be/blog/gen-x/#perestroika , англ.).
>
> Солдатики в Александровском саду у Кремля ставили на броню дизель-генераторы для создания шума, чтобы не слышать народ, но я старался перекричать технику:
>
> “Друг, посмотри на нас! Ты вооружён, а мы нет. Тебя прислали нас давить, но мы не хотим тебе зла. Потому что ты такой же, как и мы все тут. Неужели ты будешь в нас стрелять, если тебе прикажут? Неужели гусеницами по нам поедешь? По мне поедешь, по нему поедешь, по ней? По красивым девушкам гусеницами поедешь? Разве ты хочешь, чтобы тебе потом каждую ночь снился хруст их костей и то, что от них останется? Если ты выстрелишь, то их размажет по всей площади. Ты не сможешь это забыть, ты не сможешь с этим жить. Ты не можешь этого хотеть! Братан! Ты хороший человек, просто тебя одели в эту зелёнку и

> пригнали сюда, но ты же нормальный, я вижу это! Ты же не палач, а нормальный пацан. Давай лучше к нам! Отдадут приказ давить, а ты спрыгивай и сразу к нам! Мы будем ждать тебя. Ты слышишь меня? Не стреляй, друг! Слышишь, друг, НЕ СТРЕЛЯЙ!!!".

В том, что через двое суток живые и свободные Горбачёвы сошли с трапа самолёта во "Внукове", был, наверное, и мой микроскопический вклад. А что ещё я, 19-летний студент, мог сделать?

Я писал ему на его почтовый адрес в Фонде — с днём рождения поздравлял, да и просто так, когда накатит. Возможно, ему и читали мои письма. Но это сегодняшнее, последнее "письмо" уже не прочитают.

Мне уже очень давно не хватает Вас, Михаил Сергеевич. Покойтесь с миром. И в последний теперь уже раз — спасибо Вам!

август 2022

2.5.121 Зачем бояться того, чего нет и никогда не будет?

Всего лишь заурядные "выборы" — и уже читаем: в Москве "беспрецедентное количество военных и полиции", "[город как] один большой военный лагерь", "какой-то ад, никогда еще не было столько полиции". Опять ОМОН, опять дубинки, автозаки и металлические заграждения.

Вам до сих пор страшно что ли, господа мигалочники? Несогласных боитесь? Болотных? Да полноте! Вам за тонированными стёклами, поди, не видно, но я вам скажу, что тезис о "раскачивании лодки" и "оранжевой угрозе" вами *очень* сильно преувеличен. Симпатизирующие Болотному движению — это от силы 5% населения. Вам попросту некого бояться.

Реальность такова, что в России вопиюще мало приверженцев **европейских, западных ценностей:**

- свобода во всех видах (прежде всего, личная)
- личная ответственность,
- право и неприкосновенность прав,
- демократия, с которой легко менять "правителей" и влиять на их политику,
- открытая конкуренция частного с государственным,
- общественный прогресс,
- самоуважение индивидуумов, а не "нации",
- гражданское достоинство,
- незыблемость собственности,
- интернационализм,
- либерализм,
- гуманизм,
- терпимость и стремление к компромиссу,
- выходящая далеко за рамки ЖСК гражданская инициатива,
- гражданский контроль над государством и подотчётность его избирателям,
- разделение властей и независимое правосудие,

- равенство перед законом, равенство возможностей,
- отделение церкви от государства,
- общественная солидарность и эмпатия к ближнему.

Нет спроса на этот ↑ товар, не завезли. Вроде, пошло мало-мало в феврале 1917 и августе 1991 — но нет, оказалось фальстарт — россияне вернулись к привычным вековым идеалам. Бельгийское пиво, немецкие автомобили, французские духи, американские технологии, британское образование, итальянское вино, голландский сыр, испанская плитка, финский телефон, швейцарский счёт — это всем очень нравится, а образ мысли западных стран — ни в какую.

Ну и кого бояться-то? Ну выйдут двое-трое фриков, ну покричат что-то о свободе какой-то. Это маргиналы. 5% против 95% — это слон и моська в области статистической погрешности.

Так было не всегда, и вы помните *ту* самую первую "Болотную" в августе 1991-го. Выйдя утром из дома, мы, сами того не понимая, к вечеру того же дня изменили мир. Изменили играючи — просто потому, что не отсиделись у телевизоров и не молчали, а подняли зады и вышли на улицы. Только и всего!! Мы — фактически дети! — с мороженым в руках за два дня завалили КПСС, которая была гораздо сильнее и страшнее сегодняшних вас — беспринципных мигалочников с крякалками. Сдать в утиль истории красного колосса с пятимиллионной армией на одной шестой суши оказалось до смешного просто — понадобились двое суток, сила духа и **чувство собственного достоинства**. Не сложнее уволить и вас, только почти уже некому. В 91-м неравнодушных и смелых было гораздо больше, и именно поэтому в перестроечные годы Россия была интересной, яркой, молодой страной, вызывавшей уважение, симпатию и восхищение у нормальных людей в мире. Сегодня на Болотной-2012 *качественно* по-прежнему лучшие люди России, но *количественно* — это маленькая горстка мечтателей не от мира сего, которые при всеобщем избирательном праве чисто арифметически не сравнятся с диктатом 95% российского электората, который искренне исповедует совсем другие ценности, прямо противоположные европейским.

> Во второй половине нулевых я жил в путинской России почти пять лет, общаясь, по большей части, с интеллектуально продвинутой, хорошо образованной, успешной молодой публикой из московских небоскрёбов, бизнес-центров и вип-лаунджей. И за эти годы я встретил в России только одного (sic! ещё раз по слогам: од-но-го) несогласного, который не был согласен с тем, что об него можно вытирать ноги. Он, единственный, активно и бесстрашно защищал свои права гражданина на всех уровнях — от кассирши в магазине, таможенника и охранника на избирательном участке до мэра Москвы и министра ВД. Он требовал соблюдения закона, он боролся и сохранил гражданское достоинство, а вместе с ним снискал своей бесстрашностью и принципиальностью огромное уважение в моих глазах. У всех остальных были или уютные объяснения своему бездействию, или — что хуже — полное непонимание необходимости действия и даже наличия у них гражданских прав в принципе. Одного! За пять лет! Да какие 5%, эк я хватил. Извините, беру свои цифры обратно. Конечно, не 5%, а меньше, *много* меньше.

Так что ваши, мигалочники, страхи перед “проевропейской оранжевой революцией” беспочвенны и смешны. Не надо гнать волну и тратить ресурсы. Если бы я был мигалочником (не дай бог, конечно) я охранял бы несогласных

как исторический реликт, как редкий экземпляр — пылинки бы сдувал с этих людей, хотя бы для международных симпозиумов. Это ж уходящая натура, последний пароход в Марсель, и наряду с Петербургом — единственный аргумент в пользу того, что Россия — это часть Европы не только географически.

Не надо вскидываться — не утруждайтесь, не перестраховывайтесь. И без этого у вас всё просто прекрасно.

Расслабьтесь. Не надо устраивать больше никаких “каруселей”, тратить деньги на солярку для автозаков, не надо никого “винтить”. Надо успокоиться и просто получать удовольствие от жизни, раз уж вам так повезло с народом.

Зачем вам искать проблемы там, где их попросту нет — вот вам согласная пофигистическая страна, вот вам 95-99% подданных, добровольно и независимо от вас исповедующих ровно ваши же, те же самые феодальные, ещё ордынские ценности, вот вам суверенный “особый путь”, вот вам послушный народ-страстотерпец со вздохами и с от века известными объяснениями “с нами по-другому нельзя”, “у нас огромная страна”, “бог терпел и нам велел”, “кругом враги”. По Конституции РФ ваша власть исходит от народа, а народ-то как раз, как мы только что в очередной раз убедились, хочет вас, именно *вас*, своих родных, понятных и близких, а не какой-то там европейской неведомой фигни. Народ хочет царя-батюшку с верными боярами, а это ж вы и есть! Всё же сошлось, вы же нашли друг друга, так совет да любовь! Расслабьтесь вы уже, в самом деле!

2012-Mar-05

2.5.122 Сила свободной прессы

Сила свободной прессы колоссальна! В самом начале века я сделал анализ запутанного, многослойного бельгийского законодательства и пришёл к выводу, что в Бельгии дискриминируется высококвалифицированная иностранная (не-ЕС) рабочая сила: высококлассным специалистам нужно было ежегодно продлевать разрешение на работу и всякий раз доказывать властям свою уникальность и нужность. Остальные категории не-ЕС-иностранцев от этого гембеля были освобождены.

Это была чистой воды дискриминация сильных, притом что высококвалифицированные отдают Королевству налогами >50% своей з/п, а зависимые от государства иностранцы деньги не платят, а получают.

"Какая иммиграция нужна стране?" — задался вопросом. Это было не против социально незащищённых, а **за равные с ними права** для социально сильных — простое равенство, простая справедливость.

Я записался на приём и поделился своим открытием с лучшим адвокатом Бельгии — широкоизвестным Жоржем-Анри Ботье (он защищал жертв в страшном процессе Дютру, которым с замиранием сердца жила вся страна). Мэтр Ботье сначала не поверил моим каракулям, потом проверил по кодексам, опешил, согласился с моими выводами без комментариев и посоветовал мне сигнализировать об этой дискриминационной аномалии властям.

Я сигнализировал — написал на нидерландском 4-страничный анализ с причинно-следственными связями и ссылками на законы и разослал его всем

компетентным министерствам, фламандским и федеральным, обоим парламентам, а также королю. Мне ответил только гофмейстер короля, сообщив мне на бумаге с короной и вензелями, что Его Величество ознакомились с моим письмом. И больше ничего не произошло. **Полная тишина и бездействие!**

Сосед моего друга был журналистом во франкоязычной газете второго эшелона. Он узнал от друга о моём исследовании и взял у меня интервью, использовав мой случай как пример. Журналист написал три статьи со ссылкой на меня.

Первая статья в газете вышла в 8 утра. В 10 утра мне внезапно позвонила секретарь министра труда Бельгии (нашли ж таки мой номер, как припекло!) и сказала, что мадам министр Лорет Онкелинкс готова принять меня в любое удобное для меня время. Мне было удобно в 14:00, я припарковался рядом с машиной министра. Министр Онкелинкс и её первый зам говорили со мной в течение полутора часов, удивлялись моим выводам и не спорили — с законом не поспоришь.

Другие госорганы, которым я ранее писал впустую, тоже быстро засуетились и стали запоздало писать мне письма, полные озабоченности и заверений в своём совершенном согласии со мною.

Муравейник зашевелился — **всё изменила простая статья в газете!** То, что не мог изменить простой человек, мгновенно изменила свободная пресса. Нельзя недооценивать её великую силу.

Некоторое время спустя федеральный и все три региональные законы поправили, дискриминацию из текстов и правоприменения убрали. Если бы я был поумнее и стремился бы к публичности, то я мог бы назвать это Lex Kobzaris и сделать себе политический пиар защитника равенства, но я что-то не додумался до такой карьеры. А так, глядишь, был бы сегодня сенатором, а не это вот всё...

2026-Aug-08

2.5.123 Генри Киссинджер

С Генри Киссинджером я познакомился в 2008-м на ренессансовской конференции, которую мы организовывали. Киссинджер был почётным гостем в паре с Тони Блэром. Социалист Блэр меня не интересовал никак, а Киссинджера я не мог просто так отпустить — у меня был до него особый, личный разговор, берущий корни в глубоком детстве.

Я подошёл к Киссинджеру в перерыве, представился, пожал руку и рассказал, как в возрасте 8-ми лет я отправил ему письмо с требованием одуматься, остановить гонку вооружений и подписать договор ОСВ-2. (Похожее письмо я годом ранее пытался отправить и Бжезинскому, но тогда меня остановили взрослые. А Киссинджеру я письмо всё-таки по-тихому, в обход взрослых отправил, никому ничего не сказав).

Киссинджер внимательно на меня посмотрел, шутя нахмурил лоб, но произнёс совершенно серьёзно:

— Боюсь, что я не получал вашего письма. Иначе я бы вам ответил.

— Странно, — в тон ему ответил я, полушутя, полусерьёзно, — прошло-то всего каких-то тридцать лет: может, письмо идёт ещё? Или оно на дне вашего почтового ящика завалялось?

— Приеду, проверю, — сказал Киссинджер, и мы оба рассмеялись этому неожиданному отголоску времён Холодной войны.

Большой был человек, человек мира. Много сделал хорошего, пытался примирить непримиримое.

זכרונו לברכה = [Зихройнóй ливрохó] = Светлая память.

декабрь 2023

2.5.124 Музыка: Лучшая в мире песня

"Нет ничего нового под солнцем", — сказал Соломон Давидович 3000 лет назад, и мы все помним его удивительную, невероятную историю успеха: §2.5.8 или https://kobzar.be/blog/shir-hashirim/

Он прав — за год ничего нового: на первом месте моего музыкального хит-парада 2025 по-прежнему песня Офры Хазы на его, Соломон Давидовича, стихи. На пике моего вкуса остаётся царствовать "Положи меня, как печать" устами прекрасной Офры, да упокоит Всевышний душу её, отданную Ему так рано. Ей было всего 42...

Слова песни — из Библии, я проверил на видео:

> «Положи меня, как печать, на сердце твоё; как печать — на руку твою; ибо крепка, как смерть, любовь. Люта, как преисподняя, ревность. Стрелы её — стрелы огненные, пламя Господне. Многие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её. Если бы кто отдал всё богатство дома своего за любовь, то тот был бы отвергнут с презрением».

© Соломон, царь Израильский, X век до н. э., "Песнь песней" 8:6-7

Вот сия песня: http://kobzar.be/audio/ofra-simeni_kachotam.m4a

Здесь космос всё: музыка, поэтика и голос. Слушать, не наслушаться. Дышать, не надышаться. И не превзойти.

ноябрь 2025

2.5.125 Музыка: Лучшая #2 в мире песня

Второе место теперь занимает Офра Хаза с её "Элоhай" ("Мой бог"). Также известна как "Коль hанешамá" ("Вся душа"). Она звучит в фильме "Королева Марго" с Изабель Аджани и Даниэлем Отёйем. Музыка Горана Бреговича, слова Бецалеля Алони, продюсера Офры.

О чём песня? Перечитал сейчас слова и понял, что, по сути, ни о чём. О "запретной любви", которая "невозможна". О смысле жизни. О силе, которую прекрасная Офра просит у Бога. И сам текст — это обращение к Богу. Не молитва, а рассуждение, монолог.

В этой песне важны не логика текста (которой нет) и не message, которого тоже нет. Важны настроение, красота музыки, божественное исполнение и чувство потерянности, с которым человек обращается к несуществующему собеседнику. «Если не Он — то кто? Если не с Ним делиться, то с кем?» — кажется человеку. Это монолог, ответа не будет, совета не будет, испрашиваемой помощи тоже не будет, но человек, возможно, и понимая это, всё равно обращается в пустоту.

Вот такие настроения передаёт эта красивейшая песня, за что я продолжаю её любить и слушать: ▶ http://kobzar.be/elohay.html

сентябрь 2023

2.5.126 Музыка: "Dicitencello vuje"

Всем известна неаполитанская песня "Скажите, девушки, подружке вашей" в русском переводе. Многим известен оригинал на неаполитанском "Dicitencello vuje". Но мало кому известно фантастическое её исполнение Джанни Конте. Восполняем.

Здесь всё ясно и без понимания неаполитанского — достаточно посмотреть на певца. Он не поёт, он плачет — сердцем. Голос, техника — не важны. Важны чувство и message.

Сначала он обращается к её подругам, через них говорит с ней: "Скажите ей, что она терзает мою душу, что из-за неё я жить не могу". А в последнем куплете он уже обращается напрямую к Ней, сначала на вы, а потом в отчаянии на ты: "Я ищу тебя, как воздух! Ты мне нужна, чтобы я мог жить!"

Вечные слова и вечная песня: ▶ https://youtu.be/42ZNpswDRdA&t=24

(Это было третье место моего "музыкального Олимпа", если шо. В этот раз не на иврите).

October 2023

2.5.127 Играть, не зная нот

Спрашиваете: "Почему на видео перед тобой нет нот?[53] Как ты играешь-то, ирод?"

Отвечаю: а я не знаю нот. Ну, то есть, в теории я их знаю, могу долго и нудно отсчитывать по пяти линиям в трёх ключах и понимаю сольфеджио в целом, как математическую модель, но это только в теории, а партитура мне как... барану коллайдер. На практике у меня полностью отсутствует связь между расшифрованной на стане нотой и соответствующей ей клавишей/струной. Какой-нибудь Cis-dur с семью диезами в ключе не имеет ни малейшего шанса быть разобранным мною: в такие сложные ноты я сразу заворачиваю селёдку. Музыке я никогда не учился, к огромному сожалению, а сейчас уже поздно ожидать нейронных связей знак↔клавиша, как у юных учащихся музшколы.

[53] https://www.youtube.com/watch?v=kJ5r4r8jVNo&list=PLraZy8GqqB3NGp6Fx4pXieTTGjlEFGNlA&pp=sAgC

Играю по наитию, только в двух параллельных тональностях: A-moll и C-dur, транспонирую синтезатор в них. Гармонизирую тоже по наитию. Техника близка к нулю, как, собственно, и во всех остальных моих областях — я не знаю, как надо, как "полагается", я играю не по нотам, а по сердцу. С одноимёнными ладами (A-dur и C-moll) — затык, именно поэтому я не могу гармонизировать свои любимые неаполитанские "Oj Marì" и "Torna a Surriento": там лад (а то и тоника) посреди песни меняется. Рихтер мог, Аргерих может, а я не могу. Печаль.

С нотами получается, как с армянским алфавитом: все буквы теперь знаю, могу медленно расшифровать и прочитать любой текст, как Филипок, но полноценным чтением это назвать нельзя. Да и толку чуть, когда ты [пока?] не понимаешь, что́ ты прочитал.

Работает у меня так: интуиция посылает сигнал в пальцы и в педаль, а разум при этом не участвует. Я просто сижу, как пень, могу даже глаза закрыть. Я просто чувствую, на какую клавишу надо нажимать и догадываюсь, как она зазвучит, хоть угадываю далеко не всегда. Кто-то мне подсказывает.

Знать бы ещё, Кто...

Хотя пофиг.

август 2024

2.5.128 Классическая музыка: Бах

От моих дорогих читателей я иногда слышу пожелания больше писать о том-то или том-то. Наверняка, есть масса невысказанных пожеланий писать поменьше, но мои читатели культурные, "замолчать свой рот" мне тактично не предлагают, а напротив — предлагают новые темы.

Недавний вопрос от моего юного читателя (барев, джан!), сына моего дорогого друга, был неожиданным: написать о моих предпочтениях в классической музыке. Отрадно видеть, что молодой человек интересуется не фигнёй в Тиктоке, а вечными ценностями. Мне, дилетанту, не знающему нот и не взявшему ни одного урока фортепиано, неловко выступать авторитетно в этом вопросе, но я возьму на себя смелость ответить.

Мне кажется, что входить в классическую музыку лучше всего через Баха-отца, И.С. (бо несколько его сыновей тоже сочиняли под папиной фамилией).

До Баха тоже были реальные пацаны типа Пахельбеля (его "Канон" в ре-мажоре снесёт любую крышу). И космический Вивальди был его современником, и Альбинони, но именно Бах совершил революцию в музыке: богатейшей полифонией, глубиной и хотя бы тем, что Бах взялся строить инструменты на частотах в геометрической прогрессии. До Баха инструменты строили кто во что горазд и под определённую тональность, а если ты менял высоту на полтона, то выходила гадость. Бах стал использовать математически идеальный строй, когда ля одной октавы = 440 Гц, ля нижней = 220 Гц, а ля высшей = 880 Гц. Именно так настроены наши домашние "Ямахи": проверьте осциллографом. Остальные 11 нот у Баха ложились в строгой прогрессии по частоте, и любое произведение стало можно играть с любой тоники — всё выходило гармонично. До Баха некоторые ребята тоже порой так строили инструменты, но именно Бах взял прогрессию за правило. На радостях от содеянного Бах сочинил "Хорошо

темперированный клавир" — сборник произведений со всеми 12-ю тониками в мажорном и минорном ладах — его я и рекомендую послушать моему юному другу и всем интересующимся.

Дальше — Doppelkonzert für zwei Violinen в ре-миноре, особенно его второй movimento. За душу берёт, прям растворяешься.

Обязательно — "Страсти по Матфею", как минимум начало, это монументально. Дальше — "Страсти по Иоанну", это очень объёмно.

Прекрасна соната N°2 в лёгком ля миноре — тоненькая, нежная: одна скрыпочка, но шо за полёт на тех 4-х струнах!

Бранденбургские концерты Баха — не проходите мимо! Все в мажоре, но все очень разные. На мой вкус, им не хватает басов для полного симфонического счастья, но писать рекламацию уже немножко поздно.

Отдельной строкой я поставил бы "ха-мольную" h-moll мессу в си-миноре, написанную протестантом Бахом по вражьему католическому ординарию, чуждому лютеранской Саксонии. Мне оттуда больше всего нравится Sanctus.

В детстве мне посчастливилось много раз побывать на концертах в его, Баха, церкви Св. Фомы в Лейпциге, но топлю я за Баха не поэтому, а потому, что Бах реально — нереально крут. Главные врата в мир классической музыки, на мой субъективный взгляд. Ну а дальше начинается дивный сад.

2025-Feb-14

2.5.129 Классическая музыка: инструментально-хоральная

Нет, увольте! Дерзко и опрометчиво взялся я за непосильную ношу: дать свой взгляд на классическую музыку. Это невыполнимо: моего ограниченного кругозора и незамысловатого вкуса не хватит, да простит меня мой юный читатель, спросивший моего мнения. Ограничусь упоминанием всего нескольких любимых вещей. И лишь только про оперу, про мою слабость, я напишу отдельно; оперой и завершу длинный ответ уважаемому читателю.

А по инструментально-хоральной музыке так:

▶ Паганини, 1-ый скрипичный концерт. Я могу его слушать 24/7: Паганини знал обо мне всё, он рассказал мне обо мне больше, чем я сам знал о себе.

▶ 5-я симфония Бетховена, но не всем известная первая часть Allegro con brio с известными ещё со школы "словами" "Кто здесь н□□□□л?" — "Это не я", а третья часть: Allegro. Эта Allegro — это моя кардиограмма в до миноре.

▶ Моцарт, Lacrimosa из "Реквиема". Заупокойная месса. Точнее не скажешь. Заоблачнее не сочинишь.

▶ Верди, "Dies iræ" — тоже реквием. Если обещанный "день гнева" когда-то и настанет, то он будет именно таким. Я слушал его в Gewandhaus'e в Лейпциге, и с 12-летнего возраста я нахожусь под впечатлением.

⚠ Предупреждение: Не измеряйте себе артериальное давление, прослушав это исполнение ▶ "Tempesta d'estate" Вивальди: тонометр зашкалит, и вы испугаетесь. Потому что важно не только, что играть, но и как и с кем. Я бы почти всё отдал, чтобы уметь играть, как Матей, ну а уж если вот так сыграть

рядом с ней, то после финальной соль уже всё равно, жив ты или мёртв, здесь ты или Там, и уже хоть в ад, хоть в рай: уже пофиг — твоё дальнейшее существование уже не будет иметь никакого смысла после ТАКОГО.

февраль 2025

2.5.130 Классическая музыка: опера

Опера — тонкая иголка в сердце. Да, я слушаю этническую музыку со всего света, электронную, классическую, тяжёлый рок, но круче оперы в музыке нет жанра.

Опера прекрасна всем! Помимо музыки, в ней есть поэзия, сцена, голос, экспрессия, сюжет, драматургия, игра. В полночь — берёшь акустические наушники с тяжёлыми басами, садишься перед экраном самого большого в мире iMac'а, заматываешься в одеяло с бокальчиком медока и электронной сигареткой, идёшь на Medici или на OperaVision — и отправляешься в иные миры часа на 3-4. Опера глубже и интереснее любого сериала и большинства романов — тебя уносит на раз! Ты прямо рвёшься туда к ним на сцену!

Немецкий мне понимать трудно, но все остальные оперные языки норм. Ещё плюс: по сложившейся традиции, в опере фонетика должна быть приведена к итальянскому, поэтому француз будет петь своё родное французское либретто без картавых "р" и без носовых[54] — как итальянец, то есть идеально чётко. На славянских языках, фонетически близких к итальянскому, опера звучит органично, а когда-то и волшебно.

Я покажусь варваром и уродом, но таки скажу, что слушать оперу, как я, одному в тишине ночи — это лучше, чем идти в оперный театр: я могу отмотать, пережить заново. Если ты лично знаком с кем-то на сцене и ради неё/него пришёл, то это одно, а так... В зрительном зале тебе застит вид какой-то жердяй, кто-то бухтит, шуршит шоколадом, кашляет, сморкается или ещё чего похуже. А вот наедине с исполнителями, онлайн в высочайшем качестве на огромном экране — это полный отрыв: заплатил за подписку и смотри, пока не опухнешь.

Оперу нужно слушать целиком, но это поначалу тяжело: там речитативы, интермеццо и пр. Но в опере есть арии — самые вкусные части.

Бесспорно, сильнейшая вещь: "Пора выступать" ("Recitar / Vesti la giubba") из "Паяцев" Леонкавалло. Мужик услышал, как его любимая Коломбина только что пылко объяснилась с Арлекином. Он всё понял! Он уничтожен, но ему, клоуну, надо сейчас же идти на сцену и смешить публику: "Ты под шуткой должен скрыть рыдания и слезы, а под смешной гримасой муки ада. Смейся, Паяц, над своей разбитой любовью!" Кто работал, тот поймёт: страшный текст! страшная ситуация!

Когда я вижу весёлого, жизнерадостного человека, я больше не исключаю, что под маской его жовиальности может скрываться Паяц.

"Ella giammai m'amò" ("Она никогда не любила меня") из длиннющего "Дон Карлоса" Верди. Редкий случай, когда серьёзная роль доверена басу — обычно басам достаются роли негодяев. Король думал о королеве и вдруг резко осознал: "Любви ко мне в её сердце нет и не было!" — нет! такое невозможно слушать спокойно, я выключаю эту арию на середине.

---

[54] https://youtu.be/R_9DpVuTBKo?list=PLraZy8GqqB3NF88wRtoJh2Tw-73vu1epG

Сразу два шедевра из "Любовного напитка" Доницетти: "Furtiva lagrima": "На одно мгновение почувствовать бы трепет её милого сердца, с её дыханием ненадолго смешать моё!" — это, наверное, верх мужской чувственности. И всё тот же Неморино, поющий "Quanto è bella, quanto è cara": "Кто меня научит, как внушить ей любовь?" Действительно — как?? Вечный вопрос.

Опера не обязана быть душераздирающей, типа вагнеровской "Тристана и Изольды" — опера может звучать весело и зажигательно, как в арии Блонды из "Похищения из сераля" Моцарта. Опера может затронуть тончайшие струны — с любым знаком. В опере есть всё! Бездонный мир! Космос!

март 2025

2.5.131 Моя хореография

Мои неудачи в спорте объясняются неспособностью запомнить движения. Йога, пилатес — невозможны. Я не запоминаю, что идёт за чем, куда руки — всегда мимо. Это отсутствие моторной памяти, клинический случай. Дословно помню, что было написано на финском языке (которого не знаю) на банке джема, когда мне было восемь (зачем мне эта информация??), но запомнить простые движения я не мог ни тогда, ни сейчас.

Танец (обычный, а не папуасский) — неприступная вершина для меня. За ламбаду помолчим, но даже банальная макарена не получилась ни разу: всё невпопад, прыгаю не в ту сторону и сшибаю соседей. В сардане эффектом домино повалил полкруга танцующих. Из сиртаки меня выгнали сразу.

Но не всё так плохо! Я знаю "танец гусеницы", танцую я его в точности, как Ари Абиттан (это который с седеющей бородой, в шляпе: см. ссылку). Точнее, это Ари танцует и поёт, как я, бо я начал так танцевать и петь гораздо раньше, чем вышел фильм. У меня только шляпы нет, а пластика и вокал у нас идентичны.

Поставил цель — к ста годам освоить танец ромвонг. Нормальному человеку научиться ромвонгу — 20 секунд, его можно танцевать даже сидя, даже лёжа, но для меня это Эверест. Я хочу научиться танцевать ромвонг, как этот мужик в белой рубашке справа. Короче, надо репетировать, до ста лет время пока есть.

Июль 2024

2.5.132 Сны

13 января 2024:

Мне перестали сниться сны...

Уже ≈ месяц, как не видел ни одного. Хотя бы Периодическая таблица приснилась что ли. Или хотя бы настроечная. Но нет ничего. Пустой экран.

А были сны прекрасными. Никогда не кошмары, а только захватывающие приключения, невообразимые ситуации, в которых возможны любые сценарии, нереальные встречи, свободное говорение на всех языках мира,

фантастическая музыка, острые эмоции и яркие переживания — ничего этого почему-то нет.

Наверное, подписка закончилась.

> 14 января 2024 — поворотный момент.

19 января 2024:

О, сны вернулись! Уже три серии посмотрел. “Ничего не понял, но очень интересно”[55]. Повороты сюжета неожиданные, я в главной роли. Спасибо большое!

Стоило пожаловаться, и вот, сработало. Наверное, Там Наверху читают мой телеграм-канал. И прислушиваются. Впредь все свои жалобы и претензии по жизни буду подавать через этот теперь проверенный канал связи с Небесным Киномехаником.

январь 2024

2.5.133 Внебрачные дети

Новое потрясение в бельгийской королевской семье: принц Лоран признал своего добрачного 25-летнего сына. Пресса загудела: "О!! А!! Как так??" Да вот так. Скрывали 25 лет.

У августейшего родителя Лорана, короля бельгийцев Альберта II, тоже есть внебрачная дочь: страна в 1999-м аж гудела. Спустя 20 лет суд признал её легитимность, у нас появилась принцесса Дельфин, очень похожая на Его Величество. Зачем надо было это скрывать 31 год? Что плохого в дочери для отца и в новой принцессе для Королевства?

Реакция французов на внебрачную дочь президента Миттерана стала мемом: "Et alors? — И что с того?" Потом и президента Олланда его противники пытались извести после его поездок на мотороллере к даме его сердца, но реакция французского общества была такой же индифферентной и здоровой: "Et alors?" Сначала Сеголен (четверо детей с ней без брака), потом Валери, а впервые женился Олланд на Жюли, в 68 лет. Et alors?!

Когда своей жизни нет, люди начинают лезть в чужую. Нехорошо-с. Живи сам и давай жить другим.

сентябрь 2025

2.5.134 Культурные открытия: день рождения

Когда в ранней юности я уехал из Восточной Европы в Западную, я сделал массу культурных открытий и перенял большинство западных норм и социальных привычек в изводе романо-германской Бельгии, которая ещё тогда задала мне Стандарт.

---

[55] http://kobzar.be/objects/oczenj_interesno.mp4

Одно из таких культурных открытий далёких 90-х — день рождения.

Д/р человека — вещь на Западе сугубо приватная. Дату знают только самые близкие люди. Не все друзья знают. Коллеги не знают: на стенах университетских кафедр и офисов не висит "календарь именинников месяца", никто не в курсе, кто тут скорпион. Это личная информация. Как и номер мобильного, дата рождения никогда не прозвучит в общественном пространстве, типа кассы, когда ты, например, забыл свою карту магазина.

Если ты каким-то образом узнал дату (например, если человек когда-то доверил тебе свой паспорт для ксерокопирования), ты не имеешь морального права его поздравлять в д/р и тем самым давать ему понять, что ты изучал его паспорт. Нельзя изучать ничей паспорт, нельзя лезть в приватную сферу!

Если именинник захочет, он сам проявится — пригласит тебя на вечеринку или принесёт круассаны в офис. Если тебя позвали на д/р — иди и неси символический, а не "статусный" подарок. Само "чествование" на вечеринке крайне минималистично: "С днём рождения!" Всё! Один раз, и больше никто не вспоминает. Ни сложносочинённых тостов по кругу, ни здравиц, ни избитых штампов. Д/р в Западной Европе — повод встретиться, а не торжественная церемония.

Если в прошлом году тебя пригласили, а в этом нет — это ничего не значит, ты не обязан помнить дату и ежегодно поздравлять в будущем. Не поздравить западного человека в д/р, даже если он знает, что ты знаешь дату — нормально. Не отмечать свой собственный день рождения и даже не обращать на него внимания — нормально.

Это, я считаю, правильно — это ведь просто обычный день по солнечному календарю. Если ты хочешь что-то сказать человеку, то ты имеешь возможность сделать это в любой из 365¼ дней и ночей, а не по напоминалке.

И такая спонтанность будет во сто крат ценнее.

февраль 2026

2.5.135 Прямая демократия в Швейцарии

Что в Швейцарии поистине **уникальное**, не имеющее аналогов в мире?

⛰️ Горы? Гор полно на нашей планете: Гималаи немножко смеются с Маттерхорна. Свысока смотрит даже франко-итальянский Монблан, который я наблюдал бы из своего окна, если бы его не загораживала соседская сосна.

⛷️ Лыжи? H_2O в твёрдом агрегатном состоянии — этого добра тоже в мире полно, от Аспена до тысячи мест в Андах.

🚣 Озёра? Тоже H_2O. Я однажды по неосторожности провалился в Женевское озеро (упал в него с паддла), и мне сильно не понравилась эта неожиданная встреча с холодным озером и его утками. Никогда больше! Или ласковое море, или ничего, на меньшее не согласен.

🏦 Банки? Да, они неплохие, но их качество — это, прежде всего, качество их юрисдикции, а не самих банков. Люди здесь как люди, сервисы как сервисы, а о юрисдикции ниже.

🧀 Сыр? Вкусно, но не уникально. Спросите за сыр у любого француза, и я знаю, что́ вы от него услышите.

🍫 Шоколад? Вкусно, но только не мне это слышать, узнавшему шоколад в Бельгии!

🏛️ Архитектура (в мировом контексте)? Воздержусь от комментариев.

📚 Литература? Музыка? Искусство в целом — в мировом контексте? Воздержусь от комментариев.

🔪 Ножи? Хорошие, допускаю, но я уже лет сорок пользуюсь ФРГ-шным ножом Solingen, и я ни разу его даже не поточил — если сломается (что вряд ли), то куплю швейцарский и скажу тогда.

💊 Фармацевтика? Прекрасная, но не уникальная: Pfizer с Sanofi никто не отменял.

🏭 Промышленность? Прекрасная, но не уникальная: в нашем мире есть и Siemens, и BASF, не говоря уже за Boeing или Lockheed Martin.

⌚ Часы? Мне приходилось помогать друзьям горемыкам чинить по гарантии дорогущие, по цене всех моих потрохов, швейцарские часы с отвалившимися стрелками, но я предполагаю, что часы всё-таки в большинстве случаев должны ходить. Мои три пары японских и американских часов за $50 точно переживут меня в разы — я их даже ни разу не подводил, не говоря уже за сломались.

Нет! Не это ↑ делает Швейцарию уникальной. Швейцарию делает уникальной то, что никогда не увидеть туристу, а именно её политическая система, в основе которой лежат прямая демократия и примат свободы гражданина. Вот **этому действительно нет аналогов в мире!** И именно это восхищает меня в Швейцарии, а не Gruyère и не Rolex.

Все политические системы в современном мире безобразные, кроме одной — швейцарской. Она идеальна! Потому что её база — прямая демократия, граждане. Тема прямой демократии обширная, но я постараюсь в своих будущих постах объяснить, как она работает на практике, и почему она лучшая.

март 2026

2.5.136 О конкурсе "Евровидения"

Вчера впервые в жизни посмотрел конкурс песни "Евровидения". Устроители конкурса — соседи, я каждый день мимо Европейского Вещательного Союза проезжаю. Ну вот, решил посмотреть. Выводы.

❶ Зачем петь по-английски? Вместо того, чтобы наслаждаться уникальным многообразием языков Европы, каждый второй поёт на чужом, крайне бедном языке, на котором теряется весь цимес — зачем?

❷ Как и чемпионаты мира по футболу, имеющие слабое отношение к спорту, так и "Евровидение" оказалось конкурсом не песен, а флагов. Один только позорный кипеж вокруг израильской певицы чего стоит! Какая разница, из какой страны певец?? Если песня гениальная, то какая разница, откуда исполнитель и где он платит налоги? Разве имеет хоть малейшее значение, какой паспорт лежал в кармане Шопена, когда он сочинил 20-й ноктюрн? Такой космос, как 20-й ноктюрн принадлежит не Польше и не Франции, а всему роду

человеческому, разве нет? Бах — разве он саксонец, а не космический и космополитический гений, принадлежащий не Священной Римской империи, а всему миру? Вивальди разве "представлял Венецию"? А Дворжак, интересно, "под каким флагом выступал" — Богемии? Австрии? Цислейтании?

И за что мы голосуем — за музыку или за флажок? Если за музыку, то я хочу сначала послушать песню. Если за флажок, который каждому известен до конкурса, то и петь, наверное, не надо.

Я не пожалел двух франков, поучаствовал в голосовании за музыку. Первый голос по СМС ушёл Жаклин Багдасарьян за песню на армянском, но когда под самый конец выступил Слиман, он снёс всех — я уверенно проголосовал за его обалденную песню "Mon amour", которую немедленно добавил в свой плейлист, хотя и есть риск того, что на словах "ou pas?" запросто может оторваться сердце.

Не помогло ни то, ни другое: оба мои фаворита пролетели, как фанера над Мальмё.

Бред какой-то, а не конкурс... Больше не буду смотреть.

май 2024

2.5.137 Старая школа в Бургундии

Один уважаемый подписчик сообщил, что читает ленту, попивая бургундское. Молодец.

Бургундия — интересное место: виноградники, мозаичные крыши, богатейшая история (Бургундия даже владела будущей Бельгией). Бон и Мёрсо, в которых снималась "Большая прогулка" (вот фрагмент). Но самое любопытное место в Бургундии — это деревушка Château-Chalon. Там есть старая школа, превращённая в музей, в которой время застыло в 1884-1940-х гг.

Всё сохранено. Пюпитры 1926 года с именами учеников — я нашёл своего тёзку, посидел за его партой и попробовал его перо. Карты (без Эльзаса и Лотарингии), текст Декларации прав человека и гражданина, бюст Марианны — как и в любом классе французской школы сегодня. В классном журнале записи: "не было обуви прийти в школу", "отсутствовал три дня, навещая отца в Оккупированной зоне" (это как раз 1940-й, а граница, которую в конце фильма пересекли Луи де Фюнес с Бурвилем на планёре, там совсем рядом).

На гвоздях висят береты. Можно листать тетради учеников. В школьных учебниках иллюстрации разных антропотипов: терминология заставляет вздрогнуть, но до прихода навязанной нам левыми "политкорректности" ещё ведь полвека. И нейтральный латинский корень, обозначающий цвет, ты не "отменишь", как ты ни играй с его вариациями. Это просто вечная латынь, просто цвет по спектру и ничего больше.

А на столе учителя — колпак с ослиными ушами и надписью "осёл" — этот колпак надевали на голову худшему ученику. Все старались учиться так, чтобы надели не ему. 👁 Вот иллюстрация к сказанному: https://youtu.be/hJ-S1uUYuLg

август 2024

2.5.138 Концерт иранской поп-звезды

Посетил концерт звезды иранской поп-музыки — солировал Андраник Мададян из Лос-Анджелеса. Это типа майкла джексона персоязычного мира, живая легенда. Я сто раз слышал его песни по радио, но даже не подозревал, что именно о́н их поёт.

Собрался весь цвет иранской диаспоры. Яркий восточный колорит, так несвойственный кальвинистской Женеве: густой запах пряных духо́в ощущался ещё на подъездах к концертному залу, а в самом зале был просто парфюмерный магазин. Дамы соответствовали своим стандартам выхода в свет (сверхблёстки, сверхмакияж, сверхкаблуки), их гордые кавалеры были на пике своего могущества: перстни, барбершопские бороды, лунные жилеты и взгляд триумфатора. Это диаспора: здесь нормальные раскованные люди, никаких шалей и комплексов, словно и не было 1979 года.

Ну, и "иранцем" я предсказуемо стал — пробыл им до тех пор, пока рот не раскрыл: "О, ируни́ ни́стид?" — "Так вы не иранец?".

"Список" (см. § 2.3.3 стр. 82) пополнился ещё одной страной.

After-party оказалась интереснее, чем сам концерт: приятные, общительные люди. Перезнакомились, поговорили о персидской поэзии. Мне велели поработать над певучестью речи (фарси вообще должен литься нараспев, а не выговариваться словами), иначе выходит сухой Запад, а не огнедышащий Восток. Пригласили в культурный центр.

Прекрасное мероприятие! Спасибо дочке, доставшей мне билет. Снова возгорелся интересом к 2500-летней персидской культуре. Начал работать над певучестью речи.

* * *

Хм-м-м... Получил пару колких замечаний: «Как ты мог пойти на иранское мероприятие?? Не соображаешь, куда идёшь? Это же... Иран!» Друзья мои... Иран — там, где он на карте. А это — не Иран, это диаспора, это концерт эмигранта из Америки, уехавшего из страны после революции 79-го. Язык тот же, но на этом сходство с Ираном заканчивается. Таки есть разница.

Это примерно как творческую встречу с Буниным в Париже приравнять к "участию в советском мероприятии".

Иранская кровь в венах не приговаривает тебя автоматически к одобрению власти аятолл. Как и грузинская кровь в венах не приговаривает тебя автоматически к Сталину, а немецкая — автоматически к ряду страшных имён. Нельзя проводить знак равенства между формальной "национальностью", которую ты не выбираешь, и тем прекрасным или ужасным, что творили те или иные представители заданной национальности — любой!

Я говорил с ними: меньше всего на свете эти люди с концерта хотят чадоры, "Хезболлу", изоляцию своей исторической родины и удары по Израилю и Америке (в которой певец и живёт). А больше всего они хотели бы вот так же вместе с Андраником взять и полететь на дискач в Тегеран, зажечь на танцполе в Исфахане без обязательных шалей и других ненужных жаркими южными вечерами деталей костюма: ровно как здесь у нас, как они привыкли. Чтобы и в Иране было бы так же круто, как в Женеве.

Мы — несоизмеримо большее, чем наш "пятый пункт". Мы — прежде всего то, что мы исповедуем, к чему сами себя причисляем. Я когда-нибудь постараюсь сформулировать эту важную, важнейшую мысль. Начинаю думать о примерах и аргументах.

сентябрь 2024

2.5.139 О темноте в Женеве

Вышел прогуляться на сон грядущий и чуть не убился — уличное освещение уже год как отключено в сельской местности кантона, тьма кромешная. Это очередная инициатива наших "зелёных" — мы "спасаем" птичек, которые могут "огорчиться" от ночного света (это не сарказм, а официальная причина: "визуальное загрязнение для фауны").

Птичкам пофиг, они спят. А мы, люди, не спим, мы ломаем ноги впотьмах. Приоритет отдан птичкам — идеологемы оказались важнее людей.

Экономия кВт·ч в богатейшей Швейцарии не причина — этой стране хватит денег на освещение ещё тысячи кантонов. Проблемы не у "птичек", а у голосующих за дебильные инициативы.

Со своим фанатичным экологизмом мы в Европе идём на свалку истории. Нас просто раздавят те, кто строят мегаполисы в пустыне, чьи сервисы работают 25/8, кто живёт в полную силу и не душит себя своими же руками.

Европейская цивилизация когда-то задала стандарт очень многому в мире: технологиям, науке, просвещению, этике, эстетике, искусству, праву и философии рационализма. А сегодня мы боимся собственной тени и даже птичек.

Римская цивилизация была растоптана варварами в 476-м. И нас растопчут — мы сами всё делаем для этого.

Срочно гаси свой экран! "Птичку жалко".

Январь 2026

2.5.140 Раскрутить аудиторию на раз

Нашумевший фильм К. Нолана "Одиссея" оказался пустышкой. Это очень качественное, с монументальными сценами воспроизведение известного всем с детства текста, но добавленной стоимости я в нём не увидел: всё плоско и строго по тексту. Ни драматургии, ни полёта мысли.

Цимес этого фильма был совсем в другом, и этот ход гениален! Нужно было сделать так, чтобы об этом фильме все говорили. Получилось!

Этих крючков было два.

① Эпатаж подбором актёров: Елена Прекрасная — негритянка. И шо? Какая разница? Кто-то не в состоянии отличить художественный фильм от документального? Это же миф. А если Елена была такой, как, допустим, Anok Yai, то это идеально объясняет всю Троянскую войну: любой вписался бы за такую.

"Чёрная", "белая" — мелко! Вспоминается анекдот: "А где вы видели ангела без ботинок?"

② Эпатаж форматом — гениальная замануха. Технический формат фильма особенный, мало кто сможет увидеть — не в Париж же для этого ехать. Вот это "не все" — главный цимес фильма! Стоит людям сказать "не для всех", "элитный", "для избранных" — и всё, фурор вам обеспечен. Именно так взлетели Facebook и Gmail — поначалу доступ к этим банальным платформам был только "для своих", что и разожгло к ним дикий интерес. Уже давно были доступные для всех Classmates и Yahoo Mail, но народ ринулся именно в "не для всех". Это примитивно, пошло, но при этом экономически гениально. Именно так работает мышление обывателя, коих на Земле 95%.

Если бы я когда-нибудь придумал свой бизнес, то я действовал бы только так: дядя Петя ногой варит в ванне своё копеечное зелье, но порций чудесного бальзама всего 10 за сутки, не для всех, а только для избранных, по подписке, записывайтесь в очередь. Начинается ажиотаж, дядя Петя нарасхват.

И на этой человеческой слабости я стал бы миллиардером.

2026-Sep-17

2.5.141 Часовые пояса

Часики перевели: https://kobzar.be/time.html

Я люблю, когда переводят время. Осенью хорошо продлить день на час и вставать попозже, а уж весной вставать пораньше сам бог велел.

ЕС долгое время грозился отменить летнее время, но в параноидальное ковидное время забыл.

Даже это наше зимнее, "нормальное" время CET — ненормальное.

Что определяет день и ночь — директивы ЕС или Солнце? По Солнцу, Женева, Брюссель, Париж и Мадрид должны были бы жить по Гринвичу. У Женевы отклонение от Гринвича всего 6° по долготе меридианов, у Мадрида 4°, у Остенде 3°. Так и было до Второй мировой, и никто не кашлял. В 1940-м Германия перевела все оккупированные территории Западной Европы на своё, берлинское время GMT+1: так им на Востоке было удобнее. На берлинское время перешла даже никем не оккупированная франкистская Испания — вам-то зачем, chicos? Между Сантьяго де Компостелой и Берлином 22°(!) разницы по долготе! Полтора чужих часовых пояса! Де той Берлин и де та Компостела?

В 1944-м почти все территории были освобождены, но за дополнительный "германский" час времени как-то все забыли — Кан, Роттердам и Шербур лежали в руинах, не до "Ролекса" как-то было. Так и повелось. Сегодня не наше, не астрономическое, а берлинское время нам как попу гармонь, но никому в голову не придёт синхронизироваться с нашим светилом, а не с пережитками мрачного, далёкого прошлого.

октябрь 2025

2.5.142 Дух Рождества

В моём селе (1680 жителей) есть прекрасная традиция, привнесённая иммигранткой из Германии. В течение почти всего декабря, с 1-го по 23-е, люди ходят друг к другу в гости. Перед Первым Адвентом жителям села рассылается календарь, в котором отмечено, какой дом и какая семья сегодня приглашает к себе односельчан. На улице перед этим домом накрываются столы, зажигаются огни, кто-то добавляет рождественские украшения. С 19:00 любой желающий, даже если он просто мимо проходил, может прийти к дому, на котором горит гирляндой сегодняшнее число, угоститься супом, раклетой, венскими сардельками, глинтвейном, нашим деревенским вином и сладостями.

И главное — пообщаться!

Не важно, знаком ты с хозяевами или нет, местный ты житель или нет или вообще француз с другой стороны перелеска. Если не знаком, то как раз и познакомишься — тебе будут рады и хозяева, и гости. Швейцарец ты или нет, какой у тебя цвет кожи и акцент — всем абсолютно пофиг. Разве не в этом евангельский принцип “странник был, и вы приняли Меня”[56]? Разве Рождество — не именно это — люди, твои братья и сёстры?

Если задашься целью обойти все дома, то за месяц перезнакомишься с половиной деревни. И сэкономишь на ужинах. Всё это бесплатно: часть расходов берёт на себя сельсовет, а часть — сами хозяева. Приносить с собой ничего не надо.

Шутки, смех, спонтанные разговоры с обжигающим глинтвейном в руке: “Не видел вас раньше. А вы где живёте?” — “Та сразу ж за яблочным садом”. — “Так вы шо, Лёфеврам сосед будете?” — “Та следующая ж хата”. — “Где раньше Штюрцеры жили?” — “Точно”. — “И шо, не очень Лёфевры шумные?” — “Та нет, шо вы, мы гораздо хуже”. — “Ха-ха-ха! Давай, может, на ты?” — “А давай”.

Это не забор с кодом и баджем, не “огороженная территория”, не шлагбаум с охранником, не отчуждённость соседей, где каждый за себя, не стальная дверь, не видеокамеры и не консьержка в парадной, съедающая тебя подозрительным взглядом: “А вы это к кому, [не]молодой человек?” [А вам-то, мадам, какое дело?]. Это — душевность в действии, это — общение, сердечность и открытость, это — по-людски.

В некоторые вечера выставляются не жители, а юрлица: мэрия, школа, культурный центр, детский сад. Религиозной составляющей ноль — ни кюре, ни костёл отношения к адвентовским ужинам под открытым небом не имеют.

Если и существует “дух Рождества”, о котором все так любят говорить, то он как раз и проявляется в таком общении с людьми, которых ты узнаешь, с которыми потом будешь здороваться на улице. А вовсе не в ёлочках, не в инсталляциях с Младенцем в яслях, не в сумасшедшем беге по шопинг-центрам и не в съедании чего-то положенного за рождественским столом.

декабрь 2022

[56] От Матфея 25:35

2.5.143 О библиотечных пунктах

"Библиотеки под открытым небом" расставлены по городам и деревням кантона. Их наполняют жители. Не нужны тебе книги — приноси их сюда и оставляй. Хочешь почитать — приходи, забирай, читай. Запрещено только продавать взятые книги и выбрасывать их.

Если кого-то встретишь, то начинаются разговоры — кто что принёс, кто что берёт. Слово за слово, завязалась литературная дискуссия в деревенских декорациях.

Чего там только не найдёшь! Романы, учебники, справочники, путеводители, комиксы, Тора (точнее, весь Танах целиком), альбомы по искусству...

Язык книг определяется национальным составом жителей. ≈ Половина книг на французском, 20% на английском, а остальное — немецкий, польский, итальянский, урду, нидерландский, сербохорватский и пр. Сейчас взял учебник языка лингала, бывшей бельгийской колонии Конго. Хочу ознакомиться.

Приезжает ещё автобус BiblioBus — библиотека на колёсах. Там книги посовременнее и повостребованнее, но нет такого разнообразия. Учебника лингала в автобусе точно не будет.

2023-May-16

2.5.144 "Эскалада" в Женеве

В Женеве отгремело главное событие года — "Эскалада"[57].

История давняя. 1602 год. Женева уже протестантская, строгие кальвинистские законы. Времена мрачные... Всего в километре от городских стен протекает речка Арв, приток Роны, на другом берегу которой начинается принадлежащая сардинцам огромная Савойя — католическое герцогство, недружественное Женеве, мечтающее "освободить" город от протестантской "ереси", вернуть "католический мир" и, разумеется, поживиться.

Тёмная декабрьская ночь, 2 часа пополуночи, женевцы спят в ночных колпаках. Савойцы ставят штурмовые лестницы к крепостным стенам, проникают в Женеву в полной тишине. В это время некая тётя, матушка Руайом (Mère Royaume), варит овощной суп у себя на женевской кухне (бессонница штоле?). Она видит в окне савойского солдата, тихо карабкающегося по лестнице, открывает окно, выливает ему на бошку свой горячий суп из котелка. Солдат орёт и на минуточку умирает, мадам поднимает хай, начинается гвалт и шухер, город разбужен и — спасён. Начинается ночная битва женевцев с савойцами: католические "освободители" повержены и изгнаны.

Рим спасли гуси, а Женеву — матушка Руайом.

С тех пор многое изменилось. Женева стала Швейцарией в 1815-м, вдвое расширив свои границы за счёт Савойи и Франции (не в боях, а дипломатически, после Венского конгресса). Савойя стала Францией в 1860-м. Сегодня католиков в Женеве значительно (в 3½ раза) больше, чем протестантов, хотя религия давно перестала быть фактором чего бы то ни было, кроме тонкостей в традиции. Бывшая Савойя — источник рабочей силы

[57] Escalade, фр.: "штурм крепостного вала"

для сегодняшней Женевы: каждое утро десятки тысяч жителей приграничной Франции едут работать в Женеву, а вечером возвращаются обратно во Францию (я сам был таким франко-швейцарским челноком 4 года).

Это было не взятие Бастилии, повлиявшее на всю мировую историю, не судьбоносная для христианства битва при Пуатье, не эпическая осада Трои — это был незаметный для европейской истории эпизод местного масштаба, но для Женевы он очень важен. Каждый год в декабре проводятся бессмысленный забег по Старому городу, интересное шествие в исторических костюмах 1602 года, затем забавный народный маскарад в любых костюмах, а также торжественные шествия в каждой деревне кантона.

В школах тоже: в день Эскалады школьники, учителя и дирекция приходят переодетыми в на что хватит фантазии (пират, зэк, огурец,..), и каждый приносит из дома какой-то овощ, из которого в школьном дворе варят общий "суп матушки Руайом" и угощают им всех после уроков. Во всех муниципалитетах кантона — локальные праздники, где самый старый житель с возгласом "Так сгинут враги [Женевской] Республики!" разбивает огромный шоколадный "котелок матушки Руайом", внутри которого "овощи" из марципана, раздаваемые всем. Очень душевно и инклюзивно.

Любой женевский школьник знает две главные песни Эскалады — их поют хором в школьном дворе. Длиннющий гимн Женевы (272 строки на франкопровансальском диалекте) полностью состоит из воспевания победы в Эскаладе 422 года назад.

декабрь 2024

2.5.145 Карнавал

Жаль, что в Женеве нет карнавала. Это красивая европейская традиция, восходит к греко-римским вакханалиям и сатурналиям.

Христианство её, разумеется, задавило, как и всё остальное (подробнее: §2.5.78), но христиане ловко приурочили карнавал к Великому посту. Пост начинается в Пепельную среду, а накануне во вторник многодневный карнавал достигает своего апогея. Это Mardi gras, "жирный вторник".

Чтобы увидеть карнавал, надо отъехать от строгой кальвинистской Женевы. Карнавал в бельгийском городке Binche признан ЮНЕСКОй нематериальным достоянием человечества — атмосфера там непередаваемая. Есть ещё карнавальная Венеция, Ачиреале, Тенерифе и сотни других мест в католическом мире, а уж в Рио, люди говорят, ваще улёт по полной.

В Женеве карнавал тоже был, но тут пришёл Жан Кальвин и запретил его — фигли плясать и радоваться, как дурак, когда лучше поработать, помолиться и задуть свечу? То античное, то живое, что не добили христиане до Реформации, добил протестантизм. Merci, Monsieur Calvin.

февраль 2026

2.5.146 Безопасности не существует

К трагедии в баре г. Crans-Montana 1 января 2026

Трагедия в Кран-Монтане вскрыла давно очевидные мне пороки нашего общества.

В Швейцарии все повёрнуты на безопасности. Попробуйте залогиниться на портал швейцарского банка из-за границы — желаю успеха! В Швейцарии достаточно поднять кверху указательный палец и сказать волшебное слово "безопасность", и на вас будут смотреть, как на бога: вам простят любую глупость и будут соглашаться с вами во всём. При слове "небезопасность" люди начинают хвататься за воздух, часто дышать и сильно потеть.

Дело хорошее, спору нет. Но это не сама безопасность (которой не существует в принципе, нигде), а **ощущение**, что безопасность есть. Это, конечно, приятно жить в ощущении безопасности: не привязывать велосипед, не закрывать машину, не иметь заборов, запирать прозрачную дверь своего дома на простой шпингалет, которую выдавит любой шпингалет, просто навалившись на стекло. Но это ***ощущение* безопасности**, а не сама безопасность. Нет её! Как нет бессмертия, предопределения, "небесной кары" за "грехи", как нет "высшей силы", "божественного плана" или души. Хотелось бы, шоб былó, но шобы да — так нет. Sad but true.

Crans-Montana — жуткий пример этой слепой веры в "швейцарскую безопасность". Если вы, государственные контролёры, годами проверяя бар "Le Constellation" на пожарную безопасность, не заметили, что потолок легковоспламеняющийся, а лестничные пролёты суженные, то тогда зачем вы нужны?? Давайте распустим вас и десятки других государственных контролирующих организаций и просто понизим налоги. Или же делайте свою работу нормально. Tertium non datur.

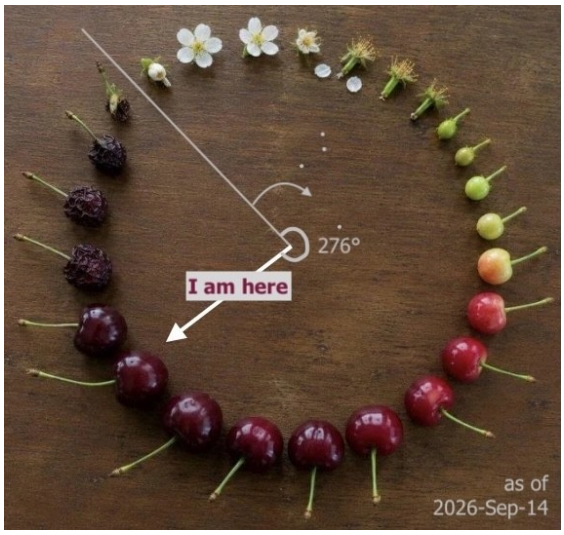
Кран-Монтана показала и другое: **фрагментарность восприятия информации социумом**. Об этом я обязательно напишу позже, меня эта тема очень удручает. Очень ведь просто быть одержимым "зелёной религией" и потрошить помойные мешки, вычисляя неотсортировавших мусор, дабы "не загрязнять океаны" (выхода к которым у Швейцарии нет — и захотела бы загрязнить, да не смогла бы). Но очень сложно делать свою работу, спасающую жизни. И финансируемую, на минуточку, нашими налогами.

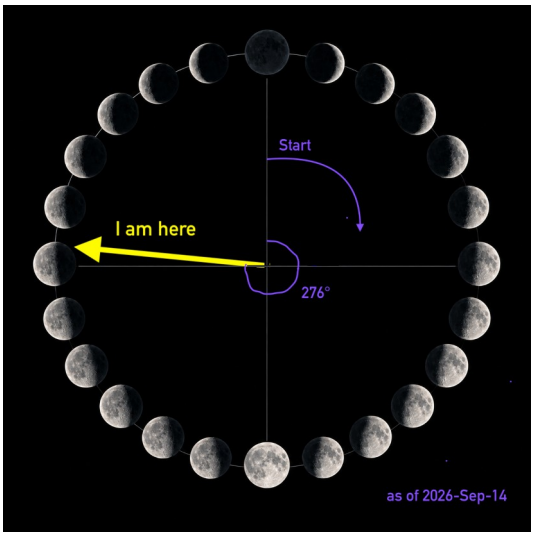
У любой идеологии есть свои пределы, и Кран-Монтана показала это ценой жизни десятков людей. Одумаемся ли мы после произошедшего? Обратимся ли к здравому смыслу? Сильно сомневаюсь. Чёрные ленточки на аватарках через пару дней исчезнут, и мы снова погрузимся в ложное ощущение "швейцарской безопасности".

И не сделаем ни-че-го.

январь 2026

2.5.147 Последний квадрант





Как ни крути... ... результат тот же.

Идёт (без какого-либо смысла) **последняя четверть моей жизни:** мною уже пройдено 6 градусов из 90° моего последнего квадранта. Осталось пройти 84° до возврата в **Небытие**, откуда мы все родом.

Методика расчёта: экстраполяция средней продолжительности жизни мужчин, взвешенная по странам, в которых я жил и живу. Восточная Европа тянет моё математическое ожидание вниз, а Западная (Бельгия, Франция и Швейцария) — вверх. Швейцария, эта горная страна долгожителей, понемногу отодвигает от меня роковую дату, увеличивая статистическое матожидание по средневзвешенной, но глобальной картины это продление не меняет.

Ну, так... Що є, то є.

Стрелка крутится...

2026-Sep-14

3. REMINDERS OF NEWSLETTERS

Здесь всё просто.

Автор работает в инвестиционной компании N. и отвечает за своевременную рассылку инвесторам ежемесячных "monthly newsletters" — отчётов о состоянии вложенных активов. Исходный текст для будущих отчётов автору должны прислать аналитики и портфельные управляющие. Крайний срок — пятое число каждого месяца, кровь из носу. Аналитики знают, что писать надо, но писать не хотят и тянут до последнего. Автор торопит их — ему ведь ещё редактировать эти тексты, засылать в Лондон на юридическую проверку — поэтому он постоянно напоминает аналитикам о мансли, надоедает им, но толку чуть. Сроки горят, инвесторы волнуются, бонусы пошатываются — полный тупик.

Что делать? Как мотивировать аналитиков к своевременному написанию мансли? Надо показать им положительный образ идеального человека, своевременно, на пятый день пишущего отчёты в каких бы сложных условиях он ни находился. Где взять такой образ? В классической литературе. Но как быть, если классические авторы никогда не касались темы своевременного написания мансли ньюслеттеров? Подправить классических авторов. Вложить в уста их героев правильные слова о ньюслеттерах.

Сработало! С первого же напоминания аналитики начали соблюдать сроки, все довольны. Или стало неудобно перед автором, раз он на такие ухищрения идёт, или же это волшебная сила классической литературы. Поди разбери.

3.1 Напоминания по-русски

3.1.1 "В. Шекспир". Отелло.

Напоминание к июльскому отчёту 2009 г.

Моё: стихи.
Осталось от оригинала: сюжет в общих чертах и персонажи.

последняя глава, ранее считавшаяся потерянной

Спальня в Palazzo Rinascimento. Дездемона спит в постели. Входит Отелло с канделябром.

Отелло

Как будто спит.
Лежит…
Ну что ж, крепись, мужчина,
Исполни то, за чем пришёл,
Решись!
Кинжал я в длани взял.
И сжал.
Она во сне смеётся и вздыхает…
В душе пожар!
Сейчас — удар!
Но… как мила! Как хороша дивчина!
Чудесна!
Галатея отдыхает
И нервно курит на Мосту менял.

Поднимется ль рука на ангела,
На чудо?
Смогу ли жить,
Заклав её, как дичь?
Не может мой мятежный ум постичь
Сей казус.
Как мне худо!

И всё за что?
За мелочь,
За ньюслеттер — вздор!
Какой позор!
Увы мне!
Где топор?

Нет, не смогу!
Увольте.

Но едва ли
Прощу ей прегрешенье пред людьми:
Пред европейскими купцами,
Доверившими талеры свои,
Не получив при этом заверенья,
Что их дукаты, лиры и рубли
Покоятся под мудрым управленьем
Артели ростовщической «РУИ».

Нельзя вообразить,
Как можно
Так безмятежно спать,
Мурчать
И двигать в грёзах грациозной ножкой,
Так сладко спать
И знать,
Осознавать,
Что вынуждаешь ждать
Инвесторов.
Безбожно!!!
Чудовищно!
Она преступница!
И до́лжно
Возмездие свершить над нею сей же час.

Но вот смотрю я на неё и млею.
За вас, купцы проклятые, радею.

Увы, вступлю теперь на путь насилья.
Живём в эпоху Возрожденья,
А этакое небреженье
Способно все аннигилировать усилья.

А ей бы нежиться в костюме Евы…
Нет, не видал я краше девы!

Её люблю я пуще всех наград.
Я погибаю,
Пропадаю,
Я трепещу и рифмы забываю,
Размер стиха давно не соблюдаю
И говорю не в лад и невпопад.

Да, ей бы жить да жить…
Проснулась.

Дездемона

Отелло, ты?

Отелло

Допустим.

Дездемона

Ляжешь?

Отелло

Лягу.
Но сначала ляжешь ты.
В могилу.

Дездемона

Что за чёрный юмор?

Отелло

Сие не юмор,
Но судьба твоя.
Несчастная,
Ты лучше помолись.

Дездемона

Да ты в бреду?
Никак я не пойму, с чего ты стал безумен.
И кинжал…
Зачем?

Отелло

Молчи!
Мне больно выносить твой голос
И знать, что слышу я его в последний раз.
Я ясно помню, как ты им
Слова мне страстные шептала
На этом ложе.
И клялась, что до рассвета,
В день пятый,
Как велели дожи,
Напишешь свой пергамент.
Где он???

Дездемона

Боже!
Ты безумен!
Иди проспись в людскую.

Отелло

Я трезв.
Я в ярости.
И в горе.
О, небо! Будь честна со мною
В последний миг твой.
И ответь,
Писала ль ты ньюслеттер, Дездемона?

Дездемона

Аминь глаголю вам — писала!
И послала с гонцом его
В Лондиниум.
Шекспиру.
На комплайенс.

Отелло

Ты лжёшь!
Ты грешница!
Колдунья!

Дездемона

В чём грешна я?

Отелло

В чём??

Не знаешь??

Дездемона

Тебя люблю.

Отелло

Ах, перестань!

Любила б — написала.

И о любви не смей мне говорить.

Ты любишь Кассио — слугу, плебея.

О том Венеция вся знает

И зрит, как ты к нему благоволишь.

Дездемона

Упрёк твой меня ранит.

Сей плебей,

Как ты изволил изъясниться,

Мне просто друг среди других друзей.

И неча на меня сердиться,

Противный.

Отелло

Шут с ним, с Кассио.

Оставим сей сюжет

Шекспиру и театру Ковент Гарден.

Тем паче, что твой дядя Грациано

Убил его сегодня ночью.

Окунул

Главой в Большой канал.

И отобрал

Платок, что я тебе дарил.

Смерд захлебнулся, задрожал,

Но прежде твоё имя прошептал.

Каков нахал…

Дездемона

Кассио мёртв??

Отелло

Низвергнут в ад!

Вернёмся к делу.

Нынче нашептал мне Яго,

Что не получили

Купцы британские письмен твоих.

И это

Тебя, смотрю, нимало не печалит.

Молись, красавица, и испроси

Душе своей покоя и прощенья.

Дездемона

Для мавров я отдельно повторяю —

Ньюслеттер был написан точно в сроки.

На Альбион с гонцом отправлен.

А за Кассио ответишь!

Отелло бросается на Дездемону и начинает душить её. Входит Эмилия.

Эмилия

Сударь, вот вы где!

Депешу

Вам Лондиниум прислал,

Я тотчас к вам.

Плут Кассио куда-то подевался и я…

О ужас!!

Что вы делаете?

Стража!

Эмилия отвешивает Отелло пинка. Отелло отпускает руки от горла Дездемоны и оборачивается в удивлении.

Эмилия

Впотьмах не разобрать, и я спросонья,

Войдя, здесь ничего не поняла.

А тут убийство!

Душегуб!

Ревнивец!

Как смеете её подозревать?

Она безвинна!

И чиста пред вами, точно агнец!

Коль вас Всевышний разумом обидел,

Не должно вам творить расправу.

И мне горько,

Что вам на Кипрусе доверено правленье,

А вы позорите всех нас венецианцев

Своим бесчинием.

Отелло (Эмилии)

Вот дура!

Вмиг зарежу!

Отелло бросается на Эмилию с кинжалом. Дездемона бьёт Отелло по затылку канделябром. Отелло сползает на пол.

Эмилия (бросаясь к Дездемоне)

Синьора!!

Как вы??

Целы??

Слава небу!!

Дездемона (кашляя)

Благодарю, кхе-кхе, подруга.

Вот каков,

Кхе-кхе, мерзавец, негодяй, каналья!

Ишь, порчеллино!

Усомниться

Дерзнул он, будто бы ньюслеттер

Не написала я, как дòлжно.

Убить

Он покусился из-за домысла дурного.

Что в конверте?

Прочти, прошу.

Эмилия

Открыть не смею, писано не мне.

Дездемона

Давай мне манускрипт, я вскрою.

Письмом ты нынче жизнь спасла мою.

Хвала угодникам, что ты пришла так кстати.

Та-а-ак, по-английски что-то, ля-ля-ля,

Хелло

(по-нашему «buongiorno» — шоб ты знала),

Туда-сюда, идут дела…

Погода, мол, плохая.

Это всё не то.

О! Вот — читай, коль грамотна —

Вот подтвержденье,

Вот и благодарность

За тексты, присланные в срок.

Они в Лондиниуме!!

Отелло приходит в себя, садится на полу и дико озирается по сторонам.

Отелло (отрешённо)

Кто вы?

Все подите.

Глава трещит.

И ни черта не помню.

Эмилия (яростно машет письмом перед лицом Отелло)

Не помнит он…

Вот имбецил!

Смотри!

Читай, урод!

Дебил неитальянский…

Ты видишь, изверг, это подтвержденье?

Читать умеешь?

Или не вполне

Ты нашим языком владеешь, демон?

Что за народ пошёл? Чуть что — за нож,

Чуть что — душить.

Нет бы подумать

Да разобраться…

Не-е-ет!

У них

Есть только сила,

А ума-то нету.

Отелло

Не тарахти, блудница.

Эмилия

Вот нахал!

Отелло

Заткнись, пожалуйста.

Мне худо.

Умираю.

Входит стажа и арестовывает Отелло. Его мутит и шатает.

Дездемона (страже)

Вы с ним помягче.

Он погорячился.

Я его прощаю.

Эмилия (раздосадовано)

Не, ну честно-слово,

На вас не надивлюсь, моя синьора.

Вас чуть не задушил сей чёрт,

А вы туда же:

"Прощаю, мол,

Полегче с ним в застенках,

Не бейте по ланитам сапогами".

Святая Дева!

Он же не достоин

Ни волосинки с вашей головы.

Отелло (вставая на ноги)

Кому я должен, всем прощаю.

И если не повесят — обещаю

Быть сдержанней.

Злой рок

Меня толкнул на преступленье

Лишь только потому, что в срок

Должны быть рассылаемы творенья!

Я мыслил только о клиенте.

И в этом драматическом моменте

Я палку перегнул.

Лети, душа!

Отныне я преступник и изгнанник.

О, Дездемона!

Как ты хороша!

Как будет счастлив сердца твоего избранник!

Эмилия в сердцах плюёт на пол. Дездемона тихо плачет.
Конвой уводит рыдающего Отелло.

Занавес.

© 1603. William Shakespeare: персонажи.
© 2009. АК: стихи и сюжет.

3.1.2 "А.П. Чехов". Аналитик. Рассказ.

Напоминание к августовскому отчёту 2009 г.

Моё: текст, сюжет.
Осталось от оригинала: оригинала не существует.

Губернский секретарь Акакий Макарович Возрожденский пришёл на службу сильно не в духе. С утра он долго не мог найти выглаженных брюк, потом

квартирная хозяйка пребольно уронила ему на ногу утюг и долго бранилась. Разговеться было нечем — булку не разгрызть, а хлеб весь вышел. В парадной растянулся на мокром полу. Долго не ловился извозчик, редкая птица на Выборгской улице, а до присутствия так и не доехали — на углу Шпалерной и Кавалергардской образовался *амбутеяж*[58], лошади стали. Возрожденский плюнул, и до Кирочной бежал, огибая лужи.

На входе в присутствие оказалось, что Акакий Макарович забыл дома пашпорт, и привратник Силантий долго грозился урядником и делал вид, что не признаёт Возрожденского, хотя буквально на Крещение получил от него серебряный пятак и долго благодарил. Помог случай: прибыл парадный кортеж статского советника Дивидендко со свитой, и пока Силантий сложился в поясном поклоне, Возрожденский быстро юркнул в двери.

Начальник банковского департамента титулярный советник Трефов краем глаза скользнул по фигуре Возрожденского и сделал вид, что не заметил ни опоздания, ни помятого вида своего подчинённого. Беглого взгляда начальника было достаточно, чтобы Акакия прожгло от стыда — он вжал голову в плечи и засеменил к своему столу.

Главной причиной уныния Акакия Макаровича были отнюдь не бытовые неурядицы, а висевшая над чиновником дамокловым мечом необходимость приготовить к вечеру ежемесячный отчёт о рынках капитала и его, Возрожденского, действиях с доверенными ему акциями, облигациями, ассигнациями и прочими скучнейшими бумагами, которые все почему-то называли ценными, но в которых сам Возрожденский ни малейшей ценности не видел, а видел только бремя и докуку.

Англофил Трефов называл ежемесячные отчёты *monthly newsletters* и требовал, чтобы чиновники писали их непременно по-английски, что существенно усложняло и без того непростую задачу. "Какого чёрта? Нет бы по-нашему или хотя бы уж по-французски", — роптали чиновники, но вынуждено мирились и исполняли экстравагантный каприз титулярного.

Первой трудностию в приготовлении испрашиваемых отчётов было примирить непримиримое — подвести свои бестолковые и запоздалые действия под некий стройно изложенный план. Надо было сделать так, чтобы читатель искренне поверил в то, что неумолимое таяние его денег являлось частью тонкого замысла и естественно вписывалось в ранее задуманную хитроумную схему, все ходы в которой подсчитаны изначально, а в наиболее опасных частях была заботливо подстелена соломка. Надо было исхитриться написать так, чтобы вкладчик не только не встревожился за переданные в управление деньги, а напротив — искренне обрадовался бы тому, что от вложенного аршина остался вершок. Ещё лучше было бы сделать так, чтобы читатель поверил в то, что завтра аршинов будет два, но таких прекраснодушных клиентов в последнее время было уже не сыскать.

Другой неприятностью было то, что аналитики называли "консистенцией" — последовательностью в своих убеждениях. То есть, раз ты считаешь, что акции Ллойда будут расти в цене, так и знай тверди, что на всём свете не сыщешь акции лучше, чем Ллойд, даже если цена её упала настолько, что самоё слово "Ллойд" вызывает отвращение у всякого. Не надо суетиться, оправдываться и, упаси бог, менять мнение, даже если твой конфуз очевиден. Не дёргайся: рано или поздно цена начнёт расти, вот тут-то и наступит звёздный час аналитика.

---

[58] Большое скопление экипажей, препятствующее их свободному продвижению по мостовой. (*фр.*)

Падение от ста до десяти он деликатно обойдёт молчанием, не уставая расхваливать потенциал прекрасной компании Ллойд и сетуя на лёгкий "встречный ветер", а вот жалкий поросячий хвостик роста с десяти до пятнадцати будет с помпой представлен как "гигантский рост на 50 процентов" и как закономерное исполнение прогноза гениального провидца с Кирочной улицы.

Но и консистенция хороша лишь до поры. Хорошему аналитику следовало время от времени непредсказуемо менять своё мнение по какому-нибудь вопросу, даже если в действительности у него не было ни малейших на то оснований. Свежая кровь. Децимация. Эффект разорвавшейся бомбы. То всё возносишь Урюпинскую птицефабрику, нахваливаешь потенциал, расписываешь мудрость управляющего, а потом оп! — всё, любовь прошла. Ничего хорошего в сей фабрике более не видим. Пшик, вздор, трижды ничто. Произошло что-то дурное? Ровным счётом ничего. Изменилась цена акции? Нет. Полегли куры? Нет. Так что же? Ничто. Внезапным изменением мнения аналитик неизбежно привлекает к себе внимание, как капризная барышня экстравагантным кунштюком. Фурор обеспечен.

Приём чудо как хорош, но для того, чтобы им воспользоваться, надо чётко обозначить своё мнение по ключевым темам: да или нет, верю - не верю, любит - не любит. Бесконечные аргументы за и против можно было перебирать до умопомешательства. За многоэтажными сложносочинёнными предложениями можно было прятаться лишь до времени — рано или поздно долженствовало ясно написать, что же именно представляет собой сложившаяся ситуация, в какую сторону она меняется и — самое главное! — что в этой ситуации следует делать. Самыми сложными словами на свете Возрожденскому представлялись "покупать", "держать" и "продавать". Он ненавидел эти три слова и их синонимы. Начальствующие призывали писать конкретно, Трефов требовал от чиновников "взять некий вью"[59].

Чистый лист бумаги давил на Возрожденского своей немой пустотой. Надо было дать почин, написать хоть что-то, чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки. Нехотя окунув перо в чернильницу, губернский секретарь аккуратно вывел миттелем "Отчётъ", а пониже петитом "за мартъ". Лучше не стало. Пустил затейливые узоры по краям. Добавил дату от рождества Христова и разлиновал страницу. Потом другую. Давить начали уже два листа. На втором листе он нарисовал вензель "N.N." и украсил его венком и горностаевыми мантиями, потом быстро скомкал и выбросил второй лист, а на первом написал: "За исследуемый нами период рынки капитала двигались разнонаправленно". Посыл был до пошлости банален — этим эпиграфом начинались одиннадцать отчётов из дюжины. Зачеркнул. За неимением лучшего написал снова и опять вымарал.

— Что за скука, боже мой! — вздохнул Возрожденский.

Зацепиться было решительно не за что. Возрожденский встал и прошёлся вдоль столов. Одни отрешённо смотрели в такие же нетронутые разлинованные листы, другие что-то строчили, по-гимназически закрывая ладонью написанное. У губернского секретаря Сибондского промелькнуло в заголовке знакомое слово "разнонаправленность", и Возрожденский с грустью понял, что напиться вдохновением сослуживцев ему не удастся. Он постоял у окна, выходившего во двор, внимательно вглядываясь в силуэты прохожих, словно ища кого-то, и вернулся за свой стол.

---

[59] принять определённую точку зрения (*англ.*)

Тягостное и бесплодное течение времени вдруг прервал коллежский секретарь Милостивцев.

— Макарыч, дама к тебе пришла. Клиентка наша. Француженка. Ждёт тебя в сигарном салоне. Очень взволнована. Хорошенькая! — шепнул Милостивцев, плотоядно подмигивая.

Теряясь в догадках, Акакий приготовился к приятному сюрпризу. Прокашлялся, подтянул галстух, поправил причёску и открыл дверь в сигарный салон. Девица действительно оказалась недурна. Прямо с порога она бросилась к нему, размахивая какими-то бумажками:

— Ah, le voilà! Vous êtes bien Monsieur Vor-zo-djen-ski, n'est-ce pas?[60]

Возрожденский учтиво поклонился, шаркнул ножкой и витиевато ответил:

— A vos ordres, Madame. Votre serviteur loyal, comment peut-il vous être utile?[61]

Не оценив галантности собеседника, француженка с жаром зачастила:

— Alors c'est vous l'auteur de ce délire monumental? Comment vous permettez-vous de rédiger des torchons pareils? C'est parfaitement scandaleux! Toutes les prévisions dans votre rapport sont fausses, mais toutes! Regardez... "*We are now more than ever bullish about wheat*", écrivez-vous. Savez-vous que le blé est tombé au plus bas historique! Ensuite: "*Sterling's rally is certainly over*". J'ai vendu la livre, mais elle a doublé depuis lors! "*Take home message is Mega Strong Buy Spanish equities*", concluez-vous en gras. J'ai eu la sottise de suivre votre soi-disant "conseil" et me voici au bord de la faillite! Qu'en direz-vous, Monsieur l'écrivailleur? Vous rendez-vous compte que vous êtes nul, mais nul? Dites-moi que vous avez honte au moins.[62]

Великолепно понимая собеседницу и ещё чётче осознавая, что она безусловно права, и что оправдаться решительно нечем, Возрожденскому оставалось только ретироваться:

— Так я это, тово, мадам, комси-комса, не понимаю ни бельмеса. Нихт ферштейн, ага... С языками не дружен, плохо учился в гимназии. Имею тройку в аттестате. Труа ин аттестат... Жё нё манж па си жур. Эй, Силантий! Уведи барышню, она ошиблась адресом. И нездорова.

Пока детина Силантий подталкивал посетительницу к выходу, та успела на весь департамент прокричать много обидного в адрес Возрожденского, привратника и их конторы. Похоже, что Трефов слышал, но виду, как обычно, не подал.

К своему столу Акакий Макарович вернулся в сквернейшем расположении духа. Сел. Очинил пятое по счёту нетронутое перо. Писать было решительно нечего. Этот отчёт обещал быть похожим на предыдущие, как бусинки на розарии.

---

[60] Ах, вот он где! Так это вы господин Вор-зо-джен-ский, не так ли? (фр.)

[61] К вашим услугам, сударыня. Чем ваш покорный слуга может быть вам полезен? (фр.)

[62] Это вы — автор этого дикого бреда? Как вы позволяете себе писать подобную гадость? Это форменный скандал! Все предсказания в вашем отчёте ложны, абсолютно все! Извольте... Вы пишете: «Сейчас мы более чем когда-либо убеждены, что цены на пшеницу будут расти». Известно ли вам, что цена на пшеницу находится на своей нижней отметке? «Рост фунта стерлингов безусловно закончен»? Я всё продала, но фунт с тех пор удвоился в цене! И вот в заключении пишете жирным шрифтом: «Наш главный вывод — немедленно покупать испанские акции в огромном количестве». Я имела глупость последовать вашему так называемому "совету", и вот я практически разорена. Что вы на это скажете, господин бумагомаратель? Вы отдаёте себе отчёт в том, что вы ничтожество, совершенное ничтожество? Скажите, что вам, по меньшей мере, стыдно. (фр., англ.)

"Розарий, рингель-рингель-розенкранц", — подумал чиновник. — "Вон давеча у ксёндза на Ковенской в руке видел — безделица, а занятно". Возрожденский стал вспоминать, что означают четыре ряда бусинок — молитвы радостные, светлые, скорбные и славные — и подумал, что и отчёты можно было бы разделить на такие категории. Сейчас выходил (а точнее — не выходил) самый скорбный отчёт из всех возможных.

Мысли Акакия Макаровича были далеки от его скучного учреждения, от сослуживцев и от клиентов. Думать хотелось не о работе, а об *N.N.* — Наталии Николаевне Савской — и анализировать хотелось не рынки капитала, а её прелести. Возрожденский и Савская были знакомы давно, но весьма поверхностно. Наталия Николаевна занималась переводами и в неделю по нескольку раз бывала в книжном издательстве, располагавшемся во дворе здания, где служил Возрожденский. Они иногда мельком виделись то на крыльце присутственного места, то у стоянки извозчиков, то в кофейном заведении в обеденную паузу. Встретившись, говорили об отвлечённых вещах и никогда о личном. Акакий прекрасно запоминал всё, что N.N. когда-либо рассказывала ему о себе, и из этой мозаики фактов пытался сложить себе в воображении картину её жизни. Сама же N.N. вопросов Акакию не задавала почти никаких, что было одним из многочисленных свидетельств того, что за пределами разговора о погоде Акакий не представлял для Савской ни малейшего интереса.

Возрожденский воспламенялся, едва только завидев N.N. Он стремился к случайным невинным встречам со своей Прекрасной Дамой и в то же время боялся этих встреч, а в особенности боялся он ощущения безнадёжности, которое неизменно после них наступало. Разговаривая с N.N., Возрожденский пытался выглядеть авантажнее, вёл себя неестественно, а оттого их беседа часто не складывалась, вызывая порой нелепые *malentendus*[63] с её стороны. Их случайные диалоги неизменно заканчивались любезным расшаркиванием и пожеланием приятного вечера. Акакий окружил N.N. невидимыми, тонко настроенными уловителями, коими пытался поймать хоть какой-нибудь сигнал интереса к себе. Он был готов подхватить и развить любой полунамёк, любой полувзгляд, но его приборы не регистрировали никаких сигналов. Электрический ток не проходил.

Наталия Николаевна была уже лет пять замужем за каким-то инженером, которого Возрожденский никогда не видел. В своих рассказах о работе, о жизни в Петербурге, о путешествиях за границу N.N. порой упоминала о муже и иногда рассказывала забавные эпизоды, с ним связанные. Когда в глазах N.N. появлялся огонёк теплоты к мужу, в душе Акакия загорался огонь ревности, и ему стоило немалых усилий, чтобы не выдать себя, не показаться перед ней смешным со своим тайным, но искренним и сильным чувством.

Примитивно рассуждая, что раз N.N. мужа любит, а его не любит, то и быть с её мужем они должны полными противоположностями, а потому в своём воображении Возрожденский наделял инженера качествами, самому себе вовсе не присущими. Он представлял себе мужа N.N. то самодовольным борцом в полосатом трико с обложки журнала “Русскій бицепсъ”, то напыщенным франтом, симулирующим изящный вкус к тонким винам, то мужиковатым бонвиваном, любителем скачек и охоты, *руками* (!) разнимающим жареное куриное крылышко, подкупая N.N. своей естественностью и предсказуемостью. "Он, верно, из тех, немногословных и недалёких, но излучающих невидимый

[63] недоразумения, неверные толкования (*фр.*)

charme[64]. Он, вестимо, из тех, которые приходят и запросто берут то, что им нужно, не вспоминая о других, не задавая себе сложных вопросов и не мучаясь выбором, — рассуждал Возрожденский одинокими вечерами. — Которые без обходительности, без вздорного переживания, которым неспособно гореть и страдать, болеть и выздоравливать душой. Которые идут напролом, как медведь и тем притягивают к себе женщин. С таким без поэзии, зато как за Иерихонской стеной". Акакий не мог, да и не желал знать, был ли избранник N.N. хоть издали похож на эти типажи, он просто заочно ненавидел этого человека. Со стороны, видимой Возрожденскому, Савская была совершенно счастлива своей партией и нисколько не догадывалась об особом месте, уготованном ей во влюблённом сердце Акакия Макаровича.

О прекрасной N.N. можно было думать бесконечно, но сейчас над Возрожденским довлело бремя треклятого отчёта. Он достал ещё с вечера приготовленный список вопросов, на которые нужно было чётко ответить, прежде чем сочинять текст. Что сделается с рублём в свете новой политики г-на Плеске? Чего нынче ждать от министра Витте? Изволит ли Государь вернуться к либеральной политике августейшего деда или всё останется как при августейшем батюшке? Что ставки Банка Англии? Как поведут себя гульден и фунт стерлингов в случае войны англичан с бурами, и каковы шансы самоё войны? Есть ли у Североамериканской экономики хоть малая надежда подтянуться за европейской в наступающем веке или она безнадёжно отстанет среди коров и ковбоев? Что будет развиваться быстрее — телефон или телеграф? Да и будет ли — не довольно ли уже понаставили этих нелепых аппаратов в каждом присутственном месте? Есть ли будущее у самодвижущихся экипажей? Если есть, то как отреагируют на новинку акции конных заводов? Если затея г-на Дизеля всё-таки пуста, то не время ли рекомендовать к покупке дончаковских заводчиков, пока все от них отвернулись, соблазнившись "машинами"? Чем ему, Возрожденскому, оправдаться перед читателями за неосмотрительно купленное дешевеющее золото — ожиданием обесценивания рубля или страхом перед ростом цен на керосин? Что нынче лучше — пушнина или пенька? Где покупать доходные дома — в Петербурге или в Москве? Или напротив — продавать? Нужно ли участвовать в подписке на капитал Нефтяного товарищества братьев Нобель или вся эта суета вокруг новомодной "нефти" такая же утопия, как и бредни братьев Райт — этих Дедала и Икара нашего времени?

"Сам чёрт ногу сломит и не найдёт. Пятьдесят на пятьдесят, хоть в орлянку играй, — с тоской подумал Акакий и вдруг встрепенулся. — А что, хоть бы и в орлянку. Всё равно выхода другого нет". Возрожденский незаметно бросил на пол копеечную монету и закрыл её ботинком: "Откроется решка — значит русским акциям расти в будущем месяце". Открылся орёл. "Значит, напишем, что рост рынка закончен", — решил чиновник, и это придало ему спокойствия. "А что со ставками Банка Англии?" Выбросил решку. "Значит, пойдут в рост. Премило!" — Возрожденский обрадовался неожиданно открывшемуся решению головоломки и стал подвергать все гипотезы проверке монеткой.

"Хуже всё равно не будет, где-то да угадаю", — бормотал Возрожденский, подбрасывая монетку и записывая результаты. Когда металлический звон стал привлекать внимание сослуживцев, Возрожденский продолжил разговор с Фортуной по последней цифре номеров ассигнаций, по чёту-нечету клиентских счетов и по тому, повторит ли коллежский регистратор Евразов "как бы" в

[64] очарование (*фр.*)

следующие пять секунд своего неинтересного рассказа о воскресном променаде по Невскому.

Фабрика по производству отчётов заработала. В числе прочего выпадало, что будущего у Североамериканских штатов в ближайший век быть не должно, алмазы продолжат дорожать, буры побьют англичан в Трансваале, а так называемый "телефон" вскоре распространится на всю территорию империи. Возрожденскому не составило большого труда соединить утверждения в связный рассказ, и к концу четвёртого часа пополудни набело переписанный отчёт был изготовлен.

— Написал, голубчик? — спросил столоначальник, испытующе глядя на Акакия поверх пенсне.

— Так точно, то есть йеситиз[65], написал-с, ваше высокоблагородие, уложился в дэдлайн-с[66], — Возрожденский протянул титулярному отчёт с лёгким поклоном.

— Ясненько, ясненько. Что-то ты больно усерден, не похоже на тебя. Сюрпрайз прямо. Хм-м-м,.. эк у тебя всё складно вышло! Ты смотри — и с давешним своим конфузом выкрутился, и про рэйты[67] объяснил. Не очень консистент по сравнению с предыдущим твоим ньюслеттером, но зато свежо-то как! Молодец! Ладненько, ладненько, зашлём в Лондон на комплайенс[68]. Главное, я вижу, что ты взял чёткий вью, а это самое ценное в нашем бизнесе[69]. Связно излагаешь, бестия. Если дело так пойдёт, то и в коллежские секретари тебя запромоутим[70]. Или не запромоутим, если клиенты и... клиентки, — Трефов выдержал мучительную для Возрожденского паузу, — будут анхэппи с тобой[71].

Акакий внутренне напрягся, но оправдаться не успел:

— Да ладно, релэкс[72], шутим, шутим. Джоук[73], — добродушно засмеялся начальник. — Ну ладненько, ступай с миром. Недосуг мне, у меня сейчас митинг[74].

Возрожденский поклонился короче обычного и выскользнул из кабинета титулярного советника, мысленно крестясь и ликуя. На ближайший месяц можно было расслабиться.

* * *

Вечером после должности Возрожденский сидел в дешёвом трактире у Финляндского вокзала и уговаривал второй графин водки в компании незнакомого извозчика, которого он затащил в заведение с единственной целью быть выслушанным.

---

[65] да (*искаж.англ.*)

[66] к назначенному сроку (*англ.*)

[67] процентные ставки (*англ.*)

[68] юридический департамент (*англ.*)

[69] деле (*англ.*)

[70] произведём в следующий чин (*англ.*)

[71] будут тобой недовольны (*англ.*)

[72] расслабься (*англ.*)

[73] шутка (*англ.*)

[74] деловая встреча (*англ.*)

— Я, брат, тово, аналитиком в банковском департаменте. Аналѝз финансьер! Это, брат, о-го-го, это тебе не навоз с копыт счищать. Тут понимание нужно, мышление государственное, — громко говорил Возрожденский, отчаянно жестикулируя перед носом у собеседника.

Извозчик кивал и поддакивал.

— Ты не посмотри, что я не при аксельбантах, хоть и тайный советник, — продолжал пьянеющий Возрожденский. — Дома регалии держу, не хочу смущать восторженных прохожих. Да и Станиславы с Георгиями мундир к земле тянут, не разогнуться, как все пришпилишь да повяжешь. А сегодня я кучера отпустил позолоту поправить на экипаже, потому безлошаден.

Возница недоверчиво присвистнул. Возрожденский закурил.

— Что ни напишу, всё сбывается, — Возрожденский попыхивал папироской прямо в лицо новому знакомому. — Что твой пророк Исайя. Да-а-а... До самого Лондона мои реляции доходят. Небось, и не слыхал про Лондон? Темнота!

— Слыхал! — вдруг оживился извозчик. — Мужики сказывали, что эти анчихристы не в ту сторону ездют, телега у них вперёд лошади — умора!

— Да не телега впереди, — поморщился Возрожденский, — голова ты садовая, а разъезд у них левый. Лево-право различаешь? Сено-солома. У них сено, у нас солома... Да-а-а-а... Всем я надобен. Сегодня вот приезжала из Парижа одна фифа, к ручке припадала, благодарила за верный совет. Насилу уговорил её подняться с колен. С биржи телеграфируют, совета спрашивают. Что, говорят, у нас там со швейцарским франком, не настал ли час покупать? Хорошо ли обеспечены облигации города Вены? Высшая математика, брат. Это тебе не оглобли тягать. Сам Великий князь Михаил Александрович посылает ко мне за советом. Да-а-а... Граф Витте в моей приёмной целыми днями сидит, надоел уже смерть как. Перестал его принимать, а он всё ходит, просит.

Крякнув, выпили.

— Я, брат, тово, учился... Университеты... Это тебе не за конским хвостом весь день наблюдать. И в Петербурге, и в Париже... Дипломами не обижен. Всё при мне.

Помолчали.

— А жена моя знаешь, кто? Откуда тебе! Наталия Николаевна Савская. Ну это, то есть, в девичестве она была Савской, а сейчас Возрожденская, конечно. Первая красавица в Российской империи. Высокая, гордая, стройная, статная — глаз не отвести.

Извозчик оживился и заёрзал на лавке.

— Вспоминаю — умираю... Венера! Вежлива. Воспитана. А умна — не могу тебе передать, как умна — слушать, не наслушаться. На всех языках, как птица поёт. Скачет верхом, что твоя амазонка.

— Пелагея Кузьминична только в телеге умеет ездить, — уточнил извозчик, — а зимой на санях.

— Вышивает гладью, рукодельница моя, — продолжал Возрожденский, не слушая мужика. — Расшила мне кардиган. Сочиняет, как Мельпомена. Танцует, как Терпсихора на Парнасе.

— На Парнасе рази танцует кто, барин? — удивился извозчик. — Там же лес, глухое место. Я туда и за целковый не повезу.

— Да не на нашем Парнасе, дурень! На воображаемом, поэтическом.

— А-а-а, политическом, — с уважением промычал извозчик и на всякий случай поклонился портрету императора.

— Не перебивай, дурак. Не знаешь ведь её? Вестимо, не знаешь. Откуда тебе, простофиля, знать таких барышень. Да-а-а... Так вот и живём. Три года безмерно счастлив в браке. Постоянный электрический ток, тысяча "вольт". Любит меня без памяти. Веришь, брат, ввечеру прихожу со службы, а она выплывает, точно пава — в красном платьице, в туфельках на каблучках, в фильдеперсовых чулочках, в кокошнике.

Извозчик замер и открыл рот.

— Встречает меня хлебом-солью. Она мне книксен, я с поклоном к ручке. "Что у вас на службе, любезный мой Акакий Макарович, что предсказали сегодня? — спрашивает и в глаза мне заглядывает. — Как вам обедалось? Не удалось ли подремать во время должности? Ах, ах, ах, как всё интересно! А я всё об вас думала, ждала и тосковала". Воспитание, понимаешь! Небось, не Авдотья твоя с горшками да ухватами.

— Прасковья, — поправил извозчик.

— Тем более.

Обоим хотелось есть. Возрожденский велел половому принести две корюшки и репчатого луку и мечтательно закатил глаза:

— Потом беру её за локоток, и чинно плывём за стол. Там и консоме, и суфле, и безе, и фуэте всякое. Кулебяка с севрюгой, расстегайчики, дам бланш. Фантасмагория! Всё жена-мастерица Натальюшка моя Николаевна для меня порадела.

Извозчик облизнулся и потянулся за последним солёным огурцом.

Возрожденский продолжил:

— Политесы, деликатесы... Это тебе не Лукерьина стряпня.

— Прасковьина, — обиделся извозчик.

— Какая разница? — отрешённо сказал Возрожденский и надолго задумался. — Любит меня, голубка моя. Говорит мне: "Самый лучший ты у меня, свет-душа, лучше любого инженера".

Возрожденский вдруг побагровел, перегнулся через стол, схватил собеседника за грудки и закричал на весь трактир:

— Ну чем я хуже инженеришки, а-а-а???

Перепуганный, ничего не понимающий извозчик завизжал:

—А-а-а! Ничем!! Истинный крест, ничем! Господь с вами! А-а-а! Пусти, барин! Больно!

Возрожденский отпустил армяк. Извозчик вырвался, сел подальше от стола и продолжил успокаивать:

— Какой там, к лешему, инжанер, пустой человек, не чета вашему высокородию. Не ваш брат сановник, не охвицер даже — так, страсть господня, плюнуть и растереть... Винтик-гайка-проводок... Тьфу, прости господи... Страсть как не люблю я инжанеров! Видишь, седок дурной попался — то-о-очно инжанер, нутром чую! Не люблю ихнего брата... Третьего дня один мне такой в монокле всю коляску уделал, прости господи, насилу отмыл.

Погружённый в свои мысли, Возрожденский не обращал внимания на аргументы своего визави. Он мрачно раскурил папироску и долил по стаканам водку.

— Зато я на службе первый. Всё-ё-ё знаю... Да-а-а... Аналитик, одно слово. Вижу тонкие пружинки, движущие миром, и умею объяснить. Вот, к примеру, ты отвёз меня и гривенник получил — это, брат, экономика. Поклонился Государю Императору — это уже политика. Испортил сейчас воздух — тьфу ты, чёрт деревенский, чтоб тебе!! — это... это просто свинство!

Возница мелко крестит воздух вокруг себя и дальше всё время молчит, лишь изредка делано восхищаясь:

— Спаси Христос... Знал Господь, кому разумение давать. Радетели... Заступники... Отцы наши...

3.1.3 Либретто к опере Ж. Бизе "Кармен"

Напоминание к мартовскому отчёту 2010 г.

Моё: лёгкая коррекция сюжета, диалоги и речитативы, названия большинства арий. Осталось от оригинала: основа сюжета и персонажи.

Синопсис либретто в русском переводе

Кармен, цыганка	меццо-сопрано
Хосе, унтер-офицер	тенор
Эскамильо, тореадор	баритон
Зунига, лейтенант	бас
Аморалес, ефрейтор	баритон
Микаэла, служанка матери Хосе	лирическое сопрано
Мерседес, цыганка	сопрано
Контрабандисты	без пения
Рядовой Буррито	без пения и без слов

Действие происходит в Испании в первой половине XIX века.

Первый акт

Увертюра Allegro giocoso в испанском стиле.

Площадь в промзоне города Севильи — военные склады, задворки табачной фабрики. После смены караула солдаты слоняются без дела — играют в трясучку, курят. Только унтер-офицер Хосе что-то пишет на коленке. Он пишет мансли ньюслеттер. Мансли — это его конёк, его отрада, смысл его жизни. Хосе не только обязан писать мансли по роду службы, он ещё и очень любит это

занятие. Солдаты предлагают Хосе поиграть в конный бой, но тот отмахивается и продолжает писать, потом резко отбрасывает блокнот и, вскочив на бочку, исполняет динамичное ариозо "Мансли — продолжение моей души".

Внезапно солдаты устремляются к воротам табачной фабрики. У работниц фабрики перерыв — разгорячённые и едва одетые, они выходят в прохладный двор подышать свежим воздухом и затягивают печальную песню о своей нелёгкой доле. На втором куплете во двор выходит жгучая раскрасавица Кармен и сразу оказывается в центре всеобщего внимания. Взгляды мужчин устремлены теперь только на неё. Оправившиеся от оцепенения, самые смелые из солдат спрашивают у цыганки, сможет ли она полюбить кого-нибудь из них. В ответ Кармен исполняет знаменитую хабанеру ("L'amour est un oiseau rebelle"), в которой излагает свою философию непредсказуемой любви. Поражённые красотой Кармен, солдаты стоят, раскрыв рот. Некоторые лишаются чувств. Рядовой Буррито падает замертво.

На последней фразе своей арии Кармен вынимает из корсажа розу, бросает её в толпу наугад и убегает. Цветок попадает в остолбеневшего Хосе. Он расценивает это как знак и бережно прячет розу под вицмундиром. Женщины возвращаются на фабрику.

По площади разносится улюлюканье солдат. Это скачет на осле Микаэла — служанка матери Хосе из далёкого наваррского села. Микаэла достаёт из корзины мансли от матери и передаёт его Хосе. Хосе читает материнский мансли, в котором она отчитывается о проделанной работе за истекший месяц, оценивает виды на урожай и как вывод неожиданно призывает Хосе жениться на Микаэле. Хосе удивлён таким поворотом. Звучит интермеццо. Микаэла гарцует по площади под ободряющие возгласы солдат, сующих ей в корзину свои визитные карточки. Хосе откладывает мансли в сторону и сильно дёргает осла за хвост. Кричащий от страха осёл уносит кричащую от страха Микаэлу, а Хосе, как ни в чём не бывало, садится дописывать свой собственный мансли о жизни полка.

Из ворот фабрики раздаются крики. Оказывается, что подрались работницы. Подстрекательницей драки называют Кармен, и лейтенант Зунига приказывает Хосе арестовать Кармен и доставить её в отделение. Солдаты уходят. Оставшись наедине с Хосе, Кармен поёт своему стражнику нежную каватину "Моё сердце свободно, как воздух". Хосе тает. Кармен умоляет Хосе дать ей убежать и обещает ему свидание в пивбаре "Лиловая пастила". Хосе теряет голову. Он полностью утрачивает бдительность, он готов на всё ради прекрасной цыганки. Покрывая поцелуями руки Кармен, Хосе ослабляет путы. Пленница выскальзывает и сбегает, послав Хосе воздушный поцелуй.

Хосе садится за мансли, в котором пытается описать красоту поразившей его девушки. Звучит лирическая ария Хосе "Найду ль слова?". Вбегают солдаты и арестовывают Хосе за пособничество побегу арестованной. Он мечтательно улыбается и не сопротивляется.

Занавес.

Второй акт

Пивбар "Лиловая пастила" два месяца спустя. Скучно... Кармен с подругами напевает цыганскую песню. Ефрейтор Аморалес приглашает цыганок в театр, а особенно настойчиво — Кармен. Та отказывается. Аморалес предлагает Кармен

пойти к нему домой послушать граммофон, но Кармен отказывается снова. Аморалес начинает злиться, но тут в пивбар входит известный тореадор Эскамильо, и всеобщее внимание переключается на вошедшего. "Оле-оле, дон Эскамильо! Виват кабальеро!" — раздаются восторженные возгласы. Эскамильо благосклонно улыбается толпе, вскакивает на стол и исполняет свою знаменитую арию "Тореадор, смелее в бой" ("Toréador, en garde"). Триумф, овации и всеобщее ликование. Тореадору бесплатно наливают.

Эскамильо выделяет из толпы Кармен. Он подходит к ней с видом победителя и предлагает немедленно отправиться к нему домой послушать граммофон. Кармен дерзко отказывается. Привыкший к лёгким победам тореадор Эскамильо немного удивляется и предлагает Кармен вместе сочинить какую-нибудь арию. Кармен кокетливо говорит, что есть уже один кандидат, с кем она хотела бы исполнить дуэт. "С кем же, с кем?" — гадают присутствующие. Мерседес догадывается: "Уж не тот ли это, кто дал тебе бежать?". Кармен многозначительно молчит. "Кто, кто этот недостойный кочинильо? Я нашинкую его в паэлью!" — кипятится Эскамильо. Кармен звонко смеётся и не отвечает. "Клянусь стразами, я взобью его в мантекилью! — не унимается тореадор. — Кто этот мьердито?".

Ответ на вопрос возникает в дверях. Растрёпанный Хосе держит под мышкой кипу ньюслеттеров о жизни в местах лишения свободы. Он вышел из-под ареста и поспешил в пивную, о которой говорила ему Кармен. Узнав, что Хосе пришёл к ней едва только откинувшись, растроганная Кармен страстно и провокационно танцует цыганочку перед Хосе, пощёлкивая кастаньетами, при этом не теряя из виду Эскамильо. Хосе снова млеет и невпопад хлопает в ладоши.

Взбешённый Эскамильо со свитой садится в глубине сцены и наблюдает за происходящим, в то время как Хосе и Кармен о чём-то мило беседуют и смеются. Дрожащими руками Хосе наливает Кармен сангрию и не может удержать отваливающуюся крышку колбы. Кармен помогает ему. Прикосновение руки девушки глубоко волнует Хосе. Его ариетта "Чудесным бархатом" полна нежности.

Звонит церковный колокол. "Caramba, diabolito, scuko! — восклицает Хосе. — мне пора возвращаться в полк, пора писать мансли". Кармен обескуражена, она мгновенно меняется в лице и насмешливо бросает: "Бежал, страдал — и вот его любовь". Хосе возражает: "Тот цветок, что ты бросила мне, я бережно хранил в шароварах". "Тебе??" — Кармен искренне удивлена.

Хосе вскакивает на стол и исполняет канцону "Дух тешил сладостной мечтою, пока в темнице угорал". Кармен не смотрит в его сторону.

В пивбар врывается лейтенант Зунига. "Ах вот ты где, каналья графоманская!" — рычит лейтенант и приказывает Хосе вернуться в часть. Хосе молчит и дико вращает глазами. Зунига призывает своего подчинённого одуматься и угрожает трибуналом, но Хосе бросает в лейтенанта пивным бочонком, и тот теряет сознание до конца второго акта.

Цыганка неожиданно спрашивает Хосе, готов ли он отказаться от прежней жизни и бежать вместе с ней в горы к контрабандистам. "Как брошу я мой полк, мои мансли?" — вопрошает удивлённый унтер-офицер. "Так откажись!" — "Вот так всё бросить? И чего во имя?". Кармен берёт Хосе за нижнюю челюсть и вдруг громко заявляет, что готова быть вместе с ним. По столам прокатываются удивлённые возгласы, некоторые теряют сознание. Хосе приободряется, но Кармен тихо добавляет, что условием для их союза является пожизненный отказ Хосе от мансли. Хосе обескуражен: "Но почему?? Не будь суровой! В них

жизнь моя!" — "А я?" — "А ты превыше!" — "Так докажи! И брось марать бумагу." — "Не будь такой жестокой!" — Не будь таким ослом!". Кармен заливисто смеётся, намеренно задевая Хосе своей воздушной юбкой.

"О донна Роза де Гранада! С меня довольно!" — восклицает оскорблённый Эскамильо и демонстративно покидает пивбар, в сердцах пиная лежащего Зунигу. Вслед за ним уходят посетители, оставляя Кармен и Хосе одних.

Кармен погрустнела. "Ну так что, солдатик, ты пойдёшь со мной?" — тихо спрашивает Кармен, нарочно задевая Хосе своими распущенными волосами. "А долг?" — "Решай!" — "А полк??" — "Решай!!" — "А мансли???" — "Да забудь об этой дряни!!!" — "А станешь ли моею?" — "Сказала же. Не моешь уши?" — "А родишь мне сына?" — "Как бог даст...".

Оркестр играет крещендо. Унтер-офицер мечется по сцене. "Йе-е-е-ех, caramba!"— Хосе бросает шапку оземь, впрыгивает на стол и исполняет полную надрыва арию "Меж долгом и красою", в которой раскрывает драматизм своего выбора. Спрыгивает, пинает недвижимого Зунигу и осторожно обнимает Кармен. "Сходи попысай пред дорогой", — короткое ариозо Кармен звучит неожиданно буднично и совсем по-домашнему. Взявшись за руки, они убегают со сцены.

Занавес.

Антракт: буфет с бутербродами, культурные разговоры, выездная торговля в фойе.

Третий акт

Лагерь контрабандистов в горных пиренейских тропах шесть месяцев спустя. Контрабандисты сортируют товар, цыганки гадают на картах, только Хосе молча сидит в стороне, обхватив голову руками. У него ломка — он держит данный Кармен обет не писать мансли и очень переживает. И с Кармен, похоже, у него тоже не ладится. Они вместе уже несколько месяцев, но она так и не полюбила его. Надежды рухнули — Кармен слишком хороша для Хосе. Его отказ от мансли и прежней жизни она никак не оценила, приняв самоотречение как должное. Счастья не получилось.

Кармен и Хосе вяло переругиваются: "Я тебе противен?" — "Пёс и волчица не уживутся вместе". — "А как мне волком стать?" — "Им надобно родиться. Ты не герой, не конкистадор, не тореадор, не матадор, не пикадор. Так — промокашка". Хосе упрекает цыганку в равнодушии грустной арией "Кровь, как огонь, но сердце ледяное". Кармен не реагирует. Мерседес пододвигается к Хосе и предлагает ему пойти в её палатку послушать граммофон. Хосе не реагирует.

Внезапно из оркестровой ямы выскакивает осёл без хвоста. "Верный знак, что Микаэла где-то рядом!" — восклицает Хосе. И верно — вслед за ослом из ямы вылезает потрёпанная Микаэла с мешком ньюслеттеров от матери. Хосе радостно бросается к мешку и жадно читает новости с Большой земли, не обращая на Микаэлу никакого внимания. Микаэла обижается. Хосе раздражает обида Микаэлы, и он прогоняет её, отняв все мансли. Микаэла удаляется и проваливается.

Внезапно из оркестровой ямы вылезает какой-то хлыщ с бантом. "Сеньор, вы кто?" — спрашивают перепуганные жулики. "Дон Пихто", — хмуро отвечает незнакомец знакомым баритоном и сбрасывает капюшон. Все узнают в приползшем дона Эскамильо и радостно приветствуют его. Глаза Кармен загораются огнём, она преображается. Эскамильо повторно исполняет арию "Тореадор, смелее в бой" и в шутку дразнит осла красным бантом. Аплодисменты и смех до слёз. Эскамильо и Кармен выходят на первый план и, нежно глядя друг на друга, исполняют дуэт "Пути господни неисповедимы".

"О-о-о-о! Этот зоофоб снова здесь!" — вопит озлобленный Хосе. Ему вдруг открылось, что тогда в пивбаре Кармен так легко предложила ему поехать с ней лишь для того, чтобы раздразнить Эскамильо, и что она никогда не испытывала к нему никаких чувств, кроме лёгкой признательности за содействие побегу. "О Каста Дива! — кричит Хосе, — я всего лишь был наживкой для этого кровожадного мясника! Плутовка Карменсита ловко использовала меня... Я пал жертвой красотки, как бедняга Буррито. О, как я был слеп!".

"Клянусь Колумбом, он уже покойник! Я покрошу его в гаспачо! — кричит Эскамильо и бросается на Хосе, — Я из него хамон сделаю! Подайте мне мачете!". Половина контрабандистов сдерживает Эскамильо, другая половина выводит со сцены изрыгающего проклятья Хосе.

На опустевшей сцене Кармен и Эскамильо выходят на передний план и берут друг друга за руки. "Уедем тотчас же!" — предлагает Кармен. "С тобою хоть в Тегусигальпу!" — соглашается тореадор. "А этот твой, Сервантес? Будет мстить?" — беспокоится Эскамильо. "Забудется в ньюслеттерах", — заверяет тореадора Кармен и нежно целует его в напомаженную щёку. Приободрённый Эскамильо пытается в очередной раз спеть "Тореадор, смелее в бой", но Кармен закрывает его уста горячим поцелуем. Оркестр играет диминуэндо. Гаснет свет. Проваливаются.

Занавес.

Четвёртый акт

Площадь в Севилье перед цирком два года спустя. Яркая праздничная толпа валит на корриду, ведь сегодня выступает сам дон Эскамильо! К королевской ложе подходит пышно разодетая дама, несущая на руках годовалого малыша в золотом костюме со стразами. Это прибыла из своего дворца на Песетском шоссе донна Кармен, гран-дама высшего света в сопровождении фрейлин. Её окликает человек бомжеватого вида в выцветшей военной форме с клочками бумаги в руке. Зритель сразу угадывает знакомый тенор. Небритый и осунувшийся Хосе почти неузнаваем. Он бросается к Кармен, но та в ужасе уклоняется от него.

"Это мой сын? Маленький Хосито?" — с надеждой спрашивает бомж и, не дожидаясь ответа, начинает петь арию "Дитя любви от женщины моей мечты". На одиннадцатом такте его обрывает Кармен: "К счастью, не твой. Его отец сегодня на арене. А ты совсем скатился. Не бреешься. Похож на анимала. А что же твои... как их?.. мансли? Ты снова пишешь ахинею? Кто их читает? Психиатр?"

Ответный речитатив Хосе полон драматизма: "Дорогая Карменсита, случилось непоправимое, я разучился писать мансли. Длительное воздержание сказалось на качестве. Ты опустошила мою душу, теперь мне писать не о чем. О моём разбитом сердце? Кому это интересно? О твоей небесной красоте? Всё равно её

не выразить в мансли. О жизни в бомжатнике? Неново." Кармен холодно спрашивает Хосе, зачем он пришёл. "За тобой", — звучит неуверенный ответ. Проницательная Кармен видит рукоятку кинжала и отвечает резко: "Я вижу, ты пришёл убить меня. Но я твоей не буду. Я рождена свободной". Кармен решительно разворачивается и скрывается в воротах цирка. Хосе бросается за ней, но охранники брезгливо оттаскивают его баграми.

Хосе пытается написать что-нибудь в мансли, но не может и ломает огрызок карандаша. Он разворачивается к залу и вынимает из-под гимнастёрки кинжал. На сцену высыпается труха, бывшая когда-то розой. "Йе-е-е-ех, caramba!" — Хосе бросается на кинжал, но промахивается и угождает в лужу. Оружие тонет в грязи, Хосе тщетно пытается его нащупать. Публика умирает от смеха, охранники вызывают вытрезвитель. Появляется военный патруль во главе с лейтенантом Зунигой.

Хосе грустно лежит в луже. Он безучастно наблюдает за происходящим. На арене, по всей видимости, начинается спектакль. С трибун доносятся приветственные крики, рёв горнов, аплодисменты и распеваемый толпой рефрен "Тореадор, смелее в бой". Ветер гоняет по сцене обрывки недописанных ньюслеттеров. Три последних аккорда в фа-диез миноре оркестр играет фортиссимо.

Все рыдают.

Занавес.

© 1875 Henri Meilhac & Ludovic Halévy: основа сюжета

© 2010 АК: лёгкая коррекция сюжета, диалоги и речитативы, мизасцены, названия большинства арий.

3.1.4 "Б. Полевой". Повесть о настоящем человеке.

Напоминание к майскому отчёту 2009 г.

Моё: текст, сюжет.
Осталось от оригинала: образ главного героя в контексте и первое предложение про звёзды.

Глава первая

Звёзды сверкали остро и холодно, но небо на востоке начало уже светлеть. Мересьев не знал и не мог знать, что после крушения его Ла-5 он почти неделю провисел на верхушке сосны без сознания. "Жив, жив, – мысленно повторял Алексей, – а всё остальное неважно". Боль! Нестерпимая боль сковала ноги, поднимаясь выше и растекаясь по всему телу. Руки плохо слушались. Унты давили как испанские сапоги. За шиворот попал кусок элерона и неприятно холодил металлом гусиную шею лётчика. Во рту перекатывались сломанные

зубы и хрустел песок из мешка с балластом. Шлемофон закрывал половину лица, и Мересьеву стоило большого труда и страшной боли подтянуться на ветках и поправить его. Когда прошёл первый шок, Мересьев стал по военной привычке проверять, что уцелело после аварии. В кармане нашлись партбилет, удостоверение личности, дырявый мешок с махоркой, талон на сахар из полковой столовой, переломленный пополам химический карандаш, три червонца, потёртая фотография Вареньки Симоновой и письмо-треугольник от неё - особое письмо, которое Мересьев всегда брал с собой на боевые задания.

Это письмо успокоило Алексея. "Главное, что я жив, – повторил он умиротворённо, - а дальше дело за малым – слезть с дерева, запустить сигнальную ракету и прорываться на восток с своим". Закурить не удалось – спички отсырели, а махорка просыпалась за подкладку куртки. "Вроде бы всё ничего, а вот что-то не так" – подсказывал лётчику внутренний голос. Мересьева не покидало тревожное ощущение, что что-то действительно не так, что он забыл сделать что-то важное. Голова гудела. Он ещё раз проверил карманы и взглянул на часы. "Командирские" показывали четверть второго, но тут маленькое окошко с датой вдруг прожгло сознание Мересьева: "Пятнадцатое число!!! Я провисел на дереве целую неделю! Мансли ньюслеттер!!!".

Ежемесячные отчёты о проделанной работе, или, как их называли на манер союзников "мансли ньюслеттер", были в эскадрилье давней традицией и, в принципе, необременительным заданием, но лётчики не любили их писать – откладывали до последнего, перекладывали на младших офицеров, кивали друг на друга и на союзников и оправдывались сильной нагрузкой, военным положением и большим количеством боевых вылетов. Майор Шевченко, на пример товарища Котовского брившийся налысо, прибывший откуда-то с Западного фронта и непонятно что делавший в части с самого начала войны, постоянно докучал бойцам с разговорами о ньюслеттерах. Бойцы не любили майора Шевченко и мечтали разбить ему очки или по-солдатски устроить ему тёмную. Старший лейтенант Королёва поторапливала лётчиков, деликатно напоминая им об обязанности, и на многих бойцов её уговоры действовали. Командир крыла подполковник Сергеев – статный офицер, опытный воин и друг солдатам – всегда беспокоился по поводу отчётов и в начале каждого месяца лично разговаривал с лётчиками, по-отечески подбадривая и воодушевляя их на написание очередной порции. Союзники тоже всегда торопили, присылая тревожные телеграммы на непонятном языке и звоня по вертушке. Недавно переброшенные с соседнего фронта командир эскадрильи полковник Баграмян и его заместитель подполковник Рокоссовский не занимались отчётами вплотную, но к этим офицерам часто апеллировали в спорах, пеняя лётчикам за слишком большие задержки с текстами. Лётчики отмахивались, но всё-таки нехотя писали, а некоторые даже были дисциплинированы настолько, что писали свои отчёты к концу пятого боевого дня, как того требовал Устав ВВС.

Мересьев вдруг ясно себе представил доброе и грустное лицо подполковника Сергеева, перекошенную злобой рожу майора Шевченко, строгие лица своих товарищей, которые уже, наверное, написали отчёты и переправили их союзникам. Вспомнилось и милое лицо Вареньки, которая, наверное, будет огорчена тем, что её Алёшенька окажется хуже всех и не выполнит приказ.

"Врёшь, не возьмёшь! Я же советский человек!" – крикнул во весь голос Мересьев, и его голос раскатисто отозвался эхом по лесу. Алексей стал хлопать себя по карманам, вытащил и заточил уцелевшим зубом химический карандаш. На стропе висел его загаженный планшет, Мересьев потянул его на себя.

Оказалась, что пока лётчик висел без сознания, сороки прокусили планшет и вытащили оттуда почти всё, что там было - журналы "Крылья Родины" за 1939 год, трофейный калейдоскоп, постер с Клаудией Шульженко, коловорот без ручки, чётки (подарок сержанта Мамедова), опасную бритву и запасные трусы. В глубине планшета что-то забелело – это была карта Шиловичского массива и обрывок полётного задания. В голове у Мересьева лихорадочно проносились мысли: "На чём писать? На карте нельзя, по ней идти к своим. Партбилет святое. Червонцы портить рука не поднимется. На полях полётного задания мелким почерком, по-другому нельзя! Как переправить? Это сейчас не важно, сейчас главное - написать, излить на бумагу свои мысли, не подвести ребят. Всё для фронта, всё для победы! Вареньке не будет стыдно за меня! Ужо я вам, фрицы!"

Забыв про боль, голод и своё плачевное положение, Мересьев начал писать, часто слюнявя карандаш и ломая грифель. "Ничего, ничего, передам голубиной почтой" – приговаривал он, а на поля ободранного листочка ложились неровные строчки о том, что было, что будет, чем сердце успокоится. И каждая его буква, каждая строчка приближали победу хотя бы на полшажка.

* * *

Post scriptum

Ответы на вопросы, поступившие от читателей после первой публикации:

- Чем загажен планшет? Во-первых, человек неделю висел на суку. Не на пустой желудок. Понимать надо. Во-вторых, это могут быть сороки.
- На вопрос по поводу мешков с балластом в самолёте отвечу, что это художественное допущение, навеянное "Незнайкой".
- Талоны на сахар на фронте – это тоже допущение. Для колорита.
- Элерон не обязательно должен был попасть за шиворот целиком. В тексте ясно сказано "кусок элерона". Может, это так – со спичечный коробок.
- Гусиной шея лётчика стала от холода и волнения. Ну хорошо, хорошо, не шея, а кожа.
- Одним зубом карандаш заточить можно, если условия экстремальные. Тем более, если ты герой.
- На рассвете не может быть четверть второго? Может, если действие происходит за полярным кругом.
- Зачем лётчику неисправный коловорот и калейдоскоп на боевом вылете? Не знаю, я же не боевой лётчик. Зачем-то понадобилось.

3.2 Reminders in English

3.2.1 "Dan Brown". Angels and Demons. Penultimate Chapter.

Reminder for the June 2009 monthly newsletter

© 2000. Dan Brown: setting, protagonist and context.
© 2009. André Kobzar: text, change in the plot, personages.

Cardinal Lamassé's bleeding body has already been dragged from the Piazza San Pietro. He must have been the last *preferito*, according to the assassin's gruesome plan. There were only 53 minutes left before the antimatter activated and blowed up not only the Holy See, but the whole of the Eternal City with half of Lazio into the bargain. The embarrassment and perplexity that had reigned in the crowd for the last four hours turned to shock and despair.

People on the square suddenly realised very clearly that they were probably living the last 53 minutes of their lives. They all reacted in a similar, very typical manner given the situation: most people were whispering prayers, others were calling their loved ones to hear their dear voices for the last time, most people were crying while counting beads. ‘Pater noster’, ‘Ave Maria’, ‘Credo Domine’ could be heard in different languages across the square.

Suddenly a group of quite odd people attracted Robert Langdon's attention. Men and women were sitting on the pavement near the obelisk and quickly typing something in their laptops. Langdon's glasses were dirty with blood and dust and he could only hazily see figures, tables and bar charts. They were all dressed in white polos with an ambitious slogan ‘We are the champions, Egypt 2008’.

"This must be a Catholic order", thought Langdon at the back of his mind, while he was unsure of this hypothesis. He knew all the Catholic orders from Knights Hospitallers to Monfragüers. But why Egypt? These people did not look like Egyptians. They did not look like members of a Catholic order either. Concentrated on their typing, these people were totally indifferent to the atmosphere of panic reigning in the square.

"Maybe Copts?" Langdon kept reasoning. "Unlikely. Copts are different. These people certainly look like tourists, but what are they typing, and why are they typing so frantically?"

He got closer to the group of typing people and from the short phrases they were exchanging he tried to understand where they could have come from and what they were typing. The words were unclear, but he managed to discern they were speaking a Slavic language. He understood only some barbarically pronounced English words, all of which were very strange: *black Tuesday, white knight, naked call, cannibalisation, badwill, lock-up, haircut, safe h(e)aven, fly to quality with a golden parachute.*

"Who are they? A mystic sect?" thought Langdon.

"I am sorry, ladies and gentlemen, are you Russians?" Langdon asked the group to start a conversation.

No reaction.

"Excuse me, are you Russians?" Langdon repeated politely.

"No, blin, Cheburashians!" replied an irritated man who continued to type and did not even deign to look at Robert.

"Definitely Russians." Langdon concluded.

He got a little closer to them and saw the word 'Renaissance' on their screens. "Renaissance? Why Renaissance? Quick! Any association with the Renaissance! Leonardo? Bramante? Bernini? Machiavelli? Botticelli? Descartes? Galileo Galilei? Galileo Galilei... Galileo Galilei!"

"ILLUMINATI!!!" This idea dawned upon Langdon and he finally understood everything. He found the heart of the plot! Langdon tried to dial Commander Olivetti or Lieutenant Chartrand, but their cell phones were disconnected because of chronically unpaid bills.

Langdon took a Swiss Guard by the sleeve and whispered in his ear: "Go to Cappella Sistina and tell Cardinal Mortati I have localised the centre of the plot." Langdon tried to keep his cool and to keep the Illuminati where they were to prevent them from escaping.

"Excuse me, Sir, can you give me a light, please?" Langdon asked the typing man politely. Langdon was a non-smoker and he was not even holding a cigarette in his hand, but the typing man did not look at him anyway.

"Excuse me, Sir," continued Langdon "how can I get to the Ponte dei Sospiri?". The Ponte dei Sospiri was in Venice, but the Typing Man did not notice the mistake anyway.

"Excuse me, Sir, could you change a €500 bill?" continued Langdon. He did not have euros at all, but the Typing Man did not react.

"Excuse me, Sir, what time is it?" A perfectly running Mickey Mouse watch was on his wrist, but the Typing Man did not look at Langdon anyway.

"Excuse me, Sir, what is your name?" Langdon's imagination was exhausted.

"Buzz off, you, peace duke!" said the man who stopped typing for a second "Otherwise I'll bash your bloody face in! I don't know who you are, but I will give you to kettle with pleasure."

Langdon did not understand these expressions, but he instinctively felt the man was not very friendly.

"Leave him alone, please." A beautiful young lady in Illuminati uniform took Langdon by his elbow and drew him aside. "He is a little bit nervous because he is late with his newsletter".

"With what? What newsletter?" cried Langdon, astonished.

"Monthly newsletter" continued the Beautiful Lady with dignity. "We are an investment team of a leading asset management company. We came to Rome for an offsite event and we have to complete our write-ups. The deadline is at midnight." She looked at her watch and Langdon noticed her nice slender fingers. "In thirty-two minutes from now. We always respect the deadline wherever we are and whatever we do. Our investors must receive the newsletters on the 15th of each month, and

we also have to think about our colleagues to leave them enough time to package the newsletters, to edit them, to proofread, to sign off, to disseminate them and to display them on the website."

"I am impressed with your accuracy." Langdon said sarcastically. "May I take a look at your famous newsletter?".

"I am afraid you may not, Sir." kindly replied the Beautiful Lady. "I hear from your accent you are American, and we are not allowed to market our funds to U.S. citizens".

"You are delirious!" exclaimed Langdon.

"Filter the market, you he-goat!" shouted the Typing Man without stopping typing for a second. "Hey guys, can anybody knock him on pumpkin. I'm fed up with this moron".

"We can't beat him." told somebody from the group "We are FSA-regulated".

"I don't understand anything. It must be the famous mysterious Russian soul." thought Langdon.

"Never mind." continued the Beautiful Lady smiling apologetically." Most of us have finished our texts, but some of us still have to fine-tune them. This is unfortunately the case of my poor colleague and please accept my apologies for his lack of restraint. He would rather die than miss the deadline. We always meet the deadline for write-ups. This tradition is almost as old as the papal conclave".

"Don't you understand we will all die in thirty-two minutes, and you Illuminati will be responsible for that!" exclaimed Langdon, totally confused and disappointed.

"I am afraid you are wrong, Sir." continued the Beautiful Lady with dignity, "We are not Illuminati. We are asset managers overseeing three milliard dollars. We are One Firm. That's all I can tell you. If you want to learn more, feel free to register on our website and if we decide that you are an eligible investor we will provide you with access".

Langdon was completely confused. He could not understand these people who were simply doing their job amid an imminent risk of death. As if nothing had happened, as if there was no ticking death machine, no assassins, no horrifying countdown to death. They did not behave as everybody else did around them. Their professional responsibilities were far above natural selfish instincts, above this terrestrial vanity. Amid total chaos and perplexity, these unusual people were demonstrating the highest standards of excellence and entrepreneurship – the values so often quoted and not that often implemented.

"Indeed, they are champions," thought Langdon.

"Ye-s-s-s-ssssss!" the Typing Man pushed the ‘Send’ button, closed his laptop, laughed, stood up, and came over to Langdon. Now he was in a much better mood. "Half an hour before the deadline!" he proclaimed proudly. His mates applauded. "And now come on, let's get out of here!".

"Where are you going? The antimatter is about to explode." asked Langdon.

"For whom how", answered the happy Typing Man in a strange English. "I don't know about you Gypsy, but we will be all right. A normal black Hummer with a flasher on the roof is waiting for us near the Castel Sant'Angelo. Moreover, we've paid two thousand bucks to a macaroni who will accompany our cortege to Fiumicino. We will drive 200 km/h on the opposite lane, as usual. A MiG-66 is taxiing from the apron, engines running, flaps released. Wanna go with us? Come on, we'll bring you to an

emerging market. Do you have risk appetite? You are not a risk-averse moaner, are you? At least you'll buy a normal watch in Moscow and throw this childish stuff right in the Moskva River. We'll show you the Ve De eN Ha and the tallest building in Europe: Moscow City Block Tsé.

"No, thank you" answered Langdon. "I'm fine here".

"How want. Destiny-turkey, life one cent." the Typing Man answered in his special language and a beeping Hummer escorted by carabinieri drove directly to the holy square. The Beautiful Lady briefly turned around and looked at Langdon for a second. At that moment Robert was unsure what broke his heart more: her departure or the coming apocalypse. The noisy company in bizarre Egyptian polos got into the mastodon and immediately headed towards the A91 motorway heading for Leonardo da Vinci Airport in Fiumicino.

Langdon turned around and saw the camerlengo running toward the helicopter with a flashing box in his hands. The situation was going out of control and demanded Langdon's active involvement. He ran after the camerlengo. He had a lot to do that night: jump into the Tiber from an altitude of 6,000 feet, meet Miss Vetra in Hotel Bernini and, last but not least, save the world.

June 2009